

История завоевания Перу

Уильям Хиклинг Прескотт

History of the Conquest of Peru

William Hickling Prescott

Электронная книга проекта Гутенберга по истории завоевания Перу

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: История завоевания Перу

Автор: Уильям Хиклинг Прескотт

Дата выхода: 1 февраля 1998 г. [Электронная книга №1209]

Последнее обновление: 23 февраля 2014 г.

Язык: Английский

Втитрах: Продюсер Марк Рехорст

*** ЗАПУСК ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ИСТОРИЯ ЗАВОЕВАНИЯ ПЕРУ" ***

Продюсер - Марк Рехорст, mrehorst@fmi.fujitsu.com

(Смотрите также #1323, немного другую версию со сносками)

История завоевания Перу Уильямом Хиклингом Прескоттом

"Congestae cumulantur opes, orbisque rapinas Accipit."

Клавдиан, B Ruf., lib. i., v. 194.

"So color de religion

Van a buscar plata y oro

Del encubierto tesoro."

Lope De Vega, El Nuevo Mundo, Jorn. 1.

Предисловие

Самые блестящие эпизоды в истории испанских приключений в Новом Свете, несомненно, связаны с завоеваниями Мексики и Перу — двух государств, которые сочетали в себе самую обширную империю, утонченное социальное устройство и значительный прогресс в искусстве цивилизации. Действительно, они настолько заметно выделяются на великом полотне истории, что название одного, несмотря на контраст, который они демонстрируют в своих соответствующих учреждениях, самым естественным образом наводит на мысль о другом; и когда я отправлялся в Испанию собирать материалы для отчета о завоевании Мексики, я включил в свои исследования те, которые относятся к завоеванию Перу.

Большая часть документов в обоих случаях была получена из одного и того же огромного хранилища — архива Королевской академии истории в Мадриде; органу, специально

уполномоченному сохранять все, что может служить иллюстрацией к испанским колониальным анналам. Вероятно, самая богатая часть его коллекции - это документы Муньоса. Этот выдающийся ученый, историограф Индии, потратил почти пятьдесят лет своей жизни на сбор материалов для истории испанских открытий и завоеваний Америки. Для этого, поскольку он действовал под руководством правительства, ему были предоставлены все возможности; и государственные учреждения и частные хранилища во всех главных городах империи, как внутри страны, так и на обширной территории ее колониальных владений, были свободно открыты для его осмотра. Результатом стала великолепная коллекция рукописей, многие из которых он терпеливо переписал собственноручно. Но он не дожил до того, чтобы пожать плоды своего упорного труда. Первый том, посвященный путешествиям Колумба, едва был закончен, когда он умер; и его рукописи, по крайней мере, та их часть, которая относится к Мексике и Перу, были предназначены для использования другим человеком, жителем того Нового Света, к которому они относятся.

Еще один ученый, литературным запасам которого я в значительной степени обязан, - дон Мартин Фернандес де Наваррете, покойный директор Королевской академии истории. Большую часть своей долгой жизни он был занят сбором оригиналов документов, иллюстрирующих колониальные анналы. Многие из них были включены в его великую работу "Собрание свидетельств и описаний", которая, хотя и далека от завершения в соответствии с первоначальным планом ее автора, представляет неоценимую услугу историку. Следуя по пути открытий, Наваррете отошел от завоеваний Мексики и Перу, чтобы показать путешествия своих соотечественников по индийским морям. Свои рукописи, относящиеся к двум бывшим странам, он любезно разрешил скопировать для меня. Некоторые из них с тех пор появились в печати под эгидой его ученых помощников, Сальвы и Баранды, связанных с ним в Академии; но документы, оказавшиеся в моих руках, являются наиболее важным вкладом в мои материалы по современной истории.

Смерть этого выдающегося человека, произошедшая через некоторое время после начала настоящей работы, оставила в его стране пустоту, которую нелегко заполнить; ибо он был ревностно предан литературе, и мало кто сделал больше для расширения знаний о ее колониальной истории. Далекий от исключительной заботы о своих собственных литературных проектах, он всегда был готов выразить свое сочувствие и помощь другим. Его репутация ученого была укреплена высшими качествами, которыми он обладал как человек, — его доброжелательностью, простотой манер и незапятнанными моральными качествами. Мои собственные обязательства перед ним велики; ибо с момента публикации моего первого исторического труда вплоть до последней недели его жизни я постоянно получал от него доказательства его искреннего и самого действенного интереса к продолжению моих исторических трудов; и теперь я тем охотнее отдаю эту заслуженную дань его заслугам, что это не должно быть заподозрено в лести.

В список тех, кому я обязан материалами, я должен также включить имя месье Терно-Компанса, столь хорошо известного своими точными и элегантными французскими версиями рукописей Муньоса; и имя моего друга дона Паскуаля де Гаянгоса, который под скромной личиной переводчика составил наиболее острый и ученый комментарий к испано—арабской истории, обеспечив себе первое место в этом сложном отделе литературы, освещенном трудами Масдеу, Касири и Конде.

К материалам, почерпнутым из этих источников, я добавил несколько важных рукописей из библиотеки Эскуриала. Они, относящиеся в основном к древним институтам Перу, составили часть великолепной коллекции лорда Кингсборо, которая, к сожалению, разделила судьбу большинства литературных собраний и была рассеяна после смерти своего благородного автора. За них я в долгу перед трудолюбивым библиографом мистером О. Ричом, ныне проживающим в Лондоне. Наконец, я не могу не упомянуть о своих обязательствах перед моим другом Чарльзом Фолсомом, эсквайром, ученым библиотекарем Бостонского атенеума, чье тщательное знакомство с грамматической структурой и истинными идиомами нашего английского языка позволило мне исправить многие неточности, в которые я впал при написании как этой, так и моих предыдущих работ.

Из этих различных источников я собрал большое количество рукописей самого разнообразного характера, взятых из самых достоверных источников; королевские гранты и постановления, инструкции двора, письма императора к высшим офицерам колонии, муниципальные отчеты, личные дневники и меморандумы, а также массу частной переписки главных действующих лиц этой бурной драмы. Возможно, именно беспокойное состояние страны привело к более частой переписке между правительством на родине и колониальными офицерами. Но, какова бы ни была причина, собрание рукописных материалов, относящихся к Перу, более полное, чем то, что относится к Мексике; так что на пути искателя приключений едва ли найдется такой темный уголок, который не был бы пролит на него некоторый свет благодаря письменной переписке того периода. Историк, скорее, имел повод пожаловаться на смущение богачей, ибо во множестве противоречивых свидетельств не всегда легко обнаружить истину, поскольку множество перекрестных огней способно ослеплять и сбивать с толку глаза наблюдателя.

Нынешняя история велась по тому же общему плану, что и история завоевания Мексики. Во Вступительной книге я попытался описать институты инков, чтобы читатель мог ознакомиться с характером и состоянием этой необычной расы, прежде чем он приступит к истории их порабощения. Остальные книги посвящены повествованию о Завоевании. И здесь тема, надо признать, несмотря на те возможности, которые она предоставляет для проявления характера, странного, романтического происшествия и живописных пейзажей, не дает историку столь очевидных преимуществ, как завоевание Мексики. Действительно, немногие сюжеты могут провести параллель с этим для целей историка или поэта. Естественное развитие сюжета здесь - это именно то, что было бы предписано самыми строгими правилами искусства. Завоевание страны - это великая цель, которая всегда видится читателю. Начиная с первой высадки испанцев на землю, их последующих приключений, их сражений и переговоров, их разорительного отступления, их объединения и последней осады, все ведет к этому грандиозному результату, пока длинная череда событий не завершается падением столицы. В ходе событий все неуклонно движется вперед к этому завершению. Это великолепная эпопея, в которой единство интересов является полным.

В "Завоевании Перу" действие, поскольку оно основано на ниспровержении власти инков, заканчивается задолго до окончания повествования. Оставшаяся часть посвящена ожесточенным расправам Завоевателей, которые, казалось бы, по самой своей природе не могут быть сосредоточены вокруг центральной достопримечательности. Чтобы добиться этого, мы должны смотреть дальше немедленного свержения индийской империи. Покорение туземцев - это всего лишь первый шаг, за которым последует покорение испанцев, самих мятежных испанцев, пока власть короны над страной не установится навсегда. Только в этот период

можно сказать, что приобретение этой Трансатлантической империи завершено; и, сосредоточив внимание на этой отдаленной точке, можно обнаружить, что последовательные этапы повествования ведут к одному великому результату и сохраняется то единство интересов, которое едва ли менее важно для исторического, чем для драматического произведения. Насколько это было достигнуто в настоящей работе, следует оставить на усмотрение читателя.

Насколько мне известно, испанцы не пытались создать историю завоевания Перу, основанную на подлинных документах и претендующую на звание классического произведения, подобного "Завоеванию Мексики" Солиса. У англичан есть одно ценное произведение, вышедшее из-под пера Робертсона, чей виртуозный набросок занимает должное место в его великом труде об Америке. Моей целью было показать эту же историю во всех ее романтических подробностях; не просто изобразить характерные черты Завоевания, но наполнить канву красками жизни, чтобы представить точную картину того времени. С этой целью при написании произведения я свободно пользовался моими рукописными материалами, позволил действующим лицам высказываться как можно больше от своего имени и особенно часто пользовался их письмами; ибо нигде сердце не раскрывается с большей вероятностью, чем в свободе частной переписки. Я сделал обширные выдержки из этих авторитетных источников в примечаниях, как для поддержания текста, так и для того, чтобы перевести в печатную форму те произведения выдающихся капитанов и государственных деятелей того времени, которые не очень доступны самим испанцам.

Г-н Амедей Пишо в Предисловии к французскому переводу "Завоевания Мексики" делает вывод из плана сочинения, что я, должно быть, внимательно изучал труды его соотечественника, г-на де Баранте. Проницательный критик отдает мне должное, предполагая, что я знаком с принципами исторической теории этого писателя, столь умело развитой в Предисловии к его "Герцогам Бургундским". И у меня была возможность восхититься искусной манерой, с которой он сам иллюстрирует эту теорию, создавая из грубых материалов далеких времен гениальный памятник, который сразу переносит нас в гущу феодальных эпох, - и это без несоответствий, которые обычно присущи современной античности. Подобным образом я попытался уловить характерное выражение далекой эпохи и показать его в свежести жизни. Но в существенной особенности я отклонился от плана французского историка. Я оставил строительные леса после завершения строительства. Другими словами, я показал читателю этапы процесса, с помощью которого я пришел к своим выводам. Вместо того чтобы требовать от него принять мою версию этой истории на веру, я постарался дать ему основания для моей веры. Обильными цитатами из первоначальных источников и такими критическими замечаниями о них, которые объяснили бы ему влияние, которому они подверглись, я попытался поставить его в положение, при котором он мог бы судить сам и, таким образом, пересмотреть и, при необходимости, обратить вспять суждения историка. Во всяком случае, таким образом он сможет оценить трудность достижения истины среди противоречий свидетельств; и он научится мало доверять тем авторам, которые говорят о таинственном прошлом с тем, что Фонтенель называет "ужасающей степенью уверенности", — духом, наиболее противоположным духу истинной философии истории.

И все же следует признать, что хронист, описывающий события более ранней эпохи, имеет некоторые очевидные преимущества в запасе имеющихся в его распоряжении рукописных материалов — высказываний друзей, соперников и врагов, обеспечивающих здоровый противовес друг другу; а также в общем ходе событий, как они происходили на самом деле, дающих наилучший комментарий об истинных мотивах сторон. Актер, вовлеченный в разгар

борьбы, обнаруживает, что его кругозор ограничен окружающим его кругом, а зрение ослеплено дымом и пылью конфликта: в то время как зритель, чей взгляд скользит по земле с более отдаленной и возвышенной точки, хотя отдельные объекты могут несколько утратить свою яркость, одним взглядом улавливает все происходящее на поле боя. Каким бы парадоксальным это ни казалось, истина, основанная на свидетельствах современников, в конце концов, представляется столь же вероятной для писателя более позднего времени, как и для самих современников.

Прежде чем завершить эти замечания, мне, возможно, будет позволено добавить несколько замечаний личного характера. В нескольких зарубежных заметках о моих произведениях говорилось, что автор был слеп; и не раз мне приписывали потерю зрения при написании моей первой истории. Когда я сталкивался с такими ошибочными отчетами, я поспешал их исправить. Но нынешний случай предоставляет мне наилучший способ сделать это; и я тем более желаю этого, что, боюсь, некоторые из моих собственных замечаний в предисловиях к моим предыдущим историям привели к ошибке.

Во время учебы в университете я получил травму одного глаза, которая лишила меня зрения. Другой, вскоре после этого, подвергся такому сильному воспалению, что на некоторое время я потерял из виду и его; и хотя впоследствии он был восстановлен, орган был настолько сильно поврежден, что оставался постоянно ослабленным, в то время как с тех пор дважды в моей жизни я был лишен возможности использовать его для любых целей чтения и письма, в течение нескольких лет подряд. Именно в один из таких периодов я получил из Мадрида материалы для "Истории Фердинанда и Изабеллы", и в моем инвалидном состоянии, когда вокруг меня лежали мои трансатлантические сокровища, я был подобен человеку, изнывающему от голода посреди изобилия. В этом состоянии я решил заставить ухо, если возможно, выполнять работу глаза. Я воспользовался услугами секретаря, который зачитывал мне различные авторитетные источники; и со временем я настолько освоился со звуками различных иностранных языков (к некоторым из которых я действительно был ранее приучен, проживая за границей), что мог понимать его чтение без особых трудностей. По мере того как читатель продолжал, я диктовал обширные заметки; и когда они разрослись до значительного объема, мне их зачитывали неоднократно, пока я не усвоил их содержание в достаточной степени для целей составления. Те же примечания послужили простым справочным материалом для поддержания текста.

Возникла еще одна трудность в механическом труде письма, который я счел суровым испытанием для глаз. Это было исправлено с помощью письменного ящика, каким пользуются слепые, который позволял мне переносить свои мысли на бумагу без помощи зрения, одинаково хорошо служа мне как в темноте, так и при свете. Образованные таким образом символы были близки к иероглифам; но мой секретарь стал экспертом в искусстве расшифровки, и точная копия — с большой поправкой на неизбежные ошибки — была переписана для использования в типографии. Я описал этот процесс более подробно, поскольку неоднократно высказывалось некоторое любопытство по поводу моего образа действий в условиях моих лишений, и знание этого может оказать некоторую помощь другим в аналогичных обстоятельствах.

Хотя я был воодушевлен ощутимым прогрессом в моей работе, он неизбежно был медленным. Но со временем склонность к воспалению уменьшилась, и сила глаза подтверждалась все больше и больше. В конце концов она была восстановлена настолько, что я мог читать по

несколько часов в день, хотя мои труды таким образом обязательно заканчивались с рассветом. Я также никогда не мог обойтись без услуг секретаря или письменного стола; ибо, вопреки обычному опыту, я обнаружил, что писание является более суровым испытанием для глаз, чем чтение, - замечание, однако, которое не относится к чтению рукописи; и поэтому, чтобы дать себе возможность более тщательно пересмотреть свое сочинение, я распечатал экземпляр "Истории Фердинанда и Изабеллы" для моего личного ознакомления, прежде чем отправить его в типографию для публикации. Таково, как я описал, было улучшенное состояние моего здоровья во время подготовки к "Завоеванию Мексики"; и, довольный тем, что я поднялся почти до уровня остальных представителей моего вида, я едва ли завидовал исключительной удаче тех, кто мог продолжать свои занятия до вечера и в более поздние часы ночи.

Но за последние два года снова произошли изменения. Зрение моего глаза постепенно затуманилось, в то время как чувствительность нерва настолько возросла, что в течение нескольких недель последнего года я не открывал ни одного тома, и все это время я пользовался им в среднем не более часа в день. Я также не могу подбадривать себя обманчивым ожиданием, что, каким бы ослабленным ни стал этот орган из-за того, что ему, вероятно, была поручена задача, превышающая его силы, он когда-нибудь сможет возобновить свою молодость или сослужить мне большую службу в моих литературных изысканиях в будущем. Хватит ли у меня духу взяться, как я предполагал, за новую и более обширную область исторического труда с учетом этих препятствий, я сказать не могу. Возможно, долгая привычка и естественное желание продолжить карьеру, к которой я так долго стремился, могут сделать это в некотором роде необходимым, поскольку мой прошлый опыт уже доказал, что это осуществимо.

Из этого заявления — боюсь, слишком долгого для его терпения — читатель, испытывающий хоть какое-то любопытство по этому поводу, поймет истинную степень моих затруднений в моих исторических исследованиях. То, что они были не очень легкими, будет легко признать, если учесть, что я лишь ограниченно пользовался своим зрением в его лучшем состоянии и что большую часть времени я был вообще лишен возможности им пользоваться. И все же трудности, с которыми мне пришлось столкнуться, намного уступают тем, которые выпадают на долю слепого человека. Я не знаю ни одного ныне живущего историка, который мог бы претендовать на славу преодоления подобных препятствий, кроме автора книги "Победа Англичанина над нормандцами"; который, выражаясь его собственным трогательным и прекрасным языком, "подружился с тьмой"; и который с глубокой философией, требующей не света, а света изнутри, объединяет способность к обширным и разнообразным исследованиям, которые вполне могут потребовать самого сурового применения от ученика.

Я надеюсь, что читатель отнесет эти пространные замечания к недостойному эгоизму, но укажет на их истинный источник — желание исправить неправильное понимание, которому я, возможно, сам непреднамеренно дал повод и которое принесло мне некоторую — отнюдь не благодарную моим чувствам, поскольку незаслуженную - славу преодолеть неисчислимые препятствия, стоящие на пути слепого человека.

Бостон, 2 апреля 1847 года.

История завоевания Перу

Уильям Хиклинг Прескотт

Книга 1

Введение

Взгляд на цивилизацию инков

Глава 1

Физический облик страны—Истоки перуанской цивилизации—Империя Инков—Королевская семья—Знать

Из многочисленных наций, населявших великий американский континент во времена его открытия европейцами, двумя наиболее развитыми по могуществу и утонченности, несомненно, были Мексика и Перу. Но, хотя они и были похожи друг на друга по уровню цивилизации, они сильно различались по ее природе; и изучающий философию своего вида может испытывать естественное любопытство к тому, чтобы проследить различные шаги, с помощью которых эти две нации стремились выйти из состояния варварства и занять более высокую ступеньку на шкале человечества. В одной из своих предыдущих работ я попытался показать институты и характер древних мексиканцев, а также историю их завоевания испанцами. Настоящее будет посвящено перуанцам; и, если окажется, что в их истории меньше странных аномалий и разительных контрастов, чем в истории ацтеков, она может заинтересовать нас не меньше, поскольку в ней представлена приятная картина хорошо организованного правительства и трезвых привычек в промышленности при патриархальном правлении инков.

Империя Перу в период испанского вторжения простиралась вдоль Тихого океана примерно от второго градуса северной широты до тридцать седьмого градуса южной широты; эта линия также описывает западные границы современных республик Эквадор, Перу, Боливия и Чили. Ее ширину не так-то легко определить; ибо, хотя на западе она повсюду ограничена великим океаном, на востоке она простиралась во многих частях значительно дальше гор, до границ варварских государств, точное местоположение которых не определено или названия которых стерты с исторической карты. Однако несомненно, что его ширина была совершенно непропорциональна длине.¹

Топографический аспект страны очень примечателен. Полоса суши, редко превышающая двадцать лиг в ширину, тянется вдоль побережья и на всем своем протяжении ограничена колоссальной горной цепью, которая, продвигаясь от Магелланова пролива, достигает своей наивысшей высоты - действительно, самой высокой на американском континенте — примерно на семнадцатом градусе южной широты [2] и, перейдя эту линию, постепенно переходит в холмы незначительной величины по мере того, как она входит в Панамский перешеек. Это знаменитые Кордильеры Анд, или "медные горы" 3, как называют их местные жители, хотя с большим основанием их можно было бы назвать "золотыми горами". Расположенные иногда в одну линию, хотя чаще в две или три линии, идущие параллельно или наискосок друг к другу, они кажутся путешественнику по океану не более чем одной непрерывной цепью; в то время как огромные вулканы, которые для жителей плоскогорья выглядят как одинокие и независимые массы, кажутся нацеленными лишь на множество вершин одного и того же обширного и величественного хребта. Масштаб, с которым Природа действует в этих регионах, настолько огромен, что только при взгляде с большого расстояния зритель может в какой-то степени понять связь нескольких частей с колоссальным целым. Действительно, немногие творения

природы рассчитаны на то, чтобы производить впечатление более величественное, чем вид этого побережья, поскольку оно постепенно открывается взору моряка, плывущего по далеким водам Тихого океана; где гора возвышается над горой, а Чимборасо с его великолепным снежным пологом, сверкающим высоко над облаками, венчает все это, как небесная диадема.⁴

Облик страны, по-видимому, был бы особенно неблагоприятен как для целей сельского хозяйства, так и для внутренних коммуникаций. Песчаная полоса вдоль побережья, где никогда не бывает дождей, питается лишь несколькими скудными ручьями, которые представляют собой разительный контраст с огромными объемами воды, стекающими с восточных склонов Кордильер в Атлантику. Крутые склоны сьерры с ее расколотыми склонами из порфира и гранита и ее более высокие районы, покрытые снегами, которые никогда не тают под палящим солнцем экватора, если только это не результат опустошающего действия ее собственных вулканических пожаров, могут показаться столь же неблагоприятными для труда земледельца. И можно было бы подумать, что всякое сообщение между частями этой протяженной территории затруднено диким характером региона, изрезанного пропастями, яростными потоками и непроходимыми кебрадами - этими отвратительными трещинами в горной цепи, глубину которых тщетно пытается постичь глаз перепуганного путешественника, петляющего по своей воздушной тропе.⁵ И все же трудолюбия, можно даже сказать, гения индейца было достаточно, чтобы преодолеть все эти препятствия Природы.

Благодаря продуманной системе каналов и подземных акведуков пустынные места на побережье освежались обильными потоками, которые придавали им плодородие и красоту. Террасы поднимались по крутым склонам Кордильер; и так как разница в высоте обуславливалась различием широт, то на них в правильной градации были представлены все разновидности растительных форм, от стимулированного роста в тропиках до продуктов умеренного северного климата; в то время как стада лам — перуанских овец — бродили со своими пастухами по широким, покрытым снегом пустошам на гребнях сьерры, которые возвышались за пределами возделывания. Трудолюбивое население расселилось по возвышенным районам плато, и города и деревушки, громоздившиеся среди фруктовых садов и буйно разросшихся огородов, казались подвешенными в воздухе намного выше обычной высоты облаков. (6) Сообщение между этими многочисленными поселениями поддерживалось посредством больших дорог, которые пересекали горные перевалы и открывали легкое сообщение между столицей и самыми отдаленными уголками империи.

Истоки этой цивилизации восходят к долине Куско, центральному региону Перу, как следует из ее названия.⁷ Происхождение перуанской империи, как и происхождение всех наций, за исключением очень немногих, которым, подобно нашей, посчастливилось восходить к цивилизованному периоду и народу, теряется в тумане легенд, который, на самом деле, окутал ее историю столь же темным облаком, как и историю любой нации, древней или современной, в Старом Свете. Согласно традиции, наиболее знакомой европейскому ученому, было время, когда все древние расы континента были погружены в прискорбное варварство; когда они поклонялись почти всем объектам природы без разбора; сделали войну своим развлечением и пировали мясом своих убитых пленников. Солнце, великое светило и прародитель человечества, проявив сострадание к их униженному положению, послало двух своих детей, Манко Капака и маму Оэлло Уако, собирать туземцев в общины и обучать их искусствам цивилизованной жизни. Небесная пара, брат и сестра, муж и жена, продвигались по высокогорным равнинам в окрестностях озера Титикака, примерно до шестнадцатого градуса

южной широты. Они несли с собой золотой клин, и им было приказано поселиться на том месте, где священная эмблема должна была без усилий погрузиться в землю. Они прошли соответственно, но небольшое расстояние, до долины Куско, места, указанного совершением чуда, поскольку там клин быстро погрузился в землю и исчез навсегда. Здесь дети Солнца обосновались и вскоре приступили к выполнению своей благотворной миссии среди грубых жителей страны; Манко Капак обучал мужчин искусству земледелия, а мама Оэлло [8] посвящала свой пол в тайны ткачества и прядения. Простые люди охотно прислушались к вестникам Небес и, собравшись в значительном количестве, заложили фундамент города Куско. Те же мудрые и благожелательные принципы, которые регулировали поведение первых инков, 9 перешли к их преемникам, и под их мягким скипетром община постепенно распространилась по обширной поверхности плоскогорья, утвердив свое превосходство над окружающими племенами. Такова приятная картина происхождения перуанской монархии, описанная Гарсиласо де ла Вегой, потомком инков, и благодаря ему ставшая известной европейскому читателю.¹⁰

Но эта традиция - лишь одна из нескольких, распространенных среди перуанских индейцев, и, вероятно, не самая распространенная. В другой легенде говорится о неких белых и бородатых мужчинах, которые, придя с берегов озера Титикака, установили господство над туземцами и передали им блага цивилизации. Это может напомнить нам о существовавшей среди ацтеков традиции в отношении Кецалькоатля, доброго божества, которое в подобном одеянии и облике поднялось на великое плато с востока с аналогичной благотворительной миссией по отношению к туземцам. Аналогия тем более примечательна, что у этих двух народов нет никаких следов какого-либо общения или даже знания друг о друге.¹¹

Дата, обычно назначаемая для этих экстраординарных событий, была примерно за четыреста лет до прихода испанцев, или в начале двенадцатого века.¹² Но, какой бы приятной для воображения и популярной ни была легенда о Манко Капаке, она требует лишь небольшого размышления, чтобы показать ее невероятность, даже если ее лишить сверхъестественного сопровождения. На берегах озера Титикака и в наши дни сохранились обширные руины, которые, по признанию самих перуанцев, датируются более древними временами, чем предполагаемое пришествие инков, и которые были снабжены образцами их архитектуры.¹³ Дата их появления, действительно, явно несовместима с их последующей историей. Ни одно свидетельство не приписывает династии инков более тринадцати принцев до завоевания. Но это число в целом слишком мало, чтобы растянуться на четыреста лет, и, по любым вероятным подсчетам, оно не относит основания монархии дальше, чем на два с половиной столетия, - древность, которая сама по себе не невероятна и которая, можно заметить, не более чем на полвека предшествует предполагаемому основанию столицы Мексики. Вымысел о Манко Капаке и его сестре-жене был придуман, без сомнения, в более поздний период, чтобы удовлетворить тщеславие перуанских монархов и придать дополнительную санкцию их власти, приписав ее небесному происхождению.

Мы можем обоснованно заключить, что в стране существовала раса, развитая в цивилизации до времен инков; и, в соответствии почти со всеми традициями, мы можем вывести эту расу из окрестностей озера Титикака; ¹⁴ вывод, убедительно подтверждаемый внушительными архитектурными остатками, которые по прошествии стольких лет все еще сохранились на его границах. Кто была эта раса и откуда они пришли, может стать заманчивой темой для

расспросов любителя антиквариата. Но это страна тьмы, которая лежит далеко за пределами области истории.¹⁵

Тот же туман, который окутывает происхождение инков, продолжает окутывать их последующие летописи; и настолько несовершенными были записи, которыми пользовались перуанцы, и настолько запутанными и противоречивыми были их предания, что историк не находит твердой опоры, на которую можно было бы опереться, вплоть до столетия после испанского завоевания.¹⁶ Поначалу кажется, что прогресс перуанцев был медленным и почти незаметным. Своей мудрой и умеренной политикой они постепенно привлекли соседние племена к своему владычеству, по мере того как эти последние все больше и больше убеждались в преимуществах справедливого и хорошо регулируемого правительства. По мере того как они становились сильнее, у них появлялась возможность более непосредственно полагаться на силу; но, продолжая наступать под прикрытием тех же благовидных предлогов, которыми пользовались их предшественники, они провозглашали мир и цивилизацию на острие меча. Грубые народы страны, не имевшие никакого принципа сплоченности между собой, падали один за другим перед победоносной рукой инков. И все же только в середине пятнадцатого века знаменитый Топа Инка Юпанки, дед монарха, занявшего трон после прихода испанцев, повел свои армии через ужасную пустыню Атакама и, проникнув в южную область Чили, установил постоянную границу своих владений по реке Мауле. Его сын, Уайна Капак, обладавший честолюбием и военным талантом, полностью равным своему отцу, двинулся вдоль Кордильер на север и, продвинув свои завоевания за экватор, присоединил могущественное королевство Кито к империи Перу.¹⁷

Тем временем древний город Куско постепенно увеличивался в богатстве и численности населения, пока не превратился в достойную столицу великой и процветающей монархии. Он стоял в красивой долине на возвышенном участке плато, которое среди Альп было бы покрыто вечными снегами, но в тропиках отличалось приятной и целебной температурой. С севера он был защищен высоким холмом, отрогом великих Кордильер; и город пересекала река, или, скорее, небольшой ручей, через который были перекинuty деревянные мосты, покрытые тяжелыми каменными плитами, служившие легким средством сообщения с противоположными берегами. Улицы были длинными и узкими, дома низкими и более бедными, построенными из глины и тростника. Но Куско был королевской резиденцией и был украшен просторными жилищами высшей знати; и массивные фрагменты, все еще включенные во многие современные здания, свидетельствуют о размерах и основательности древних.¹⁸

Здоровью города способствовали просторные проемы и площади, на которых собиралось многочисленное население столицы и отдаленных стран, чтобы отпраздновать высокие праздники своей религии. Ибо Куско был "Священным городом" [19], а великий храм Солнца, к которому стекались паломники с самых дальних границ империи, был самым величественным сооружением в Новом Свете и, вероятно, не уступал по дороговизне своего убранства ни одному зданию в Старом.

К северу, на сьерре, или скалистом возвышении, о котором мы уже упоминали, возвышалась мощная крепость, остатки которой и в наши дни своими огромными размерами вызывают восхищение путешественников.²⁰ Он был защищен единственной стеной большой толщины и длиной в тысячу двести футов со стороны, обращенной к городу, где крутой характер местности сам по себе был почти достаточным для его обороны. С другой стороны, где подходы были

менее трудными, он был защищен двумя другими полукруглыми стенами той же длины, что и предыдущая. Они были разделены на значительном расстоянии друг от друга и от крепости; а промежуточная площадка была приподнята так, что стены служили бруствером для размещенных там войск во время штурма. Крепость состояла из трех отдельно стоящих башен. Одна из них принадлежала инкам и была украшена роскошными украшениями, подобающими королевской резиденции, а не военному посту. Два других удерживал гарнизон, набранный из перуанской знати, и командовал ими офицер королевской крови, поскольку позиция была слишком важной, чтобы ее можно было доверить подчиненным. Холм был раскопан под башнями, и несколько подземных галерей сообщались с городом и дворцами инков.²¹

Крепость, стены и галереи были построены из камня, тяжелые блоки которого укладывались не ровными рядами, а так, чтобы маленькие могли заполнять промежутки между большими. Они представляли собой нечто вроде деревенской поделки, будучи грубо обтесанными, за исключением краев, которые были искусно обработаны; и, хотя цемент не использовался, несколько блоков были подогнаны с такой точностью и соединены так плотно, что между ними невозможно было просунуть даже лезвие ножа.²² Многие из этих камней были огромного размера; некоторые из них достигали полных тридцати восьми футов в длину, восемнадцати в ширину и шести футов в толщину.²³

Мы преисполняемся изумления, когда вспоминаем, что эти огромные массы были вытесаны из их естественного русла и приданы им форму народом, не знающим применения железа; что они были доставлены из каменоломен, расположенных на расстоянии от четырех до пятнадцати лиг [24], без помощи вьючных животных; были перевезены через реки и ущелья, подняты на возвышенность в сьерре и, наконец, установлены там с высочайшей точностью, без знания инструментов и механизмов, знакомых европейцу. Говорят, что на строительстве этого грандиозного сооружения было задействовано двадцать тысяч человек, и на строительство ушло пятьдесят лет.²⁵ Как бы то ни было, мы видим в этом действия деспотизма, который полностью распоряжался жизнями и состоянием своих вассалов и который, каким бы мягким ни был его общий характер, относился к этим вассалам, когда они находились у него на службе, так же легкомысленно, как к грубым животным, заменой которым они служили.

Крепость Куско была всего лишь частью системы укреплений, установленных инками по всей территории своих владений. Эта система составляла заметную черту их военной политики; но прежде чем перейти к этой последней, будет уместно дать читателю некоторое представление об их гражданских институтах и схеме правления.

Скипетр инков, если верить их историку, передавался по непрерывной преемственности от отца к сыну через всю их династию. Что бы мы ни думали по этому поводу, представляется вероятным, что на право наследования мог претендовать старший сын Койи, или законной королевы, как ее называли, чтобы отличить ее от множества наложниц, разделявших привязанность государя.²⁶ Кроме того, королева отличалась, по крайней мере в более поздние царствования, тем обстоятельством, что была выбрана из числа сестер инки, - соглашение, которое, каким бы отвратительным ни было для представлений цивилизованных наций, было рекомендовано перуанцам, поскольку обеспечивало наследника короны из чистой расы небесного происхождения, не запятнанной какой-либо примесью земной плесени.²⁷

В ранние годы царственный отпрыск был вверен попечению амаутасов, или "мудрецов", как называли учителей перуанской науки, которые обучали его тем элементам знаний, которыми

обладали сами, и особенно громоздкому церемониалу их религии, в котором ему предстояло принять видное участие. Большое внимание уделялось также его военному образованию, имевшему последнее значение в государстве, которое, провозглашая мир и добрую волю, постоянно воевало за приобретение империи.

В этом военном училище он получил образование у таких знатных инков, которые были почти его ровесниками; ибо священное имя Инка — плодотворный источник неизвестности в их летописях — применялось безразлично ко всем, кто происходил по мужской линии от основателя монархии.²⁸ В возрасте шестнадцати лет ученики проходили публичный экзамен, предшествующий их вступлению в то, что можно назвать рыцарским орденом. Этот экзамен проводился некоторыми из старейших и наиболее прославленных инков. Кандидаты должны были проявить свою доблесть в атлетических упражнениях воина; в борьбе и боксе, в беге на такие длительные дистанции, которые полностью проверяли их ловкость и силу, в суровых постах продолжительностью в несколько дней и в мимических поединках, которые, хотя оружие было затуплено, всегда сопровождалось ранениями, а иногда и смертью. Во время этого судебного разбирательства, длившегося тридцать дней, царственный неофит чувствовал себя не лучше своих товарищей, спал на голой земле, ходил босиком и носил убогую одежду — предполагалось, что такой образ жизни может внушить ему больше сочувствия к обездоленным. Однако, несмотря на всю эту демонстрацию беспристрастности, вероятно, не будет несправедливостью по отношению к судьям предположить, что политическая осмотрительность, возможно, несколько ускорила их восприятие реальных достоинств предполагаемого наследника.

По истечении назначенного срока кандидаты, отобранные как достойные почестей своего варварского рыцарства, были представлены государю, который снизошел до того, чтобы принять главное участие в церемонии инаугурации. Он начал с краткой речи, в которой, поздравив молодых претендентов с мастерством, которое они показали в боевых упражнениях, он напомнил им об ответственности, связанной с их рождением и положением; и, ласково называя их "детьми Солнца", он призвал их подражать своему великому прародителю в его славном служении человечеству. Затем послушники приблизились, и, становясь один за другим на колени перед инкой, он проткнул им уши золотыми нитками; и им позволили оставаться там до тех пор, пока не было сделано отверстие, достаточно большое для огромных подвесок, которые были характерны для их ордена и которые дали им, у испанцев, название орехонес.²⁹ Это украшение было настолько массивным в ушах государя, что хрящи от него растягивались почти до плеча, создавая то, что в глазах европейцев казалось чудовищным уродством, хотя под магическим влиянием моды местные жители считали его красивым.

Когда производилась эта операция, один из самых почтенных дворян одевал ноги кандидатов в сандалии ордена, что может напомнить нам церемонию надевания шпор христианскому рыцарю. Затем им было позволено надеть пояс вокруг чресел, соответствующий римской тоге вирилис и намекающий на то, что они достигли зрелого возраста. Их головы были украшены цветочными гирляндами, которые своими разнообразными цветами символизировали милосердие и доброту, которые должны украшать характер каждого настоящего воина; а листья вечнозеленого растения были смешаны с цветами, чтобы показать, что этим добродетелям не будет конца.³⁰ Голова принца была дополнительно украшена лентой, или бахромой с кисточками, желтого цвета, сделанной из тонких нитей шерсти викуньи, которая окружала лоб в качестве своеобразного знака отличия предполагаемого наследника. Затем появилась большая

часть инкской знати и, начав с ближайших родственников, преклонила колени перед принцем и засвидетельствовала ему свое почтение как наследнику короны. Затем все собрание переместилось на главную площадь столицы, где песни, танцы и другие народные гуляния завершили важный церемониал ураку.³¹

Читатель будет менее удивлен сходством этого церемониала с посвящением в рыцари-христиане в феодальные эпохи, если он подумает, что аналогичную аналогию можно проследить в учреждениях других более или менее цивилизованных народов; и что вполне естественно, что нации, занятые одним великим делом - войной, отмечали период, когда завершалось подготовительное обучение к ней, подобными характерными церемониями. С честью пройдя через это испытание, предполагаемый наследник был признан достойным заседать в советах своего отца и получил работу в доверенных учреждениях дома или, что более обычно, был отправлен в дальние экспедиции для применения в полевых условиях уроков, которые он до сих пор изучал только на имитированном театре военных действий. Его первые кампании проводились под командованием прославленных командиров, поседевших на службе у его отца; пока, набравшись лет и опыта, он сам не был назначен командующим и, подобно Уайне Капаку, последнему и самому прославленному из своего рода, не пронес знамя радуги, гербовый знак своего дома, далеко за границы, среди самых отдаленных племен плато.

Правительство Перу было деспотией, мягкой по своему характеру, но по своей форме чистой и неприкрытой. Государь находился на неизмеримом расстоянии от своих подданных. Даже самый гордый из знати инков, заявлявший о своем происхождении от того же божественного первоисточника, что и он сам, не мог отважиться предстать перед королем, разве что босиком и с легкой ношей на плечах в знак почтения.³² Как представитель Солнца, он стоял во главе жрецов и председательствовал на самых важных религиозных праздниках.³³ Он собирал армии и обычно командовал ими лично. Он взимал налоги, издавал законы и обеспечивал их исполнение, назначая судей, которых смещал по своему усмотрению. Он был источником, из которого вытекало все: все достоинство, вся власть, все вознаграждение. Короче говоря, он был, по хорошо известному выражению европейского деспота, "самим государством" ³⁴.

Инка утверждал свои притязания как высшее существо, придавая своему образу жизни помпезность, рассчитанную на то, чтобы навязать ее своему народу. Его платье было из тончайшей шерсти викуни, богато выкрашенной и украшенной множеством золота и драгоценных камней. Вокруг его головы был повязан тюрбан из разноцветных складок, называемый ллауту; бахрома с кисточками, подобная той, что носил принц, но алого цвета, с двумя перьями редкой и любопытной птицы, называемой коракенке, расположенными вертикально, были отличительными знаками королевской власти. Птицы, от которых были получены эти перья, были найдены в пустынной местности среди гор; и уничтожить или забрать их было равносильно смерти, поскольку они предназначались исключительно для королевских головных уборов. Каждому последующему монарху вручалась новая пара этих перьев, и его доверчивые подданные наивно верили, что когда-либо существовали только две особи этого вида, способные послужить простым украшением диадемы инков.³⁵

Хотя перуанский монарх был возвышен настолько высоко над самыми высокопоставленными из своих подданных, он снизошел до того, чтобы время от времени общаться с ними, и лично приложил немало усилий, чтобы проверить состояние более скромных слоев населения. Он председательствовал на некоторых религиозных празднествах и по этим случаям принимал за

своим столом знатных людей, делая им комплименты по обычаю более цивилизованных наций, выпивая за здоровье тех, кого ему больше всего доставляло удовольствие чествовать.³⁶

Но самым эффективным средством общения инков со своим народом были их путешествия по империи. Они проводились с интервалом в несколько лет с большой помпой и великолепием. Паланкин, или носилки, в которых они путешествовали, богато украшенные золотом и изумрудами, охранялся многочисленным эскортом. Люди, которые несли его на своих плечах, были предоставлены двумя городами, специально предназначенными для этой цели. Это был пост, на который никто не желал претендовать, если, как утверждается, падение каралось смертью.³⁷ Они путешествовали легко и быстро, останавливаясь в тамбо, или гостиницах, воздвигнутых правительством по пути следования, а иногда и в королевских дворцах, которые в больших городах предоставляли достаточно места для всей свиты монарха. Благородные дороги, пересекавшие плоскогорье, были заполнены людьми, которые сметали с их поверхности камни и стерню, усыпали их душистыми цветами и соперничали друг с другом в переноске багажа из одной деревни в другую. Монарх время от времени останавливался, чтобы выслушать жалобы своих подданных или уладить некоторые вопросы, которые были переданы на его решение обычными трибуналами. Пока королевская свита петляла по горным перевалам, повсюду толпились зрители, жаждущие хоть мельком взглянуть на своего государя; и когда он приподнял занавески своих носилок и предстал их взорам, воздух сотрясли одобрительные возгласы, когда они призвали благословения на его голову.³⁸ Традиция издавна увековечивала места, в которых он останавливался, и простые жители страны относились к ним с почтением, как к местам, освященным присутствием инки.³⁹

Королевские дворцы отличались великолепием и отнюдь не ограничивались столицей или несколькими главными городами, а были разбросаны по всем провинциям их огромной империи.⁴⁰ Здания были низкими, но занимали обширную территорию. Некоторые квартиры были просторными, но обычно они были маленькими и не сообщались друг с другом, за исключением того, что выходили на общую площадь или двор. Стены были сложены из каменных блоков различных размеров, подобных тем, что описаны в крепости Куско, грубо обтесанных, но тщательно обработанных вблизи линии соединения, которая была едва заметна глазу. Крыши были деревянными или тростниковыми, которые погибли под грубым прикосновением времени, что проявило больше уважения к стенам зданий. Все это, по-видимому, характеризовалось основательностью и прочностью, а не какой-либо попыткой архитектурной элегантности.⁴¹

Но какой бы недостаток элегантности ни был во внешнем виде императорских жилищ, он с лихвой компенсировался внутренним убранством, в котором демонстративно демонстрировалось все богатство перуанских принцев. Стены апартаментов были густо украшены золотыми и серебряными украшениями. Ниши, сделанные в стенах, были заполнены изображениями животных и растений, причудливо выполненными из тех же дорогих материалов; и даже большая часть домашней мебели, включая посуду, предназначенную для самых обычных слуг, демонстрировала такое же бессмысленное великолепие! ⁴² К этим великолепным украшениям примешивались богато раскрашенные ткани тонкой выделки из перуанской шерсти, которые имели такую красивую текстуру, что испанские монархи, имевшие в своем распоряжении всю роскошь Европы и Азии, не брезговали ими.⁴³ Королевский двор состоял из множества слуг, поставляемых из соседних городов и деревень, которые, как и в

Мексике, были обязаны снабжать монарха топливом и другими предметами первой необходимости для дворцового потребления.

Но любимая резиденция инков находилась в Юкае, примерно в четырех лье от столицы. В этой восхитительной долине, заключенной в дружеские объятия сьерры, которая защищала ее от резких восточных бризов и освежалась бьющими фонтанами и ручьями бегущей воды, они построили самый красивый из своих дворцов. Здесь, устав от городской пыли и тяжелого труда, они любили уединяться и утешаться обществом своих любимых наложниц, бродя среди рощ и воздушных садов, которые распространяли вокруг себя мягкие, опьяняющие ароматы и усыпляли чувства сладострастным отдыхом. Здесь они также любили предаваться роскоши своих ванн, наполняемых потоками кристально чистой воды, которые по подземным серебряным каналам поступали в золотые бассейны. Просторные сады изобиловали многочисленными разновидностями растений и цветов, которые без труда произрастали в этом умеренном регионе тропиков, в то время как рядом с ними были высажены партеры более необычного вида, сияющие различными формами растительной жизни, искусно имитированными золотом и серебром! Среди них особенно выделяется индийская кукуруза, самая красивая из американских зерновых культур, и обращает на себя внимание любопытная работа, с которой золотой колос был наполовину раскрыт среди широких серебристых листьев, а легкая кисточка из того же материала изящно спускалась с его верхушки.⁴⁴

Если эта ослепительная картина поколеблет веру читателя, он может подумать, что перуанские горы изобиловали золотом; что местные жители в значительной степени владели искусством разработки рудников; что ни одна часть руды, как мы увидим ниже, не была обращена в монеты и что вся она перешла в руки монарха исключительно для его собственной выгоды, будь то в целях полезности или украшения. Несомненно то, что ни один факт не может быть лучше засвидетельствован самими Завоевателями, у которых было достаточно средств получения информации и не было мотива для искажения фактов. Итальянские поэты в своих великолепных картинах садов Альчины и Морганы подошли ближе к истине, чем они себе представляли.

Однако наше удивление может быть обоснованно преувеличено, если учесть, что богатство, продемонстрированное перуанскими принцами, было лишь тем, которое каждый накопил индивидуально для себя. Он ничем не был обязан наследству от своих предшественников. После смерти инки его дворцы были заброшены, всем его сокровищам, за исключением того, что было использовано для погребения, его мебели и одежде, было позволено оставаться в том виде, в каком он их оставил, а его особняки, за исключением одного, были закрыты навсегда. Новый государь должен был обеспечить себя всем новым для своего королевского государства. Причиной этого было распространенное поверье, что душа усопшего монарха вернется через некоторое время, чтобы оживить его тело на земле; и они хотели, чтобы он нашел все, к чему он привык при жизни, подготовленным для его приема.⁴⁵

Когда инка умирал или, говоря его собственным языком, "возвращался домой, в обители своего отца, Солнца" ⁴⁶, его похороны проводились с большой pompой и торжеством. Из тела извлекли внутренности и поместили в храме Тампу, примерно в пяти лигах от столицы. Некоторое количество его посуды и драгоценностей было похоронено вместе с ними, и на его могиле было принесено в жертву несколько его слуг и любимых наложниц, число которых иногда, как говорят, доходило до тысячи.⁴⁷ Некоторые из них проявляли естественное отвращение к жертвоприношениям, которые иногда проявляли жертвы аналогичного суеверия в Индии. Но,

вероятно, это были слуги и более скромная прислуга, поскольку известно, что женщины не в одном случае накладывали на себя руки, когда их удерживали от того, чтобы засвидетельствовать свою верность этим актом супружеского мученичества. За этой печальной церемонией последовал всеобщий траур по всей империи. С установленными интервалами в течение года люди собирались, чтобы возобновить выражения своей скорби, устраивались процессии со знаменем усопшего монарха; барды и менестрели были назначены для ведения хроники его достижений, и их песни продолжали репетироваться на больших празднествах в присутствии правящего монарха, — таким образом, воодушевляя живых славным примером умерших.⁴⁸

Тело умершего инки было искусно забальзамировано и перевезено в великий храм Солнца в Куско. Там перуанский правитель, входя в ужасное святилище, мог увидеть изображения своих царственных предков, выстроенных в противоположные ряды, — мужчин справа, а их цариц слева от великого светила, которое сияло сверкающим золотом на стенах храма. Тела, облаченные в королевские одежды, которые они привыкли носить, были помещены на золотые стулья и сидели, наклонив головы, безмятежно скрестив руки на груди, их лица сохраняли свой естественный смуглый оттенок, менее подверженный изменениям, чем более свежий цвет лица европейца, а их волосы были иссиня-черными или посеребренными с возрастом, в зависимости от периода, в который они умерли! Это было похоже на компанию торжественных молящихся, погруженных в благоговение, — настолько верны были формы и черты жизни. Перуанцы были столь же успешны, как и египтяне, в жалкой попытке увековечить существование тела за пределами, отведенными ему природой.⁴⁹

Они лелеяли еще более странную иллюзию в том внимании, которое продолжали уделять этим бесчувственным останкам, как будто те были наделены инстинктом жизни. Один из домов, принадлежавших умершему инке, был открыт и занят его охраной и слугами со всем подобающим королевской семье состоянием. В определенные праздники почитаемые тела монархов с большой церемонией выносились на общественную площадь столицы. Капитаны гвардии соответствующих инков рассылали приглашения различным вельможам и придворным чиновникам; и от имени их хозяев были организованы угощения, демонстрировавшие все обильное великолепие их сокровищ, — и "по этому случаю на большой площади Куско, - говорит древний хронист, - была устроена такая демонстрация золотой и серебряной посуды и драгоценных камней, какой никогда не видел ни один другой город в мире".⁵⁰ Банкет обслуживался слугами соответствующих домов, и гости наслаждались меланхолическим весельем. в присутствии королевского призрака с таким же вниманием к формам придворного этикета, как если бы председательствовал живой монарх! ⁵¹

Знать Перу состояла из двух сословий, первым и, безусловно, самым важным из которых было сословие инков, которые, хвастаясь общим происхождением со своим монархом, жили, так сказать, в отраженном свете его славы. Поскольку перуанские монархи пользовались правом полигамии в очень широких пределах, оставляя после себя семьи из одной или даже двух сотен детей⁵², дворяне королевской крови, хотя и имели только своих потомков по мужской линии, с годами стали очень многочисленными.⁵³ Они были разделены на разные линии, каждая из которых вела свою родословную от другого члена королевской династии, хотя все они заканчивались божественным основателем империи.

Они отличались многими исключительными и очень важными привилегиями; они носили особую одежду; говорили на диалекте, если можно верить хронисту, присущем только им самим; 54 и им была выделена лучшая часть общественного достояния для их содержания. Большинство из них жили при дворе, рядом с личностью принца, разделяя его советы, обедая за его столом или питаясь с его стола. Только они были допущены к высоким должностям в духовенстве. На них возлагалось командование армиями и отдаленными гарнизонами, они были расставлены по провинциям и, короче говоря, занимали все должности, пользовавшиеся высоким доверием и доходом.⁵⁵ Даже законы, суровые по своему общему содержанию, по-видимому, не были разработаны применительно к ним; и народ, наделяя весь орден частью священного облика, который принадлежал суверену, считал, что благородный инка не способен на преступление.⁵⁶

Другим сословием знати были куракасы, касики покоренных народов или их потомки. Правительство обычно оставляло их на своих местах, хотя от них требовалось время от времени посещать столицу и позволять своим сыновьям получать там образование в качестве залога их лояльности. Нелегко определить характер или степень их привилегий. Они обладали большей или меньшей властью, в зависимости от размеров их вотчины и количества их вассалов. Их власть обычно передавалась от отца к сыну, хотя иногда преемник избирался народом.⁵⁷ Они не занимали высших государственных постов или лиц, ближайших к личности государя, как дворяне по крови. Их власть, по-видимому, обычно была местной и всегда подчинялась территориальной юрисдикции крупных губернаторов провинций, которые были взяты у инков.⁵⁸

Действительно, именно инкская знать составляла реальную силу перуанской монархии. Связанные со своим принцем узами кровного родства, они испытывали к нему общие симпатии и, в значительной степени, общие интересы. Отличаясь от остальной части сообщества своеобразной одеждой и знаками отличия, а также языком и происхождением, они никогда не смешивались с другими племенами и нациями, вошедшими в состав великой перуанской монархии. По прошествии веков они все еще сохраняли свою индивидуальность как своеобразный народ. Они были для покоренных народов страны тем же, чем римляне были для варварских орд Империи, или норманны для древних обитателей Британских островов. Сгрудившись вокруг трона, они образовали непобедимую фалангу, чтобы защитить его как от тайных заговоров, так и от открытого восстания. Хотя они жили в основном в столице, они также были распределены по всей стране, занимая все ее высокие посты и занимая сильные военные посты, таким образом устанавливая линии связи с двором, которые позволяли государю действовать одновременно и результативно в самых отдаленных уголках своей империи. Более того, они обладали интеллектуальным превосходством, которое, не в меньшей степени, чем их положение, давало им авторитет среди народа. Действительно, можно сказать, что это было главной основой их авторитета. Череп расы инков демонстрирует решительное превосходство над другими расами страны в интеллектуальной мощи; ⁵⁹ и нельзя отрицать, что он был источником той особой цивилизации и социального устройства, которые возвысили перуанскую монархию над всеми другими государствами Южной Америки. Откуда произошла эта замечательная раса и какова была ее ранняя история, относятся к числу тех загадок, которые так часто встречаются нам в летописях Нового Света и которые время и антиквары пока мало что смогли объяснить.

Книга 1

Глава 2

Распоряжения государства—Положения о правосудии—Раздел земель-Доходы и Реестры—
Большие дороги и посты-Военная тактика и политика

Если мы удивляемся своеобразным чертам того, что можно назвать перуанской аристократией, то удивляемся еще больше, когда спускаемся к низшим слоям общества и видим очень искусственный характер их институтов, таких же искусственных, как в древней Спарте, и, хотя и по-другому, столь же противоречащих основным принципам нашей природы. Институты Ликурга, однако, были созданы для небольшого государства, в то время как институты Перу, хотя и изначально предназначались для этого, казались, подобно волшебному шатру из арабской сказки, способными к неограниченному расширению и были так же хорошо приспособлены к наиболее процветающему состоянию империи, как и к ее зарождающемуся состоянию. В этом замечательном приспособлении к изменению обстоятельств мы видим доказательства изобретательности, которая свидетельствует о немалом прогрессе цивилизации.

Название Перу не было известно местным жителям. Оно было дано испанцами и возникло, как говорят, из-за неправильного понимания индейского названия "река".¹ Как бы то ни было, несомненно, что у туземцев не было другого эпитета для обозначения большого собрания племен и наций, собравшихся под скипетром инков, кроме тавантинсуйу, или "четырёх четвертей света".² Это не удивит гражданина Соединенных Штатов, у которого нет другого названия, под которым он мог бы причислить себя к нациям, кроме того, которое заимствовано у четверти земного шара. ³ Королевство, соответственно своему названию, было разделено на четыре части, каждая из которых отличалась отдельным названием, и к каждой из которых вела одна из четырех больших дорог, расходящихся от Куско, столицы или пупка перуанской монархии. Город был подобным же образом разделен на четыре квартала; и различные расы, собравшиеся там из отдаленных частей империи, жили каждая в квартале, ближайшем к своей соответствующей провинции. Все они продолжали носить свои особые национальные костюмы, так что было легко определить их происхождение; и среди пестрого населения столицы царил тот же порядок и система расположения, что и в крупных провинциях империи. Столица, по сути, представляла собой миниатюрное изображение империи.⁴

Каждая из четырех великих провинций была подчинена вице-королю или губернатору, который управлял ими с помощью одного или нескольких советов различных департаментов. Эти вице-короли проживали, по крайней мере, часть своего времени, в столице, где они составляли своего рода государственный совет при инках.⁵ Нация в целом была разделена на декады или небольшие группы по десять человек; и каждый десятый человек или глава декады осуществлял надзор за остальными, будучи обязанным следить за тем, чтобы они пользовались правами и иммунитетами, на которые они имели право, обращаться за помощью от своего имени к правительству, когда это необходимо, и привлекать нарушителей к ответственности. К этому последнему их подтолкнул закон, налагавший на них в случае небрежности такое же наказание, какое понесла бы виновная сторона. С этим законом, висящим над его головой, магистрат Перу, как мы вполне можем полагать, не часто засыпал на своем посту.⁶

Народ был еще более разделен на отряды по пятьдесят, сто, пятьсот и тысяче человек, причем в каждом офицер осуществлял общий надзор за нижестоящими, а высшие обладали, в определенной степени, властью в вопросах полиции. Наконец, вся империя была разделена на части или департаменты с населением в десять тысяч человек, над каждым из которых стоял губернатор из знати инков, который контролировал куракас и других территориальных чиновников в округе. Существовали также регулярные трибуналы правосудия, состоящие из магистратов в каждом из городов или небольших общин, с юрисдикцией в отношении мелких правонарушений, в то время как дела более серьезного характера рассматривались вышестоящими судьями, обычно губернаторами или правителями округов. Все эти судьи сохраняли свою власть и получали поддержку от короны, которая назначала и смещала их по своему усмотрению. Они были обязаны рассматривать каждый иск в течение пяти дней с момента его подачи на их рассмотрение; и не было никакой апелляции от одного трибунала к другому. Тем не менее, существовали важные положения для обеспечения правосудия. Комиссия приезжих патрулировала королевство в определенное время для расследования характера и поведения магистратов; и любое пренебрежение или нарушение служебных обязанностей каралось самым образцовым образом. Суды низших инстанций также должны были ежемесячно представлять отчеты о своих разбирательствах вышестоящим инстанциям, и те аналогичным образом представляли отчеты вице-королям; так что монарх, восседающий в центре своих владений, мог, так сказать, заглядывать за границу, в самые отдаленные уголки, и рассматривать и исправлять любые злоупотребления в отправлении закона.⁷

Законы были немногочисленны и чрезвычайно суровы. Они касались почти исключительно уголовных дел. Мало какие другие законы были нужны народу, у которого не было денег, мало торговли и почти ничего, что можно было бы назвать постоянной собственностью. Такие преступления, как воровство, супружеская измена и убийство, карались смертной казнью, хотя было мудро предусмотрено, что для смягчения наказания могут быть допущены некоторые смягчающие обстоятельства.⁸ Богохульство против Солнца и проклятие инки — преступления, действительно, одного и того же цвета кожи, также карались смертью. Удаление ориентиров, перевод воды с земли соседа на свою собственную, поджог дома - все это сурово каралось. Сжечь мост означало смерть. Инки не допускали препятствий для этих средств связи, столь важных для поддержания общественного порядка. Мятежный город или провинция опустошались, а их жители истреблялись. Восстание против "Дитя Солнца" было величайшим из всех преступлений.⁹

Можно полагать, что простота и суровость перуанского кодекса свидетельствуют о малоразвитом состоянии общества, в котором было мало тех сложных интересов и отношений, которые возникают в цивилизованном сообществе, и которое недостаточно продвинулось в науке законодательства, чтобы уменьшить человеческие страдания, соразмеряя наказания с преступлениями. Но перуанские институты следует рассматривать с иной точки зрения, чем ту, с которой мы изучаем институты других стран. Законы исходили от суверена, и этот суверен имел божественное поручение и обладал божественной природой. Нарушение закона означало не только оскорбление величия трона, но и святотатство. Малейший проступок, рассматриваемый в таком свете, заслуживал смерти; и самое тяжкое не могло повлечь за собой более тяжкого наказания.¹⁰ И все же, применяя свои наказания, они не проявляли ненужной жестокости, и страдания жертвы не продлевались изощренными пытками, столь частыми у варварских народов.¹¹

Эти законодательные положения могут показаться нам весьма несовершенными даже по сравнению с положениями полукцивилизованных рас Анауака, где градация судов, к тому же с правом апелляции, обеспечивала сносную безопасность правосудия. Но в такой стране, как Перу, где известно лишь о нескольких преступлениях, право на апелляцию имело меньшее значение. Закон был прост, его применение - нетрудно; и там, где судья был честен, дело с такой же вероятностью было решено правильно на первом слушании, как и на втором. Проверка комиссии посетителей и ежемесячные отчеты трибуналов давали немалую гарантию их добросовестности. Закон, требующий принятия решения в течение пяти дней, казалось бы, мало подходит для сложного и запутанного судебного разбирательства в современном суде. Но в простых вопросах, представленных перуанскому судье, промедление было бы бесполезным; и испанцы, знакомые со злом, проистекающим из затянувшихся судебных процессов, где выигравший тяжбу слишком часто оказывается разоренным человеком, громко восхваляют это быстрое и экономичное правосудие.¹²

Фискальные правила инков и законы, касающиеся собственности, являются наиболее примечательными чертами перуанского государственного устройства. Вся территория империи была разделена на три части: одна для Солнца, другая для инков и последняя для народа. Сомнительно, какая из трех была самой большой. Пропорции существенно различались в разных провинциях. Распределение, действительно, производилось по тому же общему принципу, по мере того как каждое новое завоевание присоединялось к монархии; но собственность менялась в зависимости от численности населения и, следовательно, от большего или меньшего количества земли, необходимого для содержания жителей.¹³

Земли, закрепленные за Солнцем, приносили доход для содержания храмов и поддержания дорогостоящего церемониала перуанского богослужения и многочисленного духовенства. Те, что были зарезервированы для инки, шли на поддержку королевского государства, а также многочисленных членов его семьи и его родственников и удовлетворяли различные потребности правительства. Остальные земли были разделены на душу населения в равных долях между людьми. Законом, как мы увидим ниже, было предусмотрено, что каждый перуанец должен вступать в брак в определенном возрасте. Когда произошло это событие, община или район, в котором он жил, предоставили ему жилище, которое, поскольку было построено из простых материалов, обошлось недорого. Затем ему был выделен участок земли, достаточный для содержания его самого и его жены. На каждого ребенка была выделена дополнительная часть, при этом сумма, разрешенная для сына, была вдвое больше, чем для дочери. Раздел земли возобновлялся каждый год, и владения арендатора увеличивались или уменьшались в зависимости от численности его семьи.¹⁴ То же самое было сделано и в отношении курака, за исключением того, что за ними была закреплена область, соответствующая высшему достоинству их положения.¹⁵

Более тщательного и действенного аграрного закона, чем этот, невозможно себе представить. В других странах, где был введен такой закон, его действие через некоторое время уступило место естественному порядку событий, и благодаря превосходству ума и бережливости одних и расточительности других обычным превратностям судьбы было позволено идти своим чередом и восстановить естественное неравенство. Даже железный закон Ликурга через некоторое время перестал действовать и растаял перед духом роскоши и алчности. Ближе всего к перуанской конституции, вероятно, была Иудея, где в связи с повторением великого национального юбилея, по истечении каждых полувека, поместья возвращались к своим

первоначальным владельцам. В Перу существовало одно важное отличие: срок аренды, если можно так выразиться, не только истекал в течение года, но и в течение этого периода арендатор не имел права отчуждать или увеличивать свое имущество. Конец короткого семестра застал его точно в том же состоянии, в каком он был в начале. Можно было бы предположить, что такое положение вещей губительно для чего бы то ни было, например, для привязанности к почве или для того желания улучшить ее, которое естественно для постоянного владельца и едва ли в меньшей степени для владельца долгосрочной аренды. Но практическое действие закона, по-видимому, было иным; и вполне вероятно, что под влиянием той любви к порядку и отвращения к переменам, которыми отличались перуанские институты, каждый новый раздел земли обычно закреплял за обитателем его владения, и арендатор на год превращался в пожизненного собственника.

Территория была полностью обработана людьми. В первую очередь были обработаны земли, принадлежащие Солнцу. Затем они обрабатывали земли стариков, больных, вдов и сирот, а также солдат, находившихся на действительной службе; короче говоря, всей той части общества, которая из-за телесной немощи или по какой-либо другой причине была не в состоянии заниматься своими собственными заботами. Затем людям было разрешено работать на своей земле, каждый сам за себя, но с общей обязанностью помогать своему соседу, когда этого могли потребовать какие—либо обстоятельства — например, бремя молодой и многочисленной семьи.¹⁶ Наконец, они обрабатывали земли инков. Это было сделано с большой церемонией всем населением в целом. На рассвете их созывали по воззванию с какой-нибудь соседней башни или возвышения, и все жители округа, мужчины, женщины и дети, появлялись одетые в свои самые яркие одежды, украшенные своим небольшим запасом нарядов и украшений, словно по случаю какого-то большого юбилея. Они справлялись с дневными трудами с тем же радостным настроением, распевая свои популярные баллады, прославлявшие героические подвиги инков, регулируя свои движения ритмом песнопения, и все сливались в хор, в котором слово хайлли, или "триумф", обычно было главным. В этих национальных песнях было что-то мягкое и приятное, что и рекомендовало их испанцам; и многие перуанские песни были положены ими на музыку после завоевания, и несчастные туземцы слушали их с меланхолическим удовлетворением, поскольку они вызвали воспоминания о прошлом, когда их дни мирно текли под скипетром инков.¹⁷

Аналогичная схема преобладала в отношении различных производителей сельскохозяйственной продукции страны. Стада лам, или перуанских овец, принадлежали исключительно Солнцу и инкам.¹⁸ Их количество было огромным. Они были разбросаны по разным провинциям, главным образом в более холодных районах страны, где их доверяли заботам опытных пастухов, которые отводили их на разные пастбища в зависимости от смены сезона. Большое количество ежегодно отправлялось в столицу для употребления при Дворе, а также для религиозных праздников и жертвоприношений. Но это были только мужчины, поскольку убивать женщин не разрешалось. Правила ухода и разведения этих стад были предписаны с величайшей тщательностью и с проницательностью, которые вызвали восхищение испанцев, которые были знакомы с управлением огромными мигрирующими стадами мериносов в их собственной стране.¹⁹

В назначенный сезон все они были подстрижены, и шерсть была сдана на хранение в общественные магазины. Затем он был роздан каждой семье в таком количестве, чтобы хватило на ее нужды, и передан женской половине домохозяев, которые были хорошо обучены

прядению и ткачеству. Когда эта работа была выполнена и семья была обеспечена грубым, но теплым одеялом, подходящим для холодного климата гор, — поскольку в низовьях хлопок, поставляемый подобным же образом короной, в определенной степени заменил шерсть, - от людей требовалось работать на инку. Количество необходимой ткани, а также особый вид и качество ткани были впервые определены в Куско. Затем работа была распределена между различными провинциями. Офицеры, назначенные для этой цели, следили за распределением шерсти, так что изготовление различных изделий следовало поручить наиболее компетентным рукам.²⁰ Они не оставили это дело здесь, но время от времени заходили в жилища и видели, что работа была добросовестно выполнена. Эта домашняя инквизиция не ограничивалась трудами для инки. Сюда входили также принадлежности для нескольких семей; и была проявлена забота о том, чтобы каждое домашнее хозяйство использовало материалы, предоставленные для собственного использования, так, как это было задумано, чтобы никто не был не обеспечен необходимой одеждой.²¹ К этому домашнему труду должна была присоединиться вся женская часть заведения. Занятие нашлось для всех, от пятилетнего ребенка до престарелой матроны, не слишком слабой, чтобы держать прялку. Никому, по крайней мере, никому, кроме дряхлых и больных, не разрешалось есть хлеб безделья в Перу. Безделье было преступлением в глазах закона и, как таковое, сурово каралось, в то время как трудолюбие публично одобрялось и стимулировалось наградами.²²

Аналогичный курс был применен и в отношении других реквизиций правительства. Все рудники в королевстве принадлежали инкам. Они были изготовлены исключительно для его пользы людьми, знакомыми с этой службой, и выбраны из районов, где были расположены рудники.²³ Каждый перуанец низшего сословия был земледельцем и, за исключением тех, кто уже был указан, должен был обеспечивать свое собственное существование обработкой своей земли. Небольшая часть общества, однако, была обучена механическим искусствам; некоторые из них были более элегантно вида, служили целям роскоши и украшения. Спрос на них был в основном ограничен сувереном и его двором; но для выполнения больших общественных работ, охвативших землю, требовался труд большего числа рабочих рук. Характер и объем требуемых услуг были определены в Куско уполномоченными, хорошо осведомленными о ресурсах страны и характере жителей различных провинций.²⁴

Эта информация была получена с помощью замечательного постановления, которое едва ли имеет аналог в летописях полумодернизированного народа. Велся реестр всех рождений и смертей по всей стране, и правительству каждый год представлялись точные данные о фактическом населении с помощью кипу, любопытного изобретения, о котором будет рассказано ниже.²⁵ Через определенные промежутки времени также производился общий обзор страны, дающий полное представление о характере почвы, ее плодородии, природе производимых на ней продуктов, как сельскохозяйственных, так и минеральных, - короче говоря, обо всем, что составляло физические ресурсы империи. Располагая этими статистическими данными, правительству было легко, после определения объема заявок, распределить работу между соответствующими провинциями, наиболее квалифицированными для ее выполнения. Задача распределения рабочей силы была возложена на местные власти, и было проявлено большое внимание к тому, чтобы это делалось таким образом, чтобы, хотя были отобраны наиболее компетентные рабочие руки, ни на кого не ложилась непропорционально большая нагрузка.²⁷

Различные провинции страны поставляли людей, особенно подходящих для различных занятий, которые, как мы увидим далее, обычно передавались от отца к сыну. Таким образом, один район поставлял наиболее квалифицированных работников шахт, другой - наиболее любознательных работников по металлу или дереву и так далее.²⁸ Ремесленник был обеспечен материалами от правительства; и никто не был обязан уделять государственной службе больше, чем оговоренную часть своего времени. Затем его сменил другой на тот же срок; и следует отметить, что все, кто был занят на государственной службе — и это замечание в равной степени применимо к сельскохозяйственному труду, — содержались какое-то время за государственный счет.²⁹ Предполагалось, что благодаря такой постоянной ротации труда никто не будет перегружен работой и что у каждого мужчины должно быть время для удовлетворения потребностей своего собственного хозяйства. По мнению высокого испанского авторитета, улучшить систему распределения было невозможно, настолько тщательно она была приспособлена к условиям и комфорту ремесленника.³⁰ Безопасность рабочего класса, по-видимому, всегда учитывалась в постановлениях правительства; и они были организованы настолько осмотрительно, что самые изнурительные и вредные для здоровья виды работ, такие как работа на рудниках, не причиняли вреда здоровью рабочего; разительный контраст с его последующим положением при испанском правлении.³¹

Часть сельскохозяйственной продукции и мануфактурных изделий была перевезена в Куско для удовлетворения насущных потребностей инки и его двора. Но гораздо большая часть хранилась в журналах, разбросанных по разным провинциям. Эти просторные здания, построенные из камня, были разделены между Солнцем и инками, хотя большая доля, по-видимому, была присвоена монархом. Благодаря мудрому регулированию любой недостаток взносов инки мог быть восполнен из житниц Солнца.³² Но такая необходимость могла возникнуть редко; и предусмотрительность правительства обычно оставляла большой излишек в королевских хранилищах, который переводился в магазины третьего класса, предназначавшиеся для снабжения людей в периоды дефицита и, иногда, для оказания помощи отдельным лицам, которых болезнь или несчастье довели до нищеты; таким образом, в некотором смысле оправдывается утверждение кастильского документа о том, что значительная часть доходов инки от продажи товаров третьего класса поступала в казну. Инка снова нашла свой путь назад, по тому или иному каналу, в руки народа.³³ Эти склады были обнаружены испанцами по их прибытии вместе со всеми разнообразными продуктами и мануфактурами страны — с маисом, кокой, кинуа, шерстяными и хлопчатобумажными тканями высшего качества, с вазами и посудой из золота, серебра и меди, короче говоря, со всеми предметами роскоши или использования в пределах компетенции перуанцев.³⁴ Запасов зерна, в частности, часто хватило бы для потребления соседнего района на несколько лет.³⁵ Королевские чиновники каждый год составляли опись различных продуктов страны и кварталов, откуда они были получены, и квипукамаюс заносили их в свои реестры с удивительной регулярностью и точностью. Эти реестры были отправлены в столицу и представлены инке, который таким образом мог, так сказать, одним взглядом охватить все результаты национальной промышленности и увидеть, насколько они соответствовали заявкам правительства.³⁶

Таковы некоторые из наиболее примечательных черт перуанских институтов, связанных с собственностью, описанных авторами, которые, какими бы противоречивыми ни были детали, имеют общую схему. Эти институты, безусловно, настолько замечательны, что вряд ли можно было поверить, что они когда-либо применялись на территории огромной империи и в течение длительного периода лет. И все же у нас есть самые недвусмысленные свидетельства этого

факта от испанцев, которые высадились в Перу вовремя, чтобы стать свидетелями их операции; некоторые из них, люди высокого судебного положения и репутации, были уполномочены правительством провести расследование состояния страны при ее древних правителях.

Бремя, возложенное на перуанский народ, по-видимому, было достаточно тяжелым. На них лежало все бремя поддержания не только их собственного порядка, но и любого другого порядка в государстве. Члены королевского дома, крупная знать, даже государственные чиновники и многочисленное духовенство - все они были освобождены от налогов.³⁷ Вся обязанность по покрытию государственных расходов лежала на народе. И все же это существенно не отличалось от положения вещей, существовавшего ранее в большинстве частей Европы, где различные привилегированные классы требовали освобождения — правда, не всегда с успехом — от несения части общественного бремени. Большая трудность в случае с перуанцем заключалась в том, что он не мог улучшить свое состояние. Его труд был скорее для других, чем для себя. Каким бы трудолюбивым он ни был, он не мог ни на йоту увеличить свое имущество, ни продвинуться ни на йоту по социальной лестнице. Великий и универсальный мотив честного трудолюбия, стремление улучшить свою судьбу, было утеряно им. Великий закон человеческого прогресса был не для него. Каким он родился, таким ему предстояло умереть. Даже свое время он не мог по праву назвать своим. Не имея денег, практически никакой собственности, он платил налоги трудом.³⁸ Неудивительно, что правительство должно было рассматривать лень как преступление. Это было преступлением против государства, и напрасная трата времени означала, в некотором смысле, ограбление казны. Перуанца, всю свою жизнь трудящегося на благо других, можно сравнить с каторжником на беговой дорожке, который совершает тот же унылый круг непрерывного труда с сознанием того, что, какими бы выгодными ни были результаты для государства, для него они ничего не значат.

Но это темная сторона картины. Если бы ни один человек в Перу не смог разбогатеть, ни один человек не смог бы стать бедным. Ни один расточитель не мог растратить свое состояние в безудержной роскоши. Ни один предприимчивый интриган не мог разорить свою семью духом спекуляции. Закон постоянно был направлен на обеспечение устойчивости промышленности и трезвого ведения его дел. В Перу не терпели нищенствующих. Когда человек был обездолен бедностью или несчастьем (вряд ли это могло быть по вине), рука закона простиралась, чтобы оказать помощь; не скупую помощь в виде частной благотворительности, ни ту, которая раздается, так сказать, капля за каплей из замерзших резервуаров "прихода", но в щедрой мере, не принося унижения тому, кто это делает, и ставя его на один уровень с остальными его соотечественниками.³⁹

В Перу ни один человек не мог быть богатым, ни один человек не мог быть бедным; но все могли пользоваться и пользовались компетенцией. Честолюбию, алчности, любви к переменам, болезненному духу недовольства - тем страстям, которые больше всего будоражат умы людей, - не нашлось места в груди перуанца. Само состояние его существа, казалось, находилось в состоянии войны с переменами. Он двигался по тому же непрерывному кругу, по которому двигались его отцы до него и по которому должны были следовать его дети. Целью инков было внушить своим подданным дух пассивного повиновения и спокойствия — совершенного согласия с установленным порядком вещей. В этом они полностью преуспели. Испанцы, впервые посетившие страну, решительно заявляют, что никакое правительство не могло бы лучше соответствовать гению народа; и никакой народ не мог бы казаться более довольным своей судьбой или более преданным своему правительству.⁴⁰

Те, кто может не доверять отчетам перуанской промышленности, обнаружат, что их сомнения рассеялись во время визита в страну. Путешественник все еще встречается, особенно в центральных районах плоскогорья, с памятниками прошлого, остатками храмов, дворцов, крепостей, горными террасами, большими военными дорогами, акведуками и другими общественными сооружениями, которые, какой бы уровень науки они ни демонстрировали в своем исполнении, поражают его своим количеством, массивностью материалов и величием замысла. Среди них, пожалуй, наиболее примечательными являются большие дороги, разрушенные остатки которых все еще достаточно сохранились, чтобы свидетельствовать об их былом великолепии. Таких дорог было много, они пересекали разные части королевства; но самыми значительными были две, которые тянулись от Кито до Куско и, снова расходясь от столицы, продолжали движение в южном направлении к Чили.

Одна из этих дорог проходила по большому плато, а другая - по низменностям на границе с океаном. Первое было гораздо более трудным достижением, исходя из характера страны. Она велась по непроходимым сьеррам, занесенным снегом; в живой скале на протяжении многих лиг были прорублены галереи; реки пересекались с помощью мостов, которые качались в воздухе; на пропасти взбирались по лестницам, вырубленным в туземном русле; ущелья чудовищной глубины были засыпаны прочной каменной кладкой; короче говоря, все трудности, которые окружают дикий и гористый край и которые могли бы привести в ужас самого отважного инженера современности, были встречены и успешно преодолены. Протяженность дороги, от которой сохранились лишь разрозненные фрагменты, оценивается по-разному - от полутора тысяч до двух тысяч миль; и каменные столбы, наподобие европейских вех, были установлены с установленными интервалами в несколько более лиги по всему маршруту. Ширина его едва превышала двадцать футов.⁴¹ Он был построен из тяжелых плит свободного камня и, по крайней мере, в некоторых частях, покрыт битуминозным цементом, который время сделало тверже самого камня. В некоторых местах, где ущелья были завалены каменной кладкой, горные потоки, веками изнашивавшие ее, постепенно проели путь сквозь основание и оставили надземную массу — таково сцепление материалов — все еще охватывающей долину подобно арке ! ⁴²

Через некоторые из самых бурных ручьев было необходимо построить подвесные мосты, как их еще называют, из жестких волокон магуи, или местной ивы, которая отличается необычайной прочностью. Эти ивняки были вплетены в тросы толщиной с человеческое тело. Огромные канаты, затем натянутые через воду, были пропущены через кольца или отверстия, вырезанные в огромных каменных опорах, возведенных на противоположном берегу реки, и там закреплены к тяжелым кускам дерева. Несколько таких огромных канатов, связанных вместе, образовывали мост, который, будучи обшит досками, хорошо закреплен и защищен по бокам перилами из того же ивняка, обеспечивал путешественнику безопасный проход. Длина этого воздушного моста, иногда превышавшая двести футов, заставляла его, ограниченного только у концов, опускаться с угрожающим наклоном к центру, в то время как движение, придаваемое ему пассажиром, вызывало колебание еще более устрашающее, когда его взгляд блуждал по темной бездне вод, которые пенились и бурлили на глубине многих морских саженей. Тем не менее, перуанцы безбоязненно переправлялись через эти легкие и хрупкие ткани, и испанцы до сих пор удерживают их на тех реках, которые из-за глубины или стремительности течения казались бы непрактичными для обычных способов транспортировки. Более широкие и спокойные воды пересекались на бальзагах — разновидности плота, все еще широко используемого туземцами, — к которому были прикреплены паруса, являвшие собой

единственный пример этого более совершенного способа плавания у американских индейцев.⁴³

Другая великая дорога инков пролегла по равнинной местности между Андами и океаном. Он был построен по-другому, как того требовал характер грунта, который по большей части был низким и по большей части песчаным. Дамба была возведена на высокой земляной насыпи и защищена с обеих сторон парапетом или глиняной стеной; вдоль края были посажены деревья и пахучие кустарники, услаждавшие чувства путешественника своими ароматами и освежавшие его своей тенью, столь приятной под палящим небом тропиков. На полосах песчаной пустоши, которая время от времени попадалась на пути, где легкая и изменчивая почва была неспособна выдержать дорогу, в землю были вбиты огромные сваи, многие из которых можно увидеть и по сей день, чтобы указать путешественнику маршрут.⁴⁴

Вдоль всех этих дорог на расстоянии десяти-двенадцати миль друг от друга были возведены караван-сараи, или тамбо, как их называли, в частности, для размещения инки и его свиты, а также тех, кто путешествовал по общественным делам. Других путешественников в Перу было немного. Некоторые из этих зданий были обширными и состояли из крепости, казарм и других военных сооружений, окруженных каменным парапетом и занимавших большой участок земли. Очевидно, они предназначались для размещения имперских армий во время их марша по стране. Уход за большими дорогами был возложен на районы, через которые они проходили, и при инках постоянно работало большое количество рабочих рук для их ремонта. Это было легче сделать в стране, где передвигались исключительно пешком; хотя дороги, как говорят, были так хорошо проложены, что экипаж мог бы проехать по ним так же надежно, как по любой из великих дорог Европы.⁴⁵ Тем не менее, в регионе, где стихии огня и воды активно задействованы в деле разрушения, они, должно быть, без постоянного надзора постепенно пришли в упадок. Такова была их судьба при испанских завоевателях, которые не позаботились о введении в действие замечательной системы их сохранения, принятой инками. И все же разбитые участки, которые все еще сохранились, кое-где, подобно фрагментам великих римских дорог, разбросанных по Европе, свидетельствуют об их первобытном величии и вызвали похвалу у разборчивого путешественника, обычно не слишком расточительного в своих панегириках, что "дороги инков были одними из самых полезных и грандиозных работ, когда-либо выполненных человеком" ⁴⁶.

Система связи через свои владения была еще более усовершенствована перуанскими правителями путем введения почтовых отправок точно так же, как это было сделано ацтеками. Однако перуанские посты, установленные на всех крупных маршрутах, ведущих в столицу, были организованы по гораздо более расширенному плану, чем в Мексике. На всех этих маршрутах на расстоянии менее пяти миль друг от друга были возведены небольшие здания⁴⁷, в каждом из которых было размещено несколько гонцов, или часки, как их называли, для доставки правительственных депеш.⁴⁸ Эти послания были либо устными, либо передавались с помощью кипу, а иногда сопровождались нитью из алой бахромы, которую носили на висках инки и к которой относились с таким же неярким почтением, как к перстню с печатью восточного деспота.⁴⁹

Часки были одеты в своеобразные ливреи, указывающие на их профессию. Все они были обучены этому ремеслу и отобраны за их быстроту и преданность делу. Поскольку расстояние, которое приходилось преодолевать каждому курьеру, было небольшим, и поскольку у него было

достаточно времени, чтобы подкрепиться на станциях, они неслись по земле с большой скоростью, и сообщения доставлялись по всем протяженным маршрутам со скоростью сто пятьдесят миль в день. Служба часки не ограничивалась доставкой депеш. Они часто привозили различные товары для двора; таким образом, рыба из далекого океана, фрукты, дичь и другие товары из жарких регионов побережья доставлялись в столицу в хорошем состоянии и подавались свежими к королевскому столу.⁵⁰ Примечательно, что этот важный институт был известен как мексиканцам, так и перуанцам без какой-либо переписки друг с другом; и что он был обнаружен у двух варварских народов Нового Света задолго до того, как был введен среди цивилизованных народов Европы.⁵¹

Благодаря этим мудрым ухищрениям инков самые отдаленные части давно раскинувшейся империи Перу были приведены в тесные отношения друг с другом. И в то время как столицы христианского мира, разделенные всего несколькими сотнями миль, оставались так далеко друг от друга, как если бы между ними катились моря, великие столицы Куско и Кито располагались на больших дорогах инков в непосредственной близости друг от друга. Разведданные из многочисленных провинций на крыльях ветра передавались в перуанскую столицу, великий центр, к которому сходились все линии связи. Ни одно повстанческое движение, ни одно вторжение не могло произойти на самой отдаленной границе до тех пор, пока весть об этом не была доведена до столицы и императорские армии не двинулись маршем по великолепным дорогам страны, чтобы подавить ее. Столь замечательным был механизм, созданный американскими деспотами для поддержания спокойствия во всех своих владениях! Это может напомнить нам о подобных институтах древнего Рима, когда при цезарях он был владычицей половины мира.

Основная конструкция великих дорог должна была служить целям военного сообщения. Это стало важным элементом их военной политики, который так же заслуживает изучения, как и их муниципальный.

Несмотря на миролюбивые заявления инков и, более того, на миролюбивую тенденцию их домашних институтов, они постоянно находились в состоянии войны. Именно в результате войны их ничтожная территория постепенно расширилась до могущественной империи. Когда это было достигнуто, столица, находящаяся в безопасности в своем центральном положении, больше не была потрясена этими военными действиями, и страна в значительной степени наслаждалась благами спокойствия и порядка. Но, каким бы спокойным ни было сердце, в истории нет ни одного правления, в течение которого нация не была бы вовлечена в войну против варварских народов на границе. Религия служила благовидным предлогом для непрекращающейся агрессии и скрывала жажду завоеваний у инков, вероятно, как от их собственных глаз, так и от глаз их подданных. Подобно последователям Магомета, державшим в одной руке меч, а в другой Коран, инки Перу не предлагали иной альтернативы, кроме поклонения Солнцу или войны.

Это правда, их фанатизм — или их политика — проявлялись в более мягкой форме, чем у потомков Пророка. Подобно великому светилу, которому они поклонялись, они действовали мягкостью, более могущественной, чем насилие.⁵² Они стремились смягчить сердца окружающих их грубых племен и растопить их проявлениями снисходительности и доброты. Далекие от того, чтобы провоцировать военные действия, они дали время благотворному примеру своих собственных институтов возыметь действие, надеясь, что их менее

цивилизованные соседи подчинятся их скипетру, будучи убеждены в тех благах, которые это принесет им. Когда этот курс потерпел неудачу, они применили другие меры, но все еще мирного характера; и попытались путем переговоров, примирительного обращения и подарков ведущим людям привлечь их на свою сторону. Короче говоря, они применили все искусства, знакомые самому тонкому политику цивилизованной страны, чтобы обеспечить завоевание империи. Когда все эти средства потерпели неудачу, они приготовились к войне.

Их рекруты набирались из самых разных провинций; хотя из некоторых, где характер людей был особенно стойким, их было больше, чем из других.⁵³ Представляется вероятным, что каждый перуанец, достигший определенного возраста, мог быть призван носить оружие. Но ротация военной службы и регулярные учения, которые проводились дважды или трижды в месяц для жителей каждой деревни, обычно поднимали солдат выше ранга необученного ополчения. Перуанская армия, поначалу незначительная, с увеличением численности населения в последние дни существования империи стала очень многочисленной, так что ее монархи могли выставять на поле боя, как уверяют нас современники, силы, достигавшие двухсот тысяч человек. Они проявили такое же мастерство и уважение к порядку в своей военной организации, как и в других вещах. Войска были разделены на подразделения, соответствующие нашим батальонам и ротам, возглавляемые офицерами, которые поднимались в регулярной градации от низшего офицерского состава до знатного инка, которому было доверено общее командование.⁵⁴

Их вооружение состояло из обычного оружия, которым пользовались народы, как цивилизованные, так и нецивилизованные, до изобретения пороха, — луков и стрел, копий, дротиков, короткого меча, боевого топора или секиры партизана, а также пращей, с которыми они были очень искусны. Их копья и стрелы имели наконечники из меди или, чаще, из кости, а оружие правителей инков часто было отделано золотом или серебром. Их головы были защищены шлемами, сделанными либо из дерева, либо из шкур диких животных, а иногда богато украшенными металлом и драгоценными камнями, увенчанными блестящим оперением тропических птиц. Это, конечно, были украшения только высших порядков. Большая часть солдат была одета в своеобразные костюмы своих провинций, а их головы были увенчаны чем-то вроде тюрбана или свертка из разноцветной ткани, что производило веселое и оживляющее впечатление. Их защитные доспехи состояли из щита или щитка и плотной туники из стеганого хлопка, как у мексиканцев. У каждой роты было свое особое знамя, и императорский штандарт, высоко поднятый над всеми, изображал сверкающий герб и радугу — гербовый знак инков, свидетельствующий об их правах детей неба.⁵⁵

Благодаря тщательно налаженной в стране системе связи хватило короткого времени, чтобы собрать рекрутов из самых отдаленных мест. Армия находилась под руководством какого-нибудь опытного вождя королевской крови или, что чаще, возглавлялась лично инкой. Марш был совершен быстро и без особого утомления для солдата, ибо на всех больших маршрутах для него были предусмотрены помещения на равном расстоянии друг от друга, где он мог найти достаточно места. Страна все еще покрыта остатками военных сооружений, построенных из порфира или гранита, которые, как уверяет нас традиция, предназначались для размещения инки и его армии.⁵⁶

Также через регулярные промежутки времени были установлены склады, наполненные зерном, оружием и различными боевыми припасами, которыми армия снабжалась на марше.

Правительство особенно заботилось о том, чтобы эти журналы, приобретаемые из запасов инков, всегда были хорошо заполнены. Когда испанцы вторглись в страну, они долгое время содержали свои собственные армии за счет найденных в них провизии.⁵⁷ Перуанскому солдату было запрещено вторгаться в собственность жителей, территория которых лежала на линии марша. Любое нарушение этого приказа каралось смертью.⁵⁸ Солдат был одет и накормлен трудолюбием народа, и инки справедливо решили, что он не должен отплачивать за это насилием. Отнюдь не являясь налогом на труд земледельца или даже бременем для его гостеприимства, императорские армии пересекали страну от края до края, доставляя жителям так же мало неудобств, как если бы их создавала процессия мирных горожан или сбор солдат-отпускников для смотра.

С момента объявления войны перуанский монарх использовал все возможные оперативные меры для сбора своих сил, чтобы предвидеть передвижения своих врагов и предотвратить объединение с их союзниками. Однако именно из-за пренебрежения таким принципом объединения несколько народов страны, которые могли бы одержать верх благодаря силе конфедерации, один за другим подпали под имперское иго. Тем не менее, оказавшись в поле боя, инка обычно не проявлял склонности использовать свои преимущества до предела и доводить своего врага до крайности. На каждом этапе войны он был открыт для предложений о мире; и хотя он стремился ослабить своих врагов, унося их урожаи и причиняя им страдания голодом, он не позволял своим войскам совершать ненужные посягательства на людей или собственность. "Мы должны щадить наших врагов, - цитируют слова одного из перуанских принцев, - иначе это будет наша потеря, поскольку они и все, что им принадлежит, вскоре должны стать нашими".⁵⁹ Это была мудрая максима, и, как и большинство других мудрых максим, она в равной степени основывалась на доброжелательности и благоразумии. Инки переняли политику, которой придерживался для римлян их соотечественник, который говорит нам, что они добились большего благодаря милосердию к побежденным, чем своими победами.⁶⁰

В том же тактичном духе они были очень осторожны, обеспечивая безопасность и комфорт своим собственным войскам; и, когда война затягивалась надолго или климат оказывался нездоровым, они заботились о том, чтобы помогать своим людям частыми подкреплениями, позволяя ранее завербованным вернуться в свои дома.⁶¹ Но, экономя таким образом жизнь как своих собственных последователей, так и врага, они не уклонялись от более суровых мер, когда их провоцировал свирепый или упорный характер сопротивления; и перуанские летописи содержат не одну из тех кровавых страниц, о которых в наши дни нельзя размышлять без содрогания. Следует добавить, что благотворительная политика, которую я описал как характерную черту инков, была свойственна не всем; и что не один представитель королевской линии в полной мере проявил смелый и беспринципный дух вульгарного завоевателя.

Первым шагом правительства после объединения страны было введение там поклонения Солнцу. Были возведены храмы, переданные под опеку многочисленного духовенства, которое разъясняло покоренному народу тайны их новой веры и ослепляло его своим богатым и величественным церемониалом.⁶² И все же с религией побежденных не обращались бесчестно. Солнцу следовало поклоняться превыше всего; но изображения их богов были перевезены в Куско и установлены в одном из храмов, чтобы сохранить их ранг среди низших божеств перуанского пантеона. Здесь они оставались в некотором роде заложниками покоренной нации, которая была бы менее склонна отказаться от своей верности, когда,

поступая таким образом, она должна была оставить своих собственных богов в руках своих врагов.⁶³

Инки позаботились о заселении своих новых завоеваний, приказав провести перепись населения и провести тщательное обследование страны, определив ее продукты, а также характер и плодородие ее почвы.⁶⁴ Затем было произведено разделение территории по тому же принципу, что и в их собственном королевстве; и соответствующие участки были отведены Солнцу, суверену и народу. Количество последнего регулировалось численностью населения, но доля каждого индивидуума была неизменно одинаковой. Может показаться странным, что какие-то люди терпеливо соглашались на соглашение, которое предполагало такую полную отказ от собственности. Но так поступила покоренная нация, внушавшая благоговейный страх при малейшем подозрении в замышлении сопротивления вооруженным гарнизонам, которые были размещены в различных командных пунктах по всей стране.⁶⁵ Вероятно также, что инки не внесли больших изменений, чем было необходимо для нового устройства, и что они передали поместья, насколько это было возможно, их бывшим владельцам. Курака, в частности, были подтверждены в своей древней власти; или, когда было сочтено целесообразным свергнуть существующего кураку, его законному наследнику было разрешено стать его преемником.⁶⁶ Было проявлено всяческое уважение к древним обычаям и законам страны, насколько это было совместимо с фундаментальными институтами инков. Следует также помнить, что многие из покоренных племен были слишком мало развиты в цивилизации, чтобы обладать той привязанностью к земле, которая присуща культурной нации.⁶⁷ Но, к чему бы это ни относилось, представляется вероятным, что чрезвычайные институты инков были созданы без особого сопротивления на завоеванных территориях.⁶⁸

Однако перуанские монархи не вполне доверяли такому проявлению послушания со стороны своих новых вассалов; и, чтобы обеспечить его более действенное применение, они прибегли к некоторым средствам, слишком примечательным, чтобы их можно было обойти молчанием. - Сразу после недавнего завоевания куракас и их семьи были на время переселены в Куско. Здесь они изучали столичный язык, знакомились с манерами и обычаями двора, а также с общей политикой правительства и испытывали такие знаки благосклонности со стороны государя, которые были бы наиболее благодарны их чувствам и могли бы наиболее тепло привязать их к его персоне. Под влиянием этих настроений они были снова отправлены править своими вассалами, но по-прежнему оставили своих старших сыновей в столице, чтобы те оставались там в качестве гарантии их собственной верности, а также для того, чтобы украсить двор инки.⁶⁹

Другой прием носил более смелый и оригинальный характер. Это было ни что иное, как революция в языке страны. Южная Америка, как и Северная, была разделена на великое множество диалектов, или, скорее, языков, имевших мало общего друг с другом. Это обстоятельство вызвало большое замешательство у правительства различных провинций, с идиомами которых они не были знакомы. Поэтому было решено заменить один универсальный язык кичуа — языком двора, столицы и окружающей страны, — самым богатым и всеобъемлющим из южноамериканских диалектов. В городах и деревнях по всей стране были предоставлены учителя, которые должны были давать наставления всем, даже самым скромным слоям населения; и в то же время было намекнуто, что никто не должен занимать какую-либо достойную или прибыльную должность, если не знаком с этим языком. Куракас и другие вожди, присутствовавшие в столице, познакомились с этим диалектом в общении с

Придворными и, вернувшись домой, подали пример общения на нем между собой. Этому примеру подражали их последователи, и кечуа постепенно стал языком эlegantности и моды, точно так же, как нормандский французский был под влиянием всех тех, кто стремился к какому-либо уважению в Англии после Завоевания. Таким образом, хотя каждая провинция сохранила свой особый язык, было введено прекрасное средство общения, которое позволяло жителям одной части страны поддерживать сношения друг с другом, а инке и его заместителям - общаться со всеми. Таково было положение вещей к прибытию испанцев. Следует признать, что история дает мало примеров более абсолютной власти, чем такая революция в языке империи по приказу повелителя.⁷⁰

Не менее примечательным был еще один прием инков для обеспечения лояльности своих подданных. Когда какая-либо часть недавних завоеваний проявляла упорство в духе недовольства, нередко случалось, что часть населения, насчитывавшая, возможно, десять тысяч жителей или более, переселялась в отдаленную часть королевства, занятую древними вассалами, несомненно верными короне. Такое же количество этих последних было переселено на территорию, оставленную эмигрантами незанятой. В результате этого обмена население состояло из двух различных рас, которые относились друг к другу с завистью, что служило эффективным сдерживающим фактором при любом мятеже. Со временем возобладало влияние благонадежных людей, поддерживаемых королевской властью и безмолвной работой национальных институтов, к которым постепенно привыкли чужеземные расы. Постепенно в их сердцах зародился дух преданности, и не прошло и поколения, как различные племена гармонично объединились как члены одного сообщества.⁷¹ И все же различные расы продолжали различаться по одежде, поскольку по закону страны каждый гражданин был обязан носить костюм своей родной провинции.⁷² Точно так же колонист, которого таким бесцеремонным образом переселили, не мог вернуться в свой родной район, поскольку по другому закону никому не разрешалось менять место жительства без разрешения.⁷³ Он был устроен на всю жизнь. Правительство Перу приписывало каждому человеку его местное место жительства, сферу его деятельности, более того, саму природу и качество этой деятельности. Он перестал быть свободным агентом; можно почти сказать, что это сняло с него личную ответственность.

Следуя этому необычному устройству, инки проявили столько уважения к комфорту колониста, сколько было совместимо с исполнением их замысла. Они позаботились о том, чтобы митимаэс, как называли этих эмигрантов, были переселены в климат, наиболее благоприятствующий их собственному. Жители холодных стран не были пересажены в теплые, а жители теплых стран - в холодные.⁷⁴ Советовались даже с их обычными занятиями, и рыбаков селили по соседству с океаном или великими озерами; в то время как за земледельцем закреплялись такие земли, которые были лучше всего приспособлены к культуре, с которой он был наиболее знаком.⁷⁵ И, поскольку миграция многими, возможно, большинством, была бы расценена как бедствие, правительство позаботилось о том, чтобы выказать особые знаки благосклонности к митимайцам и, используя различные привилегии и иммунитеты, улучшить их положение и таким образом примирить их, по возможности, со своей участью.⁷⁶

Перуанские институты, хотя они, возможно, и видоизменялись и созревали при сменявшихся друг друга правителях, все несут на себе печать одного и того же оригинала, все были отлиты по одной и той же форме. Империя, укреплявшаяся и расширявшаяся в каждую последующую эпоху своей истории, в последние дни была лишь развитием в огромных масштабах того, чем

она была в миниатюре в начале своего существования, поскольку, как говорят, зародыш содержит в себе все признаки будущего лесного монарха. Каждый следующий инка, казалось, желал только идти по пути своего предшественника и осуществлять планы. Великие предприятия, начатые при одном, были продолжены другим и завершены третьим. Таким образом, в то время как все действовали по регулярному плану, без каких-либо эксцентричных или ретроградных движений, которые выдают свободу действий различных личностей, государство, казалось, находилось под руководством одной руки и неуклонно шло, как будто в течение одного долгого правления, по своему великому пути цивилизации и завоеваний.

Конечной целью его институтов был внутренний покой. Но казалось, что этого можно достичь только внешней войной. Спокойствие в сердце монархии и война на ее границах были условием существования Перу. Этой войной она дала оккупацию части своего народа, а благодаря сокращению численности и цивилизованности своих варварских соседей обеспечила безопасность всем. Каждый правитель инков, каким бы мягким и благожелательным ни было его внутреннее правление, был воином и лично руководил своими армиями. Каждое последующее правление все шире расширяло границы империи. Год за годом победоносный монарх возвращался, нагруженный добычей, в сопровождении толпы вождей-данников в свою столицу. Там его встретили с римским триумфом. Все его многочисленное население высыпало приветствовать его, одетое в яркие и живописные костюмы различных провинций, с развешиваемыми над головами знаменами и усыпавшими путь завоевателя ветвями и цветами. Инка, вознесенный в своем золотом кресле на плечах своей знати, двинулся торжественной процессией под триумфальными арками, которые были перекинуты через дорогу, к великому храму Солнца. Там, без сопровождающих, — ибо все, кроме монарха, были исключены из священных пределов, — принц-победитель, без своих королевских знаков отличия, босиком и со всем смирением приблизился к ужасному святилищу и принес жертву и благодарность славному Божеству, которое управляло судьбой инков. Церемония завершилась, и все население погрузилось в веселье; музыка, веселье и танцы были слышны во всех кварталах столицы, иллюминации и костры были посвящены победоносному походу инки и присоединению новой территории к его империи.⁷⁷

В этом праздновании мы видим много от религиозного праздника. Действительно, характер религии отразился на всех перуанских войнах. Жизнь инки была одним долгим крестовым походом против неверных, направленным на широкое распространение культа Солнца, на то, чтобы избавить отсталые народы от их жестоких суеверий и даровать им благословения хорошо регулируемого правительства. В этом, по излюбленному выражению наших дней, заключалась "миссия" инков. Это была также миссия христианского завоевателя, вторгшегося в империю того же индийского властителя. Кто из этих двоих наиболее верно выполнил свою миссию, должна решить история.

Однако перуанские монархи не проявляли детского нетерпения в приобретении империи. Они делали паузу после кампании и давали время для завершения одного завоевания, прежде чем предпринимать другое; и в этот промежуток времени занимались спокойным управлением своим королевством и долгими успехами, которые приводили их в более тесное общение со своим народом. В течение этого промежутка времени их новые вассалы также начали приспособляться к странным установлениям своих хозяев. Они научились ценить ценность правительства, которое возвышало их над физическими пороками варварского состояния, обеспечивало им личную защиту и полное участие во всех привилегиях, которыми

пользовались их завоеватели; и по мере того, как они лучше знакомились с особыми учреждениями страны, привычка, эта вторая натура, еще сильнее привязывала их к этим учреждениям из-за самой их особенности. Таким образом, постепенно и без насилия возникла великая структура перуанской империи, состоящая из многочисленных независимых и даже враждебных племен, но все же, под влиянием общей религии, общего языка и общего правительства, сплоченных как единая нация, одушевленная духом любви к своим институтам и преданной верности своему суверену. Какой контраст с состоянием монархии ацтеков на соседнем континенте, которая, составленная из таких же разнородных материалов, без какого-либо внутреннего принципа сцепления, удерживалась вместе только суровым давлением извне, физической силы! Почему перуанская монархия в своем конфликте с европейской цивилизацией оказалась ничуть не лучше своей соперницы, будет показано на следующих страницах.

Книга 1

Глава 3

Перуанская религия—Божества—Великолепные Храмы—Фестивали-Девы Солнца—Брак

Примечательным фактом является то, что многие, если не большинство, грубых племен, населявших обширный американский континент, какими бы детскими суевериями ни были искажены их верования в других отношениях, достигли возвышенной концепции единого Великого Духа, Творца Вселенной, который, нематериальный по своей природе, не должен был быть опозорен попыткой зримого изображения и который, пронизывая все пространство, не должен был быть ограничен стенами храма. И все же эти возвышенные идеи, столь далеко выходящие за пределы обычного понимания неискушенного интеллекта, по-видимому, не привели к тем практическим последствиям, которых можно было бы ожидать; и лишь немногие из американских народов проявили большую заботу о поддержании религиозного культа или нашли в своей вере мощный двигатель действия.

Но с прогрессом цивилизации постепенно распространялись идеи, более близкие к идеям цивилизованных сообществ; были приняты либеральные меры и установлен отдельный порядок проведения религиозных служб, которые сопровождались тщательным и пышным церемониалом, который в некоторых отношениях бросал вызов сравнению с богослужениями самых утонченных наций христианского мира. Так было с народами, населяющими плоскогорье Северной Америки, и с уроженцами Боготы, Кито, Перу и других возвышенных регионов великого Южного континента. Прежде всего, это было в случае с перуанцами, которые заявляли о божественном происхождении основателей своей империи, все законы которых основывались на божественной санкции, и чьи внутренние институты и внешние войны были одинаково направлены на сохранение и распространение их веры. Религия была основой их государственного устройства, так сказать, самым условием их социального существования. Правительство инков по своим основным принципам было теократией.

И все же, хотя религия так сильно повлияла на структуру и поведение политических институтов народа, их мифология, то есть традиционные легенды, с помощью которых они притворялись, что раскрывают тайны вселенной, была чрезвычайно низменной и ребяческой. Едва ли хоть одна из их традиций — за исключением прекрасной традиции, посвященной основателям их

королевской династии, — достойна внимания или проливает много света на их собственные древности или первобытную историю человека. Среди важных традиций - одна о всемирном потопе, которую они разделяли со столь многими народами во всех частях земного шара и которую они рассказывали с некоторыми подробностями, имеющими сходство с мексиканской легендой.¹

Их идеи относительно будущего состояния бытия заслуживают большего внимания. Они допускали существование души после смерти и связывали с этим веру в воскресение тела. Они определили два различных места для проживания добрых и злых, последнее из которых они расположили в центре земли. Добрые, по их мнению, должны были вести роскошную жизнь в спокойствии и непринужденности, которая соответствовала их высшим представлениям о счастье. Нечестивые должны были искупить свои преступления веками изнурительного труда. С этими идеями они связывали веру в злой принцип или духа, носящего имя Купай, которого они не пытались умиловить жертвоприношениями и который, по-видимому, был лишь теневым олицетворением греха, оказывавшим незначительное влияние на их поведение.²

Именно эта вера в воскресение тела побудила их сохранять тело с такой тщательностью, однако с помощью простого процесса, который, в отличие от сложного бальзамирования египтян, заключался в том, чтобы подвергать его воздействию холодной, чрезвычайно сухой и очень разреженной атмосферы гор.³ Поскольку они верили, что занятия в будущем мире будут иметь большое сходство с занятиями в настоящем, они хоронили вместе с умершим аристократом часть его одежды, утвари и, часто, его сокровищ; и завершили мрачную церемонию, принеся в жертву его жен и любимых слуг, чтобы составить ему компанию и сослужить ему службу в счастливых заоблачных краях.⁴ Обширные курганы неправильной или, чаще, продолговатой формы, пронизанные галереями, идущими под прямым углом друг к другу, были воздвигнуты над мертвыми, чьи высушенные тела или мумии были найдены в значительном количестве, иногда в вертикальном положении, но чаще в сидячей позе, обычной для индейских племен обоих континентов. Из этих монументальных отложений также время от времени извлекались сокровища огромной ценности, которые побуждали спекулянтов к повторным раскопкам в надежде на подобную удачу. Это была лотерея, подобная поискам мин, но в ней шансы оказались еще больше против искателей приключений.⁵

Перуанцы, как и многие другие индийские расы, признавали Высшее Существо, Создателя и Правителя Вселенной, которого они обожали под разными именами Пачакамак и Виракоча.⁶ В честь этого невидимого Существа не было воздвигнуто ни одного храма, кроме одного только в долине, получившей свое название в честь самого божества, недалеко от испанского города Лима. Даже этот храм существовал там до того, как страна перешла под власть инков, и был большим пристанищем индийских паломников из отдаленных частей страны; обстоятельство, которое наводит на мысль, что поклонение этому Великому Духу, хотя, возможно, и поощрялось их политикой уступчивости, возникло не при перуанских князьях.⁷

Божеством, поклонение которому они особенно прививали и которое они никогда не упускали возможности установить везде, где, как было известно, появлялись их знамена, было Солнце. Это был он, который особым образом распоряжался судьбами человека; давал свет и тепло народам и жизнь растительному миру; которого они почитали как отца своей королевской династии, основателя своей империи; и чьи храмы возвышались в каждом городе и почти в каждой деревне по всей стране, в то время как его алтари дымились от всежожжений — форма

жертвоприношения, характерная для перуанцев среди полудициализованных народов Нового Света.⁸

Помимо Солнца, инки признавали различные объекты поклонения, так или иначе связанные с этим главным божеством. Такова была Луна, его сестра-жена; Звезды почитались как часть ее небесного свита, хотя прекраснейшую из них, Венеру, известную перуанцам под именем Часка, или "юноша с длинными и вьющимися локонами", обожали как пажа Солнца, которому она так пристально сопутствует при восходе и при заходе. Они посвящали храмы также Грому и Молнии⁹, в которых они узнавали ужасных служителей Солнца, и Радуге, которой они поклонялись как прекрасному проявлению своего славного божества.¹⁰

В дополнение к этому подданные инков причисляли к своим низшим божествам многие объекты природы, такие как стихии, ветры, земля, воздух, великие горы и реки, которые внушали им представления о возвышенности и могуществе или, как предполагалось, тем или иным образом оказывали таинственное влияние на судьбы людей.¹¹ Они также приняли представление, мало чем отличающееся от того, которое исповедовали некоторые школы древней философии, что каждая вещь на земле имела свой архетип или идею, свою мать, как они ее подчеркнуто называли, которую они считали священной, как, в некотором роде, свою духовную сущность.¹² Но их система, далеко не ограничиваясь даже этими многочисленными объектами поклонения, охватывала в своих широких пределах многочисленные божества покоренных народов, изображения которых были перевезены в столицу, где обременительные расходы по их поклонению оплачивались соответствующими провинциями. Это был редкий политический ход инков, которые могли таким образом приспособить свою религию к своим интересам.¹³

Но поклонение Солнцу составляло особую заботу инков и было предметом их щедрых расходов. Самый древний из многочисленных храмов, посвященных этому божеству, находился на острове Титикака, откуда, как говорили, происходили царственные основатели перуанской династии. Из-за этого обстоятельства это святилище пользовалось особым почитанием. Все, что принадлежало ему, даже обширные поля кукурузы, окружавшие храм и составлявшие часть его владений, впитало в себя частицу его святости. Ежегодная продукция распределялась между различными общественными журналами, в небольших количествах для каждого, как нечто такое, что могло бы освятить оставшуюся часть магазина. Счастлив был человек, который мог собрать хотя бы колосок благословенного урожая для своей собственной житницы! ¹⁴

Но самый знаменитый из перуанских храмов, гордость столицы и чудо империи, находился в Куско, где благодаря щедрости сменявших друг друга государей он так обогатился, что получил название Кориكانча, или "Место золота". Он состоял из главного здания и нескольких часовен и более низких построек, занимавших значительную территорию в центре города и полностью окруженных стеной, которая вместе со зданиями была полностью построена из камня. Работа была такого же рода, как уже описанная в других общественных зданиях страны, и была выполнена так искусно, что испанец, видевший ее во всей красе, уверяет нас, что он мог вспомнить только два здания в Испании, которые по своему мастерству исполнения вообще могли сравниться с ней.¹⁵ И все же это основательное и, в некоторых отношениях, великолепное сооружение было покрыто соломой !

Внутреннее убранство храма было самым достойным восхищения. Это была буквально золотая жила. На западной стене было изображено божество, состоящее из человеческого лица,

взирающего вперед из бесчисленных лучей света, которые исходили от него во всех направлениях, точно так же, как у нас часто олицетворяется солнце. Фигура была выгравирована на массивной золотой пластине огромных размеров, густо усыпанной изумрудами и драгоценными камнями.¹⁶ Он был расположен таким образом перед большим восточным порталом, что лучи утреннего солнца падали прямо на него при восходе, освещая все помещение сиянием, которое казалось более чем естественным и которое отражалось от золотых украшений, которыми стены и потолок были повсюду покрыты. Золото, выражаясь образным языком народа, было "слезами, выплаканными солнцем"¹⁷, и каждая часть интерьера храма сияла полированными пластинами и заклепками из драгоценного металла. Карнизы, окружавшие стены святилища, были из того же дорогостоящего материала; а широкий пояс или фриз из золота, врезанный в каменную кладку, охватывал всю внешность здания.¹⁸

К основному строению примыкали несколько часовен меньших размеров. Одна из них была посвящена Луне, божеству, которое почиталось следующим как мать инков. Ее изображение было изображено в той же манере, что и изображение Солнца, на огромной плите, которая почти закрывала одну сторону комнаты. Но эта тарелка, как и все украшения здания, была серебряной, что соответствовало бледному серебристому свету прекрасной планеты. Было еще три часовни, одна из которых была посвящена сонму Звезд, составлявшему светлый двор Сестры Солнца; другая была посвящена его грозным служителям возмездия, Грому и Молнии; и третья - Радуге, чья разноцветная арка переливалась по стенам здания оттенками, почти такими же сияющими, как ее собственные. Кроме того, существовало несколько других зданий, или изолированных квартир, для размещения многочисленных священников, совершавших богослужения в храме.¹⁹

Вся посуда, украшения, утварь всех видов, предназначенные для религиозных нужд, были из золота или серебра. Двенадцать огромных ваз из последнего металла стояли на полу большого зала, наполненные зернами индийской кукурузы;²⁰ кадила для благовоний, кувшины, в которых хранилась вода для жертвоприношений, трубы, по которым она поступала по подземным каналам в здания, резервуары, в которые она поступала, даже сельскохозяйственные орудия, используемые в садах храма, были сделаны из того же богатого материала. Сады, подобные описанным, принадлежавшие царским дворцам, сверкали золотыми и серебряными цветами и различными имитациями растительного царства. Там также можно было встретить животных, среди которых особенно выделялась лама с золотым руном, выполненная в том же стиле и с такой степенью мастерства, которая в данном случае, вероятно, не превосходила совершенства материала.²¹

Если читатель увидит в этой сказочной картине лишь романтический колорит какого-нибудь сказочного Эльдорадо, он должен вспомнить, что было сказано ранее относительно дворцов инков, и учесть, что эти "Дома солнца", как их называли, были общим резервуаром, в который стекались все потоки общественной и частной благотворительности по всей империи. Некоторые утверждения, сделанные по доверчивости, а другие - в желании вызвать восхищение, могут быть сильно преувеличены; но при совпадении свидетельств современников нелегко определить точную черту, которая должна обозначать меру нашего скептицизма. Несомненно, что приведенная мною яркая картина оправдана теми, кто видел эти здания в период своей гордыни или вскоре после того, как они были разграблены алчностью их соотечественников. Многие из дорогих предметов были похоронены туземцами или брошены в

воды рек и озер; но сохранилось достаточно, чтобы засвидетельствовать небывалое богатство этих религиозных учреждений. Те вещи, которые по своей природе были портативными, были быстро вывезены, чтобы удовлетворить жажду Завоевателей, которые даже сорвали массивные золотые карнизы и фриз с великого храма, заполнив свободные места более дешевым, но — поскольку он не создает соблазна для алчности — более прочным материалом - гипсом. Тем не менее, даже лишенные своего великолепия, почтенные здания все еще привлекали разрушителей, которые находили в их полуразрушенных стенах неисчерпаемый источник для возведения других зданий. На самой земле, некогда увенчанной великолепной Кориқанчей, возвышалась величественная церковь Святого Доминика, одно из самых великолепных сооружений Нового Света. Поля кукурузы и люцерны теперь цветут на том месте, где сияли золотые сады храма; и монах поет свои молитвы на освященных территориях, которые когда-то занимали Дети Солнца.²²

Помимо великого храма Солнца, в перуанской столице и ее окрестностях существовало большое количество храмов и религиозных обителей более низкого уровня, насчитывающих, как утверждает, три или четыре сотни.²³ Ибо Куско был священным местом, почитаемым не только как обитель инков, но и всех тех божеств, которые руководили разношерстными народами империи. Это был город, любимый Солнцем; где поклонение ему поддерживалось во всем его великолепии; "где каждый фонтан, тропинка и стена, - говорит древний хронист, - считались священной тайной".²⁴ И несчастлив был индийский аристократ, который в тот или иной период своей жизни не совершил паломничества в перуанскую Мекку.

Другие храмы и религиозные обители были разбросаны по провинциям, и некоторые из них были построены по масштабу великолепия, которое почти соперничало с масштабом метрополии. Обслуживающий персонал на них составлял целую армию из самих себя. Общее число должностных лиц, включая представителей жреческого ордена, которые служили только в Кориқанче, составляло не менее четырех тысяч.²⁵

Во главе всего, как здесь, так и по всей стране, стоял великий Первосвященник, или Виллак Вму, как его называли. По достоинству он уступал только инке, и обычно его выбирали из числа его братьев или ближайших родственников. Он был назначен монархом и занимал свой пост пожизненно; а он, в свою очередь, назначал на все подчиненные должности своего собственного ордена. Этот орден был очень многочисленным. Те его члены, которые служили в Доме Солнца в Куско, были взяты исключительно из священной расы инков. Служители в провинциальных храмах набирались из семей куракас, но должность первосвященника в каждом округе была зарезервирована за одним человеком королевской крови. Это постановление было разработано для сохранения веры в ее чистоте и для защиты от любого отклонения от величественного церемониала, который оно скрупулезно предписывало.²⁶

Жреческий орден, хотя и многочисленный, не отличался каким-либо особым значком или костюмом от остальной нации. Он не был единственным хранилищем скудных научных знаний страны, на него не возлагались ни обязанности по обучению, ни те приходские обязанности, если их можно так назвать, которые приводят священника в соприкосновение с большой частью народа, как это было в Мексике. Причину этой особенности, вероятно, можно проследить в существовании высшего сословия, подобного сословию знати инков, святость происхождения которых настолько превосходила все человеческие назначения, что они в какой-то мере впитали в себя все, что было в религиозном почитании народа. По сути, они были

священным орденом государства. Несомненно, любой из них мог, как это делали очень многие из них, взять на себя священнические функции; и их собственные знаки отличия и особые привилегии были слишком хорошо поняты, чтобы требовать каких-либо дополнительных знаков отличия, отделяющих их от народа.

Обязанности священника ограничивались служением в храме. Даже здесь его присутствие не было постоянным, поскольку через определенный промежуток времени его сменяли другие братья его ордена, которые сменяли друг друга по регулярной ротации. Его наука ограничивалась знакомством с постами и празднествами его религии и соответствующими церемониями, которые их отличали. Это, каким бы легкомысленным ни был его характер, было нелегким приобретением; ибо ритуал инков включал в себя рутину обрядов, столь же сложную и изощренную, как когда-либо отличавшая любой народ, будь то языческий или христианский. У каждого месяца был свой соответствующий праздник, или, скорее, фестивали. Четыре главных имели отношение к Солнцу и отмечали великие периоды его ежегодного продвижения, солнцестояния и равноденствия. Возможно, самым величественным из всех национальных торжеств был праздник Райми, проводившийся в период летнего солнцестояния, когда Солнце, коснувшись южной оконечности своего пути, возвращалось обратно, как бы для того, чтобы порадовать сердца своего избранного народа своим присутствием. По этому случаю индийская знать из разных уголков страны съехалась в столицу, чтобы принять участие в великом религиозном празднике.

В течение трех предыдущих дней был общий пост, и в жилищах не разрешалось разжигать огонь. Когда наступил назначенный день, инка и его двор, а за ними и все население города собрались на рассвете на большой площади, чтобы поприветствовать восход Солнца. Они были одеты в свои самые яркие одежды, и индийские вельможи соперничали друг с другом в демонстрации дорогих украшений и самоцветов на своих лицах, в то время как балдахины из ярких перьев и богато раскрашенных тканей, которые слуги несли над их головами, придавали большой площади и выходящим на нее улицам вид одного огромного и великолепного навеса. С нетерпением они наблюдали за пришествием своего божества, и, как только его первые желтые лучи коснулись башен и самых высоких зданий столицы, из собравшейся толпы вырвался крик благодарности, сопровождаемый триумфальными песнями и дикой мелодией варварских инструментов, которые становились все громче и громче по мере того, как его яркое светило, поднимающееся над горным хребтом на востоке, во всем великолепии озаряло его приверженцев. После обычных церемоний поклонения великому божеству инки совершали возлияние из огромного золотого сосуда, наполненного перебродившим маисовым или магуэйским ликером, который, после того как монарх попробовал его сам, он раздавал своей королевской родне. Эти церемонии завершились, огромное собрание выстроилось в порядке процессии и направилось к Кориكانче.²⁷

Войдя на улицу, ведущую к священному зданию, все сняли сандалии, за исключением Инки и его семьи, которые сделали то же самое, проходя через порталы храма, куда не допускался никто, кроме этих августейших особ.²⁸ После приличного времени, проведенного в благочестии, государь в сопровождении своей придворной свиты снова появился, и были сделаны приготовления к началу жертвоприношения. У перуанцев это были животные, зерно, цветы и душистая камедь; иногда люди, и в этих случаях в качестве жертвы обычно выбирали ребенка или прекрасную девушку. Но такие жертвы были редкостью, их приберегали для празднования какого-нибудь великого общественного события, такого как коронация,

рождение королевского наследника или великая победа. За ними никогда не последовали те каннибальские пиршества, которые были знакомы мексиканцам и многим свирепым племенам, покоренным инками. Действительно, завоевания этих князей вполне можно было бы считать благословением для индийских народов, если бы это было связано только с подавлением ими каннибализма и уменьшением под их властью человеческих жертвоприношений.²⁹

На празднике Райми обычно приносили в жертву ламу; и священник, вскрыв тело своей жертвы, пытался по его внешнему виду прочесть урок таинственного будущего. Если предзнаменования были неблагоприятными, убивали вторую жертву в надежде получить более утешительную уверенность. Перуанский авгур мог бы извлечь хороший урок из опыта римлян — рассматривать каждое предзнаменование как благоприятное, служащее интересам его страны.³⁰

Затем разжигали огонь с помощью вогнутого зеркала из полированного металла, которое, собирая солнечные лучи в фокус на некоторое количество высушенного хлопка, быстро поджигало его. Это был прием, применявшийся в подобных случаях в Древнем Риме, по крайней мере, во времена правления благочестивого Нумы. Когда небо было затянуто тучами и лик доброго божества был скрыт от его почитателей, что считалось дурным предзнаменованием, огонь добывали с помощью трения. Священное пламя было вверено заботам Дев Солнца, и если из-за какого-либо пренебрежения оно гасло в течение года, это событие рассматривалось как стихийное бедствие, предвещавшее монархии какую-то странную катастрофу.³¹ Затем было совершено всеожожение из жертв на алтарях божества. Это жертвоприношение было лишь прелюдией к забою большого количества лам, части стад Солнца, которые служили пиршеством не только для инки и его двора, но и для народа, который на этих празднествах компенсировал скромную пищу, к которой их обычно приговаривали. Прекрасный хлеб или лепешка, замешанные из маисовой муки прекрасными руками Дев Солнца, также подавались на королевский стол, где инка, председательствующий на пиршестве, предлагал своим знатым особам щедрые кубки местного брожения, и долгое дневное веселье завершалось вечером музыкой и танцами. Танцы и выпивка были любимыми развлечениями перуанцев. Эти увеселения продолжались несколько дней, хотя жертвоприношения прекратились в первый. — Таким был великий праздник Райми; и повторение этого и подобных празднеств вносило облегчение в монотонную рутину тяжелого труда, предписанную низшим слоям общества.³²

В раздаче хлеба и вина на этом высоком празднике ортодоксальные испанцы, впервые приехавшие в страну, увидели поразительное сходство с христианским причащением; ³³ как и в практике исповеди и покаяния, которые, по-видимому, действительно использовались перуанцами в самой нерегулярной форме, они усмотрели совпадение с другим таинством Церкви.³⁴ Добрые отцы любили отслеживать подобные совпадения, которые они считали происками сатаны, который таким образом пытался ввести в заблуждение свои жертвы, подделывая благословенные обряды христианства.³⁵ Другие, придерживаясь иного мнения, воображали, что они видят в таких аналогиях свидетельство того, что кто-то из первых учителей Евангелия, возможно, сам апостол, посетил эти отдаленные регионы и разбросал по ним семена религиозной истины.³⁶ Но вряд ли есть необходимость призывать Князя Тьмы или вмешательство благословенных святых для объяснения совпадений, которые существовали в странах, далеких от света христианства, и, действительно, в те века, когда его свет еще не возшел над миром. Гораздо разумнее относить такие случайные моменты сходства к общему строению человека и потребностям его моральной природы.³⁷

Еще одну странную аналогию с римско-католическими институтами проводят Девы Солнца, "избранные", как их называли,³⁸ на которых я уже имел возможность ссылаться. Это были юные девушки, посвященные служению божеству, которых в нежном возрасте забрали из их домов и поместили в монастыри, где они были переданы на попечение неких престарелых матрон, мамакон, которые поселились в их стенах.³⁹ Под руководством этих почтенных наставников святые девы были проинструктированы о характере своих религиозных обязанностей. Они занимались прядением и вышиванием, а из тонких волос викуны ткали драпировки для храмов и одежду для инки и его домочадцев.⁴⁰ Прежде всего, их обязанностью было присматривать за священным огнем, добытым на празднике Райми. С того момента, как они вошли в заведение, они были отрезаны от всякой связи с миром, даже со своей собственной семьей и друзьями. Никто, кроме инки и койи, или королевы, не мог входить на освященную территорию. Их нравственности уделялось величайшее внимание, и каждый год присылались посетители для осмотра заведений и отчета о состоянии их дисциплины.⁴¹ Горе несчастной девушке, уличенной в интриге! По суровому закону инков, она должна была быть похоронена заживо, ее возлюбленный должен был быть задушен, а город или деревня, к которым он принадлежал, должны были быть стерты с лица земли и "засеяны камнями", как бы желая стереть все следы его существования.⁴² Поражаешься, обнаруживая столь близкое сходство между институтами американских индейцев, древних римлян и современных католиков! Целомудрие и чистота жизни - это добродетели в женщине, которые, казалось бы, одинаково ценятся и у варварки, и у цивилизованной женщины.— И все же конечная цель обитателей этих религиозных домов была существенно иной.

Огромное заведение в Куско состояло сплошь из девиц королевской крови, которых, как говорят, насчитывалось не менее полутора тысяч. Провинциальные монастыри пополнялись из дочерей куракас и низшей знати, а иногда, когда девушку рекомендовали по большой личной привлекательности, из низших слоев населения.⁴³ "Дома Дев Солнца" состояли из невысоких рядов каменных зданий, занимавших большую территорию и окруженных высокими стенами, которые полностью скрывали находящихся внутри от наблюдения. Им были предоставлены все условия для прекрасных обительниц, и они были украшены в той же роскошной манере, что и дворцы инков и храмы; поскольку они пользовались особой заботой правительства как важная часть религиозного учреждения.⁴⁴

Однако жизненный путь всех обитателей этих монастырей не ограничивался их узкими стенами. Хотя они были девственницами Солнца, они были невестами инки, и по достижении брачного возраста самые красивые из них были выбраны для почестей в его постели и переведены в королевский сераль. Полный состав этого контингента со временем составил не только сотни, но и тысячи человек, которые нашли приют в его различных дворцах по всей стране. Когда монарх был склонен сократить число своих приближенных, наложница, от общества которой он был готов отказаться, вернулась не в свою прежнюю монашескую резиденцию, а в свой собственный дом; где, каким бы скромным ни было ее первоначальное положение, она поддерживалась в отличном состоянии и, отнюдь не будучи опозоренной положением, которое она занимала, пользовалась всеобщим почтением как невеста инки.⁴⁵

Знатным людям Перу, как и их государю, разрешалось иметь несколько жен. Люди, как правило, либо по закону, либо по необходимости, более сильной, чем закон, были более счастливы ограничиться одним. Брак заключался таким образом, что придавал ему такой же оригинальный характер, как и другим институтам страны. В назначенный день года все лица

брачного возраста, который, исходя из их способности руководить семьей, у мужчин составлял не менее двадцати четырех лет, а у женщин - восемнадцати-двадцати, были созваны на большие площади своих соответствующих городов и деревень по всей империи. Инка лично председательствовал на собрании своих соплеменников и, взяв за руки разные пары, которые должны были соединиться, вложил их друг в друга, объявив участников мужем и женой. То же самое делали куракасы по отношению ко всем лицам их собственного или низшего звания в своих нескольких округах. Это была простая форма брака в Перу. Никому не разрешалось выбирать жену за пределами сообщества, к которому он принадлежал, что обычно охватывало всю его родню; 46 и никто, кроме суверена, не имел права пренебрегать законом природы — или, по крайней мере, обычным правом народов — настолько, чтобы жениться на собственной сестре.⁴⁷ Ни один брак не считался действительным без согласия родителей; и, как говорят, также следовало консультироваться с предпочтениями сторон; хотя, учитывая барьеры, налагаемые установленным возрастом кандидатов, это должно было быть в довольно узких и причудливых рамках. За счет округа для молодоженов было подготовлено жилье и выделен установленный участок земли для их содержания. Закон Перу предусматривает как будущее, так и настоящее. Это ничего не оставляло на волю случая. За простой церемонией бракосочетания последовали общие празднества среди друзей участников вечеринок, которые продолжались несколько дней; и поскольку все свадьбы происходили в один и тот же день, и поскольку было мало семей, в которых кто-либо из их членов или их родственников не был лично заинтересован, по всей империи отмечался один всеобщий свадебный юбилей.⁴⁸

Чрезвычайные правила, касающиеся брака при инках, в высшей степени характерны для гениального правительства; которое, отнюдь не ограничиваясь вопросами, представляющими общественный интерес, проникло в самые сокровенные уголки семейной жизни, не позволяя ни одному человеку, каким бы скромным он ни был, действовать самостоятельно, даже в тех личных вопросах, в которых, как можно предположить, никто, кроме него самого или, самое большее, его семьи, не заинтересован. Ни один перуанец не был слишком низок для укрепления бдительности правительства. Ни один из них не был настолько высок, чтобы не чувствовать свою зависимость от него в каждом поступке своей жизни. Само его существование как личности было поглощено существованием сообщества. Его надежды и страхи, его радости и горести, самые нежные проявления его натуры, которые, естественно, оставались незамеченными, - все это должно было регулироваться законом. Ему не позволили даже быть счастливым по-своему. Правление инков было самым мягким, но и самым суровым из деспотизмов.

Книга 1

Глава 4

Образование—Кипус-Астрономия-Сельское хозяйство—Акведуки-Гуано—Важные продукты

Наука была предназначена не для людей, а для тех, у кого благородная кровь. Люди низкого положения только раздуваются от нее, становятся тщеславными и высокомерными. Они также не должны вмешиваться в дела правительства, ибо это подорвало бы репутацию высоких должностей и нанесло бы ущерб государству.¹ Таково было любимое изречение, часто повторяемое Тупаком Инкой Юпанки, одним из самых известных перуанских монархов. Может показаться странным, что такая максима вообще была провозглашена в Новом Свете, где

народные институты были созданы в более широком масштабе, чем когда-либо прежде; где управление полностью зависит от народа; а образование — по крайней мере, в великой северной части континента — в основном направлено на то, чтобы подготовить людей к выполнению обязанностей правительства. И все же эта максима была строго созвучна духу перуанской монархии и может служить ключом к ее обычной политике; поскольку, хотя она с неустанной заботой следила за своими подданными, обеспечивала их физические потребности, заботилась об их морали и во всем проявляла нежную заботу родителя о своих детях, она все же рассматривала их только как детей, которым никогда не суждено выйти из состояния ученичества, действовать или думать самостоятельно, но весь долг которых заключался в обязательстве безоговорочного повиновения.

Таково было унижительное положение народа при инках: в то время как многочисленные семьи королевской крови пользовались всеми преимуществами образования, которые могла позволить цивилизация страны; и еще долго после Завоевания продолжали указывать места, где существовали семинарии для их обучения. Они были переданы на попечение амаутов, или "мудрецов", которые изучали скудный запас знаний — если это можно было назвать наукой, — которыми обладали перуанцы, и которые были единственными учителями молодежи. Было естественно, что монарх проявлял живой интерес к обучению юной знати, своей собственной родни. Говорят, что несколько перуанских принцев построили свои дворцы по соседству со школами, чтобы им было легче посещать их и слушать лекции амаутов, которые они иногда подкрепляли собственными проповедями.² В этих школах царственных учеников обучали всем различным видам знаний, в которых были сведущи их учителя, с особым упором на положение, которое им предстояло занять в загробной жизни. Они изучали законы и принципы управления государством, в котором многим из них предстояло принять участие. Они были посвящены в особые обряды своей религии, наиболее необходимые для тех, кто должен был взять на себя жреческие функции. Они также научились подражать достижениям своих царственных предков, слушая хроники, составленные амаутами. Их научили чисто и изящно говорить на их родном диалекте; и они познакомились с таинственной наукой кипу, которая снабдила перуанцев средствами передачи своих идей друг другу и будущим поколениям.³

Кипу представлял собой шнур длиной около двух футов, состоящий из туго скрученных нитей разного цвета, к которым на манер бахромы было подвешено множество нитей поменьше. Нити были разных цветов и были завязаны в узлы. Слово кипу, действительно, означает узел. Цвета обозначали чувственные объекты; например, белый символизировал серебро, а желтый - золото. Иногда они также обозначали абстрактные идеи. Таким образом, белый цвет означал мир, а красный - войну. Но кипу использовались в основном для арифметических целей. Узлы служили вместо шифров и могли быть объединены таким образом, чтобы представлять числа в любом количестве, которое им требовалось. С их помощью они с большой скоростью выполнили свои расчеты, и испанцы, впервые посетившие страну, свидетельствуют об их точности.⁴

В каждом из округов были созданы офицеры, которые под названием "кипукамаус", или "хранители кипу", должны были предоставлять правительству информацию по различным важным вопросам. Один из них ведал доходами, сообщал о количестве сырья, распределенного между рабочими, о качестве и количестве изготовленных из него тканей, а также о количестве различных запасов, внесенных в королевские журналы. В другом были представлены записи о рождениях и смертях, браках, количестве лиц, имеющих право носить

оружие, и тому подобные сведения о населении королевства. Эти отчеты ежегодно пересылались в столицу, где они представлялись на проверку офицерам, знакомым искусством расшифровки этих мистических записей. Таким образом, правительство было обеспечено ценным массивом статистической информации, а собранные и бережно сохраненные мотки разноцветных ниток составили то, что можно было бы назвать национальным архивом⁵.

Но, хотя кипу было достаточно для всех арифметических вычислений, требуемых перуанцами, они были некомпетентны в представлении разнообразных идей и образов, которые выражаются с помощью письма, однако даже здесь изобретение не обошлось без применения. Ибо, независимо от прямого представления простых объектов и даже абстрактных идей, в очень ограниченной степени, как было замечено выше, оно оказывало большую помощь памяти посредством ассоциаций. Своеобразный узел или цвет, таким образом, предполагал то, что он не мог рискнуть изобразить; точно так же - позаимствуем простую иллюстрацию старого писателя — как номер Заповеди напоминает о самой Заповеди. Используемый таким образом кипус можно рассматривать как перуанскую систему мнемотехники.

В каждой из основных общин были назначены летописцы, в обязанности которых входило записывать наиболее важные события, происходившие в них. Другим высокопоставленным чиновникам, обычно амаутам, была доверена история империи, и они были выбраны для ведения хроники великих деяний правящего инки или его предков.⁶ Рассказ, составленный таким образом, мог быть передан только устным преданием; но кипус служил хронисту для систематизации событий и для освежения его памяти. История, когда-то хранившаяся в памяти, оставила там неизгладимый след из-за частого повторения. Амаута повторял это своим ученикам, и таким образом история, передаваемая частично устной традицией, а частично произвольными знаками, передавалась из поколения в поколение с достаточным расхождением в деталях, но с общим соответствием изложения истине.

Перуанские кипу, несомненно, были жалкой заменой этому прекрасному изобретению - алфавиту, который, используя несколько простых знаков в качестве обозначений звуков, а не идей, способен передавать самые тонкие оттенки мыслей, которые когда-либо приходили в голову человеку. Перуанское изобретение, действительно, было намного ниже иероглифического письма, даже ниже грубой изобразительной письменности ацтеков; ибо последнее искусство, каким бы некомпетентным оно ни было для передачи абстрактных идей, могло изображать чувственные объекты с приемлемой точностью. То, что перуанцы ничего не заимствовали из иероглифической системы мексиканцев, свидетельствует о полном невежестве, в котором пребывали эти два народа друг о друге, и это, несмотря на то, что существование магического растения агавы в Южной Америке могло снабдить их тем самым материалом, который ацтеки использовали для составления своих карт.⁷

Невозможно без интереса наблюдать за борьбой, которую ведут различные нации, выходящие из состояния варварства, за то, чтобы снабдить себя какими—то видимыми символами мысли - тем таинственным средством, с помощью которого разум отдельного человека может быть приведен в связь с умами целого сообщества. Отсутствие такого символа само по себе является величайшим препятствием на пути прогресса цивилизации. Ибо что это, как не заточение мысли, в которой есть элементы бессмертия, в лоне ее автора или небольшого круга тех, кто

соприкасается с ним, вместо того, чтобы отправить ее за границу, чтобы дать свет тысячам и еще не родившимся поколениям! Такой символ не только является важным элементом цивилизации, но его можно считать самым критерием цивилизованности, поскольку интеллектуальный прогресс народа будет практически соответствовать его возможностям для интеллектуального общения.

И все же мы должны быть осторожны, чтобы не недооценивать реальную ценность перуанской системы и не предполагать, что кипу были таким же неудобным инструментом в руках опытного туземца, каким они были бы в наших. Мы знаем влияние привычки во всех механических операциях, и испанцы постоянно свидетельствуют об ловкости и точности перуанцев в этом. Их мастерство не более удивительно, чем легкость, с которой привычка позволяет нам усваивать содержание печатной страницы, воспринимая тысячи отдельных символов, так сказать, с одного взгляда, хотя каждый символ должен требовать отчетливого распознавания глазом, и это тоже без нарушения цепочки мыслей в уме читателя. Мы не должны относиться к изобретению кипу слишком легкомысленно, когда размышляем о том, что они предоставили средства расчета, необходимые для ведения дел великой нации, и что, какими бы недостаточными они ни были, они оказали немалую помощь тому, что претендовало на звание литературного произведения.

Ведение национальных анналов не ограничивалось полностью семейством амаутас. Отчасти это предполагали харавеки, или поэты, которые выбирали самые яркие эпизоды для своих песен или баллад, которые распевались на королевских празднествах и за столом инков.⁸ Таким образом, выросло множество традиционных менестрелей, подобных британской и испанской балладной поэзии, благодаря которым имена многих грубых вождей, которые могли погибнуть из-за отсутствия хроникера, были переданы волной деревенской мелодии последующим поколениям.

Однако можно подумать, что история мало что выиграет от этого союза с поэзией; ибо область поэта простирается над идеальным царством, населенным призрачными формами фантазии, которые имеют мало общего с грубыми реалиями жизни. Можно считать, что перуанские летописи в некоторой степени демонстрируют последствия этого союза, поскольку в них присутствует оттенок чудесного распространения вплоть до самого позднего периода, который, подобно туману перед глазами читателя, затрудняет различие между фактом и вымыслом.

Поэт нашел удобный инструмент для своих целей в прекрасном диалекте кичуа. Мы уже видели чрезвычайные меры, предпринятые инками для распространения своего языка по всей империи. Натурализованный таким образом в самых отдаленных провинциях, он обогатился множеством экзотических слов и идиом, которые под влиянием двора и поэтической культуры, если можно так выразиться, постепенно сливались, подобно законченной мозаике, составленной из грубых и разрозненных материалов, в одно гармоничное целое. Кичуа стал самым всеобъемлющим и разнообразным, а также самым элегантным из южноамериканских диалектов.⁹

Помимо уже отмеченных композиций, перуанцы, как говорят, проявили некоторый талант к театральным представлениям; не к тем бесплодным пантомимам, которые, будучи обращены просто к глазу, служили развлечением не одному грубому народу. Перуанские пьесы претендовали на звание драматических композиций, поддерживаемых персонажами и диалогами, основанных иногда на темах, представляющих трагический интерес, а иногда на

таких, которые по своему легкому и социальному характеру относятся к комедии.¹⁰ Об исполнении этих пьес мы сейчас не имеем возможности судить. Вероятно, это было достаточно грубо, как и подобает несформировавшемуся народу. Но, каким бы ни было исполнение, само представление о подобном развлечении является доказательством утонченности, которая достойно отличает перуанцев от других американских рас, чьим развлечением была война или свирепые виды спорта, отражающие ее образ.

Интеллектуальный характер перуанцев, действительно, по-видимому, был отмечен скорее склонностью к утонченности, чем теми более стойкими качествами, которые обеспечивают успех в более суровых областях науки. В этом они отставали от нескольких полумодернизированных наций Нового Света. Они были немного знакомы с географией, поскольку это касалось их собственной империи, которая действительно была обширной; и они составляли карты с нанесенными на них линиями для обозначения границ и населенных пунктов по тому же принципу, по которому раньше пользовались слепые. В астрономии они, по-видимому, достигли лишь умеренных успехов. Они разделили год на двенадцать лунных месяцев, каждый из которых, имея свое название, отличался соответствующим праздником.¹¹ У них были также недели; но какой продолжительности, будь то семь, девять или десять дней, неизвестно. Поскольку их лунный год неизбежно не соответствовал истинному времени, они скорректировали свой календарь с помощью солнечных наблюдений, сделанных с помощью ряда цилиндрических колонн, установленных на возвышенностях вокруг Куско, которые служили им для определения азимутов; и, измеряя их тени, они установили точное время солнцестояний. Период равноденствий они определяли с помощью одиночного столба, или гномона, помещенного в центр круга, который был описан на территории великого храма и пересечен диаметром, проведенным с востока на запад. Когда тени были едва различимы под полуденными лучами солнца, они сказали, что "бог восседал со всем своим светом на колонне".¹² Кито, лежавший непосредственно под экватором, где вертикальные лучи солнца в полдень не отбрасывали тени, пользовался особым почитанием как излюбленная обитель великого божества. Период равноденствий отмечался народными гуляниями. Колонну венчало золотое кресло Солнца, и как тогда, так и в дни солнцестояния колонны были увешаны гирляндами, и приносились в жертву цветы и фрукты, в то время как по всей империи устраивались пышные празднества. К этим периодам перуанцы регламентировали свои религиозные обряды и церемониалы, а также предписывали характер своих сельскохозяйственных работ. Сам год отошел от даты зимнего солнцестояния.¹³

Этот скудный отчет охватывает почти все, что дошло до нас из перуанской астрономии. Может показаться странным, что нация, которая продвинулась так далеко в своих наблюдениях, не пошла дальше; и что, несмотря на общий прогресс своей цивилизации, она в этой науке так далеко отстала не только от мексиканцев, но и от муисков, населяющих те же возвышенные районы великого южного плато, что и они сами. Эти последние регулировали свой календарь на основе того же общего плана циклов и периодических рядов, что и ацтеки, еще ближе подходя к системе, которой придерживались народы Азии.¹⁴

Можно было бы ожидать, что инки, хваленые дети Солнца, уделили особое внимание небесным явлениям и построили календарь на принципах, столь же научных, как у их полумодернизированных соседей. Один историк, действительно, уверяет нас, что они распределяли свои годы по циклам в десять, сто и тысячу лет и что этими циклами они регулировали свою хронологию.¹⁵ Но это утверждение — не невероятное само по себе — основано на писателе, мало одаренном духом

критики, и уравнивается молчанием всех высших и более ранних авторитетов, а также отсутствием какого-либо памятника, подобного тем, что найдены у других американских народов, подтверждающего существование такого календаря. Неполноценность перуанцев может быть, возможно, частично объяснена тем фактом, что их духовенство состояло исключительно из инков, привилегированного сословия знати, которым не было необходимости, исходя из предположения о высшей образованности, ограждать себя от посягательств черни. Та малая толика истинной науки, которой обладал ацтекский жрец, дала ему ключ к разгадке тайн небес, а ложная система астрологии, которую он на ней построил, придала ему авторитет существа, в котором было что-то от божественности в его собственной природе. Но благородный инка был божественен по рождению. Иллюзорное изучение астрологии, столь увлекательное для непросвещенного ума, не привлекало его внимания. Единственными людьми в Перу, которые заявляли о способности читать таинственное будущее, были прорицатели, люди, которые, сочетая со своими претензиями некоторые навыки в искусстве врачевания, напоминали заклинателей, встречающихся у многих индейских племен. Но эта должность не пользовалась большой репутацией, за исключением низших классов, и была передана тем, чей возраст и немощь не позволяли им заниматься настоящим делом жизни.¹⁶

Перуанцы знали одно или два созвездия и наблюдали за движением планеты Венера, которой, как мы видели, они посвятили алтари. Но их незнание основных принципов астрономической науки подтверждается их представлениями о затмениях, которые, как они полагали, означали какое-то серьезное расстройство планеты; и когда луна страдала от одного из этих таинственных недугов, они били в свои инструменты и наполняли воздух криками и причитаниями, чтобы пробудить ее от летаргии. Подобное ребяческое тщеславие составляет разительный контраст с реальными знаниями мексиканцев, что отражено в их иероглифических картах, на которых ясно изображена истинная причина этого феномена.¹⁷

Но, несмотря на меньшие успехи в исследовании небес, следует признать, что инки превзошли любую другую американскую расу в своем владычестве над землей. Земледелием они занимались на принципах, которые действительно можно назвать научными. Это было основой их политических институтов. Не имея внешней торговли, именно сельское хозяйство обеспечивало их средствами для внутреннего обмена, средствами к существованию и доходами. Мы видели их замечательные положения о распределении земли в равных долях между людьми, в то время как они требовали, чтобы каждый человек, за исключением привилегированных слоев населения, помогал в ее обработке. Сам инка не брезговал подавать пример. На одном из больших ежегодных праздников он отправился в окрестности Куско в сопровождении своего Двора и в присутствии всего народа вспахал землю золотым плугом — или орудием, которое служило таковым, — освятив таким образом профессию земледельца как достойную того, чтобы ей следовали Дети Солнца.¹⁸

Покровительство правительства не ограничилось этим дешевым проявлением королевской снисходительности, но проявилось в наиболее эффективных мерах по облегчению труда земледельца. Большая часть страны вдоль морского побережья страдала от нехватки воды, поскольку дождей там выпадало мало или вообще не выпадало, а несколько ручьев в их коротком и стремительном течении с гор оказывали лишь очень ограниченное влияние на обширную территорию. Почва, это правда, была по большей части песчаной и бесплодной; но многие места можно было восстановить, и, действительно, требовалось только надлежащее

орошение, чтобы они могли давать необычайную урожайность. К этим местам вода доставлялась по каналам и подземным акведукам, выполненным с благородным размахом. Они состояли из больших плит свободного камня, хорошо подогнанных друг к другу без использования цемента, и отводили через скрытые каналы или шлюзы достаточное количество воды для увлажнения земель на нижнем уровне, через которые они проходили. Некоторые из этих акведуков были огромной длины. Протяженность одного из них, пересекавшего район Кондесуйю, составляла от четырехсот до пятисот миль. Они были привезены из какого-нибудь возвышенного озера или естественного водоема в сердце гор и время от времени питались из других водоемов, которые лежали на их пути вдоль склонов сьерры. При этом спуске иногда приходилось открывать проход в скалах - и это без помощи железных инструментов; приходилось огибать неприступные горы; пересекать реки и болота; короче говоря, встречались те же препятствия, что и при строительстве их могучих дорог. Но перуанцы, казалось, получали удовольствие от борьбы с трудностями природы. Недалеко от Кашамарки до сих пор виден туннель, который они прорыли в горах, чтобы дать выход водам озера, когда они поднимались на высоту в сезон дождей, что угрожало стране наводнением.19

Большинству этих благотворных творений инков испанские завоеватели позволили прийти в упадок. В некоторых местах воды все еще продолжают течь по своим тихим подземным каналам, изгибы и истоки которых также не исследованы. Другие, хотя и частично обветшавшие и заросшие мусором и буйной растительностью почвы, все еще выдают свой путь случайными пятнами плодородия. Таковы остатки в долине Наска, плодородном месте, лежащем между длинными полосами пустыни; где древние русла инков, достигающие четырех или пяти футов в глубину и трех в ширину и образованные большими блоками нецементированной каменной кладки, проложены с неизвестного расстояния.

Была проявлена величайшая забота о том, чтобы каждый житель земли, по которой протекали эти ручьи, пользовался их благами. Количество воды, выделяемое каждому, было предписано законом; и королевские надзиратели следили за распределением и следили за тем, чтобы она точно использовалась для орошения земли.20

Перуанцы проявили аналогичный дух предприимчивости в своих планах по внедрению земледелия в горных районах своих владений. Многие холмы, хотя и были покрыты прочной почвой, были слишком крутыми, чтобы их можно было возделывать. Они превратили их в террасы, облицованные грубым камнем, равномерно уменьшающиеся к вершине; так что, в то время как нижняя полоса, или анден, как ее называли испанцы, опоясывающая подножие горы, могла занимать сотни акров, самая верхняя была достаточно большой, чтобы вместить лишь несколько рядов индийской кукурузы.21 Некоторые возвышенности представляли собой такое нагромождение цельной скалы, что после того, как их вырубили в виде террас, их пришлось глубоко засыпать землей, прежде чем они могли служить целям земледельца. С таким терпеливым трудом перуанцы боролись с огромными препятствиями, которые представлял собой облик их страны! Без использования инструментов или механизмов, знакомых европейцу, каждый индивид мало что смог бы сделать; но, действуя большими массами и под общим руководством, они благодаря неутомимому упорству смогли достичь результатов, попытка достижения которых могла бы привести в ужас даже европейца.22

В том же духе экономного земледелия, который избавил скалистую сьерру от проклятия бесплодия, они копали под засушливой почвой долин и искали слой, где можно было бы найти

немного естественной влаги. Эти раскопки, называемые испанцами hoyas, или "ямами", были сделаны в огромных масштабах, занимая часто более акра, погруженные на глубину пятнадцати-двадцати футов и огороженные изнутри стеной из адобеса, или кирпичей, обожженных на солнце. Дно котлована, хорошо подготовленное богатым навозом сардин — небольшой рыбы, добываемой в огромных количествах вдоль побережья, — было засажено каким-то зерном или овощем.²³

Перуанские фермеры были хорошо знакомы с различными видами навоза и широко использовали его; обстоятельство, редкое в богатых землях тропиков и, вероятно, нигде не применявшееся грубыми племенами Америки. Они широко использовали гуано, ценное месторождение морской птицы, которое в последнее время привлекает так много внимания со стороны земледельцев как Европы, так и нашей собственной страны, и стимулирующие и питательные свойства которого индейцы прекрасно оценили. Он был найден в таких огромных количествах на многих маленьких островах вдоль побережья, что имел вид высоких холмов, которые, будучи покрыты белой соляной коркой, побудили завоевателей дать им название сьерра-Невада, или "снежные горы".

Инки приняли свои обычные меры предосторожности, чтобы обеспечить земледельцу преимущества этого важного предмета. Они передали небольшие острова на побережье в пользование соответствующим районам, которые прилегали к ним. Когда остров был большим, его распределяли между несколькими районами, и границы для каждого были четко определены. Любое посягательство на права другого человека сурово каралось. И они обеспечивали сохранность домашней птицы такими же суровыми наказаниями, как те, которыми нормандские тираны Англии защищали свою собственную дичь. Никому не разрешалось ступать на остров в сезон размножения под страхом смерти; и убийство птиц в любое время каралось аналогичным образом.²⁴

При таком прогрессе в сельскохозяйственной науке можно было бы предположить, что перуанцы обладали некоторыми знаниями о плуге, столь широко используемом примитивными народами восточного континента. Но у них не было ни железного лемеха для плуга, как в Старом Море, ни тягловых животных, которых, действительно, нигде не было в Новом. Орудием, которым они пользовались, был крепкий, заостренный кол, пересеченный горизонтальным брусом на расстоянии десяти-двенадцати дюймов от острия, на который пахарь мог поставить ногу и с силой воткнуть его в землю. Шесть или восемь сильных мужчин были привязаны веревками к столбу и с силой тащили его вперед, держась вместе и в такт движению распевая свои национальные песни, в которых их сопровождали женщины, следовавшие за ними по пятам, чтобы разбирать землю граблями. Мягкая почва оказывала небольшое сопротивление, и работник, благодаря долгой практике, приобрел ловкость, которая позволяла ему с удивительной легкостью вскапывать землю на необходимую глубину. Этот заменитель плуга был всего лишь неуклюжим приспособлением; тем не менее он любопытен как единственный образец подобного рода у американских аборигенов и, возможно, не намного уступал деревянному орудю, введенному вместо него европейскими завоевателями.²⁵

Часто инки, снабдив пустынный участок средствами для орошения и, таким образом, приспособив его для труда земледельца, переселяли туда колонию митимаес, которые возделывали его, выращивая культуры, наиболее подходящие для данной почвы. В то время как таким образом учитывались особый характер и возможности земель, соседним провинциям

были предоставлены средства обмена различными продуктами, которые с момента образования страны варьировались гораздо больше, чем обычно, в одних и тех же пределах. Чтобы облегчить эти сельскохозяйственные обмены, были учреждены ярмарки, которые проводились три раза в месяц в некоторых из самых густонаселенных мест, где, поскольку деньги были неизвестны, грубый вид торговли поддерживался за счет обмена соответствующих продуктов. Эти ярмарки давали так много поводов для отдыха трудолюбивому труженику.²⁶

Таковы были методы, принятые инками для улучшения своей территории; и, хотя они были несовершенны, им следует позволить продемонстрировать знакомство с принципами сельскохозяйственной науки, что дает им некоторое право претендовать на звание цивилизованного народа. При их терпеливой и разборчивой культуре каждый дюйм хорошей почвы был отдан на откуп наибольшей производительной силе; в то время как наиболее бесперспективные участки были вынуждены вносить какой-то вклад в прокорм людей. Повсюду земля изобиловала свидетельствами плодородия сельского хозяйства, от улыбающихся долин вдоль побережья до террасированных круч сьерры, которые, поднимаясь зелеными пирамидами, сияли всем великолепием тропической растительности.

Образование страны было особенно благоприятным, как уже отмечалось, для бесконечного разнообразия продуктов, не столько из-за ее протяженности, сколько из-за различных возвышенностей, которые, даже более замечательные, чем в Мексике, охватывают все градусы широты от экватора до полярных областей. И все же, хотя температура в этом регионе меняется в зависимости от высоты, она остается почти одинаковой в одних и тех же местах в течение всего года; и житель не ощущает ни одной из тех приятных переменчивостей времени года, которые свойственны умеренным широтам земного шара. Таким образом, в то время как лето находится в полной власти над раскаленными участками пальм и какао-деревьев, окаймляющих берега океана, широкая поверхность плоскогорья цветет свежестью вечной весны, а высокие вершины Кордильер белеют от вечной зимы.

Перуанцы использовали это постоянное разнообразие климата, если можно так выразиться, наилучшим образом, выращивая продукты, соответствующие каждому из них; и они особенно обратили свое внимание на те, которые давали человеку больше всего пищи. Таким образом, на нижнем уровне можно было найти маниоку и банан, это обильное растение, которое, по-видимому, освободило человека от первобытного проклятия — если это не было скорее благословением — трудиться ради пропитания.²⁷ Когда банан исчез с лица земли, была найдена хорошая замена кукурузе, главному сельскохозяйственному продукту как северной, так и южной частей Американского континента; и которая после своего экспорта в Старый Свет распространилась там так быстро, что наводит на мысль о ее местном происхождении.²⁸ Перуанцы были хорошо знакомы с различными способами приготовления этого полезного овоща, хотя, по-видимому, они не использовали его для приготовления хлеба, за исключением праздников; и они извлекали из стебля что-то вроде меда, а из ферментированного зерна делали опьяняющий напиток, к которому, как и ацтеки, были неумеренно пристрастны.²⁹

Умеренный климат плоскогорья подарил им магуэй, *agave Americana*, многие из выдающихся качеств которого они оценили, хотя и не самое важное - возможность использовать его в качестве материала для бумаги. Табак также был среди продуктов этого возвышенного региона. Однако перуанцы отличались от всех других известных индийских народов тем, что использовали его только в медицинских целях, в виде нюхательного табака.³⁰ Возможно, они

нашли заменитель его наркотических свойств в кокосе (*Erythroxylum Peruvianum*), или кука, как называют его туземцы. Это кустарник, который вырастает в рост человека. Собранные листья сушат на солнце и, смешанные с небольшим количеством лайма, образуют заготовку для жевания, очень похожую на листья бетеля на Востоке.³¹ С небольшим запасом этого кука в сумке и горстью жареной кукурузы перуанский индеец нашего времени совершает свои утомительные путешествия день за днем, не уставая или, по крайней мере, не жалуясь. Даже самая бодрящая пища менее полезна ему, чем его любимый наркотик. Говорят, что при инках она предназначалась исключительно для благородных сословий. Если это так, то народ приобрел одну роскошь в результате Завоевания; и после этого периода он так широко пользовался ею, что этот предмет составлял важнейшую статью колониальных доходов Испании.³² И все же, наряду с успокаивающим действием опиата, этот сорняк, столь перевозносимый туземцами, при чрезмерном употреблении, как говорят, сопровождается всеми вредными эффектами обычного опьянения.³³

Выше по склонам Кордильер, за пределами посевов кукурузы и киноа — зерна, имеющего некоторое сходство с рисом и в основном культивируемого индейцами, — был найден картофель, завоз которого в Европу составил целую эпоху в истории сельского хозяйства. Независимо от того, произрастал ли он в Перу или был завезен из соседней страны Чили, при инках он был основным продуктом питания на более возвышенных равнинах, и его культура распространилась на высоту в экваториальных регионах, которая достигала многих тысяч футов над пределами вечных снегов в умеренных широтах Европы.³⁴ Дикорастущие экземпляры этого растения можно было увидеть еще выше, они самопроизвольно появлялись среди низкорослых кустарников, покрывавших высокие склоны Кордильер, пока те постепенно не переходили во мхи и короткую желтую траву: пахональ, который, подобно золотому ковру, был раскатан вокруг основания могучих конусов, поднимавшихся далеко в области вечного безмолвия, покрытые вековыми снегами.³⁵

Книга 1

Глава 5

Перуанские овцы—Великая охота—Мануфактуры—Механическое мастерство—Архитектура—Заключительные размышления

Можно было бы разумно ожидать, что нация, добившаяся такого прогресса в сельском хозяйстве, достигла также некоторого мастерства в механическом искусстве — особенно когда, как в случае с перуанцами, их сельскохозяйственная экономика сама по себе требовала немалого уровня механических навыков. Было обнаружено, что у большинства народов прогресс в производстве имеет тесную связь с прогрессом земледелия. Оба искусства направлены на одну и ту же великую цель - обеспечение предметов первой необходимости, комфорта или, при более утонченном состоянии общества, жизненной роскоши; и когда одно из них доведено до совершенства, которое предполагает определенный прогресс в цивилизации, другое, естественно, должно найти соответствующее развитие в соответствии с растущими требованиями и возможностями такого состояния. Подданные инков в своей терпеливой и спокойной преданности более скромным занятиям промышленностью, которые привязывали их к родной земле, имели большее сходство с такими восточными народами, как индусы и китайцы, чем с членами великой англосаксонской семьи, чей отважный нрав заставил

их искать счастья в бурном океане и открыть торговлю с самыми отдаленными регионами земного шара. Перуанцы, хотя и занимали большую часть морского побережья, не вели внешней торговли.

Они обладали особыми преимуществами для домашнего производства в виде материала, несравненно превосходящего все, чем обладали другие расы Западного континента. Они нашли хорошую замену льну в ткани, которую, подобно ацтекам, умели ткать из прочной нити магуэй. Хлопок в изобилии произрастал на низком, знойном побережье и обеспечивал их одеждой, подходящей для более мягких широт страны. Но от ламы и родственных ей видов перуанских овец они получали шерсть, приспособленную к более холодному климату плоскогорья, "более достойную уважения", если процитировать слова хорошо информированного писателя, "чем пух канадского бобра, шерсть бребиса де Калмука или сирийской козы" 1.

Из четырех разновидностей перуанских овец лама, наиболее известная, наименее ценна из-за своей шерсти. В основном он используется как вьючное животное, для которого, хотя он несколько крупнее любой другой разновидности, его миниатюрные размеры и сила, по-видимому, дисквалифицируют его. Он несет нагрузку немногим более ста фунтов и не может преодолевать более трех-четырёх лиг в день. Но все это компенсируется небольшим уходом и затратами, необходимыми для его управления и обслуживания. Он легко добывает пропитание из мха и чахлой травы, которые скудно растут по иссохшим склонам и кручам Кордильер. Строение его желудка, как и у верблюда, таково, что позволяет ему обходиться без какого-либо запаса воды в течение недель, нет, месяцев подряд. Его губчатое копыто, вооруженное когтем, позволяющим ему надежно держаться на льду, никогда не нуждается в подковах; груз, возложенный на его спину, надежно лежит на шерстяном ложе без помощи подпруги или седла. Ламы передвигаются отрядами по пятьсот или даже тысяче человек, и таким образом, хотя каждая особь несет с собой совсем немного, их совокупность значительна. Весь караван движется своим обычным темпом, проводя ночь под открытым небом, не страдая от самых низких температур, и маршируя в идеальном порядке, повинаясь голосу погонщика. Только при перегрузке резвое маленькое животное отказывается шевелиться, и ни удары, ни ласки не могут заставить его подняться с земли. В этом случае он так же решительно отстаивает свои права, как обычно послушен и не сопротивляется.2

Использование домашних животных отличало перуанцев от других рас Нового Света. Такая экономия человеческого труда за счет замены животного является важным элементом цивилизации, не уступающим только тому, что достигается заменой того и другого машинами. Однако древние перуанцы, по-видимому, придавали этому гораздо меньшее значение, чем их испанские завоеватели, и ценили ламу, как и других животных этого рода, главным образом за ее шерсть. Огромные стада этого "крупного рогатого скота", как их называли, и "мелкого рогатого скота" 3, или альпак, содержались правительством, как уже отмечалось, и находились под руководством пастухов, которые перегоняли их из одной части страны в другую, в зависимости от смены сезона. Эти миграции регулировались со всей точностью, с какой кодекс места определял миграции огромных стад мериносов в Испании; и завоеватели, когда они высадились в Перу, были поражены, обнаружив расу животных, столь сходную с их собственной по свойствам и привычкам, и находящуюся под контролем системы законодательства, которая, как могло показаться, была импортирована с их родной земли.4

Но самый богатый запас шерсти был получен не от этих домашних животных, а от двух других видов, уанако и викуни, которые в естественной свободе бродили по замерзшим хребтам Кордильер; где нередко их можно было увидеть взбирающимися на заснеженные вершины, на которых не обитает ни одно живое существо, за исключением кондора, огромной птицы Анд, чьи широкие крылья поднимают их в воздух на высоту более двадцати тысяч футов над уровнем моря.⁵ На этих суровых пастбищах "стадо без загона" находит достаточное пропитание в ичу, разновидности травы, которая встречается разбросанной по всему великому хребту Кордильер, от экватора до южных границ Патагонии. И поскольку эти границы определяют территорию, проходимую перуанскими овцами, которые редко, если вообще когда-либо, заходят севернее границы, не кажется невероятным, что это загадочное маленькое растение настолько важно для их существования, что его отсутствие является основной причиной, по которой они не проникли в северные широты Кито и Новой Гранады.⁶

Но, несмотря на то, что таким образом перуанский крестьянин бродил без хозяина по бескрайним просторам Кордильер, ему никогда не разрешалось охотиться на этих диких животных, которые охранялись такими же суровыми законами, как и холеные стада, пасущиеся на более возделанных склонах плато. Дичь в лесу и горах была в такой же степени собственностью правительства, как если бы она была огорожена парком или загнана в загон.⁷ Добыча дичи разрешалась только в оговоренных случаях, на больших охотах, которые проводились раз в год под личным руководством инки или его главных чиновников. Эти охоты не повторялись в одном и том же районе страны чаще одного раза. через четыре года это время могло бы быть отведено для восполнения потерь, вызванных ими. В назначенное время все, кто жил в округе и его окрестностях, числом, возможно, в пятьдесят или шестьдесят тысяч человек⁸, были распределены по кругу таким образом, чтобы образовать кордон огромной протяженности, который должен был охватить всю страну, на которую предстояло вести охоту. Мужчины были вооружены длинными шестами и копьями, которыми они били всевозможную дичь, скрывавшуюся в лесах, долинах и горах, безжалостно убивая хищных зверей и загоня остальных, состоявших главным образом из местных оленей, уанако и викуни, в центр широко растянувшегося круга; пока он постепенно не сужался, робкие обитатели леса не сосредоточились на какой-нибудь просторной равнине, где глаз охотника мог свободно обозревать своих жертв, которым негде было укрыться или убежать.

Олени-самцы и некоторые более грубые виды перуанских овец были забиты; их шкуры использовались для различных полезных производств, в которых они обычно используются, а их мясо, нарезанное тонкими ломтиками, распределялось среди людей, которые перерабатывали его в чарки, местное вяленое мясо, составлявшее тогда единственную, а с тех пор и основную животную пищу низших классов Перу.⁹

Но почти все овцы, которых обычно насчитывалось тридцать-сорок тысяч или даже больше, после тщательной стрижки были вынуждены сбежать и вернуться в свои уединенные места обитания среди гор. Собранная таким образом шерсть сдавалась на хранение в королевские склады, откуда в свое время ее раздавали народу. Более грубое качество перерабатывалось в одежду для них самих, а более изысканное - для инков; ибо никто, кроме знати инков, не мог носить тонкую ткань викуни.¹⁰

Перуанцы проявили большое мастерство в изготовлении различных изделий для королевского двора из этого тонкого материала, который под названием шерсть вигонии теперь знаком

ткацким станкам Европы. Из него шили шали, мантии и другие предметы одежды для монарха, а также ковры, покрывала и драпировки для императорских дворцов и храмов. Ткань была отделана одинаково с обеих сторон; тонкость фактуры была такова, что придавала ей блеск шелка; а яркость красок вызывала восхищение и зависть европейских мастеров.¹² Перуанцы производили также изделия большой прочности и долговечности, смешивая шерсть животных с шерстью; и они были искусны в красивой работе с пером, за которую они ценили меньше, чем мексиканцы, из-за превосходного качества материалов для других тканей, которые были в их распоряжении.¹³

Местные жители демонстрировали мастерство в других механических искусствах, аналогичное тому, которое демонстрировали их производители тканей. Предполагалось, что каждый мужчина в Перу знаком с различными ремеслами, необходимыми для домашнего уюта. Для этого не требовалось длительного ученичества, поскольку потребности были столь малы, как среди простого крестьянства инков. Но если бы это было все, это означало бы лишь очень умеренное продвижение в искусстве. Однако были определенные люди, тщательно обученные тем профессиям, которые отвечали требованиям более богатых слоев общества. Эти профессии, как и любое другое призвание и должность в Перу, всегда передавались от отца к сыну.¹⁴ Разделение каст, в данном случае, было таким же точным, как то, которое существовало в Египте или Индостане. Если такое расположение неблагоприятно для оригинальности или для развития особого таланта личности, оно, по крайней мере, способствует легкому и законченному исполнению, знакомя художника с практикой своего искусства с детства.¹⁵

В королевских хранилищах и уаках, или гробницах инков, было обнаружено множество образцов любопытной и искусной работы. Среди них золотые и серебряные вазы, браслеты, ошейники и другие украшения для человека; посуда любого вида, часть из тонкой глины, еще больше из меди; зеркала из твердого полированного камня или полированного серебра, а также великое множество других изделий, часто выполненных по причудливому рисунку, проявляющему не меньше изобретательности, чем вкуса или таланта изобретателя.¹⁶ Характер перуанского ума на самом деле вел к подражанию, а не к изобретению, к утонченности отделки, а не к смелости или красоте дизайна.

То, что они выполнили эти трудные работы с помощью тех инструментов, которые у них были, поистине замечательно. Было сравнительно легко отливать и даже лепить металлические предметы, и то и другое они делали с непревзойденным мастерством. Но то, что они проявили подобную легкость в огранке самых твердых материалов, таких как изумруды и другие драгоценные камни, нелегко объяснить. Изумруды они добывали в значительном количестве в бесплодном районе Атакамес, и этот негибкий материал, по-видимому, был почти таким же пластичным в руках перуанского художника, как если бы он был сделан из глины.¹⁷ Однако местные жители не были знакомы с использованием железа, хотя почва была в значительной степени пропитана им.¹⁸ Используемые орудия были каменными или, чаще, медными. Но материал, на который они опирались для выполнения своих самых сложных задач, был получен путем соединения очень небольшого количества олова с медью.¹⁹ Этот состав придавал металлу твердость, которая, по-видимому, немногим уступала твердости стали. С его помощью перуанский ремесленник не только придавал форму порфиру и граниту, но и благодаря своему терпеливому трудолюбию выполнял работы, за которые европеец никогда бы не отважился взяться. Среди остатков памятников Каннара можно увидеть подвижные кольца на мордах

животных, прекрасно вырезанные из цельного гранитного блока.²⁰ Следует отметить, что египтяне, мексиканцы и перуанцы в своем продвижении к цивилизации никогда не должны были обнаружить применение железа, которое в изобилии находилось вокруг них; и что каждый из них, без какого—либо знания другого, нашел бы ему замену в таком странном составе металлов, который придавал их инструментам почти стальной характер; ²¹ секрет, который был утерян - или, правильнее сказать, никогда не был открыт - цивилизованным европейцем.

Я уже говорил об огромном количестве золота и серебра, из которого изготавливались различные изящные и полезные предметы для инков; хотя это количество было незначительным по сравнению с тем, что могло быть получено благодаря минеральным богатствам земли, и с тем, что впоследствии было получено благодаря более проницательной и беспринципной алчности белого человека. Золото собирали инки из отложений ручьев. Они также добывали руду в значительных количествах в долине Куримайо, к северо-востоку от Каксамарки, а также в других местах; и серебряные рудники Порко, в частности, приносили им значительную прибыль. Однако они не пытались проникнуть в недра земли, проходя шахту, а просто выкопали пещеру в крутых склонах горы или, самое большее, открыли горизонтальную жилу средней глубины. Им также не хватало знаний о наилучших средствах отделения драгоценного металла от шлака, с которым он был соединен, и они понятия не имели о достоинствах ртути — минерала, не редкого в Перу, в качестве амальгамы для осуществления этого разложения.²² Их метод выплавки руды заключался в использовании печей, построенных на возвышенных и открытых местах, где их могли обдувать сильные горные бризы. Короче говоря, подданные инков со всей своей терпеливой настойчивостью сделали немногим больше, чем проникли под земную кору, так сказать, внешнюю оболочку, образовавшуюся над теми золотыми пещерами, которые скрыты в темных глубинах Анд. И все же того, что они извлекали на поверхность, было более чем достаточно для удовлетворения всех их потребностей. Ибо они не были коммерческими людьми и ничего не знали о деньгах.²³ В этом они отличались от древних мексиканцев, у которых была установленная валюта определенной ценности. Однако в одном отношении они превосходили своих американских конкурентов, поскольку использовали весы для определения количества своих товаров, что было совершенно неизвестно ацтекам. Этот факт подтверждается обнаружением серебряных весов, отрегулированных с идеальной точностью, в некоторых гробницах инков.²⁴

Но самый верный критерий цивилизованности народа — по крайней мере, такой же верный, как любой другой, — предоставляемый механическим искусством, можно найти в его архитектуре, которая представляет собой столь благородное поле для проявления великого и прекрасного и которая, в то же время, так тесно связана с основными удобствами жизни. Нет объекта, на который богатые люди расточали бы ресурсы более щедро или который с большей эффективностью задействовал бы изобретательский талант художника. Художник и скульптор могут проявлять свой индивидуальный гений в творениях высочайшего качества, но именно великие памятники архитектурного вкуса и великолепия особым образом запечатлены гением нации. Греческий, египетский, сарацинский, готический — какой ключ дают их соответствующие стили к характеру и состоянию людей! Памятники Китая, Индостана и Центральной Америки - все они свидетельствуют о незрелом периоде, когда воображение не было дисциплинировано изучением, и поэтому в своих лучших проявлениях оно выдает только плохо регламентированные стремления к прекрасному, присущие получивилизованному народу.

Перуанская архитектура, носившая также общие черты несовершенной утонченности, все же имела свой особый характер; и этот характер был настолько единообразен, что здания по всей стране, по-видимому, были отлиты по одной и той же форме.²⁵ Обычно они строились из порфира или гранита; нередко из кирпича. Это, сформованное из блоков или квадратов гораздо больших размеров, чем наш кирпич, было сделано из прочной земли, смешанной с тростником или жесткой травой, и с возрастом приобрело такую степень твердости, что сделало его нечувствительным как к штормам, так и к более палящему солнцу тропиков.²⁶ Стены были большой толщины, но низкие, редко достигая более двенадцати или четырнадцати футов в высоту. Редко можно встретить рассказы о здании, которое поднялось на второй этаж.²⁷

Комнаты не сообщались друг с другом, но обычно выходили во двор; и, поскольку они не были снабжены окнами или проемами, которые им служили, единственный свет снаружи, должно быть, проникал через дверные проемы. Они были сделаны с боковинами, приближающимися друг к другу кверху, так что перемычка была значительно уже порога, что также является особенностью египетской архитектуры. Крыши по большей части исчезли со временем. Некоторые из них сохранились в менее грандиозных зданиях, имеющих необычную форму колокола и построенных из земли и гальки. Предполагается, однако, что они обычно строились из более скоропортящихся материалов, из дерева или соломы. Несомненно, что некоторые из наиболее значительных каменных построек были покрыты соломой. Многие из них, по-видимому, были построены без использования цемента; и авторы утверждали, что перуанцы не были знакомы с использованием строительного раствора или цемента любого вида.²⁸ Но в некоторых зданиях можно обнаружить плотную, вязкую плесень, смешанную с известью, заполняющую щели в граните; а в других, где хорошо подогнанные блоки не оставляют места для этого более грубого материала, глаз антиквара обнаруживает тонкий битумный клей, твердый, как сама скала.²⁹

Наибольшая простота соблюдается при возведении зданий, которые обычно лишены внешнего орнамента; хотя в некоторых огромных камнях выпуклая форма придана с большой регулярностью и они с такой приятной точностью подогнаны друг к другу, что, если бы не канавки, определить линию соединения было бы невозможно. В других случаях камень грубый, поскольку он был взят из каменоломни, самых неправильных форм, с красиво обработанными и подогнанными друг к другу краями. Здесь нет никаких следов колонн или арок, хотя в последнем пункте есть некоторое противоречие. Но не подлежит сомнению, что, хотя они, возможно, и приблизились к этому способу строительства с помощью большего или меньшего наклона стен, перуанские архитекторы были совершенно незнакомы с истинным принципом круглой арки, опирающейся на ключевой камень.³⁰

Архитектура инков характеризуется, по словам выдающегося путешественника, "простотой, симметрией и основательностью"³¹. Может показаться нефилософским осуждать своеобразную моду нации как свидетельство отсутствия вкуса, потому что ее стандарты вкуса отличаются от наших. Тем не менее, в композиции перуанских зданий есть несоответствие, которое свидетельствует о весьма несовершенном знакомстве с основными принципами архитектуры. Хотя они с величайшим искусством соединяли свои громоздкие массивы из порфира и гранита, они были неспособны закалывать бревна и, не разбираясь в железе, не знали лучшего способа скрепления балок, чем связывание их ремнями из магуэя. В том же неуместном духе здание, крытое соломой и не освещенное окном, сияло золотыми и серебряными гобеленами! Это непоследовательность грубого народа, среди которого

искусства развиты лишь частично. Возможно, будет нетрудно найти примеры подобной непоследовательности в архитектуре и домашнем устройстве наших англосаксов, а в еще более поздний период - наших нормандских предков.

Однако постройки инков соответствовали характеру климата и были хорошо приспособлены для того, чтобы противостоять тем ужасным сотрясениям, которые свойственны стране вулканов. Мудрость их плана подтверждается количеством сохранившихся до сих пор зданий, в то время как более современные постройки Завоевателей были погребены под руинами. Рука Завоевателей, действительно, тяжело легла на эти почтенные памятники и в их слепых и суеверных поисках спрятанных сокровищ причинила бесконечно больше разрушений, чем время или землетрясение.³² И все же сохранилось достаточно этих памятников, чтобы привлечь внимание антикваров. До сих пор исследовались только наиболее заметные из них. Но, по свидетельству путешественников, гораздо больше их можно найти в менее посещаемых частях страны; и мы можем надеяться, что однажды они пробудят в нас дух предприимчивости, родственной тому, кто так успешно исследовал таинственные уголки Центральной Америки и Юкатана.

Я не могу завершить этот анализ перуанских институтов без нескольких размышлений об их общем характере и тенденциях, которые, если они предполагают некоторое повторение предыдущих замечаний, могут, я надеюсь, быть извинены из-за моего желания произвести правильное и последовательное впечатление на читателя. В этом обзоре мы не можем не быть поражены полным различием между этими институтами и институтами ацтеков — другой великой нации, которая возглавляла продвижение цивилизации на этом западном континенте и чья империя в северной его части была столь незаметной, как империя инков на юге. Оба народа пришли на плато и начали свой завоевательный путь в даты, которые, возможно, были недалеко удалены друг от друга.³³ И стоит отметить, что в Америке возвышенный регион вдоль гребней великих горных хребтов должен был быть выбранным очагом цивилизации в обоих полушариях.

Политика, проводимая двумя расами в их военной карьере, сильно отличалась. Ацтеки, воодушевленные самым свирепым духом, вели войну на уничтожение, знаменуя свои победы жертвоприношением гекатомбов пленников; в то время как инки, хотя и вели завоевательную игру с таким же упорством, предпочитали более мягкую политику, заменяя насилие переговорами и интригами, и расправлялись со своими противниками так, чтобы их будущие ресурсы не были подорваны и чтобы они пришли в лоно империи как друзья, а не как враги.

Их политика по отношению к завоеванным представляет не менее разительный контраст с той, которую проводили ацтеки. Мексиканские вассалы были подавлены чрезмерными поборами и воинскими повинностями. Никто не заботился об их благополучии, и единственным пределом угнетения была сила терпения. Они испытывали благоговейный трепет перед крепостями и вооруженными гарнизонами, и их ежечасно заставляли чувствовать, что они не являются неотъемлемой частью нации, а находятся только в подчинении как покоренный народ. Инки, с другой стороны, сразу же предоставили своим новым подданным все права, которыми пользовалась остальная часть общества; и, хотя они заставляли их подчиняться установленным законам и обычаям империи, они заботились об их личной безопасности и комфорте со своего рода родительской заботой. Разношерстное население, таким образом, связанное общими интересами, было воодушевлено общим чувством лояльности, которое придавало большую

силу и стабильность империи по мере того, как она становилась все более и более обширной; в то время как различные племена, которые последовательно переходили под мексиканский скипетр, удерживались вместе только давлением внешней силы и были готовы распасться на части в тот момент, когда эта сила была отозвана. Политика двух наций демонстрировала принцип страха в противовес принципу любви.

Характерные черты их религиозных систем имели столь же мало сходства друг с другом. Весь пантеон ацтеков в большей или меньшей степени впитал в себя кровавый дух ужасного бога войны, который руководил им, и их легкомысленный церемониал почти всегда заканчивался человеческими жертвоприношениями и оргиями каннибалов. Но обряды перуанцев были более невинного толка, поскольку они тяготели к более духовному богослужению. Ибо поклонение Творцу наиболее приближено к поклонению небесным телам, которые, вращаясь по своим ярким орбитам, кажутся самыми славными символами его благодеяния и могущества.

В мелком механическом искусстве оба проявили значительное мастерство; но в строительстве важных общественных сооружений, дорог, акведуков, каналов и в сельском хозяйстве во всех его деталях перуанцы были намного выше. Странно, что они оказались настолько ниже своих соперников в стремлении к более высокой интеллектуальной культуре, особенно в астрономии и в искусстве передавать мысли с помощью видимых символов. Когда мы рассматриваем большую утонченность инков, их неполноценность перед ацтеками в этих деталях может быть объяснена только тем фактом, что последние, по всей вероятности, были обязаны своей наукой расе, которая предшествовала им на земле, — той темной расе, происхождение и конец которой одинаково скрыты от глаз исследователя, но которая, возможно, искала убежища от своих свирепых захватчиков в тех регионах Центральной Америки, архитектурные остатки которых сейчас снабжают нас самыми приятными памятниками индейской цивилизации. Именно с этой более утонченной расой, с которой перуанцы, по-видимому, имеют некоторое сходство в своей умственной и моральной организации, их следует сравнивать. Если бы империи инков было позволено расширяться такими быстрыми шагами, какими она развивалась в период испанского завоевания, две расы могли бы вступить в конфликт или, возможно, в союз друг с другом.

Мексиканцы и перуанцы, столь разные по характеру своей особой цивилизации, по-видимому, не подозревали о существовании друг друга; и может показаться странным, что в течение одновременного существования их империй некоторые из зародышей науки и искусства, которые так незаметно переходят от одного народа к другому, не попали через промежуток, разделяющий две нации. Они представляют собой интересный пример противоположных направлений, которые может избрать человеческий разум в своей борьбе за выход из тьмы к свету цивилизации,

Более тесное сходство — как я уже не раз имел возможность заметить — можно обнаружить между перуанскими учреждениями и некоторыми деспотическими правительствами Восточной Азии; теми правительствами, где деспотизм проявляется в его более смягченной форме, а весь народ, находящийся под патриархальной властью своего суверена, кажется собранным вместе, как члены одной огромной семьи. Таковы, например, были китайцы, на которых перуанцы были похожи своим безоговорочным повиновением властям, мягким, но несколько упрямым характером, заботой о формах, почтением к древним обычаям, мастерством в мелком производстве, скорее имитационным, чем изобретательным складом ума и непобедимым

терпением, которое служит вместо более авантюрного духа для выполнения трудных начинаний.³⁴

Еще более тесную аналогию можно найти с коренными жителями Индостана в их разделении на касты, их поклонении небесным телам и элементам природы и их знакомстве с научными принципами ведения сельского хозяйства. С древними египтянами они также имели значительное сходство в тех же деталях, а также в тех представлениях о будущем существовании, которые заставляли их придавать такое большое значение постоянному сохранению тела.

Но мы напрасно будем искать в истории Востока параллель абсолютному контролю, осуществляемому инками над своими подданными. На Востоке это было сосредоточено на физической силе, на внешних ресурсах правительства. Авторитет инки можно сравнить с авторитетом папы римского в дни его могущества, когда христианский мир содрогался от грома Ватикана, а преемник святого Петра наступал на шеи принцев. Но авторитет папы был основан на мнении. Его светская власть была ничем. Империя инков покоилась на обоих. Это была теократия, более могущественная в своем действии, чем у евреев; ибо, хотя санкция закона могла быть столь же велика у последних, закон был изложен законодателем-человеком, слугой и представителем Божественности. Но инка был и законодателем, и законом. Он был не просто представителем Божественности или, подобно папе римскому, ее наместником, но он был самой Божественностью. Нарушение его указа было святотатством. Никогда еще правительственная схема не подкреплялась такими ужасными санкциями и не оказывала такого угнетающего воздействия на ее участников. Ибо это касалось не только видимых действий, но и личного поведения, слов, самих мыслей своих вассалов.

К эффективности правительства немало добавляло то, что ниже государя существовал класс наследственных дворян того же божественного происхождения, что и он сам, которые, находясь намного ниже его, все же были неизмеримо выше остальной части общества не только по происхождению, но, как могло бы показаться, и по своей интеллектуальной природе. Они были исключительными хранителями власти, и, поскольку их долгая наследственная подготовка познакомила их со своим призванием и обеспечила им безоговорочное уважение со стороны толпы, они стали быстрыми и хорошо опытными агентами для осуществления исполнительных мер администрации. Все, что происходило на обширных просторах его империи - такова была совершенная система коммуникаций, — проходило, так сказать, на обозрение перед глазами монарха, и тысяча рук, вооруженных непререкаемой властью, были готовы повсюду выполнить его приказ. Разве это не было, как мы уже говорили, самым жестоким, хотя и самым мягким из деспотизмов?

Это было самое мягкое решение, исходя из того обстоятельства, что высокий ранг суверена и смиренная, более того, суеверная преданность его воле делают излишним утверждать, что это будут акты насилия или суровости. Огромная масса людей, возможно, казалась в его глазах лишь немногим выше состояния животного, созданного для того, чтобы служить его удовольствиям. Но из-за их беспомощности он относился к ним с чувством сострадания, подобным тому, которое добрый хозяин мог бы испытывать к бедным животным, вверенным его попечению, или — отдавая должное благотворному характеру, приписываемому многим инкам, — которое родитель мог бы испытывать к своему молодому и бессильному отпрыску. Законы были тщательно направлены на их сохранение и личный комфорт. Людям не разрешалось ни

выполнять работы, вредные для их здоровья, ни тосковать — печальный контраст с их последующей судьбой — из-за возложенных на них задач, слишком тяжелых для их сил. Они никогда не становились жертвами государственного или частного вымогательства; и благожелательный прогноз тщательно заботился об их нуждах и обеспечивал их облегчение в периоды немощи и поддержание здоровья. Правление инков, каким бы произвольным оно ни было по форме, по своему духу было поистине патриархальным.

Однако в этом не было ничего, что могло бы оскорбить достоинство человеческой природы. То, что было у людей, признавалось как благо, а не как право. Когда нация переходила под скипетр инков, она отказывалась от всех личных прав, даже от самых дорогих для человечества. При таком экстраординарном государственном устройстве люди, продвинутые во многих социальных областях, хорошо владеющие мануфактурой и сельским хозяйством, не были знакомы, как мы видели, с деньгами. У них не было ничего, что заслуживало бы называться собственностью. Они не могли заниматься никаким ремеслом, не могли заниматься ни трудом, ни развлечениями, кроме тех, которые были специально предусмотрены законом. Они не могли сменить место жительства или одежду без разрешения правительства. Они не могли даже воспользоваться свободой, которая предоставляется самым униженным в других странах, - свободой выбора собственных жен. Императивный дух деспотизма не позволил бы им быть счастливыми или несчастными каким-либо иным способом, кроме установленного законом. Свобода воли — бесценное и врожденное право каждого человека — была уничтожена в Перу.

Удивительный механизм перуанского государственного устройства мог возникнуть только в результате сочетания авторитета общественного мнения и позитивной силы правителя в беспрецедентной в истории человечества степени. И все же то, что он так успешно начал действовать и так долго сохранялся вопреки нашим вкусам, предрассудкам и самим принципам нашей натуры, является убедительным доказательством в целом мудрого и умеренного правления правительства.

Политика, обычно проводимая инками для предотвращения бедствий, которые могли бы нарушить порядок вещей, хорошо проиллюстрирована их положениями против бедности и безделья. В них они справедливо усмотрели две главные причины недовольства в многочисленном сообществе. Трудолюбие народа обеспечивалось не только их обязательными занятиями дома, но и их занятостью на тех крупных общественных работах, которые охватывали все части страны и которые в своем упадке все еще свидетельствуют об их первобытном величии. И все же нас вполне может удивить, что естественная трудность этих предприятий, достаточно большая сама по себе, учитывая несовершенство их инструментов и механизмов, была непостижимым образом усилена политическими ухищрениями правительства. Испанские завоеватели уверяют нас, что королевские здания Кито были построены из огромных массивов камня, многие из которых были доставлены по горным дорогам из Куско, на расстояние в несколько сотен лиг. Огромная площадь столицы была на значительную глубину заполнена плесенью, доставленной с невероятным трудом по крутым склонам Кордильер с далеких берегов Тихого океана.³⁶ По перуанскому законодательству труд рассматривался не только как средство, но и как цель.

С их многочисленными положениями, направленными против бедности, читатель уже был ознакомлен. Они были настолько совершенны, что на их обширной территории, большая часть которой была поражена проклятием бесплодия, ни один человек, каким бы скромным он ни

был, не страдал от недостатка пищи и одежды. Голод, столь распространенное бедствие во всех других американских нациях, столь распространенное в тот период во всех странах цивилизованной Европы, был злом, неизвестным во владениях инков.

Наиболее просвещенные из испанцев, впервые посетивших Перу, пораженные общим видом изобилия и преуспеяния и поразительным порядком, с которым все регулировалось по всей стране, громко выражают свое восхищение. Лучшего правительства, по их мнению, нельзя было придумать для народа. Довольные своим положением и свободные от пороков, если воспользоваться выражением выдающегося авторитета того времени, перуанцы по мягкому и покладистому характеру вполне могли бы воспринять учение христианства, если бы любовь к обращению, а не золото, воодушевляла сердца победителей.³⁷ А философ более позднего времени, согретый созерцанием картины общественного процветания и личного счастья, нарисованной его собственным воображением под властью инков, заявляет, что "нравственный человек в Перу намного выше европейца".³⁸

Однако такие результаты вряд ли согласуются с теорией правительства, которую я пытался проанализировать. Там, где нет свободы действий, не может быть и морали. Там, где нет искушения, мало кто может претендовать на добродетель. Там, где рутина строго предписана законом, закон, а не человек, должен отдавать должное поведению. Если то правление является лучшим, которое меньше всего ощущается, которое посягает на естественную свободу подданных лишь в той мере, в какой это необходимо для гражданского подчинения, то из всех созданных человеком правительств перуанское меньше всего заслуживает нашего восхищения.

Нелегко понять гениальность и всю важность институтов, столь противоположных институтам нашей свободной республики, где каждый человек, каким бы скромным ни было его положение, может стремиться к высшим государственным почестям, — может избрать свою карьеру и сколотить состояние по-своему; где свет знаний, вместо того чтобы концентрироваться на немногих избранных, льется повсюду, как дневной свет, и в равной степени падает на бедных и богатых; где столкновение людей с людьми пробуждает великодушное соперничество, которое выявляет скрытые таланты и направляет энергию на максимум; где сознание независимости дает чувство уверенности в себе, неведомое робким подданным деспотизма; где, короче говоря, правительство создано для человека, а не как в Перу, где человек, казалось, был создан только для правительства. Новый Свет — это театр, на котором эти две политические системы, столь противоположные по своему характеру, были приведены в действие. Империя инков исчезла, не оставив и следа. Другой великий эксперимент все еще продолжается — эксперимент, призванный решить проблему, столь долго оспариваемую в Старом Свете, о способности человека к самоуправлению. Увы человечеству, если оно потерпит неудачу!

Свидетельства испанских завоевателей неоднородны в отношении благоприятного влияния, оказываемого перуанскими институтами на характер народа. Говорят, что выпивка и танцы были теми развлечениями, к которым они были неумеренно пристрастны. Подобно рабам и крепостным в других странах, чье положение не позволяло им заниматься более серьезными и облагораживающими занятиями, они находили замену в легкомыслии или чувственных удовольствиях. Ленивые, роскошные и распущенные — вот эпитеты, которыми наградили их один из тех, кто видел их во время Завоевания, но чье перо было не слишком дружелюбно к

индейцам.³⁹ И все же дух независимости вряд ли мог быть силен в народе, у которого не было ни интереса к земле, ни личных прав, которые нужно было защищать; и легкость, с которой они уступили испанскому захватчику — после всех поправок на их сравнительную неполноценность — свидетельствует о прискорбном отсутствии того патриотического чувства, которое так же мало ценит жизнь по сравнению со свободой.

Но мы не должны слишком строго судить несчастного туземца за то, что он дрогнул перед европейской цивилизацией. Мы не должны оставаться равнодушными к действительно великим результатам, которых добилось правительство инков. Мы не должны забывать, что при их правлении самые ничтожные люди пользовались гораздо большей степенью личного комфорта, по крайней мере, большей свободой от физических страданий, чем обладали аналогичные классы в других странах американского континента, — большей, вероятно, чем обладали эти классы в большинстве стран феодальной Европы. Под их скипетром высшие государственные чины добились успехов во многих искусствах, принадлежащих культурному сообществу. Были заложены основы регулярного правительства, которое в эпоху грабежа обеспечило своим подданным неоценимые блага спокойствия и безопасности. Благодаря хорошо продуманной политике инков грубые лесные племена были постепенно вытеснены из своих убежищ и собраны в складках цивилизации; и из этих материалов была построена процветающая и густонаселенная империя, какой нельзя было найти ни в одной другой части американского континента. Недостатками этого правительства были чрезмерные уточнения в законодательстве — последние недостатки, которые следовало искать, конечно, у американских аборигенов.

Примечание. Я не счел нужным дополнять это Введение исследованием происхождения перуанской цивилизации, подобным тому, что прилагается к "Истории Мексики". История Перу, несомненно, наводит на аналогии с более чем одной нацией на Востоке, о некоторых из которых мы кратко упоминали на предыдущих страницах; хотя эти аналогии приводятся там не как свидетельство общего происхождения, а как свидетельство совпадений, которые естественным образом могут возникать у разных наций на одном и том же этапе развития цивилизации. Подобные совпадения не столь многочисленны и не столь поразительны, как те, которые дает история ацтеков. Соответствие, представленное астрономической наукой мексиканцев, само по себе имеет большее значение, чем все остальное, однако аналогии, проливаемые институтами инков, по-видимому, указывают, насколько это возможно, в том же направлении; и поскольку исследование могло представить лишь немного существенного для подтверждения и еще меньше для опровержения взглядов, высказанных в предыдущем исследовании, я не счел за лучшее утомлять им читателя.

Двумя выдающимися авторитетами, на которых я опирался в этой вводной части работы, являются Хуан де Сармьенто и лицензиат Ондегардо. О первом мне не удалось собрать никакой информации, кроме той, что содержится в его собственных трудах. В заголовке, предваряющем его рукопись, он назван президентом Совета Индии - должности высокого авторитета, которая свидетельствует о весе характера в партии и средствах получения информации, что дает право на большое уважение к его мнению по колониальным темам.

Эти источники информации были значительно расширены во время визита Сармьенто в колонии во время правления Гаски. Задумав составить историю древних перуанских институтов, он посетил Куско, как он рассказывает нам, в 1550 году и там почерпнул у самих

туземцев материалы для своего повествования. Его положение давало ему доступ к самым достоверным источникам знаний, и из уст знати инков, наиболее образованных представителей покоренной расы, он узнал о традициях их национальной истории и институтах. Кипу образовывали, как мы видели, несовершенную мнемоническую систему, требующую постоянного внимания и значительно уступающую мексиканским иероглифам. Только благодаря усердному обучению они стали доступны для исторических целей; и этим обучением настолько пренебрегли после завоевания, что древние летописи страны погибли бы вместе с поколением, которое было их единственным хранителем, если бы не усилия нескольких умных ученых, таких как Сармьенто, которые видели важность в этот критический период налаживания контактов с местными жителями и извлечения из них их скрытых запасов информации.

Чтобы придать своей работе еще большую достоверность, Сармьенто путешествовал по стране, осматривал основные представляющие интерес объекты собственными глазами и, таким образом, проверял рассказы туземцев, насколько это было возможно, путем личного наблюдения. The result of these labors was his work entitled, "Relacion de la sucesion y gobierno de las Yngas Senores naturales que fueron de las Provincias del Peru y otras cosas tocantes a aquel Reyno, para el Iltmo. Senor Dn Juan Sarmiento, Presidente del Consejo Rl de Indias."

Она разделена на главы и охватывает около четырехсот страниц рукописи. Вступительная часть работы посвящена традиционным рассказам о происхождении и раннем периоде инков; в древностях варварского народа, как обычно, изобилуют легендарные предания самого дикого и чудовищного характера. И все же эти ребяческие концепции представляют собой неисчерпаемый источник для трудов антиквара, пытающегося распутать аллегорическую сеть, которую хитроумное жречество придумало как символ тех тайн творения, постичь которые было выше их сил. Но Сармьенто с радостью ограничивается простым изложением традиционных басен, без химерического стремления объяснить их.

Из этого романтического региона Сармьенто переходит к институтам перуанцев, описывает их древнее государственное устройство, религию, прогресс в искусстве, особенно в сельском хозяйстве; короче говоря, представляет сложную картину цивилизации, которой они достигли при династии инков. Эта часть его работы, опирающаяся на наилучший авторитет, подтвержденный во многих случаях его собственными наблюдениями, имеет неоспоримую ценность и написана с очевидным уважением к правде, что вызывает доверие читателя. Заключительная часть рукописи посвящена гражданской истории страны. Правление ранних инков, которое лежит за пределами трезвой области истории, он описывает с похвальной краткостью. Но во время трех последних царствований и, к счастью, среди величайших принцев, занимавших перуанский трон, он был более рассеянным. Это была сравнительно твердая почва для летописца, поскольку события были слишком недавними, чтобы их можно было затемнить вульгарными легендами, которые, как мох, обрастают каждым происшествием более давних времен. Его рассказ заканчивается на испанском вторжении: Сармьенто чувствовал, что эту историю можно смело оставить его современникам, которые сыграли в ней определенную роль, но чей вкус и образование позволили им безразлично исследовать древности и социальные институты местных жителей.

Творчество Сармьенто выдержано в простом, проникательном стиле, без стремления к риторическому показу, слишком характерного для его соотечественников. Он пишет с

искренней прямоотой, и хотя он отдает должное достоинствам и способностям покоренных рас, он с негодованием отмечает зверства испанцев и деморализующую тенденцию завоевателей. Действительно, можно подумать, что он слишком высоко оценивает достижения нации при инках. И не исключено, что, пораженный пережитками первоначальной цивилизации, которые она давала, он влюбился в свой предмет и таким образом изобразил его в красках, несколько слишком ярких для глаза европейца. Но это был приятный недостаток, не слишком разделяемый суровыми Завоевателями, которые ниспровергали институты страны и не видели в ней ничего достойного восхищения, кроме ее золота. Далее следует признать, что Сармьенто не имеет намерения навязывать что-либо своему читателю и что он тщательно проводит различие между тем, что он сообщает понаслышке, и тем, что основано на личном опыте. Сам Отец истории не проводит более тщательного различия между этими двумя вещами.

Нельзя также полностью оправдать испанского историка от суеверия, присущего его времени; и мы часто видим, что он приписывает непосредственному вмешательству сатаны те последствия, которые с таким же успехом можно было бы списать на порочность человека. Но это было обычным явлением для той эпохи и для самых мудрых людей в ней; и требовать от человека быть мудрее своего поколения - слишком много. Достаточной похвалой Сармьенто является то, что в эпоху, когда суеверие слишком часто сочеталось с фанатизмом, в его натуре, по-видимому, не было и намека на фанатизм. Его сердце открывается с полнотой благожелательности несчастному туземцу; и его язык, хотя и не озарен религиозным сиянием миссионера, согрет щедрым лучом филантропии, который охватывает побежденных не меньше, чем завоеватели, как своих братьев.

Несмотря на огромную ценность работы Сармьенто с точки зрения информации, которую она дает о Перу времен правления инков, она малоизвестна, историки к ней редко обращались, и она до сих пор остается среди неопубликованных рукописей, которые лежат, подобно нечekanенным слиткам, в тайных хранилищах Эскуриала.

Другой авторитет, на которого я ссылался, лицензиат Поло де Ондегардо, был весьма уважаемым юристом, чье имя часто упоминается в делах Перу. Я не нахожу сведений о периоде, когда он впервые приехал в страну. Но он был там по прибытии Гаски и проживал в Лиме при узурпации власти Гонсало Писарро. Когда хитрый Сепеда попытался заручиться подписями жителей под документом, провозглашающим верховную власть его вождя, мы видим, что Ондегардо возглавил сопротивление представителей его профессии. По прибытии Гаска согласился поступить на службу в свою армию. По окончании восстания он был назначен коррехидором Ла-Платы, а затем и Куско, на этом почетном посту он, по-видимому, оставался несколько лет. Выполняя свои судебские функции, он вступил в близкие сношения с туземцами и имел достаточно возможностей для изучения их законов и древних обычаев. Он вел себя с такой осмотрительностью и умеренностью, что, по-видимому, завоевал доверие не только своих соотечественников, но и индейцев; в то время как администрация старалась использовать его большой опыт в разработке мер по улучшению управления колонией.

Реляции, столь часто упоминаемые в этой Истории, были подготовлены по предложению вице-королей, первая из которых была адресована маркизу де Каньете в 1561 году, а вторая, десять лет спустя, конде де Ньева. Эти две работы охватывают примерно столько же места, сколько рукопись Сармьенто; и можно подумать, что второй мемориал, написанный спустя столько

времени после первого, отражает преклонный возраст автора, проявляющийся в большей небрежности и размытости композиции.

Поскольку эти документы носят характер ответов на запросы, выдвинутые правительством, может показаться, что круг тем ограничен более узкими рамками, чем хотелось бы современному историку. Эти вопросы, действительно, имели особое отношение к доходам, дани - короче говоря, к финансовому управлению инков; и на эти неясные темы сообщение Ондегардо особенно полно. Но просвещенное любопытство правительства охватывало гораздо более широкий круг вопросов; и ответы неизбежно подразумевали знакомство с внутренней политикой инков, с их законами, социальными привычками, их религией, наукой и искусствами, короче говоря, со всем, что составляет элементы цивилизации. Таким образом, мемуары Ондегардо охватывают всю область исследований историка-философа.

В управлении этими различными предметами Ондегардо проявляет как проницательность, так и эрудицию. Он никогда не уклоняется от обсуждения, каким бы трудным оно ни было; и хотя он излагает свои выводы с напускной скромностью, очевидно, что он сознает, что получил свою информацию по самым достоверным каналам. Он с презрением отвергает сказочное; принимает решение о вероятности тех фактов, которые он излагает, и откровенно разоблачает недостаток доказательств. Далекий от того, чтобы демонстрировать простой энтузиазм благонамеренного, но доверчивого миссионера, он действует хладнокровно и осторожно юриста, привыкшего к противоречивости свидетельских показаний и неопределенности устной традиции. Такая осмотрительная манера поведения и умеренный характер его суждений дают право Ондегардо на гораздо более высокое уважение как к авторитету, чем к большинству его соотечественников, занимавшихся индийскими древностями.

В его произведениях сквозит человечность, проявляющаяся особенно в его нежности к несчастным туземцам, к древней цивилизации которых он отдает полную, но не чрезмерную справедливость; в то время как, подобно Сармьенто, он бесстрашно осуждает бесчинства своих соотечественников и признает мрачный позор, который они навлекли на честь нации. Но хотя это порицание является сильнейшим основанием для осуждения Завоевателей, поскольку оно исходит из уст такого же испанца, как и они сами, оно также доказывает, что Испания в этот век насилия могла выпустить из своей груди мудрых и хороших людей, которые отказались объединяться с окружающим их распущенным сбродом. Действительно, в этих самых памятниках приводится достаточно доказательств неустанных усилий колониального правительства, начиная с доброго вице-короля Мендосы и далее, по обеспечению защиты и преимуществ мягкого законодательства для несчастных туземцев. Но железные завоеватели и колонисты, сердце которых смягчалось только от прикосновения золота, представляли собой непреодолимое препятствие на пути совершенствования.

Труды Ондегардо достойно отличаются свободой от того суеверия, которое является унижительной чертой того времени; суеверия, проявляющегося в легкомысленном отношении к чудесам, и это в равной степени относится как к языческим, так и к христианским историям; ибо в первом левоверный глаз мог с такой же легкостью распознать прямое вмешательство сатаны, как во втором - руку Всемогущего. Именно эта непоколебимая вера в духовную силу, направленную как на добро, так и на зло, составляет одну из наиболее выдающихся черт писаний шестнадцатого века. Ничто не может быть более противным истинному духу

философского исследования или более несовместимым с рациональной критикой. Далекий от того, чтобы проявлять подобную слабость, Ондегардо пишет в прямой и деловой манере, оценивая вещи так, как они того стоят, руководствуясь простым правилом здравого смысла. Он постоянно держит в поле зрения главную цель своей аргументации, не позволяя себе, подобно словоохотливым хроникерам того периода, запутаться в тысяче бессвязных эпизодов, которые сбивают читателя с толку и ни к чему не приводят.

Мемуары Ондегардо посвящены не только древностям нации, но и ее действительному состоянию, а также лучшим средствам для исправления многочисленных зол, которым она подверглась под суровым правлением своих завоевателей. Его предложения полны мудрости и милосердной политики, которая совместила бы интересы правительства с процветанием и счастьем его самого скромного вассала. Таким образом, в то время как его современники извлекли свет из его предположений относительно нынешнего положения дел, историки более поздних времен не меньше обязаны ему информацией о прошлом. Эррера свободно ознакомился с его рукописью, и читатель, просматривая страницы ученого историка Индии, бессознательно пользуется результатами исследований Ондегардо. Таким образом, его ценные реликвии были полезны будущим поколениям, хотя они никогда не удостоивались почестей прессы. Экземпляр, находящийся в моем распоряжении, как и рукопись Сармьенто, за который я в долгу перед этим трудолюбивым библиографом мистером Ричом, составлял часть великолепной коллекции лорда Кингсборо, — имя, которое навсегда останется в памяти ученого за его неустанные усилия проиллюстрировать древности Америки.

Следует отметить, что на рукописях Ондегардо нет его подписи. Но они содержат намеки на несколько событий из жизни писателя, которые, вне всякого разумного сомнения, идентифицируют их как его произведение. В архивах Симанкаса есть дубликат первого мемориала, *Relacion Primera*, однако, как и в *Escorial*, без имени автора. Муньос приписывает его перу Габриэля де Рохаса, выдающегося кавалера времен Конкисты. Это явная ошибка, поскольку автор рукописи отождествляет себя с Ондегардо, заявляя в своем ответе на пятый вопрос, что он был тем человеком, который обнаружил мумии инков в Куско; акт, на который Акоста и Гарсилассо прямо ссылаются на лиценциата Поло де Ондегардо, когда тот был коррехидором этого города.—Если мадридские ученые в будущем включают в число публикаций ценных рукописей эти *Relaciones*, они должны быть осторожны, чтобы не впасть в ошибку из-за авторитета такого критика, как Муньос, чья критика редко бывает ошибочной.

История завоевания Перу

Уильям Хиклинг Прескотт

Книга 2

Открытие Перу

Глава 1

Древние и современные науки—Искусство мореплавания—Морские открытия—
Дух испанцев—Владения В Новом Свете—
Слухи о Перу

Какие бы расхождения во мнениях ни существовали относительно сравнительных достоинств древних и современных людей в искусстве, поэзии, красноречии и во всем, что зависит от воображения, не может быть никаких сомнений в том, что в науке у современных людей огромное преимущество. Иначе и быть не могло. В ранние века мира, как и в ранний период жизни, была свежесть утреннего существования, когда блеск новизны был на каждой вещи, попадавшей на глаза; когда чувства, не притупленные привычностью, были более остро восприимчивы к прекрасному, а ум, находящийся под влиянием здорового и естественного вкуса, не был извращен философскими теориями; когда простое было неизбежно связано с прекрасным, а эпикурейский интеллект, насытившийся повторением, не начал искать стимуляторов в фантастическом и причудливом. Все царства фантазии были неисследованы, и самые прекрасные их цветы не были сорваны, и их красота не была испорчена грубым прикосновением тех, кто делал вид, что выращивает их. Крыло гения не было привязано к земле холодными и общепринятыми правилами критики, но ему было позволено совершать свой полет далеко и широко над обширными просторами творчества.

Но с наукой дело обстояло иначе. Никакой гениальности не хватило бы для создания фактов, и уж тем более для их обнаружения. Они должны были собираться с помощью болезненного усердия; собираться в результате тщательного наблюдения и эксперимента. Гений, действительно, мог бы упорядочить и объединить эти факты в новые формы и извлечь из их сочетаний новые и важные выводы; и в этом процессе он мог бы почти соперничать по оригинальности с творениями поэта и художника. Но если процессы науки неизбежно медленны, то они верны. В ее сфере нет ретроградного движения. Искусство может увянуть, Муза онеметь, моральная летаргия может сковать способности нации, сама нация может исчезнуть, оставив только память о своем существовании, но накопленные ею научные знания будут существовать вечно. По мере того, как на сцену выходят другие нации и возникают новые формы цивилизации, памятники искусства и воображения, произведения более древних времен, станут препятствием на пути совершенствования. На них нельзя построить; они занимают почву, которую новый стремящийся к бессмертию покрыв бы. Вся работа должна быть проделана заново, и другие формы красоты — будь то более высокие или более низкие по шкале достоинств, но непохожие на прошлые — должны возникнуть, чтобы занять место рядом с ними. Но в науке каждый заложенный камень остается фундаментом для другого. Грядущее поколение берется за работу там, где ее оставили предыдущие. Обратного движения нет. Отдельная нация может отступать, но наука по-прежнему развивается. Каждый достигнутый шаг облегчает восхождение тем, кто придет после. Каждый шаг уносит терпеливого исследователя истины все выше и выше к небесам, и по мере того, как он поднимается, перед ним открываются более широкие горизонты и новые, более великолепные виды на вселенную.

География испытывала те же затруднения, что и любая другая область науки в первобытные века мира. Познание земли могло прийти только благодаря расширенной торговле; а торговля основана на искусственных потребностях или просвещенном любопытстве, едва ли совместимых с прежним состоянием общества. В период зарождения наций различные племена, занятые своей внутренней враждой, находили мало поводов для того, чтобы выйти за пределы горной цепи или широкого ручья, которые служили естественной границей их владений. Правда, говорят, что финикийцы переплыли Геркулесовы столпы и вышли в великий западный океан. Но приключения этих древних путешественников принадлежат мифическим легендам древности и выходят далеко за рамки достоверных свидетельств.

Греки были быстрыми и предприимчивыми. искусные в механическом искусстве, они обладали многими качествами успешных мореплавателей и в пределах своего небольшого внутреннего моря путешествовали бесстрашно и свободно. Но завоевания Александра сделали больше для расширения пределов географической науки и открыли знакомство с отдаленными странами Востока. И все же поход завоевателя медленен по сравнению с передвижениями необремененного путешественника. Римляне были все же менее предприимчивы, чем греки, и отличались менее коммерческим характером. Вклад в географические знания рос по мере медленного становления империи. Но их система имела тенденцию к централизации; и вместо того, чтобы ориентироваться вовне и искать открытий за границей, каждая часть обширных имперских владений повернулась к столице, которая была их головным пунктом и центральной точкой притяжения. Римский завоеватель шел своим путем по суше, а не по морю. Но вода - великая дорога между народами, истинная стихия для первооткрывателя. Римляне не были морским народом. На закате их империи вряд ли можно было сказать, что географическая наука простиралась дальше, чем знакомство с Европой, — и это не более северный ее раздел, — вместе с частью Азии и Африки; в то время как у них не было иного представления о мире за пределами западных вод, кроме того, что можно было почерпнуть из удачного предсказания поэта.¹

Затем последовало Средневековье; темные века, как их называют, хотя в их темноте созрели те семена знания, которым со временем предстояло взойти в новые и более славные формы цивилизации. Организация общества стала более благоприятной для географической науки. Вместо одной разросшейся, вялотекущей империи, угнетающей все своим колоссальным весом, Европа была разделена на различные независимые сообщества, многие из которых, приняв либеральные формы правления, чувствовали все импульсы, естественные для свободных людей; и маленькие республики на Средиземном море и Балтике послали свои полчища моряков для прибыльной торговли, которая связала воедино различные страны, разбросанные по великим европейским водам.

Но усовершенствования, произошедшие в искусстве навигации, более точное измерение времени и, прежде всего, открытие полярности магнита, значительно продвинули вперед дело географических знаний. Вместо того чтобы робко красться вдоль побережья или ограничивать свои экспедиции узкими бассейнами внутренних вод, путешественник теперь мог смело расправлять паруса на глубине, уверенный в том, что проводник безошибочно направит его барку через бескрайние просторы. Сознание этой силы заставило мысль двигаться в новом направлении, и моряк начал серьезно искать другой путь к индийским островам Пряностей, отличный от того, которым восточные караваны пересекали азиатский континент. Нациями, на которых естественным образом снизошел дух предприимчивости в этот кризис, были Испания и Португалия, размещенные на передовых рубежах европейского континента, господствующих над великим театром будущих открытий.

Обе страны чувствовали ответственность своего нового положения. Португальская корона на протяжении всего XV века неустанно пыталась найти проход вокруг южной оконечности Африки в Индийский океан; хотя навигация была настолько робкой, что каждый новый мыс становился непреодолимым препятствием; и только во второй половине столетия отважный Диас полностью обогнул Бурный мыс, как он его называл, но который Иоанн Второй с более удачливым предзнаменованием назвал мысом Доброй Надежды. Но прежде чем Васко де Гама

воспользовался этим открытием, чтобы расправить паруса в индийских морях, Испания вступила на свой славный путь и отправила Колумба через западные воды.

Целью великого мореплавателя по-прежнему было открытие пути в Индию, но с запада, а не с востока. Он не ожидал встретить на своем пути континент и после неоднократных путешествий остался при своем первоначальном заблуждении, умерев, как хорошо известно, в убеждении, что он достиг восточного берега Азии. Это была та же цель, которая направляла морские предприятия тех, кто следовал по стопам адмирала; и открытие пролива в Индийский океан было бременем каждого приказа правительства и замыслом многих экспедиций в различные точки нового континента, который, казалось, растянулся в левиафаническую длину от одного полюса до другого. Открытие индийского пролива является истинным ключом к морским перемещениям пятнадцатого и первой половины шестнадцатого веков. Это была великая ведущая идея, придавшая характер предприятию того времени.

В настоящее время нелегко понять импульс, который дало Европе открытие Америки. Это было не постепенное приобретение какой-то пограничной территории, провинции или королевства, а Новый Мир, который теперь был открыт для европейцев. Расы животных, минеральные богатства, растительные формы и разнообразные аспекты природы, человек на разных этапах цивилизации наполнили разум совершенно новыми наборами идей, которые изменили привычный ход мысли и подтолкнули его к неопределенным предположениям. Стремление исследовать удивительные тайны нового полушария стало настолько активным, что главные города Испании в некотором смысле обезлюдели, поскольку эмигранты стекались один за другим, чтобы воспользоваться своим шансом окунуться в пучину. Это был мир романтики, который был распахнут настежь; ибо, какой бы ни была удача авантюриста, его отчеты о возвращении были окрашены романтикой, которая еще сильнее возбуждала чувствительное воображение его соотечественников и питала химерические чувства рыцарского века. Они внимательно слушали рассказы об амазонках, которые, казалось, воплощали в себе классические легенды древности, истории о патагонских великанах, яркие картины Эльдорадо, где пески сверкали драгоценными камнями, а золотые камешки величиной с птичье яйцо вытаскивали сетями из рек.

Однако то, что авантюристы были не самозванцами, а обманутыми, слишком легко обманутыми своими левоверными фантазиями, доказывается экстравагантным характером их предприятий; экспедициями в поисках волшебного Источника Здоровья, золотого Храма Добойбы, золотых гробниц Зену; ибо золото постоянно маячило перед их помраченным взором, а название Кастилия дель Оро, Золотой Кастилии, самого нездорового и убыточного региона Перешейка, сулило незадачливому поселенцу блестящие перспективы. который слишком часто вместо золота находил там только свою могилу.

В этом царстве волшебства все аксессуары служили для поддержания иллюзии. Простые туземцы, с их незащитными телами и грубым оружием, не могли сравниться с европейскими воинами, вооруженными до зубов в кольчугах. Шансы были столь же велики, как и в любой рыцарской легенде, где копье доброго рыцаря одним касанием опрокидывало сотни людей. Опасности, подстерегавшие первооткрывателя, и страдания, которые ему пришлось перенести, едва ли уступали тем, что выпадали на долю странствующего рыцаря. Голод, жажда и усталость, смертоносные испарения болот с их роями ядовитых насекомых, холод горных снегов и палящее солнце тропиков - таков был удел каждого кавалериста, приезжавшего искать

счастья в Новом Свете. Это была романтическая реальность. Жизнь испанского авантюриста стала еще одной главой — и не менее примечательной — в хрониках странствующего рыцарства.

Характер воина приобрел несколько преувеличенную окраску, присущую его подвигам. Гордый и тщеславный, преисполненный возвышенных предчувствий своей судьбы и непоколебимой уверенности в собственных силах, он не мог устрашиться никакой опасности и не мог утомить себя тяжелым трудом. Действительно, чем больше опасность, тем сильнее очарование; ибо его душа упивалась возбуждением, а предприятие без опасностей нуждалось в той романтической жилке, которая была необходима, чтобы побудить его энергию к действию. И все же в мотивах поступков низменные влияния странным образом смешивались с более возвышенными, мирское - с духовным. Золото было стимулом и компенсацией, и в погоне за ним его непреклонная натура редко колебалась относительно средств. Его мужество было запятнано жестокостью, жестокостью, которая в равной степени проистекала — как это ни странно — из его алчности и его религии; религии, как ее понимали в ту эпоху, — религии крестоносцев. Это был удобный плащ для множества грехов, который прикрывал их даже от него самого. Кастилец, слишком гордый для лицемерия, совершил во имя религии больше жестокостей, чем когда-либо совершал языческий идолопоклонник или фанатичный мусульманин. Сожжение неверного было жертвой, приемлемой для Небес, а обращение тех, кто выжил, в полной мере искупало самые гнусные проступки. Печально и унижительно сознавать, что самый бескомпромиссный дух нетерпимости — дух инквизитора дома и крестоносца за границей - должен был исходить от религии, проповедующей мир на земле и добрую волю по отношению к человеку!

Какой контраст представляли эти дети Южной Европы с англосаксонскими расами, рассеявшимися по великому северному району западного полушария! Ибо принципом действий с этими последними была не алчность и не более благовидный предлог прозелитизма, а независимость - независимость религиозная и политическая. Чтобы обеспечить это, они довольствовались тем, что зарабатывали на жизнь скромным трудом. Они ничего не просили у земли, кроме разумной отдачи от своего собственного труда. Никакие золотые видения не окружали их путь обманчивым ореолом и не манили их вперед через моря крови к свержению незаконной династии. Они были довольны медленным, но неуклонным прогрессом своего социального устройства. Они терпеливо переносили лишения дикой природы, поливая дерево свободы своими слезами и в поте лица, пока оно не пустило глубокие корни в земле и не протянуло свои ветви высоко к небесам; в то время как общины соседнего континента, внезапно расцветшие великолепием тропической растительности, даже в расцвете сил демонстрировали явные признаки упадка.

По-видимому, Провидение специально распорядилось, чтобы открытие двух великих частей американского полушария выпало на долю двух рас, наиболее приспособленных для их завоевания и колонизации. Таким образом, северная часть была отдана англосаксонской расе, чьи упорядоченные, трудолюбивые привычки нашли широкое поле для развития под ее более холодным небом и на ее более суровой почве; в то время как южная часть, с ее богатыми тропическими продуктами и минеральными богатствами, представляла собой самую привлекательную приманку для предприимчивости испанца. Насколько иным мог бы быть результат, если бы корабль Колумба взял более северное направление, как он когда-то

предполагал, и высадил свою группу искателей приключений на берегах нынешней протестантской Америки!

Под давлением того духа морской предприимчивости, который наполнял морские сообщества Европы в шестнадцатом веке, менее чем за тридцать лет после его открытия был исследован весь огромный континент от Лабрадора до Огненной земли; и в 1521 году португальский "Магеллан", плававший под испанским флагом, разрешил проблему пролива и нашел западный путь к долгожданным островам пряностей в Индии, — к большому удивлению португальцев, которые, плывя с противоположного направления, там лицом к лицу встретились со своими соперниками-антиподами. Но в то время как все восточное побережье Американского континента было исследовано, а центральная его часть колонизирована, — даже после блестящего достижения мексиканского завоевания, - завеса, нависшая над золотыми берегами Тихого океана, еще не была приподнята.

Время от времени до испанцев доходили слухи о странах дальнего запада, изобилующих металлом, которого они так жаждали; но первое отчетливое упоминание о Перу появилось примерно в 1511 году, когда Васко Нуньес де Бальбоа, первооткрыватель Южного моря, взвешивал золото, собранное им у туземцев. Присутствовавший при этом молодой вождь варваров ударил кулаком по весам и, разбросав сверкающий металл по всему помещению, воскликнул: "Если это то, что вы цените так сильно, что готовы покинуть свои далекие дома и рисковать даже самой жизнью ради этого, я могу рассказать вам о стране, где едят и пьют из золотых сосудов, а золото у вас так же дешево, как железо". Вскоре после этого поразительного известия Бальбоа совершил грандиозное приключение - взобрался на горный вал перешейка, разделяющего два могучих океана. друг от друга; когда, вооруженный мечом и щитом, он бросился в воды Тихого океана и воскликнул в истинно рыцарском духе, что "он предъявил права на это неведомое море со всем, что в нем есть, королю Кастилии и что он предъявит права на всех, христиан или неверных, кто осмелится ему воспротивиться!"³ Весь обширный континент и солнечные острова, омываемые водами Южного океана! Отважный кавалер почти не осознавал всего значения своего великолепного хвастовства.

Здесь он получил более подробные сведения о перуанской империи, услышал рассказы о доказательствах ее цивилизации и ему показали рисунки ламы, которая европейскому глазу казалась разновидностью арабского верблюда. Но, хотя он направил свою каравеллу в эти золотые царства и даже продвинул свои открытия примерно на двадцать лиг к югу от залива Святого Михаила, это приключение было предназначено не для него. Прославленный первооткрыватель был обречен пасть жертвой той жалкой ревности, с которой маленький дух относится к достижениям великого.

Испанские колониальные владения были разделены на ряд мелких органов управления, которые иногда поручались фаворитам двора, хотя, поскольку обязанности на этой должности в этот ранний период носили тяжелый характер, они чаще оставались за людьми с определенным практическим талантом и предприимчивостью. Колумб, в силу своего первоначального контракта с короной, обладал юрисдикцией над территориями, открытыми им самим, включая некоторые из главных островов и несколько мест на континенте. Эта юрисдикция отличалась от юрисдикции других должностных лиц тем, что была наследственной; привилегия, оказавшаяся в конце концов слишком значительной для подданного и замененная, следовательно, титулом и пенсией. Эти колониальные правительства множились по мере роста империи, и к 1524 году,

периоду, с которого собственно и начинается наше повествование, были рассеяны по островам, вдоль Дарьенского перешейка, широкой части Твердой земли и недавних завоеваний Мексики. Некоторые из этих правительств не имели большого размаха. Другие, подобные Мексике, имели размеры королевства; и большинству из них был отведен неопределенный простор для открытий в непосредственной близости, с помощью которого каждый из мелких властителей мог расширить свое территориальное влияние и обогатить своих последователей и себя самого. Такое политическое устройство наилучшим образом служило целям короны, обеспечивая постоянный стимул для духа предприимчивости. Таким образом, живя в своих собственных маленьких владениях на большом расстоянии от метрополии, эти военные правители обладали своего рода вице-королевской властью и слишком часто пользовались ею самым деспотичным образом; деспотичным по отношению к местным жителям и тираническим по отношению к своим собственным последователям. Это было естественным следствием того, что люди, изначально занимавшие низкое положение и не подготовленные образованием к должности, внезапно были призваны к обладанию кратковременной, но по своей природе безответственной властью. Только после некоторого печального опыта подобных результатов были приняты меры для обуздания этих мелких тиранов с помощью регулярных трибуналов, или королевских аудиенций, как их называли, которые, составленные из людей с характером и образованием, могли бы использовать руку закона или, по крайней мере, голос протеста для защиты как колонистов, так и туземцев.

Среди губернаторов колоний, которые своим положением были обязаны своему рангу на родине, был дон Педро Ариас де Авила, или Педрариас, как их обычно называли. Он был женат на дочери доньи Беатрис де Бобадилья, знаменитой маркизы Мойя, наиболее известной как подруга католички Изабеллы. Он был человеком с некоторым военным опытом и значительной энергией характера. Но, как оказалось, он был злобного нрава; и низменные качества, которые могли бы остаться незамеченными в темноте частной жизни, стали заметны и, возможно, в какой-то мере созданы внезапным приходом к власти; подобно тому, как солнечный свет, который благотворно воздействует на щедрую почву и стимулирует ее к плодородию, вызывает из нездорового болота только зловонные испарения. Этот человек был помещен на территорию Кастилии дель Оро, земли, выбранной Нуньесом де Бальбоа для театра своих открытий. Успех вызвал у этого последнего зависть его начальника, ибо в глазах Педрариаса это было достаточным преступлением, чтобы заслужить слишком много. Трагическая история этого кавалера относится к периоду несколько более раннему, чем тот, которым мы будем заниматься. Он был начертан более умелыми руками, чем мои, и, хотя и краток, представляет собой один из самых блестящих отрывков в анналах американских завоевателей.⁴

Но хотя Педрариас был готов прервать славную карьеру своего соперника, он не остался равнодушным к важным последствиям своих открытий. Он сразу понял непригодность Дариена для ведения экспедиций по Тихому океану и, в соответствии с первоначальным предложением Бальбоа, в 1519 году распорядился перенести свою растущую столицу с берегов Атлантики в древнее место Панама, на некотором расстоянии к востоку от нынешнего города с таким названием.⁵ Это самое нездоровое место, кладбище многих неудачливых колонистов, было выгодно расположено для великой цели морского предприятия; и порт, благодаря своему центральному положению, представлял собой наилучшую отправную точку для экспедиций, будь то на север или на юг, вдоль широкой полосы неоткрытого побережья, окаймляющего Южный океан. И все же в этом новом и более благоприятном положении прошло несколько лет, прежде чем направление открытий приняло направление Перу. Он был повернут

исключительно на север или, скорее, на запад, "повинуясь приказам правительства, которое всегда имело в виду обнаружение пролива, который, как предполагалось, должен пересекать ту или иную часть протяженного Перешейка". Оружием оружием оснащалось с этой химерической целью; и Педрариас видел, как его владения с каждым годом расширяются все дальше и дальше, не извлекая из своих приобретений никакой существенной выгоды. Верагуа, Коста-Рика, Никарагуа были последовательно оккупированы; и его храбрые кавалеристы прокладывали путь через леса, горы и воинственные племена дикарей, пока в Гондурасе они не столкнулись со сподвижниками Кортеса, завоевателями Мексики, которые спустились с великого северного плато в районы Центральной Америки и таким образом завершили исследование этой дикой и таинственной земли.

Только в 1522 году в направлении к югу от Панама была отправлена очередная экспедиция под руководством Паскуаля де Андагоя, кавалера, пользовавшегося большим авторитетом в колонии. Но этот офицер добрался только до Пуэрто-де-Пинас, предела открытий Бальбоа, когда плохое состояние его здоровья вынудило его снова сойти на берег и отказаться от своего предприятия в самом начале.⁶

И все же слухи о богатстве и цивилизации могущественной нации на Юге постоянно достигали ушей и разжигали мечтательное воображение колонистов; и может показаться удивительным, что экспедиция в этом направлении откладывалась так надолго. Но точное местоположение и удаленность этого сказочного царства оставались предметом догадок. Обширная территория между ними была занята грубыми и воинственными народами; и тот небольшой опыт, который испанские мореплаватели уже имели относительно соседнего побережья и его обитателей, и еще более бурный характер морей, поскольку их экспедиции совершались в самое неблагоприятное время года, усиливали очевидные трудности предприятия и заставляли сжиматься даже их отважные сердца.

Таково было настроение в маленькой общине Панама в течение нескольких лет после ее основания. Тем временем блестящее завоевание Мексики придало новый импульс страсти к открытиям, и в 1524 году в колонии были найдены три человека, в которых дух авантюризма восторжествовал над любыми соображениями о трудностях и опасности, мешавших осуществлению предприятия. Один из них был выбран в соответствии с его характером, чтобы довести дело до успешного завершения. Этим человеком был Франсиско Писарро; и поскольку он занимал тот же видный пост при завоевании Перу, который занимал Кортес при завоевании Мексики, необходимо будет сделать краткий обзор его ранней истории.

Книга 2

Глава 2

Франсиско Писарро — Его ранняя история—Первая экспедиция на Юг—Невзгоды путешественников—Острые столкновения—Возвращение в Панаму—Экспедиция Альмагро

1524-1525

Франсиско Писарро родился в Трухильо, городе Эстремадура, в Испании. Период его рождения неизвестен; но, вероятно, это было недалеко от 1471 г. 1. Он был незаконнорожденным ребенком, и то, что его родители не позаботились увековечить дату его рождения,

неудивительно. Мало кто заботится о том, чтобы сделать конкретный отчет о своих проступках. Его отец, Гонсало Писарро, был полковником пехоты и с некоторыми отличиями служил в итальянских кампаниях под командованием Великого капитана, а затем в войнах за Наварру. Его мать, по имени Франциска Гонсалес, была человеком скромного достатка из города Трухильо.²

Но о ранних годах Франсиско рассказывается мало, и это мало, что не всегда заслуживает доверия. По некоторым данным, его бросили оба родителя и оставили подкидышем у дверей одной из главных церквей города. Говорят даже, что он погиб бы, если бы его не вскормила свинья.³ Это более сомнительный источник питания, чем тот, который предназначался младенцу Ромулу. Ранняя история людей, прославивших свои имена делами в загробной жизни, как и ранняя история народов, предоставляет плодотворное поле для изобретений.

Кажется несомненным, что юный Писарро не получал особой заботы ни от одного из своих родителей, и ему было позволено расти так, как диктовала природа. Его не учили ни читать, ни писать, и его основным занятием было пастушество свинопасов. Но этот вялый образ жизни не соответствовал энергичному духу Писарро, когда он стал старше и слушал широко распространенные и столь пленительные для юношеского воображения рассказы о Новом Свете. Он разделял народный энтузиазм и воспользовался благоприятным моментом, чтобы отказаться от своего постыдного подопечного и бежать в Севилью, порт, куда отправлялись испанские авантюристы искать счастья на Западе. Мало кто из них мог бы отвернуться от своей родной земли с меньшим поводом для сожаления, чем Писарро.⁴

В каком году произошла эта важная перемена в его судьбе, мы не сообщаем. Впервые мы слышим о нем в Новом Свете на острове Эспаньола в 1510 году, где он принимал участие в экспедиции к Урабе на Твердой земле под командованием Алонсо де Охеды, кавалера, характер и достижения которого можно найти только на страницах Сервантеса. Эрнандо Кортес, чья мать была урожденной Писарро и, как говорят, состояла в родстве с отцом Франциска, находился тогда в Сан-Доминго и готовился сопровождать экспедицию Охеды, но ему помешала временная хромота. Если бы он ушел, падение империи ацтеков, возможно, было бы отложено еще на некоторое время, и скипетр Монтесумы с миром перешел бы к его потомкам. Писарро разделял катастрофическую судьбу колонии Охеда и, благодаря своему благоразумию, настолько заручился доверием своего командира, что был оставлен во главе поселения, когда последний вернулся за припасами на острова. Лейтенант оставался на своем опасном посту почти два месяца, намеренно выжидая, пока смерть не проредит колонию настолько, чтобы позволить жалким остаткам погрузиться на единственное оставшееся у нее небольшое суденышко.⁵

После этого мы обнаруживаем, что он связан с Бальбоа, первооткрывателем Тихого океана, и сотрудничает с ним в создании поселения в Дариене. Ему выпала честь сопровождать этого доблестного кавалера в его ужасном походе через горы и, следовательно, быть одним из первых европейцев, чьим глазам предстало давно обещанное зрелище Южного океана.

После безвременной кончины своего командира Писарро прибрал к рукам состояние Педрариаса и был нанят этим губернатором в нескольких военных экспедициях, которые, хотя и не давали ничего другого, дали ему необходимую подготовку к опасностям и лишениям, ожидавшим будущего Завоевателя Перу.

В 1515 году он был выбран вместе с другим кавалером по имени Моралес для пересечения перешейка и торговли с туземцами на берегах Тихого океана. И там, когда он был занят сбором своей добычи в виде золота и жемчуга с соседних островов, когда его взгляд блуждал по темной линии побережья, пока она не исчезла вдаль, его воображение, возможно, впервые загорелось идеей однажды попытаться завоевать таинственные области за горами. При переносе резиденции правительства через перешеек в Панаму Писарро сопровождал Педрариаса, и его имя стало заметным среди кавалеристов, которые расширили линию завоеваний на север, над воинственными племенами Верагуа. Но все эти экспедиции, какую бы славу они ему ни принесли, принесли очень мало золота; и в возрасте пятидесяти лет капитан Писарро обнаружил, что владеет только участком нездоровой земли в окрестностях столицы и такими репартименто из туземцев, которые были сочтены пригодными для его военной службы.⁶ Новый Свет был лотереей, где крупных призов было так мало, что шансы были не в пользу игрока; и все же в игре он был доволен тем, что ставил на карту здоровье, удачу и, слишком часто, свою незаурядную славу.

Таково было положение Писарро, когда в 1522 году Андагоя вернулся после своего незавершенного предприятия на юге Панамы, привезя с собой больше подробных отчетов, чем кто-либо до сих пор, о богатстве и величии лежащих за его пределами стран.⁷ Именно в это время блестящие достижения Кортеса также произвели впечатление на общественное сознание и придали новый импульс духу приключений. Южные экспедиции стали частой темой для размышлений среди колонистов Панамы. Но золотой регион, лежащий за могучей завесой Кордильер, все еще был покрыт мраком неизвестности. Невозможно было составить никакого представления о его действительном расстоянии; а трудности, с которыми столкнулись те немногие мореплаватели, которые плавали в этом направлении, придавали мрачный характер предприятию, которое до сих пор удерживало самых отважных от участия в нем. Нет никаких свидетельств того, что Писарро проявлял какую-либо особую активность в этом деле. Его собственные средства также не были таковы, чтобы оправдывать какие-либо ожидания успеха без большой помощи со стороны других. Он обнаружил это у двух человек из колонии, которые принимали слишком важное участие в последующих сделках, чтобы не быть особо замеченными.

Один из них, Диего де Альмагро, был солдатом удачи, вероятно, несколько старше Писарро; хотя о его рождении известно мало, и даже место его рождения оспаривается. Предполагается, что это был город Альмагро в Новой Кастилии, откуда за неимением лучшего источника произошло его собственное имя, поскольку, как и Писарро, он был подкидышем.⁸ Немногие подробности известны о нем до настоящего периода нашей истории; ибо он был одним из тех, кого бурные времена первыми вытаскивают на поверхность, — возможно, менее удачливым, чем если бы они остались в своей первоначальной безвестности. За свою военную карьеру Альмагро заслужил репутацию доблестного солдата. Он был откровенен и либерален по своему характеру, несколько поспешен и неуправляем в своих страстях, но, подобно людям сангвинического темперамента, после первых вылазок его нетрудно было успокоить. Короче говоря, он обладал хорошими качествами и недостатками, присущими честной натуре, которые не были исправлены ни ранним воспитанием, ни самоконтролем.

Другим членом конфедерации был Эрнандо де Луке, испанский священнослужитель, который исполнял функции викария в Панаме, а ранее занимал должность школьного учителя в кафедральном соборе Дариена. Он, по-видимому, был человеком исключительной

осмотрительности и знания мира; и благодаря своим респектабельным качествам приобрел значительное влияние в маленьком сообществе, к которому принадлежал, а также контроль над средствами, что сделало его сотрудничество необходимым для успеха нынешнего предприятия.

Между тремя компаньонами была достигнута договоренность, что два кавалера внесут свой небольшой вклад в покрытие расходов на вооружение, но гораздо большую часть средств должен был предоставить Люк. Писарро должен был принять командование экспедицией, а снабжение провиантом и оснащение судов было поручено Альмагро. Компаньонам не составило труда получить согласие губернатора на свое предприятие. После возвращения Андагойи он планировал еще одну экспедицию, но офицер, которому она должна была быть поручена, умер. Непонятно, почему он не осуществил свою первоначальную цель и не поручил это дело такому опытному капитану, как Писарро. Вероятно, он не был недоволен тем, что бремя предприятия ложится на плечи других, при условии, что значительная доля прибыли поступает в его собственную казну. Этого он не упустил из виду в своих положениях.⁹

Укрепившись таким образом на средства Луке и с согласия губернатора, Альмагро не замедлил заняться приготовлениями к путешествию. Были приобретены два небольших судна, более крупное из которых изначально было построено Бальбоа для себя с целью участия в той же экспедиции. После его смерти оно лежало разобранном в гавани Панамы. Теперь он был переоборудован настолько, насколько позволяли обстоятельства, и приведен в порядок для выхода в море, в то время как запасы и провизия были доставлены на борт с быстротой, которая, как показали события, сделала больше чести рвению Альмагро, чем его прогнозу.

Больше трудностей было с получением необходимого количества рабочих рук, поскольку вокруг экспедиций в этом направлении возникло общее чувство недоверия, которое нелегко было преодолеть. Но в колонии было много праздных прихлебателей, которые приехали, чтобы поправить свое положение, и были готовы воспользоваться своим шансом сделать это, каким бы отчаянным он ни был. Из таких материалов, как эти, Альмагро собрал отряд численностью немногим более ста человек; 10 и когда все было готово, Писарро принял командование и, снявшись с якоря, отплыл из маленького порта Панама примерно в середине ноября 1524 года.. Альмагро должен был последовать за ним на втором судне меньшего размера, как только его удастся оснастить.¹¹

Время года было самым неподходящим из всех, какие только можно было выбрать для путешествия, ибо это был сезон дождей, когда плавание на юг, затрудненное встречными ветрами, становится вдвойне опасным из-за штормов, бушующих на побережье. Но авантюристы этого не поняли. Причалив к Жемчужному острову, частому пристанищу мореплавателей, в нескольких лигах от Панамы, Писарро пересек залив Святого Михаила и взял курс почти точно на юг, к Пуэрто-де-Пинасу, мысу в провинции Бирукете, который обозначал предел путешествия Андагойи. Перед своим отъездом Писарро получил от этого офицера всю информацию, которую только мог получить, относительно страны и маршрута, которым ему предстояло следовать. Но собственный опыт кавалера был слишком ограничен, чтобы он мог оказать большую помощь.

Обогнув Пуэрто-де-Пинас, маленькое суденышко вошло в реку Биру, неправильное употребление названия которой, как предполагают некоторые, привело к возникновению империи инков.¹² Проплыв вверх по этой реке пару лиг, Писарро бросил якорь и, высадив все свое войско, кроме матросов, отправился во главе его исследовать местность. Земля

превратилась в обширное болото, где после проливных дождей образовались лужи со стоячей водой, а илистая почва не давала путнику опоры. Это унылое болото было окаймлено лесом, сквозь густой и спутанный подлесок которого им было трудно пробраться, и, выйдя из него, они оказались на холмистой местности, такой неровной и каменистой по своему характеру, что их ступни были изрезаны до костей, и усталому солдату, обремененному тяжелой кольчугой или толстым ватным камзолом, было трудно волочить одну ногу за другой. Временами жара была невыносимой; и, изнемогая от тяжелого труда и изнывая от голода, они валялись на землю просто от изнеможения. Таково было зловещее начало экспедиции в Перу.

Писарро, однако, не пал духом. Он старался поднять дух своих людей и умолял их не унывать перед трудностями, которые, несомненно, преодолееет храброе сердце, напоминая им о золотой награде, ожидающей тех, кто проявит упорство. И все же было очевидно, что, оставаясь дольше в этом пустынном регионе, мы ничего не добьемся. Поэтому, возвращаясь на свое судно, они были вынуждены спуститься вниз по реке и следовать по ее южному течению в великом океане.

Проплыв несколько лиг вдоль берега, Писарро бросил якорь в месте, не очень привлекательном с виду, где запасся дровами и водой. Затем, еще больше вытянувшись в сторону открытого моря, он продолжал двигаться в том же направлении на юг. Но в этом он был сбит с толку чередой сильных бурь, сопровождавшихся такими ужасными раскатами грома и проливными дождями, какие бывают только при ужасных штормах в тропиках. Море пришло в ярость и, вздымаясь горными валами, ежеминутно грозило захлестнуть маленькую сумасшедшую барку, которая трещала по всем швам. В течение десяти дней несчастных путешественников швыряло из стороны в сторону от безжалостной стихии, и только непрерывными усилиями — усилиями отчаяния — они спасли корабль от затопления. Вдобавок к их бедствиям, их провизия начала подходить к концу, и им не хватало воды, которой они были снабжены лишь небольшим количеством бочонков, поскольку Альмагро рассчитывал, что они будут время от времени пополнять свои скудные запасы на берегу. Их мясо было съедено полностью, и они ограничились жалким рационом в два початка индийской кукурузы в день на каждого человека.

Измученные голодом и непогодой, потрепанные путешественники были слишком счастливы вернуться своим курсом и вернуться в порт, где они в последний раз брали запасы дров и воды. И все же ничто не могло быть более бесперспективным, чем внешний вид страны. Он имел тот же характер низкой, болотистой почвы, который отличал бывшее место высадки; в то время как густые леса, такие густые, что глаз не мог проникнуть внутрь, простирались вдоль побережья на бесконечную длину. Тщетно пытались усталые испанцы продраться сквозь лабиринты этой запутанной чащи, где ползучие растения и цветущие лианы, пышно разрастающиеся в жаркой и влажной атмосфере, обвилились вокруг огромных стволов лесных деревьев и образовали сеть, которую можно было разорвать только топором. Дождь, между тем, редко ослабевал, и земля, усыпанная листьями и пропитанная влагой, казалось, ускользала у них из-под ног.

Ничто не могло быть более унылым и удручающим, чем вид этих погребальных лесов, где испарения с перегруженной поверхности земли отравляли воздух и, казалось, не допускали никакой жизни, за исключением мириад насекомых, чьи покрытые эмалью крылышки мелькали туда-сюда, как искры огня, в каждой прогалине леса. Даже грубое создание, казалось, инстинктивно избегало рокового места, и странники не видели ни зверя, ни птицы какого-либо описания. Тишина царила в самом сердце этого мрачного уединения; по крайней мере,

единственными звуками, которые можно было услышать, были шлепанье дождевых капель по листьям и шаги несчастных искателей приключений.¹³

Совершенно обескураженные видом страны, испанцы начали понимать, что они ничего не выиграли, переехав с моря на берег, и они испытывали самые серьезные опасения погибнуть от голода в регионе, который не давал ничего, кроме тех нездоровых ягод, которые они могли собирать тут и там в лесах. Они громко жаловались на свою тяжелую участь, обвиняя своего командира как виновника всех их бед и как обманывающего их обещаниями волшебной страны, которая, казалось, удалялась по мере того, как они продвигались вперед. По их словам, бесполезно бороться с судьбой, и лучше воспользоваться шансом вернуться в порт Панама вовремя, чтобы спасти свои жизни, чем ждать там, где им суждено умереть с голоду.

Но Писарро был готов столкнуться с гораздо большим злом, чем это, прежде чем вернуться в Панаму, обанкротившись, став объектом насмешек как тщеславный мечтатель, убедивший других пуститься в авантюру, на которую у него не хватило смелости пойти самому. Настоящее было его единственным шансом. Вернуться означало бы гибель. Поэтому он использовал все аргументы, какие только могли предложить ущемленная гордость или алчность, чтобы отвратить своих последователей от их цели; объяснил им, что именно эти трудности неизбежно подстерегают первооткрывателя; и напомнил о блестящих успехах их соотечественников в других странах и неоднократных сообщениях, которые они сами получали, о богатых регионах вдоль побережья, для овладения которыми с их стороны требовались только мужество и постоянство. Тем не менее, поскольку их нынешняя нужда была непреодолимой, он решил отправить судно обратно на Жемчужный остров, чтобы пополнить запасы провизии для своей компании, которые могли бы позволить им двигаться вперед с новой уверенностью. Расстояние было невелико, и через несколько дней все они будут освобождены из своего опасного положения. Офицера, выделенного для этой службы, звали Монтенегро; и, взяв с собой почти половину роты, он, получив указания Писарро, немедленно снялся с якоря и взял курс на Жемчужный остров.

После отплытия своего судна испанский командир предпринял попытку осмотреть страну и посмотреть, не найдется ли какого-нибудь индейского поселения, где он мог бы раздобыть еду для своих последователей. Но его усилия были тщетны, и не было видно никаких следов человеческого жилья; хотя в густой и непроницаемой листве экваториальных областей расстояния в несколько прутьев могло быть достаточно, чтобы скрыть город от наблюдения. Единственным средством пропитания, оставшимся у несчастных искателей приключений, были моллюски, которых они время от времени подбирали на берегу, или горькие почки пальмы, а также ягоды и невкусные травы, которые дико росли в лесах. Некоторые из них были настолько ядовитыми, что тела тех, кто их ел, распухали и мучились от мучительных болей. Другие, предпочитая голод этой жалкой диете, изнывали от слабости и фактически умирали от голода. Тем не менее, их решительный лидер стремился сохранить свою жизнерадостность и поддержать упавший дух своих людей. Он охотно делился с ними своим скудным запасом провизии, неустанно добывал им пропитание, ухаживал за больными и приказал построить для них бараки, которые могли бы, по крайней мере, защитить их от пронизывающих сезонных штормов. Таким готовым сочувствием к своим последователям в их страданиях он добился господства над их грубыми натурами, которого утверждение авторитета, по крайней мере в нынешних экстремальных условиях, никогда не смогло бы ему обеспечить.

День за днем, неделя за неделей проходили, а о судне, которое должно было принести помощь странникам, не было никаких известий. Напрасно они напрягали зрение, всматриваясь в далекие воды, чтобы хоть мельком увидеть своих приближающихся друзей. Ни единого пятнышка не было видно в голубой дали, куда не осмеливалось плыть каноэ дикаря, а парус белого человека еще не был распушен. Те, кто поначалу держался храбро, теперь впали в уныние, так как они чувствовали себя покинутыми своими соотечественниками на этом пустынном берегу. Они изнывали от того печального чувства, от которого "болит сердце". Более двадцати человек из этого маленького отряда уже погибли, и оставшиеся в живых, казалось, быстро следовали за ними.¹⁴

В этот критический момент Писарро сообщили о том, что в отдаленном проеме в лесу был замечен свет. Он с энтузиазмом воспринял эту весть, как намек на существование какого-то поселения по соседству, и, встав во главе небольшого отряда, отправился в указанном направлении на разведку. Он не был разочарован и, выбравшись из густых зарослей подлеска и листвы, вышел на открытое пространство, где была разбита маленькая индейская деревушка. Робкие жители при внезапном появлении незнакомцев в смятении покинули свои хижины, а изголодавшиеся испанцы, ворвавшись внутрь, с готовностью завладели их содержимым. Они состояли из различных продуктов, в основном из кукурузы и кокосовых орехов. Запасы, хотя и были небольшими, были слишком сезонными, чтобы не наполнить их с восторгом.

Изумленные туземцы не предпринимали попыток к сопротивлению. Но, обретя больше уверенности, поскольку к ним не было применено никакого насилия, они приблизились к белым людям и спросили: "Почему они не остались дома и не возделывали свои земли, вместо того чтобы бродить повсюду и грабить тех, кто никогда не причинял им вреда?"¹⁵ Каким бы ни было их мнение относительно вопроса справедливости, испанцы, без сомнения, сочли тогда, что так было бы разумнее поступить. Но дикари носили на себе золотые украшения определенного размера, хотя и неуклюжей работы. Это было лучшим ответом на их требование. Это была золотая приманка, которая побудила испанского искателя приключений покинуть свой уютный дом ради испытаний в дикой природе. От индейцев Писарро получил подтверждение сообщений, которые он так часто получал о богатой стране, лежащей дальше на юг; и на расстоянии десяти дней пути через горы, как они сказали ему, жил могущественный монарх, во владения которого вторгся другой, еще более могущественный, Дитя Солнца.¹⁶ Возможно, доблестный инка Уайна Капак имел в виду вторжение в Кито, которое произошло за несколько лет до экспедиции Писарро.

Наконец, по прошествии более чем шести недель испанцы с восторгом наблюдали возвращение бродячего барка, унесшего их товарищей, и Монтенегро вошел в порт с достаточным запасом провизии для своих голодающих соотечественников. Велик был его ужас при виде последних, их диких и изможденных лиц и истощенных телосложений, настолько истощенных голодом и болезнями, что их старым товарищам было трудно узнать их. Монтенегро объяснил свою задержку непрекращающимися встречными ветрами и плохой погодой; и у него самого также была печальная история о бедствиях, в которые он и его команда были доведены голодом по пути к Жемчужному острову. Именно мельчайшие происшествия, подобные этим, которыми мы были заняты, позволяют понять крайность страданий, которым подвергся испанский авантюрист при осуществлении своего великого открытия.

Оживленные сытной пищей, к которой они так долго были непривычны, испанские кавалеристы с жизнерадостностью, присущей людям, ведущим рискованный и кочевнический образ жизни, забыли о своих прошлых невзгодах в своем рвении осуществить свое предприятие. Поэтому, вновь поднявшись на борт своего судна, Писарро попрощался со сценой стольких страданий, которую он окрестил соответствующим названием Пуэрто-де-ла-Хамбре, Порты Голода, и снова распустил паруса навстречу попутному бризу, который понес его дальше на юг.

Если бы он смело бросился в пучину, вместо того чтобы прижиматься к негостеприимному берегу, где он до сих пор не находил ничего, что могло бы вознаградить его, он, возможно, избавил бы себя от повторения утомительных и бесполезных приключений и более коротким путем достиг бы пункта своего назначения. Но испанский мореплаватель ощупью прокладывал свой путь вдоль этих неизвестных берегов, высаживаясь на каждом удобном мысе, словно опасаясь, что какой-нибудь плодородный регион или драгоценный рудник может быть упущен из виду, если произойдет хоть один разрыв в линии наблюдения. И все же следует помнить, что, хотя истинная цель назначения Писарро очевидна для нас, знакомых с топографией этих стран, он блуждал в темноте, нащупывая свой путь, так сказать, дюйм за дюймом, без карты, которая могла бы направлять его, без знания морей или ориентиров побережья, и даже не имея более определенного представления о цели, к которой он стремился, чем о земле, изобилующей золотом, которая лежала где-то на юге! Это была охота за Эльдорадо; информация едва ли была более обстоятельной или достоверной, чем та, которая легла в основу стольких химерических предприятий в этой стране чудес. Только успех, лучший аргумент против толпы, избавил экспедиции Писарро от подобного обвинения в расточительности.

Держа курс на юг с подветренной стороны берега, Писарро после короткого пробега оказался рядом с открытым участком местности или, по крайней мере, с менее заросшим лесом участком, который постепенно поднимался по мере отступления от берега. Он высадился с небольшим отрядом людей и, продвинувшись на небольшое расстояние вглубь страны, наткнулся на индейскую деревушку. Он был покинут жителями, которые при приближении захватчиков ушли в горы; и испанцы, войдя в их опустевшие жилища, нашли там хороший запас маиса и других съестных припасов, а также грубые золотые украшения значительной ценности. Пища была для их тел не более необходима, чем вид золота, время от времени возбуждающий их аппетит к приключениям. Однако одно зрелище заставило их кровь застыть от ужаса. Таково было зрелище человеческого мяса, которое они обнаружили жарящимся перед огнем в том виде, в каком варвары оставили его, готовясь к своему непристойному пиршеству. Испанцы, решив, что они столкнулись с племенем карибов, единственной расой в этой части Нового Света, известной как каннибалы, поспешно ретировались на свое судно.¹⁷ Они не были закалены печальным знакомством со зрелищем, как Завоеватели Мексики.

Погода, которая была благоприятной, теперь сменилась штормом с сильными шквалами, сопровождавшимися непрекращающимися раскатами грома и молниями, и дождь, как обычно при таких тропических штормах, лил не столько каплями, сколько сплошными слоями воды. Испанцы, однако, предпочли воспользоваться своим шансом сразиться с разбушевавшейся стихией, а не оставаться на месте столь жестоких злодеяний. Но ярость шторма постепенно утихала, и маленькое суденышко продолжало свой путь вдоль побережья, пока, поравнявшись с заметной точкой суши, названной Писарро Пунта-Кемада, он не отдал приказ бросить якорь. Кромка берега была окаймлена густым поясом мангровых деревьев, длинные корни которых, переплетаясь друг с другом, образовывали своего рода подводную решетку, затруднявшую

доступ к этому месту. Несколько путей, проложенных через эти запутанные заросли, привели Писарро к выводу, что страна, должно быть, обитаема, и он высадился с большей частью своего отряда, чтобы исследовать внутренние районы.

Он продвинулся не более чем на лигу, когда обнаружил, что его догадка подтвердилась при виде индийского городка, более крупного, чем те, которые он видел до сих пор, занимавшего вершину возвышенности и хорошо защищенного частоколом. Жители, как обычно, бежали, но оставили в своих жилищах хороший запас провизии и несколько золотых безделушек, которые испанцы без труда присвоили себе. Хрупкая барка "Писарро" была потрепана сильными штормами, с которыми она столкнулась в последнее время, так что было небезопасно продолжать плавание дальше без более тщательного ремонта, чем тот, который можно было произвести на этом пустынном побережье. Соответственно, он решил отправить судно обратно с несколькими матросами для ухода в Панаму, а тем временем обустроить свою квартиру на своем нынешнем месте, которое было столь благоприятным для обороны. Но сначала он отправил небольшой отряд под Монтенегро, чтобы разведать местность и, если возможно, установить связь с местными жителями.

Последние были воинственной расой. Они покинули свои жилища, чтобы обеспечить безопасность своих жен и детей. Но они следили за передвижениями захватчиков и, когда увидели, что их силы разделились, решили напасть на каждое тело поодиночке, прежде чем оно успеет связаться с другим. Поэтому, как только Черногория проникла через ущелья высоких холмов, которые, подобно отрогам Кордильер, тянутся вдоль этой части побережья, индейские воины, выскочив из своей засады, выпустили тучу стрел и других метательных средств, от которых потемнел воздух, в то время как лес огласился их пронзительным боевым кличем. Испанцы, пораженные внешним видом дикарей с их обнаженными, ярко раскрашенными телами и размахивающими оружием, когда они выглядывали из-за деревьев и редкого подлеска, перегораживавшего ущелье, были застигнуты врасплох и на мгновение пришли в замешательство. Трое из их числа были убиты и несколько ранены. Тем не менее, быстро собравшись с силами, они ответили на обстрел нападавших из своих арбалетов, — поскольку войска Писарро, по-видимому, не были снабжены мушкетами для этой экспедиции, — а затем храбро атаковали врага с мечами в руках и сумели загнать его обратно в горные крепости. Но это только вынудило их перенести свои операции в другой квартал и напасть на Писарро, прежде чем его смог сменить его лейтенант.

Воспользовавшись своим превосходным знанием проходов, они добрались до квартиры этого командира задолго до Монтенегро, который начал контрмарш в том же направлении. Выйдя из леса, отважные дикари приветствовали испанский гарнизон градом дротиков и стрел, некоторые из которых пробили соединения сбруи и стеганные кольчуги кавалеристов. Но Писарро был слишком опытным солдатом, чтобы потерять бдительность. Собрав вокруг себя своих людей, он решил не смиренно терпеть штурм, а совершить вылазку и встретить врага на их собственной территории. Варвары, приблизившиеся к укреплениям, отступили, когда испанцы вырвались вперед со своим доблестным предводителем во главе. Но вскоре, вернувшись с восхитительной свирепостью в атаку, они выделили Писарро, в котором по его смелой осанке и властному виду они легко признали вождя; и, выпустив в него град метательных снарядов, ранили его, несмотря на доспехи, не менее чем в семи местах.¹⁸

Отброшенный яростью нападения, направленного против его собственной персоны, испанский командующий отступил вниз по склону холма, все еще защищаясь, как мог, мечом и щитом, когда его нога поскользнулась и он упал. Враг издал яростный торжествующий вопль, и несколько самых смелых бросились вперед, чтобы расправиться с ним. Но Писарро в одно мгновение был на ногах и, сразив двух передних своей сильной рукой, удерживал остальных на расстоянии, пока его солдаты не смогли прийти на помощь. Варвары, восхищенные его доблестью, начали колебаться, но, к счастью, в этот момент на землю вышел Монтенегро и, ударив им в тыл, довершил их замешательство; и, покинув поле боя, они постарались скрыться в горных ущельях. Земля была усеяна их убитыми, но победа была дорого куплена смертью еще двух испанцев и длинным списком раненых.

Затем был созван военный совет. Позиция потеряла свое очарование в глазах испанцев, которые столкнулись здесь с первым сопротивлением, которое они когда-либо испытывали во время своей экспедиции. Необходимо было поместить раненых в какое-нибудь безопасное место, где можно было бы оказать им помощь. И все же двигаться дальше в поврежденном состоянии их судна было небезопасно. В целом было решено вернуться и доложить о своих действиях губернатору; и, хотя грандиозные надежды авантюристов не оправдались, Писарро верил, что было сделано достаточно, чтобы подтвердить важность предприятия и заручиться поддержкой Педрариаса для дальнейшего его осуществления.¹⁹

И все же Писарро не мог решиться предстать перед губернатором в нынешнем состоянии предприятия. Поэтому он решил высадиться на берег с основной частью своей компании в Чикаме, местечке на материке, недалеко к западу от Панамы, от этого места, которого он достиг без каких-либо дальнейших происшествий, он отправил судно, а на нем своего казначея Николаса де Риберу, с собранным им золотом и с инструкциями представить губернатору полный отчет о своих открытиях и результатах экспедиции.

Пока происходили эти события, помощник Писарро, Альмагро, был занят снаряжением другого судна для экспедиции в порту Панамы. Вскоре после ухода своего друга он был готов последовать за ним. С помощью Луке ему, наконец, удалось снарядить небольшую каравеллу и погрузить на борт отряд из шестидесяти-семидесяти искателей приключений, в основном из низших слоев колонистов. Он ехал по следу своего товарища с намерением догнать его как можно скорее. По заранее согласованному сигналу о надрезании деревьев он смог определить места, которые посетил Писарро, — Пуэрто-де-Пинас, Пуэрто-де-ла-Хамбре, Пуэбло—Кемадо, — последовательно касаясь каждой точки побережья, исследованной его соотечественниками, хотя и за гораздо более короткое время. В последнем упомянутом месте он был встречен свирепыми туземцами с той же враждебностью, что и Писарро, хотя в настоящем столкновении индейцы не рискнули выйти за пределы своих укреплений. Но горячая кровь Альмагро была так разгневана этим препятствием, что он напал на это место и разнес его с мечом в руке, поджигая надворные постройки и жилища и загоняя несчастных жителей в леса.

Победа обошлась ему дорого. Рана от дротика в голову вызвала воспаление одного из его глаз, которое после сильных страданий закончилось его потерей. Тем не менее бесстрашный искатель приключений без колебаний продолжил свое путешествие и, посетив несколько мест на побережье, некоторые из которых вознаградили его значительной добычей в золоте, он достиг устья Рио-де-Сан-Хуан, примерно на четвертом градусе северной широты. Он был поражен красотой ручья и возделанными землями по его берегам, которые были усеяны

индейскими домиками, демонстрирующими некоторое мастерство в их строительстве и в целом свидетельствующими о более высокой цивилизации, чем все, что он когда-либо видел.

И все же его разум был полон тревоги за судьбу Писарро и его последователей. Долгое время на побережье не было обнаружено никаких их следов, и было очевидно, что они, должно быть, затонули в море или вернулись обратно в Панаму. Последнее он счел наиболее вероятным, поскольку судно могло пройти мимо него незамеченным под покровом ночи или густых туманов, которые иногда нависают над побережьем.

Пораженный этой верой, он не испытывал желания продолжать свое исследовательское путешествие, для которого, действительно, его единственный барк с небольшим количеством людей был совершенно непригоден. Поэтому он решил вернуться без промедления. По пути он зашел на остров Жемчуга и там узнал о результатах экспедиции своего друга и о месте его нынешнего проживания. Сразу же направив его в Чикаму, два кавалера вскоре имели удовольствие обнять друг друга и рассказать о своих многочисленных подвигах и побегах. Альмагро вернулся, нагруженный золотом еще больше, чем его союзник, и на каждом шагу своего продвижения он получал новые подтверждения существования какой-то великой и процветающей империи на Юге. Доверие двух друзей значительно укрепилось после сделанных ими открытий, и они без колебаний поклялись друг другу скорее умереть, чем отказаться от этого предприятия.²⁰

Наилучшие способы получения поборов, необходимых для столь грандиозного предприятия — более грандиозного, как им теперь казалось, чем раньше, — стали предметом долгого и серьезного обсуждения. В конце концов было решено, что Писарро останется в своем нынешнем жилище, неудобном и даже нездоровом, поскольку оно было создано влажным климатом и зловонными полчищами насекомых, наполнявших атмосферу. Альмагро должен был отправиться в Панаму, представить дело губернатору и, по возможности, заручиться его доброй волей в отношении судебного преследования предприятия. Если бы с этой стороны на их пути не возникло никаких препятствий, они могли бы надеяться с помощью Луке раздобыть необходимые припасы; в то время как результаты недавней экспедиции были достаточно обнадеживающими, чтобы привлечь авантюристов под их знамена в обществе, где была тяга к приключениям, придававшая очарование даже опасности, и где жизнь стоила дешево по сравнению с золотом.

Книга 2

Глава 3

Знаменитый контракт—Вторая экспедиция—Руис исследует побережье—Страдания Писарро в лесах—Прибытие новобранцев—Новые открытия и катастрофы—Писарро на острове Галло

1526—1527

По прибытии в Панаму Альмагро обнаружил, что события приняли менее благоприятный для его взглядов оборот, чем он ожидал. Губернатор Педрариас готовился лично возглавить экспедицию против мятежного офицера в Никарагуа; и его характер, естественно, не самый дружелюбный, был еще более испорчен дезертирством его лейтенанта и необходимостью, которую это налагало на него, долгого и опасного похода. Поэтому, когда Альмагро предстал

перед ним с просьбой разрешить ему продолжать набор рекрутов для осуществления своего предприятия, губернатор принял его с явным недовольством, холодно выслушал рассказ о его потерях, скептически прислушался к его великолепным обещаниям на будущее и прямо потребовал отчета о жизнях, которые были принесены в жертву упрямству Писарро, но которые, будь они пощажены, могли бы сослужить ему хорошую службу в его нынешней экспедиции в Никарагуа. Он решительно отказался и дальше поддерживать опрометчивые планы двух авантюристов, и завоевание Перу было бы подавлено в зародыше, если бы не умелое вмешательство оставшегося партнера Фернандо де Луке.

Рассказ Альмагро произвел на этого пронцательного священнослужителя совершенно иное впечатление, чем то, которое произвел на раздраженного губернатора. Фактические результаты предприятия в золоте и серебре до сих пор действительно были невелики, что составляло удручающий контраст с масштабом их ожиданий. Но, с другой точки зрения, они имели первостепенное значение, поскольку сведения, которые авантюристы добывали на каждом последующем этапе своего продвижения, самым убедительным образом подтверждали предыдущие сообщения, полученные от Андогойи и других, о богатой индийской империи на юге, которая могла бы окупить труды по ее завоеванию так же, как Мексика окупила предприятие Кортеса. Поэтому, полностью разделяя чувства своих военных товарищей, он использовал все свое влияние на губернатора, чтобы склонить его к более благосклонному отношению к петиции Альмагро; и никто в маленьком сообществе Панамы не оказывал большего влияния на советы исполнительной власти, чем отец Луке, которым он был обязан не меньше своему благоразумию и признанной пронцательности, чем своему профессиональному положению.

Но в то время как Педрариас, подавленный доводами или назойливостью церковника, неохотно согласился с ходатайством, он позаботился о том, чтобы выразить свое недовольство Писарро, на которого он особенно возлагал вину за потерю своих последователей, назвав Альмагро равным себе по командованию в предполагаемой экспедиции. Это унижение глубоко запало в душу Писарро. Он подозревал своего товарища, по непонятным причинам, в том, что тот выпрашивал эту милость у губернатора. Между ними возникла временная холодность, которая утихла, по крайней мере, внешне, после того, как Писарро подумал, что лучше передать эту власть другу, чем незнакомцу, возможно, врагу. Но семена постоянного недоверия остались в его груди и лежали в ожидании положенного времени, чтобы созреть в плодотворный урожай разногласий.¹

Изначально Педрариас был заинтересован в этом предприятии, по крайней мере, настолько, чтобы оговорить долю прибыли, хотя, как выясняется, он не внес ни единого дуката на покрытие расходов. Однако в конце концов его убедили отказаться от всех прав на долю условной прибыли. Но в своей манере делать это он проявил дух корысти, лучше став мелким торговцем, чем высшим офицером короны. Он оговорил, что партнеры должны выделить ему сумму в тысячу песо де оро в награду за его добрую волю, и они с готовностью согласились с его предложением, вместо того чтобы быть обремененными его притязаниями. За столь ничтожное вознаграждение он отказался от своей доли богатой добычи инков! ² Но губернатор не был одарен глазом пророка. Его алчность была той близорукой, которая побеждает саму себя. Он пожертвовал рыцарственным Бальбоа как раз в тот момент, когда этот офицер открывал ему путь к завоеванию Перу, и теперь он бы подавил дух предприимчивости, который развивался в том же направлении в Писарро и его сообщниках.

Вскоре после этого, в следующем году, его сменил в правительстве дон Педро де лос Риос, кавалер Кордовы. Политика Кастильской короны заключалась в том, чтобы не позволять никому из великих колониальных чиновников занимать одно и то же положение до тех пор, пока он не станет грозным благодаря своему авторитету.³ Более того, у него было много особых причин для отвращения к Педрариасу. Чиновник, которого они послали ему на смену, был снабжен обширными инструкциями на благо колонии, и особенно местных жителей, к обращению которых в религию призывали как к главной цели, и чья личная свобода недвусмысленно отстаивалась как верных вассалов короны. Справедливости ради следует признать, что испанское правительство в целом руководствовалось гуманной и рассудительной политикой, которая столь же регулярно срывалась из-за алчности колонистов и капризной жестокости завоевателей. Несколько оставшихся летправления Педрариаса были потрачены на мелкие склоки, как личного, так и официального характера; ибо он все еще оставался на своем посту, хотя и менее значимом, чем тот, который он занимал до сих пор. Он прожил всего несколько лет, оставив после себя достойную зависти репутацию человека, в котором сочетались малодушный дух и неконтролируемые страсти; который, несмотря на это, проявил определенную энергию характера или, правильнее сказать, стремительность цели, которая могла бы привести к хорошим результатам, если бы приняла правильное направление. К сожалению, его недалекость была такова, что направление, которое он выбирал, редко приносило пользу его стране или ему самому.

Уладив свои трудности с губернатором и получив его санкцию на свое предприятие, союзники, не теряя времени, начали необходимые приготовления. Их первым шагом было выполнение достопамятного контракта, который послужил основой их будущих договоренностей; и, поскольку в нем фигурирует имя Писарро, представляется вероятным, что этот вождь переправился в Панаму, как только было обеспечено благоприятное расположение Педрариаса.⁴ В документе, после упоминания в самой торжественной форме имен Святой Троицы и Богородицы Пресвятой Девы, указывается, что, поскольку стороны обладают полной властью открывать и подчинять страны и провинции, лежащие к югу от Персидского залива, принадлежащие империи Перу, и поскольку Фернандо де Луке авансировал средства для этого предприятия в золотых слитках стоимостью в двадцать тысяч песо, они взаимно обязуются разделить поровну между собой всю завоеванную территорию. Это условие повторяется снова и снова, особенно в отношении Луке, который, как утверждается, имеет право на одну треть всех земель, репартиментов, сокровищ любого рода, золота, серебра и драгоценных камней, - даже на одну треть всех вассалов, ренты и вознаграждений, возникающих в результате таких пожалований, которые могут быть предоставлены короной любому из его военных партнеров, для его собственного использования или для его наследников, правопреемников или законных представителей.

Оба капитана торжественно обязуются посвятить себя исключительно настоящему предприятию до тех пор, пока оно не будет выполнено; и, в случае невыполнения своей части соглашения, они обязуются возместить Луке его авансы, ответственность за которые возлагается на все имущество, которым они владеют, и это заявление должно быть достаточным основанием для исполнения судебного решения против них таким же образом, как если бы оно исходило из постановления суда.

Командиры, Писарро и Альмагро, поклялись именем Бога и Святых Евангелистов свято соблюдать этот завет, поклявшись в этом на молитвеннике, на котором они собственными

руками начертили священную эмблему креста. Чтобы придать еще большую действенность соглашению, отец Луке совершил причастие среди участников, разделив освященную облатку на три части, которые съел каждый из них; в то время как присутствующие, по словам историка, были тронуты до слез этим зрелищем торжественного церемониала, с которым эти люди добровольно посвятили себя жертвоприношению, которое казалось чуть ли не безумием.⁵

Документ, датированный 10 марта 1526 года, был подписан Луке и засвидетельствован тремя уважаемыми гражданами Панама, один из которых подписал от имени Писарро, а другой - от имени Альмагро; поскольку ни одна из этих сторон, согласно признанию в документе, не могла подписаться своим именем.⁶

Таков был странный договор, по которому три малоизвестных личности хладнокровно вырезали и поделили между собой империю, о масштабах, мощи и ресурсах которой, о чьем положении, даже о существовании которой у них не было точных сведений. Позитивная и решительная манера, в которой они говорят о величии этой империи, о ее богатствах, столь соответствующих событиям, но о которых они на самом деле могли знать так мало, составляет разительный контраст с общим скептицизмом и безразличием, проявляемыми почти каждым другим человеком, высокопоставленным и низшим, в сообществе Панама.⁷

Религиозный тон документа - не самая примечательная его черта, особенно если мы сопоставим его с безжалостной политикой, проводимой теми самыми людьми, которые участвовали в нем, при завоевании страны. "Во имя Князя Мира, - говорит знаменитый историк Америки, - они ратифицировали договор, целью которого были грабежи и кровопролитие"⁸. Такое рассуждение кажется разумным. Тем не менее, критикуя то, что делается, а также то, что написано, мы должны учитывать дух времени.⁹ Обращение к Небесам было естественным, поскольку цель этого предприятия была, отчасти, религиозной. Религия более или менее вошла в теорию, по крайней мере, испанских завоеваний в Новом Свете. Никто не станет отрицать, что мотивы более низкого рода в значительной степени смешивались с этими высшими мотивами, причем в различных пропорциях, в зависимости от характера личности. И немногие из них предложили себе долгую карьеру деятеля без примеси каких-либо вульгарных личных мотивов — славы, почестей или денежного вознаграждения. И все же то, что религия дает ключ к американским крестовым походам, какими бы грубыми они ни были, очевидно из истории их возникновения; из разрешения, открыто данного им Главой Церкви; из толпы самоотверженных миссионеров, которые следовали по следам завоевателей, чтобы собрать богатый урожай душ; из неоднократных инструкций короны, главной целью которых было обращение туземцев; из тех суеверных поступков самих солдат с железным сердцем, которые, как бы их ни причисляли к фанатизму, никогда не совершались. было очевидно, что они были слишком серьезны, чтобы оставлять какие-либо основания для обвинения в лицемерии. Это действительно был огненный крест, который пронесся над освященной землей, уничтожая ее в своем ужасном продвижении; но это все еще был крест, знак спасения человека, единственный знак, которым поколения, еще не рожденные, должны были быть спасены от вечной гибели.

Примечательным фактом, который до сих пор ускользал от внимания историков, является то, что Луке не был реальной стороной этого контракта. Он представлял другого человека, который передал в его руки средства, необходимые для предприятия. Это следует из документа, подписанного самим Луке и заверенного тем же нотариусом, который составлял

первоначальный контракт. Документ заявляет, что вся сумма в двадцать тысяч песо, авансированная на экспедицию, была предоставлена лицензиатом Гаспаром де Эспинозой, находившимся в то время в Панаме; что викарий действовал только как его агент и по его поручению; и что, следовательно, упомянутый Эспиноса и никто другой не имел права на треть всех прибылей и приобретений, полученных в результате завоевания Перу. Этот документ, засвидетельствованный тремя лицами, одно из которых было тем же, кто засвидетельствовал первоначальный контракт, был датирован 6 августа 1531 г. 10. Лицензиат Эспиноза был уважаемым чиновником, который занимал должность главного алькальда в Дариене и с тех пор принимал видное участие в завоевании и заселении Огненной земли Фирме. Он пользовался большим уважением из-за своего личного характера и положения; и примечательно, что так мало известно о том, каким образом столь торжественно заключенный завет был выполнен в отношении него. Как и в случае с Колумбом, вероятно, неожиданный масштаб результатов был таков, что помешал добросовестному соблюдению первоначального условия; и все же, исходя из того же соображения, едва ли можно сомневаться в том, что двадцать тысяч песо отважного спекулянта должны были принести ему великолепную прибыль. Не остался без награды и достойный викарий Панамы, как покажет дальнейшая история.

Завершив эти предварительные приготовления, трое помощников, не теряя времени, занялись подготовкой к путешествию. Были приобретены два судна, более крупные и во всех отношениях лучшие, чем те, что использовались в предыдущем случае. Как подсказывал опыт, запасы были заложены в большем масштабе, чем раньше, и было объявлено об "экспедиции в Перу". Но скептически настроенные граждане Панамы не сразу откликнулись на этот призыв. Из почти двухсот человек, участвовавших в предыдущем круизе, теперь осталось не более трех четвертей.¹¹ Эта мрачная смертность и истощенный, нищий вид выживших говорили красноречивее, чем хвастливые обещания и великолепные перспективы, которые предлагали авантюристы. И все же в обществе были люди, оказавшиеся в таких отчаянных обстоятельствах, что любая перемена казалась шансом улучшить их положение. Большая часть бывшей компании также, как ни странно, чувствовала себя более довольной, доведя приключение до конца, чем отказавшись от него, поскольку они увидели, что над ними забрезжил свет лучшего дня. Из этих источников двум капитанам удалось собрать около ста шестидесяти человек, что в целом было весьма недостаточной силой для завоевания империи. Также было закуплено несколько лошадей и увеличен запас боеприпасов и военных припасов, чем раньше, хотя по-прежнему в очень ограниченном количестве. Учитывая их средства, единственным объяснением этого должна быть трудность получения припасов в Панаме, к которой, недавно основанной и расположенной на отдаленном побережье Тихого океана, можно было приблизиться, только перейдя суровый горный барьер, что чрезвычайно затрудняло транспортировку громоздких предметов. Даже такой скудный запас материалов, каким он располагал, вероятно, был в значительной степени обеспечен на нынешнем этапе подготовкой губернатора к его собственной экспедиции на север.

Таким образом, оба капитана, каждый на своем судне, снова отплыли из Панамы под руководством Бартоломею Руиса, проницательного и решительного лоцмана, хорошо опытного в навигации в Южном океане. Он был уроженцем Могера в Андалусии, этого маленького рассадника морской предприимчивости, который подготовил так много моряков для первых плаваний Колумба. Не касаясь промежуточных участков побережья, которые не привлекали путешественников, они стояли дальше в море, держа курс прямо на Рио-де-Сан-Хуан, предельную границу, достигнутую Альмагро. Время года было выбрано лучше, чем в прошлый

раз, и попутный ветерок доставил их к месту назначения, которого они достигли без происшествий через несколько дней. Войдя в устье реки, они увидели берега, густо застроенные индейскими жилищами; и Писарро, высадившемуся во главе отряда солдат, удалось захватить врасплох небольшую деревню и вместе с несколькими туземцами унести значительную добычу в виде золотых украшений, найденных в жилищах.¹²

Воодушевленные своим успехом, оба вождя были уверены, что вид богатой добычи, добытой так быстро, не привлечет авантюристов встать под их знамена в Панаме; и поскольку они больше, чем когда-либо, ощущали необходимость в более сильных силах, чтобы справиться с растущим населением страны, в которую им теперь предстояло проникнуть, было решено, что Альмагро вернется с сокровищами и отправится за подкреплением, в то время как лоцман Руис на другом судне разведает местность на юге и добудет такую информацию, которая могла бы определить их дальнейшие действия. Писарро с остальными войсками должен был оставаться поблизости от реки, поскольку пленные индейцы заверили его, что недалеко в глубине страны есть открытая местность, где он и его люди могли бы найти удобное жилье. Эта договоренность была немедленно приведена в исполнение. Сначала мы будем сопровождать бесстрашного пилота в его путешествии на юг.

Плывя вдоль великого континента, все еще подставляя парусину попутным ветрам, Руис первым делом бросил якорь у маленького острова Галло, примерно в двух градусах северной широты. Немногочисленные жители были готовы оказать ему враждебный прием, ибо вести о захватчиках опередили их по стране и достигли даже этого уединенного места. Поскольку целью Руиса было исследовать, а не завоевывать, он не хотел ввязываться в военные действия с туземцами; поэтому, изменив цель высадки, он снялся с якоря и направился вдоль побережья до того места, которое сейчас называется заливом Святого Матфея. Страна, которая по мере того, как он продвигался вперед, продолжала демонстрировать свидетельства лучшей культуры, а также более плотного населения, чем те части, которые он видел до сих пор, была переполнена вдоль берегов зрителями, которые не выказывали никаких признаков страха или враждебности. Они стояли и смотрели на корабль белых людей, который плавно скользил в кристально чистых водах залива, воображая, что это, по словам старого писателя, какое-то таинственное существо спустилось с небес.

Не задерживаясь достаточно долго на этом дружественном побережье, чтобы разуверить простых людей, Руис, отойдя от берега, отправился в глубокое море; но он не успел далеко отплыть в том направлении, как был удивлен видом судна, издали казавшегося каравеллой значительных размеров, под большим парусом, который медленно нес его по воде. Старый мореплаватель был немало озадачен этим явлением, поскольку был уверен, что ни одно европейское судно не могло быть до него в этих широтах, и ни один еще не открытый индейский народ, даже цивилизованная Мексика, не был знаком с использованием парусов в навигации. Подойдя ближе, он обнаружил, что это большое судно, или, скорее, плот, называемый туземцами *balsa*, состоящий из множества огромных бревен из легкого пористого дерева, плотно связанных вместе, с непрочным настилом из тростника, поднятым на них в качестве палубы. Две мачты или прочные жерди, установленные в середине судна, поддерживали большой квадратный парус из хлопка, в то время как грубый вид руля и подвижный киль, сделанные из досок, вставленных между бревнами, позволяли моряку задавать направление плавучему полотну, которое держалось на своем курсе без помощи весел.¹³ Простая архитектура этого судна была достаточной для целей туземцев и, действительно, продолжает

соответствовать им по сей день; поскольку бальса, увенчанная небольшими соломенными хижинами или хижинками, все еще служит самым удобным средством для перевозки пассажиров и багажа по рекам и вдоль берегов этой части южноамериканского континента.

Поравнявшись с кораблем, Руиз обнаружил на нем нескольких индейцев, как мужчин, так и женщин, у некоторых на лицах были богатые украшения, а также несколько изделий из золота и серебра, выполненных с большим мастерством, которые они везли для перевозки в различные места вдоль побережья. Но что больше всего привлекло его внимание, так это шерстяная ткань, из которой были сшиты некоторые из их платьев. Она была тонкой, изящно расшитой фигурками птиц и цветов и окрашена в яркие цвета. Он также заметил в лодке пару весов, сделанных для взвешивания драгоценных металлов.¹⁴ Его изумление этими доказательствами изобретательности и цивилизации, настолько превосходящими все, что он когда-либо видел в этой стране, было усилено сведениями, которые он узнал от некоторых из этих индейцев. Двое из них прибыли из Тумбеса, перуанского порта, расположенного несколькими градусами южнее; и они дали ему понять, что в их окрестностях поля покрыты большими стадами животных, от которых получают шерсть, и что золото и серебро почти так же распространены, как дерево во дворцах их монарха. Испанцы с жадностью слушали сообщения, которые так хорошо соответствовали их заветным желаниям. Хотя Руис отчасти не доверял этому преувеличению, он решил задержать нескольких индейцев, включая уроженцев Тумбеса, чтобы они могли рассказать чудесную историю его командиру и в то же время, выучив кастильский, могли бы в дальнейшем служить переводчиками у своих соотечественников. Остальным членам отряда он позволил продолжать путешествие без дальнейших перерывов. Затем, придерживаясь своего курса, предусмотрительный лоцман, не приближаясь ни к какой другой точке побережья, продвинулся до Пунта-де-Пасадо, примерно на полградуса южнее, снискав славу первого европейца, который, плывя в этом направлении по Тихому океану, пересек линию равноденствия. Это был предел его открытий; достигнув его, он повернул на север и после нескольких недель отсутствия сумел вернуться на то место, где оставил Писарро и его товарищей.¹⁵

Настало время, ибо боевой дух этого маленького отряда подвергся серьезному испытанию из-за опасностей, с которыми они столкнулись. Отплыв со своими судами, Писарро двинулся в глубь страны в надежде найти приятную страну шампань, которую обещали ему туземцы. Но с каждым шагом леса, казалось, становились все гуще и темнее, а деревья возвышались на такую высоту, какой он никогда не видел, даже в этих плодородных краях, где Природа действует с таким гигантским размахом. Холм продолжал возвышаться над холмом по мере того, как он продвигался вперед, как бы накатываясь вперед последовательными волнами, чтобы присоединиться к колоссальному барьеру Анд, чьи морозные склоны далеко над облаками расстилались подобно занавесу из полированного серебра, который, казалось, соединял небеса с землей.

Пересекая эти лесистые возвышенности, несчастные искатели приключений ныряли в ущелья ужасающей глубины, где испарения влажной почвы поднимались вверх среди благоухающих цветов, которые сияли в глубоком мраке всеми мыслимыми оттенками. Птицы, особенно из племени попугаев, насмехались над этим фантастическим разнообразием природы, придавая ей оттенки, столь же яркие, как у растительного мира. Обезьяны толпами щебетали над их головами и корчили гримасы, подобные дьявольским духам этих пустынь, в то время как отвратительные рептилии, зародившиеся в илистых глубинах озер, собирались у ног

странников. Здесь можно было увидеть гигантского удава, обвивающего деревья своими громоздкими складками, так что его почти нельзя было отличить от их стволов, пока он не был готов броситься на свою добычу; а аллигаторы нежились на берегах ручьев или, скользя под водой, хватали свою неосторожную жертву прежде, чем она замечала их приближение.¹⁷ Таким образом, многие из испанцев трагически погибли, а другие были подстерегаемы туземцами, которые ревниво следили за их передвижениями и пользовались любой возможностью, чтобы извлечь из них выгоду. Четырнадцать человек Писарро были сразу отрезаны в каноэ, выброшенном на берег ручья.¹⁸

В дополнение к другим неприятностям пришел голод, и они с трудом находили средства к существованию, питаясь скудной пищей, которую давали в лесу, — иногда картофелем, поскольку он рос без обработки, или диким кокосовым орехом, или, на берегу, солеными и горькими плодами мангровых деревьев; хотя берег был менее терпимым, чем лес, из-за полчищ комаров, которые вынуждали несчастных искателей приключений зарываться по самые лица в песок. В этой крайности страданий они думали только о возвращении; и все планы алчности и честолубия — за исключением Писарро и нескольких бесстрашных духов — были заменены единственным страстным желанием вернуться в Панаму.

Именно в этот критический момент лоцман Руис вернулся с отчетом о своих блестящих открытиях; и вскоре после этого Альмагро отплыл в порт со своим судном, нагруженным закусками и значительным подкреплением из добровольцев. Путешествие этого командира было благополучным. Прибыв в Панаму, он обнаружил, что правительство находится в руках дона Педро де лос Риоса; и он бросил якорь в гавани, не желая оставаться на берегу, пока не получит от отца Луке отчета о действиях исполнительной власти. Они были достаточно благоприятными, поскольку новый губернатор получил особые инструкции полностью выполнить договоренности, достигнутые его предшественником с партнерами. Узнав о прибытии Альмагро, он приехал в порт, чтобы поприветствовать его, заявив о своей готовности предоставить все возможности для реализации его замыслов. К счастью, незадолго до этого небольшая группа военных авантюристов прибыла в Панаму из метрополии, горя желанием разбогатеть в Новом Свете. Они ловили гораздо охотнее, чем старые и осторожные колонисты, на протянутую им золотую наживку; и с их добавлением, а также с добавлением нескольких нештатных бродяг, слонявшихся по городу, Альмагро оказался во главе подкрепления по меньшей мере в восемьдесят человек, с которым, пополнив запасы, он снова отплыл в Рио-де-Сан-Хуан.

Прибытие новобранцев, горящих желанием продолжить экспедицию, приятная перемена в их обстоятельствах, вызванная обильным запасом прохладительных напитков, и яркие картины богатств, ожидавших их на юге, — все это оказало свое воздействие на удрученный дух последователей Писарро. Их недавние труды и лишения были быстро забыты, и, охваченные радостными и переменчивыми чувствами, свойственными жизни флибустьера, они теперь с таким же рвением призывали своего командира продолжать плавание, как раньше призывали его отказаться от него. Воспользовавшись возродившимся духом предприимчивости, капитаны поднялись на борт своих судов и под руководством лоцмана-ветерана направились по тому же пути, по которому он недавно шел.

Но благоприятный сезон для плавания на юг, который в этих широтах длится всего несколько месяцев в году, был упущен. Бриз постоянно дул на север, и сильное течение недалеко от

берега двигалось в том же направлении. Ветры часто перерастали в бури, и несчастных путешественников много дней швыряло из стороны в сторону в бурлящих волнах, среди ужаснейших штормов с громом и молниями, пока, наконец, они не нашли надежное пристанище на острове Галло, который уже посетил Руис. Поскольку теперь они были слишком многочисленны, чтобы отразить нападение, команды высадились на берег и, не испытывая никаких притеснений со стороны туземцев, оставались на острове в течение двух недель, переоборудуя свои поврежденные суда и набирая новых членов после утомительной работы в океане. Затем, возобновив свое плавание, капитаны повернули на юг, пока не достигли залива Святого Матфея. Продвигаясь вдоль побережья, они, как и Руиз раньше, были поражены признаками более высокой цивилизации, постоянно проявляющимися в общем виде страны и ее жителей. Рука земледельца была видна в каждом квартале. В естественном облике побережья тоже было что-то более привлекательное; ибо вместо вечного лабиринта мангровых деревьев с их запутанными корнями, сплетающимися в грозные кольца под водой, словно для того, чтобы подстеречь и запутать путешественника, низкая кромка моря была покрыта величественной порослью черного дерева, разновидностей красного дерева и других твердых пород, придающих самый яркий и пестрый блеск. Сандаловое дерево и множество бальзамических деревьев с неизвестными названиями распространяли свои сладкие ароматы повсюду, но не в атмосфере, зараженной растительной гнилью, а в чистом бризе океана, неся на своих крыльях здоровье и благоухание. Между ними простирались широкие участки возделанной земли, открывая взору склоны холмов, покрытые желтой кукурузой и картофелем, или в клеточку, на нижних уровнях, с цветущими плантациями какао.¹⁹

Деревень становилось все больше; и, когда суда встали на якорь у порта Такамес, испанцы увидели перед собой город из двух тысяч домов или более, разбитых на улицы, с многочисленным населением, скопившимся вокруг него в пригородах.²⁰ Мужчины и женщины украшали себя множеством украшений из золота и драгоценных камней, что может показаться странным, учитывая, что перуанские инки заявляли о монополии на драгоценности для себя и знати, которой они снисходили до того, чтобы их дарить. Но, хотя испанцы теперь достигли внешних границ перуанской империи, это было не Перу, а Кито, и та его часть, которая совсем недавно перешла под скипетр инков, где древние обычаи народа вряд ли могли быть стерты деспотической системой американских деспотов. Кроме того, соседняя страна была особенно богата золотом, которое, добываемое в ручьях, до сих пор является одним из основных продуктов Барбакоаса. Здесь также протекала прекрасная река Изумрудов, названная так из-за расположенных на ее границах карьеров прекрасного драгоценного камня, из которых индийские монархи обогащали свою казну.²¹

Испанцы с восторгом смотрели на эти неоспоримые свидетельства богатства и видели в тщательной обработке почвы утешительную уверенность в том, что они наконец достигли земли, которая так долго виделась им в блестящей, хотя и далекой перспективе. Но и здесь они были обречены на разочарование из-за воинственного духа народа, который, сознавая свою собственную силу, не выказывал ни малейшего желания отступить перед захватчиками. Напротив, несколько их каноэ выскочили в море, нагруженные воинами, которые, демонстрируя золотую маску в качестве своего знамени, с вызывающим видом кружили вокруг судов и, когда их преследовали, легко укрывались с подветренной стороны суши.²²

На берегу собрался более грозный отряд численностью, согласно испанским отчетам, по меньшей мере в десять тысяч воинов, которым, по-видимому, не терпелось вступить в ближний

бой с захватчиками. Писарро, высадившийся с группой своих людей в надежде на переговоры с туземцами, также не смог полностью предотвратить военные действия; и испанцам, возможно, пришлось бы нелегко под яростным натиском их решительного врага, столь превосходящего их численностью, если бы не нелепый несчастный случай, о котором сообщают историки, произошедший с одним из кавалеристов. Это было падение с лошади, которое так поразило варваров, которые не были готовы к такому разделению того, что казалось одним и тем же существом, на два, что, охваченные ужасом, они отступили и оставили христианам открытый путь вернуть свои сосуды! 23

Теперь был созван военный совет. Было очевидно, что силы испанцев были неравны в борьбе со столь многочисленным и хорошо подготовленным отрядом туземцев; и, даже если бы они одержали здесь верх, у них не могло быть никакой надежды остановить поток, который должен был подняться против них в их продвижении, — ибо местность становилась все более и более густо заселенной, и города и деревушки начинались в поле зрения на каждом новом мысе, который они удваивали. По мнению некоторых малодушных, было лучше сразу отказаться от предприятия, поскольку это было выше их сил. Но Альмагро смотрел на это дело иначе.

"Вернуться домой, - сказал он, - ничего не сделав, было бы не только позором, но и разорением. В Панаме едва ли остался хоть один кредитор, который ожидал выплаты за плоды этой экспедиции. Отправиться домой сейчас означало бы сразу отдать себя в их руки. Это было бы равносильно отправке в тюрьму. Лучше скитаться свободным человеком, пусть и в дикой местности, чем лежать скованным оковами в застенках Панамы.²⁴ Единственным курсом для них, - заключил он, - был тот, которым они руководствовались в последнее время. Писарро мог бы найти какое-нибудь более удобное место, где он мог бы остаться с частью сил, в то время как сам вернулся за рекрутами в Панаму. История, которую они теперь могли рассказать о богатствах этой земли, увиденная ими собственными глазами, выставила бы их экспедицию в совершенно ином свете и не могла не привлечь под их знамена столько добровольцев, сколько им было нужно".

Но эта рекомендация, какой бы разумной она ни была, пришлась не совсем по вкусу последнему командиру, которому не нравилась постоянно выпадавшая на его долю роль оставаться в болотах и лесах этой дикой страны. "Все это очень хорошо, - сказал он Альмагро, - для вас, кто достаточно приятно проводит время, мотаясь туда-сюда на своем судне или уютно укрывшись в изобильной стране Панамы; но совсем другое дело для тех, кто остается здесь, чтобы изнывать и умирать с голоду в дикой местности.²⁵ На это Альмагро ответил с некоторой горячностью, заявив о своей собственной готовности взять на себя руководство храбрыми людьми, которые останутся с ним, если Писарро откажется от этого. Спор принял более гневный и угрожающий тон, судя по словам, которые вскоре перешли бы к драке, поскольку оба, положив руки на мечи, готовились броситься друг на друга, когда казначею Рибере с помощью пилота Руиса удалось их утихомирить. Со стороны этих более хладнокровных советников потребовалось совсем немного усилий, чтобы убедить кавалеров в безрассудстве поведения, которое должно было немедленно положить конец экспедиции способом, мало похвальным для ее инициаторов. В результате произошло примирение, достаточное, по крайней мере внешне, для того, чтобы позволить двум командирам действовать сообща. Затем план Альмагро был принят, и оставалось только найти наиболее безопасное и удобное место для квартиры Писарро.

Несколько дней ушло на то, чтобы пристать к разным частям побережья, пока они возвращались обратно своим курсом; но повсюду туземцы, по-видимому, уловили тревогу и приняли угрожающий, а судя по их численности, устрашающий вид. О более северном регионе, с его нездоровыми болотами и лесами, где природа ведет войну еще более безжалостную, чем человек, не стоило и думать. В этом замешательстве они остановили свой выбор на маленьком острове Галло, который, в целом, из-за его удаленности от берега и малочисленности населения был для них наиболее подходящим местом в их заброшенном и нищенском состоянии.²⁶

Но как только стало известно о решении двух капитанов, среди их последователей, особенно тех, кто должен был остаться с Писарро на острове, вспыхнуло недовольство: "Что? - восклицали они. - Неужели их потащат в это темное место умирать голодом? Вся экспедиция была обманом и провалом, от начала до конца. Золотые страны, о которых так много говорили, казалось, уносились прочь по мере их продвижения; и все то небольшое количество золота, которое им посчастливилось добыть, было отправлено обратно в Панаму, чтобы побудить других глупцов последовать их примеру. Что они получили взамен за все свои страдания? Единственными сокровищами, которыми они могли похвастаться, были их луки и стрелы, и теперь им предстояло умереть на этом унылом острове, не имея даже клочка освященной земли, в которую они могли бы положить свои кости!²⁷

В таком состоянии раздражения несколько солдат написали своим друзьям, сообщая им о своем плачевном состоянии и жалуясь на хладнокровие, с которым они были принесены в жертву упрямой алчности своих лидеров. Но последние были достаточно осторожны, чтобы предвидеть это движение, и Альмагро победил его, захватив все письма, находившиеся в сосудах, и таким образом сразу же отрезав средства связи со своими друзьями вдоме. Однако этот акт беспринципного насилия, как и большинство других подобных актов, не достиг своей цели; солдату по имени Сарабия хватило изобретательности уклониться от него, вложив письмо в комок ваты, который должен был быть доставлен в Панаму в качестве образца продукции страны и подарен супруге губернатора.²⁸

В письме, которое подписали несколько недовольных солдат помимо автора, в мрачных красках описывались невзгоды их положения, обвинялись два командира в том, что они являются авторами этого, и содержался призыв к властям Панамы вмешаться, прислав судно, чтобы забрать их из этого пустынного места, пока некоторые из них еще могут быть найдены переживающими ужасы своего заключения. Послание завершалось строфой, в которой два лидера были заклеены как партнеры на бойне; один был нанят для того, чтобы пригонять скот, а другой - разделывать его. Стихи, имевшие в свое время хождение среди колонистов, на которое они, конечно, не имели права по своим поэтическим достоинствам, могут быть таким образом переведены в соответствующую болтовню:

"Берегитесь, сеньор губернатор,
пастуха, пока он поблизости;
поскольку он идет домой, чтобы забрать овец
Для мясника, который остается здесь".²⁹

Книга 2

Глава 4

Возмущение губернатора—Суровая решимость Писарро—Продолжение путешествия—
Блестящий вид Тумбеса—Открытия вдоль побережья—Возвращение в Панаму—Писарро
отправляется в Испанию

1527—1528

Вскоре после отъезда Альмагро Писарро отослал оставшееся судно под предлогом того, что оно находится на ремонте в Панаме. Вероятно, это избавило его от части его последователей, чей мятежный дух делал их скорее препятствием, чем помощью в его жалком положении, и с которыми он был более готов расстаться из-за трудностей поиска средств к существованию на бесплодном месте, которое он теперь занимал.

Велико было смятение, вызванное возвращением Альмагро и его последователей в маленькую общину Панамы; ибо письмо, тайно переданное в хлопчатобумажном шарике, попало в руки, которым оно предназначалось, и содержание вскоре распространилось с обычным количеством преувеличений. Изможденный и удрученный вид авантюристов сам по себе наводил на размышления, и вскоре все поверили, что несколько злополучных выживших участников экспедиции были задержаны Писарро против их воли, чтобы закончить свои дни со своим разочарованным лидером на его пустынном острове.

Педро де лос Риос, губернатор, был настолько разгневан результатом экспедиции и потерей жизней, которую она причинила колонии, что остался глух ко всем просьбам Луке и Альмагро о дальнейшей поддержке в этом деле; он высмеял их оптимистичные прогнозы на будущее и в конце концов решил послать офицера на остров Галло с приказом вернуть всех испанцев, которых он обнаружит все еще живущими в этом унылом жилище. Для этой цели были немедленно отправлены два судна, которыми командовал кавалерист по имени Тафур, уроженец Кордовы.

Тем временем Писарро и его последователи испытывали все невзгоды, которых можно было ожидать, учитывая характер бесплодного места, в котором они были заключены. Они были, действительно, избавлены от всех опасений со стороны туземцев, поскольку те покинули остров после его оккупации белыми людьми; но им пришлось терпеть муки голода даже в большей степени, чем они прежде испытывали в диких лесах соседнего континента. Их основной пищей были крабы и те моллюски, которых они с трудом могли добыть на берегах. Непрекращающиеся бури с громом и молниями, поскольку был сезон дождей, проносились над преданным островом и заливали его непрекращающимся наводнением. Таким образом, полуголые и изнывающие от голода, в этой маленькой компании было мало таких, кто не чувствовал, что дух предприимчивости угас в них, или кто надеялся на более счастливое разрешение своих трудностей, чем возвращение в Панаму. Поэтому появление Тафура с его двумя судами, хорошо набитыми провизией, было встречено со всем восторгом, который может испытывать команда тонущего затонувшего судна при появлении неожиданной помощи; и единственной мыслью, утолив мгновенный голод, было погрузиться на корабль и навсегда покинуть ненавистный остров.

Но на том же судне Писарро получил письма от двух его сообщников, Луки и Альмагро, умолявших его не отчаиваться в сложившейся крайней ситуации, но твердо придерживаться своей первоначальной цели. Вернуться при нынешних обстоятельствах означало бы решить судьбу экспедиции; и они торжественно обязались, если он твердо останется на своем посту, в короткий срок снабдить его необходимыми средствами для продвижения вперед.¹

Для мужественного духа Писарро было достаточно луча надежды. Не похоже, чтобы он сам когда-либо думал о возвращении. Если бы он это сделал, эти слова ободрения полностью изгнали их из его груди, и он приготовился выдержать судьбу актерского состава, на который он так отчаянно отважился. Однако он знал, что просьбы или увещевания мало что дадут товарищам по его предприятию; и он, вероятно, не заботился о том, чтобы расположить к себе более робких людей, которые, постоянно оглядываясь назад, будут только мешать его дальнейшим действиям. Однако он объявил о своей собственной цели в лаконичной, но решительной манере, характерной для человека, больше привыкшего действовать, чем говорить, и хорошо рассчитавшего произвести впечатление на своих грубых последователей.

Вытащив меч, он провел им линию на песке с востока на запад. Затем, повернувшись к югу, сказал: "Друг и товарищи!" он сказал: "по ту сторону - тяжелый труд, голод, нагота, пронизывающий шторм, дезертирство и смерть; по эту сторону - легкость и удовольствие. Вот Перу с его богатствами; вот Панама с ее нищетой. Каждый выбирает, что лучше всего подходит храброму кастильцу. Что касается меня, я отправляюсь на юг". С этими словами он переступил черту.² За ним последовал храбрый пилот Руис; следующим был Педро де Кандиа, кавалерист, родившийся, как следует из его имени, на одном из островов Греции. Одиннадцать других последовательно перешли черту, тем самым продемонстрировав свою готовность смириться с судьбой своего лидера, к добру или ко злу.³ Слава, цитируя восторженный язык древнего летописца, увековечила имена этой маленькой группы, "которые таким образом, перед лицом беспрецедентных в истории трудностей, когда в награду им давалась скорее смерть, чем богатство, предпочли все это отказу от своей чести и твердо стояли рядом со своим лидером как пример верности будущим векам".⁴.....".

Но этот поступок не вызвал такого восхищения в уме Тафура, который рассматривал его как проявление грубого неповиновения приказам губернатора и немногим лучше безумия, влекущего за собой верное уничтожение участвующих в нем сторон. Он отказался дать на это какое-либо разрешение сам, оставив одно из своих судов с авантюристами для продолжения их путешествия, и с большим трудом его удалось убедить даже отдать им часть припасов, которые он привез для их поддержки. Это никак не повлияло на их решимость, и маленький отряд, попрощавшись со своими возвращающимися товарищами, остался непоколебим в своем намерении сохранить судьбу своего командира.⁵

Есть что-то поражающее воображение в зрелище этих нескольких отважных духов, посвятивших себя таким образом смелому предприятию, которое казалось им настолько же выше сил, насколько любое из описанных в сказочных анналах странствующего рыцарства. Горстка людей, без еды, без одежды, почти без оружия, без знания страны, в которую они направлялись, без судна, которое могло бы их перевезти, была оставлена здесь, на одинокой скале в океане, с общепризнанной целью продолжить крестовый поход против могущественной империи, поставив свои жизни на карту его успеха. Что есть в легендах о рыцарстве такого, что превосходит его? Это был переломный момент в судьбе Писарро. В жизни людей бывают

моменты, которые, когда ими овладевают или ими пренебрегают, решают их дальнейшую судьбу.⁶ Если бы Писарро отступил от своей твердой цели и уступил случаю, теперь столь соблазнительно представившемуся, для выхода себя и своей разбитой банды из их отчаянного положения, его имя было бы похоронено вместе с его состоянием, а завоевание Перу было бы предоставлено другим, более удачливым авантюристам. Но его постоянство соответствовало обстоятельствам, и его поведение здесь доказало его компетентность на опасном посту, который он занял, и внушило другим доверие к нему, что было лучшей гарантией успеха.

На судне, которое доставило обратно Тафура и тех, кто отделился от экспедиции, пилоту Руису также было разрешено вернуться, чтобы сотрудничать с Луке и Альмагро в их просьбе о дальнейшей помощи.

Вскоре после отплытия кораблей Писарро решил покинуть свое нынешнее жилище, которое мало что могло им предложить и которое, как он размышлял, теперь могло подвергнуться раздражению со стороны первоначальных жителей, если бы они набрались смелости и вернулись, узнав об уменьшившемся количестве белых людей. Поэтому испанцы по его приказу построили грубую лодку или плот, на котором им удалось перебраться на маленький остров Горгона, расположенный в двадцати пяти лигах к северу от их нынешнего места жительства. Он находился примерно в пяти лигах от континента и был необитаем. У него были некоторые преимущества перед островом Галло, так как он возвышался над морем и был частично покрыт лесом, который давал убежище некоторым видам фазанов и местным зайцам или крольчатине, так что испанцы с их арбалетами могли добывать сносный запас дичи. Прохладные ручьи, вытекавшие из живой скалы, давали в изобилии воду, хотя проливные дожди, которые шли без перерыва, не подвергали их опасности погибнуть от жажды. От этой досады они находили некоторую защиту в грубых хижинах, которые они строили; хотя здесь, как и в их прежнем жилище, они страдали от не менее невыносимой досады ядовитых насекомых, которые размножались и роились в испарениях вонючей и возделанной почвы. В этом унылом жилище Писарро не пренебрегал никакими средствами, чтобы поддержать упавший дух своих людей. Должным образом произносились утренние молитвы и регулярно исполнялся вечерний гимн Пресвятой Деве; тщательно отмечались церковные праздники, и их командир использовал все средства, чтобы придать своему предприятию своего рода религиозный характер и внушить своим грубым последователям уверенность в покровительстве Небес, которые могли бы поддержать их в их опасных обстоятельствах.⁷

В этих неуютных помещениях их главным занятием было наблюдать за унылым океаном, чтобы по первому сигналу встретить ожидаемую помощь. Но прошло много утомительных месяцев, а никаких признаков этого не появилось. Кругом была все та же обширная водная пустошь, за исключением востока, где замерзший гребень Анд, тронутый палящим солнцем экватора, сиял подобно огненному хребту на всем протяжении огромного континента. Каждое пятнышко на далеком горизонте было тщательно подмечено, и дрейфующий лес или заросли морских водорослей, колышущиеся взад и вперед на поверхности воды, были превращены их воображением в обещанный корабль; пока, погружаясь под тяжестью последовательных разочарований, надежда постепенно не уступила место сомнению, а сомнение не переросло в отчаяние.⁸

Тем временем судно Тафура прибыло в порт Панама. Весть, которую она принесла о непреклонном упрямстве Писарро и его сторонников, привела губернатора в негодование. Он

не мог смотреть на это иначе, как на акт самоубийства, и упорно отказывался посылать дальнейшую помощь людям, которые были упрямо настроены на собственное уничтожение. И все же Луке и Альмагро были верны своим обязательствам. Они заявили губернатору, что, если поведение их товарища и было опрометчивым, то, по крайней мере, на службе короне и в продолжении великого дела открытия. Когда Риос пришел к власти, ему было поручено помочь Писарро в этом предприятии; и покинуть его сейчас означало бы упустить оставшийся шанс на успех и взять на себя ответственность за свою смерть и смерть храбрых людей, которые поддерживали его. В конце концов, эти увещевания так подействовали на этого чиновника, что он неохотно согласился послать к острову Горгона судно, но не с большим количеством рабочих рук, чем было необходимо для работы на нем, и с четкими инструкциями Писарро вернуться через шесть месяцев и явиться в Панаму, каковы бы ни были будущие результаты его экспедиции.

Заручившись таким образом санкцией исполнительной власти, двое компаньонов, не теряя времени, снарядили небольшое судно припасами и запасом оружия и боеприпасов и отправили его на остров. Несчастные обитатели этой маленькой дикой местности, прожившие здесь уже семь месяцев⁹, едва осмеливались доверять своим чувствам, когда увидели белые паруса дружелюбного судна, плывущего по водам. И хотя, когда судно бросило якорь у берега, Писарро был разочарован, обнаружив, что оно не доставило дополнительных рекрутов для своего предприятия, все же он приветствовал его с радостью, поскольку оно давало возможность решить великую проблему существования богатой южной империи и, таким образом, открыть путь для ее будущего завоевания. Двое из его людей были настолько больны, что было решено оставить их на попечение нескольких дружелюбных индейцев, которые оставались с ним на протяжении всего его пребывания, и заехать за ними по возвращении. Взяв с собой остальных своих отважных последователей и туземцев Тумбеса, он погрузился на корабль и, быстро подняв якорь, попрощался с "Адом", как его называли испанцы, который был ареной стольких страданий и такой неустрашимой решимости.¹⁰

Теперь все сердца наполнились надеждой, когда они снова оказались на воде под руководством доброго лоцмана Руиса, который, повинувшись указаниям индейцев, предложил взять курс на землю Тумбес, которая сразу же приведет их в золотую империю инков — Эльдорадо, к которому они так долго стремились. Проплыв мимо унылого острова Галло, который у них была такая веская причина запомнить, они продвинулись дальше в море, пока не достигли мыса Такумес, возле которого высадились во время своего предыдущего путешествия. Они не коснулись ни одной части побережья, но неуклонно держались своего пути, хотя им значительно препятствовали течения, а также ветер, который с небольшими колебаниями дул с юга. К счастью, дул слабый ветер, и, поскольку погода была благоприятной, их путешествие, хотя и медленное, не доставляло неудобств. Через несколько дней они увидели мыс Пасадо, предел прежнего плавания лоцмана; и, перейдя черту, маленькая барка вошла в те неведомые моря, которые никогда прежде не бороздили европейские суда. Они заметили, что побережье постепенно утратило свой прежний смелый и изрезанный характер, плавно спускаясь к берегу и переходя в песчаные равнины, кое-где перемежаемые участками необычайного богатства и красоты; в то время как белые хижины туземцев, поблескивавшие вдоль кромки моря, и дымок, поднимавшийся среди далеких холмов, указывали на растущее население страны.

Наконец, по прошествии двадцати дней с момента отплытия с острова, отважное судно обогнуло мыс Святой Елены и плавно вошло в воды прекрасного Гуаякильского залива.

Местность здесь вдоль берега была усеяна городами и деревнями, хотя могучая цепь Кордильер, резко отходявшая от побережья, оставляла лишь узкую полосу изумрудной зелени, по которой в море вились многочисленные ручейки, распространяя вокруг себя плодородие.

Путешественники теперь были поравнялись с некоторыми из самых грандиозных высот этого великолепного хребта: Чимборасо с его широкой круглой вершиной, возвышающейся подобно куполу Анд, и Котопакси с его ослепительным серебристо-белым конусом, который не знает изменений, кроме как под действием собственного вулканического пламени; ибо эта гора является самым ужасным из американских вулканов и находилась в состоянии грозной активности недалеко от периода нашего повествования. Весьма довольные признаками цивилизации, которые открывались им на каждом лиге пути, испанцы, наконец, бросили якорь у острова Санта-Клара, лежащего у входа в бухту Тумбес.¹¹

Это место было необитаемо, но было признано индейцами на борту, к которым иногда прибегали воинственные жители соседнего острова Пуна для жертвоприношений и богослужений. Испанцы нашли на этом месте несколько кусочков золота, грубо отлитых в различные формы и, вероятно, предназначенных для подношений индейскому божеству. Их сердца воспрянули духом, когда местные жители заверили их, что они увидят изобилие такого же драгоценного металла в их родном городе Тумбесе.

На следующее утро они стояли на другом берегу залива в поисках этого места. Приблизившись, они увидели город значительных размеров, со многими зданиями, по-видимому, из камня и штукатурки, расположенный посреди плодородного луга, который, казалось, был спасен от бесплодия окружающей местности тщательным и тщательным орошением. Отойдя на некоторое расстояние от берега, Писарро увидел стоявшие навстречу ему несколько больших бальзамов, которые, как оказалось, были наполнены воинами, отправлявшимися в поход против острова Пуна. Находясь рядом синдийской флотилией, он пригласил некоторых вождей подняться на борт его судна. Перуанцы с удивлением взирали на все, что попадалось им на глаза, и особенно на своих соотечественников, которых они никак не ожидали здесь встретить. Последний сообщил им, каким образом они попали в руки чужеземцев, которых они описали как удивительную расу существ, пришедших сюда без всякого вреда, а исключительно для того, чтобы познакомиться с этой страной и ее жителями. Этот рассказ был подтвержден испанским командиром, который убедил индейцев вернуться на своих бальсах и сообщить о том, что они узнали, своим горожанам, попросив их в то же время снабдить его судно прохладительными напитками, поскольку он хотел вступить в дружеские отношения с туземцами.

Жители Тумбеза собрались на берегу и с невыразимым изумлением смотрели на плавучий замок, который, бросив якорь, лениво покачивался у причала в их бухте. Они жадно выслушали рассказы своих соотечественников и немедленно доложили о случившемся кураке, или правителю округа, который, полагая, что незнакомцы, должно быть, существа высшего порядка, немедленно приготовился выполнить их просьбу. Вскоре несколько человек из племени бальзас направились к судну, груженному бананами, бананами, юкой, индийской кукурузой, сладким картофелем, ананасами, какао-орехами и другими продуктами изобильной долины Тумбес. Добавились также дичь и рыба, а также несколько лам, грубые рисунки которых Писарро видел у Бальбоа, но до сих пор он не встречал ни одного живого экземпляра. Он с большим интересом разглядывал это любопытное животное, перуанскую овцу, или, как

называли ее испанцы, "маленького верблюда" индейцев, восхищаясь смесью шерсти, из которой туземцы получали материалы для своих тканей.

В то время в Тумбесе жил знатный инка, или орехон, — так, как я уже заметил, испанцы называли людей его ранга из-за огромных золотых украшений, прикрепленных к их ушам. Он выразил большое любопытство увидеть замечательных незнакомцев и, соответственно, пришел с бальзамами для этой цели. По превосходному качеству его одежды, а также по почтению, оказанному ему другими, было легко понять, что он был человеком уважаемым, и Писарро принял его с заметным отличием. Он показал ему различные части корабля, объяснив, как пользоваться всем, что привлекало его внимание, и, насколько мог, ответил на его многочисленные вопросы с помощью индийских переводчиков. Перуанскому вождю особенно хотелось узнать, откуда и почему Писарро и его последователи прибыли на эти берега. Испанский капитан ответил, что он вассал великого князя, величайшего и могущественнейшего в мире, и что он прибыл в эту страну, чтобы утвердить законное господство своего господина над ней. Кроме того, Он пришел, чтобы спасти местных жителей от тьмы неверия, в которой они сейчас блуждали. Они поклонялись злему духу, который погрузил бы их души в вечную гибель; и он дал бы им познание истинного и единственного Бога, Иисуса Христа, поскольку вера в него означала вечное спасение.¹²

Индийский принц слушал с глубоким вниманием и явным удивлением, но ничего не ответил. Возможно, что ни он, ни его толкователи не имели каких-либо очень четких представлений о доктринах, столь внезапно открытых им. Возможно, он не верил, что на земле есть какой-либо другой властитель, более великий, чем инка; по крайней мере, ни один из них не имел большего права править своими владениями. И очень возможно, что он не был расположен признавать, что великое светило, которому он поклонялся, было ниже Бога испанцев. Но что бы ни происходило в неискушенном уме варвара, он не давал этому выхода, а хранил благоразумное молчание, не делая никаких попыток оспорить или убедить своего христианского противника.

Он оставался на борту судна до обеда, который отведал вместе с испанцами, выразив свое удовлетворение незнакомыми блюдами и особенно вином, которое, по его словам, намного превосходило перебродившие ликеры его собственной страны. Прощаясь, он вежливо уговорил испанцев посетить Тумбес, и Писарро отпустил его, подарив, среди прочего, железный топорик, который вызвал у него сильное восхищение, поскольку использование железа, как мы видели, было так же мало известно перуанцам, как и мексиканцам.

На следующий день испанский капитан отправил одного из своих людей по имени Алонсо де Молина на берег в сопровождении негра, прибывшего на судне из Панама, вместе с подарком для кюрасо в виде нескольких свиней и домашней птицы, ни одна из которых не была местной в Новом Свете. Ближе к вечеру его посланец вернулся со свежим запасом фруктов и овощей, которые дружественные люди отправили на судно. Молина рассказал удивительную историю. Сойдя на берег, он был окружен туземцами, которые выразили величайшее удивление его одеждой, светлым цветом лица и длинной бородой. Особенно женщины проявляли к нему большое любопытство, и Молина, казалось, был полностью покорен их обаянием и пленительными манерами. Вероятно, он намекал на свое удовлетворение своим поведением, поскольку они уговаривали его остаться среди них, обещая в этом случае подарить ему красивую жену.

Их удивление было столь же велико, когда они увидели цвет лица его спутницы, цвета соболя. Они не могли поверить, что это естественно, и попытались стереть воображаемую краску руками. Поскольку африканец переносил все это с характерным добродушием, демонстрируя при этом ряды зубов цвета слоновой кости, они были несказанно довольны.¹³ Животные были не менее непостижимы для них; и когда пропел петух, простой народ захлопал в ладоши и поинтересовался, что он говорит.¹⁴ Их интеллект был настолько ошеломлен столь непривычными зрелищами, что они, казалось, были неспособны отличить человека от животного.

Затем Молину сопровождали в резиденцию курака, которого он застал живущим в большом достатке, с носильщиками, стоявшими у его дверей, и с большим количеством золотых и серебряных сосудов, из которых ему подавали. Затем его отвезли в разные части индийского города, и он увидел крепость, построенную из необработанного камня и, хотя и низкую, раскинувшуюся на большом пространстве.¹⁵ Рядом с этим был храм; и испанец описал его убранство. сверкающий золотом и серебром, он казался настолько экстравагантным, что Писарро, не доверяя всему его рассказу, решил послать более осторожного и заслуживающего доверия эмиссара на следующий день.¹⁶

Выбранным человеком был Педро де Кандиа, греческий кавалерист, упомянутый как один из первых, кто намекнул о своем намерении разделить судьбу своего командира. Его отправили на берег, одетого в полную кольчугу, как и подобает хорошему рыцарю, с мечом на боку и аркебузой на плече. Индейцы были еще больше ослеплены его внешностью, чем внешностью Молины, поскольку солнце ярко падало на его начищенные доспехи и отражалось от его боевого оружия. Они много слышали о грозной аркебузе от своих горожан, приплывших на корабле, и умоляли Кандию "позволить ей поговорить с ними". Соответственно, он установил деревянную доску в качестве мишени и, тщательно прицелившись, выстрелил из мушкета. Вспышка пороха и оглушительный грохот шашки, когда доска, пораженная шаром, разлетелась в щепки, привели туземцев в смятение. Некоторые падали на землю, закрывая свои лица руками, а другие приближались к кавалеру с чувством благоговения, которое постепенно рассеивалось уверенностью, которую они получали от улыбающегося выражения его физиономии.¹⁷

Затем они оказали ему такое же гостеприимное внимание, какое оказывали Молине; и его описание чудес этого места по возвращении ничем не отличалось от описания его предшественника. Крепость, окруженная тройным рядом стен, имела сильный гарнизон. Храм, который он описал, был буквально увешан золотыми и серебряными пластинами. К этому строению примыкало нечто вроде монастыря, предназначенного для невест инки, которые проявили большое любопытство, желая увидеть его. Было ли это удовлетворено, неясно; но Кандиа описал монастырские сады, в которые он вошел, как сияющие имитациями фруктов и овощей, все из чистого золота и серебра!¹⁸ Он видел за работой множество ремесленников, чьим единственным занятием, казалось, было изготовление этих великолепных украшений для религиозных домов.

Отчеты кавалера, возможно, были несколько приукрашены.¹⁹ Вполне естественно, что люди, вернувшиеся из унылой дикой местности, в которой они были похоронены последние шесть месяцев, были сильно впечатлены признаками цивилизации, встретившими их на перуанском побережье. Но Тумбес был любимым городом перуанских принцев. Это было самое важное

место на северных границах империи, примыкающее к недавно приобретенному Кито. Великий Тупак Юпанки основал там мощную крепость и заселил ее колонией митимаес. Храм и дом, в котором жили Девы Солнца, были воздвигнуты Уайной Капаком и были щедро одарены этим инкой в соответствии с роскошью религиозных учреждений Перу. Город хорошо снабжался водой по многочисленным акведукам, а плодородная долина, в которой он располагался, и океан, омывающий его берега, обеспечивали достаточные средства к существованию значительному населению. Но алчность испанцев после завоевания не замедлила лишить это место его славы; и местонахождение его гордых башен и храмов менее чем через полвека после того рокового периода можно было определить только по огромной массе руин, покрывавших землю.²⁰

Испанцы были почти безумны от радости, говорит старый писатель, получив эти блестящие новости о перуанском городе. Теперь всем их заветным мечтам предстояло осуществиться, и они, наконец, достигли царства, которое так долго в призрачном великолепии проносилось перед ними. Писарро выразил свою благодарность Небесам за то, что они увенчали его труды столь славным результатом; но он горько оплакивал суровую судьбу, которая, лишив его последователей, лишила его в такой момент возможности воспользоваться своим успехом. И все же у него не было причин для скорби; и набожный католик увидел в самом этом обстоятельстве вмешательство провидения, которое предотвратило попытку завоевания, хотя такие попытки были бы преждевременными. Перу еще не была раздираема на части разногласиями соперничающих кандидатов на трон; и, объединенная и сильная под скипетром воинственного монарха, она вполне могла бросить вызов всем силам, которые мог собрать Писарро. "Очевидно, что это было делом Небес, - восклицает набожный сын Церкви, - что уроженцы страны приняли его в таком добром и любящем духе, который наилучшим образом способствовал его завоеванию; ибо это была рука Господа, которая привела его и его последователей в этот отдаленный край для распространения святой веры и спасения душ" ²¹.

Собрав теперь все сведения, необходимые для достижения своей цели, Писарро, простившись с туземцами Тумбеса и пообещав скорое возвращение, снялся с якоря и снова повернул нос к югу. По-прежнему держась как можно ближе к берегу, чтобы ни одно важное место не могло ускользнуть от его наблюдения, он миновал мыс Бланко и, проплыв около полутора градусов, достиг порта Пайта. Жители, заметившие его приближение, вышли в своих балахонах посмотреть на чудесных незнакомцев, неся с собой запасы фруктов, рыбы и овощей с тем же гостеприимством, которое проявляли их соотечественники в Тумбезе.

Пробыв здесь недолго и обменявшись с туземцами пустяковыми подарками, Писарро продолжил свое плавание; проплыв мимо песчаных равнин Сечуры на протяжении почти ста миль, он обогнул Пунта-де-Агуа и пронесся вдоль побережья, когда оно отклонялось к востоку, все еще подгоняемое легкими и несколько переменчивыми бризами. Погода теперь стала неблагоприятной, и путешественники столкнулись с чередой сильных штормов, которые отнесли их на некоторое расстояние в море и много дней швыряли из стороны в сторону. Но они не упускали из виду могучие хребты Анд, которые по мере продвижения на юг все еще были видны почти на том же расстоянии от берега, накатываясь вперед, вершина за вершиной, с их колоссальными ледяными нагромождениями, подобными какому-то огромному океану, внезапно остановившемуся и замороженному посреди своего дикого и бурного развития. Поскольку этот ориентир всегда находился в поле зрения, штурману почти не требовались звезды или компас, чтобы направлять свое судно по курсу.

Как только буря утихла, Писарро снова отправился на континент, касаясь основных точек по мере продвижения. Повсюду его встречали в том же духе щедрого гостеприимства; туземцы выходили в своих бальзамах приветствовать его, нагруженные своими небольшими грузами фруктов и овощей всех сочных сортов, которые растут на огненной земле кальенте. Всем не терпелось хоть мельком взглянуть на чужеземцев, "Детей Солнца", как уже начали называть испанцев, судя по их светлому цвету лица, блестящим доспехам и молниям, которые они держали в руках.²² Им также предшествовали самые благоприятные слухи о вежливости и мягкости их манер, которые открывали сердца простых туземцев и располагали их к доверию и доброте. Солдат с железным сердцем еще не раскрыл темную сторону своего характера. Он был слишком слаб, чтобы сделать это. Час Победы еще не настал.

Везде Писарро получал одни и те же сообщения о могущественном монархе, правившем страной и державшем свой двор на горных равнинах внутренних районов страны, где его столица изображалась сверкающей золотом и серебром и демонстрирующей все изобилие восточного сатрапа. Испанцы, за исключением Тумбеса, по-видимому, почти не встречали драгоценных металлов у туземцев на побережье. Более одного автора утверждают, что они не желали их иметь или, по крайней мере, по приказу Писарро делали вид, что не делают этого. Он не хотел, чтобы они выдали свою жажду золота и фактически отказались от подарков, когда их предлагали!²³ Более вероятно, что они почти не видели демонстрации богатства, за исключением украшений храмов и других священных зданий, которые они не осмеливались осквернять. Драгоценные металлы, предназначенные для религиозных нужд и для лиц высокого положения, вряд ли были в изобилии в отдаленных городах и деревушках на побережье.

Тем не менее испанцы встретились с достаточным количеством свидетельств общей цивилизации и могущества, чтобы убедить их в том, что сообщения туземцев имеют под собой серьезные основания. Неоднократно они видели сооружения из камня и гипса, изредка демонстрируя архитектурное мастерство в исполнении, если не элегантность дизайна. Где бы они ни бросали якорь, они видели зеленые участки возделанной земли, освобожденные от бесплодия природы и расцветающие пестрой растительностью тропиков; в то время как усовершенствованная система орошения с помощью акведуков и каналов, казалось, была раскинута подобно сети по поверхности страны, заставляя даже пустыню цвести подобно розе. Во многих местах, где они высаживались, они видели великую дорогу инков, пересекавшую морское побережье, часто, действительно, терявшуюся в изменчивых песках, где невозможно было поддерживать дорогу, но поднимавшуюся в широкую и прочную дамбу, когда она выходила на более твердую почву. Такое обеспечение внутренней связи само по себе было немалым памятником могущества и цивилизации.

Продолжая двигаться на юг, Писарро миновал место будущего процветающего города Трухильо, основанного им самим несколько лет спустя, и продолжал двигаться дальше, пока не выехал из порта Санта. Он стоял на берегу широкого и красивого ручья; но окружающая местность была настолько засушливой, что перуанцы часто выбирали его в качестве места захоронения, находя почву наиболее благоприятной для сохранения их мумий. Действительно, индейских гуака было так много, что это место скорее можно было бы назвать обителью мертвых, чем живых.²⁴

Достигнув этой точки, примерно девятого градуса южной широты, последователи Писарро умоляли его не продолжать путешествие дальше. По их словам, было сделано достаточно,

более чем достаточно, чтобы доказать существование и действительное положение великой индийской империи, которую они так долго искали. Тем не менее, с их незначительными силами они не могли извлечь выгоду из этого открытия. Поэтому все, что оставалось, это вернуться и доложить об успехе своего предприятия губернатору Панамы. Писарро согласился с разумностью этого требования. Теперь он продвинулся на девять градусов дальше, чем любой из бывших мореплавателей в этих южных морях, и вместо бедствия, которое, казалось, до этого часа висело над его судьбой, теперь он мог с триумфом вернуться к своим соотечественникам. Поэтому, не колеблясь, он приготовился вернуться на прежний курс и снова направился на север.

По пути он коснулся нескольких мест, где приземлился раньше. На одном из них, называемом испанцами Санта-Крус, он был приглашен на берег знатной индианкой и пообещал навестить ее по возвращении. Как только его судно бросило якорь у деревни, где она жила, она поднялась на борт в сопровождении многочисленной свиты слуг. Писарро принял ее со всеми знаками уважения и на прощание подарил ей несколько безделушек, которые имели реальную ценность в глазах индийской принцессы. Она призвала испанского командира и его спутников нанести ответный визит, пообещав отправить на борт несколько заложников в качестве гарантии хорошего обращения с ними. Писарро заверил ее, что откровенное доверие, которое она проявила к ним, доказывает, что в этом не было необходимости. Тем не менее, как только на следующий день он отчалил в своей лодке, чтобы отправиться на берег, несколько высокопоставленных лиц этого места подошли к борту корабля, чтобы быть принятыми в качестве заложников на время отсутствия испанцев, — исключительное доказательство учета деликатных опасений его гостей.

Писарро обнаружил, что приготовления к его приему были сделаны в стиле простого гостеприимства, которое демонстрировало некоторую степень вкуса. Беседки были образованы из пышных и широко раскидистых ветвей, увитых благоухающими цветами и кустарниками, которые распространяли в воздухе восхитительный аромат. Был устроен банкет, изобилующий яствами, приготовленными в стиле перуанской кулинарии, а также фруктами и овощами соблазнительного оттенка и сочными на вкус, хотя их названия и природа были испанцам неизвестны. По окончании угощения гостей развлекала музыкой и танцами группа просто одетых юношей и девушек, демонстрировавших в своем любимом национальном развлечении всю ловкость и грацию, которые так хорошо позволяли им демонстрировать гибкие конечности перуанских индейцев. Перед своим отъездом Писарро изложил своей любезной хозяйке мотивы своего визита в страну точно так же, как он делал это в других случаях, и в заключение развернул королевское знамя Кастилии, которое он привез на берег, попросив ее и ее приближенных поднять его в знак их верности его государю. Это они сделали с большим добродушием, все время смеясь, говорит хронист, и давая понять, что у них было очень несовершенное представление о серьезности церемонии. Писарро был удовлетворен этим внешним проявлением лояльности и вернулся на свое судно, вполне удовлетворенный оказанным развлечением и, возможно, размышляя о том, как наилучшим образом отплатить за это в будущем, подчинив и обратив страну.

Испанский командующий не забыл заглянуть также в Тумбес, возвращаясь домой. Здесь некоторые из его последователей, привлеченные уютным видом этого места и манерами людей, выразили желание остаться, полагая, без сомнения, что было бы лучше жить там, где они были бы влиятельными людьми, чем возвращаться в безвестное положение в панамском

сообществе. Одним из этих людей был Алонсо де Молина, тот самый, который впервые сошел на берег в этом месте и был очарован чарами индейских красавиц. Писарро выполнил их пожелания, решив, что было бы не лишним по возвращении найти кого-нибудь из своих последователей, которые были бы обучены языку и обычаям туземцев. Ему также разрешили взять с собой на своем судне двух или трех перуанцев с той же целью - обучить их кастильскому. Один из них, юноша по имени Фелипильо, которого испанцы называли Фелипильо, играет важную роль в истории последующих событий.

Покинув Тумбес, искатели приключений направились прямо в Панаму, остановившись по пути только на злополучном острове Горгона, чтобы взять на борт двух своих товарищей, которые остались там слишком больными, чтобы отправиться дальше с ними. Один из них умер, и, получив другого, Писарро и его доблестный маленький отряд продолжили свое плавание; и после отсутствия по меньшей мере в восемнадцать месяцев они снова оказались в безопасности, стоя на якоре в панамской гавани.²⁵

Сенсация, вызванная их прибытием, была велика, как и следовало ожидать. Ибо мало кто, даже среди самых жизнерадостных их друзей, не представлял себе, что они уже давно заплатили за свою безрассудность и стали жертвами климата или туземцев, или несчастно сгинули в водной могиле. Поэтому их радость была пропорционально велика, когда они увидели, что странники вернулись не только здоровыми и невредимыми, но и с определенными вестями о прекрасных странах, которые так долго ускользали от них. Это был момент гордого удовлетворения для трех партнеров, которые, несмотря на клевету, насмешки и все препятствия, которые могли возникнуть на их пути из-за недоверия друзей или холодности правительства, упорно продолжали свое великое предприятие, пока не установили истину о том, что было так широко объявлено химерой. Несчастье тех отважных умов, которые задумывают идею, слишком обширную, чтобы ее могло постичь их собственное поколение или, по крайней мере, попытаться осуществить, заключается в том, что они слынут дальновидными мечтателями. Такова была судьба Луке и его сообщников. Существование богатой индийской империи на юге, которая в их умах, долгое время придерживавшихся одной и той же идеи и живо воспринимавших все доводы в ее пользу, возросла до уверенности, было высмеяно остальными их соотечественниками как простой мираж фантазии, который при ближайшем рассмотрении растает в воздухе; в то время как прожектеры, поставившие на карту свое состояние в этой аванюре, были объявлены безумцами. Но теперь настал их час триумфа, их медленного и выстраданного триумфа.

Однако губернатор Педро де лос Риос, казалось, даже в этот момент не был убежден в масштабности открытия — или, возможно, он был обескуражен самим его масштабом. Когда партнеры, теперь с большей уверенностью, обратились к нему за покровительством в предприятии, слишком обширном для их личных ресурсов, он холодно ответил: "У него не было желания создавать другие государства за счет своего собственного; и при этом он не стал бы жертвовать большим количеством жизней, чем уже было принесено в жертву дешевой демонстрации золотых и серебряных игрушек и нескольких индийских овец!" ²⁶

Крайне обескураженные этим отпором из единственного места, откуда можно было ожидать эффективной помощи, конфедераты, не имея средств и имея кредит, почти исчерпанный их прошлыми усилиями, были крайне сбиты с толку. И все же остановиться сейчас — что это было, как не бросить богатую жилу, которую открыли их собственные трудолюбие и настойчивость,

чтобы другие работали в свое удовольствие? В этой экстремальной ситуации плодотворный ум Луке предложил единственное средство, с помощью которого они могли надеяться на успех. Это должно было относиться к самой Короне. Никто не был так сильно заинтересован в результате экспедиции. Действительно, именно правительству предстояло совершить открытия, завоевать страну. Только правительство было компетентно предоставить необходимые средства и, вероятно, придерживалось гораздо более широкого и либерального взгляда на этот вопрос, чем мелкий колониальный чиновник.

Но кто там был достаточно квалифицирован, чтобы взять на себя ответственность за эту деликатную миссию? Луке был прикован своими профессиональными обязанностями к Панаме, а его товарищи, неграмотные солдаты, гораздо лучше подходили для работы в лагере, чем при дворе. Альмагро, грубоватый, хотя и несколько надутый и напыщенный в обращении, с миниатюрным ростом и от природы некрасивым лицом, теперь сильно обезображенным потерей глаза, не был так хорошо подготовлен для этой миссии, как его товарищ по оружию, который, обладая хорошим характером и в целом властной осанкой, был правдоподобен и, при всех своих недостатках образования, мог, при глубокой заинтересованности, быть даже красноречивым в беседе. Священнослужитель, однако, предположил, что переговоры следует поручить лиценциату Корралю, респектабельному чиновнику, который затем собирается вернуться по каким-то государственным делам в метрополию. Но Альмагро решительно возражал против этого. Никто, по его словам, не смог бы провести дело так хорошо, как заинтересованная в нем сторона. Он был высокого мнения о благоразумии Писарро, его проницательном характере и его хладнокровной, обдуманной политике.²⁷ Он достаточно знал своего товарища, чтобы быть уверенным, что присутствие духа не покинет его даже в новых и, следовательно, затруднительных обстоятельствах, в которые он попадет при дворе. Никто, сказал он, не мог бы рассказать историю их приключений с таким эффектом, как человек, который был главным действующим лицом в них. Никто не мог так хорошо описать беспримерные страдания и жертвы, с которыми им пришлось столкнуться; никто другой не мог бы так убедительно рассказать о том, что было сделано, что еще оставалось сделать и какая помощь потребуется для приведения этого в исполнение. В заключение он со свойственной ему откровенностью настоятельно призвал своего сообщника выполнить эту миссию.

Писарро почувствовал силу доводов Альмагро и, хотя и с нескрываемой неохотой, согласился на меру, которая была ему менее по вкусу, чем поход в дикую местность. Но Луке удалось договориться с большим трудом. "Дай Бог, дети мои, - воскликнул священнослужитель, - чтобы один из вас не лишил другого его благословения обманом!"²⁸ Писарро стремился учитывать интересы своих товарищей наравне со своими собственными. Но Луке, очевидно, не доверял Писарро.

Возникли некоторые трудности с получением средств, необходимых для приведения посланника в надлежащий вид при дворе; так низко пал кредит союзников и так мало доверия все еще было к результатам их блестящих открытий. В конце концов было собрано полторы тысячи дукатов, и Писарро весной 1528 года попрощался с Панамой в сопровождении Педро де Кандиа.²⁹ Он также взял с собой нескольких туземцев, а также двух или трех лам, различные красивые ткани со множеством украшений и золотые и серебряные вазы как образцы местной цивилизации и свидетельства о своей замечательной истории.

Из всех авторов, писавших о древней истории Перу, никто не приобрел такой широкой известности и на него так часто ссылались более поздние составители, как инка Гарсиласо де ла Вега. Он родился в Куско в 1540 году и был метисом, то есть смешанного происхождения: его отец был европейцем, а мать индианкой. Его отец, Гарсиласо де ла Вега, был одним из той прославленной семьи, чьи достижения, как в военном деле, так и в литературе, проливали такой блеск на самый славный период кастильских анналов. Он прибыл в Перу в свите Педро де Альварадо вскоре после того, как страна была завоевана Писарро. Гарсиласо прибрал к рукам состояние этого вождя, а после его смерти — состояние его брата Гонсало, оставшегося у него. верен последнему на протяжении всего своего восстания, вплоть до часа его разгрома при Ксакишагуане, когда Гарсиласо последовал тем же путем с большей частью своей фракции и перешел на сторону врага. Но эта демонстрация лояльности, хотя и спасла ему жизнь, была слишком запоздалой, чтобы искупить свою вину перед победившей партией; и позор, который он навлек на себя из-за участия в восстании, омрачил его последующую судьбу и даже судьбу его сына, как выяснится спустя годы.

Мать историка была королевской крови Перу. Она была племянницей Уайны Капака и внучкой знаменитого Тупака Инки Юпанки. Гарсиласо, хотя и выражает явное удовлетворение тем, что в его жилах течет кровь цивилизованного европейца, выражает немалую гордость за свое происхождение от королевской династии Перу; и на это он намекнул, соединив со своим отчеством отличительный титул перуанских принцев, подписываясь всегда Гарсиласо Инка де ла Вега.

Его ранние годы прошли на его родине, где он был воспитан в римско-католической вере и получил самое хорошее образование, какое только можно было получить, среди непрекращающегося шума оружия и гражданских беспорядков. В 1560 году, когда ему исполнилось двадцать лет, он покинул Америку и с тех пор поселился в Испании. Здесь он поступил на военную службу и получил чин капитана во время войны с морисками, а затем под командованием дона Иоанна Австрийского. Хотя он с честью справился со своей авантюрной карьерой, он, похоже, не был удовлетворен тем, как правительство вознаградило его за заслуги. Старый упрек в нелояльности отца все еще преследовал сына, и Гарсиласо уверяет нас, что это обстоятельство свело на нет все его усилия вернуть крупное наследство в виде земельной собственности, принадлежавшей его матери, которое перешло к короне. "Таковы были предубеждения против меня, - говорит он, - что я не мог настаивать на своих древних притязаниях или ожиданиях; и я оставил армию таким бедным и по уши в долгах, что не хотел снова показываться при дворе; но был вынужден удалиться в безвестное уединение, где я веду спокойную жизнь в течение того короткого времени, которое мне осталось, не обманываясь больше миром или его суетой".

Место этого безвестного уединения, однако, находилось не в глубине какой-нибудь сельской глуши, как может представить читатель по этому тону философского смирения, а в Кордове, некогда веселой столице мусульманской науки, а до сих пор являющейся пристанищем людей. Здесь наш философ занялся литературными трудами, тем более приятными и успокаивающими его израненный дух, что они были направлены на то, чтобы проиллюстрировать увядшую славу его родной земли и представить ее в первозданном великолепии глазам его принятых соотечественников. "И у меня нет причин сожалеть, - говорит он в предисловии к своему отчету о Флориде, - что удача не улыбнулась мне, поскольку это обстоятельство положило начало

литературной карьере, которая, я надеюсь, обеспечит мне более широкую и долговечную славу, чем могло бы принести любое земное процветание".

В 1609 году он представил миру Первую часть своего великого труда "Commentarios Reales", посвященного истории страны при инках; а в 1616 году, за несколько месяцев до своей смерти, он закончил Вторую часть, охватывающую историю завоевания, которая была опубликована в Кордове в следующем году. Летописец, завершивший таким образом свои труды своей жизнью, умер в глубокой старости в возрасте семидесяти шести лет. Он оставил значительную сумму на покупку мессы для своей души, показывая, что жалобы на его бедность не следует понимать буквально. Его останки были захоронены в кафедральном соборе Кордовы, в часовне, носящей имя Гарсиласо; на его памятнике была сделана надпись, свидетельствующая о высоком уважении, которым пользовался историк как за его моральные достоинства, так и за литературные достижения.

Первая часть "Commentarios Reales" посвящена, как уже отмечалось, древней истории страны, представляя полную картину ее цивилизации при инках, гораздо более полную, чем была дана любым другим автором. Матери Гарсиласо было всего десять лет, когда ее двоюродный брат Атауальпа вступил на престол, или, скорее, узурпировал власть, как это называют сторонники Куско. Ей посчастливилось избежать резни, которая, согласно хронистам, постигла большинство ее сородичей, и после завоевания она вместе со своим братом продолжала проживать в их древней столице. Их разговоры, естественно, перешли к старым добрым временам правления инков, которые, окрашенные их искренними сожалениями, можно считать, ничего не потеряли, если смотреть на них через увеличительное стекло прошлого. Молодой Гарсиласо жадно слушал истории, повествующие о великолепии и доблести его королевских предков, и хотя в то время он ими не пользовался, они глубоко запали ему в память, чтобы сохранить их на будущее. Когда по прошествии многих лет, находясь в уединении в Кордове, он готовился написать историю своей страны, он написал своим старым товарищам по школе из семьи инков, чтобы получить более полную информацию, чем он мог получить в Испании, по различным вопросам, представляющим исторический интерес. В юности он был свидетелем древних церемоний и обычаев своих соотечественников, постиг науку их кipu и усвоил многие из их примитивных традиций. Благодаря помощи, которую он теперь получал от своих перуанских родственников, он познакомился с историей великой расы инков и их национальными институтами в такой степени, какой не мог бы обладать ни один человек, если бы не воспитывался среди них, не говорил на том же языке и в жилах которого текла та же индейская кровь. Короче говоря, Гарсиласо был представителем покоренной расы; и мы могли бы ожидать, что свет и тени на картине будут расположены под его карандашом таким образом, чтобы произвести эффект, сильно отличающийся от того, который они до сих пор демонстрировали под руками Завоевателей.

Таков, в определенной степени, факт; и это обстоятельство предоставляет средство сравнения, которое само по себе придало бы его работам большую ценность для достижения справедливых исторических выводов. Но Гарсиласо писал поздно, после того как эта история была часто рассказана кастильскими писателями. Естественно, он во многом полагался на мужчин, некоторые из которых пользовались высоким авторитетом как по своей учености, так и по своему социальному положению. Он заявляет, что его целью было не столько добавить что-то новое от себя, сколько исправить их ошибки и неверные представления, в которые они были введены из-за незнания индийских языков и обычаев его народа. Однако на самом деле он идет

гораздо дальше этого; и запасы информации, которые он собрал, сделали его работу большим хранилищем, откуда более поздние работники в той же области извлекли обильные материалы. Он пишет от всего сердца и освещает каждую тему, которой он касается, разнообразием и богатством иллюстраций, которые не оставляют желать лучшего даже для самого назойливого любопытства. Разница между чтением его Комментариев и рассказов европейских писателей - это разница, которая существует между чтением произведения в оригинале и в точном переводе. Труды Гарсиласо - это эманация индийского разума.

Однако его комментарии вызывают серьезные возражения, которые, естественно, вытекают из его позиции. Обращаясь к образованному европейцу, он больше всего на свете желал показать древнюю славу своего народа и еще больше расы инков в их наиболее впечатляющей форме. Это, несомненно, послужило большим толчком к его литературным трудам, для которых предыдущее образование, каким бы хорошим оно ни было для того злого времени, в которое он был брошен, далеко не подготовило его. Следовательно, Гарсиласо писал, преследуя определенную цель. Он выступил в качестве адвоката своих несчастных соотечественников, защищая интересы этой деградировавшей расы перед судом потомков. Вытекающий из этого преувеличенный тон панегирика становится очевидным на каждой странице его работы. Он рисует состояние общества, которое философ-утопист вряд ли рискнул бы изобразить. Его царственные предки стали образцами совершенства любого воображения, и золотой век возрождается для нации, которая, в то время как война за прозелитизм бушует на ее границах, наслаждается всеми благами спокойствия и умиротворения. Даже материальное великолепие монархии, достаточно большое в этой золотой стране, усиливается в пылком воображении хрониста инков и превращается в великолепные иллюзии волшебной сказки.

Однако в основе его самых смелых концепций лежит истина, и было бы несправедливо по отношению к индийскому историку предполагать, что он сам не верил в большинство волшебных чудес, которые он описывает. Нет такой доверчивости, как у новообращенного христианина, только что обращенного в веру. Из-за долгого пребывания во тьме язычества его глаза, впервые открывшиеся для света истины, не приобрели способности различать точные пропорции предметов, различать реальное и воображаемое. Гарсиласо на самом деле не был новообращенным, поскольку с младенчества был воспитан в римско-католической вере. Но он был окружен обращенными и неопитами — теми, кто принадлежал к его роду, кто, всю свою жизнь соблюдая языческие обряды, теперь впервые был принят в лоно христианства. Он слушал учения миссионера, научился у него безоговорочно доверять чудесным легендам о Святых и не менее чудесным рассказам о своих собственных победах в духовной борьбе за распространение веры. Таким образом, рано привыкший к таким масштабным нападкам на свою доверчивость, его разум утратил свою божественную способность отличать истину от заблуждения, и он настолько свыкся с чудесным, что чудесное перестало быть чудом.

И все же, хотя на этот счет из сообщений хрониста следует делать обширные выводы, в них всегда есть крупица истины, которую нетрудно обнаружить и даже отделить от причудливого покрова, который ее окутывает; и после каждой поправки на преувеличения национального тщеславия мы обнаружим изобилие подлинной информации о древностях его страны, которую мы тщетно будем искать у любого европейского писателя.

Работы Гарсилассо отражают эпоху, в которую он жил. Они обращены скорее к воображению, чем к трезвому рассудку. Мы ослеплены великолепным зрелищем, которое он постоянно демонстрирует, и восхищены разнообразием забавных деталей и оживленных сплетен, разбросанных по его страницам. История действия постоянно разнообразится обсуждениями тем, иллюстрирующих его ход, чтобы нарушить монотонность повествования и доставить приятное облегчение читателю. Это верно в отношении Первой части его великого труда. Во второй уже не было места для подобных дискуссий. Но он дополнил это место словоохотливыми воспоминаниями, личными анекдотами, случайными приключениями и множеством тривиальных деталей, — тривиальных в глазах педанта, — от которых историки слишком охотно отказались, как от недостойных истории. Мы видим актеров этой великой драмы в их частной одежде, знакомимся с их личными привычками, слушаем их привычные высказывания и, короче говоря, собираем те мелочи, которые в совокупности составляют так много в жизни и не меньше в характере.

Именно это смешение великого и малого, столь бесхитростно смешанное воедино, составляет одну из прелестей старой романтической хроники, — не менее верно и то, что в этом отношении она ближе всего подходит к обычному тону романа. Именно в таких произведениях мы можем искать форму и давление эпохи. Изъеденные червями государственные документы, официальная переписка, публичные отчеты — все это полезно и незаменимо для истории. Они — каркас, на котором она должна покоиться; скелет фактов, придающий ей силу и пропорции. Но они так же бесполезны, как сухие кости скелета, если не облечены в прекрасную форму и одеяние человечества, а инстинкт — в дух эпохи. Мы в большом долгу перед антикваром, который с добросовестной точностью широко и глубоко закладывает основы исторической правды; и не в меньшей степени перед философом—летописцем, который изображает человека в одежде общественной жизни, человека в маскараде; но наша благодарность, безусловно, не должна быть утаена от тех, кто, подобно Гарсиласо де ла Веге и многим средневековым романистам, держал зеркало — пусть несколько искаженное — внутренней стороны жизни, отражающее каждый объект, великий и ничтожный, красивый и уродливый, с их естественной выделенностью и неповторимостью. живость окраски, привлекающая внимание зрителя. Как произведение искусства, такая постановка может считаться не выдерживающей критики. Но, хотя по своей композиции она бросает вызов правилам искусства, это не обязательно нарушает принципы вкуса, поскольку по своему духу она соответствует духу эпохи, в которую была написана. И критик, который холодно осуждает его на основе суровых принципов искусства, найдет очарование в самой его простоте, которая заставит его снова и снова возвращаться к его страницам, в то время как более правильные и классические композиции отложены в сторону и забыты.

Я не могу отмахнуться от этого замечания Гарсиласо, хотя оно и затянулось уже надолго, без некоторого намека на английский перевод его комментариев. Она появилась во времена правления Якова Второго и является работой сэра Пола Райко, рыцаря. Она была напечатана в Лондоне в 1688 году in folio, со значительной претенциозностью внешнего оформления, богато украшена резьбой по дереву, а на фронтисписе изображены изможденные и довольно сардонические черты лица не автора, а его переводчика. Версия идет в ногу с ходом оригинала, точно соответствуя книгам и главам, и редко, хотя и иногда, использует свободу сокращений, столь распространенную в этих древних версиях. Если оно и отклоняется от оригинала, то скорее по незнанию, чем намеренно. Действительно, насколько ссылка на незнание поможет ему, достойный рыцарь может смело ссылаться на это в свою защиту. Никто из тех, кто прочтет

эту книгу, не усомнится в своем ограниченном знании родного языка, и никто из тех, кто сравнит ее с оригиналом, не будет отрицать своего незнания кастильского. В нем столько же грубых ошибок, сколько и в абзацах, и большинство из них такие, что могли бы пристыдить школьника. И все же грубое очарование оригинала таково, что эта более грубая версия его нашла значительное одобрение у читателей; и перевод сэра Поля Райко, каким бы старым он ни был, все еще можно встретить во многих частных, а также публичных библиотеках.

История завоевания Перу

Уильям Хиклинг Прескотт

Книга 3

Глава 1

Прием Писарро при дворе—Его капитуляция перед короной -
Он посещает Место Своего Рождения—Возвращается в Новый Свет-
Трудности с Альмагро—Его Третья экспедиция-
Приключения на побережье—Сражения На острове Пуна

1528—1531

Писарро и его офицер, переправившись через Перешеек, сели в Номбре-де-Диос, направляясь в старую страну, и после долгого перехода достигли Севильи в начале лета 1528 года. В то время в порту случайно оказался человек, хорошо известный в истории испанских приключений как Холостяк Энсисо. Он принимал активное участие в колонизации Огненной земли и имел денежные претензии к первым колонистам Дариена, одним из которых был Писарро. Сразу же после приземления последнего он был схвачен по приказу Энсисо и заключен под стражу из-за долга. Писарро, бежавший из своей родной страны как одинокий авантюрист, после более чем двадцатилетнего отсутствия, большинство из которых он провел в беспрецедентном труде и страданиях, теперь, вернувшись, оказался заключенным тюрьмы. Таково было начало тех блестящих успехов, которые, как он и надеялся, ожидали его дома. Это обстоятельство вызвало всеобщее негодование, и как только Двор был уведомлен о его прибытии в страну и великой цели его миссии, были разосланы приказы о его освобождении с разрешением немедленно отправиться в путь.

Писарро нашел императора в Толедо, который ему вскоре предстояло покинуть, чтобы отправиться в Италию. Испания не была любимой резиденцией Карла Пятого в начале его правления. Сейчас у него был тот период, когда он в полной мере наслаждался своими победами над своим доблестным соперником Францией, которого он победил и взял в плен в великой битве при Павии; и победитель в этот момент готовился отправиться в Италию, чтобы получить императорскую корону из рук римского первосвященника. Воодушевленный своими успехами и восхождением на германский трон, Карл мало заботился о своем наследственном королевстве, поскольку его честолюбивые устремления открывали перед ним столь блестящую карьеру на широком поле европейской политики.

До сих пор он получал слишком незначительную прибыль от своих трансатлантических владений, чтобы уделять им то внимание, которого они заслуживали. Но поскольку недавнее приобретение Мексики и блестящие перспективы в отношении южного континента были

обращены на него пристальным вниманием, он почувствовал, что их важность, вероятно, даст ему средства для осуществления его амбициозных и самых дорогостоящих предприятий.

Поэтому Писарро, который теперь прибыл, чтобы удовлетворить королевские взоры видимыми доказательствами правдивости слухов о золоте, которые время от времени доходили до Кастилии, был милостиво принят императором. Чарльз с большим вниманием разглядывал различные предметы, которые ему показывал его офицер. Его особенно заинтересовал внешний вид ламы, столь примечательной как единственное вьючное животное, еще известное на новом континенте; а тонкие шерстяные ткани, которые были сшиты из ее мохнатых боков, придавали ей в глазах проницательного монарха гораздо большую ценность, чем то, чем она обладала как животное для домашней работы. Но образцы изготовления золота и серебра и чудесная история, которую Писарро рассказал об изобилии драгоценных металлов, должно быть, удовлетворили даже королевскую алчность.

Писарро, несколько не смущенный новизной своего положения, сохранял свое обычное самообладание и в обращении проявлял ту благопристойность и даже достоинство, которые присущи кастильцу. Он говорил простым и уважительным тоном, но с серьезностью и естественным красноречием человека, который был актером в сценах, которые он описывал, и который сознавал, что впечатление, которое он производит на аудиторию, должно было решить его дальнейшую судьбу. Все с нетерпением слушали рассказ о его странных приключениях на море и суше, о его скитаниях по лесам или по мрачным и зловредным болотам на морском побережье, без еды, почти без одежды, с истерзанными и кровоточащими ногами на каждом шагу, с его немногочисленными спутниками, которых становилось все меньше из-за болезней и смерти, и все же он с непобедимым духом продолжал расширять Кастильскую империю, а также имя и могущество ее государя; но когда он описал свое одинокое положение на пустынном острове, покинутом правительством на родине, всеми, кроме горстки преданных последователей. его королевский аудитор, хотя и был нелегко растроган, был тронут до слез. Уезжая из Толедо, Карл в самых благоприятных выражениях представил дела своего вассала на рассмотрение Совета Индии.¹

В то время при дворе находился еще один человек, прибывший туда с аналогичным поручением из Нового Света, но чьи блестящие достижения уже снискали ему имя, которое отбросило растущую репутацию Писарро сравнительно в тень. Этим человеком был Эрнандо Кортес, Завоеватель Мексики. Он вернулся домой, чтобы положить империю к ногам своего государя и потребовать взамен возмещения причиненных ему обид и вознаграждения за свои великие услуги. Он был на закате своей карьеры, как Писарро в начале своей; Завоеватель Севера и Юга; два человека, назначенные Провидением свергнуть самую могущественную из индийских династий и открыть золотые ворота, через которые сокровища Нового Света должны были перейти в казну Испании.

Несмотря на рекомендацию императора, дело Писарро продвигалось с запозданием, с которым обычно ведутся дела при кастильском дворе. Он обнаружил, что его ограниченные средства постепенно истощаются из-за расходов, понесенных в связи с его нынешним положением, и он заявил, что, если не будут быстро приняты какие-либо меры в связи с его иском, какими бы благоприятными они ни были в конечном итоге, он будет не в состоянии извлечь из них выгоду. Королева, соответственно, которая отвечала за это дело, после отъезда

своего мужа ускорила дело, и двадцать шестого июля 1529 года она подписала памятную Капитуляцию, которая определила полномочия и привилегии Писарро.

Документ закреплял за этим вождем право открытия и завоевания провинции Перу, или Новой Кастилии, — как тогда называлась страна, подобно тому как Мексика получила название Новой Испании, - на расстоянии двухсот лиг к югу от Сантьяго. Он должен был пожизненно получить титулы и звание губернатора и генерал-капитана провинции вместе с титулами Аделантадо и Альгуасиль-мэра; и он должен был получать жалованье всемьсот двадцать пять тысяч мараведи с обязательством содержать определенных офицеров и военных вассалов, соответствующих достоинству его положения. Он должен был иметь право возводить определенные крепости с абсолютным управлением ими; назначать индейские энкомьенды с ограничениями, установленными законом; и, в конце концов, осуществлять почти все прерогативы, относящиеся к власти вице-короля.

Его соратник Альмагро был назначен комендантом крепости Тумбес с ежегодной арендной платой в размере трехсот тысяч мараведи и дальнейшим званием и привилегиями идадьго. Преподобный отец Луке получил награду за свои заслуги в епископстве Тумбес, а также был объявлен Защитником индейцев Перу. Он должен был получать ежегодное жалованье в тысячу дукатов, которое, как и другие оклады и чаевые, предусмотренные этим актом, должно было поступать из доходов завоеванной территории.

Не были забыты и второстепенные участники экспедиции. Руис получил титул Великого лоцмана Южного океана с щедрыми пособиями; Кандиа был поставлен во главе артиллерии; а остальные одиннадцать товарищей на пустынном острове получили титулы идадьго и кавальеро и в перспективе получили определенные муниципальные звания.

Также было принято несколько положений либерального толка, направленных на поощрение эмиграции в страну. Новые поселенцы должны были быть освобождены от некоторых наиболее обременительных, но обычных налогов, таких как алькабала, или облагаться ими только в смягченной форме. Налог на драгоценные металлы, добываемые на рудниках, должен был быть снижен сначала до одной десятой, вместо пятой, взимаемой с тех же металлов, полученных бартером или грабежом.

Писарро было прямо предписано соблюдать существующие правила для хорошего управления и защиты туземцев; и от него требовалось взять с собой определенное количество духовных лиц, с которыми он должен был советоваться при завоевании страны и чьи усилия должны были быть посвящены служению и обращению индейцев; в то время как юристам и поверенным, с другой стороны, чье присутствие считалось дурным предзнаменованием для гармонии новых поселений, было строго запрещено появляться в них.

Писарро, со своей стороны, был обязан в течение шести месяцев со дня подписания документа собрать хорошо оснащенные для службы войска численностью в двести пятьдесят человек, из которых сто могли быть набраны из колоний; и правительство обязалось оказать некоторую незначительную помощь в приобретении артиллерии и военных припасов. Наконец, он должен был быть готов через шесть месяцев после возвращения в Панаму покинуть этот порт и отправиться в свою экспедицию.²

Таковы некоторые из основных положений этой Капитуляции, согласно которым кастильское правительство с мудрой политикой, которую оно обычно проводило в подобных случаях,

поощряло честолюбивые надежды авантюриста громкими титулами и щедрыми обещаниями вознаграждения в зависимости от его успеха, но само позаботилось о том, чтобы ничего не ставить на кон в результате предприятия. Он был осторожен в том, чтобы пожинать плоды своего труда, но не расплачиваться за них.

Обстоятельством, которое нельзя было не отметить в этих положениях, был способ, которым высокие и прибыльные должности достались Писарро, за исключением Альмагро, который, если и не принимал столь заметного участия в личном труде и разоблачении, то, по крайней мере, разделил с ним первоначальное бремя предприятия и своими трудами в другом направлении столь же существенно способствовал его успеху. Альмагро охотно уступил почетный пост своему сообщнику; но при отъезде Писарро в Испанию было оговорено, что, пока он добивался должности губернатора и генерал-капитана для себя, он должен обеспечить должность Аделантадо для своего товарища. Аналогичным образом он пообещал подать заявку на престол Тумбеса для викария Панамы и на должность мэра Альгуасила для пилота Руиса. Епископство приняло согласованное направление, поскольку солдат едва ли мог претендовать на митру прелата; но все остальные должности, вместо их надлежащего распределения, были сосредоточены на нем самом. Тем не менее, именно в связи с его ходатайством за своих друзей Писарро пообещал перед своим отъездом поступить со всеми ними честно.³

Военный хронист Педро Писарро утверждает, что его родственник действительно настойчиво настаивал на подаче иска в пользу Альмагро; но правительство отказало ему на том основании, что должности такой первостепенной важности не могут быть переданы разным лицам. Пагубные последствия такого устройства уже давно ощущались более чем в одной индийской колонии, где оно привело к соперничеству и фатальным столкновениям.⁴ Таким образом, Писарро, обнаружив, что его протесты остались без внимания, не имел иного выбора, кроме как объединить должности лично или стать свидетелем краха экспедиции. Это объяснение случившегося не получило одобрения других современных историков. Опасения, выраженные Луке во время принятия Писарро на себя миссии относительно какого-либо такого результата, который действительно имел место, основанные, несомненно, на знании характера его сообщника, могут заставить нас не доверять предполагаемому оправданию его поведения, и наше недоверие не уменьшится от знакомства с его последующей карьерой. Добродетель Писарро была не из тех, чтобы противостоять искушению, хотя и гораздо более слабому, чем то, что сейчас встретилось на его пути.

Удачливый кавалер был также удостоен облачения Святого Яго;⁵ и ему было разрешено внести важное нововведение в свой фамильный герб, поскольку со стороны отца он мог претендовать на свой гербовый знак. Черный орел и две колонны, украшавшие королевский герб, были объединены с гербами Писарро; а индийский город с кораблем вдалеке на воде и перуанской ламой раскрывали театр военных действий и характер его подвигов; в то время как легенда гласила, что "под покровительством Карла и благодаря трудолюбию, гению и ресурсам Писарро страна была открыта и восстановлена в спокойствии", - таким образом, скромно намекая как на прошлые, так и на будущие заслуги Завоевателя.⁶

Эти приготовления были таким образом завершены к удовлетворению Писарро, и он уехал из Толедо в Трухильо, свою родину, в Эстремадуру, где, как он думал, у него будет больше шансов встретиться с приверженцами своего нового предприятия и где, несомненно, было приятно его тщеславию показать себя в выгодном или, по крайней мере, многообещающем состоянии при

его нынешних обстоятельствах. Если тщеславие и можно когда-либо простить, то, безусловно, оно присуще человеку, который, родившись на малоизвестном жизненном поприще, не имея семьи, интересов или друзей, которые могли бы поддержать его, сам сколотил себе состояние в этом мире и, используя свои собственные ресурсы, одержал победу над всеми препятствиями, которые природа и случай воздвигли на его пути. Таково было состояние Писарро, когда он теперь вновь посетил место своего рождения, где до сих пор был известен только как бедный изгой, у которого не было дома, чтобы укрыться, отца, который владел бы им, или друга, на которого можно было бы опереться. Но теперь он нашел и друзей, и последователей, а также некоторых, кто горел желанием породниться с ним и принять участие в его будущей судьбе. Среди них были четыре брата. Трое из них, как и он сам, были незаконнорожденными; один из них, по имени Франсиско Мартин де Алькантара, приходился ему родственником по материнской линии; двое других, по имени Гонсало и Хуан Писарро, происходили от отца. "Все они были бедны и гордились своей бедностью, - говорит Овьедо, видевший их, - и их стремление к наживе было пропорционально их бедности"⁷.

Оставшийся и старший брат, по имени Эрнандо, был законным сыном - "законным, — продолжает тот же язвительный авторитет, - как по своей гордости, так и по своему происхождению". Черты его лица были простыми, даже неприятными, но фигура у него была хорошая. Он был крупного роста и, как и его брат Фрэнсис, в целом производил впечатление.⁸ В своем характере он сочетал некоторые из худших недостатков, присущих кастильцу. Он был ревнив до крайности; нетерпелив не только к оскорблению, но и к малейшей мелочи, и неумолим в своем негодовании. Он был решителен в своих мерах и беспринципен в их исполнении. Никакое прикосновение жалости не могло остановить его руку. Его высокомерие было таково, что он постоянно ранил самолюбие тех, с кем он действовал; таким образом, порождая недоброжелательность, которая без необходимости множила препятствия на его пути. В этом он отличался от своего брата Фрэнсиса, чьи благовоспитанные манеры сглаживали трудности и способствовали доверию и сотрудничеству в его предприятиях. К сожалению, дурные советы Эрнандо оказали на его брата влияние, которое с лихвой компенсировало преимущества, полученные от его исключительных деловых способностей.

Несмотря на общий интерес, который авантюры Писарро вызвали в его стране, этому вождю было нелегко выполнить условия Капитуляции в отношении размера своих поборов. Те, кого больше всего поражал его рассказ, не всегда были склонны принимать участие в его судьбе. Они уклонялись от несравненных трудностей, которые лежали на пути искателя приключений в этом направлении; и они с видимым недоверием слушали великолепные изображения золотых храмов и садов Тумбеса, которые, по их мнению, были в какой-то степени обязаны, по крайней мере, цвету его фантазии, с очевидной целью привлечь сторонников под его знамена. Говорят даже, что Писарро было бы трудно собрать необходимые средства, если бы не своевременная помощь Кортеса, уроженца Эстремадуры, как и он сам, его товарища по оружию в первые дни и, согласно сообщениям, его родственника.⁹ Никто не был в лучшем положении, чтобы протянуть руку помощи брату-авантюристу, и, вероятно, никто не испытывал большего сочувствия к судьбе Писарро или большей уверенности в его конечном успехе, чем человек, который так недавно прошел ту же известную карьеру.

Шесть месяцев, отпущенные капитуляцией, истекли, и Писарро собрал несколько меньше оговоренного им количества людей, с которыми он готовился погрузиться на небольшую эскадру из трех судов в Севилье; но, прежде чем они были полностью готовы, он получил

известие, что чиновники Совета Индии намерены навести справки о состоянии судов и выяснить, насколько выполнены требования.

Поэтому, не теряя времени, Писарро, опасаясь, что, если факты станут известны, его предприятие может быть пресечено в зародыше, снял канаты и, перейдя отмель Сан—Лукар, в январе 1530 года направился к острову Гомера — одному из Канарских островов, - где приказал своему брату Эрнандо, командовавшему оставшимися судами, встретить его.

Едва он успел уйти, как прибыли полицейские, чтобы начать обыск. Но когда они возразили против нехватки людей, их легко — возможно, добровольно — обманули под предлогом того, что остальные отправились вперед на корабле с Писарро. Во всяком случае, больше никаких препятствий на пути Эрнандо не возникло, и ему было разрешено с остальной частью эскадрильи присоединиться к своему брату, согласно договоренности, в Гомере.

После успешного плавания искатели приключений достигли северного побережья великого южного континента и бросили якорь в порту Санта-Марта. Здесь они получили такие обескураживающие сообщения о странах, в которые направлялись, о лесах, кишящих насекомыми и ядовитыми змеями, об огромных аллигаторах, кишящих на берегах рек, и о лишениях и опасностях, каких никогда не испытывали их собственные страхи, что несколько человек Писарро дезертировали; а их предводитель, решив, что оставаться в таких опасных местах больше небезопасно, немедленно отплыл в Номбре-де-Диос.

Вскоре после его прибытия туда его встретили двое его сподвижников, Луке и Альмагро, которые пересекли горы с целью услышать из его собственных уст точный смысл капитуляции перед короной. Велико, как и следовало ожидать, было недовольство Альмагро, узнавшего о результатах того, что он считал вероломными махинациями своего компаньона. "Неужели так, - воскликнул он, - вы обошлись с другом, который наравне с вами разделял испытания, опасности и издержки предприятия; и это несмотря на ваши торжественные обязательства при отъезде защищать его интересы так же верно, как и свои собственные? Как вы могли допустить, чтобы я был так обесчещен в глазах всего мира столь ничтожной компенсацией, которая, кажется, ставит мои заслуги ни во что по сравнению с вашими собственными?" 10

Писарро в ответ заверил своего компаньона, что он добросовестно настаивал на своем иске, но что правительство отказывается передать полномочия, которые так тесно связаны друг с другом, в разные руки. У него не было иного выбора, кроме как принять все самому или отвергнуть все; и он попытался смягчить неудовольствие Альмагро, заявив, что страна достаточно велика для честолубия обоих и что полномочия, предоставленные ему, на самом деле были предоставлены Альмагро, поскольку все, что у него было, всегда будет в распоряжении его друга, как если бы оно было его собственным. Но эти сладкие слова не удовлетворили потерпевшую сторону, и два капитана вскоре после этого вернулись в Панаму с чувством отчуждения, если не враждебности, друг к другу, что не предвещало ничего хорошего для их предприятия.

Тем не менее, Альмагро отличался великодушием и мог бы быть умиротворен политическими уступками своего соперника, если бы не вмешательство Эрнандо Писарро, который с первого часа их встречи выказывал мало уважения к ветерану, чего, впрочем, миниатюрная фигура последнего не была рассчитана внушить, и который теперь с особым отвращением смотрел на него как на препятствие карьере своего брата.

Друзья Альмагро — а его откровенные и либеральные манеры обеспечили ему многих — были не менее, чем он сам, возмущены властным поведением этого нового союзника. Они громко жаловались, что вполне достаточно страдать от вероломства Писарро, не подвергаясь оскорблениям со стороны его семьи, которая теперь перешла на сторону Писарро, чтобы откормиться на завоеванных трофеях, принадлежавших их вождю. Вскоре разрыв достиг такой степени, что Альмагро заявил о своем намерении продолжить экспедицию без дальнейшего сотрудничества со своим партнером и фактически вступил в переговоры о покупке судов для этой цели. Но Луке и лицензиат Эспиноза, которые, к счастью, прибыли в это время из Сан-Доминго, теперь вмешались, чтобы устранить брешь, которая должна была закончиться крахом предприятия и вероятной гибелью тех, кто больше всего был заинтересован в его успехе. При их посредничестве, наконец, было достигнуто демонстративное примирение между сторонами, при заверении Писарро, что он откажется от сана Аделантадо в пользу своего соперника и обратится к императору с просьбой утвердить его во владении им; - можно заметить, что это заверение нелегко согласовать с его прежним утверждением в отношении общепризнанной политики короны при назначении на этот пост. Более того, он должен был ходатайствовать о создании отдельного правительства для своего помощника, как только тот станет хозяином вверенной ему страны; и не должен был просить ни о какой должности ни для одного из своих братьев, пока Альмагро не будет обеспечен. Наконец, прежний договор о разделе добычи на три равные доли между тремя первоначальными партнерами был подтвержден самым недвусмысленным образом. Примирение, достигнутое таким образом между сторонами, отвечало временной цели, позволившей им согласованно продвигаться вперед в экспедиции. Но это был всего лишь тонкий шрам, который навсегда заживил рану, которая, оставаясь глубокой и раздражающей внутри, ждала только новой причины для раздражения, чтобы вырваться наружу с вирулентностью, более смертельной, чем когда-либо.¹¹

Теперь нельзя было терять времени на подготовку к путешествию. Однако это не вызвало особого энтузиазма у колонистов Панама, которые были слишком знакомы со страданиями во время прежних экспедиций, чтобы решиться на новую, даже с помощью богатой взятки, которая была протянута, чтобы соблазнить их. Несколько человек из старой компании удовлетворялись тем, что довели приключение до конца; и еще несколько отставших были собраны из провинции Никарагуа, — можно заметить, что это была охота из колонии Панама. Но Писарро незначительно пополнил силы, переброшенные с ним из Испании, хотя это подразделение находилось в лучшем состоянии и в отношении оружия, боеприпасов и снаряжения в целом было на гораздо лучшем уровне, чем его прежние рекруты. Общая численность не превышала ста восьмидесяти человек, с двадцатью семью лошадьми для кавалерии. Он снабдил себя тремя кораблями, два из них приличных размеров, чтобы заменить те, которые он был вынужден оставить на противоположной стороне перешейка в Номбре-де-Диос; вооружение небольшое для завоевания империи и далеко не такое, какое предписывалось соглашением с короной. С этими словами бесстрашный вождь предложил начать операцию, полагаясь на свой собственный успех и усилия Альмагро, который должен был пока остаться в тылу для сбора подкреплений.¹²

В день Святого Иоанна Богослова знамена роты и королевский штандарт были освящены в кафедральном соборе Панама; перед маленькой армией была произнесена проповедь братом Хуаном де Варгасом, одним из доминиканцев, выбранных правительством для перуанской миссии; была отслужена месса и причастие каждому солдату, участвовавшему в крестовом походе против неверных.¹³ Таким образом, торжественно призвав благословение Небес на это

предприятие, Писарро и его последователи поднялись на борт своих судов, которые стояли на якоре в Панамском заливе. , а в начале января 1531 года отправился в свою третью и последнюю экспедицию по завоеванию Перу.

Он намеревался направиться прямо в Тумбес, где во время его предыдущего путешествия были представлены столь великолепные сокровища. Но встречные ветры и течения, как обычно, помешали его намерениям, и после тринадцатидневного перехода, гораздо более короткого, чем период, ранее требовавшийся для прохождения того же расстояния, его маленькая эскадра бросила якорь в бухте Сент-Мэтью, примерно на один градус севернее; и Писарро, посоветовавшись со своими офицерами, решил высадить свои силы и продвигаться вдоль побережья, в то время как суда держали курс на удобном расстоянии от берега.

Марш войск был до крайности тяжелым и мучительным, так как дорогу постоянно пересекали ручьи, которые, вздувшись от зимних дождей, расширялись в устьях, образуя просторные устья рек. Писарро, который уже имел некоторые знания об этой стране, выступал в качестве гида, а также командира экспедиции. Он всегда был готов оказать помощь там, где это было необходимо, поощряя своих последователей переходить вброд или переплывать потоки, насколько это было возможно, и подбадривая отчаявшихся своим собственным жизнерадостным и мужественным духом.

Наконец они добрались до густонаселенной деревушки, или, скорее, городка, в провинции Коаке. Испанцы ворвались на это место, и жители, не оказывая сопротивления, в ужасе бежали в соседние леса, оставив свои пожитки — гораздо большей ценности, чем предполагалось, — в руках захватчиков. "Мы напали на них с мечом в руке", - с некоторой наивностью говорит один из завоевателей, - "ибо, если бы мы предупредили индейцев о нашем приближении, мы никогда бы не нашли там таких запасов золота и драгоценных камней".¹⁴ Однако, согласно другому источнику, туземцы остались добровольно; "поскольку они не причинили никакого вреда белым людям, они льстили себя надеждой, что им ничего не предложат, кроме обмена добрыми услугами с чужеземцами".¹⁵ - ожидание, основанное, возможно, на добром характере, которым обладали индейцы". Испанцы установили это для себя во время своего предыдущего визита, но в котором простые люди теперь оказались самым неприятным образом обманутыми.

Ворвавшись в опустевшие жилища, захватчики нашли там, помимо всевозможных припасов и пищи, столь желанной в их голодном состоянии, большое количество золота и серебра, изготовленных в виде неуклюжих украшений, а также множество драгоценных камней; ибо это был район эсмеральд, или изумрудов, где этот ценный камень был в наибольшем изобилии. Одна из таких драгоценностей, попавшая в руки Писарро в этом районе, была величиной с голубиное яйцо. К несчастью, его грубые последователи не знали ценности своей добычи; и они разломали многие из них на куски, колотя по ним молотками.¹⁶ Говорят, что на это экстраординарное действие их подтолкнул один из доминиканских миссионеров, брат Реджинальдо де Педраза, который заверил их, что это способ доказать, что изумруд настоящий, который невозможно разбить. Было замечено, что добрый отец не подвергал свои драгоценности этому мудрому эксперименту; но поскольку камни вследствие этого упали в цене, поскольку их рассматривали просто как цветное стекло, он перевез значительный запас их в Панаму.¹⁷

Золотые и серебряные украшения, украденные из жилищ, были собраны вместе и сложены в общую кучу; пятая часть была вычтена для Кроны, а остальное Писарро распределил в должных

пропорциях между офицерами и рядовыми своей роты. Это было обычаем, неизменно соблюдавшимся в подобных случаях на протяжении всего Завоевания. Захватчики отправились в обычное приключение. Их интересы были общими, и позволить каждому грабить за свой счет означало бы только привести к неподчинению и вечным ссорам. Поэтому от всех требовалось под страхом смерти внести все, что они получили, будь то путем сделки или грабежа, в общую копилку; и все были слишком заинтересованы в исполнении наказания, чтобы предоставить несчастному преступнику, нарушившему закон, какой-либо шанс на спасение.¹⁸

Писарро, следуя своей обычной политике, отправил обратно в Панаму большое количество золота, стоимостью не менее двадцати тысяч кастелланосов, в надежде, что вид такого количества сокровищ, приобретенных таким быстро, разрешит сомнения колеблющихся и заставит их присоединиться к его знамени.¹⁹ Он рассудил правильно. Как благочестиво выразился один из Завоевателей, "Господу было угодно, чтобы мы захватили город Коаке, чтобы богатства этой земли понравились людям и чтобы они стекались туда" ²⁰.

Писарро, подкрепив своих людей, продолжил свой поход вдоль побережья, но уже без сопровождения судов, которые вернулись за новобранцами в Панаму. Дорога, по мере того как он продвигался вперед, была испещрена полосами песчаной пустоши, которая, разносимая ветрами, ослепляла солдат и служила лишь ненадежной опорой для людей и животных. Яркий свет был невыносимым, и лучи вертикального солнца яростно били по железным кольчугам и толстым стеганым дублетам из хлопка, пока падавшие в обморок солдаты почти не задохнулись от жары. В довершение их бед в маленькой армии вспыхнула странная эпидемия. Она приняла форму язв, или, скорее, отвратительных бородавок огромных размеров, которые покрывали все тело, и при вскрытии, как это было с некоторыми, выделялось такое количество крови, которое оказывалось смертельным для страдальца. Несколько человек умерли от этого ужасного расстройства, которое было настолько внезапным в своем нападении и сопровождалось таким упадком сил, что те, кто хорошо прилег ночью, утром были не в состоянии поднять руки к голове.²¹ Эпидемия, которая впервые проявилась во время этого вторжения и которая ненадолго пережила его, распространилась по стране, не пощадив ни туземцев, ни белых людей.²² Это была одна из тех язв из чаши гнева, которую ангел-разрушитель, следующий путем победителя, изливает на преданные народы.

Испанцы редко сталкивались на своем марше с сопротивлением или раздражением со стороны местных жителей, которые, наученные примером Коаке, бежали со своим имуществом в леса и соседние горы. Никто не вышел поприветствовать незнакомцев и совершить обряд гостеприимства, как во время их последнего визита на эту землю. Ибо на белых людей больше не смотрели как на добрых существ, сошедших с небес, а как на безжалостных разрушителей, которые, неуязвимые для нападений индейцев, носились на спинах свирепых животных, быстрее ветра, с оружием в руках, сеявших на своем пути огонь и опустошение. Таковы были распространяемые ныне истории о захватчиках, которые, повсюду предшествуя им на пути, закрывали от них сердца, если не двери, туземцев. Измученные путешествиями и болезнями, глубоко разочарованные бедностью страны, которая теперь не предлагала никакой компенсации за их труды, солдаты Писарро проклинали тот час, когда они записались под его знамена, и, в частности, люди Никарагуа, говорит старый хронист, вспоминая свои приятные жилища в своей роскошной стране, вздыхали только для того, чтобы вернуться в свой магометанский рай.²³

В этот момент армия была обрадована появлением судна из Панама, которое доставило кое-какие припасы вместе с королевским казначеем, видором или инспектором, контролером и другими высшими офицерами, назначенными короной для участия в экспедиции. Они были оставлены в Испании Писарро вследствие его внезапного отъезда из страны; и Совет Индии, узнав об этом обстоятельстве, послал в Панаму инструкции воспрепятствовать отплытию его эскадры из этого порта. Но испанское правительство, проявив больше мудрости, отменило приказ, потребовав лишь, чтобы чиновники ускорили свой отъезд и, не теряя времени, заняли свои места в экспедиции.

Испанцы в своем марше вдоль побережья продвинулись теперь до Пуэрто-Вьехо. Вскоре после этого к ним присоединилось еще одно небольшое подкрепление численностью около тридцати человек под командованием офицера по имени Белалькасар, который впоследствии отличился на этой службе. Многие из последователей Писарро теперь остановились бы на этом месте и основали там колонию. Но этот вождь больше думал о завоевании, чем о колонизации, по крайней мере в настоящее время; и он предложил в качестве своего первого шага овладеть Тумбесом, который он рассматривал как ворота перуанской империи. Поэтому, продолжая свой поход к берегам того, что сейчас называется Гуаякильским заливом, он прибыл с маленького острова Пуна, лежащего недалеко от залива Тумбес. Он подумал, что этот остров послужит ему удобным местом для лагеря до тех пор, пока он не будет готов к высадке в индийском городе.

Расположение островитян, казалось, благоприятствовало его намерениям. Он недолго пробыл по соседству с ними, прежде чем депутация туземцев во главе с касиком переправилась на своих бальсах на материк, чтобы приветствовать испанцев в их резиденции. Но индейские переводчики Тумбеса, вернувшиеся вместе с Писарро из Испании и продолжавшие работу в лагере, предостерегли своего хозяина от преднамеренного предательства островитян, которых они обвинили в намерении уничтожить испанцев, перерезав веревки, скреплявшие поплавки, и оставив находившихся на них погибать в воде. Однако касик, когда Писарро обвинил его в этом вероломном плане, отрицал это с таким видом сознательной невинности, что испанский командующий без дальнейших колебаний доверил себя и своих сторонников своему транспортному средству и был благополучно доставлен к берегам Пуны.

Здесь его приняли гостеприимно, а его войскам предоставили комфортабельные помещения. Вполне удовлетворенный своим нынешним положением, Писарро решил занимать его до тех пор, пока не закончится буйный сезон дождей, когда прибытие ожидаемого им подкрепления приведет его в лучшее состояние для похода в страну инков.

Остров, лежащий в устье реки Гуаякиль и имеющий около восьми лиг в длину и четыре в ширину в самой широкой части, был в то время частично покрыт великолепной порослью леса. Но большая часть его была подвергнута возделыванию и расцвела благодаря плантациям какао, сладкого картофеля и различных продуктов тропического климата, свидетельствующих о сельскохозяйственных знаниях населения, а также о трудолюбии. Они были воинственной расой, но получили от своих перуанских врагов прозвище "вероломных". Это было клеймо, которое римские историки навесили на своих врагов—карфагян, возможно, без каких-либо других причин. Смелые и независимые островитяне оказали упорное сопротивление оружию инков; и хотя в конце концов они уступили, с тех пор они враждовали, а часто и смертельно враждовали со своими соседями из Тумбеса.

Последние, как только услышали о прибытии Писарро на остров, то, вероятно, доверяя своим прежним дружеским отношениям с ним, в некотором количестве перешли в испанские кварталы. Присутствие их ненавистных соперников ни в коей мере не радовало завистливых жителей Пуны, и длительное пребывание белых людей на их острове не могло быть иначе, как обременительным. Во внешнем поведении они все еще сохраняли видимость дружелюбия, но переводчики Писарро снова предостерегли его от вошедшего в поговорку вероломства их хозяев. Возбужденный таким образом подозрениями, испанский командующий был проинформирован о том, что несколько вождей собрались вместе, чтобы обсудить план восстания. Не желая дожидаться взрыва мины, он окружил место встречи со своими солдатами и взял в плен подозреваемых вождей. По словам одного источника, они признали свою вину.²⁴ В этом нет никакой уверенности. Нет уверенности и в том, что они замыслили восстание. И все же сам по себе этот факт не является невероятным, хотя утверждение враждебных толкователей придает ему мало дополнительной вероятности. Несомненно, однако, что Писарро был убежден в существовании заговора; и без дальнейших колебаний он бросил своих несчастных пленников, числом десять или двенадцать, на милость их соперников из Тумбеса, которые немедленно перебили их на его глазах.²⁵

Обезумевшие от этого возмущения жители Пуны схватились за оружие и сразу же бросились со страшными воплями и самыми дикими угрозами отчаяния на испанский лагерь. Численное превосходство было в их пользу, поскольку они собрали несколько тысяч воинов. Но более значительное превосходство в вооружении и дисциплине было на стороне их противников, и, когда индейцы беспорядочной массой ринулись на приступ, кастильцы хладнокровно встретили их своими длинными пиками или повергли залпами из своих мушкетов. Их плохо защищенные тела были легко разрублены на куски острым мечом испанца; и Эрнандо Писарро, встав во главе кавалерии, смело ворвался в самую гущу и рассеял их повсюду по полю, пока, охваченные паникой от ужасного скопления закованных в сталь всадников, оглушительных выстрелов и сверкания огнестрельного оружия, беглецы не укрылись в глубине своих лесов. И все же победа была обязана, по крайней мере, в какой—то степени, — если мы можем доверять Победителям, - вмешательству Небес; ибо святого Михаила и его легионы видели высоко в воздухе над сражающимися, сражающимися с заклятым врагом человека и подбадривающими христиан своим примером! ²⁶

В бою пало не более трех или четырех испанцев; но многие были ранены, и среди них Эрнандо Писарро, получивший тяжелое ранение в ногу дротиком. Война на этом не закончилась; ибо неумолимые островитяне, пользуясь покровом ночи или любой небрежностью со стороны захватчиков, всегда были готовы выскользнуть из своих укреплений и напасть на лагерь врага, в то время как, отрезая его разрозненные отряды и уничтожая его провизию, они держали его в постоянной тревоге.

В этой неудобной ситуации испанский командующий был рад появлению двух судов у берегов острова. Они доставили подкрепление, состоящее из сотни добровольцев, помимо лошадей для кавалерии. Им командовал Эрнандо де Сото, капитан, впоследствии прославившийся как первооткрыватель Миссисипи, которая до сих пор несет свое величественное течение над местом его захоронения, — достойный памятник его останкам, поскольку он знаменит.²⁷

Это подкрепление было весьма кстати Писарро, который долгое время был недоволен своим положением на острове, где он не находил ничего, что могло бы компенсировать жизнь, полную

непрекращающейся враждебности, которую он был вынужден вести. С этими новобранцами он почувствовал себя достаточно сильным, чтобы перебраться на континент и возобновить военные действия на подходящем театре военных действий для открытий и завоеваний. От индейцев Тумбеса он узнал, что страна в течение некоторого времени была охвачена гражданской войной между двумя сыновьями покойного монарха, претендентами на трон. Это известие он считал чрезвычайно важным, поскольку помнил, как Кортес воспользовался подобными разногласиями между племенами Анауака. Действительно, Писарро, похоже, не раз имел перед глазами пример своего великого предшественника. Но он далеко не соответствовал своему образцу; ибо, несмотря на сдержанность, которую он иногда проявлял к себе, его более грубая натура и свирепый нрав часто приводили его к действиям, в высшей степени противоречащим здравой политике, которые никогда бы не одобрил Завоеватель Мексики.

Книга 3

Глава 2

Перу во времена завоевания—Правление Уайны Капака-Братья инки—Завоевание для империи-Триумф И жестокость Атауальпы

Прежде чем сопровождать поход Писарро и его последователей в страну инков, необходимо познакомить читателя с критическим положением королевства в то время. Ибо испанцы подошли как раз к завершению важной революции, к кризису, наиболее благоприятному для их представлений о завоевании, и без которого, действительно, завоевание с такой горсткой солдат никогда не могло бы быть достигнуто.

Во второй половине XV века умер Тупак Инка Юпанки, один из самых известных "Детей Солнца", который, неся перуанское оружие через раскаленные пески Атакамы, проник до отдаленных границ Чили, в то время как в противоположном направлении он расширил пределы империи, захватив южные провинции Кито. Войну в этом квартале вел его сын Уайна Капак, который сменил своего отца на троне и полностью сравнялся с ним в военной отваге и способностях управлять государством.

При этом правителе все могущественное государство Кито, соперничавшее по богатству и утонченности с самим Перу, перешло под скипетр инков, империя которых благодаря этому завоеванию получила самое важное присоединение, когда-либо имевшее место со времени основания династии Манко Капака. Оставшиеся дни победоносного монарха прошли в умирении независимых племен на отдаленных границах его территории и, что еще более важно, в закреплении своих завоеваний введением перуанского государственного устройства. Он активно участвовал в завершении великих работ своего отца, особенно больших дорог, которые вели из Кито в столицу. Он усовершенствовал систему должностей, приложил немало усилий для внедрения диалекта кичуа по всей империи, способствовал совершенствованию системы ведения сельского хозяйства и, в конце концов, поощрял различные отрасли домашней промышленности и различные просвещенные планы своих предшественников по улучшению положения своего народа. Под его властью перуанская монархия достигла своего самого расцвета; и при нем, и при его прославленном отце она продвигалась такими быстрыми шагами на пути цивилизации, что вскоре подняла бы ее на уровень более утонченных деспотизмов Азии, предоставив миру, возможно, больше свидетельств способностей

американских индейцев, чем где-либо еще на огромном западном континенте.— Но другие, более мрачные судьбы были уготованы индейским расам.

Первое прибытие белых людей на южноамериканские берега Тихого океана произошло примерно за десять лет до смерти Уайны Капака, когда Бальбоа пересек залив Святого Михаила и получил первое четкое сообщение об империи инков. Сомнительно, достигли ли известия об этих авантюристах ушей индийского монарха. Однако нет сомнения, что он получил известие о первой экспедиции под командованием Писарро и Альмагро, когда последний командующий проник до Рио-де-Сан-Хуан, примерно на четвертом градусе северной широты. Отчеты, которые он получил, произвели сильное впечатление на Уайну Капака. В грозной доблести и оружии захватчиков он увидел доказательства цивилизации, намного превосходящей цивилизацию его собственного народа. Он наметнул на свои опасения, что они вернутся и что когда-нибудь, возможно, не так уж и далеко, трон инков может быть поколеблен этими чужеземцами, наделенными такой непостижимой силой.¹ Для простого глаза это было маленькое пятнышко на краю горизонта; но проницательный монарх, казалось, разглядел в нем темную грозовую тучу, которая должна была разрастаться все шире и шире, пока не обрушится в ярости на его нацию!

Есть некоторые основания так сильно верить. Но другие источники, получившие широкую известность, не довольствуясь этим, связывают первые известия о белых людях с предсказаниями, издавна существовавшими в стране, и со сверхъестественными явлениями, которые наполнили сердца всей нации тревогой. Были замечены пылающие в небесах кометы. Землетрясения сотрясали землю; луна была опоясана разноцветными огненными кольцами; молния упала на один из королевских дворцов и обратила его в пепел; и было видно, как орел, преследуемый несколькими ястребами, с криком парил в воздухе над большой площадью Куско, когда, пронзенный когтями своих мучителей, царь птиц упал бездыханным в присутствии многих знатных инков, которые прочли в этом предзнаменование собственной гибели! Сам Уайна Капак, собрав вокруг себя своих великих военачальников, когда понял, что приближается к своему концу, объявил о ниспровержении его империи расой белых и бородатых чужеземцев, как о завершении, предсказанном оракулами после правления двенадцатого Инки, и он повелел своим вассалам не противиться указам Небес, но подчиняться их посланцам.²

Таков отчет о впечатлении, произведенном появлением испанцев в этой стране, напоминающий о подобном чувстве суеверного ужаса, вызванном их появлением в Мексике. Но традиции последней страны опираются на гораздо более высокий авторитет, чем традиции перуанцев, которые, не подкрепленные свидетельствами современников, почти полностью основываются на голом утверждении представителя их собственной нации, который, несомненно, думал найти в неизбежных указах Небес лучшее оправдание пассивности своих соотечественников.

Не исключено, что слухи о появлении странной и загадочной расы постепенно распространились среди индейских племен вдоль огромного плоскогорья Кордильер и должны были вселить в сердца самых отважных воинов чувство неопределенного страха, как перед каким-то надвигающимся бедствием. При таком состоянии ума было естественно, что физические потрясения, которым особенно подвержена эта вулканическая страна, произвели непривычное впечатление на их умы; и что явления, которые в обычные периоды политической безопасности могли бы рассматриваться только как экстраординарные, теперь были

истолкованы суеверным прорицателем как почерк на небесах, которым Бог инков возвещал о приближающемся падении их империи.

У Уайны Капака, как обычно у перуанских принцев, было множество наложниц, от которых он оставил многочисленное потомство. Наследника короны, сына его законной жены и сестры, звали Уаскар.³ В тот период истории, к которому мы сейчас подошли, ему было около тридцати лет. Следующим за предполагаемым наследником от другой жены, двоюродной сестры монарха, был Манко Капак, молодой принц, который займет важное место в нашем последующем рассказе. Но самым любимым из детей инки был Атауальпа. Его мать была дочерью последнего скири Кито, который, как говорили, умер от горя вскоре после ниспровержения его королевства Уайной Капаком. Принцесса была прекрасна, и инка, то ли желая удовлетворить свою страсть, то ли, как говорят перуанцы, желая загладить вину за разорение ее родителей, принял ее в число своих наложниц. Историки Кито утверждают, что она была его законной женой; но это достоинство, согласно обычаям империи, принадлежало девушкам крови инков.

Последние годы правления Уайны Капака прошли в его новом королевстве Кито. Соответственно, Атауальпа воспитывался под его собственным присмотром, сопровождал его в его нежные годы в походах, спал в одном шатре со своим царственным отцом и ел из одной тарелки.⁴ Живость мальчика, его храбрость и великодушный характер завоевали расположение старого монарха до такой степени, что он решил отойти от установленных в государстве обычаев и разделить свою империю между собой и своим старшим братом Уаскаром. На смертном одре он созвал к себе высших сановников короны и объявил, что его воля заключается в том, чтобы древнее королевство Кито перешло к Атауальпе, который, как можно считать, имеет на него естественные права, как на владения своих предков. Остальную часть империи он поселил в Уаскаре и повелел двум братьям согласиться с этим соглашением и жить в дружбе друг с другом. Это был последний поступок героического монарха; несомненно, самый невежливый за всю его жизнь. Умирая, он ниспровергал основные законы империи; и, хотя он рекомендовал гармонию между преемниками своей власти, он оставил в самом этом разделе семена неизбежного раздора.⁵

Его смерть произошла, как представляется вероятным, в конце 1525 года, менее чем за семь лет до прибытия Писарро в Пуно.⁶ Весть о его кончине посеяла скорбь и ужас по всей стране; ибо, хотя он был суров и даже неумолим по отношению к мятежникам и долго сопротивлявшимся врагам, он был храбрым и великодушным монархом и издавал законы с широкими взглядами принца, который считал, что каждая часть его владений в равной степени является его заботой. Жители Кито, польщенные доказательствами того, что он оказал им предпочтение своим постоянным пребыванием в этой стране и украшением их столицы, выразили неподдельную скорбь по поводу его потери; а его подданные в Куско, гордые славой, которую его оружие и способности принесли его родной стране, испытывали к нему не меньшее восхищение⁷; в то время как более вдумчивые и робкие в обеих странах с опаской смотрели в будущее, когда скипетр обширной империи, вместо того чтобы находиться в руках старой и опытной руки, должен был находиться в руках короля. отданный на растерзание соперничающим принцам, естественно ревнующим друг к другу и, в силу своего возраста, неизбежно подверженный пагубному влиянию хитрых и амбициозных советников. Люди выразили свое сожаление непривычными почестями, возданными памяти покойного инки. Его сердце сохранилось в Кито, а тело, забальзамированное по местным обычаям, было перевезено в Куско, чтобы занять свое

место в великом храме Солнца рядом с останками его царственных предков. Похороны его были отпразднованы с кровавой пышностью в обеих столицах его обширной империи; и говорят, что несколько тысяч императорских наложниц вместе с многочисленными дворцовыми пажами и офицерами доказали свою скорбь или суеверие, пожертвовав собственными жизнями, чтобы сопроводить своего усопшего повелителя в яркие обители Солнца.⁸

В течение почти пяти лет после смерти Уайны Капака царственные братья правили, каждый в отведенной ему части империи, без недоверия друг к другу или, по крайней мере, без столкновений. Казалось, что желание их отца должно было быть полностью реализовано, и что два государства должны были сохранить свою соответствующую целостность и независимость так, как если бы они никогда не были объединены в одно целое. Но, учитывая многочисленные причины для ревности и недовольства, а также толпы придворных подхалимов, которые нашли бы свой ответ в разжигании этих чувств, было легко понять, что такое спокойное положение вещей не могло продолжаться долго. И это не продлилось бы так долго, если бы не более мягкий нрав Уаскара, единственной стороны, у которой были основания для жалоб. Он был на четыре или пять лет старше своего брата и обладал бесстрашием, в котором нельзя было сомневаться; но он был принцем великодушного и легкого характера и, возможно, если предоставить его самому себе, согласился бы с соглашением, которое, каким бы неприятным оно ни было, соответствовало воле его обожаемого отца. Но у Атауальпы был другой характер. Воинственный, честлюбивый и отважный, он постоянно участвовал в предприятиях по расширению своей собственной территории, хотя его хитрая политика заключалась в том, чтобы не стремиться к расширению своих приобретений в направлении своего царственного брата. Однако его беспокойный дух вызвал некоторую тревогу при дворе Куско, и Уаскар, в конце концов, отправил посланника к Атауальпе, чтобы упрекнуть его в честлюбивых намерениях и потребовать от него оказать ему почтение от имени его королевства Кито.

Это всего лишь одно утверждение. Другие источники утверждают, что непосредственной причиной разрыва стали претензии Уаскара на территорию Тумебамба, принадлежащую его брату как часть его родового наследства. Не имеет большого значения, что послужило мнимой причиной столкновения между людьми, поставленными обстоятельствами в столь ложное положение друг по отношению к другу, что столкновение это рано или поздно неизбежно должно было произойти.

Начало и, действительно, весь ход военных действий, которые вскоре вспыхнули между братьями-соперниками, излагаются с непримиримыми, а, учитывая, что период был так близок к периоду испанского вторжения, с необъяснимыми расхождениями. Некоторые говорят, что в первом столкновении Атауальпы с войсками Куско он потерпел поражение и был взят в плен близ Тумебамбы, любимой резиденции его отца на древней территории Кито, и в округе Канарис. От этого бедствия он оправился благодаря удачному побегу из заточения, когда, вернув себе столицу, вскоре оказался во главе многочисленной армии, возглавляемой самыми способными и опытными военачальниками империи. Либеральные манеры молодого Атауальпы расположили к нему солдат, с которыми, как мы видели, он провел не одну кампанию при жизни своего отца. Эти войска были цветком великой армии инков, и некоторые из них поселились за свою долгую военную карьеру, которая привела их на север, где они с готовностью присягнули молодому правителю Кито. Ими командовали два очень уважаемых офицера, оба обладали большим опытом в военном деле и пользовались большим доверием покойного инки. Одного из

них звали Кизквиз; другого, который приходился Атауальпе дядей по материнской линии, звали Чаликучима.

Под руководством этих опытных воинов молодой монарх встал во главе своего боевого отряда и направил свой марш на юг. Он не продвинулся дальше Амбато, примерно в шестидесяти милях от своей столицы, когда столкнулся с многочисленным войском, высланным против него его братом под командованием выдающегося вождя из семьи инков. Последовало кровопролитное сражение, длившееся большую часть дня; театром боевых действий были окраины могущественного Чимборасо.⁹

Битва закончилась благоприятно для Атауальпы, и перуанцы были разгромлены с большой резней и потерей своего командира. Принц Кито воспользовался своим преимуществом, чтобы ускорить свой марш, пока не прибыл к воротам Тумебамбы, который, как и весь район Канарис, хотя и был древней зависимостью Кито, встал на сторону его соперника в этом состязании. Войдя в захваченный город как завоеватель, он предал жителей мечу и сравнял его со всеми его величественными зданиями, некоторые из которых были возведены его собственным отцом, с землей. Он вел ту же самую войну на уничтожение, когда маршировал по неблагополучному району Канарис. Говорят, в некоторых местах женщины и дети выходили с зелеными ветками в руках в печальной процессии, чтобы умолять его о гневе; немилостивый завоеватель, оставшись глух к их мольбам, опустошил страну огнем и мечом, не щадя ни одного человека, способного носить оружие, который попал ему в руки.¹⁰

Судьба Канариса вселяла ужас в сердца его врагов, и одно место за другим открывало свои ворота победителю, который продолжал свое триумфальное шествие к столице Перу. Его оружие испытало временную проверку перед островом Пуна, отважные воины которого поддержали дело его брата. После нескольких дней, потерянных в этом месте, Атауальпа предоставил борьбу своим старым врагам, народу Тумбеса, который рано отказался от своей поддержки, а сам возобновил свой поход и продвинулся до Кашамалки, примерно на семь градусов южнее. Здесь он остановился с отрядом армии, выслав вперед основные силы под командованием двух своих генералов с приказом двигаться прямо на Куско. Он предпочитал больше не доверять себе в стране врага, где поражение могло оказаться фатальным. Обосновавшись в Кашамалке, он смог бы поддержать своих генералов в случае неудачи или, в худшем случае, обеспечить себе отступление на Кито до тех пор, пока он снова не будет в состоянии возобновить военные действия.

Оба командира, продвигаясь быстрыми маршами, в конце концов пересекли реку Апуримак и оказались недалеко от столицы Перу. Тем временем Уаскар не бездействовал. Получив известие о разгроме своей армии при Амбато, он приложил все усилия, чтобы набрать рекрутов по всей стране. Говорят, что по совету своих священников — самых некомпетентных советников во времена опасности — он предпочел дожидаться подхода врага в своей собственной столице; и только когда последний прибыл в нескольких лигах от Куско, инка, воспользовавшись советом тех же призрачных наблюдателей, выступил вперед, чтобы дать ему бой.

Две армии встретились на равнинах Кипайпана, по соседству с индийской столицей. Их численность указана с обычным расхождением; но войска Атауальпы имели значительное преимущество в дисциплине и опыте, поскольку многие из рекрутов Уаскара были поспешно собраны из окружающей местности. Однако оба сражались с отчаянием людей, которые чувствовали, что на карту поставлено все. Это было уже не сражение за провинцию, а за

обладание империей. Войска Атауальпы, воодушевленные недавним успехом, сражались с уверенностью тех, кто полагался на их превосходящую доблесть; в то время как верные вассалы инки демонстрировали всю самоотверженность людей, которые дешево ценили собственную жизнь на службе своему господину.

Битва бушевала с величайшим упорством от восхода до заката, и земля была покрыта горами умирающих и мертвецов, чьи кости белели на поле битвы еще долго после завоевания испанцами. Наконец, фортуна повернулась в пользу Атауальпы; или, скорее, последовал обычный результат высшей дисциплины и военной практики. Ряды инков пришли в непоправимый беспорядок и разбежались во всех направлениях. Завоеватели следовали по пятам за бегущими. Сам Уаскар, в числе последних, пытался спастись бегством примерно с тысячей человек, которые оставались вокруг него. Но царственный беглец был обнаружен прежде, чем он покинул поле боя; его маленький отряд был окружен тучами врагов, и почти все преданные воины погибли, защищая своего инку. Уаскар был взят в плен, и победоносные вожди немедленно двинулись маршем на его столицу, которую они заняли от имени своего государя.¹¹

Эти события произошли весной 1532 года, за несколько месяцев до высадки испанцев. Весть об успехе его войск и пленении его несчастного брата достигла Атауальпы в Кашамалке. Он немедленно отдал приказ, чтобы к Уаскару относились с уважением, подобающим его рангу, но чтобы его перевели в сильную крепость Ксаукса и держали там в строгом заключении. Его приказы на этом не заканчивались, если мы хотим получить рассказы Гарсиласо де ла Веги, самого представителя расы инков и племянника великого Уайны Капака по материнской линии.

Согласно этому источнику, Атауальпа пригласил инкскую знать со всей страны собраться в Куско, чтобы обсудить наилучший способ раздела империи между ним и его братом. Когда они встретились в столице, их окружили солдаты Кито и безжалостно перебили. Мотивом этого вероломного поступка было уничтожение всей королевской семьи, каждый из которых мог предъявить более высокие права на корону, чем незаконнорожденный Атауальпа. Но резня на этом не закончилась. Незаконнорожденные отпрыски, такие же, как и он сам, сводные братья чудовища, короче говоря, все, в жилах кого текла кровь инков, были вовлечены в это; и с аппетитом к кровавой бойне, не имеющей аналогов в анналах Римской империи или Французской республики, Атауальпа приказал предать смерти всех женщин королевской крови, своих тетюшек, племянниц и кузин, и это тоже с применением самых изощренных и длительных пыток. Чтобы придать больше остроты его мести, многие казни происходили в присутствии самого Уаскара, который, таким образом, был вынужден наблюдать за убийством своих собственных жен и сестер, в то время как они в крайних муках тщетно зывали к нему о защите!

12

Такова история, рассказанная историком инков и полученная им, как он уверяет нас, от своей матери и дяди, которым, будучи в то время детьми, посчастливилось оказаться в числе немногих, избежавших резни в своем доме.¹³ И с тех пор этот рассказ повторяется многими кастильскими писателями без каких-либо признаков недоверия. Но череда неспровоцированных зверств, подобных этим, слишком противоречит принципам человеческой природы — и, более того, здравому смыслу, чтобы мы могли поверить в них на основании обычных свидетельств.

Летописи полудцивилизованных народов, к сожалению, свидетельствуют о том, что были случаи подобных попыток истребить всю вредную расу, ставшую объектом ревности тирана; хотя такая попытка столь же химерична, как было бы искоренить какой-либо конкретный вид растения, семена которого разносило по стране каждым ветром. Но если попытка истребить расу инков действительно была предпринята Атауальпой, то как получилось, что так много чистокровных потомков королевской крови — почти шестьсот человек — по признанию историков, существовало через семьдесят лет после предполагаемой резни?14. Почему массовое убийство, вместо того чтобы быть ограниченным законными членами королевского рода, которые могли предъявить больше прав на корону, чем узурпатор, распространилось на всех, сколь бы отдаленно или каким бы то ни было образом, связанных с этой расой? Почему пожилые женщины и юные девушки были вовлечены в проскрипцию и почему их подвергали таким утонченным и излишним пыткам, когда очевидно, что существа столь бессильные не могли ничего сделать, чтобы вызвать ревность тирана? Почему, когда так много людей было принесено в жертву из-за какого-то смутного предчувствия отдаленной опасности, его соперник Уаскар вместе со своим младшим братом Манко Капаком, двумя людьми, которых завоеватель больше всего боялся, остались живы? Короче говоря, почему эта чудесная история не была записана другими людьми до времен Гарсиласо и на полвека ближе к самим событиям?15

В то, что Атауальпа, возможно, был виновен в эксцессах и злоупотреблял правами завоевателя, совершая некоторые беспричинные акты жестокости, можно легко поверить; ибо никто, кто вспомнит о его обращении с канарисами, — что его собственные апологеты не склонны отрицать,16 — не усомнится в том, что он в полной мере обладал мстительным характером, присущим

"Те души огня и Дети Солнца,
для которых месть была добродетелью".

Но есть большая разница между этим и чудовищными и самыми неспровоцированными злодеяниями, вменяемыми ему; подразумевающими дьявольскую природу, которую нельзя признать на основании показаний индейского партизана, заклятого врага его дома, и повторяемыми кастильскими хронистами, которые, естественно, могут стремиться, восхваляя чудовищности Атауальпы, найти какое-то оправдание жестокости своих соотечественников по отношению к нему.

Весть о великой победе была принесена на крыльях ветра в Кашамалку; и громким и долгим было ликование не только в лагере Атауальпы, но и в городе и окрестностях; ибо теперь все пришли, горя желанием поздравить победителя и воздать ему почести. Принц Кито, больше не колеблясь, надел алую борлу, диадему инков. Его триумф был полным. Он разбил своих врагов на их собственной земле; взял их столицу; наступил ногой на шею своему сопернику и завоевал для себя древний скипетр Детей Солнца. Но часу триумфа было суждено стать часом его глубочайшего унижения. Атауальпа не был одним из тех, кому, говоря языком греческого барда, "Боги желают открыться". 17 Он не читал рукописных надписей на небесах. Маленькое пятнышко, которое зоркий глаз его отца различил на дальнем краю горизонта, хотя Атауальпа и не обратил на него внимания, поглощенный смертельной борьбой со своим братом, теперь

поднялось высоко к зениту, распространяясь все шире и шире, пока небеса не погрузились во тьму, и было готово громовым раскатом обрушиться на преданный народ.

Книга 3

Глава 3

Испанцы высаживаются в Тумбесе—Писарро осматривает страну—
Основание Сан—Мигеля-Марш вглубь страны—
Посольство инков-Приключения на марше—
Достигают подножия Анд

1532

Мы оставили испанцев на острове Пуна, готовясь совершить их высадку на соседнем континенте в Тумбесе. Этот порт находился всего в нескольких лигах отсюда, и Писарро с большей частью своих сторонников переправился на кораблях, в то время как несколько других должны были перевезти багаж командира и военные припасы на индийских бальзамах. Одно из последних судов, которое первым пристало к берегу, было окружено, и три человека, находившиеся на плоту, были уведены туземцами в соседний лес и там убиты. Затем индейцы завладели еще одним тюком, в котором хранился гардероб Писарро; но поскольку люди, защищавшие его, подняли громкие крики о помощи, они достигли ушей Эрнандо Писарро, который с небольшим отрядом лошадей высадился на берег несколько дальше по берегу. Широкая полоса болотистой почвы, разливавшаяся во время половодья, лежала между ним и отрядом, на который такгубо напали туземцы. Был отлив, и дно было мягким и опасным. Однако, не обращая внимания на опасность, отважный кавалер пришпорил свою лошадь и бросился в вязкую пучину, а сопровождаемые своими людьми, по пояс в грязи, они мчались вперед, пока не оказались в гуще мародеров, которые, напуганные странным появлением всадников, опрометчиво, без боя, скрылись в соседних лесах.

Такое поведение туземцев Тумбеса нелегко объяснить, принимая во внимание дружеские отношения, которые они поддерживали с испанцами во время их предыдущего визита и недавно возобновили на острове Пуна. Но Писарро был еще больше удивлен, войдя в их город, обнаружив, что он не только опустел, но и, за исключением нескольких зданий, полностью разрушен. Четыре или пять наиболее солидных частных жилищ, великий храм и крепость — и только они, сильно поврежденные и полностью лишены своего внутреннего убранства, уцелели, чтобы отметить местоположение города и засвидетельствовать его былое величие.¹ Картина опустошения повергла победителей в уныние; ибо даже неопытные новобранцы, которые никогда прежде не бывали на побережье, слышали удивительные истории о золотых сокровищах Тумбеса и с уверенностью смотрели на них как на легкую добычу после всех своих трудов. Но золото Перу казалось всего лишь обманчивым призраком, который, поманив их вперед тяжелым трудом и опасностями, исчез в тот момент, когда они попытались схватить его.

Писарро отправил небольшой отряд в погоню за беглецами; и после нескольких незначительных стычек они захватили в плен нескольких туземцев, и среди них, как оказалось, местного кураку. Когда его привели к испанскому командиру, он оправдал себя от какого-либо участия в насилии, совершенном по отношению к белым людям, заявив, что это было

совершенно незаконной группой его народа без его ведома в то время; и он выразил свою готовность предать их наказанию, если их удастся обнаружить. Он объяснил полуразрушенное состояние города долгими войнами, которые велись со свирепыми племенами пуна, которым в конце концов удалось завладеть этим местом и изгнать жителей в соседние леса и горы. Инка, к делу которого они были привязаны, был слишком занят своими собственными распрями, чтобы защитить их от врагов.

Можно усомниться в том, придавал ли Писарро какое-либо значение тому, что касик оправдал себя. Однако он скрыл свои подозрения, и, поскольку индийский лорд пообещал повиновение от его собственного имени и от имени своих вассалов, испанский генерал согласился больше не обращать внимания на это дело. Кажется, теперь он впервые почувствовал во всей силе, что его политика заключалась в том, чтобы заручиться доброй волей людей, среди которых он оказался перед лицом таких огромных трудностей. Возможно, именно бесчинства, в которых были повинны его люди на ранних этапах экспедиции, поколебали доверие жителей Тумбеса и подтолкнули их к этому вероломному возмездию.

Писарро спросил туземцев, которые теперь, под обещанием безнаказанности, пришли в лагерь, что стало с двумя его последователями, которые остались с ними в предыдущей экспедиции. Ответы, которые они давали, были неясными и противоречивыми. Одни говорили, что они умерли от эпидемии; другие, что они погибли на войне с Пуна; третьи намекали, что они расстались с жизнью в результате какого-то надругательства, совершенного над индийскими женщинами. Установить истину было невозможно. Последнее предположение не было наименее вероятным. Но, какова бы ни была причина, не было никаких сомнений в том, что они оба погибли.

Это известие еще больше навело уныние на испанцев, которое не рассеяли пламенные картины, которые теперь рассказывали туземцы о богатствах этой земли, о состоянии и великолепии монарха в его далекой столице среди гор. Они также не поверили в подлинность бумажного свитка, который Пиццаро получил от индейца, которому он был передан одним из белых людей, оставшихся в стране. "Знай, кем бы ты ни был, - гласила надпись, - что, возможно, тебе доведется ступить в эту страну, что в ней больше золота и серебра, чем железа в Бискайе". Этот документ, когда его показали солдатам, вызвал лишь насмешки как уловка их капитана, направленная на поддержание их химерических надежд.²

Теперь Писарро понял, что было неpolitично затягивать его пребывание в его нынешнем жилище, где дух недовольства вскоре проник бы в ряды его последователей, если бы их дух не стимулировался новизной или жизнью, полной постоянных действий. И все же ему очень хотелось узнать больше подробностей, чем он до сих пор знал, о действительном состоянии перуанской империи, о ее силе и ресурсах, о монархе, правившем ею, и о своем нынешнем положении. Он также желал, прежде чем предпринять какой-либо решительный шаг для проникновения в страну, подыскать какое-нибудь удобное место для поселения, которое могло бы предоставить ему средства регулярного сообщения с колониями и опорный пункт, куда он сам мог бы отступить в случае катастрофы.

Поэтому он решил оставить часть своего отряда в Тумбесе, включая тех, кто по состоянию здоровья был наименее способен действовать в полевых условиях, а с остальными совершить

экскурсию вглубь страны и произвести рекогносцировку местности, прежде чем принимать решение о каком-либо плане операций. Он отправился в путь в начале мая 1532 года и, сам придерживаясь более равнинных районов, послал небольшой отряд под командованием Эрнандо де Сото исследовать окраины обширной сьерры.

Он поддерживал жесткую дисциплину на марше, приказывая своим солдатам воздерживаться от любых актов насилия и наказывая неповиновение самым быстрым и решительным образом.³ Местные жители редко оказывали сопротивление. Когда они это делали, их вскоре ослабляли, и Писарро, далекий от мстительных мер, был открыт для первых демонстраций покорности. Благодаря этой мягкой и либеральной политике он вскоре приобрел среди жителей имя, которое стерло неблагоприятное впечатление, произведенное о нем в начале кампании. Местные жители, когда он проходил через густонаселенные деревушки, разбросанные по равнинной местности между Кордильерами и океаном, встретили его с деревенским гостеприимством, предоставив хорошее жилье для его войск и обильные припасы, которые на плодородной почве огненной земли стоили совсем немного. Повсюду Писарро провозглашал, что он пришел во имя Святого наместника Бога и суверена Испании, требуя повиновения жителей как истинных детей Церкви и вассалов своего господина. И поскольку простые люди не возражали против формулы, из которой они не могли понять ни слова, они были признаны добропорядочными подданными короны Кастилии, и их акт почтения — или то, что было легко истолковано как таковой — был должным образом зарегистрирован и засвидетельствован нотариусом.⁴

По истечении примерно трех-четырех недель, проведенных в разведке местности, Писарро пришел к выводу, что наиболее подходящим местом для его нового поселения является богатая долина Тангарала, в тридцати лигах к югу от Тумбеса, пересеченная несколькими реками, открывающими сообщение с океаном. Соответственно, он приказал людям, оставленным в Тумбесе, немедленно отправиться на своих судах в это место; и не успели они прибыть, как начались энергичные приготовления к строительству города в соответствии с потребностями колонии. Древесину закупали в соседних лесах. Камни таскали из карьеров, и постепенно вырастали здания, некоторые из которых претендовали на прочность, если не на элегантность. Среди них были церковь, магазин для общественных магазинов, зал правосудия и крепость. Было организовано муниципальное управление, состоящее из регидоров, алькальдов и обычных гражданских чиновников. Прилегающая территория была поделена между жителями, и каждому колонисту было выделено определенное количество туземцев для помощи в его трудах; ибо, как отмечает секретарь Писарро, "поскольку было очевидно, что колонисты не могли прокормить себя без услуг индейцев, священнослужители и руководители экспедиции согласились, что репартименто из туземцев послужит делу религии и в значительной степени будет способствовать их духовному благополучию, поскольку таким образом у них будет возможность получить посвящение в истинную веру" ⁵.

Приняв эти меры с таким добросовестным отношением к благополучию невежественных язычников, Писарро дал своему зарождающемуся городу название Сан-Мигель в знак признания услуги, оказанной ему этим святым в его битвах с индейцами Пуны. Место, первоначально занимаемое поселением, впоследствии оказалось настолько нездоровым, что его забросили и заменили другим на берегу прекрасной Пиуры. Город все еще примечателен своими мануфактурами, хотя и утратил свое древнее значение; но название Сан-Мигель-де-

Пьюра, которое он носит, все еще напоминает об основании первой европейской колонии в империи инков.

Прежде чем покинуть новое поселение, Писарро приказал переплавить золотые и серебряные украшения, которые он приобрел в разных частях страны, в одну массу, а пятую часть вычесть для изготовления короны. Оставшуюся часть, принадлежавшую войскам, он убедил их пока отказаться от нее под гарантии того, что она будет возвращена из первой добычи, которая попадет к ним в руки.⁶ С этими средствами и другими предметами, собранными в ходе кампании, он отправил суда обратно в Панаму. Золото было использовано для расплаты с судовладельцами и теми, кто снабдил экспедицию припасами. То, что он так легко убедил своих людей отказаться от нынешних владений в пользу будущих непредвиденных обстоятельств, является доказательством того, что дух предприимчивости возродился в их сердцах со всей его прежней силой, и что они с той же жизнерадостной уверенностью смотрели вперед на результаты.

В ходе своей последней наблюдательной поездки испанский командующий собрал много важных разведанных о состоянии королевства. Он выяснил исход борьбы между братьями инками и то, что победитель теперь стоит лагерем со своей армией всего в десяти или двенадцати днях пути от Сан-Мигеля. Рассказы, которые он слышал о богатстве и власти этого монарха и о его великой южной столице, полностью соответствовали общим слухам, полученным ранее, и, следовательно, содержали нечто такое, что поколебало доверие захватчиков, а также подстегнуло их алчность.

Писарро с радостью бы усилил свою маленькую армию подкреплениями, какими бы незначительными они ни были; и по этой причине отложил свой отъезд на несколько недель. Но подкрепление не прибыло; и, поскольку он не получал дальнейших известий от своих товарищей, он рассудил, что более длительная задержка, вероятно, повлечет за собой беды более серьезные, чем те, с которыми можно столкнуться на марше; что недовольство неизбежно возникнет в жизни, полной бездействия, а сила и дух солдата ослабнут под изнуряющим влиянием тропического климата. И все же силы, находившиеся под его командованием, насчитывавшие в общей сложности менее двухсот солдат, после того как пятьдесят были оставлены для защиты нового поселения, казались ничтожно малыми для завоевания империи. Он мог бы, действительно, вместо того, чтобы выступить против инков, взять южное направление к богатой столице Куско. Но это означало бы лишь отсрочить час расплаты. Ибо в какой части империи он мог надеяться ступить ногой, куда не дотянулась бы рука ее повелителя? Более того, таким образом он продемонстрировал бы свое собственное недоверие к самому себе. Он поколеблет то мнение о своей непобедимой доблести, которое он до сих пор пытался внушить туземцам и которое составляло великий секрет его силы; короче говоря, оно имеет более сильное влияние на умы, чем демонстрация численности и просто физической силы. Хуже всего то, что такой курс подорвал бы уверенность его войск в себе и их доверие к нему самому. Это означало бы сразу парализовать силы предприятия. Об этом не следовало думать.

Но в то время как Писарро решил двинуться вглубь страны, сомнительно, чтобы у него был составлен какой-либо более определенный план действий. У нас нет возможности узнать его намерения на таком расстоянии во времени иначе, чем по тому, как они проявляются в его действиях. К сожалению, он не умел писать и не оставил никаких записей, подобных бесценным

Комментариям Кортеса, которые могли бы просветить нас относительно его мотивов. Его секретарь и некоторые из его товарищей по оружию подробно описали его действия, но мотивы, которые привели к ним, они не всегда были настолько компетентны, чтобы раскрывать.

Возможно, что испанский генерал еще в период своего пребывания в Сан-Мигеле замыслил какой-нибудь смелый ход, какой-нибудь эффективный государственный переворот, который, подобно Кортесу, когда он увел монарха ацтеков в его покои, мог бы вселить ужас в сердца людей и сразу же решить судьбу дня. Более вероятно, однако, что теперь он только намеревался предстать перед инкой как мирный представитель монарха-брата и этими дружескими демонстрациями обезоружить любое чувство враждебности или даже подозрительности. Однажды вступив в общение с индийским принцем, он мог регулировать свой дальнейший курс в зависимости от обстоятельств.

24 сентября 1532 года, через пять месяцев после высадки в Тумбесе, Писарро выступил во главе своего небольшого отряда искателей приключений из ворот Сан-Мигеля, повелев колонистам гуманно обращаться со своими индейскими вассалами и вести себя так, чтобы заручиться доброй волей окружающих племен. От этого зависело их собственное существование, а вместе с ним безопасность армии и успех предприятия. На месте должны были остаться королевский казначей, ведор, или инспектор по металлам, и другие офицеры короны; а командование гарнизоном было поручено контадору Антонио Наяфро.⁷ Затем, встав во главе своих войск, вождь смело двинулся в сердце страны в направлении, где, как ему сообщили, находился лагерь инков. Это было смелое предприятие - отправиться с горсткой приверженцев в сердце могущественной империи, предстать лицом к лицу перед индийским монархом в его собственном лагере, окруженным цветами его победоносной армии! Писарро уже не раз испытывал трудности с удержанием своих позиций против грубых племен севера, значительно уступавших по силе и численности воинственным легионам Перу. Но рискованность игры, как я уже не раз имел случай отмечать, составляла для испанца ее большое очарование. Блестящие достижения его соотечественников в подобных случаях при столь недостаточных средствах вселили в него уверенность в собственной хорошей звезде; и эта уверенность была одним из источников его успеха. Если бы он замешкался на мгновение, если бы остановился, чтобы подсчитать шансы, он неизбежно потерпел бы неудачу, ибо шансы были слишком велики, чтобы бороться с ними трезвым рассудком. Их должен был торжествующе встретить только дух странствующего рыцаря.

Переправившись через спокойные воды Пиуры, маленькая армия продолжила наступление по ровной местности, пересеченной ручьями, стекавшими с соседних Кордильер. Поверхность страны была покрыта лесами гигантского роста, а иногда ее пересекали гряды бесплодной земли, которые казались побегами соседних Анд, разбивающими поверхность региона на маленькие уединенные долины необычайной красоты. Почва, хотя и редко орошаемая небесными дождями, была от природы богатой, и везде, где ее освежала влага, например, на берегах ручьев, она покрывалась ярчайшей зеленью. Более того, трудолюбие жителей позволило наилучшим образом использовать эти ручьи, и были замечены каналы и акведуки, пересекающие низменности во всех направлениях и распространяющиеся по стране подобно обширной сети, распространяя вокруг себя плодородие и красоту. Воздух был напоен сладкими ароматами цветов, и повсюду глаз радовался виду садов, усыпанных неизвестными фруктами, и полей, усыпанных желтыми зернами и изобилующих сочными овощами всех видов, которыми изобилует солнечный климат экватора. Испанцы принадлежали к числу людей, которые

достигли совершенства земледелия в большей степени, чем кто-либо другой на американском континенте; и, когда они путешествовали по этому раю изобилия, их условия представляли приятный контраст с тем, что они испытывали раньше в унылой пустыне мангровых зарослей.

И повсюду простые люди принимали их с доверительным гостеприимством, которому они, без сомнения, были в значительной степени обязаны своему собственному безобидному поведению. Казалось, каждый испанец понимал, что его единственный шанс на успех заключается в том, чтобы снискать расположение местных жителей, среди которых он так безрассудно разбогател. В большинстве деревушек и в каждом населенном пункте значительных размеров можно было найти какую-нибудь крепость или королевский караван-сарай, предназначенный для инки во время его путешествий, просторные залы которого служили отличным жилищем для испанцев; таким образом, им были предоставлены помещения по пути следования по распоряжению того самого правительства, которое они готовились свергнуть.⁸

На пятый день после отъезда из Сан-Мигеля Писарро остановился в одной из этих восхитительных долин, чтобы дать своим войскам отдых и произвести более тщательный осмотр. Всего их было сто семьдесят семь, из которых шестьдесят семь были кавалеристами. Во всей его роте было всего три аркебузира и несколько арбалетчиков, всего не более двадцати человек.⁹ Войска были довольно хорошо экипированы и находились в хорошем состоянии. Но бдительный глаз их командира с беспокойством заметил, что, несмотря на общую сердечность в деле, проявленную его последователями, среди них были некоторые, чьи лица выражали недовольство, и которые, хотя и не выражали этого открытым ропотом, были далеки от того, чтобы действовать со своей обычной готовностью.

Он понимал, что, если этот дух станет заразным, это приведет к краху предприятия; и он подумал, что лучше уничтожить гангрену немедленно и любой ценой, чем ждать, пока она заразит всю систему. Он пришел к экстраординарному решению.

Созвав своих людей, он сказал им, что "в их делах наступил кризис, для преодоления которого потребовалось все их мужество. Ни один человек не должен думать о продвижении вперед в экспедиции, если он не мог сделать это от всего сердца или у кого были хоть малейшие опасения относительно ее успеха. Если кто-то раскаивался в своей причастности к этому, еще не поздно было повернуть назад. В Сан-Мигеле был всего лишь слабый гарнизон, и он должен быть рад видеть его в большей силе. Те, кто захотят, могут вернуться в это место, и они должны иметь право на ту же долю земель и индийских вассалов, что и нынешние жители. Что касается остальных, будь их мало или много, которые решили рискнуть вместе с ним, он должен довести это приключение до конца"¹⁰.

Это было, безусловно, замечательное предложение для командира, который не знал о степени недовольства в своих рядах и который не мог безопасно выделить ни одного человека из своих войск, и без того слишком слабых для такого предприятия. И все же, настаивая на нуждах маленькой колонии Сан-Мигель, он предоставил достойный предлог для отделения недовольных и разрушил барьер стыда, который, возможно, все еще удерживал их в лагере. Несмотря на открывшийся таким образом благоприятный момент, лишь немногие, всего девять человек, воспользовались разрешением генерала. Четверо из них принадлежали к пехоте, а пять - к кавалерии. Остальные громко заявили о своей решимости идти вперед со своим храбрым вождем; и, если и были некоторые, чьи голоса были слабы среди всеобщего

ликования, они, по крайней мере, отказались от права жаловаться в дальнейшем, поскольку они добровольно отказались от разрешения вернуться.¹¹ Этот политический ход их проницательного капитана имел наилучшие последствия. Он отсеял несколько зерен недовольства, которые, если бы их предоставили самим себе, могли бы тайно закваситься, пока вся масса не переросла бы в бунт. Кортес вынудил своих людей с энтузиазмом участвовать в его предприятии, сжег их суда и таким образом отрезал единственный путь к отступлению. Писарро, с другой стороны, распахнул ворота перед недовольными и способствовал их уходу. Оба рассудили правильно, в своих особых обстоятельствах, и оба добились полного успеха.

Чувствуя себя окрепшим, а не ослабленным своей потерей, Писарро возобновил свой поход и на второй день прибыл к месту под названием Заран, расположенному в плодородной долине среди гор. Часть жителей была отозвана, чтобы увеличить поборы Атауальпы. Испанцы неоднократно сталкивались во время своих походов с жестокими поборами инки, который почти полностью опустошил некоторые долины, чтобы получить подкрепление для своей армии. Курака индийского города, куда прибыл Писарро, принял его с добротой и гостеприимством, и войска были расквартированы, как обычно, в одном из королевских тамбо, или караван-сараев, которые были расположены во всех основных местах.¹²

Однако испанцы не видели никаких признаков их приближения к королевскому лагерю, хотя прошло уже больше времени, чем было первоначально отпущено на то, чтобы добраться до него. Незадолго до того, как войти в Заран, Писарро услышал, что в местечке под названием Каккас, расположенном среди холмов, недалеко от его нынешнего жилья, был размещен перуанский гарнизон. Он немедленно отправил небольшой отряд под командованием Эрнандо де Сото в том направлении, чтобы произвести разведку местности и сообщить ему о действительном положении вещей в Заране, где он должен был остановиться до возвращения своего офицера.

Проходил день за днем, и прошла неделя, прежде чем были получены известия о его спутниках, и Писарро всерьез встревожился за их судьбу, когда на восьмое утро появился Сото, приведя с собой посланца от самого инки. Он был человеком высокого положения, и его сопровождали несколько последователей более низкого положения. Он встретил испанцев при Каккасе и теперь сопровождал их на обратном пути, чтобы передать послание своего государя с подарком испанскому командующему. Подарок состоял из двух каменных фонтанов в форме крепостей; нескольких тонких шерстяных изделий, расшитых золотом и серебром; иколичества гусиной мякоти, высушенной и приправленной особым образом и широко используемой перуанской знатью в измельченном виде в качестве духов.¹³ Индийский посол прибыл также с поручением передать приветствие своего господина чужеземцам, которых Атауальпа приветствовал в своей стране и пригласил посетить его в своем лагере среди гор.¹⁴

Писарро хорошо понимал, что целью этого дипломатического визита инки было не столько оказать ему любезность, сколько получить информацию о силе и состоянии захватчиков. Но он был очень доволен посольством и скрывал свое понимание его истинной цели. Он позаботился о том, чтобы перуанца развлекали наилучшим образом, какой мог позволить лагерь, и оказал ему уважение, как говорит один из Завоевателей, подобающее послу столь великого монарха.¹⁵ Писарро уговаривал его продлить свой визит на несколько дней, на что индийский посланник отказался, но максимально использовал свое пребывание там, собирая всю

возможную информацию об использовании каждого странного предмета, который он видел, а также о цели визита белых людей в эту страну и о квартале, откуда они пришли.

Испанский капитан удовлетворил свое любопытство всеми этими подробностями. Здесь можно отметить, что общение с туземцами поддерживалось с помощью двух юношей, которые сопровождали завоевателей по их возвращении домой из предыдущего путешествия. Писарро взял их с собой в Испанию, и, поскольку было приложено много усилий для обучения их кастильскому языку, теперь они выполняли обязанности переводчиков и легко общались со своими соотечественниками. Это оказало неоценимую услугу, и испанский командующий хорошо пожал плоды своего прогноза.¹⁶

При отъезде перуанского посланника Писарро подарил ему шапочку из малиновой ткани, несколько дешевых, но эффектных стеклянных украшений и другие игрушки, которые он специально привез из Кастилии. Он поручил посланнику передать своему господину, что испанцы прибыли от могущественного князя, живущего далеко за морями; что они много слышали о победах Атауальпы и пришли засвидетельствовать ему свое почтение и предложить свои услуги, помогая ему своим оружием в борьбе с его врагами; и он мог быть уверен, что они не остановятся в пути дольше, чем это необходимо, прежде чем предстать перед ним.

Теперь Писарро получил от Сото полный отчет о своей последней экспедиции. Этот вождь, войдя в Каксас, обнаружил, что жители собрались во враждебном строю, словно для того, чтобы оспорить его проход. Но кавалерист вскоре убедил их в своих мирных намерениях, и, отбросив свое угрожающее поведение, они приняли испанцев с той же учтивостью, которую проявляли к ним в большинстве мест на их пути.

Здесь Сото нашел одного из королевских офицеров, занимавшегося сбором дани для правительства. От этого чиновника он узнал, что инка был расквартирован с большой армией в Кашамальке, местечке значительных размеров по другую сторону Кордильер, где он наслаждался роскошью теплых ванн, питаемых природными источниками, которыми оно было тогда знаменито, как и в наши дни. Кавалер собрал также много важной информации о ресурсах и общей политике правительства, о государстве, поддерживаемом инками, и о суровой строгости, с которой повсюду соблюдалось соблюдение закона. У него была возможность убедиться в этом лично, поскольку, войдя в деревню, он увидел нескольких индейцев, повешенных за ноги, казненных за какое-то насилие над Девами Солнца, монастырь которых находился по соседству.¹⁷

Из Кашаса Де Сото переехал в соседний город Гуанкабамба, гораздо более крупный, густонаселенный и лучше построенный, чем предыдущий. Дома были сделаны не из обожженной на солнце глины, многие из них были построены из цельного камня, так хорошо сложенного, что невозможно было различить линию соединения. Через реку, протекавшую через город, был перекинут мост, и большая дорога инков, пересекавшая этот район, была намного лучше той, которую испанцы видели на морском берегу. Во многих местах он был поднят, как дамба, вымощен тяжелыми каменными плитами и окаймлен деревьями, которые давали пассажирам приятную тень, в то время как по акведукам вдоль стен текли потоки воды, чтобы утолить его жажду. На некотором расстоянии они также заметили небольшие домики, которые, как им сказали, предназначались для проживания путешественника, который мог бы таким образом без неудобств добраться из одного конца королевства в другой.¹⁸ В другом квартале они увидели один из тех складов, предназначенных для армии, наполненный зерном и

предметами одежды; а у входа в город стояло каменное здание, занимаемое государственным служащим, в обязанности которого входило собирать труд или пошлины за различные товары, ввозимые в это место или выносимые из него.¹⁹ Эти рассказы Де Сото не только подтвердили все, что испанцы слышали об индийской империи, но и значительно расширили их представления о ее ресурсах и внутренней политике. Они вполне могли бы поколебать уверенность менее отважных сердец.

Писарро, прежде чем покинуть свое нынешнее жилище, отправил гонца в Сан-Мигель с подробностями о своих передвижениях, отправив одновременно предметы, полученные от инки, а также те, что были добыты в разных местах по пути следования. Мастерство, проявленное при изготовлении некоторых из этих тканей, вызвало большое восхищение, когда их отправили в Кастилию. Тонкие шерстяные ткани, особенно с их богатой вышивкой, были приравнены к шелку, от которого их было нелегко отличить. Вероятно, это была нежная шерсть викуны, ни одну из которых тогда не видели в Европе.²⁰

Писарро, теперь ознакомившийся с самым прямым путем в Каксамалку — нынешнюю Каксамарку, - возобновил свой марш, взяв направление почти на юг. Первым населенным пунктом любого размера, у которого он остановился, был Мотупе, приятно расположенный в плодородной долине, среди невысоких холмов, которые группируются у подножия Кордильер. Это место было покинуто куракой, который с тремя сотнями своих воинов ушел, чтобы встать под знамена своего инки. Здесь генерал, несмотря на свое явное намерение продвигаться вперед без промедления, остановился на четыре дня. Запоздалость его передвижений может быть объяснена только надеждой, которую он, возможно, все еще питал, на то, что к нему присоединятся дополнительные подкрепления до того, как он пересечет Кордильеры. Однако ничего подобного не появилось; и, продвигаясь по местности, в которой участки песчаной равнины время от времени сменялись широкими зелеными лугами, орошаемыми естественными ручьями и еще более обильно теми, что текли по искусственным каналам, войска, наконец, достигли берегов реки. Она была широкой и глубокой, и быстрота течения создавала более чем обычные трудности для прохождения. Писарро, опасаясь, что это может быть оспорено туземцами на противоположном берегу, приказал своему брату Эрнандо переправиться с небольшим отрядом под покровом ночи и обеспечить безопасную высадку остальным войскам. На рассвете Писарро занялся приготовлениями к своему собственному переходу, нарубив бревен в соседнем лесу и соорудив нечто вроде плавучего моста, по которому до наступления темноты вся компания прошла в безопасности, причем лошади поплыли, ведомые под уздцы. Это был день тяжелого труда, и Писарро добровольно принял в нем участие, как простой солдат, у которого всегда было слово ободрения для своих последователей.

Добравшись до противоположного берега, они узнали от своих товарищей, что жители страны, вместо того чтобы оказать сопротивление, в смятении бежали. Один из них, схваченный и приведенный к Эрнандо Писарро, отказывался отвечать на заданные ему вопросы об инке и его армии; пока, подвергнутый пыткам, он не заявил, что Атауальпа со всем своим войском расположился лагерем в трех отдельных частях, заняв возвышенности и равнины Кашамальки. Далее он заявил, что инка знал о приближении белых людей и об их малочисленности и что он намеренно заманивал их в свои покои, чтобы они были более полностью в его власти.

Этот рассказ, переданный Эрнандо своему брату, вызвал у последнего большое беспокойство. Однако по мере того, как робость крестьян постепенно проходила, некоторые из них смешались с войсками, и среди них курака, или главное лицо деревни. Он сам посетил королевский лагерь и сообщил генералу, что Атауальпа находится в укрепленном городе Гуамачучо, в двадцати лигах или более к югу от Кашамалки, с армией численностью по меньшей мере в пятьдесят тысяч человек.

Эти противоречивые заявления сильно озадачили вождя; и он предложил одному из индейцев, сопровождавших его на протяжении большей части похода, отправиться в качестве шпиона в жилище инки и сообщить ему сведения о его действительном положении и, насколько он мог их узнать, о его намерениях в отношении испанцев. Но этот человек решительно отказался от этой опасной службы, хотя и заявил о своей готовности отправиться туда в качестве уполномоченного посланника испанского командующего.

Писарро согласился с этим предложением и поручил своему посланнику заверить инку, что он движется навстречу ему со всей возможной скоростью. Он должен был ознакомить монарха с неизменно внимательным поведением испанцев по отношению к его подданным во время их путешествия по стране и заверить его, что теперь они прибывают в полной уверенности, что обнаружат в нем такие же дружеские чувства по отношению к себе. Эмиссару было особо поручено наблюдать, не обороняются ли укрепленные перевалы на дороге или не обнаруживаются ли какие-либо приготовления враждебного характера. Это последнее известие он должен был сообщить генералу с помощью двух или трех быстроногих слуг, которые должны были сопровождать его в его миссии.²¹

Приняв эту предосторожность, осторожный командир снова возобновил свой поход и по прошествии трех дней достиг подножия горного вала, за которым лежал древний город Кашамалка. Перед ним возвышались громадные Анды, скала громоздилась на скале, внизу их окраины были покрыты темными вечнозелеными лесами, тут и там чередовались участки ухоженных садов, к их мохнатым склонам прилепились крестьянские хижины, а их снежные гребни сверкали высоко в небесах, представляя собой в целом такой дикий хаос великолепия и красоты, какого не может показать ни один другой горный пейзаж в мире. Теперь войскам предстояло пройти через этот огромный вал, через лабиринт проходов, которые горстка людей могла легко оборонять против целой армии. Справа бежала широкая и ровная дорога, окаймленная приветливыми тенями и достаточно широкая, чтобы два экипажа могли проехать рядом. Это был один из великих маршрутов, ведущих в Куско, и, казалось, его приятный и легкий доступ побуждал измученного солдата выбрать именно его, а не опасные горные ущелья. Соответственно, многие придерживались мнения, что армия должна следовать этим курсом и оставить первоначальный пункт назначения - Кашамалку. Но Писарро таковым не был.

По его словам, испанцы повсюду заявляли о своей цели посетить инку в его лагере. Об этой цели было сообщено самому инке. Пойти сейчас в противоположном направлении означало бы только навлечь на них обвинение в трусости и навлечь презрение Атауальпы. Не оставалось иного выхода, кроме как маршировать прямо через сьерру к своим квартирам. "Пусть каждый из вас, - сказал отважный кавалер, - воспрянет духом и пойдет вперед, как хороший солдат, ничуть не смущаясь малочисленностью. Ибо в величайшей крайности Бог когда-либо сражается за своих; и не сомневайтесь, что он смирит гордыню язычника и приведет его к познанию истинной веры, великой цели Завоевания" ²².

Писарро, как и Кортес, обладал изрядной долей того откровенного и мужественного красноречия, которое трогает сердце солдата больше, чем риторический парад или тончайший поток красноречия. Он сам был солдатом и разделял все чувства солдата, его радости, надежды и разочарования. Звание и образование не поставили его выше сочувствия к самым скромным из его последователей. Каждая струнка в их груди вибрировала той же пульсацией, что и его собственная, и убежденность в этом давала ему власть над ними. "Ведите за собой, - закричали они, когда он закончил свою краткую, но воодушевляющую речь, - ведите за собой туда, куда сочтете нужным. Мы последуем за вами с доброй волей, и вы увидите, что мы можем выполнить свой долг во имя Бога и Короля!" 23 Колебаний больше не было. Все мысли были теперь сосредоточены на немедленном переходе Кордильер.

Книга 3

Глава 4

Тяжелый переход через Анды—Посольства От Атауальпы—Испанцы достигают Кашамалки—Посольство К Инке—Интервью С Инкой—Уныние испанцев

1532

Той ночью Писарро собрал совет своих главных офицеров, и было решено, что он возглавит наступление, состоящее из сорока конных и шестидесяти пеших, и разведает местность; в то время как остальная часть отряда под командованием его брата Эрнандо должна занимать свои нынешние позиции до получения дальнейших приказов.

На раннем рассвете испанский генерал и его отряд были при оружии и приготовились встретить трудности в сьерре. Они оказались даже более серьезными, чем предполагалось. Тропа была проложена самым разумным образом по неровным и обрывистым склонам гор, чтобы наилучшим образом избежать естественных препятствий, создаваемых почвой. Но во многих местах подъем был обязательно таким крутым, что кавалеристам приходилось спешиваться и, карабкаясь вверх, насколько это было возможно, вести своих лошадей под уздцы. Кроме того, во многих местах, где какая-нибудь огромная скала или возвышенность нависала над дорогой, она была подведена к самому краю пропасти; и путешественник был вынужден петлять по узкому скальному выступу, едва достаточному по ширине для его единственного коня, где один неверный шаг сбросил бы его на сотни, нет, тысячи футов в ужасную пропасть! Дикие перевалы сьерры, доступные для полуголого индейца и даже для надежного и осмотрительного мула — животного, которое, по-видимому, было создано для дорог Кордильер, — были опасны для вооруженного человека, облаченного в кольчугу. Огромные трещины, или кебрады, столь устрашающие в этой горной цепи, разверзлись, как будто Анды были расколоты на части какой-то ужасной судорогой, обнажив по бокам обширные пространства первобытных скал, частично покрытых вековой спонтанной растительностью; в то время как их темные глубины служили руслом для бурных потоков, которые, поднимаясь в сердце сьерры, постепенно прокладывали себе путь к свету и растекались по саваннам и зеленым долинам огненной земли Кальенте на своем пути к великому океану.

Многие из этих проходов представляли собой очевидные пункты обороны; и испанцы, входя в скалистые ущелья, с опаской оглядывались, как бы не разбудить какого-нибудь врага из его засады. Это опасение усилилось, когда на вершине крутого и узкого ущелья, в котором они

находились, они увидели мощное сооружение, возвышавшееся подобно крепости и как бы хмурившееся в мрачном вызове захватчикам. Когда они приблизились к этому зданию, сложенному из цельного камня и возвышавшемся под углом к дороге, они почти ожидали увидеть смуглые фигуры воинов, поднимающихся над зубчатыми стенами, и принять на себя шквал метательных снарядов; ибо оно занимало такую сильную позицию, что несколько решительных людей могли бы легко сдержать там целую армию. Но они с удовлетворением обнаружили, что это место пусто, и их настроение значительно поднялось от убеждения, что индийский монарх не собирался оспаривать их проход, когда это было бы легко сделать с успехом.

Теперь Писарро отдал приказ своему брату следовать за ним без промедления и, подкрепив своих людей, продолжил свое трудное восхождение и еще до наступления темноты достиг возвышенности, увенчанной другой крепостью, еще более мощной, чем предыдущая. Он был построен из цельной каменной кладки, нижняя часть была выкопана из живой породы, и вся работа была выполнена с мастерством, не уступающим мастерству европейского архитектора.¹

Здесь Писарро расположился на ночлег. Не дожидаясь прибытия тыла, на следующее утро он возобновил свой марш, еще глубже углубляясь в запутанные ущелья сьерры. Климат постепенно менялся, и люди и лошади, особенно последние, сильно страдали от холода, так как давно привыкли к знойному климату тропиков.⁽²⁾ Растительность также изменила свой характер; и великолепный лес, покрывавший нижнюю часть страны, постепенно уступил место погребальному сосновому лесу, а по мере того, как он поднимался все выше, чахлой поросли бесчисленных альпийских растений, чья выносливая природа находила благоприятную температуру в ледяной атмосфере более возвышенных регионов. Эти унылые уединенные места, казалось, были почти покинуты как грубыми созданиями, так и человеком. Легконогую викуню, кочующую в своем родном штате, иногда можно было увидеть смотрящей вниз с какого-нибудь воздушного утеса, куда нога охотника не осмеливалась ступить. Но вместо пернатых племен, чье яркое оперение сверкало в глубоком мраке тропических лесов, искатели приключений теперь видели только огромную птицу Анд, отвратительного кондора, который, плывя высоко над облаками, с жалобными криками следовал по следам армии, словно ведомый инстинктом на пути крови и резни.

Наконец они добрались до гребня Кордильер, где они простираются на смелые и унылые просторы, где почти нет растительности, за исключением того, что представляет собой пахональ, сухая желтая трава, которая, если смотреть снизу, окружает подножие заснеженных вершин и своим ярким соломенным цветом, подсвеченным лучами палящего солнца, похожа на оправу из золота вокруг вершин из полированного серебра. Земля была бесплодной, как обычно в шахтерских районах, и они приближались к некогда знаменитым золотым карьерам по пути в Кашамалку;

"Скалы, богатые драгоценными камнями, и горы, изобилующие рудниками, Которые на высоком экваторе вздымаются хребтом".

Здесь Писарро остановился, ожидая подхода арьергарда. Воздух был резким и морозным, и солдаты, раскинув палатки, разожгли костры и, сгрудившись вокруг них, пытались найти какой-нибудь отдых после своего трудного марша.³

Они пробыли в этих кварталах недолго, когда прибыл гонец, один из тех, кто сопровождал индийского посланника, отправленного Писарро к Атауальпе. Он сообщил генералу, что дорога свободна от врагов и что посольство инков находится на пути в кастильский лагерь. Писарро теперь отослал назад, чтобы ускорить продвижение тыла, так как он не желал, чтобы перуанский посланник застал его с его уменьшившейся численностью. Остальная часть армии была недалеко и вскоре после этого достигла лагеря.

Вскоре прибыло и индийское посольство, состоявшее из одного из знатных инков и нескольких слуг, которые привезли испанскому командующему приветственный подарок в виде лам. Перуанец передал также приветствия своего хозяина, который пожелал узнать, когда испанцы придут в Кашамалку, чтобы он мог снабдить их подходящим угощением. Писарро узнал, что инка покинул Гуамачучо и теперь находится с небольшим отрядом в окрестностях Кашамалки, в месте, известном своими природными источниками теплой воды. Перуанец был умным человеком, и испанский командующий узнал от него много подробностей о недавних сражениях, которые привели в смятение империю.

Поскольку посланник в возвышенных выражениях превозносил военную доблесть и ресурсы своего государя, Писарро счел разумным показать, что это не в силах внушить ему благоговейный страх. Он выразил свое удовлетворение победами Атауальпы, который, по его признанию, высоко поднялся в ранге индейских воинов. Но он был настолько же ниже, добавил он скорее из политики, чем из вежливости, монарха, правившего белыми людьми, насколько мелкие куракасы страны были ниже его. Это было очевидно по легкости, с которой несколько испанцев захватили этот огромный континент, покоряя одну нацию за другой, которые оказывали сопротивление их оружию. Слава Атауальпы побудила его посетить его владения и предложить ему свои услуги в его войнах; и, если инка примет его в том же дружеском духе, с которым он прибыл, он был готов, за помощь, которую тот мог ему оказать, отложить на некоторое время свой переход через страну к противоположным морям. Индеец, согласно кастильским свидетельствам, с благоговением слушал это восхваление испанского командира. И все же возможно, что посланник был лучшим дипломатом, чем они предполагали; и что он понимал, что это была всего лишь игра в хвастовство, в которую он играл со своим более цивилизованным противником.⁴

На следующее утро, рано утром, войска снова выступили в поход и в течение двух дней были заняты прочесыванием воздушных ущелий Кордильер. Вскоре после того, как они начали спускаться по восточной стороне, от инков прибыл другой посланец с посланием, аналогичным предыдущему, и таким же подарком - перуанскими овцами. Это был тот самый дворянин, который навещал Писарро в долине. Теперь он выглядел более солидно, потягивая чичу — перебродивший маисовый сок - из золотых кубков, которые несли его слуги, и этот блеск отражался в глазах алчных искателей приключений.⁵

Пока он был в лагере, вернулся гонец-индеец, первоначально посланный Писарро к инке, и как только он увидел перуанца и почетный прием, оказанный ему испанцами, его охватил гнев, который вылился бы в личное насилие, если бы не вмешательство посторонних. По его словам, было тяжело, что с этой перуанской собакой так вежливо обращались, когда он сам едва не расстался с жизнью, выполняя аналогичную миссию среди своих соотечественников. Когда он добрался до лагеря инки, ему было отказано в допуске на том основании, что он соблюдал пост и его нельзя было увидеть. Они не обратили никакого внимания на его утверждение, что он

прибыл в качестве посланника белых людей, и, вероятно, не позволили бы ему уйти живым, если бы он не заверил их, что любое насилие, совершенное по отношению к нему, будет в полной мере наказано личностями перуанских посланников, находящихся сейчас в испанских кварталах. Не было никаких сомнений, продолжал он, во враждебных намерениях Атауальпы, ибо он был окружен мощной армией, расположившейся лагерем примерно в лиге от Кашамалки, в то время как этот город был полностью эвакуирован его жителями.

На все это посланец инки хладнокровно ответил, что посланец Писарро мог бы рассчитывать на такой прием, какой ему оказали, поскольку он, по-видимому, не взял с собой никаких документов, подтверждающих его миссию. Что касается поста инки, то это было правдой; и хотя он, несомненно, увидел бы посланца, если бы знал, что там был посланец от чужеземцев, все же было небезопасно беспокоить его в это торжественное время года, когда он исполнял свои религиозные обязанности. Войска, которыми он был окружен, были немногочисленны, учитывая, что инка в то время вела важную войну; а что касается Кашамалки, то ее жители покинули, чтобы освободить место для белых людей, которые вскоре должны были ее занять.⁶

Это объяснение, каким бы правдоподобным оно ни было, не вполне удовлетворило генерала, ибо он был слишком глубоко убежден в хитрости Атауальпы, намерениям которого в отношении испанцев он долгое время сильно не доверял. Однако, поскольку он предложил пока поддерживать дружеские отношения с монархом, ему явно не следовало проявлять подозрительность. Сделав вид, что полностью доверяет объяснениям посланника, он отпустил его с повторными заверениями в том, что в ближайшее время предстанет перед инкой.

Спуск с сьерры, хотя Анды на восточной стороне менее круты, чем на западной, сопровождался трудностями, почти равными трудностям подъема; и испанцы испытали немалое удовлетворение, когда на седьмой день перед ними открылась долина Кашамалка, которая, покрытая всеми красотами земледелия, лежала, раскинувшись, подобно богатому и пестрому зеленому ковру, резко контрастировавшему с темными очертаниями Анд, возвышавшихся повсюду вокруг. Долина имеет овальную форму, простирающуюся примерно на пять лиг в длину и на три в ширину. Он был населен населением, превосходящим по характеру все, что испанцы встречали по ту сторону гор, о чем свидетельствовал превосходный стиль их одежды, а также большая чистота и комфорт, видимые как в их лицах, так и в жилищах.⁷ Насколько хватало глаз, ровный участок являл собой свидетельство прилежного и бережливого земледелия. По лугам текла широкая река, обеспечивающая обильное орошение с помощью обычных каналов и подземных акведуков. Земля, пересеченная зелеными рядами живой изгороди, была усеяна участками разнообразной обработки, поскольку почва была богатой, а климат, хотя и менее стимулирующий, чем в знойных районах побережья, был более благоприятен для выносливых продуктов умеренных широт. Под "искателями приключений", с его белыми домами, сверкающими на солнце, раскинулся маленький городок Каксамалка, подобный сверкающему драгоценному камню на темных склонах сьерры. На расстоянии примерно лиги дальше, через долину, можно было увидеть столбы пара, поднимающиеся к небесам, указывая на место знаменитых горячих ванн, часто посещаемых перуанскими принцами. И здесь тоже зрелище было менее приятным для глаз испанцев, ибо вдоль склонов холмов было видно белое облако павильонов, покрывавшее землю толстым слоем, как снежные хлопья, на протяжении, по-видимому, нескольких миль. "Мы все были поражены, - восклицает один из Победителей, - когда увидели, что индейцы занимают такое гордое положение! Так много палаток, так хорошо оборудованных, каких до сих пор никогда не видели в Индии! Зрелище вызвало нечто вроде

замешательства и даже страха в самых смелых сердцах. Но было слишком поздно поворачивать назад или проявлять малейший признак слабости, поскольку туземцы из нашей собственной компании в таком случае первыми напали бы на нас. Итак, со всем возможным мужеством, хладнокровно осмотрев местность, мы приготовились к нашему вступлению в Кашамалку"8.

Каковы были чувства перуанского монарха, мы не знаем, когда он смотрел на воинственную кавалькаду христиан, когда с развевающимися знаменами и яркими доспехами, сверкающими в лучах вечернего солнца, она вышла из темных глубин сьерры и враждебным строем двинулась по прекрасным владениям, по которым до этого времени не ступала нога другого человека, кроме краснокожего. Возможно, как утверждалось в нескольких сообщениях, инка намеренно заманил авантюристов в сердце своей густонаселенной империи, чтобы окружить их своими легионами и легче стать хозяином их имущества и людей.9 Или это было вызвано естественным чувством любопытства и полаганием на их заверения в дружбе, что он таким образом позволил им, без каких-либо попыток сопротивления, предстать перед ним? Во всяком случае, он вряд ли мог испытывать такую уверенность в себе, чтобы не смотреть с опаской, смешанной с благоговением, на таинственных незнакомцев, которые, придя из неведомого мира и обладая такими чудесными способностями, преодолели горы и долины, несмотря на все препятствия, которые человек и природа противопоставили им.

Тем временем Писарро, сформировав свой маленький корпус из трех дивизий, теперь двинулся вперед более размеренным шагом и в боевом порядке вниз по склонам, ведущим к индийскому городу. Когда он подъехал ближе, никто не вышел поприветствовать его; и он ехал по улицам, не встретив ни одного живого существа и не услышав ни звука, кроме эха солдатских шагов, отдававшихся от покинутых жилищ.

Это было место значительных размеров, насчитывавшее около десяти тысяч жителей, вероятно, несколько больше, чем население, собравшееся в наши дни в стенах современного города Кашамалка.10 Дома, по большей части, были построены из глины, затвердевшей на солнце; крыши были соломенными или деревянными. Некоторые из наиболее величественных жилищ были построены из тесаного камня; в этом месте находился монастырь, населенный Девами Солнца, и храм, посвященный тому же божеству-покровителю, который в последний раз был скрыт в густой тени рощи на окраине города. В квартале, ведущем к индейскому лагерю, была площадь — если это можно было назвать площадью, которая имела почти треугольную форму - огромных размеров, окруженная низкими зданиями. Они состояли из просторных залов с широкими дверями или проемами, сообщающимися с площадью. Вероятно, они были задуманы как своего рода казармы для солдат инков.11 В конце площади, обращенной к сельской местности, находилась каменная крепость с лестницей, ведущей из города, и отдельным входом из прилегающих пригородов. На возвышенности, возвышавшейся над городом, была еще одна крепость, построенная из тесаного камня и окруженная тремя круглыми стенами, или, скорее, одной и той же стеной, которая спиралью вилась вокруг него. Это было мощное место, и мастерство изготовления свидетельствовало о лучшем знании каменной кладки и производило более сильное впечатление об архитектурной науке народа, чем все, что испанцы когда-либо видели.12

Было ближе к вечеру пятнадцатого ноября 1532 года, когда завоеватели вошли в город Кашамалка. Погода, которая была хорошей в течение дня, теперь грозила грозой, и начал накрапывать небольшой дождь вперемишку с градом, поскольку было необычно холодно.13

Писарро, однако, так стремился выяснить расположение инки, что решил немедленно отправить посольство в его апартаменты. Он выбрал для этого Эрнандо де Сото с пятнадцатью всадниками, и после его отъезда, полагая, что их число было слишком мало, на случай каких-либо недружественных проявлений со стороны индейцев, он приказал своему брату Эрнандо следовать за ними с дополнительными двадцатью солдатами. Этот капитан и еще один человек из его отряда оставили нам отчет об экскурсии.¹⁴

Между городом и имперским лагерем была мощеная дамба, проложенная через разделявшие их луга. Через это место кавалерия проскакала быстрым галопом и, не успев проехать и лиги, оказалась перед перуанским лагерем, раскинувшимся вдоль пологого склона гор. Копья воинов были воткнуты в землю перед их палатками, а индейские солдаты слонялись без дела снаружи, с безмолвным изумлением взирая на христианскую кавалькаду, когда с лязгом оружия и пронзительным звуком трубы она пронеслась мимо, подобно какому-то страшному привидению, на крыльях ветра.

Вскоре отряд вышел к широкому, но неглубокому ручью, который, петляя по лугу, служил защитой позиции инков. Через него был перекинут деревянный мост, но кавалеристы, не доверяя его прочности, предпочли переправиться через реку и без труда добрались до противоположного берега. Батальон индейских воинов был выстроен с оружием в руках на противоположной стороне моста, но они не оказывали никакого сопротивления испанцам; а эти последние получили строгий приказ Писарро — едва ли необходимый в их нынешних обстоятельствах — обращаться с туземцами вежливо. Один из индейцев указал на квартал, занимаемый инкой.¹⁵

Это был открытый двор с легким зданием или домом развлечений в центре, с галереями, идущими вокруг него, и выходом сзади в сад. Стены были покрыты блестящей штукатуркой, как белой, так и цветной, а на участке перед зданием был виден просторный резервуар из камня, питаемый акведуками, которые снабжали его как теплой, так и холодной водой.¹⁶ Бассейн из тесаного камня — возможно, более поздней постройки — до сих пор носит название "купальня инки".¹⁷ Двор был заполнен индийской знатью, одетой в ярко украшенные одежды, прислуживавшей монарху, и женщинами королевского двора. Среди этого сборища было нетрудно различить Атауальпу, хотя его одежда была проще, чем у его приближенных. Но на голове у него была малиновая борла, или бахрома, которая, обрамляя лоб, спускалась так низко, что доходила до бровей. Это был хорошо известный знак перуанского суверенитета, и монарх принял его только после поражения своего брата Уаскара. Он сидел на низком табурете или подушке, что-то вроде мориско, или турецкой моды, а его вельможи и высшие офицеры стояли вокруг него с большой церемонностью, занимая соответствующие их рангу места.¹⁸

Испанцы с большим интересом взирали на принца, о жестокости и хитрости которого они так много слышали и чья доблесть обеспечила ему владение империей. Но его лицо не выражало ни яростных страстей, ни проницательности, которые приписывались ему; и, хотя в своей осанке он демонстрировал серьезность и спокойное сознание своей власти, вполне подобающие королю, он, казалось, утратил всякое выражение со своих черт и обнаруживал только апатию, столь характерную для американских рас. В данном случае это, по крайней мере, частично предполагалось. Ибо невозможно, чтобы индийский принц не созерцал с любопытством зрелище столь странное и, в некоторых отношениях, ужасающее, как зрелище

этих таинственных незнакомцев, к которому никакое предыдущее описание не могло подготовить его.

Эрнандо Писарро и Сото, всего с двумя или тремя своими сторонниками, медленно подъехали к Инке; и первый, отвесив почтительный поклон, но не спешиваясь, сообщил Атауальпе, что прибыл в качестве посла от своего брата, командующего белыми людьми, чтобы сообщить монарху об их прибытии в его город Кашамалка. Они были подданными могущественного монарха за океаном и прибыли, по его словам, привлеченные известиями о его великих победах, чтобы предложить свои услуги и передать ему доктрины истинной веры, которые они исповедовали; и он привез Атауальпе приглашение от генерала, в котором говорилось, что последний будет рад посетить испанцев в их нынешних покоях.

На все это Инка не ответил ни слова; он даже не подал виду, что понимает сказанное; хотя это было переведено для него Фелипильо, один из переводчиков уже заметил. Он хранил молчание, опустив глаза в землю; но один из его вельмож, стоявший рядом с ним, ответил: "Это хорошо".¹⁹ Это была неловкая ситуация для испанцев, которые, казалось, были так же далеки от выяснения истинного отношения перуанского монарха к ним самим, как когда между ними были горы.

В вежливой и уважительной манере Эрнандо Писарро снова нарушил молчание, попросив инку поговорить с ними лично и сообщить, что доставило ему удовольствие.²⁰ На это Атауальпа снизошел до ответа, в то время как слабая улыбка пробежала по его лицу: "Скажи моему капитану, что я соблюдаю пост, который закончится завтра утром. Затем я навещу его вместе со своими вождями. А пока пусть он займет общественные здания на площади, и никакие другие, пока я не приду, когда прикажу, что должно быть сделано"²¹.

Сото, один из присутствовавших на этом собеседовании, как уже отмечалось, был лучшим конником и, возможно, лучшим наездником в отряде Писарро. Заметив, что Атауальпа с некоторым интересом смотрит на огненного скакуна, который стоял перед ним, грызя удила и роняя копытами землю с естественным нетерпением боевого коня, испанец отдал ему поводья и, ударив железной пяткой в бок, яростно помчался по равнине; затем, кружа его круг за кругом, продемонстрировал все прекрасные движения своего скакуна и свое собственное превосходное искусство верховой езды. Внезапно остановив его на полном скаку, он подвел животное почти к корточкам, так близко к персоне инки, что часть пены, покрывавшей бока его лошади, попала на королевские одежды. Но Атауальпа сохранял то же мраморное самообладание, что и прежде, хотя несколько его солдат, которых Де Сото обогнал на поле боя, были настолько смущены этим, что отступили в явном ужасе; акт робости, за который они дорого заплатили, если, как утверждают испанцы, Атауальпа приказал казнить их в тот же вечер за проявление такой недостойной слабости перед чужаками.²²

Королевские слуги предложили испанцам прохладительные напитки, от которых они отказались, не желая спешиваться. Однако они не отказались выпить искрящуюся чичу из золотых ваз необычайных размеров, подаренных им темноглазыми красавицами гарема.²³ Затем, почтительно простившись с инкой, кавалеры поскакали обратно в Кашамалку, с множеством мрачных рассуждений о том, что они видели; о состоянии и богатстве индийского монарха; о силе его вооруженных сил, их превосходных назначениях и очевидной дисциплине в их рядах, — все это свидетельствовало о гораздо более высоком уровне цивилизации и, следовательно, могущества, чем все, что они видели в нижних регионах страны. Поскольку они

противопоставляли все это своим собственным ничтожным силам, слишком далеко продвинувшимся вперед, чтобы к ним могла прийти помощь, они чувствовали, что поступили опрометчиво, бросившись в гущу столь грозной империи, и были полны мрачных предчувствий относительно результата.²⁴ Их товарищи по лагерю вскоре заразились духом уныния, который не уменьшился с наступлением ночи, и они увидели сторожевые костры перуанцев, освещавшие склоны гор и мерцавшие в темноте, "такой густой, - говорит один из видевших их, - как звезды небесные" ²⁵.

И все же в этом маленьком воинстве была одна грудь, которая не была тронута чувством ни страха, ни уныния. Это был голос Писарро, который втайне радовался, что теперь он перешел к делу, к которому так долго стремился. Он видел необходимость разжечь подобное чувство в своих последователях, иначе все было бы потеряно. Не раскрывая своих планов, он обошел своих людей, умоляя их не проявлять малодушия в этот критический момент, когда они оказались лицом к лицу с врагом, которого так долго искали. "Они должны были полагаться на самих себя и на то Провидение, которое провело их в целостности и сохранности через столько страшных испытаний. Теперь это не покинуло бы их; и если бы численность, какой бы большой она ни была, была на стороне их врага, это не имело большого значения, когда на них была рука Небес ". ²⁶ Испанский кавалер действовал под сочетанным влиянием рыцарских приключений и религиозного рвения. Последнее было наиболее эффективным в час опасности, и Писарро, который хорошо понимал характеры людей, с которыми ему приходилось иметь дело, представив это предприятие как крестовый поход, разжег угасающие угольки энтузиазма в сердцах своих последователей и восстановил их пошатнувшееся мужество.

Затем он созвал совет своих офицеров, чтобы обсудить план операций или, скорее, предложить им экстраординарный план, который он сам разработал. Это было сделано для того, чтобы устроить засаду инке и взять его в плен перед лицом всей его армии! Это был проект, полный опасностей, граничащий, как могло показаться, с отчаянием. Но положение испанцев было отчаянным. В какую бы сторону они ни повернули, им угрожали самые ужасные опасности; и лучше было смело противостоять опасности, чем слабо уклоняться от нее, когда не было пути к спасению.

Бежать теперь было слишком поздно. Куда они могли бежать? При первом сигнале к отступлению вся армия инков была бы на них. Их передвижения были бы предвосхищены врагом, гораздо лучше знакомым с хитросплетениями сьерры, чем они сами; перевалы были бы заняты, и они были бы окружены со всех сторон; в то время как сам факт этого отступления уменьшил бы уверенность, а вместе с ней и боеспособность его собственных людей, в то время как удвоил бы силу его врага.

Однако долгое бездействие в его нынешнем положении казалось почти столь же опасным. Даже предположив, что Атауальпа питал дружеские чувства к христианам, они не могли поверить в продолжение таких чувств. Близкое знакомство с белыми людьми вскоре разрушило бы представление о чем-либо сверхъестественном или даже превосходящем их по своей природе. Он почувствовал бы презрение к их малочисленности. Их лошади, оружие и эффектные наряды были бы привлекательной приманкой в глазах варварского монарха, и когдаосознал бы, что у него есть власть сокрушить их владельцев, он не замедлил бы найти для этого предлог. Достаточный из них уже проявился в своевольных действиях Завоевателей во время их марша по его владениям.

Но какие у них были основания льстить себя надеждой, что инка питал к ним такое расположение? Он был хитрым и беспринципным принцем и, если верить рассказам, которые они неоднократно получали во время своего похода, всегда недоброжелательно относился к приближению испанцев. Вряд ли он мог поступить иначе. Его мягкие послания были предназначены только для того, чтобы заманить их за горы, где с помощью своих воинов он мог бы легко одолеть их. Они были запутаны в сетях, которые хитрый монарх расставил для них.

Таким образом, их единственным средством было обратить искусство инки против него самого; поймать его, если возможно, в его же собственные сети. Нельзя было терять времени, ибо в любой день могли вернуться победоносные легионы, которые недавно выиграли его сражения на юге, и, таким образом, шансы против испанцев были намного больше, чем сейчас.

Однако встреча с Атауальпой в открытом поле была бы сопряжена с большим риском; и даже в случае победы было бы мало вероятности того, что личность инки, имеющая такое большое значение, попадет в руки победителей. Приглашение, которое он так неожиданно принял, навестить их в их апартаментах, было лучшим средством для получения этого желанного приза. Предприятие не было столь уж отчаянным, учитывая огромные преимущества, которые давали характер и вооружение захватчиков, а также неожиданность нападения. Простое обстоятельство действия по согласованному плану само по себе сделало бы небольшое число людей более чем подходящим для гораздо большего числа. Но не было необходимости впускать в город все силы индейцев перед нападением; и после того, как личность инки будет в безопасности, у его последователей, пораженных столь странным событием, будь их мало или много, не хватило бы духу для дальнейшего сопротивления; — и когда Инка снова окажется в его власти, Писарро сможет диктовать законы империи.

По этому смелому проекту испанского вождя легко было понять, что он имел в виду блестящий подвиг Кортеса, когда тот похитил монарха ацтеков в его столице. Но это было сделано не путем насилия, — по крайней мере, не путем открытого насилия, - и получило санкцию, хотя и обязательную, самого монарха. Верно было и то, что результаты в том случае не вполне оправдывали повторение эксперимента, поскольку народ поднялся всем скопом, чтобы принести в жертву и принца, и его похитителей. Однако это было вызвано, по крайней мере частично, неосмотрительностью последнего. Эксперимент с самого начала был совершенно успешным; и, если Писарро однажды смог бы овладеть личностью Атауальпы, в остальном он полагался на свое собственное усмотрение. Это, по крайней мере, вывело бы его из нынешнего критического положения, предоставив в его руки неопценимую гарантию его безопасности; и если он не сможет немедленно заключить свои собственные условия с инкой, прибытие подкрепления из дома, по всей вероятности, вскоре позволит ему это сделать.

После того как Писарро согласовал свои планы на следующий день, совет разошелся, и вождь занялся обеспечением безопасности лагеря на ночь. Подступы к городу были защищены; в разных точках, особенно на вершине крепости, были выставлены часовые, откуда они должны были наблюдать за позицией врага и сообщать о любом движении, угрожавшем спокойствию ночи. Приняв эти меры предосторожности, испанский командующий и его сторонники удалились в назначенные им помещения, но не для того, чтобы лечь спать. По крайней мере, сон, должно быть, поздно пришел к тем, кто знал о решающем плане на завтрашний день; тот завтрашний день, который должен был стать переломным моментом в их судьбе — увенчать их честолюбивые планы полным успехом или обречь их на безвозвратное крушение!

Книга 3

Глава 5

Отчаянный план Писарро—Атауальпа посещает испанцев—Ужасная резня—Инка в плену—
Поведение завоевателей—Великолепные обещания инки—Смерть Уаскара

1532

Вечерние облака рассеялись, и на следующее утро ярко взошло солнце - самая запоминающаяся эпоха в летописях Перу. Была суббота, шестнадцатое ноября 1532 года. Громкий звук трубы призвал испанцев к оружию с первыми лучами рассвета, и Писарро, кратко ознакомив их с планом штурма, произвел необходимые распоряжения.

Площадь, как упоминалось в предыдущей главе, с трех сторон была защищена невысокими рядами зданий, состоящими из просторных залов с широкими дверями или уборными, выходящими на площадь. В этих залах он разместил свою кавалерию в двух дивизиях, одной под командованием своего брата Эрнандо, другой под командованием Де Сото. Пехоту он разместил в другом здании, оставив двадцать отборных человек, чтобы действовать самостоятельно, если потребуется. Педро де Кандиа с несколькими солдатами и артиллерией, — понимая под этим внушительным названием два небольших орудия, называемых сокольничьими, - он обосновался в крепости. Все получили приказ ждать на своих постах до прибытия инки. После его появления на большой площади они все еще должны были оставаться в укрытии, скрытыми от наблюдения, до тех пор, пока не будет подан сигнал выстрелом из ружья, когда они должны были издать свои боевые кличи, всем скопом выскочить из своего укрытия и, предав перуанцев мечу, покончить с личностью инки. Расположение огромных залов, выходящих на уровень площади, казалось, было придумано специально для театрального переворота. Писарро особо прививал порядок и беспрекословное повиновение, чтобы в спешке момента не возникало путаницы. Все зависело от их слаженной игры, хладнокровия и стремительности.¹

Затем вождь увидел, что их оружие в полном порядке, а нагрудники их лошадей украшены колокольчиками, которые своим шумом приводили индейцев в ужас. Кроме того, были щедро предоставлены прохладительные напитки, чтобы войска были в состоянии подготовиться к конфликту. Когда эти приготовления были завершены, священнослужители, присутствовавшие на экспедиции, с большой торжественностью отслужили мессу; был призван Бог сражений, чтобы он простер свой щит над солдатами, сражавшимися за расширение империи Креста; и все с энтузиазмом присоединились к песнопению: "Восстань, Владычествующий", "Восстань, о Господь! и суди сам за свое дело"². Можно было бы подумать, что это группа мучеников, готовых отдать свои жизни, защищая свою веру, а не распущенная банда авантюристов, замысляющих один из самых чудовищных актов вероломства в истории! И все же, каковы бы ни были пороки кастильского кавалера, лицемерия среди них не было. Он чувствовал, что сражается за Крест, и под влиянием этого убеждения, превознесенного в такой момент до преобладающего импульса, он был слеп к низменным мотивам, которые примешивались к этому предприятию. С чувствами, воспламененными таким образом до религиозного пыла, солдаты Писарро с обновленным духом смотрели вперед на грядущую битву; и вождь с удовлетворением увидел, что в час испытания его люди будут верны своему вождю и самим себе.

Было уже поздно, когда в перуанском лагере было заметно какое-либо движение, где велись большие приготовления к приближению к христианским кварталам с должным почетом и церемонией. От Атауальпы было получено сообщение, в котором испанский командующий сообщал, что он должен прибыть со своими воинами в полном вооружении, точно так же, как испанцы пришли в его апартаменты предыдущей ночью. Это был неприятный намек для Писарро, хотя у него, вероятно, не было причин ожидать обратного. Но возражение могло бы означать недоверие или, возможно, в какой-то мере раскрыть его собственные замыслы. Поэтому он выразил свое удовлетворение этим известием, заверив инку, что, как бы он ни поступил, тот примет его как друга и брата.³

Был полдень, прежде чем индейская процессия двинулась в путь, когда было видно, что она долгое время занимала большую дамбу. Впереди шел большой отряд слуг, чья обязанность, казалось, заключалась в том, чтобы сметать с дороги каждую крупницу мусора. Высоко над толпой появился Инка, которого несли на плечах его главные вельможи, в то время как другие люди того же ранга маршировали по бокам его носилок, демонстрируя на своих лицах такое ослепительное количество украшений, что, говоря языком одного из Завоевателей, "они сияли, как солнце".⁴ Но большая часть войск инки собралась на полях, тянувшихся вдоль дороги, и была разбросана по широким лугам, насколько хватало глаз.⁵

Когда королевская процессия приблизилась к городу на расстояние полумили, она остановилась; и Писарро с удивлением увидел, что Атауальпа готовится разбить свои палатки, как будто собирается разбить там лагерь. Вскоре после этого прибыл гонец, сообщивший испанцам, что инка займет свое нынешнее место следующей ночью и войдет в город следующим утром.

Это известие сильно встревожило Писарро, который разделял общее нетерпение своих людей по поводу запоздалых передвижений перуанцев. Войска были при оружии с рассвета, кавалерия на конях, а пехота на своих постах, в молчании ожидая прихода инки. Глубокая тишина царила во всем городе, лишь изредка нарушаемая криком часового с вершины крепости, возвещавшего о передвижениях индийской армии. Писарро хорошо знал, что ничто так не изматывает солдата, как длительное ожидание в критической ситуации, подобной нынешней; и он боялся, что его пыл может испариться и на смену ему придет нервозность, естественная для самой храброй души в такой критической ситуации, и которая, если не страх, то почти сродни ему.⁶ Поэтому он ответил Атауальпе, осуждая изменение его намерений; и добавив, что он предусмотрел все для его развлечения и ожидает, что он поужинает с ним этой ночью.⁷

Это сообщение отвлекло Инку от его намерения; и, снова разбив свои палатки, он возобновил свой поход, предварительно посоветовав генералу оставить большую часть своих воинов позади и войти в это место лишь с несколькими из них и без оружия,⁸ поскольку он предпочитал провести ночь в Кашамальке. В то же время он приказал предоставить жилье для себя и своей свиты в одном из больших каменных зданий, названном по изваянию змеи на стенах "Домом змеи".⁹ — Никакие новости не могли быть более благодарными испанцам. Казалось, индийскому монарху не терпелось броситься в расставленную для него ловушку! Фанатичный кавалерист не мог не разглядеть в этом непосредственный перст Провидения.

Трудно объяснить это нерешительное поведение Атауальпы, столь отличное от смелого и решительного характера, который приписывает ему история. Нет никаких сомнений в том, что

он нанес свой визит белым людям с совершенными намерениями; хотя Писарро, вероятно, был прав, предполагая, что его дружелюбный нрав стоял на очень шаткой почве. Столь же мало оснований предполагать, что он сомневался в искренности незнакомцев; иначе он не стал бы столь без необходимости предлагать нанести им визит безоружным. Его первоначальной целью прибытия со всеми своими войсками, несомненно, было продемонстрировать свое королевское положение и, возможно, также проявить большее уважение к испанцам; но когда он согласился принять их гостеприимство и провести ночь в их апартаментах, он был готов отказаться от большей части своих вооруженных солдат и нанести им визит таким образом, который подразумевал полную уверенность в их доброй воле. Он был слишком абсолютен в своей собственной империи, чтобы его можно было заподозрить; и он, вероятно, не мог понять дерзости, с которой несколько человек, подобных тем, что сейчас собрались в Кашамалке, замыслили нападение на могущественного монарха посреди его победоносной армии. Он не знал характера испанца.

Незадолго до захода солнца фургон королевской процессии въехал в городские ворота. Первыми шли несколько сотен слуг, нанятых для расчистки пути от всех препятствий, и распевали на ходу победные песни, "которые в наших ушах, - говорит один из Победителей, - звучали как песни ада!" 10 Затем следовали другие отряды разного ранга, одетые в разные ливреи. Некоторые были одеты в эффектную одежду в белую и красную клетку, похожую на квадраты шахматной доски. 11 Остальные были одеты в чисто белое, с серебряными или медными молотами или булавами; 12 а стражники, как и те, кто непосредственно сопровождал принца, отличались богатой лазурной ливреей и обилием ярких украшений, в то время как большие подвески, прикрепленные к ушам, указывали на перуанского аристократа.

Высоко над своими вассалами возвышался инка Атауальпа, которого несли на паланкине или открытых носилках, на которых стояло нечто вроде трона, сделанного из массивного золота неоценимой ценности. 13 Паланкин был украшен богато раскрашенными перьями тропических птиц и блестящими пластинами из золота и серебра. 14 Одевание монарха было намного богаче, чем накануне вечером. На его шее висел ошейник из изумрудов необычайной величины и блеска. 15 Его короткие волосы были украшены золотыми украшениями, а на висках красовалась императорская борла. Держался инка степенно и с достоинством; со своего высокого поста он взирал на толпу сверху вниз с невозмутимым видом человека, привыкшего командовать.

Когда первые ряды процессии вступили на большую площадь, по словам старого хрониста, большую, чем любая площадь в Испании, они расступились вправо и влево, пропуская королевскую свиту. Все проходило в замечательном порядке. Монарху разрешили пройти по площади в тишине, и не было видно ни одного испанца. Когда около пяти или шести тысяч его людей вошли в это место, Атауальпа остановился и, обернувшись с вопросительным видом, спросил: "Где чужаки?"

В этот момент брат Висенте де Вальверде, монах-доминиканец, капеллан Писарро, а впоследствии епископ Куско, вышел вперед со своим требником, или, как говорят другие источники, Библией, в одной руке и распятием в другой, и, подойдя к инке, сказал ему, что он прибыл по приказу своего командира, чтобы изложить ему доктрины истинной веры, с целью которых испанцы пришли издалека в его страну. Затем монах объяснил, насколько мог, таинственное учение о Троице и, поднявшись высоко в своем изложении, начал с сотворения

человека, затем перешел к его падению, к его последующему искуплению Иисусом Христом, к распятию и вознесению, когда Спаситель оставил апостола Петра своим наместником на земле. Эта власть была передана преемникам Апостола, добрым и мудрым людям, которые под титулом пап обладали властью над всеми силами и властителями на земле. Один из последних из этих пап поручил испанскому императору, самому могущественному монарху в мире, покорить и обратить в свою веру туземцев в этом западном полушарии; и его генерал, Франсиско Писарро, теперь прибыл, чтобы выполнить эту важную миссию. В заключение монах умолял перуанского монарха принять его по-доброму; отречься от заблуждений своей собственной веры и принять предложенную ему веру христиан, единственную, с помощью которой он мог надеяться на спасение; и, более того, признать себя данником императора Карла Пятого, который в этом случае помог бы и защитил его как своего верного вассала.¹⁶

Можно усомниться в том, владел ли Атауальпа каждым звеном в любопытной цепи аргументации, с помощью которой монах связал Писарро со святым Петром. Несомненно, однако, что у него, должно быть, были очень неправильные представления о Троице, если, как утверждает Гарсиласо, переводчик Фелипильо объяснил это, сказав, что "христиане верили в трех Богов и одного Бога, а их было четверо".¹⁷ Но нет сомнения, что он прекрасно понимал, что цель беседы заключалась в том, чтобы убедить его сложить свой скипетр и признать верховенство другого.

Глаза индийского монарха вспыхнули огнем, и его темный лоб стал еще темнее, когда он ответил: "Я не буду ничьим данником. Я более велик, чем любой принц на земле. Ваш император, возможно, великий принц; я не сомневаюсь в этом, когда вижу, что он отправил своих подданных так далеко за океан; и я готов относиться к нему как к брату. Что касается Папы, о котором вы говорите, он, должно быть, сумасшедший, если говорит о раздаче стран, которые ему не принадлежат. Ради своей веры, - продолжил он, - я не изменю ее. Ваш собственный Бог, как вы говорите, был предан смерти теми же людьми, которых он создал. Но мой, - закончил он, указывая на свое Божество, — тогда, увы! погружаясь в славу за горами, "мой Бог все еще живет на небесах и взирает сверху на своих детей" ¹⁸.

Затем он спросил Вальверде, на основании каких полномочий тот сказал все это. Монах указал на книгу, которую держал в руках, как на свой авторитет. Атауальпа, взяв его, с минуту листал страницы, затем, поскольку полученное им предупреждение, вероятно, промелькнуло у него в голове, он яростно отбросил его и воскликнул: "Скажи своим товарищам, что они должны дать мне отчет о своих деяниях на моей земле. Я не уйду отсюда, пока они не принесут мне полного удовлетворения за все совершенные ими обиды"¹⁹.

Монах, сильно возмущенный оскорблением, нанесенным священной книге, задержался только для того, чтобы поднять ее, и, поспешив к Писарро, сообщил ему о том, что было сделано, воскликнув при этом: "Разве ты не видишь, что, пока мы стоим здесь, тратя дыхание на разговоры с этой собакой, какой бы гордой она ни была, поля заполняются индейцами? Приступайте немедленно; я отпускаю вам грехи".²⁰ Писарро увидел, что час пробил. Он взмахнул в воздухе белым шарфом - условленный сигнал. Из крепости прогремел роковой выстрел. Затем, выскочив на площадь, испанский капитан и его сторонники выкрикнули старый боевой клич "Святой Яго и на них". Ответом на это был боевой клич каждого испанца в городе, когда, выбежав из аллей больших залов, в которых они прятались, они хлынули на площадь,

конные и пешие, каждый в своей темной колонне, и бросились в гущу толпы индейцев. Последние, застигнутые врасплох, ошеломленные артиллерийскими залпами и выстрелами из мушкетов, эхо которых подобно грому отражалось от окружающих зданий, и ослепленные дымом, который сернистыми клубами стелился по площади, были охвачены паникой. Они не знали, куда бежать в поисках убежища от надвигающейся гибели. Дворяне и простолюдины — все были растоптаны под яростной атакой кавалерии, которая наносила свои удары направо и налево, не щадя; в то время как их мечи мелькали насквозь. густой мрак вселил смятение в сердца несчастных туземцев, которые теперь впервые увидели коня и его всадника во всем их ужасе. Они не оказали никакого сопротивления, как, впрочем, и оружия, с помощью которого это можно было сделать, у них не было. Все пути к бегству были перекрыты, ибо вход на площадь был завален мертвыми телами людей, погибших в тщетных попытках спастись бегством; и такова была агония выживших под страшным натиском нападавших, что большая группа индейцев в результате судорожной борьбы прорвалась сквозь стену из камня и высохшей глины, которая составляла часть границы площади! Она рухнула, оставив проход более чем в сотню шагов, через который толпы людей теперь пробирались в местность, все еще преследуемые кавалерией, которая, перепрыгивая через упавший мусор, нависла сзади над беглецами, нанося им удары во всех направлениях.²¹

Между тем битва, или, скорее, резня, продолжалась с жаром вокруг инки, личность которого была главным объектом нападения. Его верные дворяне, сплотившись вокруг него, преградили путь нападавшим и пытались, выбив их из седел или, по крайней мере, подставив собственную грудь в знак мести, защитить своего любимого господина. Некоторые авторитетные источники утверждают, что они носили оружие, скрытое под одеждой. Если так, то это им мало помогло, поскольку не утверждается, что они им пользовались. Но самое пугливое животное будет защищаться, когда его загонят в угол. То, что в данном случае они этого не сделали, является доказательством того, что у них не было оружия для применения.²² И все же они продолжали оттеснять кавалеристов, цепляясь за своих лошадей предсмертной хваткой, и, когда один был убит, другой занял место своего павшего товарища с поистине впечатляющей преданностью.

Индийский монарх, ошеломленный и сбитый с толку, видел, как его верные подданные падают вокруг него, не вполне понимая своего положения. Носилки, на которых он ехал, раскачивались взад и вперед, когда могучая толпа раскачивалась взад и вперед; и он смотрел на ошеломляющие руины, подобно какому-нибудь несчастному моряку, которого швыряет в своей барке разъяренная стихия, видит вспышку молнии и слышит раскаты грома вокруг него с сознанием, что он ничего не может сделать, чтобы предотвратить свою участь. Наконец, утомленные работой по разрушению, испанцы, по мере того как сгущались сумерки, испугались, что королевская награда, в конце концов, может ускользнуть от них; и некоторые из кавалеристов предприняли отчаянную попытку немедленно положить конец стычке, лишив жизни Атауальпу. Но Писарро, находившийся ближе всех к нему, громко крикнул: "Пусть никто, кто дорожит своей жизнью, не нападает на инку"; ²³ и, протянув руку, чтобы заслонить его, получил рану в руку от одного из своих людей — единственную рану, полученную испанцем в бою.²⁴

Борьба вокруг королевских носилок теперь стала ожесточеннее, чем когда-либо. Она раскачивалась все больше и больше, и, наконец, несколько дворян, поддерживавших ее, были убиты, она опрокинулась, и индийский принц с силой рухнул бы на землю, если бы его падение не было остановлено усилиями Писарро и еще нескольких кавалеристов, которые подхватили

его на руки. Императорская борла была немедленно снята с его виска солдатом по имени Эстете, 25 лет, несчастный монарх, находящийся под надежной охраной, был переведен в соседнее здание, где его тщательно охраняли.

Теперь прекратились все попытки сопротивления. Судьба инки вскоре распространилась по городам и деревням. Очарование, которое могло бы объединить перуанцев, рассеялось. Каждый человек думал только о своей собственной безопасности. Даже солдаты, стоявшие лагерем на соседних полях, подняли тревогу и, узнав роковую весть, бросились враспынную, опережая своих преследователей, которые в пылу триумфа не проявляли ни капли милосердия. Наконец ночь, более жалкая, чем человек, накинула свой дружеский покров на беглецов, и рассеянные войска Писарро снова сплотились при звуке трубы на окровавленной площади Кашамальки.

Число убитых сообщается, как обычно, с большими расхождениями. Секретарь Писарро говорит, что погибло две тысячи туземцев.²⁶ Потомок инков — более надежный авторитет, чем Гарсиласо, — увеличивает это число до десяти тысяч.²⁷ Истина обычно находится где-то между крайностями. Бойня была непрекращающейся, потому что не было ничего, что могло бы ее остановить. То, что не должно было быть сопротивлением, не покажется странным, если мы примем во внимание тот факт, что несчастные жертвы были безоружны и что их чувства, должно быть, были полностью подавлены странным и ужасающим зрелищем, которое обрушилось на них так неожиданно. "Что удивительного в том, — сказал древний инка испанцу, который повторил это, — что удивительного в том, что наши соотечественники потеряли рассудок, увидев, как кровь льется рекой, а Инка, личность которого мы все боготворим, схвачен и унесен горсткой людей?"²⁸ И все же, хотя резня была непрекращающейся, она была непродолжительной. Все время, потраченное на это, короткие тропические сумерки, не намного превышали получаса; действительно, короткий период, но достаточно долгий, чтобы решить судьбу Перу и свергнуть династию инков.

В ту ночь Писарро выполнил свое обещание перед инкой, поскольку у него был Атауальпа, чтобы поужинать с ним. Пир был накрыт в одном из залов, выходящих окнами на большую площадь, которая несколько часов назад была ареной резни и мостовая которой все еще была усеяна мертвыми телами подданных инки. Пленный монарх был помещен рядом со своим завоевателем. Он казался человеком, который еще не до конца осознал масштабы постигшего его бедствия. Если он и осознал, то проявил удивительную силу духа. "Это удача войны", — сказал он.²⁹ И, если мы можем доверять испанцам, он выразил свое восхищение ловкостью, с которой они ухитрились заманить его в ловушку среди его собственных войск.³⁰ Он добавил, что был ознакомлен с продвижением белых людей с момента их высадки; но что он был вынужден недооценивать их силы из-за незначительности их численности. Он не сомневался, что сможет легко одолеть их, когда они придут в Кашамалку, благодаря своей превосходящей силе; и поскольку он хотел сам увидеть, что это за люди, он позволил им перейти горы, намереваясь отобрать тех, кого он выберет для своей службы, и, завладев их прекрасным оружием и лошадьми, предать остальных смерти.³¹

То, что такова могла быть цель Атауальпы, не является невероятным. Это объясняет его поведение, когда он не занял горные перевалы, которые представляли собой такие сильные точки защиты от вторжения. Но то, что принц, столь проникательный, каким его представляют по общим свидетельствам Завоевателей, мог столь невежливо раскрыть свои скрытые мотивы,

не столь вероятно. Общение с инкой осуществлялось главным образом с помощью переводчика Фелипильо, или маленького Филиппа, как его называли по его вымышленному христианскому имени, - злобного юноши, как оказалось, не питавшего добрых чувств к Атауальпе, и чьи толкования с готовностью принимались Завоевателями, стремившимися найти какой-нибудь предлог для своих кровавых расправ.

Атауальпе, как отмечалось в других источниках, в то время было около тридцати лет. Он был хорошо сложен и более крепок, чем обычно у его соотечественников. У него была большая голова, а лицо можно было бы назвать красивым, но налитые кровью глаза придавали его чертам свирепое выражение. Он был обдуман в речи, серьезен в манерах и по отношению к своему собственному народу строг даже до суровости; хотя с испанцами он проявлял себя приветливо, иногда даже позволял себе веселые выходки.³²

Писарро уделял все внимание своему царственному пленнику и старался рассеять, если не мог, уныние, которое, несмотря на его напускную невозмутимость, нависло над челом монарха. Он умолял его не падать духом из-за неудач, ибо его участь была такой же, как у каждого принца, оказавшего сопротивление белым людям. Они пришли в страну, чтобы провозглашать Евангелие, религию Иисуса Христа; и неудивительно, что они одержали победу, когда над ними был Его щит. Небеса допустили, чтобы гордость Атауальпы была смирена из-за его враждебных намерений по отношению к испанцам и оскорблений, которые он нанес священной книге. Но он призвал инку набраться мужества и довериться ему, ибо испанцы были великодушной расой, сражавшейся только с теми, кто воевал против них, и проявлявшей милосердие ко всем, кто подчинялся! ³³. Атауальпа, возможно, счел резню того дня безразличным комментарием к этой хваленой мягкости.

Прежде чем удалиться на ночь, Писарро кратко рассказал своим войскам об их нынешнем положении. Убедившись, что ни один человек не ранен, он велел им вознести благодарственные молитвы Провидению за столь великое чудо; без его заботы они никогда не смогли бы так легко одержать победу над полчищами своих врагов; и он верил, что их жизни были сохранены для еще более великих свершений. Но если они хотели добиться успеха, им предстояло многое сделать самим. Они находились в сердце могущественного королевства, окруженные врагами, глубоко привязанными к своему собственному суверену. Поэтому они должны быть всегда настороже и быть готовыми в любой час быть разбуженными ото сна звуком трубы.³⁴ Затем, расставив своих часовых, выставив сильную охрану у апартаментов Атауальпы и приняв все предосторожности, присущие осторожному командиру, Писарро удалился отдыхать; и если бы он действительно мог чувствовать, что в кровавых сценах прошедшего дня он сражался только честным Крестным боем, он, несомненно, спал бы крепче, чем в ночь, предшествовавшую захвату инки.

На следующее утро первым приказом испанского вождя было очистить город от нечистот, а пленным, которых в лагере было много, поручили убрать мертвых и достойно похоронить их. Его следующей заботой было отправить отряд численностью около тридцати всадников в помещения, недавно занятые Атауальпой в банях, завладеть добычей и рассеять остатки перуанских войск, которые все еще оставались там.

Около полудня отряд, который он выделил для этой службы, вернулся с большим отрядом индейцев, мужчин и женщин, среди последних было много жен и слуг инки. Испанцы не встретили сопротивления, поскольку перуанские воины, хотя и превосходили их числом, были

превосходно вооружены и состояли в основном из здоровых молодых людей, — поскольку большая часть опытных войск находилась с генералами инки на юге, — пали духом с момента пленения своего государя. Не было вождя, который занял бы его место; ибо они не признавали никакой власти, кроме власти Дитя Солнца, и, казалось, их удерживали какие-то невидимые чары рядом с местом его заключения; в то время как они с суеверным благоговением взирали на белых людей, которые смогли осуществить столь дерзкое предприятие.³⁵

Число пленных индейцев было так велико, что некоторые из завоевателей выступали за то, чтобы предать их всех смерти или, по крайней мере, отрубить им руки, чтобы лишить их возможности совершать акты насилия и вселить ужас в их соотечественников.³⁶ Предложение, несомненно, исходило от самых низких и свирепых солдат. Но то, что оно вообще должно было быть сделано, показывает, какие материалы входили в состав отряда Писарро. Вождь сразу отверг это, как не менее невежливое, чем бесчеловечное, и отпустил индейцев по домам, заверив, что никто не пострадает из тех, кто не окажет сопротивления белым людям. Однако для обслуживания завоевателей было оставлено достаточное количество воинов, которые были настолько хорошо обеспечены в этом отношении, что самого простого солдата сопровождала свита слуг, которая больше подошла бы для дворянского сословия.³⁷

Испанцы обнаружили по соседству с банями огромные стада лам под присмотром своих пастухов, предназначенных для употребления придворными. Многим из них теперь пришлось скитаться по своим родным горам, хотя Писарро распорядился оставить значительное количество для использования в армии. И это было немалое количество, если, как говорит один из Завоевателей, за день часто забивали сто пятьдесят перуанских овец.³⁸ Действительно, испанцы были настолько неосмотрительны в уничтожении этих животных, что через несколько лет великолепные стада, с такой заботой выращиваемые перуанским правительством, почти исчезли с земли.³⁹

Отряд, посланный разграбить увеселительный дом инки, привез богатую добычу в золоте и серебре, состоявшую главным образом из посуды для королевского стола, которая сильно поразила испанцев своими размерами и весом. Они, а также несколько крупных изумрудов, добытых там, вместе с драгоценной добычей, найденной на телах индийских дворян, погибших во время резни, были помещены в безопасное место для последующего раздела. В городе Кашамалка военнослужащие также обнаружили склады с товарами, как хлопчатобумажными, так и шерстяными, намного превосходящими все, что они видели, по тонкости текстуры и мастерству смешивания различных цветов. Они были навалены от полов до самых крыш зданий, и в таком количестве, что после того, как каждый солдат обеспечил себя всем, что хотел, это не привело к существенному уменьшению общего количества.⁴⁰

Теперь Писарро с радостью направил бы свой марш на перуанскую столицу. Но расстояние было велико, а его силы невелики. Этому, должно быть, еще больше мешала охрана, необходимая для инки, и вождь боялся глубже увязнуть во враждебной империи, такой густонаселенной и могущественной, имея в своем распоряжении столь ценную добычу. Поэтому он с большим беспокойством ожидал подкреплений из колоний и отправил курьера в Сан-Мигель, чтобы сообщить тамошним испанцам о своих недавних успехах и выяснить, не прибыло ли что-нибудь из Панамы. Тем временем он нанял своих людей, чтобы превратить Кашамалку в более подходящее место жительства для христианского воинства, возведя церковь или, возможно, приспособив для этого какое-нибудь индийское здание, в котором

отцы-доминиканцы регулярно с большой торжественностью служили мессу. Полуразрушенные стены города также были восстановлены более основательно, чем раньше, и вскоре все следы урагана, который так недавно пронесся над ним, были стерты.

Это было незадолго до того, как Атауальпа обнаружил, среди всей демонстрации религиозного рвения своих Завоевателей, скрытый аппетит, более мощный в груди большинства из них, чем религия или честолюбие. Это была любовь к золоту. Он решил воспользоваться им, чтобы обеспечить себе свободу. Критическое положение его дел делало важным, чтобы это не откладывалось надолго. Его брат Уаскар с момента своего поражения содержался под стражей как пленник, подчиняясь приказу победителя. Сейчас он находился в Андамарке, недалеко от Кашамалки; и Атауальпа не без оснований опасался, что, когда станет известно о его собственном заключении, Уаскару будет легко подкупить своих охранников, совершить побег и встать во главе оспариваемой империи, не имея соперника, способного оспорить это.

Поэтому в надежде достичь своей цели, воззвав к алчности своих надзирателей, он однажды сказал Писарро, что, если тот освободит его, он возьмет на себя обязательство покрыть золотом пол помещения, в котором они стояли. Присутствующие слушали с недоверчивой улыбкой; и, поскольку Инка не получил ответа, он сказал с некоторым нажимом, что "он не просто устелит пол, но наполнит комнату золотом так высоко, как только сможет дотянуться"; и, встав на цыпочки, он протянул руку к стене. Все уставились на него с изумлением; они сочли это безумным бахвальством человека, слишком стремящегося обрести свободу, чтобы взвешивать значение своих слов. И все же Писарро был крайне озадачен. По мере того как он продвигался вглубь страны, многое из того, что он видел, и все, что он слышал, подтверждало сначала полученные ошеломляющие сообщения о богатствах Перу. Сам Атауальпа дал ему самую яркую картину богатства столицы, где крыши храмов были покрыты золотом, стены увешаны гобеленами, а полы выложены плиткой из того же драгоценного металла. Для всего этого должен быть какой-то фундамент. Во всяком случае, было безопасно согласиться на предложение инки, поскольку, поступив таким образом, он мог сразу собрать все золото, имевшееся в его распоряжении, и таким образом предотвратить его хищение или припрятывание туземцами. Поэтому он согласился с предложением Атауальпы и, проведя красную линию вдоль стены на высоте, указанной инкой, распорядился, чтобы условия предложения были должным образом зафиксированы нотариусом. Квартира была примерно семнадцати футов в ширину и двадцати двух футов в длину, а линия вдоль стен проходила на высоте девяти футов от пола.⁴¹ Это пространство должно было быть заполнено золотом; но подразумевалось, что золото не должно было быть переплавлено в слитки, а должно было сохранить первоначальную форму изделий, в которые оно было изготовлено, чтобы инки могли воспользоваться занимаемым ими пространством. Далее он согласился аналогичным образом заполнить серебром соседнюю комнату меньших размеров в два раза больше; и ему потребовалось два месяца, чтобы выполнить все это.⁴²

Как только это было сделано, инка отправил курьеров в Куско и другие важные места королевства с приказом убрать золотые украшения и утварь из королевских дворцов, храмов и других общественных зданий и без потери времени перевезти их в Кашамалку. Тем временем он продолжал жить в испанских кварталах, где к нему относились с уважением, подобающим его рангу, и пользовался всей свободой, которая была совместима с безопасностью его личности. Хотя ему не разрешалось выезжать за границу, его конечности были свободны от кандалов, и он находился в пределах своих собственных апартаментов под ревнивым наблюдением охранника,

который слишком хорошо знал ценность царственного пленника, чтобы пренебрегать им. Ему было позволено общество его любимых жен, и Писарро позаботился о том, чтобы не нарушалось его домашнее уединение. Его подданные имели свободный доступ к своему государю, и каждый день его навещали индийские вельможи, которые приносили подарки и выражали соболезнования своему несчастному хозяину. В таких случаях самые могущественные из этих великих вассалов никогда не осмеливались предстать перед ним, не сняв предварительно сандалий и не взвалив ношу на спину в знак почтения. Испанцы с любопытством взирали на эти акты почтения или, скорее, рабской покорности, с одной стороны, и на вид совершенного безразличия, с которым они были приняты, как нечто само собой разумеющееся, с другой; и у них сложилось высокое представление о характере принца, который даже в своем нынешнем беспомощном состоянии мог внушать своим подданным такое чувство благоговения. На королевской церемонии прощания присутствовало так много людей, и его вассалы проявили такую преданность пленному монарху, что в конце концов не преминули вызвать некоторое чувство недоверия у его стражей.⁴³

Писарро не пренебрег предоставленной ему возможностью донести истины откровения до своего пленника, и как он, так и его капеллан, отец Вальверде, трудились над одним и тем же благим делом. Атауальпа слушал со спокойствием и очевидным вниманием. Но ничто, казалось, не взволновало его так сильно, как аргумент, которым военная полемика завершила его выступление, — что Атауальпа не мог быть истинным Богом, которому поклонялся, поскольку он позволил ему попасть в руки своих врагов. Несчастный монарх согласился с силой этого, признав, что его Божество действительно покинуло его в крайней нужде.⁴⁴

Однако его поведение по отношению к своему брату Уаскару в то время слишком ясно доказывает, что, какое бы уважение он ни проявлял к учителям, доктрины христианства не произвели особого впечатления на его сердце. Как только Уаскару сообщили о поимке его соперника и о большом выкупе, который он предложил за его освобождение, он, как и предвидел последний, приложил все усилия, чтобы вернуть себе свободу, и отправил или попытался отправить сообщение испанскому командующему, что он заплатит гораздо больший выкуп, чем тот, который обещал Атауальпа, который, никогда не проживавший в Куско, не знал о количестве сокровищ там и о том, где они были спрятаны.

Сведения обо всем этом были тайно сообщены Атауальпе людьми, которые отвечали за его брата; и его ревность, вызванная таким образом, еще больше усилилась после заявления Писарро, что он намеревается доставить Уаскара в Кашамалку, где он сам разберется в споре и определит, кто из двоих больше других претендует на скипетр инков. Писарро с самого начала осознал преимущества соревнования, которое позволило бы ему, бросив свой меч на чашу весов, которую он предпочитал, добиться перевеса. Партия, взявшая в свои руки скипетр благодаря его выдвижению, отныне будет инструментом в его руках, с помощью которого он сможет доставлять ему удовольствие более эффективно, чем он сам мог бы это делать от своего имени. Как известно каждому читателю, в эту игру играл Эдуард Первый в делах Шотландии и многие монархи, как до, так и после, — и хотя их примеры, возможно, были неизвестны неграмотному солдату, Писарро был слишком проницателен, чтобы требовать, по крайней мере в этом вопросе, обращения к учению истории.

Атауальпа был очень встревожен решимостью испанского командующего довести до его сведения тяжбу между соперничающими кандидатами; поскольку он опасался, что независимо

от существа дела решение, скорее всего, будет вынесено в пользу Уаскара, чей мягкий и податливый характер сделает его удобным орудием в руках его завоевателей. Без дальнейших колебаний он решил навсегда устранить эту причину ревности смертью своего брата.

Его приказ был немедленно выполнен, и несчастный принц был утоплен, как обычно сообщалось, в реке Андамарка, заявив на последнем издыхании, что белые люди отомстят за его убийство и что его соперник ненадолго переживет его.⁴⁵ Так погиб несчастный Уаскар, законный наследник трона инков, на заре жизни и в начале своего правления; однако это правление было достаточно долгим, чтобы проявить многие превосходные и приятные качества, хотя по натуре он был слишком мягким, чтобы справиться со смелым и свирепым нравом своего брата. Таков его портрет, который мы имеем от индийских и кастильских хронистов, хотя первые, следует добавить, были родственниками Уаскара, а вторые определенно не питали добрых чувств к Атауальпе.⁴⁶

Этот принц воспринял известие о смерти Уаскара со всеми признаками удивления и негодования. Он немедленно послал за Писарро и сообщил ему о случившемся с выражением глубочайшей скорби. Испанский военачальник сначала отказался поверить неприятному известию и прямо сказал инке, что его брат не мог быть мертв и что он должен отвечать за свою жизнь.⁴⁷ На это Атауальпа ответил новыми заверениями в этом факте, добавив, что преступление было совершено без его ведома стражниками Уаскара, опасавшимися, что он может воспользоваться бедами в стране, чтобы совершить побег. Писарро, проведя дальнейшие расспросы, обнаружил, что сообщение о его смерти было слишком правдивым. То, что это должно было быть осуществлено офицерами Атауальпы без его прямого приказа, только показало бы, что, поступив таким образом, они, вероятно, предвосхитили желания своего господина. Преступление, приобретающее в наших глазах более глубокую окраску из—за взаимоотношений сторон, не пользовалось такой же оценкой у инков, в многочисленных семьях которых узы братства, должно быть, были незыблемыми — слишком незыблемыми, чтобы удержать руку деспота от того, чтобы смести любое препятствие, стоявшее на его пути.

Книга 3

Глава 6

Золото прибывает для получения выкупа—Визит в Пачакамак—Разрушение идола—Любимый генерал инки—Жизнь инки в заключении—Поведение посланников в Куско—Прибытие Альмагро

1533

Прошло уже несколько недель с тех пор, как эмиссары Атауальпы были отправлены за золотом и серебром, которые должны были обеспечить выкуп испанцам. Но расстояния были велики, и отдача приходила медленно. По большей части они состояли из массивных кусков пластины, некоторые из которых весили два или три арробаса, что по испанскому обычаю равняется двадцати пяти фунтам. В отдельные дни привозились предметы стоимостью в тридцать или сорок тысяч песо де оро, а иногда и стоимостью в пятьдесят или даже шестьдесят тысяч песо. Жадные глаза Завоевателей злорадствовали при виде сверкающих груд сокровищ, которые перевозились на плечах индийских носильщиков и, после тщательной регистрации, помещались в надежное хранилище под надежной охраной. Теперь они начали верить, что

великолепные обещания инки будут выполнены. Но по мере того, как их алчность обострялась от восхитительной демонстрации богатства, такого, какое они едва осмеливались себе представить, они становились все более алчными и нетерпеливыми. Они не обращали внимания на расстояние и трудности пути и громко возмущались медлительностью, с которой выполнялись королевские приказы. Они даже подозревали Атауальпу в том, что он разработал этот план только для того, чтобы получить предлог для общения со своими подданными в отдаленных местах и действовать как можно медленнее, чтобы выиграть время для осуществления своих планов. Ходили слухи о восстании среди перуанцев, и испанцы опасались какого-то общего и внезапного нападения на их жилые кварталы. Новые приобретения давали им дополнительный повод для беспокойства; подобно скряге, они трепетали среди своих сокровищ.¹

Писарро сообщил своему пленнику о слухах, ходивших среди солдат, назвав в качестве одного из мест, указанных для встречи индейцев, соседний город Гуамачучо. Атауальпа выслушал это с нескрываемым удивлением и с негодованием отверг обвинение как ложное от начала до конца. "Никто из моих подданных, - сказал он, - не осмелился бы появиться с оружием в руках или поднять палец без моего приказа. Я в вашей власти, - продолжал он. Разве моя жизнь не в вашем распоряжении? И что может быть лучшей гарантией моей верности, чем это?" Затем он объяснил испанскому командующему, что расстояния во многих местах очень велики; что в Куско, столицу, хотя сообщение может быть отправлено по почте через череду курьеров за пять дней из Кашамалки, носильщику потребуются недели, чтобы пройти по той же местности с тяжелым грузом за спиной. "Но чтобы вы могли убедиться, что я действую добросовестно, - добавил он, - я хочу, чтобы вы послали кого-нибудь из своих людей в Куско. Я выдам им охранную грамоту, и, оказавшись там, они смогут проследить за исполнением поручения и собственными глазами убедиться, что никаких враждебных действий не предполагается". Это было справедливое предложение, и Писарро, желая получить более точную и достоверную информацию о положении в стране, с радостью им воспользовался.²

Перед отъездом этих эмиссаров генерал отправил своего брата Эрнандо примерно с двадцатью всадниками и небольшим отрядом пехоты в соседний город Гуамачучо, чтобы произвести разведку местности и выяснить, была ли хоть доля правды в сообщении о том, что там собрались вооруженные силы. Эрнандо нашел все спокойным и встретил добрый прием со стороны туземцев. Но прежде чем покинуть это место, он получил еще один приказ от своего брата продолжить свой поход в Пачакамак, город, расположенный на побережье, по крайней мере, в сотне лиг от Кашамалки. Он был освящен на месте великого храма божества с таким именем, которому перуанцы поклонялись как Творцу мира. Говорят, что они обнаружили там алтари, воздвигнутые этому богу при первом посещении страны; и таково было почитание, с которым он встречался у местных жителей, что инки, вместо того чтобы пытаться отменить его поклонение, сочли более благоразумным утвердить его вместе с поклонением своему собственному божеству, Солнцу. Бок о бок два храма возвышались на высотах, возвышавшихся над городом Пачакамак, и процветали за счет подношений своих приверженцев. "Это было хитроумное соглашение, - говорит древний писатель, - с помощью которого великий враг человека обеспечил себе двойной урожай душ" ³.

Но храм Пачакамака продолжал сохранять свое господство; и оракулы, доставленные из его темного и таинственного святилища, пользовались не меньшей репутацией среди туземцев Тавантинсуйу (или "четырёх сторон света", как называли Перу при инках), чем дельфийские

оракулы, полученные среди греков. К священному месту совершались паломничества из самых отдаленных регионов, и город Пачакамак стал для перуанцев тем же, чем Мекка для магометан, или Чолула для жителей Анауака. Святилище божества, обогащенное подношениями паломников, постепенно стало одним из самых богатых в стране; и Атауальпа, стремясь как можно скорее получить выкуп, убедил Писарро послать отряд в том направлении, чтобы заполучить сокровища, прежде чем их спрячут жрецы храма.

Это было довольно трудное путешествие. Две трети маршрута пролегли по плоскогорью Кордильер, время от времени пересекаемому гребнями горного хребта, которые не представляли ни малейшего препятствия для их продвижения. К счастью, большую часть пути они ехали по большой дороге в Куско, и "ничто в христианском мире, - восклицает Эрнандо Писарро, - не сравнится по великолепию с этой дорогой через сьерру".⁴ В некоторых местах скалистые кряжи были настолько крутыми, что для путешественников в них были вырублены ступеньки; и хотя стороны были защищены тяжелыми каменными перилами или парапетами, лошади с большим трудом могли взобраться на них. Дорогу часто пересекали ручьи, через которые были переброшены мосты из дерева, а иногда и из камня; хотя иногда по склонам гор воды низвергались такими яростными потоками, что единственным способом переправиться через них были подвесные мосты из ивняка, в которых испанцы до сих пор не имели большого опыта. Они были прикреплены по обоим берегам к тяжелым каменным контрфорсам. Но поскольку изначально они не были рассчитаны ни на что тяжелее пешего пассажира и ламы, и поскольку на вид они были чрезвычайно хрупкими, испанцы не решались использовать их на своих лошадях. Опыт, однако, вскоре показал, что они способны выдержать гораздо больший вес; и хотя путник, у которого кружилась голова от вибрации длинной аллеи, с замиранием сердца всматривался в поток, бушевавший на глубине ста футов или более под ним, вся кавалерия прошла свой путь без происшествий. Следует отметить, что на этих мостах стояли люди, в обязанности которых входило взимать пошлину для правительства со всех проезжающих.⁵

Испанцы были поражены количеством и величиной стай лам, которые, как они видели, щипали чахлую траву, растущую в возвышенных районах Анд. Иногда они собирались в загонах, но чаще бродили на свободе под присмотром своих индейских пастухов; и теперь завоеватели впервые узнали, что за этими животными ухаживали с такой же заботой, а их миграции так же четко регулировались, как и за огромными стадами мериносов в их собственной стране.⁶

Плоскогорье и его склоны были густо усеяны деревушками и городками, некоторые из них были значительных размеров; и местность во всех направлениях носила следы бережливого ведения хозяйства. Поля индийской кукурузы были видны во всех ее различных стадиях, от зеленого и нежного колоса до желтой спелости во время сбора урожая. Когда они спустились в долины и глубокие ущелья, разделявшие гребни Кордильер, их окружила растительность более теплого климата, которая радовала глаз веселым убранством из тысячи ярких цветов и опьяняла чувства своими ароматами. Повсюду естественные возможности почвы стимулировались продуманной системой орошения, которая черпала питательную влагу из каждого ручья и речушки, сбегавших по склонам Анд; в то время как террасированные склоны гор были покрыты садами и огородами, изобиловавшими плодами различных широт. Испанцы не могли в достаточной мере восхититься трудолюбием, с которым туземцы воспользовались щедростями Природы или восполнили недостаток там, где она действовала более бережливой рукой.

То ли из-за приказов инки, то ли из-за благоговения, которое их достижения распространили по всей стране, Завоевателей принимали в каждом месте, через которое они проезжали, с радушием и гостеприимством. Для них было предоставлено жилье и обильные закуски из хорошо сохранившихся журналов, которые раздавались через определенные промежутки времени по всему маршруту. Во многих городах жители вышли поприветствовать их песнями и танцами; и когда они возобновили свое шествие, было выделено несколько здоровых носильщиков, чтобы нести их багаж.⁷

Наконец, после нескольких недель путешествия, тяжелого даже со всеми этими приспособлениями, Эрнандо Писарро прибыл в город Пачакамак. Это было место со значительным населением, и здания, многие из которых, были основательно построены. Храм божества-покровителя состоял из огромного каменного здания, или, скорее, группы зданий, которые, сгрудившись вокруг конического холма, имели вид скорее крепости, чем религиозного учреждения. Но, хотя стены были каменными, крыша была сделана из легкой соломы, как это обычно бывает в странах, где дожди выпадают редко или вообще не выпадают, и где, следовательно, требуется защита главным образом от солнечных лучей.

Появившись у нижнего входа в храм, Эрнандо Писарро не был допущен стражами портала. Но, воскликнув, что "он зашел слишком далеко, чтобы его могла остановить рука индийского священника", он протиснулся в коридор и, сопровождаемый своими людьми, поднялся по галерее, которая вела к площадке на вершине горы, в одном конце которой стояло нечто вроде часовни. Это было святилище ужасного божества. Дверь была украшена украшениями из хрусталя, бирюзы и кусочков коралла.⁸ И здесь индейцы хотели было отговорить Писарро от вторжения в освященные пределы, но в этот момент удар землетрясения, от которого древние стены задрожали до основания, так встревожил местных жителей, как из отряда самого Писарро, так и местных жителей, что они в смятении бежали, нисколько не сомневаясь, что их разгневанное божество похоронит захватчиков под руинами или поглотит их своими молниями. Но подобный ужас не проникал в сердца Победителей, которые чувствовали, что здесь, по крайней мере, они сражаются добрым подвигом Веры.

Распахнув дверь, вошел Писарро и его спутники. Но вместо зала, сверкающего, как они наивно представляли, золотом и драгоценными камнями, подношениями почитателей Пачакамака, они оказались в маленькой и темной комнатке, или, скорее, берлоге, от пола и стен которой исходили самые отвратительные запахи, похожие на запахи скотобойни. Это было место жертвоприношения. На земле было обнаружено несколько золотых монет и несколько изумрудов, и, когда их глаза привыкли к темноте, они различили в самом отдаленном углу комнаты фигуру божества. Это было неотесанное деревянное чудовище с головой, напоминающей человеческую. Это был бог, устами которого сатана изрекал широко известные предсказания, вводившие в заблуждение его индийских последователей!⁹

Вывав идола из ниши, возмущенные испанцы выволокли его на открытый воздух и там разбили на сотню осколков. Затем место было очищено, и на этом месте был установлен большой крест, сделанный из камня и гипса. Через несколько лет стены храма были снесены испанскими поселенцами, которые нашли там удобную каменоломню для строительства своих собственных зданий. Но крест все еще стоял, раскинув свои широкие руки над руинами. Он стоял там, где был установлен, в самом сердце оплота язычества; и, хотя все вокруг лежало в руинах, он провозглашал постоянные победы Веры.

Простые туземцы, обнаружив, что Небеса не припасли для завоевателей никаких засовов и что их бог бессилен предотвратить осквернение своей святыни, постепенно пришли и выразили свое почтение чужеземцам, на которых они теперь смотрели с чувством суеверного благоговения. Писарро воспользовался этим характером, чтобы, по возможности, отучить их от идолопоклонства; и хотя сам он, по его словам, не был проповедником, он произнес речь, несомненно, столь назидательную, какую можно было ожидать из уст солдата;¹⁰ и, в заключение, он научилих крестному знамени как бесценному талисману, предохраняющему их от будущих козней дьявола.¹¹

Но испанский командующий не был настолько поглощен своими духовными трудами, чтобы не обращать внимания на те мирские заботы, ради которых он прибыл в этот квартал. Теперь он обнаружил, к своему огорчению, что пришел несколько поздно и что жрецы Пачакамака, узнав о его миссии, забрали гораздо большую часть золота и скрылись с ним до его прибытия. Впоследствии было обнаружено некоторое количество захоронений на прилегающей территории.¹² Тем не менее полученная сумма была значительной, немногим дотягивая до восьмидесяти тысяч кастельяно, суммы, которая когда-то считалась бы компенсацией за более тяжелые испытания, чем те, с которыми они столкнулись. Но испанцы были знакомы с золотом, и их воображение, разожженное романтическими приключениями, в которые они были вовлечены в последнее время, рисовало картины, которые все золото Перу вряд ли смогло бы воплотить в жизнь.

Однако один приз, полученный Эрнандо в ходе его экспедиции, послужил ему утешением в связи с потерей его сокровища. Находясь в Пачакамаке, он узнал, что индийский военачальник Чалкучима расположился с большим войском по соседству с Хауксой, довольно укрепленным городом, расположенным на значительном расстоянии среди гор. Этот человек, приходившийся Атауальпе близким родственником, был его самым опытным полководцем и вместе с Кисквизом, находившимся сейчас в Куско, одержал те победы на юге, которые возвели инку на трон. Благодаря своему рождению, своим талантам и большому опыту он не уступал никому из подданных королевства. Писарро осознавал важность обеспечения безопасности своей персоны. Обнаружив, что индийский аристократ отказался встретиться с ним по возвращении, он решил немедленно выступить на Хауксу и захватить вожда в его собственных покоях. Такой план, учитывая огромную разницу в численности, мог показаться отчаянным даже для испанцев. Но успех придавал им такой уверенности, что они едва ли снизошли до подсчета шансов.

Дорога через горы представляла большие трудности, чем на предыдущем марше. Вдобавок к неприятностям кавалерии, подковы их лошадей были изношены, и их копыта сильно страдали на неровной и каменистой земле. Под рукой не было железа, ничего, кроме золота и серебра. В нынешней чрезвычайной ситуации они обратили внимание даже на это; и Писарро приказал подковать лошадей всего отряда серебром - работа была выполнена индийскими кузнецами, и она сработала так хорошо, что в этом драгоценном материале они нашли замену железу на оставшуюся часть марша.¹³

Ксаукса была большим и густонаселенным местом, хотя мы вряд ли поверим утверждению Завоевателей, что на главной площади города обычно собиралось сто тысяч человек.¹⁴ Говорили, что перуанский военачальник с армией в тридцать пять тысяч человек расположился лагерем всего в нескольких милях от города. С некоторым трудом его уговорили на интервью с

Писарро. Последний вежливо обратился к нему и настаивал, чтобы он вернулся вместе с ним в кастильские покои в Кашамальке, представляя это как распоряжение инки. С тех пор как его хозяин был схвачен, Чалкучима не знал, какой курс избрать. Пленение инки таким внезапным и таинственным образом расой существ, которые, казалось, свалились с облаков, да к тому же в самый час его триумфа, совершенно сбило с толку перуанского вождя. У него не было согласованного плана спасения Атауальпы, и, по сути, он не знал, будет ли какое-либо подобное движение приемлемым для него. Теперь он подчинился его приказам и был готов, во всяком случае, лично переговорить со своим государем. Писарро добился своего, не будучи обязанным нанести для этого ни единого удара. Варвар, столкнувшийся с белым человеком, по-видимому, получил бы упрек от его превосходящего гения, точно так же, как говорят, что дикое животное в лесу трепещет перед пристальным взглядом охотника.

Чалкучима прибыл в сопровождении многочисленной свиты. Его несли в паланкине на плечах его вассалов, и, сопровождая испанцев на их обратном пути по стране, он повсюду получал от жителей такое почтение, какое бывает только у любимца монарха. Однако вся эта помпезность исчезла, когда он предстал перед инкой, к которому подошел босиком, в то время как легкая ноша, которую он взял у одного из слуг, была возложена ему на спину. Когда он приблизился, старый воин, воздев руки к небу, воскликнул: "Если бы я был здесь!— тогда бы этого не случилось"; затем, преклонив колени, он поцеловал руки и ноги своего царственного господина и оросил их своими слезами. Атауальпа, со своей стороны, не выказал ни малейших эмоций и не выказал никаких других признаков удовлетворения присутствием своего любимого советника, кроме простого приветствия. Холодное поведение монарха странным образом контрастировало с лояльностью подданного.¹⁵

Ранг инки ставил его на неизмеримое расстояние выше самого гордого из его вассалов; и испанцы неоднократно имели случай восхищаться властью, которую он сохранял над своим народом, даже несмотря на свое нынешнее падение, и благоговением, с которым они относились к нему. Педро Писарро записывает беседу, при которой он присутствовал, между Атауальпой и одним из его высокопоставленных вельмож, который получил разрешение посетить какую-то отдаленную часть страны при условии возвращения к определенному дню. Он был задержан несколько дольше назначенного времени, и, когда вошел в присутствие с небольшим умиловительным подарком для своего государя, его колени затряслись так сильно, что, по словам хрониста, казалось, он вот-вот упадет на землю. Однако его хозяин принял его любезно и отпустил без единого слова упрека¹⁶.

Атауальпа в своем заключении продолжал пользоваться таким же уважительным отношением со стороны испанцев, как и до сих пор. Они научили его играть в кости и более замысловатую игру в шахматы, в которой царственный пленник стал искусен и любил скрашивать этим утомительные часы своего заточения. По отношению к своему собственному народу он, насколько это было возможно, сохранял свое обычное состояние и церемониал. Ему прислуживали его жены и девушки из его гарема, которые, как было принято, прислуживали ему за столом и выполняли другие мелкие обязанности, связанные с его персоной. Группа индийской знати находилась в приходе, но никогда не входила туда без приглашения; а когда они все-таки входили, то подчинялись тем же унижительным церемониям, которые были навязаны величайшему из его подданных. Сервировкой его стола служила золотая и серебряная посуда. Его одежда, которую он часто менял, была сшита из шерсти викунии, выделанной для накидок, такой тонкой, что она напоминала шелк. Иногда он менял их на

мантию из шкур летучих мышей, мягкую и гладкую, как бархат. Вокруг головы он носил ллауту, шерстяной тюрбан или шаль тончайшей фактуры, сбитую в складки различных ярких цветов; и он все еще продолжал повязывать на виски борлу, алые нити которой, смешиваясь с золотыми, спускались так, что частично скрывали его глаза. Образ королевской особы обладал для него очарованием, когда его сущность исчезла. Ни одна одежда или утварь, которые когда-то принадлежали перуанскому монарху, никогда не могли быть использованы кем-либо другим. Когда он отложил его в сторону, его бережно положили в сундук, сохранили специально для этой цели, а затем сожгли. Было бы святотатством применять для вульгарных целей то, что было освящено прикосновением инки.¹⁷

Вскоре после прибытия группы из Пачакамака, во второй половине мая, трое эмиссаров вернулись из Куско. Они были очень успешны в своей миссии. Благодаря приказу инки и тому благоговению, которое белые люди теперь внушали по всей стране, испанцы повсюду встречали радушный прием. Местные жители несли их на плечах в хамаках, или седанах, и, поскольку они проделали весь путь до столицы по великой имперской дороге, по которой через определенные промежутки времени сменялись индийские носильщики, они проделали это путешествие протяженностью более шестисот миль не только без неудобств, но и с самой роскошной легкостью. Они прошли через множество густонаселенных городов и всегда обнаруживали, что простые туземцы склонны почитать их как существа высшей природы. В Куско их встретили народными гуляниями, им было роскошно предоставлено жилье, и они могли удовлетворить все свои нужды благодаря подобострастной преданности жителей.

Их рассказы о столице подтверждали все, что Писарро прежде слышал о богатстве и населении города. Хотя эмиссары пробыли в этом месте больше недели, они не видели его целиком. Великий храм Солнца, который они обнаружили, был буквально покрыт золотыми пластинами. Они вошли внутрь и увидели царственные мумии, каждая в своем тисненном золотом кресле, в одеждах, обильно украшенных орнаментами. У испанцев хватило такта уважать их, как это ранее предписывал инка; но они потребовали, чтобы все тарелки, украшавшие стены, были убраны. Перуанцы крайне неохотно подчинились приказу своего монарха осквернить национальный храм, к которому каждый житель города относился с особой гордостью и почитанием. С меньшей неохотой они помогли завоевателям снять украшения с некоторых других зданий, где, однако, золото, смешанное с большим количеством сплавов, имело гораздо меньшую ценность.¹⁸

Количество пластин, которые они оторвали от храма Солнца, составляло семьсот; и хотя они, вероятно, были небольшой толщины, по размеру их можно сравнить с крышкой сундука шириной в десять-двенадцать дюймов.¹⁹ Здание окружал карниз из чистого золота, но он был так прочно вделан в камень, что, к счастью, не поддавался попыткам разрушителей. Испанцы жаловались на недостаточную расторопность, проявленную индейцами в разрушительной работе, и говорили, что в других частях города есть здания, богатые золотом и серебром, которые им не разрешили увидеть. По правде говоря, их миссия, которая, в лучшем случае, была самой неблагоприятной, стала вдвойне раздражающей из-за того, как они ее выполнили. Эмиссары были людьми очень низкого пошиба, и, возгордившись почестями, оказанными им туземцами, они считали себя имеющими на это право и осуждали бедных индейцев как расу, неизмеримо стоящую ниже европейской. Они не только проявляли самую отвратительную алчность, но и обращались с высшей знатью с беспричинной дерзостью. Говорят, они даже зашли так далеко, что нарушили уединение монастырей и оскорбили религиозные чувства

перуанцев своими скандальными любовными похождениями с Девами Солнца. Жители Куско были настолько взбешены, что наложили бы на них руки, если бы не их обычное почтение к инке, во имя которого испанцы пришли сюда. Как бы то ни было, индейцы собрали столько золота, сколько было необходимо, чтобы удовлетворить своих недостойных посетителей, и избавились от них как можно быстрее.²⁰ Со стороны Писарро было большой ошибкой посылать таких людей. Даже всего компании были люди, которые, как показали другие случаи, обладали некоторым чувством самоуважения, если не уважения к местным жителям.

Гонцы привезли с собой, помимо серебра, полных двести карг, или груд золота.²¹ Это было важным дополнением к пожертвованиям Атауальпы; и, хотя сокровища все еще были значительно ниже предписанной отметки, монарх с удовлетворением видел, что приближается время для завершения его выкупа.

Незадолго до этого произошло событие, изменившее положение испанцев и оказавшее неблагоприятное влияние на судьбу инков. Это было прибытие Альмагро в Кашамалку с сильным подкреплением. Этому вождю после больших усилий удалось снарядить три судна и собрать отряд в сто пятьдесят человек, с которым он отплыл из Панамы во второй половине прошлого года. Во время его путешествия к нему присоединился небольшой дополнительный отряд из Никарагуа, так что вся его численность составила сто пятьдесят пеших и пятьдесят конных человек, хорошо снабженных военным снаряжением. Его судами управлял старый лоцман Руис; но, добравшись до залива Святого Матфея, он медленно пополз вдоль побережья, как обычно сбитый с толку ветрами и течениями и испытывающий все трудности, связанные с этим затянувшимся плаванием. По той или иной причине ему не посчастливилось получить известия о Писарро; и его последователи, большинство из которых были отъявленными авантюристами, были настолько обескуражены, что, прибыв в Пуэрто-Вьехо, они предложили отказаться от экспедиции и немедленно вернуться в Панаму. К счастью, одна из небольших эскадрилий, которую Альмагро отправил в Тумбес, доставила сведения о Писарро и о колонии, которую он основал в Сан-Мигеле. Ободренный этим известием, кавалер возобновил свое путешествие, и, наконец, к концу декабря 1532 года ему удалось благополучно доставить весь свой отряд в испанское поселение.

Там он получил отчет о походе Писарро через горы, захвате им инки и, вскоре после этого, об огромном выкупе, предложенном за его освобождение. Альмагро и его спутники с нескрываемым изумлением выслушали этот рассказ о его компаньоне и о перемене в его судьбе, столь быстрой и чудесной, что она казалась чуть ли не волшебством. В то же время некоторые колонисты предостерегли его не полагаться на власть Писарро, который, как было известно, не питал к нему добрых чувств.

Вскоре после прибытия Альмагро в Сан-Мигель в Кашамалку были отправлены уведомления об этом, и в частной записке от его секретаря Переса Писарро сообщил, что его помощник прибыл не с целью сотрудничества с ним, а с намерением создать независимое правительство. Оба испанских капитана, по-видимому, были окружены подлыми и буйными душами, которые стремились поссорить их друг с другом, несомненно, надеясь найти свой собственный ответ в этом разрыве. Однако на этот раз их злонамеренные махинации провалились.

Писарро был вне себя от радости по поводу прибытия столь значительного подкрепления, которое позволило бы ему испытать судьбу так, как он желал, и продолжить завоевание страны. Он не придавал особого значения сообщению секретаря, поскольку, какой бы ни была

первоначальная цель Альмагро, Писарро знал, что богатство жилы, которую он теперь открыл в этой стране, несомненно, обеспечит его сотрудничество в разработке. Поэтому у него хватило великодушия — ибо есть что-то великодушное в том, чтобы подавить намеки на мелкое соперничество, руководствуясь здоровой политикой, — немедленно послать к своему старому товарищу и пригласить его, со многими заверениями в дружбе, в Кашамалку. Альмагро, отличавшийся откровенностью и беспечностью, воспринял сообщение в том духе, в каком оно было сделано, и, посленекоторой необходимой задержки, направил свой марш в глубь страны. Но перед отъездом из Сан-Мигеля, узнав о предательском поведении своего секретаря, он вознаградил его за измену, повесив на месте.²²

Альмагро добрался до Кашамалки примерно в середине февраля 1533 года. Солдаты Писарро вышли поприветствовать своих соотечественников, и два капитана обняли друг друга со всеми признаками сердечного удовлетворения. Все прошлые разногласия были преданы забвению, и они, казалось, были готовы только помогать друг другу в продолжении блестящей карьеры, которая теперь открывалась перед ними при завоевании империи.

В Кашамальке был один человек, на которого этот приезд испанцев произвел совсем иное впечатление, чем на их собственных соотечественников. Это был инка Атауальпа. Он видел во вновь прибывших лишь новый рой саранчи, готовый поглотить его несчастную страну; и он чувствовал, что, когда вокруг него множатся враги, уменьшаются шансы вернуть себе свободу или сохранить ее, если она будет возвращена. Маленькое обстоятельство, незначительное само по себе, но преувеличенное суеверием до чего-то грозного, произошло в это время и еще больше омрачило его положение.

Несколько солдат увидели в небесах примечательное явление, напоминающее по природе метеор, или, возможно, это была комета, и указали на него Атауальпе. Несколько минут он пристально смотрел на него, а затем с удрученным видом воскликнул, что "похожий знак видели в небе незадолго до смерти его отца Уайны Капака".²³ С этого дня им, казалось, овладела печаль, поскольку он с сомнением и неопределенным страхом смотрел в будущее. Таким образом, в периоды опасности разум, подобно чувствам, становится болезненно обостренным в своем восприятии; и малейшее отклонение от обычного хода природы, которое в обычное время осталось бы незамеченным, суеверному глазу кажется наполненным смыслом, поскольку так или иначе связано с судьбой человека.

Книга 3

Глава 7

Огромное количество сокровищ — Их раздел между войсками — Слухи О восстании — Суд Над инкой — Его казнь — Размышления

1533

Прибытие Альмагро значительно изменило перспективы Писарро, поскольку позволило ему возобновить активные операции и продвигать свои завоевания во внутренних районах страны. Единственным препятствием на его пути был выкуп инки, и испанцы терпеливо ждали, пока по возвращении эмиссаров из Куско сокровища не увеличились до значительной суммы, хотя и все еще ниже оговоренного предела. Но теперь их алчность взяла верх над терпимостью, и они

громко потребовали немедленного раздела золота. Ждать дольше означало бы только спровоцировать нападение их врагов, соблазненных столь привлекательной приманкой. Пока сокровища оставались неисчислимыми, ни один человек не знал ни их ценности, ни того, какая доля достанется ему самому. Лучше было раздать это сразу, и пусть каждый владеет своим и защищает свое собственное. Более того, некоторые из них теперь были склонны вернуться домой и забрать свою долю золота с собой, где они могли бы спрятать его в безопасности. Но таких было немного, в то время как гораздо большая часть стремилась только к тому, чтобы покинуть свои нынешние жилища и немедленно отправиться в Куско. Они думали, что в этой столице их ждет больше золота, чем они могли бы получить здесь, продлив свое пребывание; в то время как каждый час был дорог, чтобы помешать жителям спрятать свои сокровища, о замысле которых они уже сообщили.

Писарро был особенно тронут последним соображением; и он чувствовал, что без столицы он не мог надеяться стать хозяином империи. Без дальнейших проволочек была достигнута договоренность о разделе сокровищ.

Однако, прежде чем изготовить это, необходимо было измельчить все до слитков одинаковой пробы, поскольку добыча состояла из бесконечного разнообразия изделий, в которых золото имело самые разные степени чистоты. Эти изделия состояли из кубков, кувшинов, подносов, ваз всех форм и размеров, украшений и утвари для храмов и королевских дворцов, изразцов и тарелок для украшения общественных зданий, любопытных имитаций различных растений и животных. Среди растений самой красивой была индийская кукуруза, у которой золотой колос был окутан широкими серебряными листьями, с которых свисала богатая кисточка из нитей того же драгоценного металла. Большое восхищение вызвал также фонтан, выбрасывающий вверх сверкающую золотую струю, в то время как птицы и животные из того же материала играли в воде у его основания. Тонкость изготовления некоторых из них, а также красота и изобретательность дизайна вызвали восхищение лучших ценителей, чем грубые завоеватели Перу.¹

Прежде чем разобрать эти образцы индийского искусства, было решено отправить императору определенное количество, которое следовало вычестить из королевской пятой части. Это послужило бы образцом изобретательности туземцев и показало бы ему ценность его завоеваний. Было отобрано несколько самых красивых изделий на сумму в сто тысяч дукатов, и Эрнандо Писарро был назначен их отправителем в Испанию. Он должен был добиться аудиенции у Карла и одновременно с тем, как тот положит перед ним сокровища, рассказать о действиях завоевателей и добиваться дальнейшего увеличения их власти и достоинства.

Ни один человек в армии не подходил для этой миссии лучше по своему обращению и знанию дела, чем Эрнандо Писарро; никто не смог бы с такой вероятностью добиться успеха в его иске при надменном кастильском дворе. Но на данном этапе на его выбор повлияли и другие причины.

Его прежняя ревность к Альмагро все еще терзала его душу, и он наблюдал за прибытием этого вождя в лагерь с чувством отвращения, которое и не пытался скрывать. Он смотрел на него как на пришедшего разделить трофеи победы и лишить своего брата законных почестей. Вместо того чтобы обменяться сердечным приветствием, предложенным Альмагро при их первой встрече, высокомерный кавалер хранил угрюмое молчание. Его брат Франциск был очень недоволен поведением, которое угрожало возобновлением их древней вражды, и он уговорил

Эрнандо сопровождать его в апартаменты Альмагро и как-то отблагодарить за его невежливое поведение.² Но, несмотря на эту демонстрацию примирения, генерал считал, что сейчас представилась благоприятная возможность убрать своего брата с места боевых действий, где его раскольнический дух с лихвой компенсировал его выдающиеся заслуги.³

Перековка пластины была поручена индийским ювелирам, которым, таким образом, пришлось переделывать работу своих рук, они трудились день и ночь, но на переделку требовалось такое количество, что на это уходил целый месяц. Когда все было разложено на слитки единого стандарта, они были тщательно взвешены под наблюдением королевских инспекторов. Было установлено, что общее количество золота составило один миллион триста двадцать шесть тысяч пятьсот тридцать девять песо де oro, что, с учетом большей ценности денег в шестнадцатом веке, вероятно, в настоящее время эквивалентно почти трем с половиной миллионам фунтов стерлингов, или несколько меньше пятнадцати с половиной миллионов долларов.⁴ Количество серебра было оценено в пятьдесят одну тысячу шестьсот десять марок. История не знает аналогов тому, чтобы такая добыча — и к тому же в наиболее конвертируемой форме, в виде наличных денег, так сказать, — выпала на долю небольшой группы военных авантюристов, подобных Завоевателям Перу. Главной целью испанских экспедиций в Новый Свет было золото. Замечательно, что их успех был столь полным. Если бы они пошли по следу англичан, французов или голландцев на берегах северного континента, насколько иным был бы результат! Столь же достойно замечания, что богатство, внезапно приобретенное таким образом, отвлекая их от медленных, но более надежных и постоянных источников национального процветания, в конце концов ускользнуло из их рук и оставило их среди беднейших наций христианского мира.

Теперь возникла новая трудность в отношении раздела сокровищ. Последователи Альмагро утверждали, что им была предоставлена его доля, что, поскольку они равнялись и даже несколько превосходили числом компанию Писарро, весьма существенно уменьшило бы доходы этих последних. "Нас, правда, здесь не было, — говорили солдаты Альмагро своим товарищам, — при захвате инки, но мы, в свою очередь, охраняли его с момента его захвата, помогли вам защитить ваши сокровища, а теперь даем вам средства продвигаться вперед и закреплять ваши завоевания. Это общее дело, — настаивали они, — в котором все участвуют в равной степени, и достижения должны быть разделены между нами поровну".

Но такой взгляд на дело был совсем не по душе компании Писарро, которая утверждала, что контракт Атауальпы был заключен исключительно с ними; что они схватили инку, добились выкупа, короче говоря, взяли на себя весь риск предприятия и теперь не были расположены делиться его плодами с каждым, кто придет после них. Нельзя было отрицать, что в этом рассуждении было много силы, и в конце концов лидеры договорились, что последователи Альмагро должны отказаться от своих притязаний за оговоренную небольшую сумму и заняться карьерой, которая теперь открывалась перед ними, чтобы сколотить состояние для себя.

Когда это деликатное дело было таким образом гармонично налажено, Писарро со всей торжественностью подготовился к разделу императорской добычи. Войска были созваны на большую площадь, и испанский командующий, "со страхом Божиим перед глазами", говорится в отчете, "воззвал к помощи Небес, чтобы выполнить порученную ему работу добросовестно и справедливо".⁵ Этот призыв может показаться несколько неуместным при распределении добычи, столь несправедливо нажитой; однако, по правде говоря, учитывая величину сокровищ и

власть, полученную Писарро, распределять их в соответствии с соответствующими заслугами отдельных лиц, в его жизни было немного поступков, влекущих за собой более тяжелую ответственность. Можно сказать, что от его нынешнего решения зависит будущее состояние каждого из его последователей — бедность или независимость до конца его дней.

Сначала была вычтена пятая королевская сумма, включая денежный перевод, уже отправленный в Испанию. Доля, присвоенная Писарро, составила пятьдесят семь тысяч двести двадцать два песо золотом и две тысячи триста пятьдесят марок серебром. Кроме того, у него было большое кресло или трон инков из чистого золота, оцененный в двадцать пять тысяч песо де оро. Его брату Эрнандо было выплачено тридцать одна тысяча восемьдесят песо золотом и две тысячи триста пятьдесят марок серебром. Де Сото получил семнадцать тысяч семьсот сорок песо золотом и семьсот двадцать четыре марки серебром. Большая часть оставшейся кавалерии, числом шестьдесят человек, получила каждый по восемь тысяч восемьсот восемьдесят песо золотом и триста шестьдесят две марки серебром, хотя у некоторых было больше, а у некоторых значительно меньше. Пехота насчитывала всего сто пять человек. Почти пятая часть из них получила каждому по четыре тысячи четыреста сорок песо золотом и сто восемьдесят марок серебром - половину вознаграждения солдат. Остальные получили на четверть меньше; хотя и здесь были исключения, и некоторым пришлось довольствоваться гораздо меньшей долей добычи.⁶

Новая церковь Сан-Франциско, первый христианский храм в Перу, была награждена двумя тысячами двумястами двадцатью песо золотом. Сумма, выделенная компании Альмагро, не была чрезмерной, если не превышала двадцати тысяч песо; ⁷ а сумма, зарезервированная для колонистов Сан-Мигеля, которая составляла всего пятнадцать тысяч песо, была необъяснимо мала.⁸ Среди них было несколько солдат, которые в начале экспедиции, как читатель, возможно, помнит, отказались от похода и вернулись в Сан-Мигель. Они, конечно, не имели особых прав на то, чтобы о них помнили при разделе добычи. Но большая часть колонии состояла из инвалидов, мужчин, чье здоровье было подорвано предыдущими лишениями, но которые все еще с твердым и готовым сердцем несли хорошую службу на своем военном посту на морском побережье. На каком основании они отказались от своих претензий на более солидное вознаграждение, объяснить нелегко.

При разделе ничего не говорится о самом Альмагро, который, по условиям первоначального контракта, мог претендовать на равную долю добычи со своим компаньоном. Так же мало внимания уделяется Луке, оставшемуся партнеру. Сам Луке, действительно, больше не пользовался мирскими сокровищами. Он умер незадолго до отъезда Альмагро из Панамы; ⁹ слишком рано, чтобы узнать о полном успехе предприятия, которое, если бы не его усилия, должно было провалиться; слишком рано, чтобы познакомиться с достижениями и преступлениями Писарро. Но лицензиат Эспиноза, которого он представлял и который, по-видимому, выделил средства на экспедицию, все еще жил в Сан-Доминго, и претензии Луке были недвусмысленно переданы ему. Тем не менее, по прошествии такого времени небезопасно высказываться на основании простого отрицательного свидетельства; и следует признать, что для формирования сильного предположения в пользу общей справедливости Писарро в распределении средств до нас не дошло ни одной жалобы на это ни от одной из присутствующих сторон, ни от современных хронистов.¹⁰

Когда испанцы завершили раздел выкупа, казалось, больше не было препятствий для возобновления ими активных действий и начала марша в Куско. Но что было делать с Атауальпой? При решении этого вопроса все, что было целесообразно, было справедливым.¹¹ Освободить его означало бы выпустить на свободу того самого человека, который мог оказаться их самым опасным врагом; того, чье происхождение и королевское положение сплотят вокруг себя всю нацию, отдадут под его контроль всю правительственную машину и все ее ресурсы, — короче говоря, того, чье простое слово могло бы сосредоточить всю энергию его народа против испанцев и таким образом отсрочить на длительный период, если не полное поражение, завоевание страны. И все же удерживать его в плену было сопряжено с едва ли меньшими трудностями; поскольку охрана столь важной добычи потребовала бы такого разделения их сил, которое сильно подрывало бы их мощь, и как они могли ожидать, проявив хоть какую-то бдительность, обезопасить своего пленника от спасения на опасных горных перевалах?

Теперь сам Инка громко требовал своей свободы. Предложенная сумма выкупа действительно не была выплачена полностью. Можно сомневаться, что это когда-либо произошло бы, учитывая затруднения, возникшие на пути хранителей храмов, которые, казалось, были склонны хранить сокровища в тайне, а не разорять эти священные хранилища для удовлетворения алчности чужеземцев. Индийскому монарху также не повезло, что большая часть золота, притом самого высокого качества, состояла из плоских пластин или плиток, которые, какими бы ценными они ни были, лежали компактно, что мало способствовало увеличению кучи. Но уже было реализовано огромное количество продукции, и она была бы еще большей, мог бы утверждать инка, если бы не нетерпение испанцев. Во всяком случае, это был великолепный выкуп, какого никогда прежде не платили принцы или властители.

На этих соображениях Атауальпа настаивал на нескольких кавалерах, и особенно на Эрнандо де Сото, который был с ним в более близких отношениях, чем Писарро. Де Сото доложил о требованиях Атауальпы своему лидеру; но последний уклонился от прямого ответа. Он не раскрыл темных целей, над которыми размышлял.¹² Вскоре после этого он приказал нотариусу подготовить документ, в котором полностью освобождал инку от дальнейших обязательств в отношении выкупа. Он приказал публично объявить об этом в лагере, в то же время открыто заявил, что безопасность испанцев требует, чтобы инки оставались в заключении до тех пор, пока к ним не прибудет дополнительное подкрепление.¹³

Тем временем среди солдат начали распространяться старые слухи о спланированном нападении туземцев. Их передавали от одного к другому, с каждым повторением получая что-то новое. Сообщалось, что огромная армия собирается в Кито, на земле рождения Атауальпы, и тридцать тысяч карибов были на пути, чтобы поддержать ее.¹⁴ Первые испанцы довольно беспорядочно расселили карибов по разным частям Америки, поскольку они были окружены особыми ужасами как раса каннибалов.

Проследить происхождение этих слухов было нелегко. В лагере находилось значительное количество индейцев, принадлежавших к партии Уаскара и, конечно, враждебно относившихся к Атауальпе. Но его злейшим врагом был Фелипильо, переводчик из Тумбеса, уже упомянутый на этих страницах. Этот юноша воспыал страстью или, как говорят некоторые, был уличен в интриге с одной из королевских наложниц.¹⁵ Это обстоятельство достигло ушей Атауальпы, который почувствовал себя глубоко возмущенным этим. "То, что такое оскорбление было нанесено столь низким человеком, было унижением, - сказал он, - которое вынести труднее,

чем его тюремное заключение"16; и он сказал Писарро, "что по перуанскому закону оно может быть искуплено не только смертью преступника, но и смертью всей его семьи и родни". 17 Но Фелипильо был слишком важен для испанцев, чтобы с ним поступили так просто; и они, вероятно, не придавали такого значения преступлению, которое, если верить слухам, они одобряли своим собственным примером.18 Однако Фелипильо вскоре узнал о чувствах инки к самому себе и с этого момента стал относиться к нему со смертельной ненавистью. К несчастью, его злобный нрав нашел готовые средства для своего проявления.

Слухи о восстании среди местных жителей указывали на Атауальпу как на его зачинщика. Чаллукима был допрошен по этому поводу, но признал свое полное незнание какого-либо подобного замысла, что он назвал злонамеренной клеветой. Затем Писарро изложил суть дела самому инке, повторив ему ходившие истории с видом человека, который им поверил. "Что это за измена, - сказал генерал, - что вы замыслили против меня, — меня, который всегда относился к вам с честью, доверяя вашим словам, как словам брата?" "Ты шутишь", - ответил инка, который, возможно, не чувствовал тяжести этого доверия. "Ты всегда шутишь со мной. Как я или мой народ могли подумать о заговоре против таких доблестных людей, как испанцы? Не шутите со мной так, умоляю вас".19 "Это, - продолжает секретарь Писарро, - он сказал в самой сдержанной и естественной манере, все время улыбаясь, чтобы скрыть свою ложь, так что мы все были поражены, обнаружив такую хитрость в варваре".20

Но Атауальпа говорил так с Писарро не с хитростью, а с сознанием своей невиновности, как показали последующие события. Однако он легко разглядел причины, а возможно, и последствия этого обвинения. Он увидел темную пропасть, разверзшуюся у него под ногами; и он был окружен незнакомцами, ни на кого из которых он не мог положиться за советом или защитой. Жизнь плененного монарха обычно коротка; и Атауальпа, возможно, убедился в этом, когда подумал об Уаскаре. Теперь он горько оплакивал отсутствие Эрнандо Писарро, ибо, как это ни странно, надменный дух этого кавалера был тронут состоянием королевского пленника, и он обращался с ним с почтением, которое снискало ему особое уважение и доверие индейца. Однако последний, не теряя времени, постарался рассеять подозрения генерала и доказать свою невиновность. "Разве я не бедный пленник в ваших руках?" - сказал он Писарро. Как я мог вынашивать замыслы, которые вы мне вменяете, когда я должен был стать первой жертвой вспышки? И вы плохо знаете мой народ, если думаете, что такое перемещение было бы предпринято без моего приказа, когда даже птицы в моих владениях, - сказал он с некоторым преувеличением, - едва ли осмелились бы летать вопреки моей воле"21.

Но эти заверения в невиновности мало подействовали на войска, среди которых рассказ о всеобщем восстании туземцев с каждым часом продолжал набирать обороты. Говорили, что крупные силы уже собраны в Гуамачучо, менее чем в сотне миль от лагеря, и их нападения можно ожидать с часу на час. Сокровище, добытое испанцами, представляло собой заманчивую добычу, и их собственная тревога усилилась из-за опасения потерять его. Патрули были удвоены. Лошади были оседланы и взнузданы. Солдаты спали на руках; Писарро регулярно совершал обход, следя за тем, чтобы каждый часовой был на своем посту. Короче говоря, маленькая армия находилась в состоянии подготовки к немедленной атаке.

Мужчины, страдающие от страха, вряд ли будут слишком щепетильны в отношении средств устранения его причины. Теперь слышался ропот, смешанный с мрачными угрозами в адрес инки, автора этих махинаций. Многие начали требовать его жизни, поскольку это было

необходимо для безопасности армии. Среди них самыми яростными были Альмагро и его последователи. Они не были свидетелями захвата Атауальпы. Они не сочувствовали ему в его падшем состоянии. Они считали его всего лишь обузой, и теперь их желанием было попытаться счастья в этой стране, поскольку золота Кашамалки у них было так мало. Их поддерживали казначей Рикельме и остальные королевские офицеры. Эти люди были оставлены в Сан-Мигеле Писарро, который не хотел, чтобы такие официальные шпионы следили за его передвижениями. Но они пришли в лагерь вместе с Альмагро и громко потребовали смерти инки, как необходимой для спокойствия страны и интересов короны.²²

К этим мрачным предположениям Писарро прислушивался — или казалось, что прислушивался — неохотно, демонстрируя явное нежелание прибегать к крайним мерам по отношению к своему пленнику.²³ Было несколько человек, и среди прочих Эрнандо де Сото, которые поддерживали его в этих взглядах и которые считали такие меры совершенно не оправданными доказательствами вины Атауальпы. При таком положении вещей испанский командующий решил послать небольшой отряд в Гуамачучо, чтобы разведать местность и выяснить, на какой почве ходят слухи о восстании. Де Сото был поставлен во главе экспедиции, которая, поскольку расстояние было невелико, должна была занять всего несколько дней.

После отъезда этого кавалера волнение среди солдат, вместо того чтобы уменьшиться, усилилось до такой степени, что Писарро, не в силах противостоять их настойчивости, согласился немедленно предать Атауальпу суду. Но было прилично и, безусловно, безопаснее иметь форму судебного разбирательства. Был организован суд, на котором два капитана, Писарро и Альмагро, должны были председательствовать в качестве судей. Для судебного преследования от имени короны был назначен генеральный прокурор, а к заключенному был приставлен адвокат.

Выдвинутых против инки обвинений, составленных в форме протоколов допросов, было двенадцать. Наиболее важными из них были то, что он узурпировал корону и убил своего брата Уаскара; что он растратил государственные доходы с момента завоевания страны испанцами и расточал их своим родственникам и приспешникам; что он был виновен в идолопоклонстве и прелюбодеянии, открыто имея несколько жен; наконец, что он пытался поднять восстание против испанцев.²⁴

Эти обвинения, большинство из которых касались национальных обычаев или личных отношений инков, над которыми испанские завоеватели явно не имели юрисдикции, настолько абсурдны, что вполне могли бы вызвать улыбку, если бы не возбуждали более глубокие чувства. Последнее из предъявленных обвинений было единственным важным в таком судебном разбирательстве; и о слабости этого обвинения можно сделать вывод из той осторожности, с которой оно было подкреплено другими. Простого описания предметов, должно быть, было достаточно, чтобы показать, что судьба инки уже предрешена.

Был допрошен ряд свидетелей-индейцев, и их показания, отфильтрованные через интерпретацию Фелипильо, получили, как говорят, при необходимости совершенно иную окраску, чем в оригинале. Допрос вскоре закончился, и "жаркая дискуссия", как нас заверил один из личных секретарей Писарро, "состоялась в отношении вероятного добра или зла, которое могло бы произойти в результате смерти Атауальпы"²⁵. Это был вопрос

целесообразности. Он был признан виновным — во всех ли инкриминируемых преступлениях нам не сообщается, — и приговорен к сожжению заживо на большой площади Кашамальки. Приговор должен был быть приведен в исполнение той же ночью. Они даже не должны были дожидаться возвращения Де Сото, когда информация, которую он привезет, позволит установить истинность или ложность сообщений о восстании туземцев. Было желательно получить одобрение отца Вальверде на это разбирательство, и монаху была представлена копия судебного решения на подпись, которую он дал без колебаний, заявив, что, "по его мнению, инка, во всяком случае, заслуживал смерти" 26.

И все же в том военном конклаве было несколько человек, которые сопротивлялись этим своевольным мерам. Они считали их жалкой расплатой за все милости, оказанные им инкой, который до сих пор не получал от них ничего, кроме зла. Они возражали против доказательств как совершенно недостаточных; и они отрицали полномочия такого трибунала судить суверенного князя в сердце его собственных владений. Если бы его судили, его следовало бы отправить в Испанию, а его дело предстало бы перед императором, который один имел право решать его.

Но подавляющее большинство — а их было десять к одному — отвергло эти возражения, заявив, что нет никаких сомнений в виновности Атауальпы, и они готовы взять на себя ответственность за его наказание. Полный отчет о происходящем будет отправлен в Кастилию, и императору следует сообщить, кто был верными слугами короны, а кто ее врагами. Спор разгорелся так сильно, что какое-то время угрожал открытым и насильственным разрывом; пока, наконец, не убедившись, что сопротивление бесплодно, более слабая сторона, вынужденная замолчать, но не удовлетворенная, удовлетворилась письменным протестом против этого разбирательства, которое оставило бы несмываемое пятно на именах всех, кто в нем участвовал. 27

Когда это предложение было доведено до сведения инки, он был сильно потрясен. Он действительно в течение некоторого времени рассматривал такой вопрос как вероятный, и было слышно, что он намекал на это своим окружением. Но вероятность такого события сильно отличается от его достоверности, да к тому же такой внезапной и стремительной. На мгновение ошеломляющая убежденность в этом лишила его силы, и он воскликнул со слезами на глазах: "Что сделал я или мои дети, что меня постигла такая судьба? И из ваших рук тоже, - сказал он, обращаясь к Писарро. - вы, кто встретил дружбу и доброту моего народа, с кем я делился своими сокровищами, кто не получил из моих рук ничего, кроме благ!" Затем он самым жалобным тоном умолял сохранить ему жизнь, обещая любые гарантии, которые могут потребоваться для безопасности каждого испанца в армии, — обещая удвоить выкуп, который он уже заплатил, если только ему дадут время получить его. 28

Очевидец уверяет нас, что Писарро был явно взволнован, когда отвернулся от инки, к призыву которого не имел сил прислушаться, в противовес голосу армии и своему собственному пониманию того, что необходимо для безопасности страны. 29 Атауальпа, обнаружив, что у него нет сил отвратить своего Завоевателя от его цели, восстановил свое обычное самообладание и с этого момента подчинился своей судьбе с мужеством индейского воина.

Гибель инки была провозглашена звуком трубы на большой площади Кашамальки, и через два часа после захода солнца испанские солдаты собрались при свете факелов на площади, чтобы присутствовать при приведении приговора в исполнение. Это было двадцать девятого августа 1533 года - Атауальпу вывели закованным по рукам и ногам, ибо его держали в кандалах с тех

пор, как в армии воцарилось большое возбуждение в связи с предстоящим нападением. Отец Висенте де Вальверде был рядом с ним, стараясь утешить и, если возможно, убедить его в этот последний час отречься от своих суеверий и принять религию своих Победителей. Он был готов спасти душу своей жертвы от ужасного искупления в загробном мире, которому он с такой радостью вверил свою смертную роль в этом.

Во время заключения Атауальпы монах неоднократно разъяснял ему христианские доктрины, и индийский монарх обнаружил большую остроту в понимании рассуждений своего учителя. Но это не убедило его, и хотя он терпеливо слушал, он не выказал ни малейшего желания отречься от веры своих отцов. Доминиканец обратился к нему с последней просьбой в этот торжественный час; и, когда Атауальпу привязали к столбу, а вокруг него лежали хворост, которым предстояло разжечь его погребальную кучу, Вальверде, подняв крест, умолял его принять его и креститься, обещая, что таким образом мучительная смерть, к которой он был приговорен, будет заменена более мягкой формой удушения — способом наказания путем удушения, применяемым к преступникам в Испании.³⁰

Несчастный монарх спросил, действительно ли это так, и, получив подтверждение от Писарро, согласился отречься от своей религии и принять крещение. Церемонию провел отец Вальверде, и новообращенный получил имя Хуан де Атауальпа — имя Хуан было присвоено в честь Иоанна Крестителя, в день которого произошло это событие.³¹

Атауальпа выразил желание, чтобы его останки были перевезены в Кито, место его рождения, для сохранения вместе с останками его предков по материнской линии. Затем, обратившись к Писарро с последней просьбой, он умолял его сжалиться над его маленькими детьми и принять их под свою защиту. Неужели в этой мрачной компании, мрачно стоявшей вокруг него, не было никого другого, к кому он мог бы обратиться за защитой своего отпрыска? Возможно, он думал, что никто другой не был настолько компетентен, чтобы позволить себе это, и что пожелания, столь торжественно высказанные в тот час, могли бы вызвать уважение даже у его Победителя. Затем, восстановив свое стоическое самообладание, которое на мгновение пошатнулось, он спокойно покорился своей участи, в то время как испанцы, собравшись вокруг, бормотали свои кредо о спасении его души!³² Так смертью подлого злоумышленника погиб последний из инков!

Я уже говорил о личности и качествах Атауальпы. У него было красивое лицо, хотя и с выражением слишком свирепым, чтобы быть приятным. Его фигура была мускулистой и хорошо сложенной, вид - властным, а его поведение в испанских кварталах отличалось некоторой утонченностью, тем более интересной, что в нем чувствовался оттенок меланхолии. Его обвиняют в том, что он был жесток в своих войнах и кровожаден в своей местности.³³ Возможно, это правда, но карандаш врага, скорее всего, перегружал бы тени на портрете. Ему позволено было быть смелым, возвышенным и либеральным.³⁴ Все согласны с тем, что он проявил исключительную проницательность и быстроту восприятия. Его подвиги как воина сделали его доблесть неоспоримой. Лучшим свидетельством этого является нежелание испанцев вернуть ему свободу. Они боялись его как врага и причинили ему слишком много зла, чтобы думать, что он может быть их другом. И все же его отношение к ним с самого начала было самым дружелюбным, и они отплатили за это тюремным заключением, грабежом и смертью.

Тело инки оставалось на месте казни всю ночь. На следующее утро его перенесли в церковь Сан-Франциско, где с большой торжественностью были совершены заупокойные обряды.

Писарро и главные кавалеристы надели траур, и войска с благоговейным вниманием слушали отпевание усопших из уст отца Вальверде.³⁵ Церемония была прервана громкими криками и стенаниями, как будто у дверей церкви раздавалось множество голосов. Они внезапно распахнулись, и несколько индианок, жен и сестер покойного, выбежав по большому проходу, окружили труп. Они кричали, что так нельзя проводить погребальные обряды инки; и они заявили о своем намерении принести себя в жертву на его могиле и составить ему компанию в стране духов. Зрители, возмущенные таким неистовым поведением, сказали незванным гостям, что Атауальпа умер в вере христианина и что Бог христиан питает отвращение к подобным жертвоприношениям. Затем они добились исключения женщин из церкви, и некоторые, удалившись в свои покои, наложили на себя руки в тщетной надежде сопровождать своего возлюбленного господина в яркие обители Солнца.³⁶

Останки Атауальпы, несмотря на его просьбу, были захоронены на кладбище Сан-Франциско.³⁷ Но оттуда, как сообщается, после того, как испанцы покинули Каксамалку, их тайно вывезли и перевезли, как он и желал, в Кито. Колонисты более позднего времени предположили, что вместе с телом могли быть захоронены какие-то сокровища. Но при раскопках земли ни сокровищ, ни останков обнаружено не было.³⁸

Через день или два после этих трагических событий Эрнандо де Сото вернулся со своей экскурсии. Велики были его удивление и возмущение, когда он узнал, что было сделано в его отсутствие. Он сразу же разыскал Писарро и нашел его, как говорит хронист, "в большой фетровой шляпе, надвинутой на глаза в знак траура", а его одежда и поведение свидетельствовали о полной скорби.³⁹ "Вы поступили опрометчиво, - прямо сказал ему Де Сото. - Атауальпу подло оклеветали. В Гуамачучо не было врага; среди туземцев не было восстания. По дороге я не встретил ничего, кроме проявлений доброй воли, и все спокойно. Если бы было необходимо привлечь инку к суду, его следовало бы доставить в Кастилию и судить императору. Я бы поклялся позаботиться о том, чтобы он был в безопасности на борту судна".⁴⁰ Писарро признался, что поступил опрометчиво, и сказал, что был обманут Рикельме, Вальверде и другими. Эти обвинения вскоре достигли ушей казначея и доминиканца, которые, в свою очередь, оправдали себя и упрекнули Писарро в лицо, как единственного, кто несет ответственность за содеянное. Спор разгорелся вовсю, и сторонние клеветники услышали, как стороны обвиняют друг друга во лжи!⁴¹ Эта вульгарная перепалка между вождями, произошедшая вскоре после события, является лучшим комментарием к беззаконию их собственных действий и невинности инки.

Обращение с Атауальпой, от начала до конца, несомненно, составляет одну из самых мрачных глав в колониальной истории Испании. Возможно, массовые убийства совершались в более широких масштабах, а казни сопровождалась большей утонченностью жестокости. Но в запятнанных кровью анналах Завоевания нет такого примера бессердечного и систематического преследования не врага, а того, чье поведение было поведением друга и благодетеля.

С того самого часа, как Писарро и его последователи вошли в сферу влияния Атауальпы, местные жители протянули им руку дружбы. Их первым действием, перейдя горы, было похищение монарха и резня его народа. Захват его личности мог быть оправдан теми, кто считал, что цель оправдывает средства, на том основании, что это было необходимо для

обеспечения триумфа Креста. Но нельзя требовать никаких извинений за массовое убийство безоружного и беспомощного населения, столь же бессмысленное, сколь и безнравственное.

Долгое заточение инки было использовано Завоевателями для того, чтобы вырвать у него его сокровища жесткими тисками алчности. В течение всего этого мрачного периода он вел себя с исключительным великодушием и добросовестностью. Он открыл испанцам свободный проход во все части своей империи и предоставил все возможности для осуществления их планов. Когда это было сделано, и он остался обузой в их руках, несмотря на их обязательство, явное или подразумеваемое, освободить его, — а Писарро, как мы видели, формальным актом освободил своего пленника от каких—либо дальнейших обязательств по поводу выкупа, — он предстал перед притворным трибуналом и под предложениями, столь же лживыми и легкомысленными, был приговорен к мучительной смерти. От начала до конца политика испанских завоевателей по отношению к своей несчастной жертве носит отпечаток варварства и мошенничества.

Нелегко оправдать Писарро в том, что он в значительной степени несет ответственность за эту политику. Его сторонники постарались показать, что к этому его вынудила необходимость дела, и что в особенности после смерти Инки он неохотно уступил настойчивым просьбам других.⁴² Но каким бы слабым ни было это оправдание, историк, у которого есть возможность сравнить различные свидетельства того периода, придет к иному выводу. Ему покажется, что Писарро, вероятно, давно считал устранение Атауальпы необходимым для успеха своего предприятия. Он предвидел ненависть, которую вызовет смерть его царственного пленника без достаточных на то оснований; хотя он и старался установить их, он все же уклонялся от ответственности за содеянное и предпочитал совершать это, повинаясь советам других, а не своим собственным. Как и многие беспринципные политики, он хотел извлечь выгоду из плохого поступка и позволить другим взять вину за него на себя.

Секретари Писарро сообщают, что Альмагро и его последователи первыми настояли на смерти инки. Их громко поддерживали казначей и королевские офицеры, которые считали это необходимым для интересов короны; и, наконец, слухи о заговоре подняли такой же крик среди солдат, и Писарро, при всей своей нежности к своему пленнику, не смог отказаться предать его суду.— Форма судебного разбирательства была необходима для того, чтобы придать процессу видимость справедливости. То, что это была всего лишь форма, очевидно из неприличной поспешности, с которой оно было проведено, — изучение доказательств, вынесение приговора и приведение в исполнение были проведены в один и тот же день. Умножение обвинений, призванное как можно более убедительно доказать вину обвиняемого, имело, исходя из самого их количества, противоположный эффект, доказывая лишь решимость осудить его. Если Писарро испытывал нежелание признавать свою вину, на что он делал вид, почему он отослал Де Сото, лучшего друга Атауальпы, когда должно было начаться расследование? Почему приговор был приведен в исполнение так поспешно, чтобы не дать возможности к возвращению этого кавалера опровергнуть истинность основного обвинения — единственного, по сути, к которому испанцы имели какое-либо отношение? Торжественный фарс траура и глубокой скорби, разыгранный Писарро, который этими почестями мертвым хотел показать искреннее уважение, которое он питал к живым, был слишком тонкой завесой, чтобы ее можно было наложить на самого легковверного.

Эти размышления не направлены на то, чтобы оправдать остальную армию, и особенно ее офицеров, от их участия в позорной сделке. Но Писарро, как командующий армией, нес главную ответственность за принятые меры. Ибо он был не из тех людей, которые позволяют вырвать у себя власть или робко уступают импульсам других. Он не уступал даже своим собственным. Вся его карьера показывает, что он, будь то во благо или во зло, проводил холодную и расчетливую политику.

Часто повторялась история, которая связывает мотивы поведения Писарро, по крайней мере в какой-то степени, с личной обидой. Инка попросил одного из испанских солдат написать имя Бога у себя на ногтях. Это письмо монарх поочередно показал нескольким своим телохранителям, и, когда они прочитали его и каждый произнес одно и то же слово, пронзительный ум варвара пришел в восторг от того, что показалось ему чуть ли не чудом, которому наука его собственного народа не могла найти аналогии. Показав надпись Писарро, этот вождь промолчал; и инка, обнаружив, что он не умеет читать, проникся презрением к командиру, который был еще менее информирован, чем его солдаты. Этого он не скрыл полностью, и Писарро, зная о причине этого, не забыл и не простил.⁴³ Этот анекдот передан не по высшему авторитету. Возможно, это правда; но нет необходимости искать мотивы поведения Писарро в личной досаде, когда можно разглядеть так много доказательств темной и преднамеренной политики.

Однако искусство испанского вождя не смогло примирить его соотечественников с жестокостью его действий. Удивительно наблюдать разницу между тоном, которого придерживались первые летописцы этой сделки, когда она была еще свежа, и тоном тех, кто писал, когда по прошествии нескольких лет наметились тенденции общественного мнения. Первые смело заявляют о содеянном, как того требует целесообразность, если не необходимость; в то время как они без всякой меры порицают характер своей несчастной жертвы.⁴⁴ Последние, с другой стороны, хотя и преуменьшают ошибки инки и отдают должное его добросовестности, безоговорочно осуждают Завоевателей, на поведение которых, по их словам, Небеса наложили печать своего собственного осуждения, приведя их всех к безвременному и печальному концу.⁴⁵ Приговор современников был полностью подтвержден приговором потомков;⁴⁶ и преследование Атауальпы справедливо рассматривается как оставившее пятно, которое никогда не будет стерто, на испанском оружии в Новом Свете.

Книга 3

Глава 8

Беспорядки в Перу—Поход в Куско—Встреча с туземцами—Сожженная Чалкучима—Прибытие в Куско—Описание города—Найденные там сокровища

1533—1534

Инка Перу был ее сувереном в особом смысле. Он получал повиновение от своих вассалов более безоговорочное, чем от любого деспота; ибо его власть распространялась на самое сокровенное поведение - на мысли отдельного человека. Его почитали больше, чем человека.¹ Он был не просто главой государства, но точкой, к которой сходились все его институты, как к общему центру, — краеугольным камнем политической структуры, который должен был развалиться на куски под собственной тяжестью, когда его уберут. Так было и после смерти

Атауальпы.(2) Его смерть не только оставила трон вакантным, без определенного преемника, но и то, как это произошло, возвестило перуанскому народу, что рука, более сильная, чем рука их инков, теперь захватила скипетр и что династия Детей Солнца ушла из жизни навсегда.

Последовали естественные последствия такого осуждения. Прекрасный порядок древних институтов был нарушен, поскольку власть, контролировавшая его, была свергнута. Индейцы впадали в еще большие бесчинства из-за необычной сдержанности, которой они были подвергнуты раньше. Деревни были сожжены, храмы и дворцы разграблены, а золото, которое в них находилось, было разбросано или спрятано. Золото и серебро приобрели особую важность в глазах перуанца, когда он увидел, какое значение придают им его завоеватели.

Драгоценные металлы, которые раньше служили только для государственных или религиозных украшений, теперь копились и зарывались в пещерах и лесах. Утверждалось, что золото и серебро, спрятанные местными жителями, значительно превышали по количеству то, что попало в руки испанцев.³ Отдаленные провинции теперь отказались от своей верности инкам. Их великие военачальники, стоявшие во главе далеких армий, создавали сами для себя. Руминави, военачальник на границах Кито, стремился отделить это королевство от перуанской империи и восстановить его древнюю независимость. Короче говоря, страна находилась в том состоянии, когда старое уходит в прошлое, а новый порядок вещей еще не установился. Она находилась в состоянии революции.

Зачинщики революции, Писарро и его последователи, тем временем оставались в Кашамальке. Но первым шагом испанского командующего было назвать преемника Атауальпы. Было бы легче управлять при почитаемой власти, которой индейцы так долго поклонялись; и найти преемника было нетрудно. Истинным наследником короны был второй сын Уайны Капака по имени Манко, законный брат несчастного Уаскара. Но Писарро слишком мало знал о нравах этого принца; и он без колебаний отдал предпочтение брату Атауальпы и представил его индийской знати как их будущего инку. Мы ничего не знаем о характере молодого Топарки, который, вероятно, без сопротивления смирился с судьбой, которая, какой бы унижительной с некоторых точек зрения, была более возвышенной, чем он мог надеяться получить при обычном ходе событий. Церемонии, сопровождавшие перуанскую коронацию, были соблюдены настолько, насколько позволяло время; брови молодого инки были обвиты императорской борлой руками его завоевателя, и он принял почтение своих индийских вассалов. Они были менее склонны платить эту сумму, поскольку большинство находившихся в лагере принадлежали к фракции Кито.

Теперь все мысли были с нетерпением обращены к Куско, о котором среди солдат ходили самые восторженные отзывы и чьи храмы и королевские дворцы представлялись сверкающими золотом и серебром. С таким возбужденным воображением Писарро и вся его компания, насчитывавшая почти пятьсот человек, из которых почти треть, вероятно, была кавалерией, выступили в начале сентября из Кашамалки, места, навсегда запомнившегося как место действия некоторых из самых странных и кровавых сцен, зарегистрированных в истории. Все двинулись в путь в приподнятом настроении — солдаты Писарро от предвкушения удвоения своих нынешних богатств, а последователи Альмагро от перспективы разделить добычу поровну с "первыми завоевателями". 4 Молодой инка и старый вождь Чалкучима сопровождали шествие в своих носилках, сопровождаемые многочисленной свитой вассалов, и двигались так торжественно, как будто обладали реальной властью.⁵

Их путь лежал по великой дороге инков, которая тянулась через возвышенные районы Кордильер вплоть до Куско. Он был почти одинаковой ширины, хотя и построен с разной степенью тщательности, в зависимости от местности.⁶ Иногда она пересекала гладкие и ровные долины, которые сами по себе не представляли особых препятствий для путешественника; в других случаях она следовала по течению горного ручья, который огибал подножие какого-нибудь нависающего утеса, оставляя небольшое пространство для опоры; в других случаях, опять же, там, где сьерра была настолько крутой, что, казалось, препятствовала всякому дальнейшему продвижению, дорога, приспособленная к естественным извилинам местности, огибала высоты, на которые было бы невозможно взобраться напрямую.⁷

Но, несмотря на то, что это было проделано очень умело, для кавалерии это был трудный переход. Гора была вырублена в виде ступеней, но скалистые выступы порезали копыта лошадей, и, хотя солдаты спешили и вели их под уздцы, они сильно страдали, пытаясь удержаться на ногах.⁸ Дорога была построена для человека и легкомысленной ламы; и единственным тяжелым вьючным животным, вообще подходящим для нее, был умный и уверенный в себе мул, которым испанские авантюристы тогда не были обеспечены. Это была исключительная случайность, что Испания была страной мула; и таким образом страна быстро получила в свое распоряжение то самое животное, которое, по-видимому, было создано для труднопроходимых перевалов Кордильер.

Еще одним часто встречающимся препятствием были глубокие потоки, которые с яростью обрушивались с Анд. Через них были переброшены висячие мосты из ивняка, хрупкие материалы которых со временем разрушились от тяжелой поступи кавалерии, а проделанные в них дыры существенно увеличили опасность перехода. В таких случаях испанцы ухитрялись переправляться через реки на плотках, держа своих лошадей под уздцы.⁹

По всему пути следования они находили почтовые пункты для размещения королевских курьеров, установленные через равные промежутки времени; и склады зерна и других товаров, поставляемые в главных городах для индийских армий. Испанцы воспользовались благоразумным прогнозом перуанского правительства.

Миновав несколько довольно известных деревень и городков, главными из которых были Гуамачучо и Гуануко, Писарро после утомительного перехода увидел богатую долину Ксаукса. Марш, хотя и утомительный, сопровождался небольшими страданиями, за исключением пересечения колючих гребней Кордильер, которые время от времени преграждали им путь, — суровая обстановка для прекрасных долин, которые подобно драгоценным камням были разбросаны по этому возвышенному региону. На горных перевалах они испытывали некоторые неудобства от холода, поскольку, чтобы двигаться быстрее, они избавились от всего лишнего багажа и даже не были обеспечены палатками.¹⁰ Пронизывающие горные ветры проникали сквозь толстую сбрую солдат; но бедные индейцы, более скудно одетые и привыкшие к тропическому климату, страдали сильнее всего. Испанец, казалось, обладал выносливостью как тела, так и души, что делало его почти безразличным к климату.

На марше враги их не беспокоили. Но не раз они видели следы их присутствия в дымящихся деревушках и разрушенных мостах. Время от времени до Писарро доходили слухи о воинах, идущих по его следу; и иногда небольшие группы индейцев были замечены, как темные облака на краю горизонта, которые исчезали при приближении испанцев. Однако, достигнув Ксауксы,

эти облака собрались в одну темную массу воинов, которая образовалась на противоположном берегу реки, протекавшей через долину.

Испанцы подошли к ручью, который, разбухший от таяния снегов, теперь был значительной ширины, хотя и неглубок. Мост был разрушен, но Победители, не колеблясь, смело ринулись вперед и, насколько могли, вплавь и вброд добрались до противоположного берега. Индейцы, сбитые с толку этим решительным движением, поскольку они полагались на свою водную оборону, обратились в бегство, выпустив бессильный залп ракет. Страх окрылил беглецов, но конь и его всадник были быстрее, и победоносные преследователи кроваво отомстили своему врагу за то, что он осмелился даже помыслить о сопротивлении.

Ксаукса была значительным городом. Это было место, о котором уже упоминалось как о посещенном Эрнандо Писарро. Он располагался посреди зеленой долины, удобренной тысячами маленьких ручейков, которые бережливый индийский земледелец черпал из реки-прародительницы, которая лениво текла по лугам. В городе было несколько просторных зданий из необработанного камня и довольно известный храм времен инков. Но сильная рука отца Вальверде и его соотечественников вскоре свергла языческих божеств с их почетного места и установила вместо них священные изображения Девы Марии с Младенцем.

Здесь Писарро предложил остановиться на несколько дней и основать испанскую колонию. По его мнению, это была выгодная позиция для сдерживания индийских горцев, и в то же время она обеспечивала легкое сообщение с морским побережьем. Тем временем он решил послать вперед Де Сото с отрядом из шестидесяти всадников, чтобы заранее разведать местность и восстановить мосты, разрушенные врагом.¹¹

Этот деятельный кавалерист сразу же двинулся вперед, но наткнулся на значительные препятствия на своем пути. По мере продвижения следы врага становились все чаще. Деревни были сожжены, мосты разрушены, а на пути были разбросаны тяжелые камни и деревья, препятствующие продвижению кавалерии. Когда он приближался к Билькасу, некогда важному месту, хотя теперь и стертому с карты, у него произошла острая стычка с туземцами в горном ущелье, которая стоила ему жизни двух или трех солдат. Потери были незначительными, но любые потери ощущались испанцами, так мало привыкшими в последнее время к сопротивлению.

Продолжая продвигаться вперед, испанский капитан пересек реку Абанкай и широкие воды Апуримака; и когда он приблизился к сьерре Вилькаконга, он узнал, что значительный отряд индейцев поджидает его в опасных горных проходах. Сьерра находилась в нескольких лье от Куско, и кавалер, желая добраться до ее дальнего берега до наступления темноты, неосторожно подстегнул своих усталых лошадей. Когда он изрядно запутался в ее скалистых ущельях, множество вооруженных воинов, выскочивших, казалось, из каждой пещеры и зарослей сьерры, наполнили воздух своими боевыми кличами и устремились вниз, подобно одному из своих горных потоков, на захватчиков, пока они с трудом взбирались по кручам. Люди и лошади были опрокинуты в ярости атаки, и передовые отряды, откатившись на тех, кто был внизу, посеяли разруху и ужас в их рядах. Де Сото тщетно пытался восстановить порядок и, по возможности, атаковать нападавших. Лошади были ослеплены и обезумели от снарядов, в то время как отчаявшиеся туземцы, цепляясь за их ноги, пытались помешать им подняться по каменистой тропе. Де Сото понимал, что, если он не доберется до ровной местности, которая открывалась перед ним на некотором расстоянии, все будет потеряно. Подбадривая своих

людей старым боевым кличем, который всегда доходил до сердца испанца, он глубоко вонзил шпоры в бока своего усталого коня и, доблестно поддерживаемый своим отрядом, прорвался сквозь темные ряды воинов и, расталкивая их направо и налево, наконец сумел выйти на широкую равнину.

Здесь обе стороны, словно по взаимному согласию, на несколько мгновений замолчали. По равнине протекал небольшой ручей, у которого испанцы поили своих лошадей; 12 и, когда животные отдышались, Де Сото и его люди предприняли отчаянную атаку на нападавших. Неустрашимые индейцы стойко выдержали удар, и исход боя был еще сомнителен, когда вечерние тени, сгустившиеся вокруг них, разделили сражающихся.

Затем обе стороны покинули поле боя, заняв свои соответствующие позиции на расстоянии выстрела из лука друг от друга, так что голоса воинов с обеих сторон были отчетливо слышны в ночной тишине. Но размышления двух хозяев были совершенно разными. Индейцы, ликующие от своего временного триумфа, с уверенностью смотрели на завтрашний день, чтобы завершить его. Испанцы, с другой стороны, были соответственно обескуражены. Они не были готовы к такому духу сопротивления со стороны врага, до сих пор столь ручного. Несколько всадников пали; один из них от удара перуанского боевого топора, который рассек ему голову до подбородка, свидетельствуя о силе оружия и руки, которая им пользовалась.¹³ Погибло также несколько лошадей; и потеря их ощущалась почти так же тяжело, как потеря их всадников, учитывая большие затраты и трудности при транспортировке их в эти отдаленные регионы. Мало кто из людей или лошадей избежал ранений, а союзники-индейцы пострадали еще больше.

Судя по упорству и определенному порядку, сохранявшемуся при штурме, казалось вероятным, что им руководил какой-то опытный военный; возможно, индийский командир Кизквиз, который, как говорили, околачивался в окрестностях Куско со значительными силами.

Несмотря на разумные причины для опасений относительно завтрашнего дня, Де Сото, как и положено храброму кавалеру, старался поддерживать боевой дух своих последователей. Если бы они отбились от врага, когда их лошади были измучены, а их собственные силы почти истощены, насколько легче было бы выйти победителями, когда ночной отдых восстановил силы обоим; и он сказал им "уповать на Всмогущего, который никогда не оставит своих верных последователей в их беде". Это событие оправдало доверие Де Сото к этой своевременной помощи.

Время от времени во время своего похода он сообщал Писарро об угрожающем положении в стране, пока его командир, не встревожившись всерьез, не стал опасаться, что кавалерист может быть побежден численным превосходством противника. Соответственно, он выделил Альмагро почти со всей оставшейся конницей ему на подмогу, не обремененный пехотой, чтобы тот мог двинуть легкую пехоту. Этот умелый предводитель продвигался форсированными маршами, воодушевленный новостями, которые встретили его по дороге, и был настолько удачлив, что достиг подножия сьерры Вилькаконга в ту же ночь, когда произошло сражение.

Там, услышав о стычке, он двинулся вперед, не останавливаясь, хотя его лошади были измотаны путешествием. Ночь была чрезвычайно темной, и Альмагро, боясь наткнуться на вражеский бивуак и желая сообщить Де Сото о своем приближении, приказал своим трубам звучать до тех пор, пока звуки, доносившиеся из горных ущелий, не нарушили сон его соотечественников,

звуча в их ушах как самая веселая музыка. Они быстро ответили своими собственными горнами и вскоре имели удовольствие обнять своих избавителей.14

Велико было смятение перуанского войска, когда утренний свет обнаружил свежее подкрепление в рядах испанцев. Не было никакого смысла бороться с врагом, который набрался сил в результате конфликта и который, казалось, умножал свою численность по своему желанию. Не предпринимая дальнейших попыток возобновить бой, они воспользовались густым туманом, который висел над нижними склонами холмов, чтобы осуществить свое отступление, и оставили перевалы открытыми для захватчиков. Затем оба кавалериста продолжили свой марш, пока не вывели свои войска из сьерры, после чего, заняв безопасную позицию, они предложили дожидаться там прибытия Писарро.15

Тем временем главнокомандующий находился в Ксауксе, где был сильно встревожен доходящими до него слухами о положении в стране. До сих пор его предприятие продвигалось так гладко, что он был подготовлен не лучше своего лейтенанта к тому, чтобы встретить сопротивление туземцев. Казалось, он не понимал, что самая мягкая натура может в конце концов пробудиться от угнетения; и что резня их инки, к которому они относились с таким ужасным почтением, вероятно, если бы что-нибудь могло это сделать, пробудило бы их от апатии.

Полученная им весть об отступлении перуанцев была весьма приятной; и он приказал отслужить мессу и вознести благодарственные возгласы Небесам, "которые были столь благосклонны к христианам на протяжении всего этого великого предприятия". Испанец всегда был Крестоносцем. В шестнадцатом веке он был тем же, чем было Львиное сердце и его храбрые рыцари в двенадцатом, с той разницей, что кавалер того времени сражался за Крест и славу, в то время как золото и Крест были девизом испанца. Дух рыцарства несколько померк раньше, чем дух торговли; но огонь религиозного энтузиазма все еще горел так же ярко под стеганой кольчугой американского завоевателя, как в былые времена под железными доспехами палестинского солдата.

Казалось вероятным, что какой-то авторитетный человек организовал или, по крайней мере, поощрял это сопротивление туземцев, и подозрение пало на пленного вождя Чалкучиму, которого обвинили в ведении тайной переписки со своим сообщником Кисквизом. Писарро нанес визит индийскому аристократу и, обвинив его в заговоре, упрекнул его, как он прежде упрекал своего царственного господина, в неблагодарности по отношению к испанцам, которые обошлись с ним так великодушно. В заключение он заверил, что, если он немедленно не заставит перуанцев сложить оружие и выразить им покорность, он будет сожжен заживо, как только они доберутся до квартиры Альмагро.16

Индейский вождь выслушал эту ужасную угрозу с величайшим хладнокровием. Он отрицал, что имел какое-либо общение со своими соотечественниками, и сказал, что, по крайней мере, в его нынешнем состоянии заключения у него не было власти заставить их подчиниться. Затем он упрямо замолчал, и Писарро не стал настаивать на дальнейшем.17 Но он приставил к своему пленнику сильную охрану и приказал заковать его в кандалы. Это было зловещее действие, которое стало предвестником смерти Атауальпы.

Перед тем как покинуть Ксауху, испанцев постигло несчастье в виде смерти их создателя, молодого инки Топарки. Подозрение, конечно, пало на Чалкучиму, которого теперь выбрали

козлом отпущения за все преступления своего народа.¹⁸ Это было разочарованием для Писарро, который надеялся найти удобное убежище для своих будущих действий под сенью королевской власти.¹⁹

Генерал считал наиболее благоразумным не рисковать потерей своих сокровищ, захватив их на марше, и, соответственно, оставил их в Ксауксе под охраной сорока солдат, которые оставались там гарнизоном. На дороге не произошло никаких важных событий, и Писарро, добившись соединения с Альмагро, вскоре их объединенные силы вошли в долину Хокишагуана, примерно в пяти лигах от Куско. Это было одно из тех ярких пятен, которые так часто встречаются посреди Анд, тем более красивое, что контрастировало с диким характером окружающего пейзажа. По долине протекала река, орошая почву и покрывая ее вечной зеленью; и богатая цветущая растительность раскинулась, как ухоженный сад. Красота этого места и его восхитительная прохлада делали его резиденцией перуанской знати, а склоны холмов были усеяны их виллами, которые предоставляли им приятное убежище в летнюю жару.²⁰ И все же центр долины был изуродован болотом некоторой протяженности, вызванным частым разливом воды; но трудолюбие индийских архитекторов соорудило прочную дамбу, облицованную тяжелым камнем и соединенную с большой дорогой, которая пересекала болото по всей ширине.²¹

В этой долине Писарро остановился на несколько дней, пока пополнял свои войска за счет хорошо припасенных складов инков. Его первым действием было предание Чалкучимы суду; если это можно назвать судом, где приговор, можно сказать, шел рука об руку с обвинением. Мы не проинформированы о характере доказательств. Этого было достаточно, чтобы убедить испанских капитанов в виновности вождя. Нет ничего невероятного и в том, что Чалкучима тайно поощрял движение среди людей, направленное на обеспечение свободы своей страны и своей собственной. Его приговорили к сожжению заживо на месте. "Некоторые считали это суровой мерой, - говорит Эррера, - но те, кто руководствуется соображениями государственной политики, склонны закрывать глаза на все остальное".²² Непонятно, почему этот жестокий способ казни так часто применялся испанскими завоевателями; если только не то, что индеец был неверующим, а огонь с древних времен, по-видимому, считался подходящим наказанием для неверных, как прообраз того неугасимого пламени, которое ожидало его в регионах проклятых.

Отец Вальверде сопровождал перуанского вождя к костру. Кажется, он всегда присутствовал в этот мрачный момент, стремясь воспользоваться им, если возможно, чтобы добиться обращения жертвы. Он в мрачных красках нарисовал ужасную участь неверующего, которому только воды крещения могли обеспечить невыразимую славу рая.²³ Не похоже, чтобы он обещал какое-либо смягчение наказания в этом мире. Но его аргументы подействовали на каменное сердце, и вождь холодно ответил, что он "не понимает религии белых людей".²⁴ Его можно было бы простить за то, что он не понимал красоты веры, которая, как могло показаться, принесла ему столь горькие плоды. В разгар своих пыток он проявил характерное мужество американского индейца, чья сила выносливости побеждает силу преследования у его врагов, и он умер, на последнем издыхании произнося имя Пачакамак. Его собственные последователи приносили хворост, чтобы подкормить пламя, пожиравшее его.²⁵

Вскоре после этого трагического события Писарро был удивлен визитом перуанского аристократа, который прибыл в большом почете в сопровождении многочисленной и эффектной свиты. Это был молодой принц Манко, брат несчастного Уаскара и законный

наследник короны. Представ перед испанским командующим, он объявил о своих притязаниях на трон и потребовал защиты у чужеземцев. Говорят, что он намеревался оказать им вооруженное сопротивление и поощрял нападения на них во время их похода; но, обнаружив, что сопротивление безрезультатно, он избрал этот политический курс, к большому неудовольствию своей более решительной знати. Как бы то ни было, Писарро выслушал его ходатайство с необычайным удовлетворением, ибо он увидел в этом новом отпрыске истинно королевского рода более эффективный инструмент для своих целей, чем он мог бы найти в семье Кито, к которой перуанцы питали мало симпатии. Поэтому он принял молодого человека с большой сердечностью и, не колеблясь, заверил его, что тот был послан в страну своим хозяином, кастильским монархом, чтобы подтвердить притязания Уаскара на корону и наказать узурпатора его соперника.²⁶

Взяв с собой индийского принца, Писарро возобновил свой поход. Оно было прервано на несколько часов отрядом туземцев, которые подстерегали его в соседней сьерре. Последовала острая перестрелка, в которой индейцы вели себя с большим воодушевлением и нанесли испанцам небольшие повреждения; но последние, наконец, отбросив их, благополучно прошли через ущелье, и враг не захотел преследовать их на открытой местности.

Было уже далеко за полдень, когда Завоеватели появились в поле зрения Куско.²⁷ Заходящее солнце заливало своими широкими лучами весь царский город, где для поклонения Ему было посвящено множество жертвенников. Низкие ряды зданий, проступавшие в его лучах подобно множеству линий серебристого света, заполняли лоно долины и нижние склоны гор, чьи призрачные очертания мрачно нависали над прекрасным городом, словно защищая его от угрозы осквернения. Было так поздно, что Писарро решил отложить свой выход до следующего утра.

В ту ночь в лагере несли бдительную охрану, и солдаты спали на руках. Но это прошло, не вызвав раздражения со стороны врага, и рано утром следующего дня, 15 ноября 1533 года, Писарро подготовился к своему вступлению в столицу Перу.²⁸

Маленькая армия была разделена на три дивизии, из которых центром, или "боевой", как его называли, командовал генерал. Пригороды были запружены бесчисленным множеством местных жителей, которые стеклись из города и окрестностей, чтобы стать свидетелями эффектного и, по их мнению, поразительного зрелища. Все с жадным любопытством смотрели на чужеземцев, слава о чьих ужасных подвигах распространилась по самым отдаленным уголкам империи. Они с изумлением смотрели на их ослепительные руки и светлые лица, которые, казалось, провозглашали в них истинных Детей Солнца; и они слушали с чувством таинственного ужаса, когда труба разносила свои протяжные звуки по улицам столицы, а твердая земля дрожала под тяжелым топотом кавалерии.

Испанский командующий проехал прямо по большой площади. Она была окружена невысокими зданиями, среди которых было несколько дворцов инков. Один из них, возведенный Уайной Капаком, был увенчан башней, а первый этаж занимали один или несколько огромных залов, подобных тем, что описаны в Кашамальке, где перуанская знать устраивала свои празднества в ненастную погоду. Эти здания служили удобными казармами для войск, хотя в течение первых нескольких недель они оставались под своими палатками на открытой площади, привязав лошадей рядом с собой, готовые отразить любое восстание жителей.²⁹

Столица инков, хотя и не дотягивала до Эльдорадо, которое занимало их легковверные фантазии, поразила испанцев красотой своих зданий, длиной и правильностью улиц, а также хорошим порядком и видимостью комфорта, даже роскоши, заметными в ее многочисленном населении. Это намного превосходило все, что они до сих пор видели в Новом Свете. По подсчетам одного из Завоевателей, население города составляло двести тысяч жителей, а пригородов - еще столько же.³⁰ Насколько я видел, эта учетная запись не подтверждена ни одним другим автором. Но как бы это ни было преувеличено, несомненно, что Куско был столицей великой империи, резиденцией двора и высшей знати; его посещали самые искусные механики и ремесленники всех мастей, которые находили спрос на свою изобретательность в королевских владениях; в то же время это место было гарнизоном из многочисленных солдат и, наконец, прибежищем эмигрантов из самых отдаленных провинций. Кварталы, откуда прибыло это разношерстное население, были обозначены их своеобразной одеждой и особенно головными уборами, которые так редко можно встретить у американских индейцев, которые своей пестротой придавали живописный эффект группам и массам на улицах. Обычный порядок и благопристойность, поддерживавшиеся в этом разнообразном собрании, свидетельствовали о превосходной полиции столицы, где единственными звуками, нарушавшими покой испанцев, были звуки пиршества и танцев, которые местные жители со счастливой бесчувственностью постоянно продлевали до поздней ночи.³¹

Здания лучшего типа — а их было очень много — были сложены из камня или облицованы камнем.³² Среди главных были царские резиденции; поскольку каждый государь строил для себя новый дворец, занимавший, хотя и невысокий, большой участок земли. Стены иногда окрашивались в безвкусные тона, а ворота, как нас уверяют, иногда были из цветного мрамора.³³ "В изяществе обработки камня, - говорит другой из завоевателей, - туземцы намного превосходили испанцев, хотя крыши их жилищ были только соломенными, а не черепичными, но сложенными с величайшим искусством".³⁴ Солнечный климат Куско не требовал очень прочного материала для защиты от непогоды.

Самым важным зданием была крепость, возведенная на цельной скале, которая смело возвышалась над городом. Он был построен из тесаного камня такой тонкой обработки, что невозможно было различить линию соединения блоков; а подходы к нему защищали три полукруглых парапета, сложенных из таких тяжелых каменных глыб, что это имело сходство с тем видом работ, который архитекторы называют Циклопическим. Крепость была возведена на высоту, редкую в перуанской архитектуре; и с вершины башни взору зрителя открывалась великолепная перспектива, в которой дикие черты горного пейзажа, скалы, леса и водопады смешивались с богатой зеленью долины, а сияющий город, заполняющий передний план, — все сливалось в приятной гармонии под глубокой лазурью тропического неба.

Улицы были длинными и узкими. Они были расположены с совершенной правильностью, пересекая одна другую под прямым углом; и от большой площади расходились четыре главные улицы, соединявшиеся с большими дорогами империи. Сама площадь и многие районы города были вымощены мелкой галькой.³⁵ Через сердце столицы протекала река чистой воды, если ее не правильнее было бы назвать каналом, берега или борта которой на протяжении двадцати лиг были облицованы камнем.³⁶ Через этот ручей через определенные промежутки времени были переброшены мосты, сооруженные из таких же широких флагов, чтобы обеспечить легкое сообщение между различными кварталами столицы.³⁷

Самым роскошным зданием в Куско во времена инков, несомненно, был великий храм, посвященный Солнцу, который, как уже отмечалось, был украшен золотыми пластинами и окружен женскими монастырями и спальными комнатами для священников, с их садами и широкими парт-риями, сверкающими золотом. Внешние украшения были уже сняты Завоевателями - все, кроме золотого фриза, который, вмурованный в камни, все еще окружал главное здание. Вполне вероятно, что рассказы о богатстве, с такой жадностью распространявшиеся среди испанцев, значительно превышали правду. Если это было не так, то туземцы, должно быть, очень успешно скрывали свои сокровища от захватчиков. И все же многое еще оставалось не только в великом Доме Солнца, но и в храмах более низкого уровня, которыми кишела столица.

Писарро, вступив в Куско, издал приказ, запрещающий любому солдату совершать насилие в жилищах местных жителей.³⁸ Но дворцов было много, и войска, не теряя времени, разграбили их содержимое, а также религиозные сооружения. Внутреннее убранство доставило им значительную добычу. Они сняли драгоценности и богатые украшения, украшавшие царские мумии в храме Корииканча. Возмущенные сокрытием своих сокровищ, они подвергали жителей, в некоторых случаях, пыткам, и пытались добиться от них признания в том, где они прятались.³⁹ Они вторглись в покой гробниц, в которые перуанцы часто клали свои ценные пожитки, и вынудили могилу отдать своих мертвецов. Ни одно место не оставалось неисследованным хищными Завоевателями, и время от времени они натывались на богатую жилу, которая вознаграждала их труды.

В пещере недалеко от города они нашли множество ваз из чистого золота, богато украшенных фигурками змей, саранчи и других животных. Среди добычи были четыре золотые ламы и десять или двенадцать женских статуэток, одни из золота, другие из серебра, "одно только созерцание которых, - с некоторой наивностью говорит один из Завоевателей, - доставляло поистине огромное удовольствие". Золота, вероятно, было мало, потому что все фигурки были большими, как в натуре; и некоторые из них, зарезервированные для королевской пятой части, не были переделаны, а отправлены в их первоначальном виде в Испанию.⁴⁰ В магазинах хранились любопытные товары: богато украшенные одежды из хлопка и перьев, золотые сандалии и домашние туфли из того же материала для женщин и платья, полностью расшитые золотыми бусами.⁴¹ К зерну и другим съестным припасам, которыми были заполнены склады, Завоеватели относились с презрением, стремясь только к удовлетворению своей жажды золота.⁴² Пришло время, когда зерно имело бы гораздо большую ценность.

Однако количество сокровищ в столице не соответствовало оптимистичным ожиданиям, которые были сформированы испанцами. Но недостаток восполнялся за счет добычи, которую они собрали в различных местах во время своего похода. Например, в одном месте они наткнулись на десять досок или брусков из чистого серебра, каждая из которых имела двадцать футов в длину, один фут в ширину и два или три дюйма в толщину. Они предназначались для украшения жилища знатного инка.⁴³

Вся масса сокровищ была свалена в общую кучу, как в Кашамальке; и после того, как некоторые из наиболее ценных образцов были списаны за крону, остальное было передано индийским ювелирам для переплавки в слитки единого стандарта. Дележ добычи производился по тому же принципу, что и раньше. Там было четыреста восемьдесят солдат, включая гарнизон Ксауксы, каждый из которых должен был получить свою долю, причем доля кавалерии вдвое превышала

долю пехоты. Количество добычи по-разному указывается теми, кто присутствовал при ее разделе. По мнению некоторых, оно значительно превысило выкуп Атауальпы. Другие утверждают, что оно меньше. Педро Писарро говорит, что каждый всадник получил шесть тысяч песо де оро, а каждый пехотинец - половину этой суммы; 44 хотя Писарро, как и раньше, сделал такое же различие в отношении ранга сторон и их относительных заслуг. Но Санчо, королевский нотариус и секретарь командующего, оценивает всю сумму гораздо меньше — не более пятисот восьмидесяти тысяч двухсот песо де оро и двухсот пятнадцати тысяч марок серебром.⁴⁵ В отсутствие официальных деклараций невозможно определить, какая из них верна. Но повествование Санчо, как следует помнить, подписано Писарро и королевским казначеем Рикельме и, несомненно, поэтому, показывает действительную сумму, которую победители выплатили короне.

Какое бы заявление мы ни получили, сумма в сочетании с суммой, полученной в Кашамалке, вполне могла бы удовлетворить желания самого алчного. Внезапный приток такого большого богатства, да к тому же в столь доступной для передачи форме, среди группы безрассудных авантюристов, мало привыкших к обладанию деньгами, возымел свое естественное действие. Это давало им средства для азартных игр, столь сильной и распространенной страсти испанцев, что ее можно считать национальным пороком. За один день были проиграны и выиграны состояния, достаточные для того, чтобы сделать владельцев независимыми на всю жизнь; и многие отчаянные игроки из-за неудачного броска костей или переворачивания карт в считанные часы лишались плодов многолетнего труда и были вынуждены заново начинать грабительское дело. Среди них упоминается один кавалерист по имени Легизано, получивший в качестве своей доли добычи изображение Солнца, которое, будучи нанесенным на пластину из полированного золота, развесили по стенам в нише великого храма и которое по той или иной причине, — возможно, из-за его превосходной тонкости, - не было переделано, как другие украшения. Этот богатый приз расточитель потерял за одну ночь; отсюда в Испании появилась поговорка *Juega el Sol antes que amanezca*, что означает "Разыгрывать солнце до восхода солнца".⁴⁶

Влияние такого избытка драгоценных металлов мгновенно сказалось на ценах. Самые обычные изделия можно было приобрести только за непомерные суммы. Листок бумаги продавался за десять песо де оро; бутылка вина - за шестьдесят; шпага - за сорок или пятьдесят; плащ — за сто, а иногда и больше; пара башмаков стоила тридцать или сорок песо де оро, а хорошую лошадь нельзя было купить меньше чем за две с половиной тысячи.⁴⁷ Некоторые приносили еще более высокую цену. Каждый предмет дорожал, поскольку золото и серебро, представляющие все, приходили в упадок. Короче говоря, золото и серебро, казалось, были единственными вещами в Куско, которые не являлись богатством. И все же нашлись несколько человек, достаточно мудрых, чтобы вернуться довольными своими нынешними достижениями на родину. Здесь их богатство привлекало к ним внимание и деловитость, и, хотя они вызывали зависть своих соотечественников, побуждало их искать собственное счастье на аналогичном пути приключений.

Книга 3

Глава 9

Коронован новый инка—Муниципальные правила—Ужасный марш Альварадо—Интервью с Писарро—Основание Лимы—Эрнандо Писарро прибыл в Испанию—Сенсация при дворе—

1534—1535

Первой заботой испанского генерала после раздела добычи было возвести Манко на трон и добиться для него признания его соотечественников. Соответственно, он представил им молодого принца как их будущего государя, законного сына Уайны Капака и истинного наследника перуанского скипетра. Благовещение было встречено народом с энтузиазмом, привязанным к памяти его прославленного отца и довольным тем, что им по-прежнему правит монарх из древнего рода Куско.

Делалось все, чтобы поддерживать иллюзию у индийского населения. Церемонии коронации тщательно соблюдались. Молодой принц соблюдал предписанные посты и бдения, и в назначенный день знать и народ вместе со всей испанской армией собрались на большой площади Куско, чтобы присутствовать на заключительной церемонии. Мессу публично отслужил отец Вальверде, и инка Манко получил украшенную бахромой диадему Перу не из рук верховного жреца своего народа, а от своего Завоевателя Писарро. Затем индийские лорды выразили свое почтение в обычной форме, после чего королевский нотариус зачитал вслух документ, подтверждающий верховенство Кастильской короны и требующий от всех присутствующих преклонения перед ее властью. Это обращение было объяснено переводчиком, и каждая из сторон совершила церемонию почтения, дважды или трижды взмахнув королевским знаменем Кастилии. Затем Манко подарил испанскому командующему золотой кубок с искрящейся чичой; и после того, как последний сердечно обнял нового монарха, трубы возвестили о завершении церемонии.¹ Но это была нота не триумфа, а унижения; ибо она возвещала, что вооруженная нога чужеземца ступила в чертоги перуанских инков; что церемония коронации была жалким зрелищем; что сам их принц был всего лишь марионеткой в руках своих Победителей; и что слава Детей Солнца ушла навсегда!

Однако люди с готовностью поддались иллюзии и, казалось, были готовы принять этот образ своей древней независимости. Восшествие на престол молодого монарха было встречено всеми обычными празднествами и ликованием. Мумии его царственных предков с теми украшениями, которые им еще остались, были выставлены напоказ на большой площади. Каждого из них сопровождала его многочисленная свита, которая выполняла все мелкие обязанности, как будто объект их выполнения был живым и мог чувствовать их важность. Каждая призрачная фигура заняла свое место за пиршественным столом — теперь, увы! лишенные великолепного сервиза, которым обычно блистали на этих высоких празднествах, гости выпили за здоровье прославленных покойников. За кутежом последовали танцы, и празднества, затянувшиеся до позднего часа, продолжались ночь за ночью легкомысленным населением, как будто их завоеватели не укрепились в столице!² . Какой контраст с ацтеками в завоевании Мексики!

Следующей заботой Писарро было организовать муниципальное управление в Куско, подобное тем, что существуют в городах метрополии. Были назначены два алькальда и восемь регидоров, среди которых последними функционерами были его братья Гонсало и Хуан. Присяга была принесена с большой торжественностью двадцать четвертого марта 1534 года в присутствии как испанцев, так и перуанцев на городской площади; как будто генерал хотел этой церемонией дать понять последним, что, хотя они сохранили видимость своих древних институтов, реальная

власть отныне принадлежала их победителям.(3) Он пригласил испанцев поселиться в этом месте, щедро предоставив землю и дома, на что были выделены средства благодаря многочисленным дворцам и общественным зданиям инков; и многие кавалеры, которые были слишком бедны в своей стране, чтобы найти место для отдыха, теперь видели себя владельцами просторных особняков, в которых могла бы разместиться свита принца.4 С этого времени, говорит старый хронист, к Писарро, который до сих пор отличался своим военным титулом "Капитан-генерал", стали обращаться "Губернатор".5 И то, и другое было пожаловано ему королевским пожалованием.

Вождь также не пренебрегал интересами религии. Отец Вальверде, назначение которого епископом Куско вскоре после этого получило папскую санкцию, приготовился приступить к исполнению своих обязанностей. Для кафедрального собора его епархии было выбрано место с видом на площадь. Впоследствии на руинах великолепного Дома Солнца вырос просторный монастырь; его стены были сложены из древних камней; алтарь был воздвигнут на том месте, где сияло яркое изображение перуанского божества, а монастыри индийского храма были разрушены монахами Святого Доминика.6 Чтобы сделать метаморфозу более полной, Дом Дев Солнца был заменен римско-католическим женским монастырем.7 Христианские церкви и обители постепенно вытеснили древние здания, и те из последних, которым было позволено остаться, были лишены их прежнего облика. языческие знаки отличия были помещены под защиту Креста.

Отцы Святого Доминика, братья Ордена Милосердия и другие миссионеры теперь занимались благим делом обращения. Мы видели, что корона потребовала от Писарро, чтобы он вывез определенное количество этих святых людей на своих собственных судах; и каждоепоследующее судно привозило дополнительное подкрепление священнослужителей. Не все они были похожи на епископа Куско, чьи сердца были настолько опалены фанатизмом, что не допускали сочувствия к несчастным туземцам.8 Многие из них были людьми исключительного смирения, которые следовали по пути победителя, чтобы посеять семена духовной истины, и с бескорыстным рвением посвятили себя распространению Евангелия. Таким образом, их благочестивые труды доказали, что они истинные воины Креста, и показали, что цель, столь демонстративно провозглашаемая - нести его знамя среди языческих народов, не была пустым бахвальством.

Стремление обратить язычников в христианство - почетная черта испанских завоеваний. Пуританин, с таким же религиозным рвением, сравнительно мало сделал для обращения индейцев, довольствуясь, как могло бы показаться, тем, что обеспечил себе неоценимую привилегию поклоняться Богу по-своему. Другие авантюристы, населявшие Новый Свет, часто сами слишком мало заботились о религии, чтобы заботиться о ее распространении среди дикарей. Но испанский миссионер от начала до конца проявлял живой интерес к духовному благополучию туземцев. Под его покровительством были возведены церкви великолепного масштаба, основаны школы для начального обучения и приняты все разумные меры для распространения знаний о религиозной истине, в то время как он нес свою одиночную миссию в отдаленные и почти недоступные регионы или собирал своих индийских учеников в общины, такие как добрый Лас Касас в Кумане или иезуиты в Калифорнии и Парагвае. Во все времена мужественный священнослужитель был готов возвысить свой голос против жестокости завоевателя и не менее расточительной алчности колониста; и когда его увещевания, как это случалось слишком часто, оказывались безрезультатными, он все равно следовал за ним,

чтобы утешить разбитое сердце, научить бедного индейца смиряться со своей участью и осветить его темный интеллект откровением о более святом и счастливом существовании. Рассматривая запятнанные кровью летописи колониальной истории Испании, справедливо и в то же время отрадно вспомнить, что та же нация, которая выпустила из своих недр жестокосердного завоевателя, послала миссионера, чтобы тот совершал работу милосердия и распространял свет христианской цивилизации в самых отдаленных регионах Нового Света.

В то время как губернатор, как мы отныне будем называть его, находился в Куско, он неоднократно получал сообщения о значительных силах по соседству под командованием офицера Атауальпы Кискиса. Соответственно, он выделил Альмагро с небольшим кавалерийским отрядом и большим отрядом индейцев под командованием инки Манко, чтобы рассеять врага и, если возможно, захватить в плен их предводителя. Манко был тем более готов принять участие в экспедиции, что врагом были солдаты Кито, которые вместе со своим командиром не питали к нему добрых чувств.

Альмагро, двигаясь со свойственной ему быстротой, не заставил себя долго ждать и поравнялся с индейским вождем. Последовало несколько острых столкновений, когда армия Кито отступила к Хауксе, близ которой генеральное сражение решило судьбу войны полным поражением местных жителей. Кискис бежал на возвышенные равнины Кито, где он все еще неустрашимо сражался с испанскими войсками в этом квартале, пока, наконец, его собственные солдаты, утомленные этими долгими и безрезультатными боевыми действиями, хладнокровно не убили своего командира.⁹ Так пал последний из двух великих военачальников Атауальпы, которые, если бы их нация была воодушевлена духом, равным их собственному, могли бы долго успешно защищать свою землю от захватчиков.

За некоторое время до этого события испанский губернатор, находясь в Куско, получил известие о событии, которое вызвало у него гораздо большую тревогу, чем любые военные действия индейцев. Это было прибытие на побережье сильного испанского отряда под командованием дона Педро де Альварадо, доблестного офицера, который с такой славой служил под началом Кортеса в мексиканской войне. Этот кавалер, заключив блестящий союз в Испании, на который он имел право по своему рождению и воинскому званию, вернулся в свое правительство Гватемалы, где его алчность была возбуждена великолепными сообщениями, которые он ежедневно получал о завоеваниях Писарро. Он узнал, что эти завоевания были ограничены Перу, в то время как северное королевство Кито, древняя резиденция Атауальпы и, без сомнения, главное хранилище его сокровищ, все еще оставалось нетронутым. Делая вид, что считает эту страну неподвластной юрисдикции губернатора, он немедленно повернул большой флот, который намеревался направить к островам Пряностей, в направлении Южной Америки; и в марте 1534 года он высадился в заливе Каракес с пятью сотнями приверженцев, из которых половина была верхом, и все превосходно снабжены оружием и амуницией. Это было самое оснащенное и грозное соединение, которое когда-либо появлялось в южных морях.¹⁰

Несмотря на очевидное вторжение на территорию, уступленную короной Писарро, безрассудный кавалерист решил немедленно выступить на Кито. С помощью проводника-индейца он предложил отправиться прямым путем через горы, что было чрезвычайно трудно даже в самое благоприятное время года.

После переправы через Рио-Дабле проводник Альварадо покинул его, так что вскоре он запутался в запутанных лабиринтах сьерры; и по мере того, как он поднимался все выше и выше в зимние районы, его окружали лед и снег, к которым его люди, взятые из теплых стран Гватемалы, были плохо подготовлены. По мере того как холод усиливался, многие из них настолько окоченели, что с трудом могли продвигаться вперед. Пехоте, вынужденной прилагать усилия, повезло больше всего. Многие солдаты окоченели в седлах. Индейцы, еще более чувствительные к холоду, гибли сотнями. Собравшись вокруг своих жалких бивуаков, с таким скудным топливом, какое только могли раздобыть, и почти без еды, испанцы в мрачном молчании ожидали наступления утра. И все же утренний свет, холодно озарявший безрадостную пустыню, не принес им радости. Он только яснее показал степень их нищеты. Все еще пробиваясь через извилистые Пуэртос Невадос, или Заснеженные перевалы, их путь был мрачно отмечен обрывками одежды, сломанной сбруей, золотыми украшениями и другими ценностями, награбленными во время похода, — трупами людей или тех, кому повезло меньше, кого бросили умирать в одиночестве в дикой местности. Что касается лошадей, то их тушам недолго пришлось валяться на земле, поскольку они были быстро схвачены и съедены наполовину сырыми изголодавшимися солдатами, которые, подобно изголодавшимся кондорам, теперь целыми отрядами парили у них над головами, жадно набрасываясь на самые отвратительные субпродукты, чтобы утолить чувство голода.

Альварадо, стремясь заполучить добычу, которая попала к нему в руки в начале его похода, призвал каждого взять столько золота, сколько он хотел, из общей кучи, оставив себе только королевскую пятую часть. Но они только ответили с жуткой насмешливой улыбкой, "что еда была для них единственным золотом". И все же в этой крайности, которая, казалось бы, разорвала сами узы природы, зафиксировано несколько трогательных примеров самоотверженности; о товарищах, которые отдали свои жизни, помогая другим, и о родителях и мужьях (ибо некоторых кавалеров сопровождали их жены), которые, вместо того чтобы искать собственной безопасности, предпочли остаться и погибнуть в снегах с объектами своей любви.

В довершение к их страданиям воздух в течение нескольких дней был наполнен густыми облаками землистых частиц и золы, которые ослепляли людей и чрезвычайно затрудняли дыхание.¹¹ Это явление, по-видимому, было вызвано извержением далекого Котопакси, который примерно в двенадцати лигах к юго-востоку от Кито вздымает свой колоссальный и совершенно симметричный конус далеко над пределами вечных снегов, — самого красивого и самого ужасного из американских вулканов.¹² Во время экспедиции Альварадо он находился в состоянии извержения, самого раннего из известных случаев подобного рода, хотя, несомненно, и не самого раннего.¹³ С тех пор он часто переживал волнения, поднимая столбы пламени на высоту полумили, извергая потоки лавы, которые затопили города и деревни на своем пути, и сотрясая землю подземными раскатами грома, которые на расстоянии более ста лиг звучали как артиллерийские залпы!¹⁴ Последователи Альварадо, не знакомые с причиной этого явления, когда они бродили по заснеженным участкам, вид которых был для них непривычен, в атмосфере, наполненной пеплом, были сбиты с толку этим смещением элементов, которое природа, казалось, создала намеренно для их уничтожения. Некоторые из этих людей были солдатами Кортеса, закаленными многими мучительными походами и многими острыми столкновениями с ацтеками. Но эта война стихий, как они теперь признавались, была сильнее всего остального.

Наконец, Альварадо после страданий, которые даже самый выносливый, вероятно, мог бы вынести всего на несколько дней дольше, спустился со Снежного перевала и вышел на возвышенное плоскогорье, раскинувшееся на высоте более девяти тысяч футов над океаном в окрестностях Риобамбы. Но четвертая часть его доблестной армии была оставлена кормить кондора в дикой местности, не считая большей части, по меньшей мере двух тысяч, его индейских вспомогательных войск. Погибло также большое количество его лошадей; и все спасшиеся люди и лошади были в той или иной степени повреждены холодом и невыносимыми страданиями. Таков был ужасный переход Пуэртос-Невадос, о котором я лишь мельком упомянул как об эпизоде перуанского завоевания, но рассказ о котором во всех подробностях, хотя и занял всего несколько недель, дал бы лучшее представление о трудностях, с которыми столкнулись испанские кавалеристы, чем тома обычного повествования.¹⁵

Когда Альварадо, остановившись на некоторое время, чтобы восстановить силы своих измотанных войск, начал свой марш по широкому плато, он был поражен, увидев на земле отпечатки лошадиных копыт. Значит, испанцы были там до него, и, после всех его трудов и страданий, другие опередили его в походе против Кито! Необходимо сказать несколько слов в объяснение этого.

Когда Писарро покинул Каксамалку, осознавая растущее значение Сан-Мигеля, единственного в то время пункта въезда в страну, он отправил человека, которому очень доверял, возглавить его. Этим человеком был Себастьян Беналькасар, кавалерист, который впоследствии поставил свое имя в первый ряд южноамериканских завоевателей за храбрость, способности и жестокость. Но едва этот кавалерист добрался до своего правительства, как, подобно Альварадо, получил такие сведения о богатствах Кито, что решил с имеющимися в его распоряжении силами, хотя и без приказов, заняться их сокращением.

Во главе примерно ста сорока солдат, конных и пеших, и мощного отряда вспомогательных индейцев он поднялся по широкому хребту Анд туда, где они переходят в плоскогорье Кито, по дороге, более безопасной и быстрой, чем та, по которой шел Альварадо. Наравнинах Риобамбы он столкнулся с индийским генералом Руминави. Последовало несколько сражений с сомнительным успехом, когда, в конце концов, наука восторжествовала там, где мужество было на высоте, и победоносный Беналькасар водрузил знамя Кастилии на древних башнях Атауальпы. Город в честь своего генерала Фрэнсиса Писарро он назвал Сан-Франциско-дель-Кито. Но велико было его огорчение, когда он обнаружил, что либо рассказы о его богатствах были сфабрикованы, либо эти богатства были спрятаны туземцами. Город был всем, что он приобрел своими победами, — раковиной без драгоценной жемчужины, которая придавала ему ценность. Подавляя, как мог, свое огорчение, испанский капитан получил известие о приближении своего начальника Альмагро.¹⁶

Как только весть об экспедиции Альварадо достигла Куско, Альмагро с небольшим отрядом отправился в Сан-Мигель, намереваясь подкрепиться подкреплением из этого района и немедленно выступить против захватчиков. Сильно был он удивлен по прибытии в этот город, узнав об отъезде его командира. Сомневаясь в верности своих побуждений, Альмагро с присущей молодости жизнерадостностью духа, хотя на самом деле несколько ослабленный возрастными немощами, без колебаний сразу же последовал за Беналькасаром через горы.

С присущей ему энергией бесстрашный ветеран, преодолевая все трудности своего похода, через несколько недель оказался со своим маленьким отрядом на возвышенных равнинах,

раскинувшихся вокруг индийского города Риобамба; хотя в ходе своего продвижения у него было не одно жаркое столкновение с туземцами, мужество и настойчивость которых составляли достаточно разительный контраст с апатией перуанцев. Но огонь только дремал в груди перуанца. Его час еще не настал.

В Риобамбе к Альмагро вскоре присоединился командир Сан-Мигеля, который, возможно, искренне отрицал какие-либо нелояльные намерения в своей несанкционированной экспедиции. Подкрепленный таким образом, испанский капитан хладнокровно ожидал прихода Альварадо. Силы последнего, хотя и находились в менее боеспособном состоянии, значительно превосходили по численности и назначению силы его соперника. Когда они столкнулись друг с другом на широких равнинах Риобамбы, казалось вероятным, что немедленно последует ожесточенная борьба, и туземцы страны с удовлетворением увидят, что их обиды отомщены теми самыми руками, которые их причинили. Но политика Альмагро заключалась в том, чтобы избегать подобных проблем.

Начались переговоры, в ходе которых каждая сторона изложила свои претензии к стране. Тем временем люди Альварадо свободно общались со своими соотечественниками из армии противника и слышали там такие великолепные рассказы о богатствах и чудесах Куско, что многие из них были склонны сменить свою нынешнюю службу на службу у Писарро. Их собственный лидер, тоже довольный тем, что Кито не предлагает компенсации, стоящей тех жертв, на которые он пошел, и был готов пойти, настаивая на своих притязаниях, теперь стал лучше осознавать опрометчивость своего поступка, который, несомненно, навлечет на себя порицание его государя. В таком настроении им было нетрудно урегулировать возникшие трудности; и в качестве основы было решено, что губернатор выплатит Альварадо сто тысяч песо де оро, в обмен на что последний должен был уступить ему свой флот, свои силы, а также все свои запасы и амуницию. Его судов, больших и малых, было двенадцать, и сумма, которую он получил, хотя и была большой, не покрывала его расходов. Когда этот договор был заключен, Альварадо предложил перед отъездом из страны побеседовать с Писарро.¹⁷

Тем временем губернатор покинул перуанскую столицу и направился к морскому побережью из желания отразить любое вторжение, которое могло быть предпринято в этом направлении. Альварадо, о реальных передвижениях которого он все еще не был осведомлен. Он оставил Куско на попечение своего брата Хуана, кавалера, чьи манеры были таковы, что, по его мнению, могли бы завоевать расположение местного населения. Писарро также оставил девяносто своих солдат в качестве гарнизона столицы и ядра своей будущей колонии. Затем, взяв с собой инку Манко, он проследовал до Хауксы. В этом месте индийский принц развлекал его показом великой национальной охоты, подобной той, что уже была описана на этих страницах, в ходе которой было убито огромное количество диких животных, а викунии и другие породы перуанских овец, которые бродят по горам, были загнаны в загоны и лишены своей нежной шерсти.¹⁸

Затем испанский губернатор направился в Пачакамак, где получил благодарное известие о заключении соглашения с Альварадо; и вскоре после этого его посетил сам этот кавалер, перед отправлением в путь.

Встреча прошла вежливо и, по крайней мере, с демонстрацией доброй воли с обеих сторон, поскольку между сторонами больше не было реальных причин для ревности; и каждая, как можно себе представить, смотрела на другую с немалым интересом, поскольку та добилась такого отличия на смелом пути приключений. В сравнении с этим Альварадо имел некоторое преимущество, поскольку Писарро, хотя и обладал властной осанкой, не обладал блестящей внешностью, свободными и жизнерадостными манерами, которые, не в меньшей степени, чем его свежий цвет лица и солнечные локоны, снискали завоевателю Гватемалы в его кампаниях против ацтеков прозвище Тонатиух, или "Дитя солнца".

Веселыми были празднества, которые теперь гремели в древнем городе Пачакамак; где вместо песен и жертвоприношений, которые так часто совершались там в честь индийского божества, стены эхом отзывались на шум турниров и мавританские наклоны тростника, с помощью которых искатели приключений любили вспоминать спортивные состязания своей родины. Когда они были завершены, Альварадо вернулся в свое правительство Гватемалы, где его беспокойный дух вскоре вовлек его в другие предприятия, которые прервали его авантурную карьеру. Его экспедиция в Перу была в высшей степени характерной для этого человека. Она была основана на несправедливости, проведена опрометчиво и закончилась катастрофой.¹⁹

Теперь можно считать, что сокращение территории Перу в некотором смысле завершено. Правда, некоторые варварские племена во внутренних районах все еще сопротивлялись, и Алонсо де Альварадо, благоразумный и способный офицер, был нанят, чтобы подчинить их. Беналькасар все еще находился в Кито, губернатором которого он впоследствии был назначен короной. Там он все глубже закладывал фундамент испанского могущества, одновременно продвигая линию завоеваний еще дальше на север. Но Куско, древняя столица индийской монархии, покорилась. Армии Атауальпы были разбиты и рассеяны. Империя инков распалась, и принц, который теперь носил перуанскую диадему, был всего лишь тенью короля, получившего поручение от своего завоевателя.

Первым действием губернатора было определение места будущей столицы этой огромной колониальной империи. Куско, затерянный среди гор, был слишком удален от морского побережья для торгового населения. Маленькое поселение Сан-Мигель находилось слишком далеко к северу. Было желательно выбрать какое-нибудь более центральное положение, которое можно было бы легко найти в одной из плодородных долин, граничащих с Тихим океаном. Таковым был Пачакамак, который сейчас занимал Писарро. Но при дальнейшем рассмотрении он предпочел соседнюю долину Римака, которая лежала к северу и которая получила свое название, означающее на языке кичуа "тот, кто говорит", от знаменитого идола, чье святилище индейцы часто посещали из-за передаваемых им предсказаний. Через долину протекал широкий ручей, который, подобно большой артерии, был проложен, как обычно у туземцев, для питания тысячи более тонких вен, извиляющихся по прекрасным лугам.

На этой реке Писарро определил место своей новой столицы, чуть менее чем в двух лигах от ее устья, которая превратилась в удобную гавань для торговли, которая, как предвидел пророческий глаз основателя, однажды — и не очень отдаленно — будет плавать по ее водам. Центральное расположение этого места делало его подходящей резиденцией для перуанского вице-короля, откуда он мог легко поддерживать связь с различными частями страны и бдительно следить за своими индейскими вассалами. Климат был восхитительный, и, хотя всего на двенадцать градусов южнее границы, прохладные бризы, которые обычно дуют с Тихого

океана или с противоположной стороны вдоль замерзших склонов Кордильер, настолько смягчали его, что жара была меньше, чем в соответствующих широтах континента. На побережье никогда не было дождей, но эта сухость компенсировалась облаком пара, которое в течение летних месяцев висело, как занавес, над долиной, укрывая ее от лучей тропического солнца и незаметно выделяя освежающую влагу, которая покрывала поля ярчайшей зеленью.

Название, данное зарождающейся столице, было Сьюдад-де-лос-Рейес, или Город королей, в честь дня шестого января 1535 года - праздника Богоявления, - когда, как говорили, он был основан, или, что более вероятно, когда было определено его место, поскольку фактическое основание, по-видимому, произошло двенадцатью днями позже.²⁰ Но кастильское название перестало использоваться даже в первом поколении и было вытеснено названием Лима, в которое испанцы превратили первоначальное индейское название Рима.²¹

Город был спланирован по очень правильному плану. Улицы должны были быть намного шире, чем обычно в испанских городах, и совершенно прямыми, пересекающимися друг друга под прямым углом и настолько далеко друг от друга, чтобы оставалось достаточно места для садов при жилых домах и общественных площадей. Он был устроен в форме треугольника, основанием которого служила река, воды которой по каменным каналам должны были проходить по всем главным улицам, создавая условия для орошения территории вокруг домов.

Как только губернатор определился с местом и планом города, он приступил к работе со свойственной ему энергией. Индейцы были собраны с расстояния более ста миль, чтобы помочь в работе. Испанцы энергично взялись за дело под присмотром своего вождя. Меч был заменен на инструмент ремесленника. Лагерь превратился в улей прилежных тружеников; и звуки войны сменились мирным гулом занятого населения. Площадь, которая была обширной, должна была быть окружена собором, дворцом вице-короля, муниципалитетом и другими общественными зданиями; и их фундаменты были заложены с размахом и прочностью, которые не поддавались натиску времени, а в некоторых случаях даже более сильным потрясениям от землетрясений, которые в разные периоды превращали части прекрасной столицы в руины.²²

Пока происходили эти события, Альмагро, маршал, как его обычно называют хронисты того времени, отправился в Куско, куда Писарро послал его принять командование над этой столицей. Он также получил инструкции предпринять, либо самостоятельно, либо с помощью своих капитанов, завоевание стран к югу, составляющих часть Чили. С момента своего прибытия в Кашамалку Альмагро, казалось, был готов подавить свое давнее чувство обиды на своего соратника или, по крайней мере, скрыть их выражение и согласился принять командование под его началом, повинувшись королевскому указу. У него даже хватило великодушия в своих депешах почтительно упомянуть Писарро как человека, стремящегося продвигать интересы правительства. И все же он не настолько доверял своему компаньону, чтобы пренебречь предосторожностью и послать доверенного агента представлять свои собственные службы, когда Эрнандо Писарро отправлялся со своей миссией на родину.

Этот кавалер, совершив посадку в Сан-Доминго, благополучно прибыл в Севилью в январе 1534 года. Помимо королевской пятой, он взял с собой золото на сумму в полмиллиона песо вместе с большим количеством серебра - собственность частных авантюристов, некоторые из которых, довольные своей прибылью, вернулись в Испанию на одном судне с ним. Таможня была заполнена твердыми слитками и вазами различных форм, имитациями животных, цветов, фонтанов и другими предметами, выполненными с большим или меньшим мастерством, и все

из чистого золота, к изумлению зрителей, которые стекались из соседней страны, чтобы поглазеть на эти чудесные произведения индийского искусства.²³ Большая часть изготовленных изделий была собственностью короны; и Эрнандо Писарро, после короткого пребывания в Севилье, отобрал несколько самых великолепных образцов и пересек страну в Калатаюд, где император держал кортесы. из Арагона.

Эрнандо был немедленно допущен к королевскому присутствию и удостоился милостивой аудиенции. Он был лучше знаком с двором, чем кто-либо из его братьев, и его манеры, когда в ситуациях, обуздывающих природное высокомерие его характера, были изящными и даже привлекательными. Теперь он почтительным тоном рассказывал о захватывающих приключениях своего брата и его небольшого отряда последователей, об изнурительных испытаниях, которые они перенесли, о трудностях, которые они преодолели, о пленении ими перуанского инки и о его великолепном выкупе. Ему не нужно было рассказывать о расправе над несчастным принцем, поскольку это трагическое событие, произошедшее после его отъезда из страны, все еще было ему неизвестно. Кавалер разглагольствовал о плодородии почвы и цивилизованности народа, о чем свидетельствовало его мастерство в различных механических искусствах; в доказательство этого он демонстрировал изделия из шерсти и хлопка, а также богатые украшения из золота и серебра. Глаза монарха заискрились от восторга, когда он взглянул на эти последние. Он был слишком проницателен, чтобы не оценить преимущества завоевания, которое обеспечило ему страну, столь богатую сельскохозяйственными ресурсами. Но отдача от них неизбежно должна быть постепенной и надолго откладываться; и его можно извинить за то, что он с еще большим удовлетворением слушал рассказы Писарро о ее минеральных запасах; ибо его честолюбивые проекты истощили императорскую казну, и он увидел в золотом приливе, столь неожиданно обрушившемся на него, немедленные средства для ее пополнения.

Поэтому Карл без труда удовлетворил ходатайства удачливого авантюриста. Все предыдущие субсидии Фрэнсису Писарро и его сподвижникам были подтверждены самым полным образом; и границы юрисдикции губернатора были расширены на семьдесят лиг дальше к югу. На этот раз услуги Альмагро также не остались безответными. Ему было поручено открыть для себя страну на расстоянии двухсот лиг и оккупировать ее, начиная с южной границы территории Писарро.²⁴ Карл, в еще большем доказательстве своего удовлетворения, был великодушно рад направить письмо двум командирам, в котором он похвалил их доблесть и поблагодарил за службу. Этот акт справедливости по отношению к Альмагро был бы в высшей степени почетным для Эрнандо Писарро, учитывая недружественные отношения, в которых они находились друг с другом, если бы это не было необходимо из-за присутствия собственных агентов маршала при дворе, которые, как уже отмечалось, были готовы восполнить любой недостаток в заявлениях эмиссара.

При таком проявлении королевской щедрости посланник, как легко поверить, не остался без награды. Он был зачислен придворным слугой; был произведен в рыцари Сантьяго, самого ценного из рыцарских орденов Испании; получил полномочия снаряжать вооружение и командовать им; а королевские офицеры в Севилье должны были помогать ему в его взглядах и способствовать отправке в Индию.²⁵

Прибытие Эрнандо Писарро в страну и сообщения, распространяемые им и его последователями, произвели среди испанцев такую сенсацию, какой не было со времен

первого путешествия Колумба. Открытие Нового Света наполнило умы людей неопределенными ожиданиями богатства, ошибочность которых подтверждалась почти каждой последующей экспедицией. Завоевание Мексики, хотя и вызвало всеобщее восхищение как блестящий и чудесный подвиг, пока еще не привело к тем блестящим результатам, которых с такой любовью ожидали. Великолепные обещания, данные Фрэнсисом Писарро во время его недавнего визита в страну, не возродили доверия его соотечественников, которые стали недоверчивыми из-за неоднократных разочарований. Все, в чем они были уверены, - это в трудностях предприятия; и их недоверие к его результатам было в достаточной степени продемонстрировано небольшим числом последователей и только самыми отчаянными людьми, которые были готовы рискнуть в этом приключении.

Но теперь эти обещания сбылись. Они должны были доверять уже не золотым отчетам, а самому золоту, которое в таком изобилии демонстрировалось перед ними. Теперь все взоры были обращены на Запад. Сломленный расточитель увидел в этом квартале место, где ему предстояло восстановить свое состояние так же быстро, как он его разорил. Купец, вместо того чтобы искать драгоценные товары Востока, смотрел в противоположном направлении и рассчитывал на гораздо более высокую прибыль там, где самые обычные предметы быта стоили так непомерно дорого. Кавалер, жаждавший завоевать и золото, и славу на острие своего копья, думал найти достойное поле для своей доблести на горных равнинах Анд. Фердинанд Писарро обнаружил, что его брат поступил правильно, позволив вернуться домой стольким членам своей роты, которые пожелают, уверенные, что демонстрация их богатства привлечет под его знамена десять человек на каждого, кто покинет их.

За короткое время этот кавалер увидел себя во главе одного из самых многочисленных и хорошо оснащенных родов войск, вероятно, покинувших берега Испании со времен великого флота Овандо во времена Фердинанда и Изабеллы. Вряд ли это было большим везением, чем это. Едва "Фердинанд" вышел в море, как на эскадру обрушился сильный шторм, вынудивший его вернуться в порт для ремонта. Наконец он пересек океан и благополучно добрался до маленькой гавани Номбре-де-Диос. Но к его приезду не было сделано никаких приготовлений, и, поскольку он задержался здесь на некоторое время, прежде чем смог перейти горы, его отряд сильно страдал от нехватки продовольствия. В крайнем случае они с жадностью поглощали самые нездоровые продукты, и многие кавалеры тратили свои небольшие сбережения, чтобы обеспечить себе жалкое существование. Болезни, как обычно, шли по пятам за голодом, и множество несчастных искателей приключений, изнемогавших от непривычной жары климата, погибли на самом пороге открытия.

Эта история часто повторялась в истории испанского предпринимательства. Немногие, более удачливые, чем остальные, натываются на какой-нибудь неожиданный приз, и сотни, привлеченные их успехом, устремляются вперед по тому же пути. Но богатая добыча, лежавшая на поверхности, уже была сметена первыми пришельцами, и тем, кто следует за ними, предстоит завоевать свое сокровище долгими и болезненными усилиями. Сломленные духом и удачей, многие с отвращением вернулись на родные берега, в то время как другие остались там, где были, умирать в отчаянии. Они думали добыть золото, но вырыли только свои могилы.

Однако со всей компанией Писарро дело обстояло иначе. Многие из них, переправившись с ним через перешеек в Панаму, вовремя прибыли в Перу, где, несмотря на отчаянные шансы революционной борьбы, некоторые из них достигли прибыльных и выдающихся постов. Среди

тех, кто первым достиг перуанских берегов, был эмиссар, посланный агентами Альмагро, чтобы сообщить ему о важном гранте, предоставленном ему короной. Весть об этом дошла до него как раз в тот момент, когда он въезжал в Куско, где его со всем уважением приняли Хуан и Гонсало Писарро, которые, повинувшись приказу своего брата, немедленно передали управление столицей в руки маршала. Но Альмагро был очень рад, обнаружив, что теперь его суверен поручил ему командование, которое делало его независимым от человека, причинившего ему такое глубокое зло; и он намекнул, что при осуществлении своей нынешней власти он не признает никого выше себя. В этом благородном настроении его поддерживали несколько его последователей, которые настаивали на том, что Куско пал к югу от территории, переданной Писарро, и, следовательно, входил в пределы, которые теперь были предоставлены маршалу. Среди этих последователей было несколько человек Альварадо, которые, хотя и были в лучшем состоянии, чем солдаты Писарро, но подчинялись гораздо худшей дисциплине и действительно приобрели дух необузданной распущенности под руководством этого беспринципного вождя.²⁶ Теперь они проявляли мало заботы о коренном населении Куско; и, не довольствуясь общественными зданиями, захватывали жилища отдельных людей там, где это соответствовало их удобствам, присваивая их содержимое без церемоний, короче говоря, проявляя так мало уважения к личности или собственности, как если бы это место было взято штурмом.²⁷

В то время как в древней столице Перу происходили эти события, губернатор все еще находился в Лиме, где он был сильно встревожен полученными сообщениями о новых почестях, оказанных его помощнику. Он не знал, что его собственная юрисдикция простиралась на семьдесят лиг дальше к югу, и у него возникло такое же подозрение, как и у Альмагро, что столица инков по праву не входила в его нынешние пределы. Он видел все беды, которые могли произойти из-за того, что этот богатый город попадет в руки его соперника, который, таким образом, получит почти определенные средства для удовлетворения своей собственной алчности и алчности своих последователей. Он чувствовал, что при нынешних обстоятельствах небезопасно позволять Альмагро предвосхищать обладание властью, на которую он пока не имел законного права; поскольку депеши, содержащие ордер на это, все еще оставались у Эрнандо Писарро в Панаме, и все, что достигло Перу, было копией искаженного отрывка.

Поэтому, не теряя времени, он отправил в Куско инструкции своим братьям возобновить управление страной, в то время как сам защищал эту меру перед Альмагро на том основании, что, когда он впоследствии получит свои полномочия, было бы неприлично оказаться уже на этом посту. В заключение он призвал его без промедления отправиться в свою экспедицию на юг.

Но ни маршалу, ни его друзьям не понравилась идея так скоро отказаться от власти, которую они теперь считали своим правом. Писарро, с другой стороны, были настойчивы в возвращении его. Спор становился все жарче и жарче. У каждой партии были свои сторонники; город был расколот на фракции; и муниципалитет, солдаты и даже индийское население приняли чью-либо сторону в борьбе за власть. Ситуация доходила до крайности, угрожая столице насилием и кровопролитием, когда среди них появился сам Писарро.²⁸

Получив известие о роковых последствиях своих распоряжений, он со всей поспешностью отправился в Куско, где был встречен с нескрываемой радостью местными жителями, а также более умеренными испанцами, стремившимися предотвратить надвигающуюся бурю. Первая

беседа губернатора состоялась с Альмагро, которого он обнял с кажущейся сердечностью и, не выказывая ни малейшего негодования, поинтересовался причиной нынешних беспорядков. На это маршал ответил, возложив вину на братьев Писарро; но, хотя губернатор сделал им несколько резкий выговор за их жестокость, вскоре стало очевидно, что его симпатии были на их стороне, и опасность вражды между двумя сообщниками казалась больше, чем когда-либо. К счастью, это было отложено вмешательством некоторых общих друзей, которые проявили больше благоразумия, чем их лидеры. С их помощью в конце концов было достигнуто примирение, в основном на основании их древнего договора.

Было решено, что их дружба должна сохраняться нерушимой; и, согласно условию, которое не делает большой чести сторонам, было предусмотрено, что никто не должен клеветать или принижать другого, особенно в своих депешах императору; и что никто не должен поддерживать связь с правительством без ведома своего сообщника; наконец, что как расходы, так и прибыль от будущего открытия должны быть разделены поровну между партнерами. Гнев Небес был вызван самыми торжественными проклятиями на голову того, кто нарушит этот договор, и Всемогущего умоляли наказать нарушителя потерей имущества и жизни в этом мире и вечной гибелью в грядущем! 29. Стороны также обязали себя соблюдать этот договор торжественной клятвой, данной на причастии, поскольку оно находилось в руках отца Бартоломе де Сеговии, который завершил церемонию отслужением мессы. Вся процедура и статьи соглашения были тщательно зафиксированы нотариусом в документе, датированном 12 июня 1535 года, и засвидетельствованы длинным списком свидетелей.³⁰

Так эти два древних товарища, растоптав узы дружбы и чести, надеялись связать себя друг с другом священными узами религии. Тот факт, что возникла необходимость прибегнуть к столь экстраординарной мере, мог бы послужить им лучшим доказательством ее неэффективности.

Вскоре после того, как они уладили свои разногласия, маршал поднял знамя Чили; и многие, привлеченные его популярными манерами и щедростью — щедростью до расточительности, — охотно присоединились к предприятию, которое, как они наивно верили, приведет даже к большему богатству, чем они нашли в Перу. Два индейца, Паулло Топа, брат инки Манко, и Вильяк Уму, верховный жрец нации, были посланы вперед с тремя испанцами, чтобы подготовить путь для маленькой армии. Затем последовал отряд из ста пятидесяти человек под командованием офицера по имени Сааведра. Альмагро остался, чтобы набрать новых рекрутов; но прежде чем его набор был завершен, он начал свой поход, чувствуя себя неуверенно из-за своих уменьшившихся сил в окрестностях Писарро! 31 Остальные его силы, когда они будут собраны, должны были следовать за ним.

Избавившись таким образом от присутствия своего соперника, губернатор без дальнейших промедлений вернулся на побережье, чтобы возобновить свои труды по заселению страны. Помимо главного города "Королей", он основал другие вдоль Тихого океана, которым впоследствии суждено было стать процветающими торговыми центрами. Самый важный из них, в честь места своего рождения, он назвал Трухильо, посадив его на месте, уже указанном Альмагро.³² Он также произвел многочисленные переделы земель и индейцев среди своих последователей в обычной манере испанских завоевателей; 33 — хотя здесь незнание реальных ресурсов страны привело к результатам, совершенно отличным от того, что он намеревался, поскольку территория, наименьшая по площади, нередко благодаря спрятанным в ее недрах сокровищам, оказывалась наибольшей по ценности.³⁴

Но ничто не требовало от Писарро такой заботы, как растущий мегаполис Лима; и он с таким рвением продвигал работу, и ему так хорошо помогало множество рабочих, находившихся в его распоряжении, что он с удовлетворением увидел, как его молодая столица с ее величественными зданиями и пышными садами быстро приближается к завершению. Приятно созерцать более мягкие черты характера грубого солдата, поскольку он был таким образом занят устранением разрушительных последствий войны и закладыванием широких основ империи, более цивилизованной, чем та, которую он сверг. Это мирное занятие составляло контраст с жизнью, полной непрекращающейся суматохи, которой он был занят до сих пор. Оно также казалось более подходящим для его преклонного возраста, который, естественно, располагал к отдыху. И, если мы можем доверять его хронистам, не было периода в его карьере, которым он получал большее удовлетворение. Несомненно, нет места, на которое потомки смотрели бы с большим удовлетворением; и среди горя и опустошения, которые Писарро и его последователи принесли на преданную землю инков, Лима, прекрасный Город королей, все еще сохранился как самое великолепное произведение его творчества, прекраснейшая жемчужина на берегах Тихого океана.

Книга 3

Глава 10

Побег Инки—Возвращение Эрнандо Писарро—Восстание перуанцев—Осада и сожжение Куско-Бедствия испанцев—Штурм крепости—Смятение Писарро—Инка снимает осаду

1535—1536

В то время как отсутствие его соперника Альмагро избавило Писарро от всех непосредственных тревог в этой области, его авторитет оказался под угрозой в другой, где он меньше всего этого ожидал. Это было от коренного населения страны. До сих пор перуанцы проявляли лишь ручной и покорный нрав, который внушал их завоевателям слишком много презрения, чтобы оставлять место для опасений. Они пассивно подчинились узурпации захватчиков; видели, как одного монарха убили, другого посадили на освободившийся трон, их храмы лишили сокровищ, их столицу и страну присвоили и поделили между испанцами; но, за исключением случайных стычек на горных перевалах, не было нанесено ни единого удара в защиту их прав. И все же это была воинственная нация, распространившая свои завоевания на столь обширную часть континента!

За свою карьеру Писарро, хотя он ни перед чем не гнушался для достижения своей цели, обычно не одобрял таких излишних актов жестокости, которые слишком часто пятнали оружие его соотечественников в других частях континента и которые в течение нескольких лет истребили почти все население Эспаньолы. Он нанес один поразительный удар, захватив Атауальпу, и, казалось, был готов положиться на это, чтобы вселить ужас в туземцев. Он даже проявил некоторое уважение к институтам страны и заменил убитого им монарха другим из законной линии. Однако это был всего лишь предлог. Королевство пережило революцию самого решительного рода. Его древние институты были ниспровергнуты. Его аристократия небесного происхождения была низведена почти до положения крестьян. Люди стали крепостными завоевателей. Их жилища в столице - по крайней мере, после прибытия офицеров Альварадо — были захвачены и присвоены. Храмы были превращены в конюшни; королевские

резиденции - в казармы для войск. Неприкосновенность религиозных зданий была нарушена. Тысячи матрон и дев, которые, какой бы ошибочной ни была их вера, жили в целомудренном уединении в монастырских учреждениях, теперь были обращены в бегство и стали добычей распущенной солдатни.¹ Любимая жена молодого инки была развращена кастильскими офицерами. Инка, к которому самому относились с презрительным безразличием, обнаружил, что он был бедным иждивенцем, если не орудием, в руках своих завоевателей.²

И все же инка Манко был человеком высокого духа и отважного сердца; таким, который мог бы сравниться с храбрейшими из его предков в самые гордые дни империи. Уязвленный за живое унижениями, которым он подвергался, он неоднократно призывал Писарро вернуть его к реальному осуществлению власти, а также к демонстрации ее. Но Писарро уклонился от просьбы, столь несовместимой с его собственными честолюбивыми планами или, более того, с политикой Испании, и молодому инке и его знати пришлось втайне сокрушаться о нанесенных им обидах и терпеливо ожидать часа мести.

Разногласия между самими испанцами, казалось, предоставляли благоприятную возможность для этого. Перуанские вожди провели множество совещаний по этому вопросу, и верховный жрец Вильяк Уму настаивал на необходимости восстания, как только Альмагро выведет свои войска из города. Тогда было бы сравнительно легко, атаковав захватчиков на их нескольких постах, разбросанных по всей стране, одолеть их численным превосходством и сбросить ненавистное ярмо до того, как прибытие свежих подкреплений навеки наденет его на шею его соотечественников. Был разработан план всеобщего восстания, и в соответствии с ним инка выбрал священника, который должен был сопровождать Альмагро в походе, чтобы он мог заручиться поддержкой местных жителей в стране, а затем тайно вернуться — что он фактически и сделал — чтобы принять участие в восстании.

Для осуществления их планов стало необходимо, чтобы инка Манко покинул город и появился среди своего народа. Он без труда отступил из Куско, где испанцы едва ли обращали внимание на его присутствие, поскольку к его номинальной власти надменные и самоуверенные завоеватели относились с небольшим почтением. Но в столице была группа индийских союзников, более ревниво следивших за его передвижениями. Это были представители племени канаресов, воинственной расы севера, слишком недавно побежденной инками, чтобы испытывать большую симпатию к ним или их институтам. В этом месте находилось около тысячи таких людей, и, поскольку у них возникли некоторые подозрения относительно намерений инки, они следили за его передвижениями и быстро доложили о его отсутствии Хуану Писарро.

Этот всадник во главе небольшого конного отряда немедленно пустился в погоню за беглецом, которого ему посчастливилось обнаружить в зарослях тростника, в которых он пытался укрыться, недалеко от города. Манко был арестован, возвращен пленником в Куско и помещен в крепость под усиленной охраной. Теперь заговору, казалось, пришел конец, и несчастным перуанцам ничего не оставалось, как оплакивать свои рухнувшие надежды и выразить свое разочарование в печальных балладах, в которых рассказывалось о пленении их инки и падении его королевского дома.³

Пока происходили эти события, Эрнандо Писарро вернулся в Сьюдад-де-лос-Рейес, неся с собой королевское поручение о расширении полномочий своего брата, а также полномочий, переданных Альмагро. Посланник также привез королевский патент, присваивающий Франсиско Писарро титул маркиза де лос Атавиљос, — провинции в Перу. Так удачливый

авантюрист был поставлен в ряды гордой кастильской аристократии, немногие из представителей которой могли похвастаться — если у них хватало смелости хвастаться — своим возвышением из столь скромного происхождения, и еще меньше было тех, кто мог оправдать это демонстрацией больших заслуг перед короной.

Новый маркиз решил в настоящее время не передавать это поручение маршалу, которого он намеревался еще глубже вовлечь в завоевание Чили, чтобы отвлечь его внимание от Куско, которое, однако, как заверил его брат, теперь, без сомнения, находилось в недавно расширенных пределах его собственной территории. Чтобы быть более уверенным в получении этой важной награды, он отправил Эрнандо взять управление столицей в свои руки, как единственного из своих братьев, на таланты и практический опыт которого он больше всего полагался.

Эрнандо, несмотря на свое высокомерное отношение к своим соотечественникам, всегда проявлял к индейцам нечто большее, чем обычную симпатию. Он был другом Атауальпы; действительно, до такой степени, что поговаривали, если бы он был в то время в лагере, участь этого несчастного монарха, вероятно, была бы предотвращена. Теперь он проявлял такое же дружеское расположение по отношению к своему преемнику Манко. Он добился освобождения перуанского принца из заключения и постепенно допустил его к некоторой близости с самим собой. Хитрый индеец воспользовался своей свободой, чтобы разработать свои планы восстания, но с такой осторожностью, что Эрнандо и в голову не пришло заподозрить их. Скрытность и молчаливость характерны для американца почти так же неизменно, как своеобразный цвет его кожи. Манко рассказал своему завоевателю о существовании нескольких куч сокровищ и местах, где они были спрятаны; и когда он таким образом завоевал его доверие, он еще больше раззадорил его алчность рассказом о статуе из чистого золота его отца Уайны Капака, которую хитрый перуанец попросил разрешения принести из потайной пещеры, в которой она была спрятана, в соседних Андах. Эрнандо, ослепленный своей алчностью, согласился на отъезд инки.

Он послал с собой двух испанских солдат, не столько для охраны, сколько для помощи в достижении цели его экспедиции. Прошла неделя, а он все еще не возвращался, и о нем не было никаких вестей. Теперь Эрнандо понял свою ошибку, тем более что его собственные подозрения подтвердились неблагоприятными сообщениями его индийских союзников. Без дальнейших промедлений он отправил своего брата Хуана во главе шестидесяти всадников на поиски перуанского принца с приказом вернуть его пленником в свою столицу.

Этот кавалерист со своими хорошо вооруженными войсками вскоре объехал окрестности Куско, не обнаружив никаких следов беглеца. Местность была удивительно тихой и пустынной, пока, когда он не приблизился к горному хребту, окаймляющему долину Юкай, примерно в шести лигах от города, его не встретили двое испанцев, сопровождавших Манко. Они сообщили Писарро, что только острием меча он может вернуть инку, ибо вся страна вооружена, и перуанский вождь во главе ее готовится выступить на столицу. Тем не менее, он не применил к ним насилия, а позволил им вернуться в безопасности.

Испанский капитан нашел, что эта история полностью подтвердилась, когда он прибыл к реке Юкай, на противоположном берегу которой были выстроены индейские батальоны численностью во многие тысячи человек, которые во главе со своим молодым монархом приготовились оспорить его переход. Казалось, они не могли чувствовать свою позицию

достаточно прочной, не установив, как обычно, реку между собой и врагом. Испанцев это препятствие не остановило. Ручей, хотя и глубокий, был узким; и, нырнув в него, они смело погнали своих лошадей вплавь, среди шквала камней и стрел, которые градом сыпались на их сбрую, время от времени находя какую-нибудь расщелину или уязвимое место, — хотя полученные таким образом раны только подстегивали их к более отчаянным усилиям. Варвары отступили, когда кавалеристы благополучно высадились; но, не дав последнему времени сформироваться, они вернулись с духом, который до сих пор редко проявляли, и окружили их со всех сторон своим значительно превосходящим числом. Битва теперь разгорелась яростная. Многие индейцы были вооружены копьями с медными наконечниками, закаленными почти до твердости стали, и огромными булавами и боевыми топорами из того же металла. Их защитная броня также была во многих отношениях превосходной и состояла из прочных дублетов из стеганого хлопка. щиты, покрытые шкурами, и шлемы, богато украшенные золотом и драгоценными камнями, а иногда сделанные, как у мексиканцев, в фантастической форме голов диких животных, украшенных рядами зубов, которые устрашающе скалились над лицом воина.⁴ Вся армия отличалась воинственной свирепостью и находилась под контролем гораздо более высокой военной дисциплины, чем испанцы когда-либо видели в этой стране.

Маленький отряд кавалеристов, потрясенных яростью нападения индейцев, поначалу пришел в некоторое замешательство, но в конце концов, подбадривая друг друга старым боевым кличем "Св. Яго, - они построились в сплошную колонну и смело ринулись в гущу врага. Последние, не выдержав удара, уступали дорогу, или были растоптаны копытами лошадей, или пронзены копьями всадников. И все же их бегство велось в некотором порядке; через определенные промежутки времени они оборачивались, чтобы выпустить град стрел или нанести яростные удары своими древковыми топорами и боевыми дубинками. Они сражались так, словно сознавали, что находятся под присмотром своего инки.

Наступил вечер, когда они полностью покинули ровную местность и удалились в твердыни высокой гряды холмов, которые поясом окружают прекрасную долину Юкай. Хуан Писарро и его небольшой отряд разбили лагерь на равнине у подножия гор. Он одержал победу, как обычно, с огромным перевесом сил; но он никогда не видел столь ожесточенного сражения, и его победа стоила ему жизни нескольких людей и лошадей, в то время как многие другие были ранены и были почти выведены из строя из-за дневной усталости. Но он верил, что суровый урок, который он преподавал врагу, чья резня была велика, сокрушит дух сопротивления. Он был обманут.

На следующее утро велико было его смятение, когда он увидел, что горные перевалы заполнены темными рядами воинов, простиравшимися, насколько хватало глаз, в глубины сьерры, в то время как плотные массы врага, подобно грозovým тучам, собирались вдоль склонов и перелесков, словно готовые в ярости обрушиться на нападающих. Местность, совершенно неблагоприятная для маневров кавалерии, давала все преимущества перуанцам, которые скатывали огромные камни со своей возвышенности и непрерывно осыпали головы испанцев градом метательных снарядов. Хуан Писарро не хотел еще больше запутываться в опасном ущелье; и, хотя он неоднократно атаковал врага и отбрасывал его назад со значительными потерями, вторая ночь застала его с людьми и лошадьми усталым и раненым, и он так же мало продвинулся в достижении цели своего похода, как и предыдущим вечером. Выйдя из этого затруднительного положения, после дня или двух, проведенных в бесполезных военных действиях, он был застигнут врасплох призывом от своего брата возвращаться со всем отрядом в Куско, который теперь был осажден врагом!

Без промедления он начал отступление, пересек долину, недавнее место резни, переплыл реку Юкай и быстрым контрмаршем, сопровождаемый победоносным врагом, который праздновал свой успех песнями или, скорее, торжествующими воплями, прибыл до наступления темноты в поле зрения столицы.

Но зрелище, представшее его взору, сильно отличалось от того, что он увидел, покидая его несколько дней назад. Обширные окрестности, насколько хватало глаз, были заняты могучим войском, которое по неопределенным подсчетам насчитывало двести тысяч воинов.⁵ Смутные линии индейских батальонов растянулись до самого края гор; в то время как повсюду глаз видел только гербы и развевающиеся знамена вождей, смешанные с богатыми доспехами из перьев, которые напомнили некоторым, служившим под началом Кортеса, о военном костюме ацтеков. Над всем этим возвышался лес длинных копий и боевых топоров, окованных медью, которые, раскачиваясь взад и вперед в диком беспорядке, блестели в лучах заходящего солнца, подобно свету, играющему на поверхности темного и беспокойного океана. Это был первый раз, когда испанцы увидели индейскую армию во всех ее ужасах; такую армию, какую инки вели в бой, когда знамя Солнца торжествующе несло над землей.

Однако отважные сердца кавалеров, хотя и были на мгновение встревожены этим зрелищем, вскоре набрались храбрости, сомкнули ряды и приготовились проложить себе путь сквозь осаждающее войско. Но враг, казалось, уклонился от встречи и, отступив при их приближении, оставил свободный вход в столицу. Перуанцы, вероятно, не желали вовлекать в тяжкие труды как можно больше жертв, сознавая, что чем больше их число, тем скорее они почувствуют приближение голода.⁶

Эрнандо Писарро приветствовал своего брата с немалым удовлетворением, ибо тот привел важное пополнение к своему войску, которое теперь, когда все были объединены, не превышало двухсот человек, конных и пеших, ⁷ не считая тысячи вспомогательных индейцев; ничтожное число по сравнению с бесчисленными толпами, столпившимися у ворот. Ту ночь испанцы провели с чувством глубочайшей тревоги, поскольку с естественным опасением ожидали наступления завтрашнего дня. В начале февраля 1536 года началась осада Куско; осада, запомнившаяся тем, что вызвала самые героические проявления индейской и европейской доблести и привела две расы друг к другу в более смертоносном конфликте, чем когда-либо при завоевании Перу.

Ночью численность врага казалась не менее грозной, чем при свете дня; повсюду были видны его сторожевые костры, мерцающие над долиной и вершинами холмов, разбросанные так же густо, как, по словам очевидца, "звезды на небе в безоблачную летнюю ночь" ⁸. Прежде чем эти костры побледнели в утреннем свете, испанцев разбудил отвратительный рев раковин, труб и атабалов, смешанный с яростными боевыми кличами варваров, когда они выпустили залпы огнестрельного оружия. ракеты всех видов, большинство из которых безвредно упали в пределах города. Но другие совершили более серьезную казнь. Это были горящие стрелы и раскаленные камни, завернутые в вату, пропитанную каким-то битумным веществом, которое, разбрасывая по воздуху длинные полосы света, падало на крыши зданий и быстро поджигало их.⁹ Эти крыши, даже самых лучших зданий, были сплошь покрыты соломой и воспламенялись так же легко, как трут. В одно мгновение пламя охватило самые противоположные кварталы города. Они быстро распространились на деревянные конструкции внутри зданий, и широкие языки пламени, смешанные с дымом, поднялись к небесам, бросая устрашающий отблеск на

каждый предмет. Разреженная атмосфера усилила прежнюю порывистость ветра, который, раздувая поднимающееся пламя, быстро распространял его от дома к дому, пока вся огненная масса, раскачиваемая взад и вперед бурей, не вздыбилась и не заревела с яростью вулкана. Жара становилась невыносимой, и клубы дыма, собирающиеся над городом подобно темному покрывалу, вызывали ощущение удушья и почти слепоты в тех кварталах, куда его гнали ветры.¹⁰

Испанцы расположились лагерем на большой площади, частично под навесами, а частично в зале инки Виракочи, на земле, с тех пор покрытой собором. Трижды в течение того ужасного дня крыша здания загоралась; но, хотя не предпринималось никаких усилий для ее тушения, пламя гасло, не причинив особого вреда. Это чудо приписывали Пресвятой Деве, которую отчетливо видели несколько христианских воинов, парящих над местом, на котором должен был быть возведен храм, посвященный ее поклонению.¹¹

К счастью, открытое пространство вокруг маленькой компании Эрнандо отделяло их от непосредственного места пожара. Это давало средство самосохранения, подобное тому, к которому прибегает американский охотник, пытающийся окружить себя поясом опустошенной земли, когда его настигает пожар в прериях. Весь день продолжал бушевать пожар, а ночью эффект был еще более ужасающим; ибо в ярком свете пламени несчастные испанцы могли прочесть ужас, написанный на мертвенно-бледных лицах друг друга, в то время как в пригородах, на склонах окружающих холмов, можно было увидеть толпы осаждающих, с дьявольским ликованием взиравших на разрушительную работу. Высоко над городом на севере возвышалась серая крепость, которая теперь казалась красноватой в отблесках солнца, мрачно взирая вниз на руины прекрасного города, который она больше не могла защищать; а вдалеке можно было различить темные очертания Анд, возвышающихся в уединенном величии в областях вечной тишины, далеко за пределами дикого смятения, которое так устрашающе бушевало у их подножия.

Город был так велик, что прошло несколько дней, прежде чем ярость пожара иссякла. Башня и храм, хижина, дворец и ратуша рухнули раньше него. К счастью, среди уцелевших зданий были великолепный Дом Солнца и соседний Монастырь Девственниц. Их изолированное положение давало средства, которыми индейцы из побуждений благочестия были готовы воспользоваться для их сохранения.¹² Добрая половина столицы, столь долго служившей центром западной цивилизации, гордостью инков и светлой обителью их божества-покровителя, была превращена в пепел руками его собственных детей. Для них было некоторым утешением думать о том, что он горел над головами своих победителей - их трофеев и их могила!

В течение длительного периода пожара испанцы не предпринимали никаких попыток потушить пламя. Такая попытка ни к чему бы не привела. Тем не менее, они не подчинились покорно нападениям врага и время от времени совершали вылазки, чтобы отразить их. Но упавшие бревна и разбросанный мусор из домов представляли серьезные препятствия для передвижения конницы; и когда они были частично расчищены усилиями пехоты и индийских союзников, перуанцы установили колья и соорудили баррикады поперек дороги, что оказалось не менее затруднительным.¹³ Убрать их было делом времени и немалой опасности, поскольку пионеры подвергались всей мощи вражеских лучников, а перуанец был уверен в своей цели. Когда, наконец, препятствия были устранены и кавалерии открылся свободный ход, они с неудержимой стремительностью бросились на своих врагов, которые, отступив в

замешательстве, были изрублены на куски всадниками или пронзены насквозь их копьями. Резня в этих случаях была большой; но индейцы, ничуть не обескураженные, обычно с удвоенной храбростью шли в атаку, и, в то время как свежие подкрепления встречали испанцев спереди, другие, сидя в засаде среди развалин, приводили войска в беспорядок, атакуя их с флангов. Перуанцы были искусны как с луком, так и с пращей; и эти столкновения, несмотря на превосходство их в вооружении, стоили испанцам больше жизней, чем они могли позволить себе в своем искалеченном состоянии, — потери, плохо компенсируемые десятикратной численностью противника. Одно оружие, характерное для южноамериканских войн, было с некоторым эффектом использовано перуанцами. Это было лассо, длинная веревка с петлей на конце, которую они ловко перекидывали через всадника или опутывали ею ноги его лошади, чтобы повалить их обоих на землю. Благодаря этому способу не один испанец попал в руки врага.¹⁴

Измученные таким образом, спящие на руках, с привязанными рядом лошадьми, готовые к бою в любой час, испанцы не имели покоя ни ночью, ни днем. Вдобавок к их бедам, крепость, возвышавшаяся над городом и полностью господствовавшая над большой площадью, на которой они были расквартированы, была настолько малочисленна из-за их ложного чувства безопасности, что при приближении перуанцев она была оставлена без единого удара при ее защите. Теперь он был занят сильным отрядом противника, который со своей возвышенности время от времени посылал вниз град снарядов, что сильно усиливало раздражение осажденных. Теперь их капитан горько раскаивался в неосмотрительной охране, которая заставила его пренебречь столь важным постом.

Их страдания еще больше усугублялись слухами о положении в стране, которые постоянно доходили до их ушей. Говорили, что восстание было всеобщим по всей стране; все испанцы, жившие на своих изолированных плантациях, были перебиты; Лима, Трухильо и главные города были осаждены и вскоре должны были попасть в руки врага; перуанцы овладели перевалами, и все коммуникации были перерезаны, так что от их соотечественников на побережье помощи ждать не приходилось. Таковы были мрачные истории (которые, какими бы преувеличенными они ни были, на самом деле имели слишком много оснований), которые теперь проникали в город из лагеря осаждающих. И чтобы придать большей достоверности слухам, на площадь выкатили восемь или десять человеческих голов, в окровавленных лицах которых испанцы с ужасом узнали черты своих товарищей, которые, как они знали, жили в одиночестве в своих поместьях! ¹⁵

Охваченные этими ужасами, многие были за то, чтобы немедленно покинуть это место, как более непригодное для жизни, и открыть для себя проход к побережью своими собственными добрыми мечами. В этом предприятии была смелость, которая придавала очарование авантюрному духу кастильца. Лучше, говорили они, погибнуть в мужественной борьбе за жизнь, чем умереть так позорно, загнанные, как лисы в свои норы, быть задушенными охотником!

Но Писаррос, Де Рохас и некоторые другие видные кавалеры отказались согласиться на меру, которая, по их словам, должна была покрыть их бесчестьем.¹⁶ Куско был великой добычей, за которую они боролись; это была древняя резиденция империи, и, хотя теперь она превратилась в пепел, она снова восстанет из своих руин такой же славной, как и прежде. Все взоры были бы обращены на них, как на его защитников, и их неудача, придав врагу уверенности, могла бы

решить судьбу их соотечественников по всей стране. Они были поставлены на этот почетный пост, и лучше было бы умереть там, чем покинуть его.

Казалось, действительно, альтернативы не было; ибо все пути к бегству были отрезаны врагом, который в совершенстве знал местность и владел всеми ее перевалами. Но такое положение вещей не могло продолжаться долго. Индеец в конечном счете не смог бы бороться с белым человеком. Дух восстания угас бы сам по себе. Их великая армия растаяла бы, поскольку туземцы были непривычны к лишениям, сопутствующим затяжной кампании. Ежедневно прибывали бы подкрепления из колоний; и если бы кастильцы были верны себе хотя бы на время, их сменили бы их собственные соотечественники, которые никогда не допустили бы, чтобы они умирали, как изгои, в горах.

Подбадривающие слова и мужественная осанка кавалеров тронули сердца их последователей, ибо душа испанца с готовностью откликнулась на зов чести, если не человечности. Теперь все согласились стоять рядом со своим лидером до последнего. Но, если они хотели дольше оставаться на своих нынешних позициях, было абсолютно необходимо выбить врага из крепости; и, прежде чем отважиться на эту опасную службу, Эрнандо Писарро решил нанести такой удар, который устранил бы осаждающих от дальнейших попыток вторгнуться в его теперешние покои.

Он сообщил своим офицерам план атаки и, разделив свой небольшой отряд на три дивизии, отдал их под командование своего брата Гонсало, Габриэля де Рохаса, офицера, которому он очень доверял, и Эрнана Понсе де Леона. Индейские пионеры были посланы вперед, чтобы убрать мусор, и несколько дивизий одновременно двинулись по главным улицам к лагерю осаждающих. Те отставшие, которые встречались им на пути, были легко разрублены на куски, и три отряда, стремительно ворвавшись в беспорядочные ряды перуанцев, застали их врасплох. Несколько мгновений сопротивление было слабым, и резня была ужасной. Но индейцы постепенно сплотились и, придя в некое подобие порядка, вернулись к битве с мужеством людей, давно знакомых с опасностью. Они сражались врукопашную своими боевыми дубинами с медными наконечниками и древковыми топорами, в то время как на хорошо защищенные тела христиан обрушивался град дротиков, камней и стрел.

Варвары проявили большую дисциплину, чем можно было ожидать; за что, как говорят, они были обязаны некоторым испанским пленным, у некоторых из которых инка, великодушно сохранив им жизни, время от времени брал уроки военного искусства. Перуанцы также научились с некоторой степенью мастерства обращаться с оружием своих завоевателей; и их видели вооруженными щитами, шлемами и мечами европейской работы, и даже, в нескольких случаях, верхом на лошадях, которых они отняли у белых людей.¹⁷ Молодой инка, в частности, был одет по европейской моде, ехал на боевом коне, которым управлял с большим мастерством, и с длинным копьём в руке повел своих сторонников в атаку. Эта готовность принять превосходящее вооружение и тактику Завоевателей указывает на более высокую цивилизацию, чем та, которая принадлежала ацтекам, которые во время своего длительного столкновения с испанцами так и не избавились от страха перед лошадью настолько, чтобы отважиться взобраться на нее.

Но нескольких дней или недель тренировок было недостаточно, чтобы освоиться с оружием, а тем более с тактикой, столь непохожей на ту, к которой перуанцы привыкли до сих пор. Бой в данном случае, хотя и был жарким, не был продолжительным. После доблестной борьбы, в

которой туземцы бесстрашно набросились на всадников, пытаясь оторвать их от седел, они были вынуждены уступить дорогу перед повторными ударами своих всадников. Многие были затоптаны ногами, другие изрублены испанскими палашами, в то время как аркебузиры, поддерживая кавалерию, вели беглый огонь, который творил ужасные расправы на флангах и в тылу беглецов. Наконец, пресытившись резней и веря, что наказание, которому он подверг врага, обезопасит его на время от дальнейших неприятностей, кастильский генерал отвел свои войска в их расположение в столице.¹⁸

Его следующим шагом было восстановление цитадели. Это было опасное предприятие. Крепость, возвышавшаяся над северной частью города, стояла высоко на скалистом возвышении, таком крутом, что была недоступна в этом квартале, где ее защищала только одна стена. Со стороны открытой местности к нему было легче подступиться; но там он был защищен двумя полукруглыми стенами, каждая около тысячи двухсот футов в длину и большой толщины. Они были построены из массивных камней, или, скорее, скал, сложенных вместе без цемента, так, чтобы получилась своего рода деревянная поделка. Уровень земли между этими линиями обороны был повышен таким образом, чтобы гарнизон мог выпускать стрелы в нападающих, в то время как их собственные лица были защищены парапетом. За внутренней стеной находилась крепость, состоящая из трех мощных башен, одна из которых была большой высоты, а другая поменьше теперь удерживалась врагом под командованием знатного инки, испытанного в доблести воина, готового защищать ее до последнего.

Это опасное предприятие Эрнандо Писарро доверил своему брату Хуану, кавалеру, в груди которого горел авантюрный дух странствующего рыцаря-романтика. Поскольку к крепости предстояло подойти через горные перевалы, возникла необходимость отвлечь внимание противника на другой квартал. Незадолго до захода солнца Хуан Писарро покинул город с отборным отрядом всадников и двинулся в направлении, противоположном направлению к крепости, чтобы осаждающая армия могла предположить, что целью является экспедиция за фуражом. Но, тайно совершив ночной контрмарш, он, к счастью, обнаружил, что проходы не защищены, и подошел к внешней стене крепости, не подняв тревоги в гарнизоне.¹⁹

Вход был через узкое отверстие в центре вала, но теперь оно было завалено тяжелыми камнями, которые, казалось, составляли одно целое с остальной каменной кладкой. Вытеснить эти огромные массы таким образом, чтобы не разбудить гарнизон, было делом времени. Индейские племена, которые редко нападали ночью, не были достаточно знакомы с военным искусством даже для того, чтобы обеспечить внезапность, выставив часовых. Когда задача была выполнена, Хуан Писарро и его доблестный отряд въехали в ворота и направились ко второму парапету.

Но их передвижения не были настолько тайными, чтобы остаться незамеченными, и теперь они обнаружили, что внутренний двор кишит воинами, которые при приближении испанцев выпустили тучи снарядов, вынудивших их остановиться. Хуан Писарро, понимая, что нельзя терять времени, приказал половине своего корпуса спешиться и, встав во главе их, приготовился, как и прежде, пробить брешь в укреплениях. Несколькими днями ранее он был ранен в челюсть, так что, обнаружив, что шлем причиняет ему боль, он опрометчиво избавился от него и доверил защиту своему щиту.²⁰ Ведя за собой своих людей, он поощрял их к разрушительной работе перед лицом такого урагана камней, дротиков и стрел, который мог бы заставить содрогнуться самое храброе сердце при встрече с ним. Хорошая кольчуга испанцев

не всегда защищала их; но другие занимали место тех, кто пал, пока не была пробита брешь, и кавалерия, хлынув внутрь, уничтожила всех, кто им противостоял.

Теперь парапет был оставлен, и враг, бросившись в беспорядочном бегстве через ограду, укрылся на своего рода платформе или террасе, возвышавшейся над главной башней. Здесь, сплотившись, они выпустили новые залпы ракет по испанцам, в то время как гарнизон крепости сбрасывал им на головы обломки камня и дерева. Хуан Писарро, все еще находившийся в первых рядах, выскочил на террасу, подбадривая своих людей своим голосом и примером; но в этот момент его ударили большим камнем по голове, не защищенной тогда его щитом, и он растянулся на земле. Бесстрашный вождь все еще продолжал воодушевлять своих последователей своим голосом, пока терраса не была снесена, а ее жалкие защитники преданы мечу. Страдания были тогда для него непосильны, и его перевезли в город внизу, где, несмотря на все усилия по его спасению, он пережил ранение всего на две недели и умер в страшных мучениях.²¹—Сказать, что он был Писарро, достаточно, чтобы подтвердить его притязания на доблесть. Но это его похвала, что его доблесть была смягчена вежливостью. Его собственный характер казался мягким по контрасту с надменным нравом его братьев, а его манеры сделали его любимцем армии. Он с самого начала участвовал в завоевании Перу, и ни одно имя в списке его завоевателей не запятнано меньше упреками в жестокости и не стоит выше по всем качествам истинного и доблестного рыцаря.²²

Хотя Эрнандо Писарро глубоко переживал катастрофу своего брата, он понимал, что нельзя терять времени, чтобы воспользоваться уже полученными преимуществами. Поручив охрану города Гонсало, он встал во главе нападавших и предпринял энергичную осаду крепостей.

Один сдался после непродолжительного сопротивления. Другой, более грозный из двух, все еще держался под командованием храброго благородного инки, который им командовал. Это был человек атлетического телосложения, и его можно было увидеть вышагивающим по зубчатым стенам, вооруженным испанским щитом и кирасой, а в руке он сжимал грозную булаву, украшенную медными наконечниками. Этим ужасным оружием он поражал всех, кто пытался силой проникнуть в крепость. Говорят, что некоторых из его собственных последователей, предложивших сдаться, он убил собственной рукой. Эрнандо приготовился перевезти это место на эскаладе. К стенам были приставлены лестницы, но не успевал испанец взобраться на самый верхний круг, как сильная рука индейского воина швыряла его на землю. Его активность была равна его силе; и казалось, что он всегда оказывался в тот момент, когда требовалось его присутствие.

Испанский командующий был преисполнен восхищения этим проявлением доблести, ибо он мог восхищаться доблестью даже во враге. Он отдал приказ, чтобы вождя не ранили, но, по возможности, взяли живым.²³ Это было нелегко. Наконец, приставив к башне множество лестниц, испанцы взобрались на нее с нескольких сторон одновременно и, ворвавшись внутрь, одолели тех немногих бойцов, которые все еще оказывали демонстративное сопротивление. Но вождя инков было не взять в плен; и, убедившись, что дальнейшее сопротивление бесполезно, он подскочил к краю зубчатой стены и, отбросив свою боевую дубинку, завернулся в плащ и стремглав бросился с вершины.²⁴ Он умер, как древний римлянин. Он нанес свой последний удар за свободу своей страны и презрел возможность пережить ее бесчестие. Кастильский командующий оставил небольшой отряд в гарнизоне, чтобы закрепить свою победу, и с триумфом вернулся в свои покои.

Проходила неделя за неделей, а осажденным испанцам не приходило никакой помощи. Они уже давно начали ощущать приближение голода. К счастью, они были обеспечены водой из ручьев, протекавших через город. Но, хотя они хорошо экономили свои ресурсы, их провизия была исчерпана, и некоторое время они зависели от тех скудных запасов зерна, которые могли собрать в разрушенных складах и жилищах, в основном сгоревших в огне, или от продуктов какого-нибудь успешного набега.⁽²⁵⁾ Это последнее средство давалось с немалыми трудностями, ибо каждая экспедиция приводила к ожесточенному столкновению с врагом, которое обычно стоило жизни нескольким испанцам и наносило гораздо более тяжелые увечья союзникам-индейцам. Тем не менее, это был по крайней мере один хороший результат такой потери, поскольку оставалось меньше возможностей для обеспечения. Но в целом число осажденных было так невелико, что любая потеря значительно увеличивала трудности обороны оставшихся.

По мере того как проходили месяцы, не принося никаких известий о своих соотечественниках, их умы терзали еще более мрачные опасения относительно их судьбы. Они хорошо знали, что губернатор приложит все усилия, чтобы выволить их из отчаянного положения. То, что он не преуспел в этом, делало вероятным, что его собственное положение было не лучше их, или, возможно, он и его последователи уже пали жертвами ярости повстанцев. Это была мрачная мысль о том, что они одни остались на земле, вдали от всякой человеческой помощи, чтобы погибнуть от рук варваров в горах.

Однако реальное положение вещей, хотя и было крайне мрачным, было не таким отчаянным, как рисовало их воображение. Восстание, это правда, было всеобщим по всей стране, по крайней мере, в той ее части, которая была занята испанцами. Оно было так хорошо спланировано, что вспыхнуло почти одновременно, и завоеватели, которые жили в беспечной безопасности в своих поместьях, были перебиты численностью в несколько сотен человек. Индейские войска расположились перед Шауксой, а значительная армия заняла долину Римак и осадила Лиму. Но местность вокруг этой столицы имела открытый, ровный характер, очень благоприятный для действий кавалерии. Как только Писарро увидел, что ему угрожает вражеский строй, он послал против перуанцев такие силы, которые быстро обратили их в бегство; и, развивая свое преимущество, он нанес им такое суровое наказание, что, хотя они все еще продолжали держаться на расстоянии и перерезали его сообщение с внутренними районами, они не побоялись оказаться по другую сторону Римака.

Отчеты, которые испанский командующий получил теперь о положении в стране, наполнили его самой серьезной тревогой. Его особенно заботила судьба гарнизона в Куско, и он неоднократно предпринимал попытки освободить эту столицу. В разное время он отправил четыре отряда общей численностью более четырехсот человек, половину из которых составляла кавалерия, под командованием нескольких своих самых храбрых офицеров. Но ни один из них не добрался до места назначения. Хитрые туземцы позволили им пройти вглубь страны, пока они не запутались в перевалах Кордильер. Затем они окружили их значительно превосходящим числом и, заняв высоты, осыпали головы испанцев своими смертоносными снарядами или раздавили их под тяжестью каменных обломков, которые они скатывали на них с гор. В некоторых случаях весь отряд был уничтожен до одного человека. В других выживали только несколько оставшихся, чтобы вернуться и рассказать кровавую историю своим соотечественникам в Лиме.²⁶

Теперь Писарро был полон ужаса. У него были самые мрачные предчувствия относительно судьбы испанцев, рассеянных по всей стране, и он даже сомневался в возможности сохранить свой собственный плацдарм в ней без помощи из-за границы. Он отправил судно в соседнюю колонию в Трухильо, убеждая их покинуть это место со всем своим имуществом и вернуться к нему в Лиму. К счастью, эта мера не была принята. Многие из его людей были за то, чтобы воспользоваться судами, стоявшими на якоре в порту, чтобы немедленно бежать из страны и укрыться в Панаме. Писарро не захотел прислушаться к столь подлому совету, который повлек за собой дезертирство храбрецов во внутренних районах страны, которые все еще обращались к нему за защитой. Он лишил надежды эти робкие умы, отправив все суда, находившиеся в то время в порту, совсем с другой миссией. Он отправил с их помощью письма губернаторам Панамы, Никарагуа, Гватемалы и Мексики, в которых описывал мрачное состояние своих дел и взывал к их помощи. Сохранилось его послание Альварадо, тогда обосновавшегося в Гватемале. Он заклинает его всеми чувствами чести и патриотизма прийти к нему на помощь, и это до того, как стало слишком поздно. Без посторонней помощи испанцы больше не смогли бы удерживать свои позиции в Перу, и эта великая империя была бы потеряна Кастильской короной. Наконец-то он соглашается разделить с ним те завоевания, которые они могут совершить объединенными усилиями.²⁷— Подобные уступки тому самому человеку, отсутствия которого в стране всего несколько месяцев назад Писарро был бы готов добиться почти любой ценой, являются достаточным доказательством крайности его горя. Помощь, о которой он так настойчиво просил, прибыла вовремя, но не для подавления индийского восстания, а для того, чтобы помочь ему в столь же серьезной борьбе с его собственными соотечественниками.

Наступил август. С начала осады Куско прошло более пяти месяцев, но перуанские легионы все еще стояли лагерем вокруг города. Осада затянулась намного дольше, чем это было обычно в войне индейцев, и продемонстрировала решимость туземцев истребить белых людей. Но сами перуанцы в течение некоторого времени испытывали стеснение из-за нехватки провизии. Прокормить такое многочисленное войско было нелегким делом; и очевидный ресурс запасов зерна, столь предусмотрительно заготовленных инками, сослужил им лишь небольшую службу, поскольку их содержимое было расточительно использовано и даже растрчено испанцами при их первом завоевании страны.²⁸ Теперь наступил сезон сева, и Инка хорошо знал, что, если его последователи пренебрегут этим, их постигнет бедствие, еще более страшное, чем их захватчики. Поэтому, распустив большую часть своих войск, он приказал им разойтись по домам, а после окончания полевых работ вернуться и возобновить блокаду столицы. Инка приберег значительные силы для личной охраны, с которыми удалился в Тамбо, сильноукрепленное место к югу от долины Юкай, любимую резиденцию его предков. Он также разместил большой отряд в качестве наблюдательного отряда в окрестностях Куско, чтобы следить за передвижениями врага и перехватывать припасы.

Испанцы с радостью наблюдали за могучим войском, которое так долго окружало город, а теперь таяло вдаль. Они не замедлили воспользоваться этим обстоятельством, и Эрнандо Писарро воспользовался временным отсутствием, чтобы разослать отряды фуражиров по всей стране и доставить припасы своим голодающим солдатам. В этом он преуспел настолько, что однажды не менее двух тысяч голов крупного рогатого скота - перуанских овец — были увезены с индейских плантаций и благополучно доставлены в Куско.²⁹ Это поставило армию выше всех опасений на счет нужды в настоящее время.

Однако эти набеги совершались на острие копья, и за ними последовало множество отчаянных схваток, в которых пролилась лучшая кровь испанского рыцарства. Соревнования, действительно, не ограничивались большими группами войск, но имели место стычки между небольшими отрядами, которые иногда принимали форму личных поединков. Стороны не были столь неравноправны, как можно было предположить в этих одиночных столкновениях; и перуанский воин со своей пращей, луком и лассо оказался неплохим противником для всадника в кольчуге, с которым он иногда даже отваживался сойтись врукопашную со своим грозным боевым топором. Земля вокруг Куско превратилась в поле битвы, подобное веге Гранадской, на котором христиане и язычники демонстрировали особенности своей своеобразной войны; и было совершено множество героических поступков, которым требовалась только песня менестреля, чтобы окружить их славой, подобной той, что была в последние дни мусульман Испании.³⁰

Но Эрнандо Писарро не удовлетворился тем, что полностью перешел к обороне; и он замыслил смелый удар, которым сразу же положил бы конец войне. Это был плен инки Манко, которого он надеялся застать врасплох в его покоях в Тамбо.

Для этой службы он отобрал около восьмидесяти своих лучших кавалеристов с небольшим количеством пеших; и, сделав большой крюк по менее посещаемым горным ущельям, он прибыл к Тамбо, не потревожив врага. Он обнаружил, что это место укреплено сильнее, чем он себе представлял. Дворец, или, скорее, крепость, инков стоял на высоком возвышении, крутые склоны которого в том квартале, к которому приближались испанцы, были изрезаны террасами, защищенными прочными стенами из камня и обожженного на солнце кирпича.³¹ С этой стороны это место было неприступно. С противоположной стороны оно выходило на Юкай, и местность постепенно спускалась к равнине, по которой катился ее глубокий, но узкий поток.³² Это был квартал, на который следовало напасть.

Без особых трудностей переправившись через ручей, испанский командир продвигался вверх по гладкому гласису, стараясь производить как можно меньше шума. Утренний свет едва пробился над горами; и Писарро, приблизившись к внешним укреплениям, которые, как и в крепости Куско, состояли из мощного каменного парапета, окружавшего ограду, быстро двинулся вперед, уверенный, что гарнизон все еще погружен в сон. Но тысячи глаз были устремлены на него; и когда испанцы приблизились на расстояние выстрела из лука, множество темных фигур внезапно поднялось над крепостным валом, в то время как инка с копьем в руке был замечен верхом на ограде, руководящим действиями своих войск.³³ В тот же миг воздух потемнел от бесчисленных метательных снарядов, камней, дротиков и стрел, которые подобно урагану обрушились на войска, и горы огласились диким боевым кличем врага. Испанцы, захваченные врасплох, и многие из них были тяжело ранены, пошатнулись; и хотя они быстро собрались с силами и предприняли две попытки возобновить атаку, в конце концов они были вынуждены отступить, не в силах выносить ярость шторма. В довершение их замешательства нижний уровень в их тылу был затоплен водой, которую туземцы, открыв шлюзы, отвели от русла реки, так что их положение больше не было устойчивым.³⁴ Затем был проведен военный совет, и было решено отказаться от столь отчаянной атаки и отступить в максимально возможном порядке.

День был потрачен на эти безрезультатные операции; и Эрнандо под покровом благоприятной темноты отправил вперед свою пехоту и обоз, сам приняв командование центром и доверив тыл

своему брату Гонсало. Реку, к счастью, переправили без происшествий, хотя враг, теперь уверенный в своих силах, бросился из-за рубежа и преследовал отступающих испанцев, которых они раздражали постоянными выпусками стрел. Не раз они так плотно наседали на беглецов, что Гонсало и его рыцари были вынуждены повернуть и предпринять одну из тех отчаянных атак, которые эффективно наказывали их за дерзость и останавливали погоню. И все же победоносный враг все еще наступал в тыл поверженным кавалеристам, пока они не вышли из горных перевалов и не оказались в пределах видимости почерневших стен столицы. Это был последний триумф инков.³⁵

Среди рукописей, за которые я обязан щедрости этого прославленного испанского ученого, оплакиваемого Наваррете, наиболее замечательной в связи с этой историей является работа Педро Писарро "Отношения к описанию предков и конкисты лос-Рейнос-дель-Перу". Но, по-видимому, сохранилась единственная копия этого важного документа, о существовании которого было мало что известно, пока он не попал в руки сеньора де Наваррете; хотя это не ускользнуло от неустанных исследований Эрреры, как видно из упоминания нескольких инцидентов, некоторые из которых имели личное отношение к самому Педро Писарро, которые историк Индии не мог получить никаким другим путем. Рукопись недавно была предоставлена публике как часть бесценной коллекции исторических документов, которая в настоящее время находится в процессе публикации в Мадриде, под эгидой которой, мы можем надеяться, будет обеспечен ее успех. Поскольку печатная работа не дошла до меня, пока мои нынешние труды не были далеко продвинуты, я предпочел полагаться на рукописную копию в оставшейся части моего повествования, как я был вынужден сделать в предыдущей его части.

Насколько мне известно, об авторе ничего не известно, кроме того, что можно почерпнуть из случайных упоминаний о нем самом в его собственной истории. Он родился в Толедо, в Эстремадуре, плодородной провинции искателей приключений в Новом Свете, откуда также эмигрировала семья Фрэнсиса Писарро, с которой Педро был в родстве. Когда этот вождь прибыл для завоевания Перу, получив поручение от императора в 1529 году, Педро Писарро, которому тогда было всего пятнадцать лет, сопровождал его в качестве пажа. В течение трех лет он оставался привязанным к дому своего командира, а затем продолжал следовать за его знаменем как солдат удачи. Он присутствовал при большинстве памятных событий Завоевания и, по-видимому, пользовался в значительной степени доверием своего вождя, который использовал его в некоторых трудных миссиях, в которых он проявил хладнокровие и отвагу. Это правда, мы должны верить автору на слово. Но он рассказывает о своих подвигах с видом честности и без каких-либо экстраординарных усилий придать им излишнее облегчение. Он говорит о себе в третьем лице, и, поскольку его рукопись предназначалась не только для потомков, он вряд ли отважился бы на серьезное искажение фактов, когда обман мог быть так легко разоблачен.

После Завоевания наш автор все еще оставался привязан к судьбе своего командира и поддерживал его во всех последовавших за этим неприятностях; а после убийства этого вождя он удалился в Арекипу, чтобы спокойно насладиться переделом земель и индейцев, который был дарован ему в награду за его услуги. Он был там во время начала великого восстания под предводительством Гонсало Писарро. Но он был верен своей преданности и предпочел, как он говорит нам, скорее изменить своему имени и своему происхождению, чем своей лояльности. Гонсало в отместку захватил его поместья и пошел бы на еще более жестокие меры против него, когда Педро Писарро попал в его руки в Лиме, если бы не вмешательство его лейтенанта,

знаменитого Франсиско де Карбахалья, которому хронисту некогда посчастливилось оказать важную услугу. Карбахаль отплатил за это тем, что дважды сохранил ему жизнь, но во втором хладнокровно заметил: "Ни один человек не имеет права на пару жизней; и если ты попадешь в мои руки в третий раз, только Бог может даровать тебе еще одну". К счастью, Писарро не нашел случая подвергнуть эту угрозу испытанию. После установления мира в стране он снова удалился в Арекипу; но, судя по ворчливому тону его замечаний, он, по-видимому, не был полностью восстановлен во владениях, которыми пожертвовал из-за своей преданности правительству. Последнее, что мы слышим о нем, относится к 1571 году, дату, которую он называет завершением своей истории.

Повествование Педро Писарро охватывает всю историю Завоевания, начиная с даты первой экспедиции, совершившей вылазку из Панамы, и заканчивая неприятностями, последовавшими за отъездом президента Гаски. Первая часть работы была собрана на основе показаний других людей и, конечно, не может претендовать на то, чтобы подняться до самого высокого класса доказательств. Но все, что последовало за возвращением Франциска Писарро из Кастилии, короче говоря, все, что представляет собой завоевание страны, можно сказать, описано им на основании его собственных наблюдений как очевидца и действующего лица. Это придает его повествованию ценность, на которую оно не могло бы претендовать с точки зрения литературного исполнения. Писарро был солдатом, вероятно, с таким же низким образованием, какое обычно выпадает на долю тех, кто с юности обучался в этой суровой школе, самой неблагоприятной в мире как для умственного, так и для нравственного прогресса. Более того, у него хватило здравого смысла не стремиться к совершенству, которого он не мог достичь. В его хронике нет стремления красиво написать; нет ни одного из тех наигранных украшений, которые только подчеркивают нищенское положение того, кто их принимает. Его целью было просто рассказать историю Завоевания так, как он ее видел. Он должен был оперировать фактами, а не словами, которые он мудро оставил тем, кто пришел на поле после того, как рабочие покинули его, чтобы собрать все, что они могли, из вторых рук.

Можно подумать, что ситуация, в которой оказался Писарро, неизбежно подвергла его партийному влиянию и, таким образом, придала неоправданную предвзятость его повествованию. Действительно, нетрудно определить, под чьими знаменами он служил. Он пишет как пристрастный, и в то же время как честный человек, которого правильное суждение о происходящих событиях не более искажает, чем это неизбежно должно исходить из предвзятых мнений. Нет никакого способа убедить читателя в той или иной стороне, не говоря уже о каком-либо очевидном искажении факта. Он, очевидно, верит в то, что говорит, и это главное, чего следует желать. Мы можем принять во внимание естественное влияние его положения. Будь он более беспристрастен, чем этот, современный критик, принимая во внимание большее количество предрассудков и пристрастий, мог бы только впасть в ошибку.

Писарро не только независим, но иногда и едок в своем осуждении тех, под чьим руководством он действовал. Это особенно актуально в тех случаях, когда их меры слишком неблагоприятно сказываются на его собственных интересах или интересах армии. Что касается несчастных туземцев, то он относится к их страданиям не больше, чем евреи в древности относились к страданиям филистимлян, которых они считали преданными своим мечам и чьи земли они

считали своим законным наследием. Суровый Завоеватель не проявляет милосердия в своем обращении с неверными.

Писарро был представителем эпохи, в которую он жил. И все же было бы чересчур так порочить эпоху. Он более точно олицетворял дух свирепых воинов, свергнувших династию инков. Он был не просто крестоносцем, сражавшимся за распространение империи Креста на погруженных во тьму язычников. Золото было его главной целью; оценкой, по которой он судил о ценности Завоевания; вознаграждением, которого он просил за жизнь, полную труда и опасностей. Именно этими золотыми видениями, в гораздо большей степени, чем видениями славы, прежде всего небесной, перуанский авантюрист питал свое грубое и мирское воображение. Писарро не поднялся выше своей касты. Он не поднялся над этим ни в ментальном плане, ни в моральном. Его история не демонстрирует большой проницательности, или силы, или понимания мысли. Это работа солдата, рассказывающего просто свою кровавую историю. Ее ценность в том, что ее рассказывает тот, кто ее разыгрывал. И это, по мнению современного компилятора, делает его более ценным, чем гораздо более качественные продукты из вторых рук. Это необработанная руда, которая, подвергнутая регулярному процессу очистки, может получить действующую марку, соответствующую ее общему обращению.

Другим авторитетом, на которого я время от времени ссылался и чьи труды до сих пор хранятся в рукописи, является лицензиат Фернандо Монтесинос. Он во всех отношениях противоположен военному хронисту, который только что попал в поле нашего зрения. Он процветал примерно через столетие после Завоевания. Конечно, ценность его трудов как источника исторических фактов должна зависеть от его превосходных возможностей для ознакомления с подлинными документами. В этом его преимущества были велики. Его дважды отправляли в официальном качестве в Перу, что требовало от него посещения разных частей страны. Эти две миссии заняли пятнадцать лет; так что, хотя его должность давала ему доступ к колониальным архивам и литературным хранилищам, он имел возможность в некоторой степени подтвердить свои исследования путем фактического наблюдения за страной.

Результатом стали две его исторические работы "Memorias Antiguas Historiales del Peru" и "его анналы", которые иногда цитируются на этих страницах. Первая посвящена ранней истории страны, — надо признать, очень ранней, поскольку она восходит к всемирному потопу. Первая часть этого трактата в основном посвящена аргументации, направленной на то, чтобы показать идентичность Перу с золотым Офиром времен Соломона! Эта гипотеза, ни в коей мере не оригинальная для автора, не может дать несправедливого представления о характере его мышления. В ходе своей работы он следует по линии инкских принцев, чьи подвиги и даже имена никоим образом не совпадают с каталогом Гарсилассо; обстоятельство, однако, далекое от подтверждения их неточности. Но вряд ли кто-то усомнится в правоте автора этого упрека, который читает абсурдные легенды, рассказанные Монтесиносом серьезным тоном уверенности, который в значительной степени разделял доверчивость и любовь к чудесному, присущие более ранней и менее просвещенной эпохе.

Те же черты просматриваются в его Летописях, которые посвящены исключительно Завоеванию. Здесь, действительно, автор после своего туманного полета опустился на твердую почву, где не следует ожидать грубых нарушений истины или, по крайней мере, вероятности. Но любой, у кого будет возможность сравнить его повествование с рассказами современных авторов, найдет частые причины не доверять ему. И все же у Монтесиноса есть одно

достоинство. В ходе своих обширных исследований он познакомился с оригинальными инструментами, которые время от времени переносил на свои собственные страницы и которые сейчас было бы трудно встретить в другом месте.

Некоторые из его ученых соотечественников высоко оценили его труды как свидетельство тщательного исследования и информации. Мой собственный опыт не позволил бы отнести их к разряду исторических свидетельств. Мне кажется, они не заслуживают особой похвалы ни за точность их заявлений, ни за проницательность их размышлений. Дух холодного безразличия, который они проявляют к страданиям туземцев, является одиозной чертой, которой писатель семнадцатого века может найти меньше оправдания, чем кто-либо из первобытных завоевателей, чьи страсти были разжигаемы давней враждебностью. М. Терно-Компан перевел "Memorias Antiguas" со своей обычной элегантностью и точностью для своего собрания оригинальных документов, относящихся к Новому Свету. В Предисловии он говорит о том, что в будущем окажет такую же любезную услугу и "Анналам". Я не знаю, делал ли он это; и я не могу не думать, что превосходный переводчик мог бы найти лучший предмет для своих трудов в какой-нибудь богатой коллекции рукописей Муньоса, находящейся в его распоряжении.

История завоевания Перу

Уильям Хиклинг Прескотт

Книга 4

Гражданские войны завоевателей

Глава 1

Поход Альмагро на Чили—Страдания войск-
Он возвращается и захватывает Куско—Битва при Абанкае-
Гаспар Де Эспиноса—Альмагро покидает Куско-
Переговоры с Писарро

1535—1537

В то время как происходили события, описанные в предыдущей главе, маршал Альмагро был занят своей памятной экспедицией в Чили. Он выступил, как мы видели, лишь с частью своих сил, оставив своего лейтенанта следовать за ним с остальными. На первой части пути он воспользовался великой военной дорогой инков, которая тянулась через плоскогорье далеко на юг. Но по мере приближения к Чили испанский командующий запутался в горных ущельях, где не было видно и следа дороги. Здесь его продвижению препятствовали все препятствия, характерные для диких пейзажей Кордильер: глубокие и неровные овраги, по бокам которых узкая овечья тропа вилась на головокружительную высоту над пропастями внизу; реки, яростно несущиеся по склонам гор и низвергающиеся огромными водопадами в зияющую пропасть; темные сосновые леса, которым, казалось, не было конца, а затем снова длинные участки пустынных плоскогорий, где не было даже кустарника, способного укрыть дрожащего путника от порывов ветра, налетавших с севера. замерзшие вершины сьерры.

Холод был настолько сильным, что многие лишились ногтей на пальцах, самих пальцев, а иногда и конечностей. Другие были ослеплены ослепительным количеством снега,

отражавшего лучи солнца, ставшего невыносимо ярким в разреженной атмосфере этих возвышенных регионов. В череде бед, как обычно, пришел голод; ибо в этих унылых пустынях не было видно никакой растительности, которой хватило бы для пропитания человека, и не было видно ни одного живого существа, за исключением только огромной андской птицы, парящей над их головами в ожидании своего пира. Слишком часто это происходило из-за большого количества несчастных индейцев, которые, неспособные из-за скудости своей одежды выдержать суровость климата, погибали по дороге. Голод был таков, что несчастные выжившие питались трупами своих соотечественников, а испанцы добывали подобную пищу из трупов своих лошадей, буквально замерзших насмерть на горных перевалах.¹ — Таковы были ужасные наказания, которые Природа налагала на тех, кто опрометчиво вторгнулся в эти ее уединенные и самые дикие места обитания.

Однако их собственные страдания, по-видимому, не вызвали в сердцах испанцев ни малейшего чувства сострадания к более слабым туземцам. Их путь повсюду был отмечен сожженными и опустошенными деревушками, жители которых были вынуждены обслуживать их как вьючных животных. Их сковывали вместе группами по десять или двенадцать человек, и никакая немощь или немощность тела не освобождала несчастного пленника от полной доли общего труда, пока он иногда не падал замертво в самых своих цепях от простого изнеможения! ² Отряд Альварадо обвиняют в том, что он был более жестоким, чем отряд Писарро; и следует помнить, что многие люди Альмагро были набраны из этого источника. Говорят, командующий с неудовольствием взирал на эти чудовищные действия и делал все, что мог, чтобы пресечь их. И все же он не подал хорошего примера своим поведением, если это правда, что по его приказу заживо сожгли не менее тридцати индейских вождей за убийство трех своих последователей! ³ Сердце сжимается при воспоминании о таких зверствах, совершенных над безобидным народом или, по крайней мере, не виновным ни в каком другом преступлении, кроме того, что он слишком хорошо защищал свою собственную землю.

В обладании превосходящей силой есть нечто, наиболее опасное с моральной точки зрения для ее обладателя. Вступивший в контакт с полумодернизированным человеком европеец, обладающий столь неизмеримо превосходящими его способностями и действенной силой, считает его ненамного выше животного и в равной степени рожденным для служения ему. Он чувствует, что у него есть, так сказать, естественное право на повиновение, и что это повиновение должно измеряться не силами варвара, а волей его завоевателя. Соппротивление становится преступлением, которое смывается только кровью жертвы. История о таких зверствах не ограничивается испанцами. Где бы ни соприкасались цивилизованный человек и дикарь, на Востоке или на Западе, история слишком часто писалась кровью.

Из дикого хаоса горных пейзажей испанцы вынырнули в зеленой долине Кокимбо, примерно на тридцатом градусе южной широты. Здесь они остановились, чтобы освежиться на его изобильных равнинах после своих беспримерных страданий и переутомления. Тем временем Альмагро заблаговременно отправил офицера с сильным отрядом, чтобы выяснить характер местности на юге. Вскоре после этого он был обрадован прибытием остатков своих сил под командованием его лейтенанта Родриго де Оргонеса. Это был замечательный человек, тесно связанный с последующей судьбой Альмагро.

Он был уроженцем Оропесы, прошел подготовку во время итальянских войн и имел звание прапорщика в армии констебля Бурбона при знаменитом разграблении Рима. Это была

хорошая школа, в которой он научился своему железному ремеслу и закалял сердце против любой слишком восприимчивости к человеческим страданиям. Оргонес был отличным солдатом, верным своему командиру, быстрым, бесстрашным и непоколебимым в исполнении его приказов. Его заслуги привлекли внимание короны, и вскоре после этого он был повышен до звания маршала Нового Толедо. И все же можно усомниться в том, что его характер не подходил ему для должности руководителя и подчиненного, а не для более ответственной.

Альмагро также получил королевский ордер, наделяющий его новыми полномочиями и территориальной юрисдикцией. Документ был задержан Писарро до самого последнего момента. Его войска, давно испытывавшие отвращение к своему тяжелому и безрезультатному походу, теперь требовали возвращения. Куско, по их словам, несомненно входил в сферу действия его правительства, и лучше было завладеть его комфортабельными кварталами, чем скитаться, подобно изгоям, в этой унылой глуши. Они напомнили своему командиру, что только так он может обеспечить интересы своего сына Диего. Это был незаконнорожденный сын Альмагро, к которому его отец относился с чрезмерной нежностью, более чем обычно оправдываемой многообещающим характером юноши.

После двухмесячного отсутствия офицер, отправленный в исследовательскую экспедицию, вернулся, привезя бесперспективные отчеты о южных регионах Чили. Единственной землей обещанной для кастильца была та, что изобиловала золотом.⁴ Он проник на расстояние в сотню лиг, вероятно, до пределов завоеваний инков на реке Мауле.⁽⁵⁾ Испанцы, к счастью, остановились недалеко от земли Арауко, где вскоре после этого кровь их соотечественников пролилась рекой и которая все еще сохраняет гордую независимость среди всеобщего унижения окружающих ее индейских рас.

Теперь Альмагро с небольшой неохотой уступил возобновившимся домогательствам солдат и повернулся лицом к Северу. Нет необходимости подробно следить за его походом. Обескураженный трудностью горного перехода, он отправился по дороге вдоль побережья, которая привела его через великую пустыню Атакама. Пересекая эту унылую пустошь, протянувшуюся почти на сто лиг до северных границ Чили, где едва ли найдется хоть одно зеленое пятнышко, способное утешить падающего в обморок путника, Альмагро и его люди испытали такие же сильные страдания, хотя и не такого рода, как те, с которыми они столкнулись на перевалах Кордильер. Действительно, в наши дни нелегко было бы найти капитана, который отважился бы повести свою армию через этот унылый край. Но испанец шестнадцатого века обладал силой тела и жизнерадостностью духа, которые воспитывали в нем презрение к препятствиям, почти оправдывая хвастовство историка, что "он в одно и то же время безразлично боролся с человеком, со стихией и с голодом" ⁶

Пересекши ужасную пустыню, Альмагро добрался до древнего города Арекипа, расположенного примерно в шестидесяти лигах от Куско. Здесь он с удивлением узнал о восстании перуанцев и, кроме того, о том, что молодой инка Манко все еще находится с грозными силами недалеко от столицы. Когда-то он был в дружеских отношениях с перуанским принцем и теперь решил, прежде чем двигаться дальше, направить посольство в его лагерь и договориться о встрече с ним в окрестностях Куско.

Посланцы Альмагро были хорошо приняты инкой, который сослался на свои претензии к Писарро и назвал долину Юкай местом, где он будет совещаться с маршалом. Испанский командующий соответственно возобновил свой поход и, взяв половину своего отряда, общая

численность которого не дотягивала до пятисот человек, он лично отправился к месту встречи; в то время как остальная часть его армии расположилась в Уркосе, примерно в шести лигах от столицы.⁷

Испанцы в Куско, пораженные появлением этого свежего отряда войск по соседству, засомневались, когда узнали квартал, откуда они пришли, к добру это или ко злу. Эрнандо Писарро выступил из города с небольшим отрядом и, приблизившись к Уркосу, с немалым беспокойством услышал о намерении Альмагро настаивать на своих притязаниях на Куско. Хотя он значительно уступал по силе своему сопернику, он решил оказать ему сопротивление.

Тем временем перуанцы, которые были свидетелями совещания между солдатами противоположных лагерей, заподозрили некое тайное соглашение между сторонами, которое поставило бы под угрозу безопасность инки. Они сообщили о своем недоверии Манко, и последний, разделяя те же чувства или, возможно, отталкиваясь от первого, рассчитывая застать испанцев врасплох, внезапно напал на последних в долине Юкай с отрядом в пятнадцать тысяч человек. Но ветераны Чили были слишком хорошо знакомы с тактикой индейцев, чтобы быть застигнутыми врасплох. И хотя последовало ожесточенное сражение, длившееся более часа, в ходе которого под Оргонезом была убита лошадь, в конце концов туземцы были отброшены с большой резней, а инка был так сильно искалечен этим ударом, что в настоящее время он вряд ли стал бы продолжать преследование.⁸

Альмагро, теперь присоединившийся к дивизии, оставленной в Урк, не видел дальнейших препятствий для своих операций в Куско. Он немедленно отправил посольство в муниципалитет этого места, требуя признания его законным губернатором и одновременно предъявив копию своих верительных грамот от короны. Но вопрос о юрисдикции было нелегко решить, поскольку он зависел от знания истинных параллелей широты, которым, скорее всего, не обладали грубые последователи Писарро. Королевский грант передал под его юрисдикцию всю страну, простиравшуюся на двести семьдесят лиг к югу от реки Сантьяго и расположенную на один градус и двадцать минут севернее экватора. Двести семьдесят лиг по меридиану, по нашим меркам, были бы более чем на градус короче Куско и, действительно, едва ли включали бы в себя сам город Лиму. Но испанские лиги, составляющие всего семнадцать с половиной на градус⁹, отодвинули бы южную границу почти на полградуса от столицы инков, которая, таким образом, попала бы под юрисдикцию Писарро.¹⁰ И все же линия раздела проходила так близко к спорному участку, что в истинном результате можно было обоснованно усомниться, если для его получения не было проведено тщательных научных наблюдений; и каждая сторона поспешила заявить, как они всегда делают в таких случаях, что ее собственное утверждение было ясным и неоспоримым.¹¹

Таким образом, вызванные Альмагро власти Куско, не желая обижать ни одного из соперничающих вождей, решили, что им следует подождать, пока они не смогут посоветоваться — что они пообещали сделать немедленно — с некоторыми лощманами, лучше их знающими положение "Сантьяго". Тем временем между сторонами было заключено перемирие, каждая из которых торжественно обязалась воздерживаться от враждебных мер и сохранять спокойствие в своих нынешних помещениях.

Погода теперь установилась холодная и дождливая. Солдаты Альмагро, сильно недовольные своим положением, несмотря на то, что город был затоплен водой, быстро обнаружили, что Эрнандо Писарро был усердно занят укреплением своих позиций в городе вопреки

договоренности. Они также с тревогой узнали, что большой отряд людей, посланный губернатором из Лимы под командованием Алонсо де Альварадо, был в походе, чтобы освободить Куско. Они восклицали, что их предали и что перемирие было всего лишь уловкой, чтобы обеспечить их бездействие до прибытия ожидаемой помощи. В таком возбужденном состоянии было не очень трудно убедить их командира, слишком готового поступиться собственным мнением перед окружающими его опрометчивыми советниками, нарушить договор и овладеть столицей.¹²

Под покровом темной и ненастной ночи (8 апреля 1537 г.) он вошел в это место без сопротивления, сделал себя хозяином главной церкви, разместил сильные отряды кавалерии в начале больших проспектов, чтобы предотвратить внезапность, и отрядил Оргонеса с отрядом пехоты, чтобы ворваться в жилище Эрнандо Писарро. Этот капитан поселился со своим братом Гонсало в одном из больших залов, построенных инками для общественных развлечений, с огромными входными дверями, выходившими на площадь. Гарнизон состоял примерно из двадцати солдат, которые, когда ворота были распахнуты, стойко встали на защиту своего предводителя. Завязалась ожесточенная борьба, в ходе которой погибло несколько человек, пока, наконец, Оргонес, спровоцированный упорным сопротивлением, не поджег горючую крышу здания. Здание быстро охватило пламя, и горящие стропила, падавшие на головы заключенных, вынудили своего упирающегося лидера к безоговорочной капитуляции. Едва испанцы покинули здание, как с оглушительным грохотом обрушилась вся крыша.¹³

Теперь Альмагро был хозяином Куско. Он приказал схватить Писарро и пятнадцать-двадцать лучших кавалеристов и поместить их в тюрьму. За исключением того, что требовалось для обеспечения его власти, он, по-видимому, не был виновен в актах насилия по отношению к жителям,¹⁴ и он ввел в правительство города одного из самых способных офицеров Писарро, Габриэля де Рохаса. Муниципалитет, чьи глаза теперь были открыты для обоснованности претензий Альмагро, без дальнейших колебаний признал его права на Куско.

Первым шагом маршала было отправить сообщение в лагерь Алонсо де Альварадо, уведомив этого офицера об оккупации им города и потребовав от него повиновения ему как его законному хозяину. Альварадо стоял с отрядом в пятьсот человек, конных и пеших, в Ксауксе, примерно в тринадцати лигах от столицы. Несколькими месяцами ранее он был направлен на освобождение Куско; но самым необъяснимым образом и, как оказалось, к величайшему несчастью для перуанской столицы, остался в Хауксе с предполагаемым мотивом защиты этого поселения и прилегающей страны от повстанцев.¹⁵ Теперь он показал себя верным своему командиру; и когда послы Альмагро прибыли в его лагерь, он заковал их в кандалы и послал сообщить о том, что было сделано, губернатору в Лиме.

Альмагро, оскорбленный задержанием своих эмиссаров, немедленно приготовился выступить против Алонсо де Альварадо и принять более действенные меры, чтобы привести его к покорности. Его лейтенант Оргонес настоятельно убеждал его перед отъездом отрубить головы Писарро, утверждая, "что, пока они живы, жизнь его командира никогда не будет в безопасности"; и в заключение привел испанскую пословицу: "Мертвецы никогда не кусаются".¹⁶ Но маршал, хотя в глубине души и ненавидел Эрнандо, воздержался от столь жестокой меры; и, независимо от других соображений, он все еще был привязан к своему старому товарищу Фрэнсису Писарро и не желал разрывать связи между ними навсегда. Поэтому, удовлетворившись тем, что поместил своих пленников под надежной охраной в одном

из каменных зданий, принадлежащих Дому Солнца, он встал во главе своих войск и покинул столицу в поисках Альварадо.

Этот офицер теперь занял позицию на дальнем берегу Рио-де-Абанкай, где он расположился со всей своей маленькой армией перед мостом, по которому пересекаются ее быстрые воды, в то время как сильный отряд занял место, господствующее над бродом ниже по течению реки. Но в этом отряде был кавалер, пользовавшийся большим уважением в армии, Педро де Лерма, который из-за какой-то обиды на своего командира вступил в изменническую переписку с противоположной стороной. По его совету Альмагро, достигнув берега реки, расположился у моста напротив Альварадо, как бы готовясь форсировать переправу, таким образом сосредоточив внимание своего противника на этом пункте. Но когда наступила темнота, он выделил большой отряд под Оргонезом, чтобы перейти брод и действовать совместно с Лермой. Оргонез выполнил это поручение со своей обычной быстротой. Брод был перейден, хотя течение было таким быстрым, что несколько его людей были унесены им и погибли в воде. Их предводитель сам получил тяжелую рану в рот, когда добирался до противоположного берега, но, ничуть не обескураженный, он подбодрил своих людей и с яростью обрушился на врага. К нему быстро присоединился Лерма и те солдаты, которых он привлек на свою сторону, и, неспособный отличить друга от врага, враг пришел в полное замешательство.

Тем временем Альварадо, разбуженный шумом атаки в этом квартале, поспешил на помощь своему офицеру, когда Альмагро, воспользовавшись случаем, прорвался через мост, рассеял небольшой отряд, оставленный для его защиты, и, ударив Альварадо в тыл, этот генерал увидел себя окруженным со всех сторон. Борьба длилась недолго, и несчастный вождь, не зная, на кого он может положиться, сдался со всеми своими войсками, за исключением тех, которые уже перешли на сторону врага. Такова была битва при Абанкае, как ее называли по реке, на берегах которой она разыгрывалась, двенадцатого июля 1537 года. - Никогда еще победа не была более полной и не была достигнута с меньшей ценой жизни; и Альмагро с множеством пленных, едва ли уступавших по численности его собственной армии, с триумфом вернулся в Куско.¹⁷

В то время как происходили события, описанные на предыдущих страницах, Франсиско Писарро оставался в Лиме, с нетерпением ожидая прибытия запрошенного им подкрепления, которое позволило бы ему выступить на помощь осажденной столице инков. Его призыв не остался без ответа. Среди остальных был корпус из двухсот пятидесяти человек, возглавляемый лицензиатом Гаспаром де Эспинозой, одним из трех первоначальных сподвижников, как следует помнить, участвовавших в завоевании Перу. Теперь он покинул свою собственную резиденцию в Панаме и прибыл лично, по-видимому, впервые, чтобы возродить пошатнувшееся благосостояние своих сообщников. Писарро получил также судно, груженное провизией, военными припасами и другими необходимыми припасами, помимо богатого гардероба для себя, от Кортеса, завоевателя Мексики, который великодушно протянул руку помощи своему родственнику в час нужды.¹⁸

С войском в четыреста пятьдесят человек, половину из которых составляла кавалерия, губернатор покинул Лиму и начал свой поход на столицу инков. Не успел он продвинуться далеко, как получил известие о возвращении Альмагро, захвате Куско и заключении в тюрьму его братьев; и, прежде чем он успел прийти в себя от этого поразительного известия, он узнал о полном разгроме и пленении Альварадо. Охваченный ужасом от таких быстрых успехов своего соперника, он теперь со всей поспешностью вернулся в Лиму, которую он занял наилучшими

оборонительными позициями, чтобы обезопасить ее от враждебных движений, которые, как он думал, были направлены против самой этой столицы. Между тем, далекий от того, чтобы потворствовать бессильным выпадам негодования или жаловаться на своего старого товарища, он лишь посетовал, что Альмагро пришлось прибегнуть к таким насильственным мерам для урегулирования их спора, и это было сделано не столько - если мы можем поверить ему на слово — из личных соображений, сколько из-за ущерба, который это могло нанести интересам короны.¹⁹

Но, будучи занят военными приготовлениями, он не упускал случая испытать эффект переговоров. Он отправил в Куско посольство, состоящее из нескольких человек, на усмотрение которых он возлагал наибольшее доверие, во главе с Эспинозой, как стороной, наиболее заинтересованной в мирном соглашении.

По прибытии лицензиат застал Альмагро не в таком расположении духа, чтобы соглашаться на сделку, как ему хотелось бы. Окрыленный своими недавними успехами, он теперь стремился овладеть не только Куско, но и самой Лимой, как подпадающей под его юрисдикцию. Тщетно Эспиноза всеми доводами, какие только могло предложить благоразумие, настаивал на том, чтобы смягчить свои требования. Его притязания на Куско, по крайней мере, нельзя было поколебать, и он заявил, что готов рисковать своей жизнью, отстаивая их. Лицензиат хладнокровно ответил, процитировав содержательную кастильскую пословицу *El vencido vencido, y el vencedor perdido*; "Побежденный побежден, а победитель побежден".

Сомнительно, какое влияние умеренные доводы лицензиата могли в конечном итоге оказать на разгоряченное воображение солдата; но, к несчастью для переговоров, они были внезапно прерваны смертью самого Эспинозы, которая произошла самым неожиданным образом, хотя, как ни странно, по тем временам, без обвинения в отравлении.²⁰ Он был большой потерей для сторон из-за существующего брожения в их умах; ибо он обладал весом характера, который присущ мудрым и умеренным советам, и более глубокой заинтересованностью, чем любой другой человек, рекомендовать их.

Имя Эспинозы памятно в истории благодаря его ранней связи с экспедицией в Перу, которая, если бы не своевременное, хотя и тайное использование его средств, тогда не могла быть осуществлена. Он долгое время проживал в испанских колониях Огненная Земля и Панама, где занимал различные должности, иногда в качестве юридического чиновника, председательствующего в судах правосудия²¹, и нередко в качестве эффективного лидера в первых завоевательных экспедициях и открытиях. Занимаясь этими разнообразными делами, он приобрел высокую репутацию честного человека, ума и мужества, и его смерть во время нынешнего кризиса, несомненно, была самым прискорбным событием, которое могло случиться со страной.

Теперь все попытки переговоров были оставлены, и Альмагро объявил о своем намерении спуститься к морскому побережью, где он мог бы основать колонию и порт для себя. Это обеспечило бы ему столь необходимые средства связи с метрополией, и здесь он возобновил бы переговоры об урегулировании своего спора с Писарро. Прежде чем покинуть Куско, он послал Оргонеза с большим войском против инков, не желая оставлять столицу беззащитной в его отсутствие перед дальнейшим раздражением с этой стороны.

Но инка, обескураженный своим недавним поражением и, возможно, неспособный собрать достаточные силы для сопротивления, оставил свою крепость в Тамбо и отступил через горы. Оргонес яростно преследовал его по холмам и долинам, пока, покинутый своими последователями и сопровождаемый только одной из своих жен, царственный беглец не укрылся в отдаленных твердынях Анд.22

Прежде чем покинуть столицу, Оргонес снова призвал своего командира отрубить головы писарросам, а затем немедленно выступить на Лиму. Этим решительным шагом он доведет войну до конца и навсегда обезопасит себя от коварных происков своих врагов. Но тем временем к пленным братьям поднялся новый друг. Это был Диего де Альварадо, брат того Педро, который, как упоминалось в предыдущей главе, руководил неудачной экспедицией в Кито. После отъезда своего брата Диего присоединился к богатству Альмагро, сопровождал его в Чили и, поскольку он был кавалером по происхождению и обладал некоторыми поистине благородными качествами, получил заслуженное превосходство над своим командиром. Альварадо часто навещал Эрнандо Писарро в его заключении, где, чтобы скрасить скуку плена, развлекался игрой — страстью испанца. Они играли по-крупному, и Альварадо проиграл огромную сумму в восемьдесят тысяч золотых кастелланос. Он быстро выплатил долг, но Эрнандо Писарро категорически отказался получать деньги. Благодаря этой политической щедрости он обеспечил себе важного защитника в совете Альмагро. Теперь это сослужило ему хорошую службу. Альварадо объяснил маршалу, что такая мера, на которой настаивал Оргонес, не только оскорбила бы чувства его сторонников, но и погубила бы его состояние из-за негодования, которое она должна вызвать при дворе. Когда Альмагро согласился с этими взглядами, будучи, по правде говоря, очень благодарен своей собственной природе, Оргонес, огорченный его решимостью, заявил, что придет день, когда он раскается в своей ошибочной снисходительности. "Писарро, - сказал он, - никогда не забывали обиды, а то, что они уже получили от Альмагро, было слишком глубоким для них, чтобы простить". Пророческие слова!

Покидая Куско, маршал отдал приказ о том, чтобы Гонсало Писарро и другие заключенные содержались под строгим надзором. Эрнандо он взял с собой в поход под надежной охраной. Быстро спускаясь к побережью, он достиг приятной долины Чинча во второй половине августа. Здесь он занялся закладкой фундамента города, носящего его собственное имя, который мог бы служить аналогом Города королей, — таким образом, как бы бросая вызов своему сопернику на его собственных границах. Пока он был занят таким образом, он получил неприятную весть о том, что Гонсало Писарро, Алонсо де Альварадо и другие пленники, перехитрив своих охранников, совершили побег из Куско, и вскоре после этого он услышал об их благополучном прибытии в лагерь Писарро.

Раздосадованный этим известием, маршал не был успокоен намеками Оргонеса, что это произошло из-за его опрометчивой мягкости; что с Эрнандо могло быть тяжело, но внимание Альмагро было отвлечено переговорами, которые Франсиско Писарро теперь предлагал возобновить.

После некоторой переписки между сторонами было решено передать арбитражное разбирательство спора одному человеку, фраю Франсиско де Бовадиллья, брату ордена Милосердия. Хотя он жил в Лиме и, как можно предположить, находился под влиянием Писарро, у него была репутация честного человека, что побудило Альмагро доверить решение этого вопроса исключительно ему. В этой безоговорочной уверенности в беспристрастности

монаха Оргонес, обладавший менее оптимистичным характером, чем его начальник, не принимал участия.²³

Между соперничающими вождями было устроено собеседование. Это произошло в Мале 13 ноября 1537 года; но поведение двух военачальников по отношению друг к другу сильно отличалось от того, которое они демонстрировали на своих предыдущих встречах. Альмагро, действительно, сняв шляпу, подошел в своей обычной открытой манере, чтобы поприветствовать своего старого товарища; но Писарро, едва снизойдя до ответного приветствия, надменно спросил, почему маршал захватил его город Куско и заключил в тюрьму его братьев. Это привело к взаимным обвинениям со стороны его коллеги. Дискуссия приняла характер сердитой перебранки, пока Альмагро, поняв намек — или то, что он счел таковым — от слуги на то, что замышлялось какое-то предательство, резко не покинул квартиру, не вскочил на коня и не поскакал обратно в свои покои в Чинче.²⁴ Конференция завершилась, как и можно было ожидать по накалу их умов, когда они ее начинали, расширением бреши, которую она должна была залечить. Монах, теперь полностью предоставленный самому себе, после некоторого раздумья вручил свою награду. Он решил, что следует послать судно с опытным лоцманом на борту для определения точной широты реки Сантьяго, северной границы территории Писарро, которой должны были регулироваться все измерения. Тем временем Альмагро должен был сдать Куско, а Эрнандо Писарро освободить при условии, что он через шесть недель покинет страну и отправится в Испанию. Обе стороны должны были отступить в пределах своих бесспорных территорий и прекратить все дальнейшие боевые действия.²⁵

Эта награда, как можно предположить, весьма удовлетворившая Писарро, была воспринята людьми Альмагро с негодованием и презрением. Они плакали, что их продал их генерал, сломленный, как и он, возрастом и немощами. Их враги должны были занять Куско и его живописные места, в то время как им предстояло перейти в бесплодную пустыню Чаркас. Они и не подозревали, что под этой бедной внешностью скрывались богатые сокровища Потоси. Они обвинили судью в том, что он нанят губернатором, и среди солдат послышался ропот, подстрекаемый Оргонезом, требующим головы Эрнандо. Никогда еще этот кавалер не подвергался большей опасности. Но его добрый гений в лице Альварадо снова вмешался, чтобы защитить его. Его жизнь в плену была чередой отсрочек.²⁶

Однако его брат, губернатор, не был расположен бросать его на произвол судьбы. Напротив, теперь он был готов пойти на любые уступки, чтобы обеспечить себе свободу. Признания, которые, как хорошо знал политический руководитель, мало что стоят для тех, кто не озабочен их соблюдением. После некоторых предварительных переговоров была присуждена другая награда, более справедливая или, во всяком случае, более удовлетворяющая недовольную сторону. Основные пункты этого соглашения заключались в том, что до получения некоторых окончательных инструкций по этому вопросу из Кастилии город Куско с его территорией должен оставаться в руках Альмагро; и что Эрнандо Писарро должен быть освобожден при условии, оговоренном выше, покинуть страну в течение шести недель. Когда условия этого соглашения были доведены до сведения Оргонеза, этот офицер выразил свое мнение о них, проведя пальцем по горлу и воскликнув: "Чего мне стоила моя верность моему командиру!"²⁷

Альмагро, чтобы оказать большую честь своему пленнику, лично посетил его и объявил, что с этого момента он свободен. В то же время он выразил надежду, что "все прошлые разногласия будут преданы забвению и что отныне они должны жить только воспоминаниями о своей

древней дружбе". Эрнандо с видимой сердечностью ответил, что "ничего лучшего для себя он не желал". Затем он самым торжественным образом поклялся своей рыцарской честью — последнее, возможно, имело для него такой же вес, как и первое, — что он будет добросовестно выполнять условия, изложенные в договоре. Затем маршал проводил его в его апартаменты, где он принял участие в трапезе в компании старших офицеров; несколько из которых вместе с Диего Альмагро, сыном генерала, впоследствии сопроводили кавалера в лагерь его брата, который был перенесен в соседний город Мала. Здесь собравшиеся получили самое сердечное приветствие от губернатора, который оказал им изысканное гостеприимство и оказал много внимания, в частности, сыну своего старинного товарища. Короче говоря, по их возвращении рассказ об оказанном им приеме был таков, что у Альмагро не осталось никаких сомнений в том, что в конце концов все было улажено мирным путем.²⁸ Он не знал Писарро.

Книга 4

Глава 2

Первая Гражданская война—Альмагро отступает в Куско—Битва при Лас—Салинасе—Жестокость завоевателей-Суд и казнь Альмагро-Его характер

1537—1538

Едва офицеры Альмагро покинули покои губернатора, как последний, создав свою маленькую армию, вкратце перечислил множество обид, причиненных ему его соперником, захват его столицы, заключение в тюрьму его братьев, нападение и поражение его войск; и он закончил заявлением, которое было горячо поддержано его военной аудиторией, - что теперь пришло время отомстить. Все то время, пока шли переговоры, Писарро был занят военными приготовлениями. Он собрал силы, значительно превосходящие силы его соперника, набранные из разных кругов, но большинство из них были знакомы со службой. Теперь он заявил, что, поскольку он слишком стар, чтобы самому руководить кампанией, ему следует переложить эту обязанность на своих братьев; и он освободил Эрнандо от всех его обязательств перед Альмагро, как меру, оправданную необходимостью. Этот кавалерист с грациозной настойчивостью намекнул на свое намерение соблюдать данные им обещания, но, в конце концов, неохотно согласился с приказами своего брата как с мерой, настоятельно требуемой его долгом перед короной.¹

Следующим шагом губернатора было сообщить Альмагро, что действие договора подошло к концу. В то же время он предупредил его, чтобы он отказался от своих притязаний на Куско и отступил на свою собственную территорию, иначе ответственность за последствия ляжет на его собственную голову.

Пребывая в своей ложной безопасности, Альмагро теперь полностью осознал совершенную им ошибку; и предостерегающий голос его лейтенанта, возможно, всплыл в его памяти. Первая часть предсказания исполнилась. И что должно помешать последнему сбыться? Вдобавок к его страданиям, в это время он страдал от тяжелой болезни, ставшей результатом ранних излишеств, которые пошатнули его конституцию и сделали его неспособным как к умственным, так и к физическим нагрузкам.²

В этом плачевном состоянии он доверил управление своими делами Оргонезу, на преданность и мужество которого, как он знал, он мог безоговорочно положиться. Первым шагом было обезопасить перевалы Гуайтара, цепь холмов, окаймляющих долину Зангалла, где в настоящее время обосновался Альмагро. Но из-за какого-то просчета перевалы не были защищены вовремя; и активный враг, пробравшись по опасным ущельям, совершил переход через сьерру, где силы, значительно превосходящие его собственные, могли бы воспользоваться им. Удача Альмагро шла на убыль.

Теперь его мысли были обращены к Куско, и он стремился овладеть этой столицей до прибытия врага. Слишком слабый, чтобы сидеть верхом, он был вынужден нести его на носилках; и когда он достиг древнего города Билькас, недалеко от Гуаманги, его недомогание было настолько сильным, что он был вынужден остановиться и оставаться там три недели, прежде чем возобновить свой поход.

Тем временем губернатор и его братья, миновав перевал Гуайтара, спустились в долину Ика, где Писарро оставался значительное время, чтобы привести свои войска в порядок и завершить приготовления к кампании. Затем, простившись с армией, он вернулся в Лиму, поручив ведение войны, как он ранее объявил, своим младшим и более активным братьям. Эрнандо, вскоре после выхода из Ики, держался вдоль побережья до Наски, предполагая проникнуть в страну кружным путем, чтобы ускользнуть от врага, который мог сильно затруднить его продвижение по некоторым перевалам Кордильер. Но, к несчастью для него, этот план операций, который дал бы ему такое явное преимущество, не был принят Альмагро; и его противник, без каких-либо других препятствий, кроме тех, что возникли из-за естественных трудностей марша, прибыл во второй половине апреля 1538 года в окрестности Куско.

Но Альмагро уже овладел этой столицей, которой он достиг за десять дней до этого. Он созвал военный совет относительно дальнейшего курса. Некоторые были за то, чтобы усилить оборону города. Альмагро попытался бы сделать то, что можно было сделать путем переговоров. Но Оргонес прямо ответил: "Слишком поздно; вы освободили Эрнандо Писарро, и ничего не остается, кроме как сразиться с ним". В конце концов Оргонес решил выступить и дать врагу сражение на равнинах. Маршал, все еще неспособный из-за болезни принять командование, передал его своему верному лейтенанту, который, собрав свои силы, покинул город и занял позицию в Лас-Салинасе, менее чем в лиге от Куско. Это место получило свое название из-за определенных ям или чанов в земле, используемых для приготовления соли, которую добывали из природного источника по соседству. Это был неразумный выбор местности, поскольку ее изломанный характер был крайне неблагоприятен для свободных действий кавалерии, в которой заключалась сила отряда Альмагро. Но, несмотря на неоднократные призывы офицеров выйти на открытую местность, Оргонес настаивал на своей позиции, как наиболее выгодной для обороны, поскольку фронт был защищен болотом и небольшим ручьем, протекавшим по равнине. Его силы насчитывали в общей сложности около пятисот человек, более половины из которых были конными. Его пехоте не хватало огнестрельного оружия, его место заняла длинная пика. У него было также шесть небольших пушек, или фальконетов, как их называли, которые вместе со своей кавалерией, разделенной на два равных дивизиона, он расположил на флангах своей пехоты. Подготовившись таким образом, он спокойно ожидал приближения врага.

Вскоре из-за горных перевалов показалось блестящее оружие и знамена испанцев под командованием Эрнандо Писарро, войска двинулись вперед в хорошем порядке, как люди, чей уверенный шаг показывал, что они были пощажены на марше и теперь готовы к бою. Они медленно продвигались по равнине и остановились на противоположном берегу небольшого ручья, протекавшего впереди Оргонеза. Здесь Эрнандо, когда солнце уже село, устроился на ночь, предложив отложить сражение до рассвета.³

Слухи о приближающейся битве распространились далеко по стране; и горы и скалистые возвышенности вокруг были запружены множеством туземцев, жаждущих полюбоваться зрелищем, где, какая бы сторона ни одержала победу, поражение падет на их врагов.⁴ Кастильские женщины и дети тоже с еще большей тревогой вышли из Куско, чтобы стать свидетелями смертельной схватки, в которой братья и сородичи должны были бороться за господство.⁵ В целом число сражающихся было незначительным, хотя и не по сравнению с теми, кто обычно участвовал в этих американских войнах. Однако важность и интерес игре придает не количество игроков, а величина ставки; и в этой кровавой игре им предстояло бороться за обладание империей.

Ночь прошла в тишине, не нарушаемой огромным скоплением народа, заполнившим окрестные вершины холмов. Солдаты враждебных лагерей, хотя и стояли на страже в пределах слышимости друг друга и в их жилах текла одна и та же кровь, также не пытались общаться. Столь смертельной была ненависть в их сердцах! ⁶

Солнце ярко взошло, как обычно в этом прекрасном климате, в субботу, двадцать шестого апреля 1538 года. ⁷ Но задолго до того, как его лучи коснулись равнины, труба Эрнандо Писарро призвала его людей к оружию. Всего его силы составляли около семисот человек. Они были набраны из разных кругов: ветераны Писарро, последователи Алонсо де Альварадо, — многие из которых после своего поражения вернулись в Лиму, — и запоздалое подкрепление с островов, большинство из которых были закалены многими тяжелыми походами в индейских кампаниях и многими тяжелыми боями на полях сражений. Его конные войска уступали войскам Альмагро; но это с лихвой компенсировалось силой его пехоты, включавшей в себя хорошо обученный корпус аркебузирв, присланный из Сан-Доминго, оружие которых было улучшенной конструкции, недавно привезенное из Фландрии. Они были крупного калибра и метали двуглавую дробь, состоящую из пуль, соединенных вместе железной цепью. Несомненно, это было неуклюжее оружие по сравнению с современным огнестрельным оружием, но в руках, привыкших владеть им, оно оказалось разрушительным орудием.⁸

Эрнандо Писарро выстроил своих людей в том же боевом порядке, что и противник, — бросив свою пехоту в центр, а свою конницу расположив на флангах; один корпус он отдал под командование Алонсо де Альварадо, а другим командовал сам. Пехоту возглавлял его брат Гонсало, которого поддерживал Педро де Вальдивия, будущий герой Арауко, чья трагическая история легла в основу как романов, так и хроник.⁹

Месса была отслужена так, словно испанцы собирались сражаться в том, что они считали добрым подвигом веры, вместо того, чтобы обагрять свои руки кровью своих соотечественников. Затем Эрнандо Писарро обратился с кратким обращением к своим солдатам. Он коснулся личных травм, которые он и его семья получили от Альмагро; напомнил ветеранам своего брата, что Куско был отнят у них; вызвал краску стыда на лицах людей Альварадо, когда он рассказывал о разгроме Абанкая, и, указав на столицу инков, которая

сверкала в лучах утреннего солнца, он сказал им, что там находится награда победителя. Они ответили на его призыв одобрительными возгласами, и, когда был подан сигнал, Гонсало Писарро во главе своего пехотного батальона повел его прямо через реку. Вода не была ни широкой, ни глубокой, и солдаты без труда высадились на берег, поскольку болотистая местность не позволяла вражеской коннице приблизиться к границам. Но пока они пробирались через болото, тяжелые орудия Оргонеза произвели эффект на передовые отряды и привели их в беспорядок. Гонсало и Вальдивия бросились в гущу своих сторонников, угрожая одним, подбадривая других, и наконец доблестно вывели их на твердую землю. Здесь аркебузиры, отделившись от остальной пехоты, заняли небольшое возвышение, откуда, в свою очередь, открыли яростный огонь по Оргонесу, рассеяв его отряд копейщиков и сильно потревожив кавалерию на флангах.

Тем временем Эрнандо, построив два своих кавалерийских эскадрона в одну колонну, переправился под прикрытием этого сильного огня и, достигнув твердой местности, сразу же бросился на врага. Оргонес, пехота которого была уже сильно потрепана, двинул вперед свою лошадь, объединил два эскадрона в одно целое, как и его противник, и, пришпорив коня, на полном скаку бросился против нападавших. Потрясение было ужасным, и толпы индийских зрителей на окрестных высотах приветствовали его дьявольским торжествующим воплем, который намного перекрывал шум битвы, пока не затерялся в отдаленном эхе среди гор.¹⁰

Борьба была отчаянной. Ибо это был бой не белого человека против беззащитного индейца, а испанца против испанца; обе стороны подбадривали своих товарищей боевыми кличами "Король и Альмагро" или "Король и Писарро", в то время как они сражались с ненавистью, перед которой национальная антипатия была ничто; ненависть, сильная пропорционально прочности разорванных уз.

На этом кровавом поле Оргонез хорошо выполнил свой долг, сражаясь как человек, для которого битва была естественной стихией. Выделив кавалера, которого по цвету бронежилета на его доспехах он ошибочно принял за Эрнандо Писарро, он бросился на него во весь опор и сразил своим копьем. Другого он пронзил таким же образом, а третьего сразил своим мечом, преждевременно выкрикнув "Победа!". Но, совершая таким образом подвиги романтического паладина, он был поражен цепной пулей из аркебузы, которая, пробив решетку его забрала, задела лоб и на мгновение лишила его рассудка. Прежде чем он полностью пришел в себя, его лошадь была убита под ним, и хотя упавшему кавалеру удалось высвободиться из стремян, он был окружен и вскоре подавлен численностью. Все еще отказываясь отдать свой меч, он спросил, "нет ли рыцаря, которому он мог бы сдаться". Некто Фуэнтес, слуга Писарро, представившись таковым, Оргонес дал ему в руки свой меч, — и подлец, выхватив кинжал, вонзил его своему беззащитному пленнику в сердце! Его голова, затем отрубленная, была насажена на пику и выставлена кровавым трофеем на большой площади Куско как голова предателя.¹¹ Так погиб верный рыцарь, как было решено на совете, и такой же смелый в действии, как когда-либо, добравшийся до берегов Америки.

Бой длился уже больше часа, и удача дня повернулась против сторонников Альмагро. Оргонес был повержен, и их замешательство усилилось. Пехота, не выдержав огня аркебузирова, рассеялась и укрылась за каменными стенами, которые тут и там тянулись по всей стране. Педро де Лерма, тщетно пытаясь сплотить кавалерию, пришпорил своего коня против Эрнандо Писарро, с которым у него была личная вражда. Писарро не уклонился от столкновения. Копья

обоих рыцарей возымели действие. Удар Эрнандо пронзил бедро его противника, в то время как оружие Лермы, скользнув мимо луки седла его противника, ударило его с такой силой выше паха, что пробило стыки кольчуги, слегка ранив всадника и заставив его лошадь сесть на дыбы. Но шум битвы вскоре разнял сражающихся, и в последовавшей суматохе Лерма был выбит из седла и брошен на поле боя, покрытый ранами.¹²

Среди последователей Альмагро больше не было порядка и почти не было сопротивления. Они бежали, стараясь изо всех сил добраться до Куско, и счастлив был человек, получивший пощаду, когда попросил ее. Сам Альмагро, слишком слабый, чтобы так долго сидеть на коне, полулежал на носилках, и с соседнего возвышения наблюдал за ходом битвы, наблюдая за ее колебаниями со всем интересом человека, который чувствовал, что от исхода зависят честь, удача, сама жизнь. С невыразимой агонией он наблюдал, как его верные последователи после тяжелой борьбы были повержены своими противниками, пока, убедившись, что все потеряно, ему не удалось вскочить на мула и ускакать во временное убежище в крепость Куско. Оттуда за ним быстро последовали, схватили и с триумфом доставили в столицу, где, несмотря на то что он был болен, его заковали в кандалы и заключили в ту же комнату каменного здания, в которой он заточил Писарро.

Акция длилась не более двух часов. Число убитых, по разным данным, составляло, вероятно, не менее ста пятидесяти, — один из участников сражения называет их двумястами 13 - это большое число, учитывая короткий промежуток времени и небольшое количество задействованных сил. О раненых ничего не сообщается. Раны достались кавалеру. Говорят, что Педро де Лерма получил семнадцать ран, и все же был унесен с поля боя живым! Потери пришлось в основном на сторонников Альмагро. Но резня не ограничивалась пылом сражения. Смертельная вражда сторон была такова, что некоторые из них были хладнокровно убиты, как Оргонез, после того, как они сдались. Самого Педро де Лерма, когда он лежал на больничной койке в квартире друга в Куско, навестил солдат по имени Саманьего, которого он однажды ударил за акт неповиновения. Этот человек вошел в одиночную палату раненого, занял его место рядом с кроватью, а затем, упрекнув его за оскорбление, сказал ему, что пришел смыть его своей кровью! Напрасно Лерма уверял его, что, когда выздоровеет, он доставит ему желаемое удовлетворение. Негодяй воскликнул: "Настал час!" - и вонзил свой меч себе за пазуху. Он прожил несколько лет, чтобы превозносить этот зверский подвиг, который он провозгласил как возмещение ущерба своей чести. Отрадно сознавать, что дерзость этого хвастуна стоила ему жизни.¹⁴ — Подобные анекдоты, какими бы отвратительными они ни были, иллюстрируют не просто дух времени, но тот особенно свирепый дух, который порождает гражданские войны, — самые неумолимые по своему характеру из всех, кроме войн религиозных.

Из-за поспешного бегства одной стороны и преследования другой, устремившейся к Куско, поле битвы опустело. Но вскоре она кишела грабителями, поскольку индейцы, спустившись, как стервятники, с гор, завладели окровавленной землей и, обобрава мертвых до мельчайшего предмета одежды, оставили их трупы обнаженными на равнине.¹⁵ Считалось странным, что туземцы не воспользовались своим численным превосходством, чтобы напасть на победителей после того, как те были измотаны битвой. Но разрозненные отряды перуанцев остались без лидера; более того, они были сломлены недавними поражениями, а кастильцы, хотя и ослабленные на данный момент борьбой, были в Куско гораздо сильнее, чем когда-либо прежде.

Действительно, количество войск, собранных теперь в его стенах, составлявшее полных тысячу триста человек, составленных, как это было, из самых разнородных материалов, вызывало большое беспокойство Эрнандо Писарро. Ибо там были враги, взиравшие друг на друга и на него со смертельной, хотя и подавленной злобой, и друзья, если и не столь опасные, то не менее неприятные из-за своей жажды и неразумных требований. Он отдал столицу на разграбление, и его сторонники нашли хорошую добычу в квартирах офицеров Альмагро. Но более честолюбивым кавалерам этого было недостаточно, и они шумно настаивали на своих услугах и требовали, чтобы их поставили во главе какой-нибудь экспедиции, нисколько не сомневаясь, что она должна оказаться блестящей. Все стремились к Эльдорадо. Эрнандо Писарро, насколько это было возможно, потворствовал этим желаниям, больше всего желая избавиться от таких назойливых кредиторов. Экспедиции, это правда, обычно заканчивались катастрофой, но страна была ими исследована. Это была лотерея приключений; призов было немного, но они были великолепны; и в азарте игры мало кто из испанцев останавливался, чтобы подсчитать шансы на успех.

Среди тех, кто покинул столицу, был Диего, сын Альмагро. Эрнандо позаботился о том, чтобы отправить его с тщательным эскортом к своему брату губернатору, желая увезти его в этот критический момент из окрестностей его отца. Тем временем сам маршал изнывал в тюрьме под сочетанным влиянием телесной болезни и душевного расстройства. Перед битвой при Салинасе Эрнандо Писарро сказали, что Альмагро при смерти. "Не дай бог, - воскликнул он, - чтобы это произошло до того, как он попадет в мои руки!"¹⁶ Однако боги, казалось, были теперь склонны исполнить только половину этой благочестивой молитвы, поскольку его пленник, казалось, собирался сбежать от него как раз в тот момент, когда он попал в его власть. Чтобы утешить несчастного вождя, Эрнандо навестил его в тюрьме и ободрил заверениями, что он только и ждет прибытия губернатора, чтобы освободить его; добавив, "что, если Писарро в ближайшее время не прибудет в столицу, он сам возьмет на себя ответственность за его освобождение и доставит его в апартаменты его брата". В то же время, заботясь о своем комфорте, он поинтересовался у маршала, "какой способ передвижения лучше всего соответствовал бы состоянию его здоровья". После этого он продолжал присылать ему деликатесы со своего стола, чтобы оживить его угасший аппетит. Альмагро, ободренный таким добрым вниманием и скорой перспективой свободы, постепенно поправлялся здоровьем и настроением.¹⁷

Ему и в голову не приходило, что все это время против него усердно готовился процесс. Дело было возбуждено сразу же после его поимки, и каждому, каким бы скромным он ни был, у кого были какие-либо основания жаловаться на несчастного пленника, было предложено изложить его. На призыв откликнулись с готовностью; и теперь, в час его падения, появилось много врагов, подобных низменным рептилиям, выползающим на свет божий среди руин какого-нибудь благородного здания; и не один, получивший выгоду из его рук, был готов снискать расположение своего врага, обратившись против своего благодетеля. Из этих отвратительных источников была собрана масса обвинений, которые заняли более двух тысяч страниц фолианта! И все же Альмагро был кумиром своих солдат! ¹⁸

После завершения процесса (8 июля 1538 г.) было нетрудно вынести приговор в отношении заключенного. Основными обвинениями, по которым он был признан виновным, были разжигание войны против короны и, таким образом, гибель многих подданных его Величества; вступление в заговор с инками; и, наконец, лишение прав королевского губернатора города

Куско. По этим обвинениям он был приговорен к смертной казни как предатель, через публичное обезглавливание на главной площади города. Кто были судьи и какой трибунал вынес ему приговор, нам не сообщается. Действительно, весь судебный процесс был издевательством; если это можно назвать судебным процессом, где сам обвиняемый даже не знает о предъявленном обвинении.

Приговор был передан монахом, посланным с этой целью к Альмагро. Несчастный человек, который все это время бессознательно дремал на краю пропасти, поначалу не мог осознать природу своего положения. Оправившись от первого шока, "Было невозможно, — сказал он, — чтобы ему причинили такое зло, — он бы в это не поверил". Затем он умолял Эрнандо Писарро дать ему интервью. Этот всадник, по-видимому, не прочь был стать свидетелем агонии своего пленника, согласился, и Альмагро был так унижен постигшими его несчастьями, что снизошел до того, чтобы умолять сохранить ему жизнь самыми жалобными мольбами. Он напомнил Эрнандо о его давних отношениях с братом и добрых услугах, которые тот оказывал ему и его семье на начальном этапе их карьеры. Он коснулся его признанных заслуг перед своей страной и умолял своего врага "пощадить его седые волосы и не лишать его короткого остатка существования, которого ему теперь больше нечего бояться". На это другой холодно ответил, что "он был удивлен, увидев, что Альмагро ведет себя так, как не подобает храброму кавалеру; что его судьба не хуже, чем постигла многих солдат до него; и что, поскольку Бог даровал ему благодать быть христианином, он должен использовать оставшиеся минуты, чтобы свести счеты с Небесами!"¹⁹

Но Альмагро было не заставить замолчать. Он настаивал на услуге, которую сам оказал Эрнандо. "Это было суровое возмездие, — сказал он, — за то, что так недавно при схожих обстоятельствах ему сохранили жизнь, а также за то, что окружающие снова и снова уговаривали его лишить ее". И в заключение он пригрозил своему врагу местью императора, который никогда не допустил бы, чтобы подобное оскорбление обрушилось на того, кто оказал короне такие выдающиеся услуги, которые остались бы безответными. Все было напрасно; и Эрнандо резко закрыл конференцию, повторив, что "его гибель была неизбежна, и он должен подготовиться встретить ее"²⁰.

Альмагро, обнаружив, что на его железносердечного завоевателя это не произвело никакого впечатления, теперь всерьез занялся улаживанием его дел. По условиям королевского гранта он был уполномочен назвать своего преемника. Соответственно, он передал свои полномочия своему сыну, назначив Диего де Альварадо, на честность которого он очень полагался, администратором провинции во время его совершеннолетия. Все свое имущество в Перу, какого бы рода оно ни было, он завещал своему господину императору, заверив его, что ему все еще причитается значительная сумма по его неурегулированным счетам с Писарро. Этим политическим завещанием он надеялся заручиться защитой монарха для своего сына, а также строгим контролем за делами своего врага.

Известие о приговоре Альмагро произвело глубокую сенсацию в сообществе Куско. Все были поражены самонадеянностью, с которой человек, вооруженный небольшим авторитетом, осмелился судить человека такого положения, как Альмагро. Мало кто не вспоминал о каком-нибудь великодушном поступке несчастного ветерана. Даже те, кто предоставил материалы для обвинения, теперь были поражены трагическим результатом, к которому это должно было привести, и были услышаны, как они осудили поведение Эрнандо как поведение тирана.

Некоторые из главных кавалеристов, и среди них Диего де Альварадо, чьему заступничеству, как мы видели, Эрнандо Писарро, будучи пленником, был обязан собственной жизнью, прислуживали этому командиру и пытались отговорить его от столь своевольного и жестокого поступка. Это было напрасно. Но это привело к изменению способа казни, которая теперь должна была проводиться не на площади, а в тюрьме.²¹

В назначенный день на площади был выстроен сильный отряд аркебузирова. Стража была удвоена у домов, где жили главные сторонники Альмагро. Палач в сопровождении священника тайком проник в его тюрьму, и несчастный, исповедавшись и приняв причастие, без сопротивления подчинился удавке. Так неизвестно, в мрачной тишине подземелья, погиб герой сотни битв! Его труп был вынесен на главную площадь города, где, согласно приговору, голова была отделена от тела. Герольд громко провозгласил природу преступлений, за которые он пострадал; и его останки, завернутые в окровавленный саван, были перенесены в дом друга Эрнана Понсе де Леона, а на следующий день со всей подобающей торжественностью похоронены в церкви Богоматери Милосердия. Писаррос появились среди главных скорбящих. Было отмечено, что их брат почтил память Атауальпы такими же почестями.²²

Альмагро на момент его смерти было, вероятно, недалеко от семидесяти лет. Но это несколько неопределенно, поскольку Альмагро был подкидышем, и его ранняя история теряется в неизвестности.²³ От природы он обладал многими превосходными качествами; и его недостатки, которых было немало, могут быть разумно смягчены обстоятельствами его положения. Какого только оправдания не допускает положение подкидыша — без родителей, или ранних друзей, или учителя, который мог бы направлять его, — когда его маленькую лодку бросают дрейфовать по океану жизни, чтобы попытаться счастья среди грубых волн и бурунов, без чьей-либо дружеской руки, протянутой, чтобы направить или спасти ее! Название "подкидыш" несет в себе извинение за многое, очень многое неправильного в загробной жизни.²⁴

Он был человеком сильных страстей и не слишком хорошо привык их контролировать.²⁵ Но он не был ни мстительным, ни привычно жестоким. Я упомянул об одном чудовищном преступлении, которое он совершил по отношению к туземцам. Но нечувствительность к правам индейцев он разделял со многими более образованными испанцами. Тем не менее, индейцы после его осуждения засвидетельствовали его общую человечность, заявив, что у них нет такого друга среди белых людей. ²⁶ Действительно, он был далек от того, чтобы быть мстительным, он был покладистым и легко уступал другим. Легкость, с которой он уступал, результат добродушной доверчивости, слишком часто делала его одураченным хитрецами; и это, несомненно, свидетельствовало о недостатке той уверенности в себе, которая присуща большой силе характера. Тем не менее, легкий нрав и щедрость его натуры сделали его популярным среди своих последователей. Ни один командир никогда не был так любим своими солдатами. Его щедрость часто доходила до расточительности. Когда он участвовал в кампании при Чили, он одолжил сто тысяч золотых дукатов более бедным кавалерам на снаряжение, а затем вернул им долг.²⁷ Он был склонен к показухе. Но его расточительность не причинила ему вреда среди бродячих духов лагеря, у которых расточительность может снискать больше благосклонности, чем строгая и хорошо регламентированная экономия.

Он был хорошим солдатом, осторожным и рассудительным в своих планах, терпеливым и бесстрашным в их исполнении. Его тело было покрыто шрамами от сражений, пока естественная некрасивость его лица не превратилась почти в уродство. О нем следует судить не

по его завершающей кампании, когда, подавленный болезнью, он уступил превосходящему гению своего соперника; но по его многочисленным экспедициям по суше и по воде с целью завоевания Перу и отдаленного Чили. И все же можно усомниться в том, обладал ли он теми необычными качествами, как воин или как мужчина, которые при обычных обстоятельствах сделали бы его выдающимся. Он был одним из трех, или, говоря более строго, из двух сотрудников, которым посчастливилось совершить одно из самых великолепных открытий в Западном мире. В этом он во многом разделяет заслугу Писарро, ибо, когда он не сопровождал этого лидера в его опасных экспедициях, он не меньше способствовал их успеху своими усилиями в колониях.

Однако его связь с этим начальником вряд ли можно считать счастливым обстоятельством в его карьере. Партнерство между индивидами ради открытий и завоеваний вряд ли будет соблюдаться очень скрупулезно, особенно людьми, более привыкшими управлять другими, чем самими собой. Если причины для разногласий не возникнут раньше, они обязательно возникнут при разделе добычи. Но это объединение было особенно разношерстным. Свободный, жизнерадостный и доверчивый характер Альмагро не шел ни в какое сравнение с холодной и хитрой политикой Писарро; и его компаньон неизменно обходил его стороной, когда их интересы сталкивались.

Тем не менее окончательное разорение Альмагро можно справедливо приписать ему самому. Он допустил две серьезные ошибки. Первой был его призыв к оружию при захвате Куско. Определение линии границы не должно было решаться с помощью оружия. Это было предметом арбитража; и, если арбитрам нельзя было доверять, это следовало передать на решение короны. Но, однажды прибегнув к оружию, он не должен был прибегать к переговорам, и прежде всего к переговорам с Писарро. Это была его вторая и самая большая ошибка. Он достаточно посмотрел на Писарро, чтобы знать, что ему нельзя доверять. Альмагро действительно доверял ему, и он заплатил за это своей жизнью.

Книга 4

Глава 3

Писарро вновь посещает Куско—Эрнандо возвращается в Кастилию—Его длительное тюремное заключение—Комиссар отправлен в Перу—Военные действия с инками—Активная администрация Писарро—Гонсало Писарро

1539—1540

После отъезда своего брата в погоню за Альмагро маркиз Франсиско Писарро, как мы видели, вернулся в Лиму. Там он с нетерпением ожидал результатов кампании; и, получив долгожданную весть о победе при Лас-Салинасе, он немедленно начал приготовления к своему походу на Куско. Однако в Хаухе его надолго задержало смятенное состояние страны и еще дольше, как могло показаться, нежелание въезжать в столицу Перу, пока шел суд над Альмагро.

В Ксаухе его встретил сын маршала Диего, которого Эрнандо Писарро отправил на побережье. Молодой человек был полон самых мрачных опасений относительно судьбы своего отца и умолял губернатора не позволять своему брату применять к нему какое-либо насилие. Писарро, который принял Диего с явной добротой, посоветовал ему ободриться, поскольку его отцу не

должно было быть причинено никакого вреда;¹ добавив, что он верит, что их древняя дружба вскоре возобновится. Юноша, успокоенный этими заверениями, отправился в Лиму, где по приказу Писарро его приняли в своем доме и обращались с ним как с сыном.

Такие же гарантии безопасности маршала были даны губернатором епископу Вальверде и некоторым высокопоставленным кавалерам, которые проявили интерес к заключенному.² И все же Писарро откладывал свой поход к столице; а когда он возобновил его, то продвинулся не дальше Рио-де-Абанкай, когда получил известие о смерти своего соперника. Он, казалось, был сильно потрясен полученным известием, все его тело было взволновано, и некоторое время он оставался, опустив глаза в землю, демонстрируя признаки сильного волнения.³

Таково описание, данное его друзьями. Более вероятная версия этого дела предполагает, что он был прекрасно осведомлен о положении дел в Куско. Говорят, что, когда судебный процесс был завершен, он получил сообщение от Эрнандо, в котором спрашивалось, что делать с заключенным. Он ответил в нескольких словах: "Разберитесь с ним, чтобы он больше не доставлял нам хлопот".⁴ Также утверждается, что впоследствии Эрнандо, работая в условиях позора, вызванного смертью Альмагро, прикрывался инструкциями, которые, как утверждается, были получены от губернатора.⁵ Совершенно очевидно, что во время своего длительного пребывания в Саксе последний поддерживал постоянную связь с Куско; и что если бы он, как неоднократно убеждал его Вальверде,⁶ ускорил свой марш к этой столице, он мог бы легко предотвратить завершение трагедии. Как главнокомандующий, судьба Альмагро была в его руках; и, что бы его собственные сторонники ни утверждали о его невиновности, беспристрастный суд истории должен возложить на него равную ответственность с Эрнандо за смерть своего соратника.

Его последующее поведение также не свидетельствовало о каком-либо раскаянии в связи с этим разбирательством. Он вошел в Куско, как говорит один из тех, кто присутствовал там и был свидетелем этого, под звуки клиросов и труб, во главе своей воинственной кавалькады, одетый в богатый костюм, подаренный ему Кортесом, с гордой осанкой и радостным видом завоевателя.⁽⁷⁾ Когда Диего де Альварадо обратился к нему с просьбой о правлении южными провинциями от имени молодого Альмагро, которого его отец, как мы видели, поручил его защите, Писарро ответил, что "маршал своим мятежом утратил все права на правительство". И когда кавалер еще больше подтолкнул его, он резко прервал разговор, заявив, что "его собственная территория охватывает все по эту сторону Фландрии!"⁸ — без сомнения, этим великолепным хвастовством намекая, что он не потерпит соперника по эту сторону моря.

В том же духе он недавно отправил на смену Беналькасару завоевателя Кито, который, как ему сообщили, стремился к независимому правительству. Эмиссар Писарро получил приказ отправить провинившегося капитана в Лиму; но Беналькасар, продвинув свою победоносную карьеру далеко на север, вернулся в Кастилию, чтобы просить у императора своего гердона.

К жалобам обиженных туземцев, которые взывали к его защите, он проявил странную бесчувственность, в то время как к последователям Альмагро он относился с нескрываемым презрением. Поместья вождей были конфискованы и без всяких церемоний переданы его собственным сторонникам. Эрнандо пытался примирить некоторых представителей противоположной фракции проявлениями щедрости, но они отказались принять что-либо от человека, руки которого были запятнаны кровью их командира.⁹ Губернатор не оказал им такого поощрения; и многие были доведены до такой крайней нищеты, что, слишком гордые,

чтобы показать свое убожество глазам своих победителей, они ушли из города и искали убежища среди соседних гор.¹⁰

Для своих собственных братьев он обеспечил такие обильные репартименты, которые вызвали ропот его приверженцев. Он назначил Гонсало командовать сильным отрядом, предназначенным для действий против уроженцев Чаркаса, выносливого народа, занимающего территорию, выделенную короной Альмагро. Гонсало встретил упорное сопротивление, но после нескольких ожесточенных боев ему удалось привести провинцию к повиновению. Он был вознагражден вместе с Эрнандо, который помогал ему в завоевании, крупным пожалованием в окрестностях Порко, продуктивные рудники которого были частично открыты при инках. Территория, расположенная таким образом, охватывала часть тех серебряных холмов Потоси, которые с тех пор снабжали Европу такими запасами драгоценных металлов. Эрнандо оценил возможности грунта и начал разрабатывать рудники в более широких масштабах, чем те, которые были приняты до сих пор, хотя, похоже, тогда не предпринималось никаких попыток проникнуть в богатую кору Потоси.¹¹ Прошло еще несколько лет, прежде чем испанцы обнаружили серебряные карьеры, скрытые в недрах его гор.¹²

Теперь главной задачей Эрнандо было собрать достаточное количество сокровищ, чтобы увезти их с собой в Кастилию. Со дня смерти Альмагро прошел почти год; и настало время, когда он должен был вернуться и предстать перед судом, где Диего де Альварадо и другие друзья маршала, которые давно покинули Перу, усердно поддерживали претензии младшего Альмагро, а также требовали возмещения вреда, причиненного его отцу. Но Эрнандо уверенно смотрел на свое золото, чтобы развеять обвинения в свой адрес.

Перед отъездом он посоветовал брату остерегаться "людей Чили", как называли последователей Альмагро; отчаянных людей, которые, по его словам, ни перед чем не остановятся ради мести. Он умолял губернатора не позволять им собираться вместе в любом количестве в радиусе пятидесяти миль от его особы; если бы он это сделал, это было бы для него смертельно опасно. И в заключение он порекомендовал нанять сильную телохранительницу, "ибо меня, - добавил он, - не будет здесь, чтобы присматривать за тобой". Но губернатор посмеялся над напрасными страхами, как он их называл, своего брата, посоветовав последнему не думать о нем, "поскольку каждый волос на головах сторонников Альмагро был гарантией его безопасности"¹³. Он не знал характер своих врагов так хорошо, как Эрнандо.

Последний вскоре после этого отплыл в Лиму летом 1539 года. Он не поехал по маршруту Панамы, поскольку слышал, что тамошние власти намеревались его задержать. Поэтому он совершил обходной маневр через Мексику, высадился в заливе Текоантепек и пробирался по узкой полосе, разделяющей великие океаны, когда его арестовали и доставили в столицу. Но вице-король Мендоса не счел, что имеет право задерживать его, и ему разрешили сесть в Вера-Крус и продолжить свое путешествие. И все же он не считал безопасным оставаться в Испании без дальнейших советов. Соответственно, он остановился на одном из Азорских островов, где оставался до тех пор, пока не смог связаться с домом. У него было несколько влиятельных друзей при дворе, и они убедили его предстать перед императором. Он последовал их совету и вскоре после этого благополучно достиг побережья Испании.¹⁴

Двор находился в Вальядолиде; но Эрнандо, который въехал в этот город с большой помпой, демонстрируя свои индийские богатства, встретил прием более холодный, чем он ожидал.¹⁵ Этим он был в основном обязан Диего де Альварадо, который в то время проживал там и который, как кавалер с почетным положением и высокими связями, пользовался значительным влиянием. Ранее, как мы видели, своим своевременным вмешательством он не раз спасал жизнь Эрнандо и соглашался получить от него денежное обязательство на крупную сумму. Но теперь все было забыто при воспоминании о зле, причиненном его командиру; и, верный доверию, оказанному ему этим вождем в свой смертный час, он прибыл в Испанию, чтобы отстаивать права молодого Альмагро.

Но, хотя поначалу Эрнандо был принят холодно, присутствие Эрнандо и его собственная версия спора с Альмагро, подкрепленная блестящими аргументами, на которые он не поспешил, сдержали поток негодования, и мнение его судей, казалось, на какое-то время приостановилось. Альварадо, кавалерист, более привыкший к быстрым и решительным действиям в лагере, чем к извилистым придворным интригам, был раздосадован задержкой и предложил Эрнандо разрешить их ссору единоборством. Но у его благоразумного противника не было желания подвергать этот вопрос такому серьезному испытанию, и дело было быстро прекращено смертью самого Альварадо, которая произошла через пять дней после вызова. Столь своевременное событие, естественно, наводило на подозрение о яде.¹⁶

Но его обвинения не были полностью опровергнуты; и Эрнандо Писарро предпринял меры, слишком высоко подняв руку и слишком сильно оскорбив общественное мнение, чтобы позволить ему скрыться. Официального приговора ему не вынесли, но он был заключен в мощную крепость Медина-дель-Кампо, где ему было разрешено оставаться в течение двадцати лет, когда в 1560 году, после того, как поколение почти ушло из жизни, а время в какой-то мере набросило смягчающую завесу на прошлое, ему позволили вновь обрести свободу.¹⁷ Но он вышел старцем, согбенным немощами и сокрушенным духом, — предметом скорее жалости, чем негодования. Редко когда карательное правосудие применялось в более полной мере к преступникам столь высокого ранга, и чаще всего в Кастилии.¹⁸

И все же Эрнандо перенес это долгое заключение с невозмутимостью, которая, будь она основана на принципах, могла бы вызвать наше уважение. Он видел, как братья и родственники, все, на кого он опирался в поисках поддержки, уходили один за другим; его состояние частично конфисковывалось, в то время как остальное он был вовлечен в дорогостоящие судебные тяжбы;¹⁹ его слава была подмочена, карьера оборвана в неурочный час, сам он был изгнанником в сердце своей собственной страны; — и все же он переносил все это с постоянством мужественного духа. Несмотря на то, что на момент освобождения он был очень стар, он все же прожил несколько лет и дожил до необычайного возраста в сто лет.²⁰ Он прожил достаточно долго, чтобы увидеть, как друзья, соперники и враги были призваны к ответу перед ним.

Эрнандо Писарро был во многих отношениях замечательным персонажем. Он был старшим из братьев, с которыми состоял в родстве только по отцовской линии, поскольку родился в законном браке и имел почтенное происхождение по обе стороны своего дома. В ранние годы он получил хорошее образование — хорошее для того времени. Отец совсем молодым увез его в Италию, и там он постиг военное искусство под руководством Великого полководца. Мало что известно о его истории после возвращения в Испанию; но, когда его брат сделал для себя

блестящую карьеру первооткрывателя в Перу, Эрнандо согласился принять участие в его приключениях.

Франсиско относился к нему с большим уважением не только как к старшему брату, но и из-за его превосходного образования и знания дел. Он был готов к восприятию, щедр на ресурсы и обладал большой энергией в действиях. Несмотря на смелость, он был осторожен; и его советы, когда они не искажались страстью, были мудрыми и осмотрительными. Но у него были и другие качества, которые с лихвой уравнивали то хорошее, что было результатом выдающихся ролей и достижений. Его честолюбие и алчность были ненасытны. Он был высокомерен даже с равными себе; и у него был мстительный нрав, который ничто не могло унять. Таким образом, вместо того, чтобы помогать своему брату в Завоевании, он был злым гением, преградившим ему путь. С самого начала он испытывал неоправданное презрение к Альмагро, которого считал соперником своего брата, а не тем, кем он был тогда, верным партнером в его делах. Он относился к нему с личным оскорблением и благодаря своим интригам при дворе смог нанести ему ощутимый вред. Он попал в руки Альмагро и чуть не заплатил за эти обиды своей жизнью. Эрнандо этого было не простить, и он хладнокровно ждал часа мести. И все же казнь Альмагро была в высшей степени невежливым поступком, ибо порочная страсть редко может быть удовлетворена безнаказанно. Эрнандо думал откупиться от правосудия золотом Перу. Он изучил человеческую природу с ее слабой и порочной стороны и рассчитывал извлечь из этого выгоду. К счастью, он был обманут. Он действительно отомстил, но час его мести был часом его гибели.

Беспорядочное состояние Перу было таково, что требовало немедленного вмешательства правительства. При всеобщем поприи, царившем там, права индейца и испанца были в равной степени попорчены. И все же этот вопрос представлял большую трудность, поскольку власть Писарро теперь прочно установилась в стране, которая сама по себе была слишком удалена от Кастилии, чтобы ее можно было легко контролировать дома. Более того, Писарро был человеком, к которому нелегко было приблизиться, уверенным в собственных силах, ревниво относившимся к вмешательству и обладавшим вспыльчивым нравом, который вспыхивал при малейшем недоверии к правительству. Было бы неуместно посылать комиссию, чтобы отстранить его от исполнения своих полномочий до тех пор, пока его поведение не будет расследовано, как это было сделано с Кортесом и другими великими офицерами колонии, на чью укоренившуюся лояльность корона могла с уверенностью положиться. Опасались, что лояльность Писарро слишком мало зависела от него, чтобы быть мощным ограничителем его передвижений; и среди его безрассудных последователей не было недостатка в тех, кто в случае крайней необходимости поспешил бы убедить его полностью отказаться от своей лояльности и создать для себя независимое правительство.

Следовательно, должен был быть послан кто-то, кто должен был обладать в некотором роде контролирующей или, по крайней мере, параллельной властью опасному вождю, в то время как якобы он должен был действовать только в подчинении у него. Человеком, выбранным для выполнения этой деликатной миссии, был лицензиат Вака де Кастро, член Королевской аудиенции Вальядолида. Он был образованным судьей, честным и мудрым человеком и, хотя и не был воспитан в военном духе, обладал таким обаянием и таким знанием характера, что позволил бы ему с готовностью использовать ресурсы других в своих интересах.

Его полномочия охранялись таким образом, что свидетельствовало о замешательстве правительства. Он должен был предстать перед Писарро в качестве королевского судьи; проконсультироваться с ним об удовлетворении жалоб, особенно касающихся несчастных туземцев; согласовать меры по предотвращению будущих бедствий; и, прежде всего, достоверно знать о состоянии страны во всех деталях и передавать сведения об этом Кастильскому двору. Но в случае смерти Писарро он должен был предъявить свой ордер королевского губернатора и как таковой требовать повиновения властей всей страны.— События показали мудрость принятия мер на этот последний случай.²¹

Лицензиат, получивший это назначение, покинул свою тихую резиденцию в Вальядолиде, осенью 1540 года сел на корабль в Севилье и после утомительного путешествия через Атлантику пересек перешеек и, столкнувшись с чередой штормов на Тихом океане, которые едва не отправили его хрупкое суденышко на дно, причалил вместе с ним, превратившись в жалкое подобие кораблекрушения, к северному порту Буэнавентура.²² Дела страны были в таком состоянии, что требовали его присутствия.

Гражданская война, недавно охватившая страну, привела ее в такое неустроенное состояние, что волнения продолжались еще долго после того, как прекратилась непосредственная причина. Особенно это касалось местных жителей. При насильственном перемещении репартиментоса бедный индеец едва ли знал, на кого он должен смотреть как на своего хозяина. Ожесточенная борьба между соперничающими вождями заставила его в равной степени сомневаться в том, кого он должен считать правителями страны. Что же касается власти общего суверена за океаном, главенствующей над всеми, то он относился к ней с еще большим недоверием; ибо что это была за власть, которая не могла добиться повиновения даже от своих собственных вассалов?²³ Инка Манко не замедлил воспользоваться этим состоянием чувств. Он покинул свои неизвестные крепости в глубине Анд и обосновался с сильным отрядом последователей в горной стране, лежащей между Куско и побережьем. После этого отступления он совершил набеги на соседние плантации, разрушая дома, уводя скот и убивая людей. Он нападал на путешественников, когда они шли поодиночке или в караванах с побережья, и предавал их смерти — как рассказывают его враги - жестокими пытками. Время от времени против него высылались отдельные отряды, но безрезультатно. От одних он ускользал, других побеждал; а однажды отрезал отряд из тридцати солдат до одного человека.²⁴

В конце концов Писарро счел необходимым направить против инки значительные силы под командованием своего брата Гонсало. Отважный индеец несколько раз сталкивался со своим врагом на труднопроходимых перевалах Кордильер. Обычно его били, и иногда с большими потерями, которые он исправлял с удивительной легкостью; ибо ему всегда удавалось скрыться, а его последователи были настолько преданны, что, несмотря на погоню и засаду, он находил надежное убежище в тайных местах сьерры.

Сбитый с толку таким образом, Писарро решил испытать эффект мирных увертюр. Он послал к инке как от своего имени, так и от имени епископа Куско, которого перуанский принц почитал, с приглашением вступить в переговоры.²⁵ Манко согласился и указал, как он ранее сделал с Альмагро, долину Юкай в качестве места действия. Губернатор прибыл туда в назначенное время под хорошей охраной и, чтобы умиловить варварского монарха, послал ему богатый подарок в виде африканского раба. По дороге раб был встречен отрядом людей инки, которые,

по приказу своего хозяина или без него, жестоко убили его и унесли добычу в свои покои. Писарро возмущился этому надругательству со стороны другого, еще более жестокого.

Среди пленных индейцев была одна из жен инки, молодая и красивая женщина, к которой, как говорили, он был нежно привязан. Губернатор приказал раздеть ее догола, привязать к дереву и в присутствии всего лагеря выпороть розгами, а затем застрелить стрелами. Несчастливая жертва перенесла исполнение приговора с удивительной стойкостью. Она не молила о пощаде там, где ее нельзя было найти. Ни одна жалоба, даже стон не вырвались у нее во время этих ужасных мучений. Железные Завоеватели были поражены такой силой выносливости в хрупкой женщине и выразили свое восхищение, в то же время в глубине души осуждая жестокость своего командира.²⁶ И все же постоянство при самых мучительных пытках, которые только может причинить человеческая жестокость, является почти универсальной чертой американского индейца.

Теперь Писарро готовился, в качестве наиболее эффективного средства пресечения этих беспорядков среди туземцев, основать поселения в центре охваченной беспорядками страны. Эти поселения, получившие достойное название городов, можно было рассматривать в свете военных колоний. Дома обычно строились из камня, к которым пристраивались различные общественные учреждения, а иногда и крепости. Была организована муниципальная корпорация. Поселенцы были приглашены путем распределения больших участков земли по соседству с оговоренным количеством индийских вассалов для каждого. Затем там собирались солдаты, иногда в сопровождении своих жен и семей; ибо женщины Кастилии, по-видимому, пренебрегали сексуальными препятствиями в пылу супружеской привязанности или, возможно, романтического приключения. В дикой местности быстро выросло густонаселенное поселение, обеспечивающее защиту окружающей территории, снабжающее страну коммерческим складом и вооруженными силами, готовыми в любое время поддерживать общественный порядок.

Таким поселением было поселение, созданное в настоящее время в Гуаманге, на полпути между Куско и Лимой, которое эффективно отвечало своему назначению, охраняя коммуникации с побережьем.²⁷ Другой город был основан в шахтерском районе Чаркас под соответствующим названием Вилья-де-ла-Плато, "Город серебра". И Писарро, направляясь кружным путем вдоль берегов южного моря к Лиме, основал там город Арекипа, с тех пор ставший такой коммерческой знаменитостью.

Вернувшись в свою любимую столицу Лиму, губернатор нашел много занятий в решении муниципальных проблем и обеспечении стремительного роста населения. Не забывал он и о других растущих поселениях на Тихом океане. Он поощрял торговлю с более отдаленными колониями к северу от Перу и принимал меры для облегчения внутренних сношений. Он стимулировал промышленность во всех ее отраслях, уделяя большое внимание земледелию и импортируя семена различных европейских зерновых, которые, как он имел удовольствие видеть, за короткое время пышно расцвели в стране, где разнообразие почвы и климата позволяло выращивать почти любой продукт.²⁸ Прежде всего, он способствовал разработке рудников, которые уже начали приносить такую прибыль, что самые обычные предметы быта поднялись до непомерных цен, в то время как сами драгоценные металлы казались единственными малоценными вещами. Но вскоре они перешли из рук в руки и нашли свой путь на родину, где поднялись до своего истинного уровня по мере того, как смешивались с общей

валютой Европы. Испанцы обнаружили, что наконец достигли земли, которую они так долго искали, — земли золота и серебра. Эмигранты прибывали в страну во все большем количестве и, распространяясь по ее поверхности, образовывали в растущем населении наиболее эффективный барьер против законных владельцев земли.²⁹

Писарро, укрепленный прибытием новых искателей приключений, теперь обратил свое внимание на более отдаленные районы страны. Педро де Вальдивия был отправлен в свою памятную экспедицию в Чили; а своему собственному брату Гонсало губернатор выделил территорию Кито с поручением исследовать неизвестную страну на востоке, где, как говорилось в отчете, росла корица. Поскольку этот вождь, который до сих пор играл лишь второстепенную роль в Завоевании, отныне будет играть наиболее заметную роль, возможно, будет полезно дать о нем некоторый отчет.

Мало что известно о его ранней жизни, поскольку он происходил из того же неясного происхождения, что и Франсиско, и, похоже, был так же мало обязан, как и его младший брат, заботе своих родителей. Он рано начал карьеру солдата; карьеру, к которой, кажется, с наибольшей готовностью склонялся каждый человек в тот железный век, будь то кавалерист или бродяга, если его предоставить самому себе. Здесь он вскоре отличился своим мастерством в боевых упражнениях, был превосходным наездником и, когда прибыл в Новый Свет, считался лучшим копейщиком Перу.³⁰

По таланту и широте взглядов он уступал своим братьям. Он также не проводил такой же хладнокровной и хитрой политики; но он был столь же отважен и столь же беспринципен в осуществлении своих мер. Он был красивым человеком с открытыми, привлекательными чертами лица, свободной, солдатской манерой обращения и доверчивым характером, что вызывало расположение к нему его последователей. Его дух был высок и предприимчив, и, что не менее важно, он мог вдохновлять других таким же духом и, таким образом, многое сделать для обеспечения успеха своих предприятий. Он был превосходным капитаном в партизанской войне, замечательным лидером в сомнительных и трудных экспедициях; но у него не было способностей, необходимых великому военному вождю, а тем более гражданскому правителю. К его несчастью, его призвали заполнить обе ситуации.

Книга 4

Глава 4

Экспедиция Гонсало Писарро—Переход через горы—Обнаруживает Напо—Невероятные страдания-Орельяна плывет вниз по Амазонке—Отчаяние испанцев-Выжившие возвращаются в Кито

1540—1542

Гонсало Писарро воспринял известие о своем назначении в правительство Кито с нескрываемым удовольствием; не столько из-за того, что оно дало ему во владение эту древнюю индийскую провинцию, сколько из—за того, что оно открыло простор для открытий на востоке - легендарную страну восточных пряностей, которая долгое время пленяла воображение завоевателей. Он без промедления отправился к своему правительству и без труда пробудил в сердцах своих последователей родственный ему энтузиазм. За короткое

время он собрал триста пятьдесят испанцев и четыре тысячи индейцев. Сто пятьдесят человек из его отряда были конными, и все были экипированы самым тщательным образом для этого предприятия. Кроме того, он обеспечил себя на случай голода большим запасом провизии и огромным стадом свиней, которые следовали в арьергарде.¹

Было начало 1540 года, когда он отправился в эту знаменитую экспедицию. Первая часть путешествия была сопряжена со сравнительно небольшими трудностями, пока испанцы еще находились в стране инков; ибо развлечения Перу не ощущались в этой отдаленной провинции, где простой народ все еще жил под первобытным владычеством Детей Солнца. Но картина изменилась, когда они въехали на территорию Кихоса, где характер жителей, как и климат, казалось, соответствовали другому описанию. Страну пересекали высокие хребты Анд, и искатели приключений вскоре запутались в их глубоких и запутанных перевалах. Когда они поднимались в более возвышенные районы, ледяные ветры, дувшие по склонам Кордильер, окоченели их конечности, и многие туземцы нашли зимнюю могилу в дикой местности. Пересекая этот грозный барьер, они пережили одно из тех мощных землетрясений, которые в этих вулканических регионах так часто сотрясают горы до их основания. В одном месте земля была разорвана на части ужасными потрясениями Природы, в то время как потоки сернистого пара вырывались из полости, и деревня с несколькими сотнями домов была низвергнута в ужасающую пропасть! ²

При спуске с восточных склонов климат изменился; и когда они спустились на более низкий уровень, свирепый холод сменился удушающей жарой, в то время как бури с громом и молниями, несущиеся из ущелий сьерры, обрушивались на их головы почти без перерыва ни днем, ни ночью, как будто оскорбленные божества этого места были готовы отомстить нарушителям их горного уединения. Более шести недель потоп не ослабевал, и несчастные странники, промокшие и измученные непрерывным трудом, едва могли волочить свои конечности по расколотов и пропитанной влагой почве. После нескольких месяцев трудного путешествия, в ходе которого им пришлось пересечь множество болот и горных ручьев, они наконец достигли Канеласа, Страны Корицы.³ Они видели деревья с драгоценной корой, разрастающиеся в обширные леса; однако, каким бы ценным товаром для торговли он ни оказался в доступных местах, в этих отдаленных регионах он не представлял для них особой ценности. Но от кочующих племен дикарей, которых они время от времени встречали на своем пути, они узнали, что в десяти днях пути отсюда находится богатая и плодородная земля, изобилующая золотом и населенная многочисленными народами. Гонсало Писарро уже достиг пределов, первоначально предложенных для экспедиции. Но это известие возродило его надежды, и он решил продолжить это приключение. Для него и его последователей было бы лучше, если бы они удовлетворились возвращением по своим следам.

Продолжая свой марш, страна теперь превратилась в широкие саванны, заканчивающиеся лесами, которые, по мере приближения, казалось, простирались во все стороны до самого края горизонта. Здесь они увидели деревья того колоссального роста, который можно увидеть только в равноденственных областях. Некоторые из них были такими большими, что шестнадцать человек едва могли обхватить их вытянутыми руками! ⁴ Лес был густо увит лианами и паразитическими лозами, которые яркими гирляндами свисали с дерева на дерево, покрывая их красивой для глаза драпировкой, но образуя непроницаемую сеть. На каждом шагу своего пути они были вынуждены прорубать проход своими топорами, в то время как их одежда, сгнившая от проливных дождей, которым они подвергались, цеплялась за каждый кустарник и

ежевику и висела на них ключьями.⁵ Их провизия, испорченная погодой, давно закончилась, а живность, которую они взяли с собой, либо была съедена, либо сбежала в лесах и на горных перевалах. Они отправились в путь с почти тысячей собак, многие из которых принадлежали к той свирепой породе, которую использовали для охоты на несчастных туземцев. Теперь они с радостью убивали их, но их жалкие останки послужили скудным угощением для изголодавшихся путешественников; а когда они ушли, у них остались только те травы и опасные корни, которые они смогли собрать в лесу.⁶

Наконец измученная компания вышла на широкое водное пространство, образованное Напо, одним из крупных притоков Амазонки, которая, хотя и является всего лишь третьей или четвертой по величине рекой в Америке, могла бы сойти за одну из первых по величине в Старом Свете. Это зрелище обрадовало их сердца, поскольку, петляя вдоль его берегов, они надеялись найти более безопасный и практичный маршрут. Пройдя значительное расстояние по его границам, густо заросшим зарослями, преодоление которых потребовало от них больших усилий, Гонсало и его отряд услышали стремительный шум, похожий на подземный гром. Река, взбешенная, с ужасающей скоростью обрушивалась на пороги и вынесла их к краю великолепного водопада, который, к их изумлению, обрушивался одним огромным потоком пены на глубину в тысячу двести футов! ⁷ Ужасные звуки, которые они слышали на расстоянии шести лиг, оказывались еще более угнетающими духов из-за мрачной тишины окружающих лесов. Грубые воины были преисполнены чувства благоговения. Ни одна кора не омывала воды. Не было видно ни одного живого существа, кроме диких обитателей дикой местности, неповоротливого удава и отвратительного аллигатора, нежащегося на берегах ручья. Деревья, величественно вздымающиеся к небесам, река, катящаяся по своему каменистому руслу, как она катилась веками, уединение и тишина этого места, нарушаемые только хриплым шумом воды или слабым шелестом леса, — все, казалось, простиралось вокруг них в том же диком и первобытном состоянии, в каком они были созданы руками Создателя.

На некотором расстоянии выше и ниже водопада русло реки сужалось так, что его ширина не превышала двадцати футов. Измученные голодом, искатели приключений решили во что бы то ни стало перебраться на противоположный берег в надежде найти страну, которая могла бы обеспечить их пропитанием. Хрупкий мост был сооружен путем переброски огромных стволов деревьев через пропасть, где скалы, словно расколотые на части каким-то стихийным бедствием, отвесно спускались вниз на глубину нескольких сотен футов. Людям и лошадям удалось преодолеть эту воздушную дамбу, потеряв одного испанца, у которого закружилась голова от того, что он неосторожно посмотрел вниз, он потерял равновесие и упал в бурлящие волны внизу.

Однако они мало что выиграли от этого обмена. Местность выглядела все так же бесперспективно, а берега рек были поросшими гигантскими деревьями или окаймлены непроходимыми зарослями. Племена индейцев, которых они время от времени встречали в непроходимой глуши, были свирепыми и недружелюбными, и они вели с ними постоянные стычки. От них они узнали, что ниже по реке, всего в нескольких днях пути, находится плодородная страна, и испанцы продолжали свой утомительный путь, все еще надеясь и все еще обманутые, в то время как земля обетованная мелькала перед ними, подобно радуге, удаляясь по мере их продвижения.

В конце концов, измученный тяжелым трудом и страданиями, Гонсало решил построить барку, достаточно большую, чтобы перевезти более слабую часть своего отряда и его багаж. Леса снабжали его древесиной; подковы лошадей, которые пали в дороге или были забиты для пропитания, превращались в гвозди; смола, полученная из деревьев, заменяла смолу, а изодранная одежда солдат заменяла паклю. Это была трудная работа, но Гонсало подбадривал своих людей и подавал пример, принимая участие в их трудах. Через два месяца была закончена бригантина, грубо сколоченная, но прочная и достаточно грузоподъемная, чтобы вместить половину компании, — первое европейское судно, когда-либо плававшее в этих внутренних водах.

Гонсало передал командование Франсиско де Орельяне, кавалеру из Трухильо, на чье мужество и преданность себе, как он думал, он мог положиться. Теперь войска двинулись вперед, все еще следуя нисходящему течению реки, в то время как бригантина держалась рядом; и когда появлялся смелый мыс или более труднопроходимая местность, она оказывала своевременную помощь, перевоза более слабых солдат. Таким образом, они путешествовали в течение многих утомительных недель по унылой дикой местности на границах Напо. Все запасы провизии были давно израсходованы. Последняя из их лошадей была съедена. Чтобы утолить муки голода, они были вынуждены съесть кожу своих седел и ремней. Леса снабжали их скудной пищей, и они жадно питались жабами, змеями и другими рептилиями, которых им иногда попадались.⁸

Теперь им рассказали о богатом районе, населенном многочисленным народом, где Напо впадает в еще большую реку, текущую на восток. Это было, как обычно, на расстоянии нескольких дней пути; и Гонсало Писарро решил остановиться там, где он был, и отправить Орельяну на своей бригантине вниз к слиянию вод, чтобы раздобыть запас провизии, с которой он мог бы вернуться и привести их в состояние для возобновления похода. Этот всадник, соответственно, взяв с собой пятьдесят искателей приключений, оттолкнулся на середину реки, где ручей бежал быстро, и его барка, подхваченная течением, понеслась вперед со скоростью стрелы и вскоре скрылась из виду.

Проходили дни и недели, но судно не возвращалось; и на воде не было видно ни единого пятнышка, когда испанцы напрягли зрение до самой дальней точки, где полоска света терялась в темных тенях листвы на бордюрах. Были разосланы отряды, которые, хотя и отсутствовали несколько дней, вернулись без сведений о своих товарищах. Не в силах больше выносить это ожидание или, более того, оставаться в своем теперешнем жилище, Гонсало и его изголодавшиеся последователи теперь решили двигаться к слиянию рек. Прошло два месяца, прежде чем они совершили это ужасное путешествие, те из них, кто не погиб в пути, — хотя расстояние, вероятно, не превышало двухсот лиг; и они, наконец, достигли места, которого так долго желали, где Напо впадает в Амазонку, этот могучий поток, который, питаемый своими тысячами притоков, катится к океану на многие сотни миль через сердце великого континента, — самую величественную из рек Америки.

Но испанцы не получили никаких известий об Орельяне, в то время как страна, хотя и более густонаселенная, чем тот регион, который они покинули, была столь же малопривлекательна с виду и населялась расой еще более свирепой. Теперь они оставили надежду вернуть своих товарищей, которые, как они предполагали, должны были трагически погибнуть от голода или от рук туземцев. Но их сомнения, наконец, были развеяны появлением белого человека, полуголого бродившего по лесу, в лице которого, измученном голодом, они узнали черты

одного из своих соотечественников. Это был Санчес де Варгас, кавалер хорошего происхождения, которого очень уважали в армии. Ему было что рассказать.

Орельяна, стремительно несомый вниз по течению Напо, достиг места ее впадения в Амазонку менее чем за три дня; за этот короткий промежуток времени он совершил то, что стоило Писарро и его компании двух месяцев. Он обнаружил, что страна совершенно не похожа на ту, что была представлена; и, находясь так далеко от припасов для своих соотечественников, он едва мог добыть пропитание для себя. У него также не было возможности вернуться тем же путем, каким он пришел, и плыть против течения реки; в то время как попытка путешествовать по суше была альтернативой, едва ли менее сложной. В связи с этой дилеммой в его голове мелькнула идея. Она заключалась в том, чтобы немедленно спустить барку на воду на лоне Амазонки и спуститься по ее водам к ее устью. Затем он посетит богатые и густонаселенные страны, которые, как говорилось в отчете, расположены вдоль его границ, переплывет великий океан, доберется до соседних островов и вернется в Испанию, чтобы претендовать на славу открытия. Это предложение было с готовностью подхвачено его безрассудными спутниками, приветствовавшими любой образ действий, который спас бы их от нищеты их нынешнего существования, и загоревшимися перспективой новых волнующих приключений, ибо любовь к приключениям была последним чувством, угасшим в груди кастильского кавалера. Они мало обращали внимания на своих несчастных товарищей, которых им предстояло бросить в пустыне! 9

Здесь не место описывать обстоятельства экстраординарной экспедиции Орельяны. Он преуспел в своем предприятии. Но удивительно, что он избежал кораблекрушения в опасном и неизвестном плавании по этой реке. Много раз его судно чуть не разбивалось вдребезги о скалы и бешеные стремнины; 10 и он подвергался еще большей опасности от воинственных племен на его границах, которые нападали на его маленький отряд всякий раз, когда он пытался высадиться, и много миль следовали за ним в своих каноэ. Наконец он выбрался из великой реки; и, оказавшись в море, Орельяна направился к острову Кубагуа; оттуда, переправившись в Испанию, он отправился ко двору и рассказал об обстоятельствах своего путешествия — о народе амазонок, которых он нашел на берегах реки, об Эльдорадо, которое, по слухам, существовало по соседству, и о других чудесах, — скорее преувеличении, чем игре легковверной фантазии. Его слушатели охотно внимали рассказам путешественника; и в век чудес, когда тайны Востока и Запада ежечасно раскрывались, их можно было бы извинить за то, что они не различали истинной грани между романтикой и реальностью. 11

Он без труда получил задание завоевать и колонизировать открытые им области. Вскоре он увидел себя во главе пятисот последователей, готовых разделить опасности и выгоды своей экспедиции. Но ни ему, ни его стране не суждено было реализовать эти выгоды. Он умер во время своего путешествия за границу, и земли, омываемые Амазонкой, оказались на территории Португалии. Несчастный мореплаватель даже не удостоился безраздельной чести дать свое имя водам, которые он открыл. Он наслаждался лишь бесплодной славой открытия, которая, конечно же, не уравновешивалась незаконными обстоятельствами, сопутствовавшими ему. 12

Один из сторонников Орельяны решительно выступал против его действий, считая их противными как человечеству, так и чести. Это был Санчес де Варгас; и жестокий командир

отомстил ему, бросив на произвол судьбы в пустынном районе, где его теперь нашли его соотечественники.¹³

Испанцы с ужасом слушали рассказ Варгаса, и кровь у них чуть не застыла в жилах, когда они увидели себя такими покинутыми в самом сердце этой отдаленной дикой местности и лишенными единственного средства спастись оттуда. Они попытались продолжить свое путешествие вдоль берегов, но после нескольких утомительных дней силы и бодрость духа покинули их, и они в отчаянии сдались!

Именно тогда проявились качества Гонсало Писарро как достойного лидера в час уныния и опасности. Продвигаться дальше было безнадежно. Оставаться на месте, без еды и одежды, без защиты от свирепых лесных зверей и еще более свирепых туземцев, было невозможно. Оставался единственный выход - вернуться в Кито. Но это принесло с собой воспоминания о прошлом, о страданиях, которые они могли слишком хорошо оценить, - их трудно было вынести даже в воображении. Теперь они были по меньшей мере в четырехстах лигах от Кито, и прошло больше года с тех пор, как они отправились в свое мучительное паломничество. Как они могли снова столкнуться с подобными опасностями! ¹⁴

Однако альтернативы не было. Гонсало попытался успокоить своих последователей, напомнив о непобедимом постоянстве, которое они проявляли до сих пор; заклиная их показать, что они все еще достойны названия кастильцев. Он напомнил им о славе, которую они навсегда приобретут своим героическим подвигом, когда доберутся до своей собственной страны. Он сказал, что поведет их обратно другим путем, и не может быть иначе, как чтобы они где-нибудь не встретились с теми изобильными регионами, о которых они так часто слышали. По крайней мере, каждый шаг приближал их к дому; и поскольку, во всяком случае, это был явно единственный оставшийся путь, они должны были подготовиться встретить его как мужчины. Дух поддержит тело, а трудности, с которыми сталкивается правильный дух, уже наполовину преодолены!

Солдаты с нетерпением прислушивались к его словам обещания и ободрения. Уверенность их лидера оживляла отчаявшихся. Они почувствовали силу его доводов, и по мере того, как они охотно прислушивались к его заверениям, гордость за старую кастильскую честь возродилась в их сердцах, и каждый в какой-то степени проникся великодушным энтузиазмом своего командира. По правде говоря, он имел право на их преданность. С первого часа экспедиции он добровольно принимал участие в ее лишениях. Далекий от того, чтобы претендовать на преимущество своего положения, он разделил свою участь с самым бедным солдатом; помогал нуждающимся, подбадривал отчаявшихся, делился своим скудным довольствием со своими изголодавшимися последователями, принимал активное участие в тяжелом походе, всегда показывая себя их верным товарищем, не меньше, чем их капитаном. Он убедился в пользе такого поведения в такой трудный час, как нынешний.

Я избавлю читателя от перечисления страданий, перенесенных испанцами во время их отступления в Кито. Они избрали более северный путь, чем тот, которым приблизились к Амазонке; и, хотя он был сопряжен с меньшим количеством трудностей, они испытывали еще большие огорчения из-за своей большей неспособности преодолеть их. Их единственной пищей была та скудная пища, которую они могли добыть в лесу, или счастливо встретить в каком-нибудь заброшенном индейском поселении, или вырвать насильем у туземцев. Некоторые по дороге заболели и упали, потому что некому было им помочь. Невыносимые

страдания сделали их эгоистичными, и многие бедняги были брошены на произвол судьбы - умирать в одиночестве в пустыне или, что более вероятно, быть съеденными при жизни дикими животными, которые бродили по ней.

Наконец, в июне 1542 года, после чуть более чем года, потраченного на обратный марш, измученный поход, отряд вышел на возвышенные равнины в окрестностях Кито. Но как отличался их облик от того, который они демонстрировали, выходя из ворот той же столицы два с половиной года назад с высокими романтическими надеждами и во всей гордости военного строя! Их лошади ушли, их руки были сломаны и заржавели, шкуры диких животных вместо одежды свободно висели на их конечностях, их длинные и спутанные локоны буйно струились по плечам, их лица были обожжены и почернели от тропического солнца, их тела, истощенные голодом и сильно обезображенные шрамами, — казалось, что склеп отдал своих мертвецов, когда они неуверенным шагом медленно скользили вперед, подобно отряду мрачных призраков! Более половины из четырех тысяч индейцев, сопровождавших экспедицию, погибли, а из испанцев только восемьдесят, и многие из них, безвозвратно подорванные конституцией, вернулись в Кито.¹⁵

Немногочисленные христианские жители этого места со своими женами и детьми вышли поприветствовать своих соотечественников. Они оказывали им всяческое облегчение и подкрепление, какие были в их силах; и, слушая печальный рассказ об их страданиях, они смешивали свои слезы с слезами странников. Затем вся компания прибыла в столицу, где их первым делом — надо отдать им должное — было всем скопом отправиться в церковь и вознести благодарственные молитвы Всевышнему за их чудесное спасение во время долгого и опасного паломничества.¹⁶ Таков был конец экспедиции на Амазонку; экспедиции, которая по своим опасностям и лишениям, продолжительности и постоянству, с которым они переносились, не имеет, пожалуй, равных в анналах американских открытий.

Книга 4

Глава 5

Фракция Альмагро — Их отчаянное положение-Заговор против Франсиско Писарро—Убийство Писарро-Действия заговорщиков—Характер Писарро

1541

Когда Гонсало Писарро добрался до Кито, он получил известие о событии, которое показало, что его экспедиция на Амазонку оказалась еще более пагубной для его интересов, чем он предполагал. За время его отсутствия произошла революция, которая изменила все положение вещей в Перу.

В предыдущей главе мы видели, что, когда Эрнандо Писарро вернулся в Испанию, его брат маркиз отправился в Лиму, где продолжал заниматься наращиванием своего начинающегося капитала и заботой об общих интересах страны. Работая таким образом, он мало обращал внимания на опасность, которая ежечасно подстерегала его на пути, и это тоже несмотря на неоднократные предупреждения более осмотрительных друзей.

После казни Альмагро его последователи численностью в несколько сотен человек остались рассеянными по стране; но, какими бы разрозненными они ни были, их все же объединяло общее чувство негодования против писарро, убийц, как они их считали, своего лидера. Губернатор был объектом этих чувств в меньшей степени, чем его брат Эрнандо, поскольку сыграл меньшую роль в совершении этого преступления. В этих обстоятельствах политика Писарро явно заключалась в том, чтобы делать одно из двух: относиться к противоположной фракции либо как к друзьям, либо как к открытым врагам. Он мог бы примирить самых непокорных проявлениями доброты, стереть память о прошлых обидах, если бы мог, нынешними выгодами; короче говоря, доказать им, что его ссора была с их лидером, а не с ними самими, и что в их интересах было снова встать под его знамена. Это было бы самым политичным, а также самым великодушным ходом; и, увеличив число его приверженцев, значительно укрепило бы его власть в стране. Но, к несчастью, у него не хватило великодушия продолжить начатое. Не в характере Писарро было прощать обиду или человека, которого он обидел. Следовательно, поскольку он не пытался примирить сторонников Альмагро, политика губернатора явно заключалась в том, чтобы рассматривать их как врагов, тем более замаскированных, и принимать такие меры, которые должны были дисквалифицировать их за причинение вреда. Ему следовало последовать совету своего более благоразумного брата Эрнандо и распределить их по разным комнатам, следя за тем, чтобы в какой-то одной точке или, прежде всего, по соседству с его собственной резиденцией не собиралось большое количество людей.

Но губернатор слишком искренне презирал сломленных сторонников Альмагро, чтобы снизить до мер предосторожности. Он позволил сыну своего соперника остаться в Лиме, где его апартаменты вскоре превратились в пристанище недовольных кавалеров. Молодой человек был хорошо известен большинству солдат Альмагро, поскольку проходил обучение вместе с ними в лагере под присмотром своего отца, и теперь, когда его родителя убрали, они, естественно, передали свою преданность сыну, который пережил его.

Однако, чтобы молодой Альмагро был менее способен содержать эту свиту бесполезных последователей, Писарро лишил его значительной части своих индейцев и земель, в то время как он был исключен из правительства Нового Толедо, которое было возложено на него по завещанию его отца.¹ Лишенные всех средств к существованию, без должности или какой-либо работы, жители Чили, ибо так продолжали называть сторонников Альмагро, были доведены до крайнего отчаяния. Они были так бедны, как гласит история того времени, что двенадцать кавалеров, живших в одном доме, могли раздобыть на всех только один плащ; и с обычным чувством гордости, свойственным бедным идалго, не желая выставлять напоказ свою бедность, они носили этот плащ по очереди, а те, кто не имел на него права, оставались дома.² Правдив этот анекдот или нет, но он хорошо иллюстрирует крайность, до которой дошла фракция Альмагро. И это бедствие стало еще более раздражающим из-за бесстыдства их врагов, которые, обогатившись за счет своих потерь, демонстрировали перед их глазами всю дерзкую храбрость в экипировке и одеянии, которая могла раздражать их чувства.

Люди, которых таким образом подстрекали к оскорблениям и увечьям, были слишком опасны, чтобы относиться к ним легкомысленно. Но, хотя Писарро получал различные намеки, призванные насторожить его, он не обращал на них внимания. "Бедняги!" он восклицал, говоря с презрительной жалостью о людях Чили: "Им и так достаточно не везло. Мы больше не будем

их беспокоить".³ И он так мало обращал на них внимания, что, как обычно, свободно разъезжал верхом без сопровождающих по всему городу и его ближайшим окрестностям.⁴

Теперь до колонии дошла весть о назначении короной судьи, который займется делами Перу. Писарро, хотя и был встревожен полученными сведениями, отдал приказ хорошо развлечь его во время высадки и подготовить для него подходящие помещения по пути следования. Эти новости значительно подняли настроение сторонников Альмагро. Они с уверенностью ожидали от этого высокопоставленного чиновника возмещения причиненных им обид; и двое из них, одетых в траурные костюмы, были выбраны для поездки на север, где, как ожидалось, приземлится судья, и изложения перед ним своих жалоб.

Но проходили месяцы, а о его прибытии не поступало никаких известий, пока, наконец, судно, вошедшее в порт, не объявило, что большая часть эскадры затонула во время сильных штормов на побережье и что комиссар, вероятно, погиб вместе с ними. Это было обескураживающее известие для жителей Чили, чьи "страдания", по словам их молодого лидера, "стали слишком тяжелыми, чтобы их можно было выносить".⁵ Симптомы недовольства уже начали открыто проявляться. Надменные кавалеры не всегда снимали шляпы, встречая губернатора на улице; и однажды к общественной виселице были подвешены три веревки с прикрепленными к ним ярлыками с именами Писарро, судьи Веласкеса и секретаря губернатора Пикадо.⁶ Этот последний чиновник был особенно ненавистен Альмагро и его последователям. Поскольку его хозяин не умел ни читать, ни писать, все его сообщения проходили через руки Пикадо; а поскольку последний был по натуре жестким и высокомерным человеком, весьма воодушевленным влиянием, которое давало ему его положение, он оказывал пагубное влияние на меры губернатора. Бедные последователи Альмагро были объектами его открытых насмешек, и он отомстил за нанесенное ему оскорбление, проехав верхом перед резиденцией их молодого лидера, демонстрируя безвкусное великолепие в своей одежде, сверкающей золотом и серебром, и с надписью "Для мужчин Чили" на шляпе. Это была глупая насмешка; но бедные кавалеры, которые были ее объектом, ставшие болезненно чувствительными из-за своих страданий, не имели философии, чтобы презирать ее.⁷

Наконец, обескураженная затянувшимся приходом Вака де Кастро, а еще больше недавними сообщениями о его гибели, фракция Альмагро, отчаявшись добиться возмещения ущерба от законной власти, решила взять дело в свои руки. Они пришли к отчаянному решению убить Писарро. Днем, названным в честь этого, было воскресенье, двадцать шестое июня 1541 года - заговорщики, числом восемнадцать или двадцать человек, должны были собраться в доме Альмагро, который стоял на большой площади рядом с собором, и, когда губернатор вернется с мессы, они должны были выйти и напасть на него на улице. Белый флаг, развернутый в то же время из окна верхнего этажа дома, должен был послужить сигналом для остальных их товарищей выступить на поддержку тех, кто немедленно приступил к исполнению преступления.⁸

Эти приготовления вряд ли могли быть скрыты от Альмагро, поскольку местом встречи должны были стать его собственные покои. Тем не менее, нет веских доказательств того, что он принимал участие в заговоре.⁹ Действительно, он был слишком молод, чтобы можно было предположить, что он принимал в нем ведущее участие. Современные писатели утверждают, что он обладал многими хорошими качествами, хотя, к несчастью, он не был поставлен в ситуацию, благоприятную для их развития. Он был сыном панамской индианки, но с ранних лет

унаследовал тяжелую судьбу своего отца, на которого он был очень похож своим свободным и великодушным характером, а также неистовством своих страстей. Его молодость и неопытность не позволили ему взять на себя инициативу в тех запутанных обстоятельствах, в которые он попал, и сделали его немногим более чем марионеткой в руках других.¹⁰

Самым заметным из его советников был Хуан де Эррада, или Рада, как чаще пишется его имя, — кавалер из респектабельной семьи, но который, рано поступив на службу простым солдатом, постепенно поднялся до высших постов в армии благодаря своим военным талантам. В то время он был уже далеко в преклонных годах, но огонь молодости не угас в его груди, и он горел желанием отомстить за зло, причиненное его древнему командиру. Привязанность, которую он когда-либо испытывал к старшему Альмагро, он, по-видимому, в полной мере передал своему сыну; и, очевидно, имея в виду его, даже больше, чем себя, он разработал этот дерзкий заговор и приготовился взять на себя инициативу в его исполнении.

Однако в группе заговорщиков был один, который испытывал некоторые угрызения совести из-за той роли, которую он играл, и который облегчил свою душу, раскрыв весь заговор своему духовнику. Последний, не теряя времени, сообщил об этом Пикадо, который, в свою очередь, передал это Писарро. Но, как ни странно, это произвело на губернатора не большее впечатление, чем туманные предупреждения, которые он так часто получал. "Это уловка священника, - сказал он, - ему нужна митра".¹¹ И все же он повторил эту историю судье Веласкесу, который, вместо того чтобы приказать схватить заговорщиков и предпринять надлежащие шаги для выяснения истинности обвинения, казалось, был одержим тем же безумием, что и Писарро; и он приказал губернатору не подвергаться никакому аресту, "ибо ему не причинят вреда, пока жезл правосудия, "а не метафорический знак власти в Кастилии", был в его руках".¹² Тем не менее, чтобы исключить любую возможность опасности, было сочтено благоразумным, чтобы Писарро воздержался от посещения воскресной мессы и оставался дома под предлогом болезни.

В назначенный день Рада и его спутники собрались в доме Альмагро и с тревогой ждали часа, когда губернатор выйдет из церкви. Но велик был их ужас, когда они узнали, что его там нет, а он задержан дома, как сообщается в настоящее время, из-за болезни. Почти не сомневаясь в том, что их замысел был раскрыт, они считали неизбежным последствием свое собственное крушение, да и то без печального утешения от того, что нанесли удар, из-за которого сами его и понесли. Сильно озадаченные, некоторые выступали за роспуск в надежде, что Писарро, в конце концов, может быть, ничего не знает об их замысле. Но большинство было за то, чтобы привести это в исполнение немедленно, напав на него в его собственном доме. Вопрос был быстро решен одним из участников, который чувствовал, что в этом последнем варианте был их единственный шанс на спасение. Распахнув двери, он выбежал наружу, призывая своих товарищей "следовать за ним, иначе он объявит о цели, ради которой они встретились". Больше не было колебаний, и кавалеры выступили вперед во главе с Радой, крича на ходу: "Да здравствует король! Смерть тирану!"¹³

Наступил час ужина, который в эту первобытную эпоху испанских колоний приходился на полдень. Тем не менее, многие, разбуженные криками нападавших, вышли на площадь, чтобы узнать причину. "Они собираются убить маркиза", - говорили одни очень хладнокровно; другие отвечали: "Это Пикадо". Никто не пошевелился в их защиту. Власть Писарро не укоренилась в сердцах его народа.

Когда заговорщики пересекали площадь, один из них сделал круг, чтобы не наткнуться на небольшую лужицу воды, оказавшуюся у них на пути. "Что?" - воскликнул Рада. "Боишься замочить ноги, когда тебе предстоит идти по колено в крови!" И он приказал этому человеку отказаться от предприятия и отправиться домой, в свои покои. Характерен этот анекдот.¹⁴

Дворец губернатора находился на противоположной стороне площади. К нему вели два внутренних двора. Вход во внешний был защищен массивными воротами, способными противостоять сотне или более человек. Но она была оставлена открытой, и нападавшие, поспешившие во внутренний двор, все еще выкрикивая свой устрашающий боевой клич, были встречены двумя слугами, слонявшимися по двору. Одного из них они сбили с ног. Другой, со всех ног бросившись к дому, кричал: "Помогите, помогите! все жители Чили собираются убить маркиза!"

Писарро в это время был за обедом или, что более вероятно, только что пообедал. Он был окружен группой друзей, которые зашли, по-видимому, после мессы, чтобы справиться о состоянии его здоровья, некоторые из которых остались, чтобы принять участие в его трапезе. Среди них был дон Мартинес ду Алькантара, сводный брат Писарро по материнской линии, судья Веласкес, избранный епископ Кито, и несколько видных местных кавалеров, числом от пятнадцати до двадцати. Некоторые из них, встревоженные шумом во дворе, покинули салон и, сбежав на первую площадку лестницы, поинтересовались причиной переполоха. Как только крики слуги донесли им об этом, они опрометью бросились в дом; и поскольку они не собирались оставаться безоружными или, в лучшем случае, плохо вооруженными, как большинство из них, они направились в коридор, выходящий в сад, в который они легко спустились, не причинив себе вреда. Судья Веласкес, чтобы лучше использовать свои руки при спуске, держал свой служебный жезл во рту, стараясь, как говорит язвительный старый хронист, не фальсифицировать свои заверения в том, что "Писарро не причинят вреда, пока жезл правосудия находится в его руках"! ¹⁵

Тем временем маркиз, узнав о характере беспорядков, позвал Франсиско де Чавеса, офицера, пользующегося его большим доверием, который находился во внешних покоях, выходящих на лестницу, чтобы запереть дверь, пока он и его брат Алькантара застегивают доспехи. Если бы этот хладнокровно отданный приказ был так же хладнокровно выполнен, это спасло бы их всех, поскольку вход можно было легко удержать против гораздо более крупных сил, пока донесение бежавших кавалеристов не принесло поддержки Писарро. Но, к несчастью, Чавес, послушавшись своего командира, приоткрыл дверь и попытался вступить в переговоры с заговорщиками. Последний к этому времени добрался до верха лестницы и прервал дискуссию, проткнув Чавеса насквозь и сбросив его труп на площадку внизу. На мгновение их сдержали слуги убитого кавалера, но и с ними было быстро покончено; Рада и его спутники, войдя в комнату, поспешили через нее, выкрикивая: "Где маркиз? Смерть тирану!"

Мартинес де Алькантара, который в соседней комнате помогал своему брату застегивать кольчугу, как только увидел, что вход в прихожую захвачен, подскочил к дверям покоев и с помощью двух молодых людей, пажей Писарро, и одного или двух сопровождавших их кавалеров попытался воспротивиться приближению нападавших. Теперь завязалась отчаянная борьба. С обеих сторон были нанесены удары, некоторые из которых оказались смертельными, и двое заговорщиков были убиты, в то время как Алькантара и его отважные товарищи были неоднократно ранены.

Наконец Писарро, не сумевший в спешке поправить застёжки своей кирасы, отбросил ее и, закутавшись одной рукой в плащ, другой схватил меч и бросился на помощь брату. Было слишком поздно, потому что Алькантара уже шатался от потери крови и вскоре упал на землю. Писарро бросился на своих захватчиков, как лев, разбуженный в своем логове, и наносил свои удары с такой быстротой и силой, как будто возраст был не в силах заостенеть в его конечностях. "Что за хрень! - закричал он. - Предатели! вы пришли убить меня в моем собственном доме?" Заговорщики на мгновение отступили, когда двое из их отряда пали под мечом Писарро; но они быстро сплотились и, несмотря на свое численное превосходство, сражались с большим преимуществом, сменяя друг друга в атаке. Проход все еще был узким, и борьба продолжалась несколько минут, пока оба пажа Писарро не оказались растянутыми рядом с ним, когда Рада, раздраженный задержкой, крикнул: "Почему мы так долго медлим? Долой тирана!" - и, схватив одного из своих товарищей, Нарваэса, на руки, он толкнул его к маркизу. Писарро, мгновенно сцепившись со своим противником, пронзил его насквозь своим мечом. Но в этот момент он получил рану в горло и, пошатнувшись, рухнул на пол, в то время как мечи Рады и нескольких заговорщиков были вонзены в его тело. "Иисус!" - воскликнул умирающий и, начертив пальцем крест на окровавленном полу, наклонил голову, чтобы поцеловать его, когда удар, более дружеский, чем все остальные, положил конец его существованию.¹⁶

Заговорщики, совершив свое кровавое дело, выбежали на улицу и, размахивая окровавленным оружием, кричали: "Тиран мертв! Законы восстановлены! Да здравствует наш повелитель император и его губернатор Альмагро!" Жители Чили, воодушевленные ликующими криками, теперь стекались со всех сторон, чтобы присоединиться к знамени Рады, который вскоре оказался во главе почти трехсот сторонников, вооруженных и готовых поддержать его власть. К домам главных сторонников покойного губернатора была приставлена охрана, и все они были взяты под стражу. Дом Писарро и дом его секретаря Пикадо были преданы разграблению, и в первом была найдена большая добыча в золоте и серебре. Сам Пикадо укрылся в доме Рикельме, казначея; но его убежище было обнаружено — выдано, по некоторым сведениям, взглядом, хотя и не словами самого казначея, - и его вытащили наружу и поместили в надежную тюрьму.¹⁷ Весь город был повергнут в ужас, поскольку вооруженные отряды спешили туда и сюда по своим многочисленным поручениям, и все, кто не был во фракции Альмагро, трепетали, опасаясь, что они будут вовлечены в проскрипцию своих врагов. Беспорядок был настолько велик, что братья милосердия, выйдя всем скопом, прошли по улицам торжественным шествием с поднятым в воздух воинством в надежде присутствием священного символа утихомирить страсти толпы.

Но Рада и его последователи не предприняли никакого другого насилия, кроме как задержать нескольких подозреваемых лиц и конфисковать лошадей и оружие, где бы они ни находились. Затем муниципалитет был призван признать власть Альмагро; непокорные были без церемоний изгнаны из своих кабинетов, а на их место были назначены другие представители фракции Чили. Требования нового претендента были полностью признаны, и молодой Альмагро, проехавший по улицам верхом на лошади в сопровождении хорошо вооруженного отряда кавалеристов, был провозглашен под звуки трубы губернатором и генерал-капитаном Перу.

Тем временем искалеченные тела Писарро и его верных приверженцев были оставлены в луже крови. Некоторые были за то, чтобы выволочь труп губернатора на рыночную площадь и насадить его голову на виселицу. Но Альмагро тайно убедили удовлетворить мольбы друзей

Писарро и разрешить его погребение. Это было сделано украдкой и поспешно, из страха, что его ненадолго прервут. Верный слуга и его жена вместе с несколькими чернокожими слугами завернули тело в хлопчатобумажную ткань и перенесли в собор. В темном углу была поспешно вырыта могила, служба была проведена в спешке, и в тайне, во тьме, рассеиваемой лишь слабым мерцанием нескольких свечей, зажженных этими скромными слугами, останки Писарро, завернутые в окровавленный саван, были преданы родственному праху. Таков был жалкий конец Завоевателя Перу — человека, который всего несколько часов назад правил этой землей с такой же абсолютной властью, какой обладали ее наследственные инки. Отрезанный при ярком свете дня, в самом сердце своей столицы, в самой гуще тех, кто был его товарищами по оружию и делил с ним его триумфы и добычу, он погиб как жалкий изгой. "Некому было даже, - выразительным языком летописца, - сказать: "Да простит его Бог!" 18

Несколько лет спустя, когда в стране восстановилось спокойствие, останки Писарро были помещены в роскошный гроб и установлены под памятником в видной части собора. И в 1607 году, когда время набросило свою дружескую мантию на прошлое, а память о его ошибках и преступлениях слилась с воспоминаниями о великих услугах, которые он оказал короне, расширив ее колониальную империю, его кости перенесли в новый собор и позволили упокоиться бок о бок с останками Мендосы, мудрого и доброго вице-короля Перу.19

На момент смерти Писарро было, вероятно, недалеко от шестидесяти пяти лет; хотя это, следует добавить, всего лишь приблизительное предположение, поскольку не существует достоверных записей о дате его рождения.20 Он никогда не был женат; но от индийской принцессы крови инков, дочери Атауальпы и внучки великого Уайны Капака, у него было двое детей, сын и дочь. Оба пережили его; но сын не дожил до зрелого возраста. Их мать после смерти Писарро вышла замуж за испанского кавалера по имени Ампуэро и уехала с ним в Испанию. Ее сопровождала дочь Франциска, которая впоследствии вышла замуж за своего дядю Эрнандо Писарро, в то время заключенного в Мота-дель-Медина. Ни титул, ни поместья маркиза Франсиско не перешли к его незаконнорожденному отпрыску. Но в третьем поколении, в правление Филиппа Четвертого, титул был возрожден в пользу дон Хуана Эрнандо Писарро, который из благодарности за услуги своего предка был создан маркизом Конкисты, маркизом де ла Конкиста, с либеральной пенсией от правительства. Говорят, что его потомков, носящих тот же дворянский титул, до сих пор можно найти в Трухильо, в древней провинции Эстремадура, первоначальном месте рождения Писарро.21

Личность Писарро уже была описана. Он был высокого роста, хорошо сложен и с приятным выражением лица. Выросший в лагерях, в нем не было ничего от придворного лоска, у него была солдатская выправка и вид человека, привыкшего командовать. Но, хотя его обращение и не было отточенным, в нем не было ни смущения, ни грубоватости, которые там, где это служило его целям, могли быть правдоподобными и даже вкрадчивыми. Доказательством этого является благоприятное впечатление, произведенное им после его второй экспедиции, когда он, незнакомый со всеми ее формами и обычаями, предстал перед педантичным кастильским двором.

В отличие от многих своих соотечественников, он не питал страсти к показной одежде, которую считал помехой. Костюмом, который он больше всего использовал на публичных мероприятиях, был черный плащ, белая шляпа и туфли того же цвета; последнее, как говорят, было

подражанием Великому Капитану, чьим характером он рано научился восхищаться в Италии, но с которым его собственный, безусловно, имел очень слабое сходство.²²

Он был умерен в еде, мало пил и обычно вставал за час до рассвета. Он был пунктуален в делах и не чурался тяжелого труда. Он действительно обладал огромной силой терпения и выдержки. Как и большинство представителей его нации, он любил игру и мало заботился о качестве тех, с кем играл; хотя, когда его противник не мог позволить себе проиграть, он позволял себе, как говорят, оказаться проигравшим; способ выполнения обязательств, который кастильский писатель высоко оценил за его деликатность.²³

Хотя и скупой, он был для того, чтобы тратить, а не копить. Его обширные сокровища, вероятно, более обширные, чем те, что когда-либо прежде выпадали на долю авантюриста,²⁴ были в основном растрочены на его предприятия, архитектурные работы и планы общественного благоустройства, которые в стране, где золото и серебро, можно сказать, потеряли свою ценность из-за их изобилия, поглощали невероятное количество денег. Хотя он в некотором смысле считал всю страну своей собственностью и свободно распределял ее между своими военачальниками, несомненно, что княжеский дар территории с двадцатью тысячами вассалов, предоставленный ему короной, так и не был приведен в исполнение; и его наследники никогда не воспользовались им.²⁵

Для человека, обладавшего активной энергией Писарро, лень была величайшим злом. Азарт игры был необходим для духа, привыкшего к обычным стимуляторам войны и приключений. Его необразованный ум не испытывал пристрастия к более утонченному интеллектуальному отдыху. Брошенного подкидыша не учили ни читать, ни писать. Некоторые оспаривают это, но это подтверждено непререкаемыми авторитетами.²⁶ Монтесинос действительно говорит, что Писарро во время своего первого путешествия пытался научиться читать; но нетерпеливый характер помешал этому, и он удовлетворился тем, что научился ставить свою подпись.²⁷ Но Монтесинос не был современным историком. Педро Писарро, его товарищ по оружию, прямо говорит нам, что он не умел ни читать, ни писать;²⁸ и Сарате, другой современник, хорошо знакомый с Завоевателями, подтверждает это утверждение и добавляет, что Писарро не мог даже подписать свое имя.²⁹ Это было сделано его секретарем Пикадо в последние годы его жизни, в то время как губернатор просто поставил обычную рубрику или росчерк по бокам своего имени. Так обстоит дело с документами, которые я исследовал, на которых его подпись, сделанная, вероятно, его секретарем, или его титул Маркиза, в дальнейшей жизни заменявший его имя, украшен на концах росчерком, выполненным столь же неумело, как если бы это было сделано рукой пахаря. И все же мы не должны оценивать этот недостаток так, как следовало бы в этот период всеобщего просветления, по крайней мере, общего в нашей собственной счастливой стране. Чтение и письмо, столь распространенные сейчас, в начале шестнадцатого века могли бы рассматриваться в свете достижений; и все, у кого есть возможность ознакомиться с памятными автографами того времени, обнаружат, что их выполнение, даже лицами самого высокого ранга, слишком часто было таким, что не сделало бы чести школьнику наших дней.

Несмотря на смелость в действиях и то, что его нелегко было свернуть со своей цели, Писарро медлил с принятием решения. Это придавало ему вид нерешительности, чуждой его характеру.³⁰ Возможно, сознание этого привело его к тому, что он взял за правило сначала говорить "Нет" просителям о благосклонности, а затем, на досуге, пересматривать свое

суждение и соглашаться на то, что казалось ему целесообразным. Он избрал курс, противоположный курсу своего товарища Альмагро, который, как было замечено, обычно говорил "Да", но слишком часто не выполнял своего обещания. Это было характерно для беспечного и легкого характера последнего, которым руководил импульс, а не принцип³¹.

Вряд ли есть необходимость говорить о мужестве человека, посвятившего себя такой карьере, как у Писарро. Храбрость, действительно, была дешевым качеством среди испанских авантюристов, поскольку опасность была их стихией. Но он обладал чем-то большим, чем просто животная храбрость, в том постоянстве цели, которое слишком глубоко укоренилось в его натуре, чтобы его могли поколебать самые дикие бури судьбы. Именно это непреклонное постоянство составляло ключ к его характеру и составляло секрет его успеха. Замечательное свидетельство этого было дано во время его первой экспедиции среди мангровых зарослей и унылых болот Чоко. Он видел своих последователей, изнывающих вокруг него от губительной малярии, изнемогающих перед невидимым врагом и неспособных нанести удар в свою защиту. И все же его дух не дрогнул, и он не дрогнул в своем предприятии.

В этой войне с природой есть что-то угнетающее воображение. В борьбе человека против человека дух поднимается благодаря состязанию, проводимому на равных условиях; но в войне со стихиями мы чувствуем, что, как бы храбро мы ни сражались, мы не можем их контролировать. Не радует нас и перспектива славы в таком состязании; ибо в непостоянной оценке человеческой славы молчаливое перенесение лишений, какими бы болезненными они ни были, ничтожно мало по сравнению с показными трофеями победы. Лавр героя - увы человечеству, что так должно быть! — лучше всего растет на поле битвы.

Этот непреклонный дух Писарро проявился еще сильнее, когда на маленьком острове Галло он провел на песке черту, которая должна была отделить его и горстку его последователей от их страны и от цивилизованного человека. Он верил, что его собственное постоянство придаст сил слабым и сплотит вокруг него храбрые сердца для продолжения его предприятия. Он с уверенностью смотрел в будущее и не просчитался. Это было героически, и требовался только более благородный мотив для того, чтобы его цель представляла собой истинное нравственное возвышение.

Однако та же черта его характера проявилась едва ли не менее примечательным образом, когда, высадившись на побережье и убедившись в реальной силе и цивилизации инков, он настоял на том, чтобы отправиться в глубь страны во главе отряда численностью менее двухсот человек. В этом он, несомненно, ставил себе в пример Кортеса, столь заразительного для искателей приключений того времени, и особенно для Писарро, вовлеченного, как и он, в подобное предприятие. И все же опасность, на которую пошел Писарро, была намного больше, чем у Завоевателя Мексики, чьи силы были почти в три раза больше, в то время как страх перед именем инков — каким бы оправданным ни был результат — был распространен так же широко, как и у ацтеков.

Несомненно, в подражание той же самой захватывающей модели Писарро спланировал захват Атауальпы. Но ситуации двух испанских капитанов были столь же непохожи, как и манера совершения ими актов насилия. Бессмысленная резня перуанцев напоминала ту, что учинил Альварадо в Мексике, и могла бы иметь столь же катастрофические последствия, если бы характер перуанцев был таким же свирепым, как у ацтеков.³² Но удар, доведший последнего до

безумия, сломил более покорный дух перуанцев. Это был смелый ход, который так много оставил на волю случая, что вряд ли заслуживает названия политики.

Когда Писарро высадился в стране, он обнаружил, что она отвлечена борьбой за корону. Казалось бы, в его интересах было натравливать одну партию на другую, добавляя свой собственный вес на чашу весов, которая его устраивала. Вместо этого он прибегнул к акту дерзкого насилия, который сокрушил их обоих одним ударом. Его последующая карьера не давала простора для глубокой политики, проявленной Кортесом, когда он собрал враждующие народы под своим знаменем и направил их против общего врага. Еще меньше у него было возможности продемонстрировать тактику и замечательную стратегию своего соперника. Кортес проводил свои военные операции, руководствуясь научными принципами великого полководца во главе могущественного войска. Писарро предстает только как авантюрист, удачливый странствующий рыцарь. Одним смелым ударом он разрушил чары, которые так долго удерживали землю под властью инков. Чары были разрушены, и воздушная ткань их империи, построенная на вековых суевериях, исчезла от одного прикосновения. Это была скорее удача, чем результат политики.

Писарро был в высшей степени вероломным, но ничто так не противоречит разумной политике. Один полностью доказанный акт вероломства приводит к гибели его автора. Человек, который теряет уверенность в своей добросовестности, отказывается от наилучшей основы для будущих операций. Кто будет сознательно строить на зыбучих песках? Своим вероломным обращением с Альмагро Писарро настроил против себя умы испанцев. Своим вероломным обращением с Атауальпой, а впоследствии и с инкой Манко, он вызвал отвращение у перуанцев. Имя Писарро стало синонимом вероломства. Альмагро отомстил в гражданской войне; Манко - в восстании, которое едва не стоило Писарро его власти. Гражданская война закончилась заговором, который стоил ему жизни. Таковы были плоды его политики. Писарро можно считать хитрым человеком, но не политиком, как его часто восхваляли его соотечественники.

Когда Писарро овладел Куско, он обнаружил страну, хорошо развитую в области цивилизации; учреждения, при которых люди жили в спокойствии и личной безопасности; горы и нагорья, покрытые стадами; долины, изобилующие плодами научного земледелия; зернохранилища и пакгаузы, заполненные до отказа; вся земля радовалась своему изобилию; и характер нации, смягченный под влиянием самой мягкой и невинной формы суеверия, был хорошо подготовлен к приему высшей христианской цивилизации. Но, далекий от того, чтобы проповедовать это, Писарро отдал покоренные народы на растерзание своим жестоким солдатам; священные монастыри были предоставлены их похоти; города и деревни были отданы на разграбление; несчастные туземцы были разделены, как рабы, чтобы трудиться на благо своих завоевателей в рудниках; стада были рассеяны и бессмысленно уничтожены, зернохранилища были опустошены; прекрасным приспособлениям для более совершенной обработки почвы было позволено приходить в упадок; рай был превращен в пустыню. Вместо того чтобы извлекать выгоду из древних форм цивилизации, Писарро предпочел стереть с лица земли все их следы и на их развалинах воздвигнуть институты своей собственной страны. И все же эти учреждения мало что делали для бедных индейцев, находившихся в железном рабстве. Его мало интересовало, что берега Тихого океана были усеяны растущими общинами и городами, рынками процветающей торговли. У него не было доли в прекрасном наследии. Он был чужаком на земле своих отцов.

Религия перуанца, направившая его к поклонению этому великолепному светилу, которое является лучшим представителем могущества и милосердия Создателя, является, возможно, самой чистой формой суеверия, которая когда-либо существовала среди людей. И все же было очень важно, что при новом порядке вещей и благодаря великодушному усердию миссионеров некоторым проблескам более благородной веры было позволено забрезжить в его омраченной душе. Самого Писарро нельзя обвинить в проявлении какой-либо чрезмерной заботы о распространении Веры. Он не был фанатиком, как Кортес. Фанатизм - это извращение религиозного принципа; но Писарро не хватало самого принципа. Обращение язычников было преобладающим мотивом Кортеса в его экспедиции. Это не было напрасным хвастовством. Он в любое время пожертвовал бы ради этого своей жизнью; и не раз своей неосторожной печатью он действительно ставил под угрозу свою жизнь и успех своего предприятия. Его великой целью было очистить землю от жестоких мерзостей ацтеков, заменив религию Иисуса. Это придавало его экспедиции характер крестового похода. Это послужило лучшим оправданием Завоевания и больше, чем все другие соображения, способствует привлечению наших симпатий на сторону завоевателей.

Но руководящими мотивами Писарро, насколько их можно оценить человеческим суждением, были алчность и честолюбие. Добрые миссионеры действительно следовали за ним по пятам, чтобы сеять семена духовной истины, а испанское правительство, как обычно, направило свое благотворное законодательство на обращение туземцев. Но движущей силой Писарро и его последователей была жажда золота. Это было реальным стимулом к их труду, ценой вероломства, истинным гербом их побед. Это придавало их предприятию низменный и корыстный характер; и когда мы противопоставляем свирепую алчность завоевателей мягким и безобидным манерам побежденных, наши симпатии, даже симпатии испанца, неизбежно оказываются на чаше весов индейцев.³³

Но поскольку ни одна картина не бывает лишена света, мы не должны, отдавая должное Писарро, останавливаться исключительно на темных чертах его портрета. Не было ни одного из его сыновей, перед кем Испания была бы в большем долгу за пределы империи; ибо его рука принесла ей богатейший из индийских драгоценностей, которые когда-то сверкали в ее императорской диадеме. Когда мы размышляем об опасностях, которым он отваживался, о страданиях, которые он терпеливо переносил, о невероятных препятствиях, которые он преодолевал, о великолепных результатах, которых он добился своей единственной рукой, так сказать, без помощи правительства, — хотя он и не был ни хорошим, ни великим человеком в высшем смысле этого слова, невозможно не считать его очень выдающимся человеком.

Мы также не можем справедливо не отметить, в оправдание его ошибок, обстоятельства его ранней жизни; ибо, подобно Альмагро, он был сыном греха и печали, рано брошенным в мир искать счастья, как мог. В своем юном и нежном возрасте он должен был произвести впечатление на тех, в чье общество он был брошен. И когда это было уделом нуждающегося отверженного - попасть в общество мудрых и добродетельных? Его судьба была брошена среди распущенных обитателей лагеря, школы грабежа, единственным законом которых был меч, и которые смотрели на несчастного индейца и его наследие как на свою законную добычу.

Кто не содрогается при мысли о том, какой могла бы быть его собственная судьба, получи он образование в такой школе? Количество преступлений не обязательно показывает

преступность агента. История, действительно, имеет отношение к первому, чтобы оно могло быть записано как предупреждение человечеству; но только Тот, кто знает сердце, силу искушений и средства сопротивления им, может определить меру вины.

Книга 4

Глава 6

Передвижения заговорщиков—Наступление Вака Де Кастро—Действия Альмагро—
Продвижение губернатора-Войска Сближаются—Кровавые равнины Чупаса-Поведение Вака Де Кастро

1541—1543

Первым шагом заговорщиков после овладения столицей было разослать по разным городам объявления о свершившейся революции и потребовать признания молодого Альмагро губернатором Перу. Там, где призыв сопровождался привлечением военных сил, как в Трухильо и Арекипе, ему подчинялись без особых придирок. Но в других городах было дано более холодное согласие, а в некоторых к реквизиции отнеслись с презрением. В Куско, наиболее важном месте после Лимы, значительная часть фракции Альмагро обеспечила господство своей партии; и те представители магистратуры, которые сопротивлялись, были изгнаны со своих должностей, чтобы освободить место для других, более сговорчивых по характеру. Но лояльные жители города, недовольные таким поведением, тайно послали к одному из капитанов Писарро, по имени Альварес де Ольгин, который располагался со значительными силами по соседству; и этот офицер, войдя в город, вскоре лишил новых сановников их почестей и вернул древнюю столицу в ее подчинение.

Заговорщики столкнулись с еще более решительным сопротивлением со стороны Алонсо де Альварадо, одного из главных военачальников Писарро, - разбитого, как помнит читатель, старшим Альмагро у моста Абанкай, — и теперь находившегося на севере с корпусом численностью около двухсот человек, самым хорошим войском в стране. Этот офицер, получив известие об убийстве своего генерала, немедленно написал лиценциату Вака де Кастро, информируя его о положении дел в Перу и призывая ускорить продвижение на юг.¹

Этот чиновник был направлен испанской короной, как отмечалось в предыдущей главе, для сотрудничества с Писарро в восстановлении спокойствия в стране, с полномочиями самому принять на себя управление в случае смерти этого командира. После долгого и бурного путешествия весной 1541 года он высадился в порту Буэна-Вентура и, испытывая отвращение к опасностям на море, предпочел продолжить свое изнурительное путешествие по суше. Но он был так ослаблен выпавшими на его долю испытаниями, что прошло целых три месяца, прежде чем он добрался до Попаяна, где получил поразительное известие о смерти Писарро. Это было непредвиденное обстоятельство, которое с таким разумным прогнозом было предусмотрено в его инструкциях. И все же он был крайне озадачен трудностями своего положения. Он был чужаком в этой стране, с очень несовершенным знанием страны, без вооруженных сил, которые могли бы его поддержать, без даже военной науки, которая, как можно было бы предположить, была необходима, чтобы воспользоваться ею. Он ничего не знал ни о степени влияния Альмагро, ни о том, как распространилось восстание, — словом, ничего о настроениях людей, среди которых он был.

В такой чрезвычайной ситуации более слабый духом человек мог бы прислушаться к советам тех, кто советовал вернуться в Панаму и оставаться там до тех пор, пока он не соберет достаточные силы, которые позволят ему с преимуществом выступить против повстанцев. Но мужественное сердце Вака де Кастро удержалось от шага, который показал бы его некомпетентность в выполнении возложенной на него задачи. Он был уверен в своих собственных ресурсах и в силе поручения, в соответствии с которым он действовал. Он также полагался на обычную лояльность испанцев; и, после зрелого размышления, он решил идти вперед и довериться событиям для достижения целей своей миссии.

Советы, полученные им от Альварадо, утвердили его в этом намерении, и он без дальнейших промедлений продолжил свой поход на Кито. Здесь он был хорошо принят лейтенантом Гонсало Писарро, который отвечал за это место во время отсутствия своего командира в его экспедиции на Амазонку. К лиценциату также присоединился Беналькасар, завоеватель Кито, который привел небольшое подкрепление и предложил лично помочь ему в осуществлении его предприятия. Теперь он продемонстрировал королевское поручение, уполномочивающее его после смерти Писарро возглавить правительство. Это непредвиденное обстоятельство наступило, и Вака де Кастро заявил о своей цели воспользоваться предоставленными ему полномочиями. В то же время он разослал эmissаров в главные города, требуя от них повиновения ему как законному представителю короны, позаботившись о том, чтобы нанять для этой миссии осторожных людей, чья репутация имела бы вес в глазах граждан. Затем он медленно продолжил свой марш на юг.²

Своими обдуманнми действиями он хотел дать время, чтобы его призыв возымел действие и чтобы брожение, вызванное недавними экстраординарными событиями, утихло. Он с уверенностью рассчитывал на лояльность, которая заставляла испанцев не желать, за исключением случаев крайней необходимости, вступать в столкновение с королевской властью; и, как бы сильно ни были нарушены эти народные настроения временными порывами страсти, он верил, что обычное течение их чувств даст народу правильное направление. В этом он не просчитался, ибо принцип лояльности был настолько глубоко укоренившимся в древнем испанце, что только века угнетения и плохого правления могли заставить его отказаться от своей верности. Печально, но не странно, что время, проведенное при плохом правительстве, не дало ему возможности создать хорошее правительство.

Пока на севере происходили эти события, фракция Альмагро в Лиме ежедневно пополнялась новыми силами. Ибо, помимо тех, кто с самого начала открыто принадлежал к партии его отца, было много других, кто по той или иной причине испытывал отвращение к Писарро и кто теперь охотно встал под знамена свергнувшего его вождя.

Первым шагом молодого генерала, или, скорее, Рады, руководившей его передвижениями, было обеспечение необходимыми припасами войск, большинство из которых, долгое время находившихся в стесненных обстоятельствах, были совершенно не готовы к службе. Средства на значительную сумму были собраны путем изъятия денежных средств короны, находившихся в руках казначея. Секретарь Писарро, Пикадо, также был вызван из тюрьмы и допрошен относительно места, где были спрятаны сокровища его хозяина. Но, несмотря на то, что его подвергли пыткам, он не захотел — или, что вполне вероятно, не смог бы — дать информацию по этому вопросу; и заговорщики, которым предстояло рассчитаться с ним за нанесенный ущерб, завершили свое дело публичным обезглавливанием его на большой площади Лимы.³

Вальверде, епископ Куско, как он сам уверяет нас, тщетно вступался за него. Удивительно, что в последний раз, когда этот фанатичный прелат появляется на сцене, он выступает в доброжелательном образе молящего о пощаде.⁴ Вскоре после этого ему было разрешено вместе с судьей Веласкесом и некоторыми другими приверженцами Писарро отплыть из порта Лима. У нас есть его письмо, датированное ноябрем 1541 года из Тумбеса; почти сразу после этого он попал в руки индейцев и вместе со своими товарищами был убит в Пуне. Насильственная смерть нередко завершала бурную карьеру американского авантюриста. Вальверде был монахом-доминиканцем и, как и отец Ольмедо из свиты Кортеса, находился рядом со своим командиром на протяжении всей его экспедиции. Но он не всегда, подобно доброму Ольмедо, использовал свое влияние, чтобы остановить поднятую руку воина. По крайней мере, это был не тот мягкий вид, в котором он предстал во время ужасной резни в Кашамалке. Тем не менее, некоторые свидетельства современников представляют его после того, как он был назначен епископом, неутомимым в своих трудах по обращению туземцев и улучшению их положения; и его собственная переписка с правительством после этого периода показывает большую заботу об этих достойных похвалы объектах. Воспитанный в самой суровой школе монашеской дисциплины, которая слишком часто закрывает сердце от обычных жизненных благ, он не мог, подобно великодушному Лас Касасу, подняться настолько над ее фанатичными догматами, чтобы считать язычника своим братом, находясь в состоянии неверия; и, в истинном духе этой школы, он, несомненно, понимал, что святость цели оправдывает средства, какими бы отвратительными они сами по себе ни были. И все же тот же самый человек, который так свободно пролил кровь бедного туземца, чтобы обеспечить торжество своей веры, несомненно, столь же свободно пролил бы свою собственную в ее защиту. Этот персонаж не был чем-то необычным в шестнадцатом веке.⁵

Последователи Альмагро, обеспечив себя средствами, не стеснялись использовать в своих целях лошадей и оружие всех видов, какие только могли найти в городе. И это они сделали с меньшей неохотой, поскольку жители по большей части не проявляли никакой доброй воли к их делу. Работая таким образом, Альмагро получил разведданные о том, что Ольгин покинул Куско с отрядом численностью около трехсот человек, с которым он готовился соединиться с Альварадо на севере. Для успеха Альмагро было важно, чтобы он победил на этом перекрестке. Если затягивать было политикой Вака де Кастро, то Альмагро явно стремился ускорить операции и довести дело до как можно более быстрого завершения; немедленно выступить против Ольгина, которого, как он мог ожидать, легко одолеть с его численным превосходством; затем продолжить удар еще более легким поражением Альварадо, когда новый губернатор был бы, в некотором смысле, в его власти. Было бы легко победить эти несколько организаций в деталях, которые, будучи объединенными, представляли бы огромные шансы. Альмагро и его партия уже выступили против правительства путем судебного разбирательства, слишком жестокого и наносившего слишком прямой удар по королевской власти, чтобы его виновники льстили себя надеждой на помилование. Их единственным шансом было смело отразить удар и, добившись успеха, занять столь грозную позицию, чтобы возбудить опасения правительства. Страх перед его слишком могущественным вассалом мог вынудить его выдвинуть условия, которые никогда не будут приняты в ответ на его мольбы.

Но Альмагро и его сторонники уклонились от этого открытого столкновения с короной. Они подняли восстание, потому что оно лежало у них на пути, а не потому, что хотели этого. Они хотели только отомстить Писарро за свои личные обиды, а не бросить вызов королевской власти. Поэтому, когда некоторые из наиболее решительных, бесстрашно следивших за ходом

событий, предложили немедленно выступить против Вака де Кастро и, ударив в голову, одним ударом решить исход сражения, это было почти повсеместно отвергнуто; и только после долгих дебатов было окончательно решено выступить против Ольгина и прервать его связь с Алонсо де Альварадо.

Едва Альмагро начал свой поход на Саксу, где он намеревался дать сражение своему врагу, как его постигло серьезное несчастье - погиб Хуан де Рада. Он был человеком несколько преклонных лет, и недавние волнующие сцены, в которых он сыграл главную роль, оказались чересчур тяжелыми для организма, сильно подорванного жизнью, полной необычайных лишений. У него началась лихорадка, от которой он вскоре умер. Своей смертью Альмагро понес неоценимую потерю; ибо, помимо его преданной привязанности к своему молодому командиру, он был, благодаря своему большому опыту и осторожному, хотя и мужественному характеру, более квалифицирован, чем любой другой кавалер в армии, чтобы безопасно провести его через штормовое море, в которое он привел его вступить.

Среди кавалеров, пользовавшихся наибольшим уважением после смерти Рады, двумя наиболее честолюбивыми были Крестовал де Сотело и Гарсия де Альварадо; оба обладали значительным военным талантом, но последний отличался смелыми, самонадеянными манерами, которые могли бы напомнить о его прославленном тезке, добившемся гораздо большей известности под знаменами Кортеса. К несчастью, между этими двумя офицерами возникла ревность; ревность, столь распространенная среди испанцев, что может показаться национальной чертой; нетерпение к равенству, основанное на ложном принципе чести, который всегда был плодотворным источником разногласий между ними, будь то при монархии или республике.

Это было особенно неудачно для Альмагро, чья неопытность заставляла его полагаться на поддержку других, и который в нынешнем растерянном состоянии своего совета едва ли знал, к кому за ней обратиться. Из-за задержки, вызванной этими разногласиями, его маленькая армия достигла долины Хаукса только после того, как враг миновал ее. Альмагро последовал за ним, оставив свой багаж и артиллерию, чтобы он мог перевезти лихтер. Но прекрасная возможность была упущена. Реки, разлившиеся от осенних дождей, затрудняли его преследование, и, хотя его легкие войска подошли с несколькими отставшими от арьергарда, Ольгину удалось провести свои силы через опасные горные перевалы и соединиться с Алонсо де Альварадо близ северного морского порта Уаура.

Разочаровавшись в своей цели, Альмагро приготовился выступить на Куско, - столицу, как он считал, своей юрисдикции, — чтобы овладеть этим городом и там подготовиться к встрече со своим противником в поле. Сотело был отправлен вперед с небольшим корпусом заранее. Он не встретил сопротивления со стороны теперь уже беззащитных горожан; управление городом снова перешло в руки жителей Чили, и их молодой вождь вскоре появился во главе своих батальонов и обосновался на зимовку в столице инков.

Здесь ревность капитанов-соперников переросла в открытую вражду. Все закончилось смертью Сотело, предательски убитого в своей собственной квартире Гарсией де Альварадо. Альмагро, сильно возмущенный этим злодеянием, был возмущен еще больше, так как чувствовал себя слишком слабым, чтобы наказать преступника. На данный момент он подавил свое негодование, сделав вид, что относится к опасному офицеру с большей благосклонностью. Но Альварадо не был одурачен этим показным поведением. Он чувствовал, что утратил доверие

своего командира. В отместку он составил заговор с целью предать его; и Альмагро, доведенный до необходимости самообороны, последовал примеру своего офицера, войдя в его дом с отрядом вооруженных людей, которые, жестоко расправившись с мятежником, убили его на месте.⁶

За этим незаконным разбирательством последовали наилучшие последствия. Мятежные планы Альварадо погибли вместе с ним. Семени неподчинения были искоренены, и с этого момента Альмагро испытывал только безоговорочное повиновение и самую преданную поддержку со стороны своих последователей. С этого часа его собственный характер, казалось, тоже изменился; он гораздо меньше полагался на других, чем на себя, и развил ресурсы, которых нельзя было ожидать в его возрасте; ибо ему едва исполнилось двадцать два года.⁷ С этого времени он проявлял энергию и дальновидность, которые доказали, что, несмотря на его молодость, он способен справиться с тяжелыми ситуациями, в которых ему выпала несчастливая участь оказаться.

Он немедленно приступил к удовлетворению потребностей своих людей и напряг все нервы, чтобы привести их в надлежащий боевой порядок для предстоящей кампании. Он пополнил свою казну большим количеством серебра, которое добывал на рудниках Ла-Платы. Селитра, в изобилии добываемая в окрестностях Куско, служила материалом для изготовления пороха. Он приказал отливать пушки, некоторые больших размеров, под руководством Педро де Кандиа, грека, который, как следует помнить, впервые прибыл в страну вместе с Писарро и который вместе со многими своими соотечественниками — левантийцами, как их называли, — был хорошо знаком с этим производством. Под их руководством было изготовлено огнестрельное оружие, а также кирасы и шлемы, в которых серебро смешивалось с медью,⁸ причем такого превосходного качества, что, по словам старого солдата того времени, они могли соперничать с изделиями из мастерских Милана.⁹ Более того, Альмагро получал своевременные поставки из источника, которого вряд ли можно было ожидать. Это было от Манко, странствующего инки, который, ненавидя память о Писарро, питал к молодому Альмагро те же дружеские чувства, которые он прежде питал к своему отцу; возможно, они были усилены тем соображением, что в жилах молодого командира текла индейская кровь. Отсюда Альмагро получил щедрый запас мечей, копий, щитов, оружия и доспехов всех видов, в основном захваченных инками при достопамятной осаде Куско. Он также получил отрядное заверение, что последний поддержит его отрядом местных войск, когда он начнет кампанию.

Однако, прежде чем окончательно обратиться к оружию, Альмагро решил испытать эффект переговоров с новым губернатором. Весной или в начале лета 1542 года он направил посольство к последнему, затем в Лиму, в котором осудил необходимость браться за оружие против офицера короны. Его единственным желанием, по его словам, было отстоять свои права; закрепить за собой владение Новым Толедо, провинцией, завещанной ему отцом и из которой он был самым несправедливым образом исключен Писарро. Он не оспаривал власть губернатора над Новой Кастилией, поскольку была обозначена страна, которая была закреплена за маркизом; и в заключение он предложил, чтобы каждая сторона оставалась на своей соответствующей территории до тех пор, пока им не будет доведено до сведения решение Суда Кастилии. На это заявление, составленное в уважительных выражениях, Альмагро не получил ответа.

Разочаровавшись в своих надеждах на мирное урегулирование, молодой капитан теперь увидел, что ничего не осталось, кроме как применить оружие. Собрав свои войска, готовясь к отъезду из столицы, он обратился к ним с краткой речью. Он заявил, что шаг, который он и его храбрые товарищи собирались предпринять, не был актом восстания против короны. Это было навязано им поведением самого губернатора. Поручение этого офицера не давало ему никакой власти над территорией Нового Толедо, возложенной на отца Альмагро и завещанной ему его отцом. Если Вака де Кастро, превысив пределы своих полномочий, подтолкнет его к военным действиям, кровь, пролитая в ссоре, ляжет на голову этого командира, а не на его собственную. "После убийства Писарро, - продолжал он, - мы взяли правосудие в свои руки, в чем нам было отказано в других местах. То же самое происходит и сейчас, в нашем противостоянии скоролевским губернатором. Мы такие же искренние и верноподданные короны, как и он ". И в заключение он призвал своих солдат поддержать его сердцем и рукой в приближающемся сражении, в котором все они были одинаково заинтересованы, как и он сам.

Обращение было обращено не к бесчувственной аудитории. Среди них было мало таких, кто не чувствовал, что их судьба неразрывно связана с судьбой их командира; и хотя им нечего было ожидать от сурового характера губернатора, они были горячо привязаны к личности своего молодого вождя, который, при всех популярных качествах своего отца, вызывал дополнительное сочувствие обстоятельствами своего возраста и своим несчастным положением. Возложив руки на крест, установленный на воздвигнутом специально для этой цели алтаре, офицеры и солдаты по отдельности поклялись вместе с Альмагро преодолевать все опасности и оставаться верными ему до последнего.

С точки зрения численности его силы не сильно усилились с момента его отъезда из Лимы. Всего у него было немногим больше пятисот человек, но среди них были ветераны его отца, хорошо закаленные во многих индийских кампаниях. У него было около двухсот всадников, многие из них были облачены в полные кольчуги, что было не слишком обычным явлением в этих войнах, где набитый хлопком камзол часто был единственным вооружением воина. Его пехота, состоявшая из пикинеров и аркебузирова, была превосходно вооружена. Но его сила заключалась в его тяжелой артиллерии, состоящей из шестнадцати орудий, восьми больших и восьми меньших, или фальконетов, как их называли, образующих, по словам одного из видевших это, прекрасный артиллерийский парк, который мог бы произвести отважное впечатление на цитадель Бургоса.¹⁰ Короче говоря, маленькая армия, хотя и не внушительная по своей численности, была подчинена такой же хорошей дисциплине и так же хорошо вооружена, как любая, которая когда-либо сражалась на полях Перу; намного лучше любой, которую собственный отец Альмагро или Писарро когда-либо выводили на поле боя и с которой одерживали победы. Встав во главе своего доблестного отряда, вождь выступил из стен Куско примерно в середине лета 1542 года и направил свой марш к побережью в ожидании встречи с врагом.¹¹

В то время как происходили события, подробно описанные на предыдущих страницах, Вака де Кастро, которого мы оставили в Кито в предыдущем году, медленно продвигался на юг. Его первый поступок после отъезда из этого города продемонстрировал его решимость не идти ни на какой компромисс с убийцами Писарро. Беналькасар, выдающийся офицер, которого я упоминал как человека, рано признавшего свою преданность ему, защитил одного из главных заговорщиков, своего личного друга, попавшего в его власть, и способствовал его побегу. Губернатор, возмущенный происходящим, не захотел слушать никаких объяснений, но

приказал провинившемуся офицеру возвращаться в его родной район Попаян. Это был смелый шаг, учитывая шаткое положение его собственного состояния.

Пока губернатор продолжал свое шествие, люди хорошо принимали его по дороге; и когда он вошел в города Сан-Мигель и Трухильо, жители встретили его с лояльным энтузиазмом, которые с готовностью признали его власть, хотя и не проявили особого желания рискнуть вместе с ним в предстоящей борьбе.

Задержавшись надолго в каждом из этих мест, он возобновил свой поход и в начале 1542 года достиг лагеря Алонсо де Альварадо в Уауре. Ольгин обосновался на некотором расстоянии от своего соперника, ибо, как обычно, между этими двумя капитанами возникла ревность, которые оба стремились к верховному командованию генерал-капитаном армии. Может показаться, что должность губернатора, возложенная на Вака де Кастро, включает в себя должность главнокомандующего вооруженными силами. Но де Кастро был ученым, воспитанным в духе закона; и, какую бы власть он ни присвоил себе в гражданских делах, оба капитана воображали, что военное ведомство он передаст в руки других. Они мало знали о характере этого человека.

Хотя губернатор владел военной наукой не больше, чем любой кавалерист в ту воинственную эпоху, он знал, что признание своего невежества и передача управления делами в руки других сильно подорвут его авторитет, если не вызовут презрения у мятежных духов, среди которых он теперь оказался. Он обладал как проницательностью, так и духом и верил, что сможет восполнить свои собственные недостатки опытом других. Его положение предоставляло в его распоряжение услуги самых способных людей страны, и с помощью их советов он чувствовал себя вполне компетентным принять решение о своем плане операций и обеспечить его выполнение. Более того, он знал, что единственный способ унять ревность двух сторон в условиях нынешнего кризиса - это самому занять должность, которая была причиной их разногласий.

Тем не менее он обращался к своим честолобивым офицерам с большой осторожностью; и представления, которые он делал через некоторых разумных людей, имевших к ним самый близкий доступ, были настолько успешными, что обоих за короткое время убедили отказаться от своих притязаний в его пользу. Ольгин, более неразумный из них двоих, затем прислуживал ему в покоех его соперника, где губернатор имел еще одно удовольствие помирить его с Алонсо де Альварадо. Это требовало определенного подхода, поскольку их ревность друг к другу зашла так далеко, что между ними возник вызов.

Таким образом, гармония была восстановлена, и лицензиат перешел в лагерь Ольгина, где его приветствовали артиллерийские залпы и громкие возгласы "Да здравствует король" со стороны верных солдат. Взойдя на покрытый бархатом помост, он обратился с воодушевленной речью к войскам; секретарь зачитал вслух его приказ, и маленькая армия выразила свое повиновение ему как представителю короны.

Следующим шагом Вака де Кастро было направить большую часть своих сил в направлении Хауксы, в то время как во главе небольшого корпуса он направил свой марш на Лиму. Здесь он был встречен живыми проявлениями радости горожанами, которые в целом были преданы делу Писарро, основателя и постоянного покровителя их столицы. Действительно, после ухода Альмагро горожане, не теряя времени, изгнали его приспешников из муниципалитета и вновь подтвердили свою преданность. При таком благоприятном расположении к себе губернатор без

труда получил значительный денежный заем у более состоятельных жителей, но поначалу ему не удалось добиться успеха в приобретении лошадей и оружия, поскольку урожай уже был слишком тщательно собран жителями Чили. Однако, поскольку он продлил свое пребывание в столице на некоторое время, прежде чем покинуть ее, он получил важные запасы оружия и боеприпасов, а также пополнил свои силы значительным количеством новобранцев.¹²

Пока он был занят этим, он получил известие, что враг покинул Куско и движется к побережью. Поэтому, покинув Лос-Рейес со своими верными последователями, Вака де Кастро немедленно отправился в Саксу, назначенное место встречи. Здесь он собрал свои силы и обнаружил, что они насчитывают около семисот человек. Кавалерия, в которой заключалась его сила, превосходила численностью кавалерию его противника, но не была столь хорошо конной или вооруженной. В нее входило много знатных кавалеров и испытанных солдат, помимо ряда тех, кто, имея на кону большие интересы, поскольку владел большими поместьями в стране, покинул их по призыву правительства, чтобы встать под его знамена.¹³ Его пехота, кроме пик, была сравнительно хорошо снабжена огнестрельным оружием; но у него не было ничего, что можно было бы показать в плане артиллерии, за исключением трех или четырех плохо установленных фальконетов. И все же, несмотря на эти недостатки, королевская армия, если столь незначительная сила может заслуживать такого названия, настолько превосходила численностью армию его соперника, что в целом можно было считать, что одна из них не уступает другой.¹⁴

Читатель, знакомый с большими массами, задействованными в европейских войнах, может улыбнуться ничтожным силам испанцев. Но в Новом Свете, куда бесчисленное множество туземцев отправлялось за малым, пятьсот хорошо обученных европейцев считались грозным отрядом. Ни одна армия до нашего времени никогда не насчитывала тысячи человек. Однако, как я уже отмечал, важность конфликта придают не цифры, а последствия, которые зависят от него, — величина ставки, а также мастерство и смелость игроков. Даже чем более ограничены средства, тем больше науки может быть продемонстрировано в их использовании; пока, забыв о бедности материалов, мы не сосредоточим наше внимание на поведении действующих лиц и величии результатов.

Находясь в Саксе, Вака де Кастро принял посольство от Гонсало Писарро, вернувшегося из своей экспедиции из "Страны Корицы", в котором этот вождь предложил свои услуги в предстоящем сражении. Ответ губернатора показал, что он был не совсем против соглашения с Альмагро, при условии, что это может быть осуществлено без ущерба для королевской власти. Возможно, он был готов избежать окончательного испытания битвой, поскольку считал, что, исходя из равенства противоборствующих сил, исход должен быть крайне сомнительным. Он знал, что присутствие в лагере Писарро, ненавистного врага альмагрийцев, вызовет в их сердцах недоверие, которое, вероятно, сведет на нет все попытки договориться. Маловероятно также, что губернатор заботился о том, чтобы столь беспокойный дух был внедрен в его собственные советы. Соответственно, он послал к Гонсало, поблагодарив его за оперативность поддержки, но вежливо отклонил ее, посоветовав ему остаться в своей провинции и отдохнуть после утомительной экспедиции. В то же время он заверил его, что не преминет прибегнуть к его услугам, когда этого потребует случай. Надменный кавалер был сильно возмущен таким отпором.¹⁵

Теперь губернатор получил такой отчет о передвижениях Альмагро, который навел его на мысль, что он готовится занять Гаумангу, укрепленное место значительной силы, примерно в тридцати лигах от Ксауксы.¹⁶ Стремясь обезопасить этот пост, он свернул свой лагерь и форсированными маршами, проводимыми столь нерегулярно, что, должно быть, подвергли бы его большой опасности, если бы его враг был поблизости, чтобы воспользоваться этим, ему удалось опередить Альмагро и занять это место, в то время как его противник находился в Билькасе, примерно в десяти лигах от него.

В Гуаманге Вака де Кастро принял еще одно посольство от Альмагро, аналогичное по значению первому. Молодой вождь снова осудил существование вражды между братьями одной семьи и предложил урегулировать ссору на той же основе, что и раньше. На этот раз губернатор снизошел до ответа. Из его ответа можно подумать, что он испытывал некоторое сострадание к молодости и неопытности Альмагро и что он был готов проводить различие между ним и главными заговорщиками при условии, что сможет оторвать его от их интересов. Но более вероятно, что он намеревался только позабавить своего врага демонстрацией переговоров, в то время как сам выигрывал время для того, чтобы усомниться в верности своих войск.

Он настаивал на том, чтобы Альмагро выдал ему всех, кто непосредственно причастен к смерти Писарро, а затем распустил свои войска. На этих условиях правительство оставило бы без внимания его изменнические действия, и он был бы восстановлен в королевской милости. Сообщается, что вместе с этой миссией Вака де Кастро отправил испанца, переодетого индейцем, которому было поручено связаться с некоторыми офицерами в лагере Альмагро и, по возможности, убедить их отказаться от его дела и вернуться к своей верности. К сожалению, маскировка эmissара была раскрыта. Он был схвачен, подвергнут пыткам и, признавшись во всей сделке, был повешен как шпион.

Альмагро изложил суть дела своим капитанам. Условия, предложенные губернатором, были такими, что ни один человек с частицей чести в натуре не смог бы принять их ни на минуту; и негодование Альмагро, как и его товарищей, усилилось из-за двуличия их врага, который мог прибегать к таким коварным уловкам, якобы ведя честные и открытые переговоры. Возможно, опасаясь, что заманчивые предложения их противника все же возобладают над стойкостью некоторых из более слабых духом среди них, они потребовали прекратить все переговоры и немедленно выступить против врага.¹⁷

Тем временем губернатор, сочтя разоренную местность вокруг Гуаманги неблагоприятной для его кавалерии, на которую он в основном полагался, отвел свои силы в соседние низменности, известные как Равнины Чупас. Это было самое бурное время года, и в течение нескольких дней буря неистовствовала среди холмов и, пронесшись вдоль их склонов в долину, обрушивала дождь, мокрый снег и слякоть на жалкие бивуаки солдат, пока они не промокли до нитки и почти не окоченели от холода.¹⁸ Наконец, шестнадцатого сентября 1542 года разведчики принесли известие, что войска Альмагро продвигаются вперед с намерением, по-видимому, занять высокогорье вокруг Чупаса. Война стихий наконец утихла, и на смену ей пришел один из тех блестящих дней, которые бывают только в тропиках. Королевский лагерь рано пришел в движение, поскольку Вака де Кастро, желая обезопасить высоты, господствовавшие над долиной, выделил для этой цели отряд аркебузирова при поддержке кавалерийского корпуса, за которым он вскоре последовал с остальными силами. Достигнув возвышенности, было принесено известие, что враг остановился и занял сильную позицию менее чем в лиге от нее.

Было уже далеко за полдень, и солнце находилось над горизонтом не более двух часов. Губернатор не решался начинать боевые действия, когда их так скоро должна была настигнуть ночь. Но Алонсо де Альварадо заверил его, что "сейчас самое время, ибо дух его людей горит желанием сражаться, и лучше воспользоваться этим, чем умерять их пыл промедлением". Правитель согласился, воскликнув при этом: "О, сила Иисуса Навина в том, чтобы остановить солнце на его пути!"¹⁹ Затем он выстроил свою маленькую армию в боевом порядке и приготовился к атаке.

В центре он разместил свою пехоту, состоящую из аркебузирова и пикинеров, составляя, как это называлось, битву. На флангах он расположил свою кавалерию, поставив правое крыло вместе с королевским штандартом под командование Алонсо де Альварадо, а левое - под командованием Ольгина, поддержанного доблестным отрядом кавалеристов. Его артиллерия, слишком незначительная, чтобы иметь большое значение, также находилась в центре. Он предложил себе возглавить авангард и первым сломать копье у врага; но от этого рыцарского поступка его отговорили его офицеры, которые напомнили ему, что от его жизни слишком многое зависит, чтобы так беспричинно выставлять ее напоказ. Поэтому губернатор удовлетворился тем, что возглавил резервный отряд, состоящий из сорока всадников, которые могли действовать в любой момент, если того потребуют обстоятельства. Этот корпус, составлявший цвет его рыцарства, был набран в основном из войск Альварадо, к большому неудовольствию этого капитана. Сам губернатор ехал верхом на угольно-черном коне и был одет в богатый парчовый плащ поверх кольчуги, сквозь которую были заметны одеяние и эмблемы рыцарского ордена Святого Иакова, пожалованные ему незадолго до его отъезда из Кастилии.²⁰ Делом чести рыцарей того периода было подстерегать опасность, демонстрируя свое звание великолепием своего военного наряда и попоны своих лошадей.

Прежде чем начать штурм, Вака де Кастро обратился к своим солдатам с несколькими замечаниями, чтобы устранить любые колебания, которые могли еще возникнуть у некоторых, кто помнил недовольство, проявленное императором как к победителям, так и к побежденным после битвы при Салинасе. Он сказал им, что их враги - мятежники. Они ополчились против него. представитель короны, и его долгом было подавить это восстание и наказать его зачинщиков. Затем он приказал зачитать вслух закон, провозглашающий кару предателям. По этому закону Альмагро и его сторонники поплатились своими жизнями и имуществом, и губернатор пообещал распределить последнее между теми из своих людей, которые своим поведением в битве предъявят на это наибольшие права. Это последнее политическое обещание победило угрызения совести самых привередливых; и, завершив свои действия самым разумным и солдатским образом, Вака де Кастро отдал приказ наступать.²¹

Когда войска обогнули отрог холмов, который до сих пор прикрывал их от врагов, они увидели последних, образовавшихся на гребне пологого возвышения, с развевающимися над их головами белоснежными знаменами, отличительным цветом альмагрицев, и их яркими гербами, отбрасывающими назад широкие лучи вечернего солнца. Расположение войск Альмагро мало чем отличалось от расположения его противника. В центре находилась его превосходная артиллерия, прикрытая аркебузирами и копейщиками; в то время как его кавалерия двигалась по флангам. Войсками слева он предложил руководить лично. Он разумно выбрал свою позицию, поскольку характер местности давал полную отдачу его орудиям, которые открыли эффективный огонь по приближавшимся противникам. Потрясенный шквалом выстрелов, Вака де Кастро понял, как трудно продвигаться вперед на виду у вражеской батареи.

Поэтому он последовал совету Франсиско де Карбахалья, который взялся повести войска кружным, но более безопасным путем. Это первый случай, когда имя этого ветерана появляется в этих американских войнах, где впоследствии оно приобрело печальную известность. Он приехал в страну после сорокалетних кампаний в Европе, где изучал военное искусство под руководством Великого полководца Гонсалво де Кордовы. Хотя сейчас он был уже далеко в преклонном возрасте, он обладал всем мужеством и неукротимой энергией юности и хорошо иллюстрировал уроки, которые он получил под руководством своего великого командира.

Воспользовавшись извилистым маршрутом, огибавшим откос холмов, он вел войска таким образом, что, пока они не приблизились совсем близко к противнику, они были защищены промежуточной территорией. Продвигаясь таким образом, они были атакованы на левом фланге индейскими батальонами под командованием Паулло, брата инки Манко; но корпус мушкетеров, ведя по ним рассеивающий огонь, вскоре избавил испанцев от этой неприятности. Когда, наконец, королевские войска, поднявшись над холмом, снова оказались в поле зрения позиций Альмагро, артиллерия открыла по ним огонь со смертельным исходом. Однако это длилось лишь мгновение, поскольку по какой-то необъяснимой причине ружья были направлены под таким углом, что, хотя и представляли собой очевидную цель, большая часть пули прошла над их головами. Было ли это результатом предательства или просто неловкости, неизвестно. Артиллерией командовал инженер Педро де Кандиа. Этот человек, который, как следует помнить, был одним из тринадцати, так доблестно стоявших рядом с Писарро на острове Галло, сражался бок о бок со своим вождем на протяжении всего Завоевания. Однако в последнее время он испытывал к нему некоторое отвращение и примкнул к фракции Альмагро. Возможно, он думал, что смерть его старого командира уладила все их разногласия, и теперь он был готов вернуться к своей прежней преданности. По крайней мере, говорят, что в это самое время он переписывался с Вака де Кастро. Сам Альмагро, похоже, не сомневался в его предательстве. Ибо, напрасно упрекая его в теперешнем поведении, он проткнул ему тело, и несчастный кавалер бездыханным упал на поле боя. Затем, бросившись на одно из орудий, Альмагро изменил направление, и это было так успешно, что при выстреле оно сразило нескольких кавалеристов.²²

Стрельба теперь производила большой эффект, и одним залпом была сметена целая шеренга королевской пехоты, и хотя другие быстро вмешались, чтобы пополнить ряды, солдаты, устав от своих страданий, громко призвали солдат, которые на мгновение остановились, ускорить их продвижение. Эта задержка была вызвана желанием Карбахалья направить свои собственные орудия на противоположные колонны. Но от этого замысла быстро отказались; неуклюжие орудия оставили на поле боя, а кавалерии был отдан приказ атаковать; зазвучали трубы, и, издавая боевые кличи, отважные кавалеристы вонзили шпоры в своих коней и во весь опор поскакали на врага.

Хорошо было бы Альмагро, если бы он твердо оставался на своем посту, который давал ему такое преимущество. Но из ложных соображений чести он счел унижительным для храброго рыцаря пассивно ожидать нападения и, приказав своим людям атаковать, вражеские эскадроны, быстро наступавшие друг на друга, встретились на полпути к равнине. Удар был ужасен. Лошадь и всадник пошатнулись от его силы. Копья разлетелись в щепки;²⁴ и кавалеры, обнажая свои мечи или размахивая булавами и боевыми топорами, - хотя некоторые из королевских солдат были вооружены только обычными топорами, — наносили свои удары со всей яростью гражданской ненависти. Это была страшная борьба не просто человека против

человека, но, используя слова очевидца, брата против брата и друга против друга.²⁵ Никто не просил пощады, ибо рывок, который был достаточно силен, чтобы разорвать самые дорогие родственные узы, не оставил опоры для человечества. Превосходное вооружение альмагрийцев уравнивало численное превосходство, но королевские сторонники получили некоторое преимущество, нанося удары по лошадям, а не по закованным в кольчуги телам своих противников.

Пехота, тем временем, с обеих сторон вела резкий перекрестный огонь из своих аркебуз, который уничтожал ряды кавалеристов, а также друг друга. Но батарея тяжелых орудий Альмагро, теперь хорошо направленная, скосила наступающие пешие колонны. Последние, пошатываясь, начали отступать от ужасного огня, когда Франсиско де Карбахаль, бросившись перед ними, закричал: "Как вам не стыдно, мои люди! Теперь вы уступаете дорогу? Я в два раза лучшая мишень для врага, чем любой из вас!" Это был очень крупный мужчина; и, сбросив свой стальной шлем и кирасу, чтобы не иметь преимущества перед своими последователями, он остался в легком хлопчатобумажном камзоле, когда, размахивая своим "партизаном" над головой, смело бросился вперед сквозь ослепляющие клубы дыма и град мушкетных пуль и, поддерживаемый самыми храбрыми из своих солдат, одолел артиллеристов и стал хозяином их орудий.

Ночные тени вот уже некоторое время все гуще и гуще сгущались над полем. Но смертельная схватка все еще продолжалась в темноте, поскольку красные и белые значки обозначали соответствующие стороны, и их боевые кличи перекрывали шум: "Вака де Кастро и эль Рей", "Альмагро и эль Рей", — в то время как оба призывали на помощь своего военного апостола Святого Иакова. Ольгин, командовавший роялистами слева, пронзенный двумя мушкетными пулями, был убит в самом начале боя. Он выделялся богатым жилетом из белого бархата поверх доспехов. И все же доблестный отряд кавалеристов так доблестно вел бой в этом квартале, что альмагрийцам было трудно удерживать свои позиции.²⁶

По-другому обстояло дело на правом фланге, где командовал Алонсо де Альварадо. Там с ним лично встретился Альмагро, который сражался достойно своего имени. Многократными атаками на своего противника он пытался подавить свои эскадроны, гораздо хуже конные и вооруженные, чем его собственные. Альварадо сопротивлялся с неослабевающим мужеством; но, как мы видели, перед битвой его численность была поредела, чтобы пополнить резерв губернатора, и, изрядно подавленный превосходящими силами своего противника, который уже отвоевал два королевских знамени, он медленно сдавал позиции. "Бери, но не убивай!" - крикнул великодушный молодой вождь, уверенный в победе.²⁷

Но в этот критический момент Вака де Кастро, который со своим резервом занял возвышенность, господствовавшую над полем боя, полностью осознал, что теперь для него пришло время принять участие в борьбе. Он долго напрягал зрение, чтобы разглядеть в полумраке за движениями сражающихся, и постоянно получал известия о том, как идет бой. Он больше не колебался, но, позвав своих людей следовать за собой, смело бросился в самую гущу ближнего боя на поддержку своего мужественного офицера. Прибытие на поле боя нового корпуса, готового к бою, дало новый поворот в развитии событий.²⁸ человек Альварадо воспрянули духом и сплотились. Отряд Альмагро, хотя и был отброшен яростью атаки, быстро вернулся к своим противникам. Тринадцать кавалеристов Вака де Кастро упали замертво из седел. Но это было последнее усилие альмагрийцев. Их подвела сила, но не дух. Они

расступились во всех направлениях и, смешавшись в темноте конницей, пехотой и артиллерией, топтали друг друга, стараясь изо всех сил вырваться из-под натиска своих преследователей. Альмагро приложил все усилия, чтобы остановить их. Он совершал чудеса доблести, говорит один из очевидцев; но его унесло течением, и, хотя казалось, что он навлекает на себя смерть из-за той свободы, с которой он подвергал себя опасности, все же он избежал ранения.

Там были и другие из его отряда, и среди них молодой кавалерист по имени Джеронимо де Альварадо, который упрямо отказывался покинуть поле боя и кричал: "Мы убили Писарро! мы убили тирана!" - они бросались на копья своих победителей, предпочитая смерть на поле боя позорной казни на виселице.²⁹

Было девять часов, когда битва прекратилась, хотя стрельба с интервалами раздавалась над полем боя гораздо позже, когда преследователи настигали какую-нибудь разрозненную группу беглецов. И все же многим удалось скрыться во мраке ночи, в то время как некоторые, как говорят, ухитрились ускользнуть от преследования более странным способом: сорвав значки с трупов своих врагов, они присвоили их себе и, смешавшись с рядами сторонников Вака де Кастро, присоединились к преследованию.

Этот командир, наконец, опасаясь какого-нибудь несчастного случая и того, что беглецы, если они снова соберутся под покровом темноты, могут нанести некоторый урон своим преследователям, затрубил в свои трубы и собрал свои рассеянные силы под их знамена. Всю ночь они оставались с оружием в руках на поле боя, которое еще так недавно было ареной шумной борьбы, а теперь погрузилось в тишину, нарушаемую только стонами раненых и умирающих. Туземцы, которые во время сражения висели, подобно темной туче, у подножия гор, с мрачным удовлетворением созерцая уничтожение своих врагов, теперь воспользовались темнотой, чтобы спуститься, подобно стае голодных волков, на равнины, где они раздевали тела убитых и даже живых, но искалеченных несчастных, которые тщетно тащились в кусты в поисках укрытия. На следующее утро Вака де Кастро отдал приказ передать раненых — тех, кто не погиб в холодную сырую ночь, — на попечение хирургов, в то время как священники были заняты исповедью и отпущением грехов умирающим. Были вырыты четыре большие могилы или ямы, в которые были без разбора свалены тела убитых - победителей и побежденных. Но останки Альвареса де Ольгины и нескольких других выдающихся кавалеров были перевезены на Гуамангу, где их похоронили с подобающей их рангу торжественностью; и изодранные знамена, отвоеванные у побежденных соотечественников, развевались над их памятниками, как печальные трофеи их победы.

Сообщается по—разному о количестве убитых - от трехсот до пятисот с обеих сторон.³⁰ Наибольшая смертность была среди победителей, которые больше пострадали от пушек противника перед сражением, чем последние пострадали при последовавшем за ним разгроме. Число раненых было еще больше, и добрая половина оставшихся в живых из отряда Альмагро попала в плен. Многие, действительно, бежали с поля боя в соседний город Гуаманга, где нашли убежище в церквях и монастырях. Но их убежище не было соблюдено, и их вытащили наружу и бросили в тюрьму. Их храбрый молодой командир бежал с несколькими сторонниками только в Куско, где был немедленно арестован магистратами, которых он сам поставил над городом.³¹

В Гуаманге Вака де Кастро назначил комиссию во главе с лицензиатом де ла Гама для суда над заключенными; и правосудие не было удовлетворено до тех пор, пока сорок человек не были приговорены к смертной казни, а тридцать других — некоторые из них потеряли одного или нескольких своих членов - отправлены в изгнание.³² Такие жестокие репрессии были слишком обычным явлением для испанцев в их гражданских расправах. Странно, что они так слепо бросаются в это, с такой ужасной судьбой для побежденных!

С места этой кровавой трагедии губернатор направился в Куско, куда он вступил во главе своих победоносных батальонов со всей помпой и военной выправкой завоевателя. Он поддерживал соответствующий уровень в своем образе жизни за счет насмешек некоторых, которые саркастически противопоставляли это показное изобилие экономическим реформам, которые он впоследствии провел в финансовой сфере.³³ Но Вака де Кастро сознавал эффект этого внешнего шоу на народ в целом и не пренебрегал никакими средствами для придания власти своему кабинету. Его первым действием было определить судьбу своего пленника Альмагро. Был проведен военный совет. Некоторые были за то, чтобы пощадить несчастного вождя, принимая во внимание его молодость и вескую причину для провокации, которую он получил. Но большинство придерживалось мнения, что такое милосердие не могло быть оказано лидеру повстанцев и что его смерть была необходима для постоянного спокойствия в стране. Когда его вели на казнь на большой площади Куско, — на том самом месте, где всего несколько лет назад пострадал его отец, - Альмагро проявил самое совершенное самообладание, хотя, когда герольд громко провозгласил приговор предателю, онс негодованием отрицал, что он им был. Он не взывал к своим судьям о пощаде, а просто просил, чтобы его кости были положены рядом с костями его отца. Он возражал против того, чтобы ему завязали глаза, как это было принято в таких случаях, и после исповеди благоговейно обнял крест и подставил свою шею под удар палача. Его останки, согласно его просьбе, были перевезены в монастырь Ла Мерсед, где они были захоронены рядом с останками его несчастного родителя.³⁴

Действительно, на странице истории было мало имен, более неудачных, чем имя Альмагро. И все же судьба сына вызывает более глубокое сочувствие, чем судьба отца, и это не только из-за его молодости и особых обстоятельств его положения. Он обладал многими хорошими качествами старшего Альмагро, обладал откровенной и мужественной натурой, в которой солдатская выправка была несколько смягчена утонченностью лучшего образования, чем можно найти в лагерной распущенности. Его карьера, хотя и короткая, сулила значительный талант, которому требовалось лишь хорошее поле для развития. Но он был ребенком несчастья, и утро его жизни было омрачено тучами и бурями. Если в его характере, добром от природы, иногда проявлялись всплески мстительного индейского темперамента, то можно найти некоторое извинение не только в его крови, но и в обстоятельствах его положения. Против него грешили больше, чем сам он грешил; и если заговор когда-либо мог найти оправдание, то это должно быть в случае, подобном его случаю, когда, подавленный обидами, нанесенными его родителям и ему самому, он не мог получить возмещения от единственной стороны, где имел право его искать. Вместе с ним исчезло имя Альмагро, и фракция Чили, так долго наводившая ужас на страну, исчезла навсегда.

Пока эти события происходили в Куско, губернатор узнал, что Гонсало Писарро прибыл в Лиму, где показал себя крайне недовольным положением дел в Перу. Он громко жаловался на то, что управление страной после смерти его брата перешло не в его руки; и, как сообщали некоторые, теперь он обдумывал способы завладеть ею. Вака де Кастро хорошо знал, что не будет

недостатка в недобрых советчиках, которые подтолкнул Гонсало к этому отчаянному шагу; и, стремясь погасить искру восстания до того, как эти мятежные духи раздуют ее в пламя, он направил сильный отряд в Лиму, чтобы обезопасить эту столицу. В то же время он командовал присутствием Гонсало Писарро в Куско.

Этот вождь не считал благоразумным пренебречь призывом и вскоре после этого вступил в столицу инков во главе хорошо вооруженного отряда кавалеристов. Его сразу же допустили к губернатору, когда тот отпустил свою охрану, заметив, что ему нечего бояться такого храброго и преданного рыцаря, как Писарро. Затем он расспросил его о его недавних приключениях в Канеласе и проявил большое сочувствие к его необычным страданиям. Он позаботился о том, чтобы не возбудить его ревности никакими намеками на свои честолюбивые планы, и в заключение порекомендовал ему теперь, когда спокойствие в стране восстановлено, удалиться на покой, в котором он так нуждался, в своих ценных поместьях в Чаркасе. Гонсало Писарро, не видя никакой почвы для ссоры с хладнокровным и политичным губернатором и, вероятно, чувствуя, что у него, по крайней мере сейчас, недостаточно сил, чтобы оправдать это, считал благоразумным последовать совету и удалился в Ла-Плату, где занялся разработкой богатых серебряных рудников, которые вскоре подготовили его к более важному предприятию, чем любое из тех, что он когда-либо предпринимал.³⁵

Избавившись таким образом от своего грозного конкурента, Вака де Кастро занялся мерами по обустройству страны. Он начал со своей армии, часть которой он распустил. Но многие кавалеры все еще оставались, настаивая на соответствующем вознаграждении за свои услуги. Они не были склонны недооценивать их, и губернатор был рад избавиться от их назойливости, наняв их в дальние экспедиции, среди которых было исследование страны, омываемой великой Рио-де-ла-Плата. Кипучий дух высокомерных кавалеров, не будь такого выхода, вскоре снова поверг бы всю страну в состояние брожения.

Его следующей заботой было разработать законы для лучшего управления колонией. Он особенно заботился о состоянии индийского населения и основал школы для обучения их христианству. Различными мерами он пытался обезопасить их от поборов завоевателей и поощрял бедных туземцев переносить свое собственное место жительства в общины белых людей. Он приказал касикам снабдить припасами тамбо, или дома для размещения путешественников, которые находились по соседству с ними, этим постановлением он отнял у испанцев правдоподобное извинение за грабеж и значительно способствовал облегчению сношений. Он следил за финансами, сильно пострадавшими во время последних смут, и в нескольких случаях сократил то, что он считал чрезмерными репартиентами Завоевателям. Этот последний поступок навлек на него большую ненависть со стороны тех, кто его совершил. Но его меры были настолько справедливыми и беспристрастными, что общественное мнение поддержало его.³⁶

Действительно, поведение Вака де Кастро с момента его прибытия в страну вызывало уважение и доказывало его компетентность на том трудном посту, на который он был избран. Без средств, без войск он застал страну, высадившись на берег, в состоянии анархии; и все же, благодаря мужеству и решительности, он постепенно приобрел достаточную силу, чтобы подавить восстание. Не будучи солдатом, он проявил неустранимый дух и присутствие духа в час сражения и провел свои военные приготовления с предвидением и осмотрительностью, которые вызвали восхищение самого опытного ветерана.

Если можно подумать, что он злоупотребил преимуществами победы, проявив жестокость по отношению к побежденным, то следует признать, что на него не повлияли какие-либо мотивы личного характера. Он был юристом, воспитанным в высоких представлениях о королевских прерогативах. Бунт он рассматривал как непростительное преступление; и, если его суровая натура была неумолима в отправлении правосудия, он жил в железный век, когда правосудие редко смягчалось милосердием.

В своих последующих постановлениях по заселению страны он проявил такую же беспристрастность и мудрость. Колонисты прекрасно понимали преимущества его правления и наилучшим образом прокомментировали его заслуги, обратившись в Кастильский суд с просьбой продлить его пребывание в правительстве Перу.³⁷ К сожалению, такова не была политика короны.

Книга 4

Глава 7

Злоупотребления завоевателей — Кодекс поведения в колониях-Большое волнение в Перу—
Вице-король Бласко Нуньес —Его жесткая политика-Против выступает Гонсало Писарро

1543—1544

Прежде чем продолжить повествование о событиях в Перу, мы должны обратиться к метрополии, где происходили важные изменения в управлении колониями.

С момента своего вступления на престол Карл Пятый был в основном поглощен политикой Европы, где открылся театр, более стимулирующий его честолюбие, чем борьба с варварскими князьями Нового Света. Таким образом, в этом квартале империи, на которую, так сказать, почти не обращали внимания, было позволено расти, пока она не расширилась до размеров, превышающих размеры его европейских владений, и ей было суждено вскоре стать гораздо более богатой. Правда, была разработана схема правления, и время от времени принимались законы для регулирования колоний. Но эти законы часто приспосабливались не столько к интересам самих колоний, сколько к интересам метрополии; и, будучи составлены в лучшем духе, они исполнялись лишь несовершенно, ибо голос власти, как бы громко он ни провозглашался дома, слишком часто затихал слабым эхом, прежде чем он достигал берегов.

Такое положение вещей и, действительно, способ, которым первоначально были приобретены испанские территории в Новом Свете, были крайне неудачными как для покоренных рас, так и для их хозяев. Если бы провинции, завоеванные испанцами, были плодом мирного приобретения — бартера и переговоров, - или если бы их завоевание было достигнуто под непосредственным руководством правительства, интересы туземцев были бы защищены более тщательно. В отличие от более развитой цивилизации индейцев в испано-американских колониях, они все еще продолжали после Завоевания оставаться на земле и смешиваться в тех же общинах с белыми людьми; в этом состоит очевидный контраст с положением наших собственных аборигенов, которые, уклоняясь от контакта с цивилизацией, удалялись, по мере продвижения последней, все глубже и глубже в сердце дикой природы. Но южноамериканские индейцы были подготовлены своими прежними институтами к более совершенному законодательству, чем то, которое могло быть приспособлено к диким лесным охотникам; и,

если бы государь лично присутствовал там, чтобы руководить своими завоеваниями, он никогда бы не допустил, чтобы столь значительная часть его вассалов была бессмысленно принесена в жертву алчности и жестокости горстки авантюристов, которые их покорили.

Но, как бы то ни было, дело ослабления страны было передано в руки безответственных личностей, солдат удачи, отчаянных авантюристов, которые вступали в завоевания как в игру, в которую они должны были играть самым беспринципным образом, мало заботясь о том, чтобы выиграть в ней. Получая небольшое поощрение от правительства, они были обязаны успехом своей собственной доблести; и право завоевания, по их мнению, уничтожало все существующие права у несчастных туземцев. Земли, личности покоренных рас были поделены и присвоены победителями как законная добыча победы; и каждый день совершались безобразия, при созерцании которых человечество содрогается.

Эти бесчинства, хотя нигде они не совершались в таких ужасающих масштабах, как на островах, где за несколько лет они почти истребили коренное население, были все же достаточно масштабны в Перу, чтобы призвать возмездие Небес на головы их виновников; и индеец мог почувствовать, что это возмездие не заставит себя долго ждать, когда он увидит, как его угнетатели спорят из-за своей жалкой добычи и обращают друг против друга свои мечи. Перу, как уже упоминалось, было покорено авантюристами, по большей части более низкого и свирепого происхождения, чем те, кто следовал за знаменем Кортеса. Характер последователей в какой-то мере совпадал с характером лидеров их соответствующих предприятий. Это была печальная судьба для инков, ибо безрассудные солдаты Писарро больше подходили для борьбы со свирепыми ацтеками, чем с более утонченными и женоподобными перуанцами. Опьяненные непривычным обладанием властью и не имея ни малейшего представления об ответственности, которая накладывалась на их положение хозяев страны, они слишком часто предавались потаканию любой прихоти, которую могли продиктовать жестокость или каприз. Нередко, говорит ничего не подозревающий свидетель, я видел, как испанцы спустя долгое время после завоевания развлекались охотой на туземцев с ищейками просто ради забавы или для того, чтобы приучить своих собак к этой игре! 1 Распущенности был дан самый безграничный простор. Юную девушку без угрызений совести вырвали из объятий ее семьи, чтобы удовлетворить страсть ее жестокого завоевателя. 2 Священные дома Дев Солнца были взломаны и осквернены, и кавалер пополнил свой гарем отрядом индианок, создавая впечатление, что Полумесяц был бы гораздо более подходящим символом для его знамени, чем непорочный Крест. 3

Но доминирующей страстью испанца была жажда золота. Ради этого он сам не гнушался тяжелым трудом и был безжалостен в требовании труда от своего индийского раба. К несчастью, Перу изобиловало рудниками, которые слишком хорошо окупали этот труд, и человеческая жизнь была предметом наименьшего значения в оценке Завоевателей. При его правлении инки перуанцу никогда не позволяли бездельничать; но возложенная на него задача всегда соответствовала его силе. У него были свои сезоны отдыха и подкрепления, и он был хорошо защищен от неблагоприятной погоды. О его личной безопасности заботились самым тщательным образом. Но испанцы, в то время как они до предела истощали силы туземца, лишали его средств для их восстановления, когда они истощались. Они допустили, чтобы предусмотрительные меры инков пришли в упадок. Зернохранилища были опустошены; стада были растрчены в разгульной жизни. Их убивали, чтобы удовлетворить простую эпикурейскую прихоть, и многие ламы были уничтожены исключительно ради мозгов - изысканного

лакомства, столь желанного испанцами.⁴ Таким безрассудным был дух разрушения после Завоевания, говорит Ондегардо. мудрый губернатор Куско сказал, что за четыре года погибло больше этих животных, чем за четыреста во времена инков.⁵ Стада, когда-то столь многочисленные на обширных плоскогорьях, теперь поредели до ничтожного числа, которые искали убежища в твердых Анд. Бедный индеец, оставшийся без пищи, без теплой шерсти, которая служила ему защитой от холода, теперь бродил полуголодный и нагой по плато. Даже те, кто помогал испанцам в завоевании, жили не лучше; и многие знатные инки бродили нищенствующими по землям, где он когда-то правил, и если их заставляли, возможно, потребности, украсть что-нибудь из излишков своих завоевателей, они искупали это жалкой смертью.⁶

Это правда, были хорошие люди, миссионеры, верные своему призванию, которые усердно трудились над духовным обращением туземца и, тронутые его несчастьями, с радостью протянули бы руку, чтобы защитить его от угнетателей.⁷ Но слишком часто священнослужители заражались общим духом распушенности; и религиозные братства, которые вели беспечную жизнь на землях, возделываемых их индийскими рабами, были склонны меньше думать о спасении своих душ, чем о том, чтобы извлечь выгоду из труда своего тела.⁸

Однако в колониях по-прежнему не было недостатка в добрых и мудрых людях, которые время от времени поднимали голос протеста против этих злоупотреблений и приносили свои жалобы к подножию трона. К чести правительства, следует также признать, что оно стремилось получить всю возможную информацию как от своих собственных офицеров, так и от уполномоченных, специально назначенных для этой цели, чьи обширные сообщения проливают поток света на внутреннее состояние страны и предоставляют лучшие материалы для историка.⁹ Но оказалось, что получить эту информацию гораздо проще, чем извлечь из нее выгоду.

В 1541 году Карл Пятый, который был сильно занят делами Германии, вновь посетил владения своих предков, где его внимание было настоятельно привлечено к состоянию колоний. Перед ним было воздвигнуто несколько мемориалов, связанных с этим, но никто так сильно не давил на королевскую совесть, как Лас Касас, впоследствии епископ Чьяпы. Этот добрый священнослужитель, чья долгая жизнь была посвящена тем благотворительным трудам, которые принесли ему почетный титул защитника индейцев, только что завершил свой знаменитый трактат "О разрушении Индии", вероятно, самое замечательное свидетельство человеческой порочности, которое только можно найти, но которое, к сожалению, теряет большую часть своего эффекта из-за легковерия автора и его очевидной склонности к преувеличениям.

В 1542 году Лас Касас передал свою рукопись в руки своего королевского советника. В том же году в Вальядолиде был создан совет, состоящий в основном из юристов и теологов, для разработки системы законов для регулирования американских колоний.

Лас Касас предстал перед этим органом и привел подробный аргумент, лишь часть которого была доведена до сведения общественности. Там он принимает в качестве фундаментального положения, что индейцы по закону природы были свободны; что, как вассалы короны, они имели право на ее защиту и с этого времени должны быть объявлены свободными без исключения и навсегда.¹⁰ Он подкрепляет это утверждение большим разнообразием аргументов, понимая суть большинства из тех, которые с тех пор выдвигались в том же направлении друзьями человечества. Он затрагивает вопрос целесообразности, показывая, что

без вмешательства правительства индейская раса должна быть постепенно истреблена систематическим угнетением испанцев. В заключение он утверждает, что, если бы индейцы, как это утверждалось, не трудились без принуждения, белый человек все равно считал бы в своих интересах обрабатывать землю; и что если бы он не был в состоянии этого делать, это обстоятельство не дало бы ему никаких прав над индейцами, поскольку Бог не допускает зла, чтобы из него могло получиться добро.¹¹ — Следует помнить, что эта возвышенная мораль была высказана доминиканцем в шестнадцатом веке, одним из ордена, окружавшего инквизицию, и в той самой стране, где тогда наиболее активно действовал огненный трибунал.¹²

Аргументы Лас Касаса встретили все возражения, которые, естественно, можно было ожидать от безразличия, эгоизма и фанатизма. Им также воспротивились некоторые люди справедливых и доброжелательных взглядов из его аудитории, которые, хотя и признавали общую правильность его рассуждений и испытывали глубокое сочувствие к ошибкам местных жителей, все же сомневались, не чреват ли его план реформ большим злом, чем то, которое он был призван исправить. Ибо Лас Касас был бескомпромиссным другом свободы. Он твердо стоял на почве естественного права и, подобно некоторым реформаторам наших дней, пренебрегал расчетом последствий реализации этого принципа в его полном и безоговорочном объеме. Его искреннее красноречие, проникнутое великодушной любовью к человечеству и подкрепленное множеством фактов, опровергнуть которые было нелегко, возобладало над слушателями. Результатом их обсуждений стал кодекс постановлений, который, однако, отнюдь не ограничивался нуждами местных жителей, а имел особое отношение к европейскому населению и развлечениям страны. Он имел общее применение ко всем американским колониям. Здесь необходимо будет лишь указать на некоторые положения, имеющие непосредственное отношение к Перу.

Индейцы были объявлены истинными и лояльными вассалами короны, и их свобода как таковая была полностью признана. Тем не менее, чтобы сохранить в неприкосновенности гарантии правительства по отношению к завоевателям, было решено, что те, кто на законных основаниях владел рабами, все еще могут удерживать их; но после смерти нынешних владельцев они должны были вернуться к короне.

Однако было предусмотрено, что рабы в любом случае должны быть конфискованы всеми теми, кто показал себя недостойным удерживать их из-за пренебрежения или жестокого обращения; всеми государственными чиновниками или теми, кто занимал должности при правительстве; духовенством и религиозными корпорациями; и, наконец, — огульный пункт, — всеми, кто принимал преступное участие во вражде Альмагро и Писарро.

Далее было предписано, чтобы индейцы облагались умеренными налогами; чтобы их не принуждали работать там, где они не хотели, и чтобы там, где в силу особых обстоятельств это было необходимо, они получали справедливую компенсацию. Было также постановлено, что, поскольку земельные репартименты часто были чрезмерными, они в таких случаях должны быть уменьшены; и что, если владельцы были виновны в печально известном жестоком обращении со своими рабами, их поместья должны быть полностью конфискованы.

Поскольку Перу всегда проявляла дух неподчинения, который требовал более решительного вмешательства власти, чем это было необходимо в других колониях, было решено послать в эту страну вице-короля, который демонстрировал бы состояние и был вооружен полномочиями,

которые могли бы сделать его более подходящим представителем суверена. Его должна была сопровождать королевская аудиенция, состоящая из четырех судей, обладающих широкими юрисдикционными полномочиями, как уголовными, так и гражданскими, которые, помимо суда справедливости, должны были составлять своего рода совет для консультирования вице-короля и оказания ему помощи. Аудиенция в Панаме должна была быть распущена, а новый трибунал с судом вице-короля должен был быть учрежден в Лос-Рейесе, или Лиме, как его теперь стали называть, - отныне столице испанской империи на Тихом океане.¹³

Таковы были некоторые из основных черт этого замечательного кодекса, который, затронув самые тонкие отношения в обществе, разрушил сами основы собственности и, так сказать, одним росчерком пера превратил нацию рабов в свободных людей. Мы можем предположить, что не требовалось особого прогноза, чтобы предугадать, что в отдаленных регионах Америки, и особенно в Перу, где колонисты до сих пор привыкли к неограниченной вольности, реформа, столь благотворная в существенных моментах, могла быть проведена таким образом быстро только ценой революции. Однако в том же году указы получили санкцию императора и в ноябре 1543 года были опубликованы в Мадриде.¹⁴

Как только стало известно об их происхождении, колонистам было передано множество писем от их друзей из Испании. Весть об этом распространилась, как лесной пожар, по всей стране, от Мексики до Чили. Люди были поражены перспективой разорения, которое их ожидало. В Перу, в частности, вряд ли нашелся бы хоть один человек, который мог бы надеяться избежать действия закона. Мало было тех, кто в то или иное время не принимал участия в междоусобицах Альмагро и Писарро; и еще меньше осталось тех, кто не был бы вовлечен в те или иные коварные соглашения, которые, казалось, были раскинуты, как паутина, чтобы заманить их в ловушку.

Вся страна была повергнута в смятение. Люди шумно собирались на площадях и в общественных местах, и, когда были обнародованы правила, их встретили всеобщими стонами и шипением. "Неужели это плод, - кричали они, - всего нашего труда? Неужели ради этого мы пролили нашу кровь, как воду? Теперь, когда мы сломлены лишениями и страданиями, в конце наших кампаний мы остаемся такими же бедными, как и в начале! Так ли правительство вознаграждает наши заслуги в завоевании империи? Правительство мало что сделало, чтобы помочь нам в завоевании, и за то, что у нас есть, мы можем благодарить наши собственные добрые мечи; и этими самыми мечами, - продолжали они, переходя на угрожающий тон, - мы знаем, как это защитить". Затем, закатав рукав, измученный войной ветеран обнажал руку или, обнажив обнаженную грудь, указывал на свои шрамы, как на лучший титул на свои владения.¹⁵

Губернатор Вака де Кастро с глубочайшим беспокойством наблюдал за надвигающейся бурей со всех сторон. Он сам был в самом центре недовольства, ибо Куско, населенный смешанным и незаконным населением, был так далеко удален в глубь гор, что имел гораздо меньше сношений с метрополией и, следовательно, находился гораздо меньше под ее влиянием, чем большие города на побережье. Теперь народ взывал к губернатору с просьбой защитить его от тирании двора; но он попытался утихомирить волнение, заявив, что этими насильственными мерами они только нанесут ущерб своей собственной цели. Он посоветовал им назначить депутатов, которые подадут короне петицию, в которой заявят о неосуществимости нынешнего плана реформ и будут молиться об его отмене; и он заклинал их терпеливо ждать прибытия

вице-короля, которого можно было бы убедить приостановить действие указов до получения дальнейших советов из Кастилии.

Но утихомирить бурю было нелегко, и теперь люди с нетерпением искали кого-нибудь, чьи интересы и симпатии могли бы совпадать с их интересами и чье положение в обществе могло бы обеспечить им защиту. Человеком, к которому они, естественно, обратились в этот кризис, был Гонсало Писарро, последний в стране представитель той семьи, которая возглавляла завоевательные армии, — кавалер, чья галантность и народные манеры всегда делали его любимцем народа. Теперь его засыпали просьбами вступить за них перед правительством и защитить их от деспотических постановлений.

Но Гонсало Писарро был в Чаркасе, увлеченный исследованием богатых жил Потоси, серебряные фонтаны которого, только что появившиеся на свет, вскоре должны были излить такие потоки богатства на Европу. Хотя осторожный кавалер был удовлетворен этим призывом к его защите, он был больше озабочен обеспечением средств для предприятия, чем преждевременным погружением в него; и, хотя он втайне поощрял недовольных, он не связывал себя обязательствами, принимая участие в каком-либо революционном движении. В то же время он получал письма от Вака де Кастро, чье бдительное око следило за всеми событиями того времени, предостерегая Гонсало и его друзей, чтобы они не поддавались соблазну каких-либо диких планов реформ и не изменяли своей верности. И, чтобы еще больше пресечь эти беспорядочные передвижения, он приказал своим алькальдам арестовывать каждого человека, виновного в подстрекательских высказываниях, и немедленно привлекать его к ответственности. Это твердое, но сдержанное поведение вселило благоговейный трепет в умы населения, и в беспокойных водах наступило временное затишье, в то время как все с тревогой ожидали прихода вице-короля.¹⁶

Человеком, избранным на этот ответственный пост, был рыцарь Авилы по имени Бласко Нуњес Вела. Он был кавалером древнего рода, красивым внешне, хотя сейчас уже несколько преклонных лет, и слыл храбрым и набожным. Он занимал некоторые ответственные должности кудовлетворению Карла Пятого, который теперь назначил его на этот пост в Перу. Этот выбор не делал чести проницательности монарха.

Может показаться странным, что это важное место не было предоставлено Вака де Кастро, который уже находился на этом месте и показал себя настолько квалифицированным, чтобы занять его. Но с тех пор, как этот офицер отправился в Перу, произошла серия убийств, восстаний и гражданских войн, которые угрожали несчастной колонии разорением; и, хотя его мудрое управление теперь навело порядок, сообщение с Индией было настолько запоздалым, что результаты его политики еще не были полностью раскрыты. Более того, поскольку предполагалось внести важные новшества в правительство, было сочтено лучшим послать кого-нибудь, у кого не было бы личных предрассудков, с которыми можно было бы столкнуться, исходя из той роли, которую он уже занял, и кто, прибыв непосредственно от Двора и облеченный чрезвычайными полномочиями, мог бы представить себя с большим авторитетом, чем тот, кто был знаком с народом в более низком качестве. Монарх, однако, собственноручно написал письмо Вака де Кастро, в котором поблагодарил этого офицера за его прошлые заслуги и приказал ему, после оказания помощи новому вице-королю плодами своего большого опыта, вернуться в Кастилию и занять свое место в Королевском совете. Письма аналогичного комплиментарного характера были разосланы лояльным колонистам, которые поддерживали

губернатора во время недавних волнений в стране. Нагруженный этими свидетельствами и злополучными постановлениями, Бласко Нуньес 3 ноября 1543 года сел на корабль в Сан-Лукаре. Его сопровождали четверо судей Аудиенции и многочисленная свита, чтобы он мог предстать в виде, подобающем его высокому званию.¹⁷

Примерно в середине следующего января 1544 года вице-король, после благоприятного перехода, высадился в Номбре-де-Диос. Там он обнаружил судно, груженное серебром из перуанских рудников, готовое к отплытию в Испанию. Его первым действием было наложить на него правительственное эмбарго, поскольку оно содержало доходы от рабского труда. После этой экстраординарной меры, принятой вопреки совету Собравшихся, он пересек Панамский перешеек. Здесь он дал верный знак своей будущей политике, добившись освобождения более трехсот индейцев, привезенных их владельцами из Перу, и отправки обратно в их собственную страну. Эта своевольная мера произвела величайшую сенсацию в городе и встретила решительное сопротивление зрителей. Они умоляли его не приступать столь поспешно к выполнению своего поручения, а подождать до его прибытия в колонию, когда у него будет время немного ознакомиться со страной и с нравами людей. Но Бласко Нуньес холодно ответил, что "он пришел не для того, чтобы изменять законы или обсуждать их достоинства, а для того, чтобы привести их в исполнение, — и он выполнит их в точности, каковы бы ни были последствия".¹⁸ Этот ответ и безапелляционный тон, которым он был произнесен, немедленно положили конец прениям; ибо судьи увидели, что прения бесполезны с человеком, который, казалось, рассматривал любые возражения как попытку отвратить его от исполнения долга и чьи представления о долге исключали любое произвольное использование власти, даже когда этого требовало общественное благо.

Оставив Аудиенцию в Панаме, поскольку один из ее участников заболел, вице-король продолжил свой путь и, пройдя вдоль берегов Тихого океана, четвертого марта высадился в Тумбесе. Он был хорошо принят лояльными жителями; его власть была публично провозглашена, и люди были поражены таким великолепием и состоянием, каких до тех пор не видели в Перу. Он воспользовался первым случаем, чтобы обозначить свою будущую линию политики, освободив несколько индийских рабов по приказу их касиков. Затем он двинулся по суше на юг и продемонстрировал свою решимость лично следовать строгой букве постановлений, заставив мулов нести свой багаж там, где это было практически осуществимо; а там, где это было абсолютно необходимо для использования индейцев, он честно платил им за их услуги.¹⁹

Вся страна была повергнута в ужас сообщениями о действиях вице-короля и о его разговорах, в основном неосторожных, которые охотно распространялись и, без сомнения, часто преувеличивались. В городах снова были созваны митинги. Обсуждались вопросы целесообразности сопротивления его дальнейшему продвижению, и депутация граждан из Куско, находившихся в то время в Лиме, настоятельно призвала народ закрыть перед ним ворота этой столицы. Но Вака де Кастро также уехал из Куско в последний город, как только стало известно о приближении вице-короля, и с некоторым трудом убедил жителей не отказываться от своей лояльности, а принять своего нового правителя с подобающими почестями и довериться его более спокойному суждению отложить исполнение закона до тех пор, пока дело не будет передано на рассмотрение трона.

Но большая часть испанцев после того, что они услышали, слабо верила в помощь, которую можно было получить с этой стороны. Теперь они с большим рвением, чем когда-либо, обратились к Гонсало Писарро; и со всех концов страны на него посыпались письма и обращения с приглашениями взять на себя обязанности их защитника. Эти заявления нашли более благоприятный отклик, чем в предыдущем случае.

Действительно, было много причин побудить Гонсало к действию. Главным образом, именно его семье Испания была обязана за это расширение своей колониальной империи; и он чувствовал себя глубоко обиженным из-за того, что управление колонией было доверено не ему, а кому-то другому. Он почувствовал это с прибытием Вака де Кастро, и гораздо сильнее, когда назначение вице-короля доказало, что отстранение его семьи от управления делами является устоявшейся политикой короны. Его брат Эрнандо все еще томился в тюрьме, и теперь его самого должны были принести в жертву как главную жертву роковых постановлений. Ибо кто сыграл столь заметную роль в гражданской войне со старшим Альмагро? И в настоящее время сообщалось, что вице-король - возможно, это был скандал - намекнул, что с Писарро поступят соответствующим образом.²⁰ И все же в стране не было никого, кто был бы так сильно заинтересован, кому было бы так много потерять из-за революции. Брошенный таким образом правительством, он понял, что теперь пришло время позаботиться о себе.

Собрав вместе восемнадцать или двадцать кавалеристов, которым он больше всего доверял, и захватив большое количество серебра, добытого на рудниках, он принял приглашение отправиться в Куско. Когда он приблизился к этой столице, его встретила многочисленная толпа горожан, которые вышли поприветствовать его, оглашая воздух своими криками, когда они приветствовали его титулом Генерального прокурора Перу. Титул был быстро подтвержден муниципалитетом города, который пригласил его возглавить депутацию в Лиму, чтобы изложить свои претензии вице-королю и добиться приостановления действия указов в настоящее время.

Но искра честолюбия зажглась в груди Писарро. Он чувствовал себя сильным в привязанности людей, и с того более возвышенного положения, в котором он теперь находился, его желания приобрели более возвышенный и безграничный размах. И все же, если он и лелеял в своей груди преступные амбиции, то умело скрывал их от других - возможно, и от самого себя. Единственной целью, которую, по его словам, он имел в виду, было благо людей;²¹ подозрительная фраза, обычно означающая благоотдельного человека. Теперь он потребовал разрешения собрать и организовать вооруженные силы с дальнейшим присвоением звания капитан-генерала. Его взгляды были совершенно миролюбивы, но было небезопасно, если не было серьезной защиты, навязывать их человеку с нетерпеливым и деспотичным характером вице-короля. Далее друзья Писарро утверждали, что такие силы потребовались для того, чтобы избавить страну от их старого врага, инки Манко, который скрывался в соседних горах с отрядом воинов, готовый при первой возможности напасть на испанцев. Муниципалитет Куско, как и следовало ожидать, колебался наделять его полномочиями, выходящими далеко за рамки его законных полномочий. Но Писарро открыто заявил о своем намерении в случае отказа отказаться от должности прокурора; и усилия его сторонников, поддерживаемые усилиями народа, в конце концов заставили замолчать угрызения совести магистратов, которые предоставили честолюбивому вождю военное командование, к которому он стремился. Писарро принял это со скромной уверенностью, что он сделал это "исключительно из уважения к интересам короля, Индии и, прежде всего, Перу" ²²

Книга 4

Глава 8

Вице—король прибывает в Лиму—Гонсало Писарро выступает из Куско—Смерть Инки Манко—Опрометчивое поведение вице—короля-Схвачен и низложен аудиторией-Гонсало провозглашен губернатором Перу

1544

Пока происходили события, описанные на предыдущих страницах, Бласко Нуньес направлялся в Лиму. Но отчуждение, которое его поведение уже вызвало в умах колонистов, проявилось в холодном приеме, который он иногда испытывал на маршруте, и в скудных помещениях, предоставленных для него и его свиты. В одном месте, где он снимал свою квартиру, он обнаружил над дверью зловещую надпись: "Тот, кто отнимет мою собственность, должен быть готов заплатить за это своей жизнью".¹ Не обескураженный и не отступивший от своей цели, непреклонный вице-король продолжал свой путь к столице, где жители, предшествоваемые Вака де Кастро и муниципальными властями, вышли встретить его. Он вошел в большом великолепии, под балдахином из малиновой ткани, расшитым гербом Испании, и поддерживаемый толстыми шестами или жезлами из чистого серебра, которые несли члены муниципалитета. Перед ним ехал всадник с булавой, символом власти; и после принесения присяги в зале совета процессия двинулась к кафедральному собору, где было пропето "Te Deum" и Бласко Нуньес был возведен в свой новый сан вице-короля Перу.²

Его первым действием было заявить о своей решимости в отношении постановлений. У него не было ордера на приостановление их исполнения. Он должен был выполнить свое поручение; но он предложил присоединиться к колонистам в мемориале императору, требуя отмены кодекса, который, как он теперь считал, не отвечал бы интересам ни страны, ни короны.³ При таком общепризнанном взгляде на предмет может показаться странным, что Бласко Нуньес не должен был брать на себя ответственность за приостановление действия закона до тех пор, пока его суверен не будет уверен в неизбежных последствиях его применения. Паша турецкого деспота, позволивший себе такую вольность в интересах своего господина, действительно мог бы рассчитывать на тетиву лука. Но пример Мендосы, благоразумного вице-короля Мексики, который избрал этот курс во время аналогичного кризиса точно в тот же период, показал его уместность при существующих обстоятельствах. Действие ордонансов было приостановлено им до тех пор, пока корона не была предупреждена о последствиях их применения, и Мексика была спасена от революции.⁴ Но Бласко Нуньес не обладал мудростью Мендосы.

Опасения общественности теперь были далеки от того, чтобы ослабнуть. В Лиме были сформированы тайные заговоры и налажена связь с различными городами. Однако в душе вице-короля не возникло никакого недоверия, и, когда ему сообщили о приготовлениях Гонсало Писарро, он не предпринял ничего другого, кроме как послать сообщение в свой лагерь, объявляя о чрезвычайных полномочиях, которыми он сам был наделен, и требуя, чтобы этот вождь распустил свои войска. Казалось, он думал, что простого его слова будет достаточно, чтобы подавить восстание. Но потребовалось больше, чем дыхание, чтобы рассеять железных солдат Перу.

Гонсало Писарро тем временем был усердно занят сбором своей армии. Его первым шагом было заказать из Гуаманги шестнадцать артиллерийских орудий, присланных туда Вакой де Кастро, который в нынешнем состоянии возбуждения не желал доверять непокорным жителям Куско эти орудия разрушения. Гонсало, который не испытывал никаких угрызений совести в отношении рабочей силы индейцев, выделил шесть тысяч туземцев для перевозки этого обоза с боеприпасами через горы.⁵

Своими усилиями и усилиями своих друзей деятельный вождь вскоре собрал войско численностью почти в четыреста человек, которое, если и не было очень внушительным вначале, то, по его замыслу, должно было увеличиться по мере его продвижения к побережью за счет сбора дани с городов и деревень по пути. Все его собственные средства были потрачены на снаряжение его людей и обеспечение похода; и, чтобы восполнить недостаток, он без колебаний - поскольку, по его словам, это было в интересах общества — присвоил деньги из королевской казны. Благодаря этой своевременной помощи его войска, хорошо конные и тщательно экипированные, были приведены в превосходный боевой порядок; и, обратившись к ним с краткой речью, в которой он старательно настаивал на мирном характере своего предприятия, несколько расходящемся с военными приготовлениями, Гонсало Писарро выступил из ворот столицы.

Прежде чем покинуть его, он получил важный приток сил в лице Франсиско де Карбахала, ветерана, сыгравшего столь заметную роль в битве при Чупасе. Он был в Чаркасе, когда весть о постановлениях достигла Перу; и он немедленно решил покинуть страну и вернуться в Испанию, убежденный, что Новый Свет больше не будет для него родиной, золотой Индией. Превратив свое имущество в деньги, он приготовился погрузить их на борт первого попавшегося корабля. Но возможности не представилось, и теперь он вряд ли мог рассчитывать ускользнуть от бдительного ока вице-короля. И все же, хотя Писарро просил его принять командование в нынешней экспедиции, ветеран отказался, сказав, что ему восемьдесят лет, и у него нет другого желания, кроме как вернуться домой и провести несколько оставшихся дней в покое.⁶ Хорошо бы это было для него, если бы он упорствовал в своем отказе. Но он уступил настойчивости своего друга, и короткий промежуток, который еще оставался ему в жизни, оказался достаточно долгим, чтобы навсегда запятнать его память позором.

Вскоре после отъезда из Куско Писарро узнал о смерти инки Манко. Он был убит отрядом испанцев из фракции Альмагро, которые после поражения своего молодого вождя укрылись в лагере индейцев. Все они, в свою очередь, были убиты перуанцами. Невозможно определить, на ком должна лежать вина за ссору, поскольку никто из присутствующих в то время не зафиксировал ее.⁷

Смерть Манко Инки, как его обычно называли, - событие, о котором нельзя молчать в истории Перу; ибо он был последним представителем своего народа, о котором можно сказать, что его вдохновлял героический дух древних инков. Несмотря на то, что Писарро посадил Манко на трон, он отнюдь не оставался простой марионеткой в его руках, но вскоре показал, что его судьба не должна быть разделена с судьбой его завоевателей. Когда древние институты его страны лежали в руинах, он все же храбро боролся, подобно Куаутемозину, последнему из ацтеков, за то, чтобы поддержать ее пошатнувшееся состояние или похоронить своих угнетателей под ее руинами. Штурмом своей собственной столицы Куско, при котором была разрушена столь значительная ее часть, он положил конец вооружению Писарро, и на какое-то

время судьба Завоевателей колебалась на волоске. Хотя в конце концов юный варвар был побежден превосходящей наукой своего противника, он все еще проявлял тот же непобедимый дух, что и прежде. Он удалился в твердыни своих родных гор, откуда при удобном случае совершал вылазки и нападал на караван путешественника или на какой-нибудь рассеянный военный отряд; и в случае гражданской войны был уверен, что бросит свой вес на чашу весов более слабых, продлевая таким образом борьбу своих врагов и питая свою месть зрелищем их бедствий. Легко перемещаясь с места на место, он ускользал от преследования в дебрях Кордильер; и, скрываясь в окрестностях городов или устраивая засады на главных магистралях страны, инка Манко сделал свое имя наводящим ужас на испанцев. Часто они предлагали ему условия примирения; и каждый последующий правитель, вплоть до Бласко Нуньеса, получал инструкции от короны применить все свое искусство, чтобы умиротворить грозного воина. Но Манко не доверял обещаниям белого человека; и он предпочел сохранить свою дикарскую независимость в горах, с горсткой храбрецов вокруг себя, чем жить рабом на земле, которая когда-то принадлежала его предкам.

Смерть инки устранила один из главных предлогов для военных приготовлений Гонсало Писарро; но, как легко себе представить, она не оказала на него большого влияния. Он гораздо более разумно отнесся к дезертирству некоторых своих последователей, которое произошло в начале марша. Несколько кавалеристов Куско, пораженных его бесцеремонным присвоением государственных денег и воинственным характером происходящего, теперь, казалось, впервые осознали, что они встали на путь восстания. Некоторые из них, в том числе несколько высокопоставленных лиц города, тайно уволились из армии и, поспешив в Лиму, предложили свои услуги вице-королю. Войска были обескуражены этим дезертирством, и даже Писарро на мгновение усомнился в своей цели и подумывал об отступлении примерно с пятьюдесятью сторонниками в Чаркас и там составить свой состав правительства. Но небольшое размышление, подкрепленное увещеваниями отважного Карбахалья, который никогда не отворачивался от предприятия, за которое однажды взялся, убедило его, что он зашел слишком далеко, чтобы отступать, - что его единственное спасение - наступать.

Его успокоили более решительные проявления общественного мнения, которые он вскоре после этого получил. Офицер по имени Пуэльес, командовавший в Гуануко, присоединился к нему с конным отрядом, который ему доверил вице-король. За этим бегством последовали другие, и Гонсало, спускаясь по склонам плоскогорья, обнаружил, что его численность постепенно увеличилась почти вдвое по сравнению с той, с которой он покинул индийскую столицу.

Более свободным шагом пересекая кровавое поле при Чупасе, Карбахаль указывал на различные районы поля битвы, и Писарро, возможно, нашел бы пищу для тревожных размышлений, размышляя о судьбе мятежника. В Гуаманге он был принят с распростертыми объятиями жителями, многие из которых охотно записались под его знамена, ибо они дрожали за свое имущество, поскольку отовсюду слышали о непреклонном нраве вице-короля.⁸

Теперь этот функционер начал убеждаться, что находится в критическом положении. Прежде чем предательство Пуэльеса, о котором говорилось выше, было доведено до конца, вице-король получил какое-то смутное указание на его цель. Сам себе не веря, он выделил одного из своей роты по имени Диас, чтобы перехватить его. Но, хотя этот кавалер с готовностью взялся за выполнение задания, вскоре после этого его убедили последовать примеру своего товарища и с

большей частью людей, находившихся под его командованием, перейти на сторону врага. В гражданских распрях этой несчастной страны стороны переходили на другую сторону так легко, что предательство командира почти перестало быть пятном на чести кавалера. И все же все, на чью бы сторону они ни поставили свою судьбу, громко заявляли о своей верности короне.

Таким образом, преданный своими собственными людьми, теми, кто, по-видимому, был наиболее предан ему на службе, Бласко Нуньес стал с подозрением относиться ко всем окружающим. К сожалению, его подозрения пали на тех, кто больше всего заслуживал его доверия. Среди них был его предшественник Вака де Кастро. Этот офицер вел себя в той щекотливой ситуации, в которую он попал, со своей обычной осмотрительностью, с безупречной честностью. Он откровенно общался с вице-королем, и хорошо было бы Бласко Нуньесу, если бы он знал, как извлечь из этого выгоду. Но он был слишком горд своим служебным положением и самомнением по поводу собственной высшей мудрости, чтобы во многом полагаться на советы своего опытного предшественника. Вице-король теперь подозревал последнего в ведении тайной переписки со своими врагами в Куско — подозрение, которое, по-видимому, не имело под собой лучшего основания, чем личная дружба, которую, как было известно, Вака де Кастро питал к этим людям. Но в случае с Бласко Нуньесом подозревать означало быть убежденным; и он приказал арестовать Де Кастро и поместить его на борт судна, стоявшего в гавани. За этой своевольной мерой последовал арест и тюремное заключение нескольких других кавалеров, вероятно, на столь же легкомысленных основаниях⁹.

Теперь он обратил свое внимание на врага. Несмотря на свою предыдущую неудачу, он все еще не совсем отчаялся добиться чего-либо путем переговоров и направил в лагерь Гонсало Писарро другое посольство во главе с епископом Лимы с обещаниями всеобщей амнистии и некоторыми предложениями более заманчивого характера для командующего. Но этот шаг, хотя и свидетельствовал о его собственной слабости, имел не больший успех, чем предыдущий.¹⁰

Теперь вице-король энергично готовился к войне. Его первой заботой было привести столицу в состояние обороны, укрепив ее укрепления и возведя баррикады поперек улиц. Он приказал провести всеобщую регистрацию граждан и созвал рекрутов из соседних городов, на что не очень быстро откликнулись. В порту была подготовлена эскадра из восьми или десяти судов для совместных действий с сухопутными войсками. Колокола были сняты с церкви и использованы для изготовления мушкетов;¹¹ а средства были получены из пятой части, скопившейся в королевской казне. Солдатам была предложена самая непомерная награда, а за мулов и лошадей были заплачены такие цены, которые свидетельствовали о том, что золото, или, скорее, серебро, было товаром наименьшей ценности в Перу.¹² Благодаря этим усилиям деятельный командир вскоре собрал силы, значительно превосходящие силы его противника. Но как он мог довериться им?

Пока шли эти приготовления, в Лиму прибыли зрительские судьи. На протяжении всего своего продвижения они не проявляли большого уважения ни к постановлениям, ни к воле вице-короля, поскольку облагали бедных туземцев налогами так же свободно и беспринципно, как любой из Завоевателей. Мы видели полное отсутствие сердечности между ними и их руководителем в Панаме. Это стало более очевидным, когда они приземлились в Лиме. Они не одобряли его действия во всех деталях; его отказ приостановить действие указов, хотя, на самом деле, в последнее время он не находил возможности привести их в исполнение; его

приготовления к защите, заявив, что ему следует скорее положиться на результаты переговоров; и, наконец, его заключение в тюрьму стольких верных всадников, что они сочли произвольным актом, совершенно выходящим за рамки его полномочий; и они не побоялись лично посетить тюрьму и освободить пленников из заточения.¹³

Это смелое действие, хотя и заручило добрую волю народа, сразу же разорвало все отношения с вице-королем. Среди Собравшихся был юрист по имени Сепеда, хитрый, честолюбивый человек, обладавший значительными познаниями в своей профессии и еще большим талантом к интриганству. Он не брезговал низменным искусством демагога, чтобы завоевать расположение населения, и надеялся найти собственный способ разжечь недоразумение с Бласко Нуньесом. Последний, следует признать, сделал все, что было в его силах, чтобы помочь своему советнику в осуществлении этого похвального замысла.

Некий местный кавалер по имени Суарес де Карбахаль, долгое время занимавший государственную должность, попал под немилость вице-короля по подозрению в попустительстве отделению некоторых его родственников, которые недавно присоединились к малеконтентам. Вице-король вызвал Карбахалья поздно ночью к себе во дворец; и когда его привели к нему, он прямо обвинил его в государственной измене. Последний решительно отверг это обвинение таким же надменным тоном, как и его обвинитель. Перепалка становилась все жарче, пока в пылу страсти Бласко Нуньес не ударил его своим кинжалом. В одно мгновение слуги, приняв это за сигнал, вонзили свои мечи в тело несчастного, который безжизненно упал на пол.¹⁴

Сильно встревоженный последствиями своего опрометчивого поступка, — ибо Карбахалья очень любили в Лиме, — Бласко Нуньес приказал вынести тело убитого по частной лестнице из дома и отнести в собор, где, завернутое в его окровавленный плащ, оно было положено в могилу, наспех вырытую специально для него. Столь трагический процесс, известный столь многим свидетелям, не мог долго сохраняться в секрете. Смутные слухи об этом факте объясняли таинственное исчезновение Карбахалья. Могила была вскрыта, и изуродованные останки зарезанного кавалера подтвердили вину вице-короля.¹⁵

С этого часа Бласко Нуньес вызывал всеобщее отвращение; и его преступление в данном случае приобрело более глубокую окраску неблагодарности, поскольку было известно, что покойный оказал наибольшее влияние на раннее примирение граждан со своим правительством. Никто не знал, куда обрушится следующий удар и как скоро он сам может стать жертвой неуправляемых страстей вице-короля. При таком положении вещей некоторые обращались к Зрителям, и еще больше к Гонсало Писарро, чтобы тот защитил их.

Этот вождь медленно продвигался к Лиме, от которой он действительно был удален всего на несколько дней пути. Сильно сбитый с толку, Бласко Нуньес теперь ощущал всю остроту своего положения. Стоя как бы в стороне от своих собственных последователей, отвергнутый Аудиторией, преданный своими солдатами, он вполне мог ощутить последствия своего проступка. И все же, казалось, у него не было другого выхода, кроме как либо выступить навстречу врагу, либо остаться в Лиме и защищать ее. Он поставил город в оборонительное положение, что доказывало, что последнее и было его первоначальной целью. Но он чувствовал, что больше не может полагаться на свои войска, и избрал третий путь, самый неожиданный.

Это означало оставить столицу и отступить в Трухильо, расположенный примерно в восьмидесяти лье отсюда. Женщины поднимутся на борт эскадрильи и вместе с имуществом граждан будут перевезены по воде. Войска вместе с остальными жителями пройдут маршем по суше, опустошая страну по ходу движения. Гонсало Писарро, когда он прибудет в Лиму, обнаружит, что там нет припасов для его армии, и, оказавшись в таком стесненном положении, он не захочет совершать долгий марш-бросок через пустыню в поисках своего врага.¹⁶

Чего вице-король намеревался добиться этим движением, неясно, разве что для того, чтобы выиграть время; и все же, чем больше времени он выигрывал до сих пор, тем хуже для него это оказывалось. Но ему было суждено столкнуться с решительным противодействием судей. Они утверждали, что у него не было ордера на такой поступок и что Аудитория не могла законно проводить свои заседания за пределами столицы. Бласко Нуньес настаивал на своей решимости, угрожая этому органу силой, если это необходимо. Судьи обратились к гражданам с просьбой поддержать их в сопротивлении такой произвольной мере. Они собрали силы для собственной защиты и в тот же день издали указ об аресте вице-короля.

Поздно ночью Бласко Нуньесу сообщили о враждебных приготовлениях судей. Он немедленно созвал своих сторонников числом более двухсот, облачился в доспехи и приготовился выступить во главе своих войск против Собравшихся. Это был истинный курс, ибо в кризисе, подобном тому, в который он попал, требующем оперативности и решения, присутствие лидера необходимо для обеспечения успеха. Но, к несчастью, он поддался на уговоры своего брата и других друзей, которые отговорили его от опрометчивого рискования своей жизнью в подобном предприятии.

То, чем пренебрег Бласко Нуньес, было сделано судьями. Они выступили во главе своих сторонников, число которых, хотя и небольшое поначалу, как они были уверены, по мере продвижения пополнится добровольцами. Бросившись вперед, они закричали: "Свобода! Свобода! Да здравствуют король и Публика! " Был ранний рассвет, и жители, пробудившись ото сна, выбежали к окнам и балконам, и, узнав цель движения, некоторые схватили оружие и присоединились к нему, в то время как женщины, размахивая шарфами и косынками, приветствовали штурм.

Когда толпа подошла ко дворцу вице-короля, они на мгновение остановились, не зная, что делать. Был отдан приказ стрелять по ним из окон, и над их головами прогремел залп. Никто не пострадал, и большая часть людей вице-короля, включая большинство офицеров, включая некоторых из тех, кто так беспокоился о его личной безопасности, теперь открыто присоединились к населению. Затем во дворец вошли и бросили на разграбление. Бласко Нуньес, покинутый всеми, кроме нескольких верных приверженцев, не оказал сопротивления. Он сдался нападавшим, предстал перед судьями и был помещен ими в строгое заключение. Горожане, довольные результатом, накормили солдат, и дело закончилось без потерь. Никогда еще революция не была столь бескровной.¹⁷

Первым делом судьи должны были избавиться от заключенного. Его отправили под усиленной охраной на соседний остров, пока не будут приняты какие-либо меры в его отношении. Было объявлено, что он смещен со своего поста; было создано временное правительство, состоящее из их собственного органа, с Сепедой во главе в качестве президента; и его первым актом было объявление ненавистных постановлений приостановленными до получения инструкций из суда. Было также решено отправить Бласко Нуньеса обратно в Испанию с одним из членов их

собственного корпуса, который должен был объяснить императору природу недавних беспорядков и утвердить меры Аудиенции. Вскоре это было приведено в исполнение. Лицензиат Альварес был выбран для сопровождения вице-короля; и несчастный командир, проведя несколько дней на пустынном острове, почти без еды и подвергаясь всем неблагоприятным погодным условиям, отбыл в Панаму.¹⁸

Более грозный противник все еще оставался в лице Гонсало Писарро, который теперь продвинулся к Хаухе, примерно в девяноста милях от Лимы. Здесь он остановился, в то время как многие горожане готовились встать под его знамена, предпочитая служить под его началом, чем оставаться под самозваной властью Собравшихся. Тем временем судьи, которые слишком недолго вкусили сладости должности, чтобы довольствоваться ее отставкой, после значительных проволочек направили к прокурору посольство. Они объявили ему о произошедшей революции и приостановлении действия указов. Великая цель его миссии была, таким образом, достигнута; и, поскольку теперь было организовано новое правительство, они призвали его продемонстрировать свою покорность ему, распустив свои войска и удалившись, чтобы беспрепятственно пользоваться своими поместьями. Это было смелое требование, хотя и сформулированное в самой вежливой и комплиментарной фразе, предъявляемое к человеку в положении Писарро. Это была попытка отпугнуть орла, готового наброситься на свою добычу. Однако, если бы вождь дрогнул, его бы успокоил его лейтенант с львиным сердцем. "Никогда не проявляйте малодушия, - воскликнул последний, - когда вы так близки к цели. Успех сопровождал каждый шаг на вашем пути. Теперь вам остается только протянуть руку и захватить правительство. Все остальное последует". — Посланник, доставивший послание от судей, был отправлен обратно с ответом, что "народ вызвал Гонсало Писарро к правительству страны, и, если Публика немедленно не ознакомит его с этим, город должен быть предан разграблению".¹⁹

Сбитые с толку магистраты были повергнуты в смятение этим решительным ответом. Тем не менее, не желая уходить в отставку, они обратились за советом к Вака де Кастро, все еще находящемуся под стражей на борту одного из судов. Но этот полководец получил слишком мало благосклонности от своих преемников, чтобы считать необходимым подвергать свою жизнь опасности из-за них, срывая планы Писарро. Поэтому он хранил благоразумное молчание и оставил этот вопрос на усмотрение Собравшихся.

Тем временем Карбахаль был послан в город, чтобы ускорить их обсуждение. Он пришел ночью в сопровождении лишь небольшого отряда солдат, намекая на свое презрение к власти судей. Первым его действием было схватить несколько кавалеров, которых он вытащил из постелей и поместил под арест. Это были люди из Куско, те самые, которые, как уже было замечено, покинули ряды Писарро вскоре после его отъезда из этой столицы. Пока собравшиеся все еще колебались относительно того, как им следует поступить, Карбахаль приказал посадить троих своих пленников, уважаемых и состоятельных людей, на спины мулов и вывезти из города в пригород, где, предоставив им немного времени для исповеди, он повесил их всех на ветвях дерева. Он сам руководил казнью и сделал язвительный комплимент одной из своих жертв, сказав ему, что "учитывая его более высокий ранг, он должен иметь привилегию выбрать сук, на котором его повесят!"²⁰ Говорят, что свирепый офицер пошел бы еще дальше в своих казнях, если бы не приказ, полученный от его командира. Но было сделано достаточно, чтобы зрители быстрее осознали их курс, поскольку они чувствовали, что их собственные жизни висят на волоске в таких недобросовестных руках. Поэтому без дальнейших проволочек они послали

пригласить Гонсало Писарро войти в город, заявив, что безопасность страны и общее благо требуют, чтобы правительство было передано в его руки.²¹

Этот вождь приблизился теперь на расстояние половины лиги к столице, в которую вскоре после этого, двадцать восьмого октября 1544 года, он вступил в боевом порядке. Все его силы насчитывали немногим менее тысячи двухсот испанцев, не считая нескольких тысяч индейцев, которые тащили его тяжелые орудия в наступлении.²² Затем шли ряды копейщиков и аркебузирова, составляя грозный пехотный корпус для колониальной армии; и, наконец, кавалерия, во главе которой ехал сам Писарро на могучем коне в веселой попоне. Всадник был в полной кольчуге, поверх которой развевался богато расшитый плащ, а его голову защищал малиновый колпак, богато украшенный орнаментом, — эффектная ливрея выгодно подчеркивала его красивую, воинственную фигуру.²³ Перед ним было поднято королевское знамя Кастилии; ибо каждый, будь то роялист или мятежник, остерегался сражаться под этим знаменем. Эту эмблему верности поддерживало справа знамя с гербом Куско, а слева — другое, на котором был изображен герб, пожалованный короной семье Писарро. Когда боевое представление прокатилось по улицам Лимы, воздух был сотрясен одобрительными возгласами населения и зрителей на балконах. Время от времени гремели пушки, и городские колокола — те, что вице-король пощадил, — издавали радостный звон, словно в честь победы!

Присяга была должным образом приведена к присяге судьями Королевской аудиенции, и Гонсало Писарро был провозглашен губернатором и генерал-капитаном Перу до тех пор, пока не станет известно о благоволении его Величества в отношении правительства. Затем новый правитель поселился во дворце своего брата, где пятна крови этого брата еще не были стерты. Празднества, бои быков и турниры украшали церемонию открытия и продолжались несколько дней, в то время как легкомысленное население столицы предавалось празднованию, как будто в Перу наступил новый, более благоприятный порядок вещей! ²⁴

Книга 4

Глава 9

Действия Гонсало Писарро—Побег Вака Де Кастро—Повторное появление вице—короля—Его катастрофическое отступление—Поражение и смерть вице-короля-Гонсало Писарро, Повелитель Перу

1544—1546

Первым действием Гонсало Писарро было задержание тех людей, которые принимали самое активное участие против него в недавних беспорядках. Несколько он приговорил к смерти, но впоследствии смягчил приговор и удовлетворился тем, что отправил их в изгнание и конфисковал их поместья.¹ Следующей его заботой было установить свою власть на прочной основе. Он наполнил муниципальное правительство Лимы своими сторонниками. Он послал своих помощников взять на себя ответственность за основные города. Он приказал построить в Арекипе галеры, чтобы обеспечить господство на море, и привел свои силы в наилучшее возможное состояние, чтобы подготовиться к будущим чрезвычайным ситуациям.

Королевская аудиенция существовала только номинально, поскольку ее полномочия были быстро поглощены новым правителем, который желал поставить правительство на те же

условия, что и при маркизе, своем брате. Действительно, аудитория неизбежно распалась на части из-за позиции нескольких ее членов. Альвареса отправили с вице-королем в Кастилию. Сепеда, самый честолюбивый при дворе, теперь, когда он потерпел неудачу в своих собственных амбициозных планах, был доволен тем, что стал орудием в руках военного начальника, который сместил его. Сарате, третий судья, который с самого начала протестовал против насильственных мер своих коллег, был прикован к своему дому смертельной болезнью;² а Тепеду, оставшегося магистрата, Гонсало теперь предложил отправить обратно в Кастилию с таким отчетом о последних сделках, который оправдал бы его собственное поведение в глазах императора. Этому шагу воспротивился Карбахаль, который прямо сказал своему командиру, что "он зашел слишком далеко, чтобы ожидать благосклонности короны; и что ему лучше полагаться в своем оправдании на свои пики и мушкеты!"³

Но было обнаружено, что корабль, который должен был перевозить Тепеду, внезапно исчез из порта. Это было то самое место, где был заключен Вака де Кастро; и этот офицер, не желая полагаться на снисходительность человека, чьи домогательства он ранее так бесцеремонно отверг, и, более того, убежденный, что его собственное присутствие ничего не даст в стране, где он не имел законной власти, уговорил капитана отплыть с ним в Панаму. Затем он пересек перешеек и отплыл в Испанию. Слухи о его прибытии уже опередили его, и некоторые из тех, кого он оскорбил своей администрацией, выдвинули против него серьезные обвинения. Его обвинили в том, что он проводил мероприятия своевольной рукой, невзирая на права как колониста, так и туземца; и, прежде всего, в том, что он присвоил государственные деньги и вернулся со своей казной, богато нагруженной, в Кастилию. Последнее было непростительным преступлением.

Едва нога губернатора ступила на территорию его собственной страны, как он был арестован и поспешно препровожден в крепость Аревало; и, хотя впоследствии его перевели в лучшие покои, где с ним обращались со снисхождением, подобающим его рангу, он все еще оставался государственным узником в течение двенадцати лет, пока запоздалые суды Кастилии не вынесли решение в его пользу. Он был оправдан по всем пунктам обвинения, которые были выдвинуты против него, и, что касается казнокрадства, было доказано, что он вернулся домой не богаче, чем уезжал. Он был освобожден из заключения, восстановлен в своих почестях и достоинствах, вновь занял свое место в королевском совете, и Вака де Кастро до конца своих дней пользовался уважением, на которое имел право по заслугам.⁴ Лучшая похвала мудрости его правления была воздана бедам, навлекшим на колонии его преемника. Нация постепенно стала осознавать ценность его услуг, хотя то, каким образом правительство вознаградило их, должно служить холодным комментарием к благодарности князей.

Гонсало Писарро был обречен испытать еще большее разочарование, чем то, которое вызвало бегство Вака де Кастро, при возвращении Бласко Нуньеса. Судно, увозившее его из страны, едва отошло от берега, когда Альварес, судья, то ли из раскаяния в той роли, которую он сыграл, то ли опасаясь последствий возвращения вице-короля в Испанию, предстал перед этим сановником и объявил, что он больше незаклученный. В то же время он извинился за ту роль, которую взял на себя, своим желанием спасти жизнь Бласко Нуньеса и вывести его из опасного положения. Теперь он предоставил судно в его распоряжение и заверил его, что оно доставит его туда, куда он пожелает.

Вице-король, какое бы доверие он ни питал к объяснениям судьи, охотно воспользовался его предложением. Его гордый дух восставал при мысли о том, что он вернется домой с позором, потерпев неудачу во всех начинаниях своей миссии. Он решил снова попытать счастья в этой стране, и его единственным сомнением было, в какой момент попытаться сплотить вокруг себя своих приверженцев. В Панаме он мог оставаться в безопасности, пока не обратится за помощью к Никарагуа и другим колониям на севере. Но это означало бы немедленно отказаться от своего правительства, а такое признание в слабости плохо подействовало бы на его последователей в Перу. Поэтому он решил направить свои действия в Кито, который, хотя и находился в пределах его юрисдикции, все еще был достаточно удален от театра недавних беспорядков, чтобы дать ему время собраться с силами и выступить против своих врагов.

Преследуя эту цель, вице-король и его свита высадились в Тумбесе примерно в середине октября 1544 года. Приземлившись, он издал манифест, в котором излагались жестокие действия Гонсало Писарро и его последователей, которых он назвал предателями своего принца, и призвал всех истинных подданных в колонии поддержать его в поддержании королевской власти. Призыв не остался без внимания; и добровольцы прибыли, хотя и с опозданием, из Сан-Мигеля, Пуэрто-Вьехо и других мест на побережье, вселяя в сердце вице-короля уверенность в том, что чувство лояльности еще не угасло в сердцах испанцев.

Но, пока он был занят этим, он получил известие о прибытии на побережье одного из капитанов Писарро с превосходящими его силами. Их число было преувеличено; но Бласко Нуньес, не дожидаясь выяснения истины, оставил свою позицию в Тумбесе и, предприняв столько экспедиции, сколько мог, через дикую гористую местность, наполовину занесенную снегом, двинулся к Кито. Но эта столица, расположенная на северной оконечности его провинции, не была благоприятным пунктом для встречи его сторонников; и, продлив свое пребывание до тех пор, пока он не получил заверения от Беналькаса, верного командира в Попаяне, что он поддержит его всеми своими силами в предстоящем конфликте, он совершил быстрый контрмарш к побережью и занял свою позицию в городе Сан-Мигель. Это место хорошо подходило для его целей, поскольку находилось на большой дороге вдоль берегов Тихого океана, а также было главным центром торговых сношений с Панамой и севером.

Здесь вице-король водрузил свой штандарт и через несколько недель оказался во главе отряда численностью почти в пятьсот человек, конных и пеших, плохо обеспеченных оружием и амуницией, но явно ревностных в своем деле. Убедившись, что у него достаточно сил, чтобы начать активные действия, он предпринял вылазку против нескольких военачальников Писарро по соседству, над которыми он получил некоторые решительные преимущества, которые вернули ему доверие и льстили надеждой восстановить свое господство в стране.⁵

Все это время Гонсало Писарро не сидел сложа руки. Он с тревогой наблюдал за действиями вице-короля и теперь был убежден, что пришло время действовать и что, если он сам не хочет быть смещенным, он должен сместить своего грозного соперника. Соответственно, он разместил в Лиме сильный гарнизон под командованием верного офицера и, отправив сухопутным путем в Трухильо отряд из примерно шести сотен человек, сам отплыл в тот же порт 4 марта 1545 года, в тот самый день, когда вице-король выступил из Кито.

При Трухильо Писарро встал во главе своей маленькой армии и, не теряя времени, двинулся на Сан-Мигель. Его соперник, стремясь довести их ссору до конца, охотно выступил бы против него, чтобы дать бой; но его солдаты, в основном молодые и неопытные новобранцы, наспех

собранные, были напуганы именем Писарро. Они громко настаивали на том, чтобы их отвели в верхнюю часть страны, где они получили бы подкрепление от Беналькаса; и их несчастного командира, подобно всаднику на неуправляемом коне, которому он вынужден подчиняться, поспешили увести в направлении, противоречащем его желаниям. Судьбой Бласко Нуньеса было то, что его цели были одинаково сбиты с толку как друзьями, так и врагами.

Прибыв в Сан-Мигель, Гонсало Писарро, к своему великому огорчению, обнаружил, что его противник покинул его. Не въезжая в город, он ускорил шаг и, миновав довольно обширную долину, достиг подножия горной цепи, в которую всего несколько часов назад въехал Бласко Нуньес. Был поздний вечер; но Писарро, зная важность посылки, послал вперед Карбахалья с отрядом легких войск догнать беглецов. Этому капитану удалось добраться до их одинокого бивуака среди гор в полночь, когда усталые войска погрузились в сон. Разбуженные звуком трубы, в которую, как ни странно, неосторожно протрубил их враг, вице-король и его люди вскочили на ноги, вскочили на коней, схватили аркебузы и дали такой залп по рядам нападавших, что Карбахаль, смущенный оказанным ему приемом, счел благоразумным отступить с его меньшими силами. Вице-король последовал за ним, пока, опасаясь засады в ночной темноте, не отступил и позволил своему противнику присоединиться к основным силам армии под командованием Писарро.

Такое поведение Карбахалья, из-за которого он позволил игре ускользнуть из его рук по простой неосторожности, необъяснимо. Это составляет исключительное исключение из обычной осторожности и бдительности, проявленных в его военной карьере. Если бы это был поступок любого другого капитана, это стоило бы ему головы. Но Писарро, хотя и был сильно разгневан, слишком высоко ценил услуги и испытанную привязанность своего лейтенанта, чтобы ссориться с ним. И все же считалось крайне важным настичь врага до того, как он продвинется намного дальше на север, где трудности местности сильно затруднили бы преследование. Карбахаль, стремившийся исправить свою ошибку, был соответственно снова поставлен во главе корпуса легких войск с инструкциями преследовать продвижение противника, отрезать его запасы и держать его в узде, по возможности, до прибытия Писарро.⁷

Но вице-король воспользовался недавней задержкой, чтобы значительно опередить своих преследователей. Его дорога пролегла через долину Кашас, обширную, неосвоенную местность, дававшую мало пищи ни человеку, ни животному. День за днем его войска совершали марш по этому унылому краю, пересеченному барранкасами и скалистыми ущельями, которые невероятно усложняли их труд. Их основной пищей была сушеная кукуруза, которая обычно составляла рацион странствующих индейцев, хотя испанцы придавали ей гораздо меньшее значение; и эта скудная пища подкреплялась травами, которые они находили на обочине дороги, которые, за неимением лучшей посуды, солдаты были вынуждены варить в своих шлемах.⁸ Карбахаль тем временем наседали на них так близко, что их поклажа, боеприпасы, а иногда и мулы попадали ему в руки. Неутомимый воин всегда шел по их следу, днем и ночью, почти не давая им передышки. Они не стали раскидывать палатки и улеглись на руках, а рядом с ними стояли оседланные кони; и едва усталый солдат закрыл глаза, как его испугал крик, возвещавший, что враг настиг его.⁹

Наконец, измученные последователи Бласко Нуньеса достигли депобладо, или пустыни Палтос, которая тянется на север на многие унылые лиги. Местность, пересеченная многочисленными ручьями, имеет характер огромной трясины, и люди и лошади барахтались в стоячей воде, или с

трудом пробирались через болото, или открывали проход через спутанный подлесок, который в буйной растительности поднимался с поверхности. Измученные лошади, лишенные корма, за исключением того, который они могли добыть в дикой местности, часто были измотаны путешествиями и, приходя в негодность, оставлялись умирать в дороге с перерезанными подколенными сухожилиями, чтобы не приносить пользы врагу; хотя чаще их отправляли устраивать жалкий пир своим хозяевам.¹⁰ Многие из мужчин теперь падали в обморок по дороге от простого изнеможения или слонялись без дела в лесу, не в силах поспевать за маршем. И горе отставшему, попавшему в руки Карбахалю, по крайней мере, если он когда-то принадлежал к партии Писарро. Простое подозрение в измене обрекло его на гибель вместе с безжалостным солдатом.¹¹

Страдания Писарро и его отряда были едва ли меньше страданий вице-короля, хотя они были несколько смягчены местными жителями, которые с чутьем распознали, какая партия была самой сильной и, конечно, ее следовало больше всего опасаться. Но, несмотря на каждое облегчение, страдания вождя были ужасны. Это повторяло мрачные сцены экспедиции на Амазонку. Следует признать, что солдаты Завоевания дорого купили свои триумфы.

И все же у вице-короля был один источник беспокойства, возможно, больший, чем любое другое, вызванное физическими страданиями. Это было недоверие к его собственным последователям. В его свите было несколько высокопоставленных кавалеров, которых он подозревал в переписке с врагом и даже в намерении предать его в их руки. Он был настолько убежден в этом, что приказал казнить двух из этих офицеров на марше; и их мертвые тела, когда они лежали на обочине дороги и попадались солдату на глаза, говорили ему, что в этих ужасных пустынях есть и другие, кого следует опасаться, помимо врага в его тылу.¹²

Другой кавалерист, занимавший главное командование при вице-короле, был казнен после более официального расследования его дела в первом же месте, где армия остановилась. На таком расстоянии во времени невозможно определить, насколько подозрения Бласко Нуньеса были основаны на правде. Суждения современников расходятся.¹³ Во времена политического брожения мнение писателя обычно определяется составом его партии. Судя по характеру Бласко Нуньеса, ревнивого и раздражительного, мы могли бы предположить, что он действовал без достаточной причины. Но это соображение уравнивается соображением о легкости, с которой его последователи отказались от своей верности своему командиру, который, по-видимому, так мало влиял на их привязанность, что они были отвергнуты малейшим поворотом судьбы. Были ли его подозрения обоснованными или нет, на разум вице-короля они произвели тот же эффект. С врагом в тылу, с которым он не осмеливался сражаться, и последователями, которым он не осмеливался доверять, чаша его бедствий была почти полна.

Наконец он вышел на твердую почву и, миновав Томебамбу, Бласко Нуньес вернулся в свою северную столицу Кито. Но его прием был не таким сердечным, как тот, который он испытывал раньше. Теперь он пришел сюда как беглец, преследуемый грозным врагом; и вскоре ему дали понять, что самый надежный способ получить поддержку - это не нуждаться в ней.

Отряхивая со своих ног пыль вероломного города, суеверные жители которого были живы ко многим предзнаменованиям, предвещавшим его близкую гибель¹⁴, несчастный военачальник продолжил свой путь в Пастос, находящийся под юрисдикцией Беналькасара. Писарро и его войска вскоре после этого вошли в Кито, разочарованные тем, что, несмотря на все его усердие, враг все еще ускользал от его преследования. Он остановился только для того, чтобы

перевести дух своим людям, и, заявив, что "он последует за вице-королем до Северного моря, но настигнет его" 15, возобновил свой марш. В Пастосе он почти достиг своей цели. Его авангард поравнялся с Бласко Нуньесом, когда тот останавливался на противоположном берегу речушки. Люди Писарро, изнемогая от тяжелого труда и жары, слабо пошатываясь, добрались до берега, чтобы утолить жгучую жажду, и войскам вице-короля, освежившимся отдыхом и превосходящим числом своих врагов, было бы нетрудно обратить их в бегство. Но Бласко Нуньес не смог повести своих солдат в атаку. Они так долго бежали от своего врага, что один только вид его наполнял их сердца паникой, и у них и в мыслях не было выступить против него, как у зайца не было бы выступить против преследующей его собаки. Они чувствовали, что их безопасность заключается в бегстве, а не в сражении, и воспользовались истощением своих преследователей только для того, чтобы ускорить их отступление.

Гонсало Писарро продолжал преследование в нескольких лигах от Пастоса; когда, обнаружив, что его занесло дальше, чем он хотел, на территорию Беналькасара, и не желая встречаться с этим грозным капитаном в невыгодном положении, он остановился и, несмотря на свое великолепное хвастовство Северным морем, приказал отступать и предпринял быстрый контрмарш на Кито. Здесь он нашел занятие в восстановлении опустошенного духа своих войск и в подкреплении себя свежими подкреплениями, которые значительно увеличили его численность; хотя их снова поубавилось из-за отряда, который он выделил под командованием Карбахала для подавления восстания, которое, как он теперь узнал, вспыхнуло на юге. Его возглавлял Диего Сентено, один из его собственных офицеров, которого он основал в Ла-Плате, жители которой присоединились к восстанию и подняли знамя короны. С остальными своими войсками Писарро решил остаться в Кито, ожидая часа, когда вице-король вернется в свои владения; подобно тигру, притаившемуся у какого-нибудь источника в пустыне, терпеливо ожидающему возвращения своих жертв.

Тем временем Бласко Нуньес продолжил свое отступление к Попаяну, столице провинции Беналькасар. Здесь он был любезно принят народом, и его солдаты, численность которых из-за дезертирства и болезней сократилась до пятой части от их первоначальной численности, отдохнули после беспримерного утомительного марша, длившегося более двухсот лиг. 16 Вскоре к нему присоединился Кабрера, лейтенант Беналькасара с сильным подкреплением, а вскоре после этого и сам этот вождь. Все его силы теперь насчитывали около четырехсот человек, большинство из которых были в хорошей форме и хорошо обучены в школе американского ведения войны. Его собственные люди испытывали острую нехватку как в оружии, так и в боеприпасах; и он приступил к восполнению недостатка, построив печи для изготовления аркебуз и пик. 17—Тот, кто знаком с историей тех времен, удивлен, увидев готовность, с которой испанские авантюристы брались за различные ремесла, обычно требующие длительного обучения. Они проявили ловкость, столь необходимую поселенцам в новой стране, где каждый человек должен в какой-то степени стать своим собственным ремесленником. Но такое положение вещей, каким бы благоприятным оно ни было для изобретательности художника, не очень благоприятствует развитию искусства; и не может быть никаких сомнений в том, что оружие, изготовленное таким образом солдатами Бласко Нуньеса, было самой грубой и несовершенной конструкции.

Проходила неделя за неделей, и Гонсало Писарро, хотя и обладавший терпением испанского солдата, почувствовал себя неловко из-за затянувшегося пребывания Бласко Нуньеса на севере, и он прибегнул к хитрости, чтобы отвлечь его от отступления. Он выступил из Кито с

большей частью своих войск, притворившись, что собирается поддержать своего лейтенанта на юге, в то время как сам оставил в городе гарнизон под командованием Пуэльеса, того самого офицера, который ранее дезертировал от вице-короля. Он позаботился о том, чтобы эти вести были переданы в лагерь врага. Уловка удалась, как он и хотел. Бласко Нуньес и его последователи, уверенные в своем превосходстве над Пуэльесом, ни минуты не колеблясь воспользовались предполагаемым отсутствием Писарро. Оставив Попаян, вице-король в начале января 1546 года быстрым маршем двинулся на юг. Но прежде чем он добрался до места своего назначения, он осознал, в какую ловушку его заманили. Он сообщил об этом факте своим офицерам; но он уже так сильно страдал от неизвестности, что теперь его единственным желанием было довести свою ссору с Писарро до окончательного решения военным путем.

Между тем этот вождь был хорошо информирован через своих шпионов о передвижениях вице-короля. Узнав об уходе последнего из Попаяна, он вернулся в Кито, соединил свои силы с силами Пуэльеса и, выйдя из столицы, занял сильную позицию примерно в трех лигах к северу, на возвышенности, господствовавшей над рекой, через которую должен был перейти враг. Прошло совсем немного времени, прежде чем последний показался в поле зрения, и Бласко Нуньес, когда начала опускаться ночь, обосновался на противоположном берегу речушки. Это было так близко от расположения врага, что голоса часовых были отчетливо слышны в противоположных лагерях, и они не преминули поприветствовать друг друга эпитетом "предатели". В этих гражданских войнах, как мы видели, каждая сторона заявляла о своей исключительной заслуге - лояльности.¹⁸

Но Беналькасар вскоре увидел, что позиция Писарро слишком сильна, чтобы атаковать ее с какими-либо шансами на успех. Поэтому он предложил вице-королю тайно отвести свои войска ночью и, обойдя холмы, ударить в тыл неприятелю, где тот был бы наименее подготовлен к их приему. Совет был одобрен, и, как только два отряда скрылись друг от друга в темноте, Бласко Нуньес, оставив свои лагерные костры гореть, чтобы ввести в заблуждение врага, свернул свои жилища и начал обходной марш в направлении Кито. Но либо он был дезинформирован, либо его проводники ввели его в заблуждение, ибо дороги оказались настолько непроходимыми, что он был вынужден сделать такой большой крюк, что рассвело прежде, чем он приблизился к месту атаки. Поняв, что теперь он должен отказаться от преимущества внезапности, он двинулся вперед к Кито, куда прибыл с людьми и лошадьми, сильно утомленными ночным переходом в восемь лиг от пункта, расстояние до которого по прямой дороге не превысило бы трех. Это была роковая ошибка накануне помолвки.¹⁹

Он обнаружил, что столица почти покинута людьми. Все они встали под знамена Писарро, ибо теперь они уловили общий дух недовольства и смотрели на этого вождя как на своего защитника от деспотических постановлений. Писарро был представителем народа. Глубоко тронутый этим бегством, несчастный вице-король, воздев руки к небу, воскликнул: "Неужели так, господин, ты покидаешь своих слуг?" Женщины и дети вышли и напрасно предлагали ему еду, в которой он явно нуждался, спрашивая его в то же время: "Почему он пришел туда умирать?" Его последователи с большим безразличием, чем их командир, входили в дома местных жителей и бесцеремонно присваивали все, что могли найти, чтобы утолить ненасытный аппетит.

Беналькасар, видевший безрассудство давать сражение в их нынешнем состоянии, порекомендовал вице-королю испытать эффект переговоров и предложил сам отправиться в

лагерь противника и договориться, если возможно, об условиях соглашения с Писарро. Но Бласко Нуньес, если и впал на мгновение в уныние, то теперь вновь обрел свое обычное постоянство и гордо ответил: "Нет веры, которую можно хранить с предателями. Мы пришли сражаться, а не вести переговоры; и мы должны исполнять свой долг, как хорошие и верные кавалеры. Я сделаю свое дело, - продолжал он, - и будьте уверены, я буду первым человеком, который ломает копье с врагом"²⁰.

Затем он созвал свои войска и обратился к ним с несколькими словами, готовясь к выступлению. "Вы все храбрые люди, - сказал он, - и верны своему государю. Что касается меня, то я так же мало ценю жизнь по сравнению с моим долгом перед моим принцем. И все же давайте не будем сомневаться в нашем успехе; испанец во имя благого дела часто преодолевал более серьезные препятствия, чем эти. И мы сражаемся за правое дело; это дело Божье, — дело Божье"²¹, - заключил он, и солдаты, воспламененные его великодушным рвением, ответили ему возгласами "ура", которые тронули сердце несчастного командира, не привыкшего в последнее время к такому проявлению энтузиазма.

Было восемнадцатое января 1546 года, когда Бласко Нуньес выступил во главе своего отряда из древнего города Кито. Он прошел всего 22 мили, когда оказался в поле зрения неприятеля, образовавшегося на гребне нескольких возвышенностей, которые пологой зыбью постепенно поднимались от равнин Анакито. Гонсало Писарро, сильно огорченный ранним утром отъездом вице-короля, свернул свой лагерь и направил свой марш на столицу, твердо решив, что его враг не ускользнет от него.

Войска вице-короля, теперь остановившиеся, построились в боевой порядок. Небольшой отряд аркебузирова был размещен впереди, чтобы начать бой. Остальная часть этого отряда была распределена между копейщиками, которые занимали центр, защищенные с флангов конницей, выстроенной в два почти равных эскадрона. Кавалерия насчитывала около ста сорока человек, что немногим уступало войскам другой стороны, хотя общая численность войск вице-короля, составлявшая менее четырехсот человек, ненамного превышала половину сил его соперника. Справа, перед королевским знаменем, Бласко Нуньес, поддержанный тринадцатью отборными кавалерами, занял свой пост, приготовившись возглавить атаку.

Писарро сформировал свои войска таким же образом, как и войска его противника. Всего их было около семисот человек, хорошо укомплектованных, в хорошей форме, а офицерами были лучшие рыцари Перу. Поскольку, несмотря на численное превосходство, Писарро, казалось, не был склонен покидать свою выгодную позицию, Бласко Нуньес отдал приказ наступать. Сражение началось с выстрелов аркебузирова, и через несколько мгновений густые клубы дыма, клубившиеся над полем боя, заслонили все вокруг; ибо было уже поздно, когда началось сражение, и свет быстро угасал.

Пехота, теперь уже подняв пики, двинулась вперед под прикрытием дыма и вскоре вступила в ожесточенный бой с противоположными рядами копейщиков. Затем последовала атака кавалерии, которая — несмотря на то, что они были приведены в некоторое замешательство огнем аркебузирова Писарро, намного превосходивших их числом, — велась с таким воодушевлением, что конница противника была вынуждена пошатнуться и отступить перед ней. Но это было только для того, чтобы отступить с большей яростью, поскольку, подобно подавляющей волне, солдаты Писарро ринулись на своих врагов, оттесняя их по склону и обращая людей и лошадей в беспорядочное крушение. Однако они, в свою очередь, в конце

концов сплотились, подбадриваемые криками и отчаянными усилиями своих офицеров. Копья дрогнули, и они сражались врукопашную, используя мечи и боевые топоры вперемешку в диком беспорядке. Но борьба была недолгой, ибо, хотя силы были почти равны, кавалерия вице-короля, измотанная тяжелым маршем предыдущей ночи, не могла противостоять своим противникам. Земля была усеяна обломками их тел, а лошади и всадники, мертвые и умирающие, лежали друг на друге. Кабрера, храбрый лейтенант Беналькасара, был убит, а этот командир был брошен под ноги своей лошади, покрытый ранами, и оставлен умирать на поле боя. Альварес, судья, был смертельно ранен. И он, и его коллега Сепеда участвовали в сражении, хотя и стояли по разные стороны баррикад, сражаясь так, словно их воспитали для применения оружия, а не для мирной профессии юриста.

Тем не менее Бласко Нуньес и его товарищи продолжали отважную борьбу на правом краю поля. Вице-король сдержал свое слово, первым сломав копье о врага, и метким ударом выбил кавалериста по имени Алонсо де Монтальво начисто из седла. Но в конце концов он был подавлен численностью, и когда его товарищи один за другим пали рядом с ним, он остался почти без защиты. Он уже был ранен, когда удар боевого топора солдата по голове сбил его с лошади, и он, оглушенный, упал на землю. Если бы его личность была известна, его, возможно, взяли бы живым, но поверх доспехов на нем был жилет из индийского хлопка, скрывавший военный орден Святого Иакова и другие знаки его звания.²⁵

Однако вскоре его личность была узнана одним из последователей Писарро, который, что вполне вероятно, когда-то шел под знаменем вице-короля. Солдат немедленно указал на него лиценциату Карбахалу. Этот человек был братом кавалера, которого, как читатель, возможно, помнит, Бласко Нуньес столь опрометчиво казнил в своем дворце в Лиме. Впоследствии лиценциат поступил на службу к Писарро и вместе с несколькими своими сородичами поклялся отомстить вице-королю. Мгновенно подъехав, он насмеялся над павшим командиром, обвиняя его в убийстве своего брата, и уже собирался спешиться, чтобы покончить с ним собственноручно, когда Пуэльес, расценив это как акт унижения, приказал одному из своих слуг, чернокожему рабу, отрубить вице-королю голову. Этот человек исполнил это одним взмахом сабли, в то время как несчастный, возможно, тогда умирающий от ран, не произнес ни слова, но, умоляюще подняв глаза к небу, получил смертельный удар.²⁶ Затем голову подняли на пику, и некоторые были достаточно жестоки, чтобы вырвать седые волосы из бороды и положить их в свои шапки, как ужасные трофеи своей победы.²⁷ Теперь судьба дня была решена. И все же пехота храбро сопротивлялась, сдерживая конницу Писарро своим ошетиनिвшимся строем пик. Но аркебузиры проредили их ряды; и, приведенные в беспорядок, они больше не могли сопротивляться натиску конницы, которая ворвалась в их колонну и вскоре рассеяла и сбила их с ног. Преследование не было ни долгим, ни кровопролитным, ибо наступила темнота, и Писарро приказал своим трубам затрубить, созывая своих людей под их знамена.

Хотя сражение длилось недолго, почти треть войск вице-короля погибла. Потери их противников были незначительными.²⁸ Несколько побежденных кавалеристов укрылись в церквях Кито. Но их вытащили из святилища, и некоторых — вероятно, тех, кто когда-то поддерживал дело Писарро — повели на казнь, а других сослали в Чили. Большая часть была помилована завоевателем. Беналькасару, оправившемуся от ран, было разрешено вернуться к своему правительству при условии, что он больше не будет поднимать оружие против Писарро. Его войскам было предложено встать на службу под знамена победителя, который, однако,

никогда не относился к ним с тем доверием, которое проявлял к своим старым приверженцам. Он был очень недоволен унижениями, нанесенными вице-королю, чьи изуродованные останки он распорядился похоронить с почестями, подобающими его сану, в кафедральном соборе Кито. Гонсало Писарро, одетый в черное, шел как главный скорбящий в процессии. - Как мы видели, у Писарро было обычным делом воздавать эти некрологические почести своим жертвам.²⁹

Таков был печальный конец Бласко Нуньеса Велы, первого вице-короля Перу. Прошло менее двух лет с тех пор, как он переступил порог страны, период абсолютных бедствий и позора. Его несчастья могут быть частично приписаны обстоятельствам, а частично его собственному характеру. Служитель одиозного и деспотического закона, он не был наделен никакой дискреционной властью в его исполнении.³⁰ И все же каждый человек может, в определенной степени, претендовать на право такой власти; поскольку выполнение поручения, которое, как показывают обстоятельства, непременно должно нанести ущерб цели, для которой оно было задумано, было бы абсурдным. Но требуется пронизательность, чтобы определить наличие такой непредвиденной ситуации, и моральное мужество, чтобы взять на себя ответственность действовать в соответствии с ней. Такой кризис является самым суровым испытанием характера. Осмелиться ослушаться высшего чувства долга - это парадокс, который маленькая душа вряд ли может постичь. К сожалению, Бласко Нуньес был педантичным солдафоном, человеком узких взглядов, который ни при каких обстоятельствах не мог считать себя вправе отступать от буквы закона. Более того, возгордившись своей недолгой властью, он рассматривал противодействие постановлениям как измену самому себе; и таким образом, отождествляя себя со своим поручением, он руководствовался личными чувствами в той же степени, что и чувствами общественного и патриотического характера.

Характер вице-короля также не был таким, чтобы смягчить гнусность его мер и примирить народ с их исполнением. Это резко контрастировало с поведением его соперника Писарро, чья откровенная, рыцарская осанка и великодушное доверие к своим последователям сделали его всемирно популярным, ослепив их суждения и придав худшим видимость лучшей стороны. Бласко Нуньес, напротив, раздражительный и подозрительный, ставил себя в ложное положение по отношению ко всем, к кому обращался; ибо подозрительный нрав создает вокруг себя атмосферу недоверия, которая убивает всякую добрую привязанность. Его первым шагом было оттолкнуть Зрителей, которых послали выступать вместе с ним. Но это была как их вина, так и его, поскольку они были настолько же небрежны, насколько он был слишком строг в толковании закона.³¹ Затем он оттолкнул и оскорбил народ, которым ему было поручено управлять. И, наконец, он вызывал отвращение у своих собственных друзей и слишком часто превращал их во врагов, так что в своей последней борьбе за власть и существование он был вынужден положиться на руку незнакомца. И все же, перечисляя его качества, мы не должны обходить молчанием его добродетели. Есть две заслуги, на которые он, несомненно, имеет право, — верность, которая ярче всего проявилась среди всеобщего дезертирства вокруг него, и постоянство в несчастьях, которое могло бы вызвать уважение даже у его врагов. Но едва ли можно сомневаться в том, что в Кастилии нельзя было найти человека, более некомпетентного в выполнении возложенной на него задачи.³²

Победа Анакито была встречена всеобщей радостью в соседней столице; все города Перу смотрели на нее как на завершение свержения ненавистных ордонансов, а имя Гонсало Писарро разносилось из одного конца страны в другой как имя ее освободителя. Этот

вождь продолжал продлевать свое пребывание в Кито в сезон дождей, деля свое время между распущенными удовольствиями безрассудного авантюриста и заботами о бизнесе, которые теперь давили на него как на правителя государства. Его администрация была запятнана меньшим количеством актов насилия, чем можно было ожидать, исходя из обстоятельств его ситуации. Пока Карбахаль, советник, на которого он, к сожалению, больше всего полагался, отсутствовал, Гонсало не санкционировал никакой казни, это было соблюдено, но в соответствии с формами закона.³³ Он вознаградил своих последователей новыми земельными наделами и отправил нескольких в экспедиции, однако не на большее расстояние, чем это было в его власти, чтобы с готовностью отозвать их. Он позаботился о благосостоянии туземцев, а некоторых, в частности, наставил в христианской вере. Он уделял внимание добросовестному сбору королевских взносов, призывая колонистов вести себя так, чтобы заручиться благосклонностью короны и добиться отмены указов. Короче говоря, его администрация была настолько управляемой, что даже суровый Гаска, его преемник, признал, что "это было хорошее правительство — для тирана".³⁴

Наконец, в июле 1546 года новый губернатор попрощался с Кито и, оставив там достаточный гарнизон под командованием своего офицера Пуэльеса, начал свое путешествие на юг. Это было триумфальное продвижение, и повсюду люди с энтузиазмом встречали его на дороге. В Трухильо горожане вышли всем скопом, чтобы поприветствовать его, а духовенство распевало гимны в его честь, превознося его как "принца-победителя" и умоляя Всевышнего "продлить его дни и воздать ему почести".³⁵ В Лиме было предложено снести некоторые здания и открыть новую улицу для его въезда, которая впоследствии могла бы носить имя победителя. Но политичный вождь отклонил эту лестную дань и скромно предпочел войти в город обычным путем. Была сформирована процессия из горожан, солдат и духовенства, и Писарро въехал в столицу в сопровождении двух своих главных военачальников пешком, держа под уздцы своего боевого коня, в то время как архиепископ Лимы и епископы Куско, Кито и Боготы, последний из которых недавно прибыл в город для освящения, ехали рядом с ним. Улицы были усыпаны сучьями, стены домов увешаны эффектными гобеленами, а над дорогой в честь победителя были воздвигнуты триумфальные арки. Каждый балкон, веранда и крыша дома были переполнены зрителями, которые громко и долго кричали "ура", приветствуя солдата-победителя титулами "Освободителя и защитника народа". Колокола зазвонили своим радостным звоном, как и при его прежнем въезде в столицу; и среди звуков оживляющей музыки и веселых звуков юбилея Гонсало продолжил свой путь ко дворцу своего брата. Перу вновь оказалось под властью династии Писарро.³⁶

Депутаты съезжались из разных частей страны, передавая поздравления от своих соответствующих городов; и каждый горячо настаивал на том, чтобы его собственные требования были учтены в связи с заслугами, которые он оказал в революции. В то же время Писарро получил долгожданное известие об успехах своего оружия на юге. Диего Сентено, как уже говорилось, поднял там знамя восстания или, скорее, верности своему суверену. Он сделал себя хозяином Ла-Платы, и дух восстания распространился по обширной провинции Чаркас. Карбахаль, которого послали против него из Кито, после ремонта в Лиме сразу же направился в Куско и там, укрепив свои силы, быстрыми маршами двинулся на непокорный район. Сентено не доверял себе в бою с этим грозным чемпионом. Он отступил со своими войсками в твердыни сьерры. Карбахаль преследовал его, идя по его следу с упорством ищейки; через горы и пустоши, через леса и опасные ущелья, не давая ему передышки ни днем, ни ночью. Восьмидесятилетний ветеран ел, пил, спал в седле и видел, как его собственные последователи

устают один за другим, в то время как он сам устремлялся в погоню, подобно дикому охотнику из Бургера, словно наделенный неземным телосложением, неспособным к усталости! Во время этого ужасного преследования, которое продолжалось более двухсот лиг по дикой местности, Сентено обнаружил, что большинство его последователей покинуло его. Тех из них, кто попадал в руки Карбахалья, отправляли на скорую казнь, ибо этот неумолимый вождь не щадил тех, кто изменял их партии.³⁷ Наконец, Сентено с горсткой людей прибыл к берегам Тихого океана, и там, отделившись друг от друга, они позаботились, каждый как мог, о своей собственной безопасности. Их лидер нашел убежище в пещере в горах, где его тайно кормил индеец курака, пока ему снова не пришло время развернуть знамя восстания.³⁸

Карбахаль, после нескольких дальнейших решительных действий, которые полностью утвердили господство Писарро на юге, с триумфом вернулся в Ла-Плату. Там он занялся разработкой серебряных рудников Потоси, где недавно открытая жила обещала принести больше прибыли, чем любая из еще открытых в Мексике или Перу; ³⁹ и вскоре он получил возможность отправлять крупные денежные переводы в Лиму, не вычитая для себя комиссионных, - ибо алчность лейтенанта была равна его жестокости.

Теперь Гонсало Писарро был бесспорным хозяином Перу. От Кито до северных границ Чили вся страна признавала его власть. Его флот с триумфом прошел по Тихому океану и передал ему в командование все города и селения на его границах. Его адмирал Инохоса, осмотрительный и доблестный офицер, обеспечил ему Панаму и, перейдя перешеек, с тех пор добился для него владения Номбре-де-Диос - главным ключом сообщения с Европой. Его силы были на отличной основе, включая цвет воинов, сражавшихся под началом его брата, и которые теперь с готовностью объединились под именем Писарро; в то время как поток богатства, хлынувший из рудников Потоси, снабжал его ресурсами европейского монарха.

Новый губернатор теперь начал принимать вид государственного корреспондента со своим огромным состоянием. Его сопровождала личная охрана из восьмидесяти солдат. Обедал он всегда на публике, и обычно за столом собиралось не менее сотни гостей. Говорили, что он даже соблюдал самый строгий этикет королевской семьи, подавая руку для поцелуя и не позволяя никому, какого бы ранга он ни был, садиться в его присутствии.⁴⁰ Но другие это отрицают. Не было бы ничего странного в том, что такой тщеславный человек, как Писарро, с поверхностным, недисциплинированным умом, когда он увидел, что таким образом поднялся из скромного положения на высший пост в стране, был несколько опьянен обладанием властью и высокомерно относился к тем, к кому он когда-то относился с почтением. Но тот, кто часто видел его в пору процветания, уверяет нас, что это было не так, и что губернатор продолжал демонстрировать ту же откровенность и солдатскую выправку, что и до своего возвышения, общаясь на дружеской основе со своими товарищами и проявляя те же качества, которые до сих пор вызывали любовь к нему у народа.⁴¹

Как бы то ни было, несомненно, не было недостатка в тех, кто убеждал его отказаться от своей верности короне и создать для себя независимое правительство. Среди них был его лейтенант Карбахаль, чей отважный дух никогда не гнушался доводить дело до конца. Он недвусмысленно посоветовал Писарро немедленно отказаться от своей верности. "Фактически, вы уже сделали это", - сказал он. "Вы были с оружием в руках против вице-короля, изгнали его из страны, избили и убили в битве. Какой милости или даже милосердия вы можете ожидать от Короны? Вы зашли слишком далеко, чтобы остановиться или отступить. Ты должен смело идти вперед,

провозгласить себя королем; войска, народ поддержат тебя". И в заключение, как говорят, он посоветовал ему жениться на койе, представительнице женского пола инков, чтобы отныне две расы могли спокойно жить под общим скипетром! 42

Совет смелого советника был, пожалуй, самым политичным, который можно было дать Писарро при существующих обстоятельствах. Ибо он был подобен человеку, который неосторожно забрался далеко в головокружительную пропасть — слишком далеко, чтобы безопасно спуститься, в то время как он не был уверен, где находится. Его единственным шансом было подняться еще выше, пока он не достигнет вершины. Но Гонсало Писарро уклонился от позиции, в которую это поставило его, от открытого бунта. Несмотря на преступный путь, на который его в последнее время втянули, чувство преданности слишком глубоко укоренилось в его груди, чтобы его можно было полностью искоренить. Хотя он и выступал с оружием в руках против мер и министров своего государя, он не был готов поднять меч против самого государя. Несомненно, в его груди бушевали противоречивые чувства; подобно Макбету и многим менее благородным натурам,

"Не стал бы играть фальшиво,
И все же выиграл бы ошибочно".

И как бы ни тешила его тщеславие картина развевающегося в воздухе скипетра, нарисованная таким образом в его воображении, у него не хватило смелости — можно, пожалуй, сказать, преступного честолюбия — попытаться ухватиться за нее.

Даже в этот самый момент, доведенный до отчаянной крайности, он готовился отправиться в Испанию, чтобы оправдать выбранный им курс и добиться амнистии за прошлое с полным подтверждением своей власти в качестве преемника своего брата в правительстве Перу.— Писарро не заглядывал в будущее спокойным, пророческим взором Карбахаля.

Среди биографических заметок авторов, посвященных испанским колониальным делам, имя Эрреры, который сделал для этой обширной темы больше, чем любой другой автор, безусловно, не должно быть опущено. Его рассказ о Перу занимает подобающее место в его великом труде "Генеральная история Индии" в соответствии с хронологическим планом, по которому построена эта история. Но поскольку это наводит на размышления, не отличающиеся по характеру от тех, что предлагаются другими частями работы, я возьму на себя смелость отослать читателя к Послесловию к третьей книге "Завоевания Мексики", чтобы получить полный отчет об этих томах и их ученом авторе.

Другой хронист, которому я часто обязан ходом повествования, - Франсиско Лопес де Гомара. Читатель также найдет упоминание об этом авторе в "Завоевании Мексики", книга 5, Постскрипtum. Но поскольку замечания к его произведениям там ограничены его Хроникой Новой Испании, возможно, было бы неплохо добавить сюда некоторые размышления о его более значительном труде "История Индии", в котором перуанская история занимает заметное место.

"История Индии" призвана дать краткий обзор всего спектра испанских завоеваний на островах и на американском континенте, насколько это было достигнуто к середине XVI века. Согласно

этому рассказу, Гомара, хотя и не похоже, что он когда-либо посещал Новый Свет, оказался в ситуации, которая открыла ему лучшие средства получения информации. Он был хорошо знаком с выдающимися людьми того времени и узнал подробности их истории из их собственных уст; в то время как из своего пребывания при дворе он был осведомлен о состоянии общественного мнения там и о впечатлении, произведенном проходящими событиями на тех, кто был наиболее компетентен судить о них. Таким образом, он смог привнести в свою работу много интересных подробностей, которых нет в других записях того периода. Круг его исследований выходил за рамки простых деяний Завоевателей и привел его к обзору общих ресурсов стран, которые он описывает, и особенно их физического облика и производства. Манера исполнения его работы, не в меньшей степени, чем ее дикция, свидетельствует о образованном ученом, искушенном в искусстве композиции. Вместо наивности, увлекательности, но детской непосредственности старых военных хронистов, Гомара обращается к различным темам с проницательной и пикантной критикой светского человека; в то время как его описания выдержаны со всеобъемлющей краткостью, которая является противоположностью многословным и бессвязным параграфам монашеского летописца. Эти литературные достоинства в сочетании со знанием возможностей писателя в получении информации уберегли его произведения от забвения, которое слишком часто ожидает неопубликованную рукопись; и он испытал удовлетворение, увидев, что в его время они переиздавались более одного раза. И все же они не несут на себе высочайшей печати подлинности. Автор слишком охотно допускает на своих страницах рассказы, которые не подтверждаются свидетельствами современников. Он делает это не из легковерия, ибо его ум скорее склоняется в противоположном направлении, а из-за недостатка, по-видимому, истинного духа исторической добросовестности. Обвинение в небрежности в его заявлениях — если использовать умеренную формулировку — было выдвинуто против Гомары в его же время; и Гарсиласо рассказывает нам, что, когда некоторые из перуанских кавалеров призвали к ответу за искажения, которые ложились тяжким бременем на них самих, историк дал лишь неуклюжее объяснение. Это является большим пятном на его произведениях и делает их гораздо менее ценными для современного составителя, который ищет источник незапятнанной истины, чем многие более скромные, но менее беспринципные хронисты.

В этой работе используется еще один авторитет, Гонсало Фернандес де Овьедо, о котором я рассказывал в другом месте; и читатель, заинтересованный в этом вопросе, позволит мне отослать его за критическим замечанием о его жизни и трудах к "Завоеванию Мексики", книга 4, Постскрипtum.—Его рассказ о Перу включен в его великую работу "Естественная и общая история Индии", MS., где он составляет сорок шестую и сорок седьмую книги. Она простирается от высадки Писарро в Тумбесе до возвращения Альмагро из Чили и, таким образом, охватывает всю часть того, что можно назвать завоеванием страны. Стиль его исполнения, соответствующий стилю остальной части произведения, к которому оно относится, не дает оснований для критики, отличной от той, которая уже была высказана в отношении общего характера произведений Овьедо.

Этот выдающийся человек был одновременно ученым и светским человеком. Много живя при дворе и будучи знакомым с самыми знатными людьми Кастилии, он все же проводил большую часть своего времени в колониях и таким образом добавлял плоды личного опыта к тому, что почерпнул из рассказов других. Его любопытство было неутолимимым, распространяясь на все разделы естествознания, а также на гражданскую и личную историю колонистов. Он был одновременно их Плинием и их Тацитом. Его работы изобилуют портретами персонажей,

нарисованными со свободой и одушевлением. Его размышления пикантны и часто приобретают философский оттенок, который снимает обычные оковы эпохи; а ход повествования разнообразен множеством личных анекдотов, которые дают быстрое представление о характерах участников событий.

При его выдающихся способностях и общественном положении, вызывавшем уважение, странно, что столь большая часть его трудов - вся его великая "История Индии" и его любопытные "Квинкуагены" — так долго оставалась в рукописи. Отчасти это объясняется капризом судьбы, ибо История не раз готовилась к публикации и даже сейчас считается подготовленной к печати. Тем не менее, в нем есть серьезные недостатки, которые, возможно, способствовали сохранению его в нынешнем виде. По своему отрывочному и эпизодическому стилю композиции он напоминает скорее заметки к великой истории, чем саму историю. Это можно рассматривать в свете комментариев или как иллюстрации того времени. С этой точки зрения его страницы имеют высокую ценность, и к ним часто прибегали авторы, которые не слишком скрупулезно переняли высказывания старого хрониста, слегка поблагодарив их автора.

Жаль, что Овьедо следовало проявить больше заботы, рассказывая о том, что было нового, чем выяснять, насколько это было чистой правдой. Среди его достоинств едва ли можно найти историческую достоверность. И все же мы можем найти извинение этому, в некоторой степени, в том факте, что его труды, как уже указывалось, носят характер не столько законченных сочинений, сколько разрозненных записок, где все, как слухи, так и факты, — даже самые противоречивые слухи, — все изложено наугад, образуя разнородную кучу материалов, которыми осмотрительный историк может воспользоваться, чтобы выстроить симметричную ткань на фундаменте большей прочности.

Еще один автор, заслуживающий особого внимания, - Педро Сьеса де Леон. Его "Хронику Перу" правильнее было бы назвать Маршрутом, или, скорее, географией Перу. Это дает подробное топографическое представление о стране во времена завоевания; о ее провинциях и городах, как индейских, так и испанских; о ее цветущем морском побережье; о ее лесах, долинах и бесконечных горных цепях в глубине страны; со многими интересными подробностями о существующем населении — их одежде, манерах, архитектурных памятниках и общественных работах, в то время как разбросанные тут и там заметки об их ранней истории и социальном устройстве. Короче говоря, это живая картина страны в ее физическом и моральном отношении, какой она предстала взору во время Завоевания и в тот переходный период, когда она впервые подверглась европейскому влиянию. Концепция произведения столь раннего периода, посвященного этому философскому плану, напоминающему нам работу Мальтебраны в наше время — *parva comperere magnis*", сама по себе свидетельствовала о большой разносторонности ума его автора. Это была задача немалой сложности, поскольку еще не было пути, открытого трудами антиквара, никаких намеков из альбома для зарисовок путешественника или измерений научного исследователя. Тем не менее, все расстояния от места к месту тщательно записаны трудолюбивым составителем, а расположение различных мест и их особенности показаны с достаточной точностью, учитывая природу препятствий, с которыми ему пришлось столкнуться. Литературное исполнение произведения, более того, в высшей степени респектабельно, иногда даже богато и живописно; и автор описывает величественные и прекрасные пейзажи Кордильер с чувством их очарования, которое не часто встречается у безвкусного топографа, еще реже у грубого Завоевателя.

Сьеса де Леон прибыл в Новый Свет, как он сообщает нам, в раннем возрасте тринадцати лет. Но только во времена Гаски мы находим его имя среди действующих лиц оживленных сцен гражданской войны, когда он сопровождал президента в его кампании против Гонсало Писарро. Его Хроника, или, по крайней мере, примечания к ней, были составлены на досуге, который он мог урвать от своих более волнующих занятий; и по прошествии десяти лет с того момента, как он взялся за нее, Первая часть — все, что у нас есть, - была завершена в 1550 году, когда автору исполнилось всего тридцать два года. Она появилась в Севилье в 1553 году, а на следующий год - в Антверпене; в то время как итальянский перевод, напечатанный в Риме в 1555 году, засвидетельствовал быструю известность этого произведения. Издание "Антверпена" — то, которое я использовал в этом сборнике, — в виде дуодецимо, чрезвычайно хорошо отпечатано и украшено вырезками из дерева, на которых сатана, - ибо автор в полной мере унаследовал древнюю доверчивость, — со своим обычным пугающим сопровождением часто появляется во плоти. В предисловии Съеза объявляет о своем намерении продолжить работу в трех других частях, иллюстрирующих соответственно древнюю историю страны при инках, ее завоевание испанцами и последовавшие за этим гражданские войны. Он даже излагает, с любопытной подробностью, содержание нескольких книг предполагаемой истории. Но, как уже было замечено, была завершена только первая часть; и автор, вернувшись в Испанию, умер там в 1560 году в преждевременном возрасте сорока двух лет, не выполнив ни одной части великолепного плана местности, который он так уверенно начертил. Этот недостаток вызывает большое сожаление, учитывая талант писателя и его возможности для личного наблюдения. Но он сделал достаточно, чтобы мы были благодарны ему за его труды. Благодаря яркому изображению сцен и декораций, какими они предстали перед его собственными глазами, он предоставил нам фон к исторической картине — так сказать, пейзаж, в котором персонажи того времени могли бы быть более уместно изображены. Было бы невозможно так точно отобразить древнюю топографию земли в последующий период, когда старые вещи исчезли, а Завоеватель, разрушив вехи древней цивилизации, стер многие черты даже физического облика страны, какой она существовала при развитой культуре инков.

История завоевания Перу

Уильям Хиклинг Прескотт

Книга 5

Заселение Страны

Глава 1

Великая сенсация в Испании — Педро Де Ла Гаска — Его юность —
Его миссия В Перу — Его политическое поведение — Его предложения Писарро —
Получает флот

1545—1547

В то время как в Перу происходила важная революция, подробно описанная на предыдущих страницах, слухи о ней время от времени доходили до метрополии; но расстояние было так велико, а возможности для общения - так редки, что новости обычно сильно отставали от событий, к которым они относились. Правительство с тревогой узнало о беспорядках,

вызванных указами и невозддержанным поведением вице-короля; и вскоре оно узнало, что этот чиновник был низложен и изгнан из своей столицы, в то время как вся страна под предводительством Гонсало Писарро ополчилась против него с оружием в руках. Все классы были в ужасе от этого тревожного известия; и многие из тех, кто раньше одобрял постановления, теперь громко осуждали министров, которые, не принимая во внимание вспыльчивый нрав народа, таким опрометчивым образом запустили поезд, что угрожало всеобщим взрывом по всем колониям.¹ На памяти человечества, в испанской империи не происходило подобного восстания. Его сравнивали со знаменитой войной коммунидадов в начале правления Карла Пятого. Но перуанское восстание казалось более грозным из двух. Смуты Кастилии, находившейся под пристальным вниманием Двора, могли быть легче улажены, в то время как было трудно добиться того, чтобы такая же власть ощущалась на отдаленных берегах Индии. Лежащий на дальнем берегу Тихого океана принцип притяжения, привязывавший Перу к метрополии, был настолько слабым, что эта колония могла в любой момент с меньшим импульсом, чем тот, который ей дан сейчас, слететь со своей политической орбиты.

Казалось, что самая прекрасная из его драгоценностей вот-вот упадет с императорской диадемы!

Таково было положение вещей летом 1545 года, когда Карл Пятый отсутствовал в Германии, занятый религиозными проблемами империи. Правительство находилось в руках его сына, которому под именем Филиппа Второго вскоре предстояло передать скипетр над большей частью владений своего отца и который в то время держал свой двор в Вальядолиде. Он созвал совет прелатов, юристов и военных с величайшим опытом, чтобы обсудить меры, которые необходимо предпринять для восстановления порядка в колониях. Все были согласны с тем, что движение Писарро рассматривалось в свете дерзкого восстания; и поначалу было мало тех, кто не желал использовать всю силу правительства, чтобы отстоять честь короны, подавить восстание и привлечь его зачинщиков к наказанию.²

Но, каким бы желанным это ни казалось, очень небольшое размышление показало, что это нелегко сделать, если, конечно, это было практически осуществимо. Огромное расстояние от Перу требовало переброски войск не просто через океан, но и через обширную территорию огромного континента. И как это могло быть осуществлено, когда главные посты, ключи сообщения со страной находились в руках мятежников, в то время как их флот бороздил Тихий океан, являясь владычицей его вод, отрезая все подходы к побережью? Даже если бы испанские войска могли быть высажены в Перу, какие шансы были бы у них, непривычных к стране и климату, справиться с ветеранами Писарро, обученными войне в Индии и горячо привязанными к личности своего командира? Разосланные таким образом новые рекруты могли сами заразиться духом восстания и отказаться от своей собственной лояльности.³

Поэтому ничего не оставалось, как попробовать примирительные меры. Правительство, какими бы унижительными ни были его гордость, должно повторить свои шаги. Тем, кто подчинился, должна быть предоставлена свобода действий, и должны быть использованы такие убедительные аргументы и сделаны такие политические уступки, которые убедили бы непокорных колонистов в том, что в их интересах, а также в их долге, вернуться к своей верности.

Но обратиться к народу в его нынешнем возбужденном состоянии и пойти на эти уступки, не слишком сильно ставя под угрозу достоинство и постоянный авторитет короны, было деликатным делом, для успеха которого они должны были полностью полагаться на репутацию агента. После долгих размышлений компетентный человек, как считалось, был найден в лице священнослужителя по имени Педро де ла Гаска — имени, которое, более яркое по контрасту с мрачными временами, в которые оно впервые появилось, по прошествии веков все еще сияет неослабевающим великолепием.

Педро де ла Гаска родился, вероятно, в конце пятнадцатого века в маленькой кастильской деревушке под названием Барко-де-Авила. Он происходил как по отцовской, так и по материнской линии из древнего и благородного рода; действительно, древнего, если, как утверждают его биографы, он происходил от Каски, одного из заговорщиков против Юлия Цезаря!⁴ К несчастью, он рано потерял отца, и его дядя поместил его в знаменитую семинарию Алькала-де-Энарес, окруженную великим Хименесом. Здесь он быстро преуспел в гуманитарных науках, особенно в тех, которые связаны с его профессией, и в конце концов получил степень магистра богословия.

Однако молодой человек обнаружил в себе другие таланты, помимо тех, которых требовало его священное призвание. В то время в стране бушевала война коммунидадес, и руководство его колледжа проявило склонность встать на сторону народа. Но Гаска, встав во главе вооруженного отряда, захватил одни из городских ворот и с помощью королевских войск обеспечил себе это место в интересах короны. Это раннее проявление лояльности, вероятно, не ускользнуло от его бдительного государя.⁵

Впоследствии из Алькалы Гаска был переведен в Саламанку, где он отличился своим искусством в схоластических диспутах и получил высшие академические награды в этом древнем университете, плодоносном рассаднике учености и гения. Впоследствии ему было доверено управление некоторыми важными делами церковного характера, и он стал членом Совета инквизиции.

В этом последнем качестве он был отправлен в Валенсию около 1540 года для расследования некоторых предполагаемых случаев ереси в этой части страны. Они были связаны с большой неизвестностью, и, хотя Гаске в расследовании помогали несколько выдающихся юристов, оно заняло у него почти два года. При ведении этого сложного дела он проявил такую проницательность и такую совершенную беспристрастность, что был назначен кортесами Валенсии на должность визитадора этого королевства; весьма ответственный пост, требующий большой осмотрительности от лица, его занимавшего, поскольку в его компетенцию входила проверка состояния судов правосудия и финансов по всей стране с полномочиями по пресечению злоупотреблений. То, что оно было оказано Гаске, было доказательством экстраординарного внимания; поскольку это был отход от установленного обычая - и это в стране, наиболее приверженной обычаю, — назначать на эту должность кого-либо, кроме подданного арагонской короны⁶.

Гаска выполнил возложенную на него задачу независимо и со способностями. Пока он был таким образом занят, жители Валенсии были повергнуты в ужас спланированным вторжением французов и турок, которые под предводительством грозного Барбароссы угрожали побережью и соседним Балеарским островам. Обычно высказывались опасения по поводу роста численности населения мориско, и испанские офицеры, командовавшие в этом квартале,

оставшись без защиты военно-морского флота, отчаялись выступить против врага. В этот сезон всеобщей паники только Гаска казался спокойным и самообладающим. Он упрекнул испанских командиров в их неподобающем солдатам унынии; призвал их поверить в лояльность морисков; и посоветовал немедленно возвести укрепления вдоль побережья для их защиты. Вследствие этого он был назначен одним из членов комиссии, которая должна была руководить этими работами и собирать рекрутов для защиты морского побережья; и задача была выполнена так добросовестно, что Барбаросса, после нескольких безуспешных попыток успешно высадиться, потерпел неудачу во всех пунктах и был вынужден отказаться от предприятия как от безнадежного. Главная заслуга этого сопротивления должна быть возложена на Гаску, который руководил строительством оборонительных сооружений и которому удалось выделить значительную часть необходимых средств благодаря экономическим реформам, которые он провел в администрации Валенсии.⁷

Именно в это время, во второй половине 1545 года, совет Филиппа выбрал Гаску как человека, наиболее компетентного для выполнения опасной миссии в Перу.⁸ Его характер, действительно, казался особенно подходящим для этого. Его преданность проявлялась на протяжении всей его жизни. С большой обходительностью в манерах он сочетал самую бесстрашную решимость. Хотя его поведение было скромным, как и подобало его призванию, оно было далеко не униженным, ибо его поддерживала осознанная прямота цели, которая внушала уважение всем, с кем он общался. Он обладал острым восприятием, проницательно разбирался в характерах и, хотя воспитывался в монастыре, обладал знакомством с делами и даже с военной наукой, которого можно было ожидать только от человека, воспитанного при дворах и в лагерях.

Поэтому совет без колебаний единогласно рекомендовал его императору и попросил его одобрить их действия. Чарльз не был невнимательным наблюдателем за курсом Гаски. Его внимание было особенно привлечено к умелому ведению судебного процесса против еретиков Валенсии.⁹ Монарх сразу понял, что он был подходящим человеком для нынешней чрезвычайной ситуации; и он немедленно написал ему собственноручно, выражая свое полное удовлетворение назначением и намекая на свое намерение засвидетельствовать свою состоятельность, предпочтя его одной из главных кафедр, которые в то время были вакантны.

Гаска без колебаний принял предложенную ему важную миссию и, отправившись в Мадрид, получил инструкции правительства относительно дальнейшего курса. Они были высказаны в самом мягком и примирительном тоне, в полном соответствии с предположениями его собственного доброжелательного характера.¹⁰ Но, хотя он и одобрил тон инструкций, он считал полномочия, которые ему должны были быть доверены, совершенно некомпетентными для достижения их цели. Они были задуманы в духе ревности, с которой испанское правительство обычно ограничивало власть своих крупных колониальных чиновников, чья удаленность от дома давала особый повод для недоверия. При каждой странной и неожиданной чрезвычайной ситуации Гаска понимал, что он должен быть обязан посылать обратно за инструкциями. Это должно было привести к задержке, когда оперативность была необходима для успеха. Более того, Суд, как он представлял совету, был из-за своей удаленности от места действия совершенно некомпетентен выносить решения относительно целесообразности принимаемых мер. Следовало послать кого-нибудь, кому король мог бы безоговорочно доверять и кто был бы наделен полномочиями, компетентными в любой чрезвычайной ситуации; полномочиями не просто решать, что лучше, но и приводить это решение в исполнение; и он смело потребовал,

чтобы он отправился туда не только как представитель суверена, но и облеченный всей властью самого суверена. Меньшее, чем это, нанесло бы ущерб самой цели, ради которой он был послан. "Что касается меня, - заключил он, - я не прошу ни жалованья, ни компенсации любого рода. Я не жажду демонстрации государственного или военного снаряжения. С моим палантином и требником я надеюсь выполнить порученную мне работу.¹¹ Каким бы немощным я ни был телом, покой моего собственного дома был бы мне более полезен, чем эта опасная миссия; но я не уклонюсь от нее по приказу моего государя, и если, что весьма вероятно, мне не будет позволено снова увидеть мою родину, я, по крайней мере, буду ободрен сознанием того, что сделал все возможное для служения ее интересам" ¹².

Члены совета, хотя и слушали с восхищением бескорыстное признание Гаски, были поражены смелостью его требований. Не то чтобы они сомневались в чистоте его мотивов, поскольку они были вне подозрений. Но полномочия, которые он предусматривал, были настолько далеки от тех, которые до сих пор делегировались вице-королю колонии, что они считали, что у них нет права их предоставлять. Они даже воздержались от обращения за ними к императору и потребовали, чтобы сам Гаска обратился к монарху и точно изложил основания, на которых были основаны столь экстраординарные требования.

Гаска с готовностью принял это предложение и в самой полной и недвусмысленной форме написал своему суверену, который затем перенес свою резиденцию во Фландрию. Но Карл не был таким цепким или, по крайней мере, так ревниво относился к власти, как его министры. Он слишком долго владел им, чтобы испытывать подобную ревность; и действительно, не прошло и многих лет, как, подавленный его тяжестью, он был вынужден полностью передать его в руки своего сына. Более того, его проницательный ум с готовностью оценил трудности положения Гаски. Он чувствовал, что нынешний чрезвычайный кризис можно преодолеть только чрезвычайными мерами. Он согласился с силой доводов своего вассала и шестнадцатого февраля 1546 года написал ему еще одно письмо, выражающее его одобрение, и намекнул на свою готовность предоставить ему такие же абсолютные полномочия, как те, которые он просил.

Гаска должен был называться президентом Королевской аудиенции. Но под этим простым титулом он был поставлен во главе каждого департамента в колонии, гражданского, военного и судебного. Он был уполномочен объявлять новые репарtimento и подтверждать уже сделанные. Он мог объявлять войну, набирать войска, назначать на все должности или снимать с них по своему усмотрению. Он мог воспользоваться королевской прерогативой прощать правонарушения и был особо уполномочен даровать амнистию всем без исключения, замешанным в нынешнем восстании. Более того, он должен был немедленно объявить об отмене отвратительных постановлений. Можно сказать, что эти два последних положения легли в основу всех его действий.

Поскольку светские власти не могли дотянуться до духовенства, и все же их часто уличали в разжигании беспорядков в колониях, Гаске было разрешено изгонять из Перу тех, кого он считал нужным. Он мог бы даже отправить домой вице-короля, если бы этого требовало благо страны. Согласно его собственному предложению, он не должен был получать никакой определенной стипендии, но у него были неограниченные заказы в казначействах как Панамы, так и Перу. Он был снабжен письмами императора к высшим властям не только Перу, но и Мексики и соседних колоний, в которых требовалось их одобрение и поддержка; и, наконец,

ему были доставлены незаполненные письма с королевской подписью, которые он должен был заполнять по своему усмотрению.¹³

Хотя предоставление таких неограниченных полномочий вызвало в Гаске самые теплые чувства благодарности к государю, который мог оказать ему такое большое доверие, это, по-видимому, — что еще более удивительно - не вызвало соответствующего чувства зависти у придворных. Они хорошо знали, что добрый священнослужитель обращался к ним не ради себя. Напротив, некоторые члены совета желали, чтобы ему было отдано предпочтение перед епископством, как уже было обещано ему перед его отъездом; полагая, что таким образом он уйдет с большим авторитетом, чем как скромный священнослужитель, и опасаясь, более того, что сам Гаска, если это будет опущено, может испытать некоторое естественное разочарование. Но президент поспешил развеять эти впечатления. "Эта честь мало помогла бы мне там, куда я направляюсь, - сказал он, - и было бы явно неправильно назначать меня на должность в Церкви, пока я нахожусь на такомрасстоянии, что не могу выполнять возложенные на меня обязанности. Сознание своей несостоятельности, - продолжал он, - если я никогда не вернусь, будет тяжелым грузом лежать на моей душе в мои последние минуты" ¹⁴. Политическое нежелание принять митру вошло в поговорку. Но здесь не было никакого наигранности, и друзья Гаски, уступив его доводам, воздержались от дальнейшего обсуждения этого вопроса.

Теперь новый президент приступил к своей подготовке. Они были немногочисленны и просты, ибо его должен был сопровождать небольшой отряд последователей, среди которых наиболее заметным был Алонсо де Альварадо, доблестный офицер, который, как читатель, возможно, помнит, долгое время командовал под началом Франсиско Писарро. Последние годы он жил при дворе; и теперь по просьбе Гаски сопровождал его в Перу, где его присутствие могло облегчить переговоры с повстанцами, в то время как его военный опыт оказался бы не менее ценным в случае обращения к оружию. С подготовкой его маленькой эскадры неизбежно произошла некоторая задержка, и только 26 мая 1546 года президент и его свита отправились в Сан-Лукар в Новый Свет.

После удачного плавания, по тем временам недолгого, он высадился примерно в середине июля в порту Санта-Марта. Здесь он получил поразительные сведения о битве при Ариакито, о поражении и смерти вице-короля и о том, каким образом Гонсало Писарро с тех пор установил свою абсолютную власть над этой страной. Хотя эти события произошли за несколько месяцев до отъезда Гаски из Испании, общение было настолько несовершенным, что никаких известий о них тогда не дошло до этой страны.

Теперь они вызвали у президента сильное беспокойство, поскольку он размышлял о том, что повстанцы после такого зверского акта, как убийство вице-короля, вполне могут отчаяться в милосердии и не обращать внимания на последствия. Поэтому он позаботился о том, чтобы все поняли, что дата его вступления в должность была следующей за датой роковой битвы и что она санкционировала полную амнистию всех преступлений, совершенных до сих пор против правительства.¹⁶

Тем не менее, с некоторых точек зрения, смерть Бласко Нуньеса можно рассматривать как благоприятное обстоятельство для урегулирования ситуации в стране. Если бы он дожил до приезда Гаски, последний был бы сильно смущен необходимостью действовать заодно с человеком, которого так ненавидят в колонии, или нежелательной альтернативой отправки его обратно в Кастилию. Более того, повстанцы, по всей вероятности, теперь были бы более

восприимчивы к доводам разума, поскольку вся личная неприязнь, естественно, могла быть похоронена в могиле их врага.

Президент был очень смущен, решая, в каком квартале ему следует попытаться въехать в Перу. Каждый порт находился в руках Писарро и был отдан под опеку его офицеров, которым было строго поручено перехватывать любые сообщения из Испании и задерживать тех лиц, которые выполняли поручения из этой страны, до тех пор, пока он не получит о них известие. Гаска, в конце концов, решила перейти в Номбре-де-Диос, который тогда удерживался большими силами Эрнаном Мексией, офицером, в чьи руки Гонсало передал эти прочные ворота в свои владения, как человеку, на преданность которого своему делу он мог с уверенностью положиться.

Если бы Гаска появился в этом месте в угрожающей позе, в военном строю или, более того, с какой-либо официальной помпой, которая могла бы пробудить недоверие к командиру, ему, несомненно, было бы нелегко осуществить высадку. Но Мексия не видела ничего страшного в приближении бедного священнослужителя, без вооруженных сил, едва ли даже со свитой для поддержки, пришедшего исключительно, как казалось, с поручением милосердия. Поэтому, как только он был ознакомлен с характером посланника и его миссией, он приготовился принять его с почестями, подобающими его рангу, и выступил во главе своих солдат вместе со значительной группой духовенства, проживавшего в этом месте. В личности Гаски, а тем более в его скромной одежде священнослужителя и скромной свите, не было ничего, что могло бы произвести впечатление на вульгарного зрителя с чувством благоговения. Действительно, нищенский вид, как казалось, его самого и его последователей, столь отличающийся от обычного состояния, в котором пребывали индийские вице-короли, вызвал некоторое веселье среди грубых солдат, которые, услышав о самом президенте, не постеснялись отпустить свои грубые шутки по поводу его внешности.¹⁷ "Если это такой губернатор, которого его Величество посылает к нам, - восклицали они, - Писарро не должен сильно забивать себе этим голову".

Однако президент, далекий от того, чтобы раздражаться из-за этой низости или высказывать неприязнь к ее авторам, подчинился ей с величайшим смирением и казался еще более благодарным своим собственным братьям, которые своим уважительным поведением, казалось, стремились оказать ему честь.

Но, какими бы простыми и непритязательными ни были манеры Гаски, Мехия при первой же беседе с ним вскоре обнаружил, что ему приходится иметь дело не с обычным человеком. Президент, кратко объяснив характер своего поручения, сказал ему, что он прибыл как посланник мира и что именно на мирные меры он рассчитывает в своем успехе. Затем он изложил общий объем своих полномочий, свои полномочия по бесплатному помилованию всех без исключения, кто сразу же подчинился правительству, и, наконец, свою цель провозгласить отмену указов. Таким образом, цели революции были достигнуты. Продолжать борьбу было бы явным мятежом, да и то без мотива; и он убеждал командующего всеми принципами лояльности и патриотизма поддержать его в улаживании беспорядков в стране и возвращении ее к верности.

Откровенный и примирительный тон президента, столь непохожий на высокомерие Бласко Нуньеса и строгое поведение Вака де Кастро, произвел на Мексику сильное впечатление. Он признавал силу рассуждений Гаски и льстил себя надеждой, что Гонсало Писарро не останется к ним равнодушным. Хотя он был привязан к судьбе этого лидера, он был предан сердцем и, как

и большинство членов партии, скорее случайно, чем намеренно, поднял восстание; и теперь, когда представилась такая хорошая возможность сделать это безопасно, он не отказался пойти по своим стопам и заручиться королевской милостью, таким ранним возвращением к своей верности. Об этом он сообщил президенту, заверив его в своем сердечном сотрудничестве в благой работе по реформированию.¹⁸

Это был важный шаг для "Гаски". Еще более важным для него было добиться повиновения Инохосы, губернатора Панамы, в гавани которого находился военно-морской флот Писарро, состоявший из двадцати двух судов. Но подойти к этому офицеру было нелегко. Он был человеком гораздо более высокого характера, чем обычно можно было встретить среди безрассудных искателей приключений в Новом Свете. Он был привержен интересам Писарро, и тот оплатил ему тем, что поставил его командовать своей армадой и Панамой, ключом к своим территориям на Тихом океане.

Президент сначала отправил Мексику и Алонсо де Альварадо подготовить почву для своего собственного прихода, проинформировав Инохосу о цели его миссии. Вскоре он последовал за ним и был принят этим командиром со всем проявлением внешнего уважения. Но хотя последний с уважением выслушал заявления Гаски, им не удалось произвести в нем ту перемену, которую они произвели в Мексике; и в заключение он попросил президента продемонстрировать ему свои полномочия и поинтересовался, дали ли они ему полномочия утвердить Писарро на его нынешнем посту, на который он имел право не меньше благодаря своим личным заслугам, чем благодаря общему голосу народа.

Это был неловкий вопрос. Такая уступка была бы слишком унижительной для короны; но открытое признание этого на нынешнем этапе и столь решительное отношение к приверженцу Писарро могли бы помешать всем дальнейшим переговорам. Поэтому президент уклонился от ответа, просто заявив, что для него еще не пришло время проявить свои полномочия, но что Инохоса может быть уверен, что они таковы, что обеспечат достаточное вознаграждение каждому верному слуге его страны.¹⁹

Инохоса не был удовлетворен; и он немедленно написал Писарро, проинформировав его о прибытии Гаски и о цели его миссии, в то же время недвусмысленно намекнув на свое собственное убеждение, что президент не имеет полномочий утверждать его в правительстве. Но перед отплытием корабля Гаска заручился услугами монаха-доминиканца, который взял его на борт в один из прибрежных городов. Этому человеку он доверил манифесты, излагающие цель его визита и провозглашающие отмену ордонансов с даром прощения всем, кто вернется к своему послушанию. Он также писал прелатам и корпорациям разных городов. Первого он попросил сотрудничать с ним в распространении духа лояльности и подчинения среди людей, в то же время он сообщил городам о своем намерении посоветоваться с ними в будущем, чтобы разработать некоторые эффективные меры для благосостояния страны. Доминиканец лично взялся распространять эти бумаги в главных городах колонии; и он честно сдержал свое слово, хотя, как оказалось, и с немалым риском для жизни. Разбросанные таким образом семена могут во многих случаях упасть на бесплодную почву. Но президент верил, что большая их часть пустит корни в сердцах людей, и он терпеливо ждал урожая.

Между тем, хотя ему и не удалось развеять сомнения Инохосы, вежливые манеры Гаски и его мягкая, убедительная речь оказали заметное влияние на других людей, с которыми он ежедневно общался. Некоторые из них, и среди них некоторые из лучших кавалеров Панамы, а

также в эскадрилье, выразили готовность присоединиться к королевскому делу и помочь президенту в его поддержании. Гаска воспользовался их помощью, чтобы установить связь с властями Гватемалы и Мексики, которых он проинформировал о своей миссии, одновременно предостерегая их от каких-либо контактов с повстанцами на побережье Перу. В конце концов он также убедил губернатора Панамы предоставить ему средства для установления связи с самим Гонсало Писарро; и в Лиму был отправлен корабль с письмом от Карла Пятого, адресованным этому вождю, с посланием также из Гаски.

Послание императора было выдержано в самых снисходительных и даже примирительных выражениях. Далекий от того, чтобы обвинять Гонсало в мятеже, его королевский повелитель сделал вид, что считает его поведение навязанным ему обстоятельствами, особенно упрямством вице-короля Нуñеса, отказывающего колонистам в неотъемлемом праве подавать петиции. Он не намекал на намерение утвердить Писарро в правительстве или, более того, отстранить его от него; но просто направил его к Гаске как к человеку, который ознакомит его с королевской волей и с которым он должен сотрудничать в восстановлении спокойствия в стране.

Собственное письмо Гаски было выдержано в том же политическом ключе. Однако он заметил, что требований, которые до сих пор определяли линию поведения Гонсало, больше не существует. Все, о чем просили, было удовлетворено. Теперь бороться было не за что, и Писарро и его последователям оставалось только продемонстрировать свою лояльность и искренность своих принципов повиновением короне. До сих пор, сказал президент, Писарро выступал с оружием в руках против вице-короля; и народ поддерживал его как общего врага. Если он затянет борьбу, этим врагом должен стать его суверен. В такой борьбе народ наверняка покинул бы его; и Гаска заклинал его честью кавалера и долгом верного вассала уважать королевскую власть и не провоцировать опрометчиво соперничество, которое должно доказать миру, что его поведение до сих пор было продиктовано не столько патриотическими мотивами, сколько эгоистичными амбициями.

Это письмо, которое было передано языком, наиболее вежливым и комплиментарным по отношению к его предмету, было очень длинным. К нему прилагалось другое, гораздо более краткое, адресованное Сепеде, интригующему адвокату, который, как знал Гаска, имел наибольшее влияние на Писарро в отсутствие Карбахалья, тогда занятого сбором урожая серебра на недавно открытых рудниках Потоси.²⁰ В этом послании Гаска сделал вид, что подчиняется хитрому политику как члену королевской аудиенции, и обсудил с ним наилучший способ занять вакантную должность в этом органе. Эти несколько депеш были переданы кавалеру по имени Паниагуа, верному приверженцу президента и одному из тех, кто сопровождал его из Кастилии. Этому же эмиссару он также передал манифесты и письма, подобные тем, что были доверены доминиканцу, с приказом тайно распространить их в Лиме, прежде чем он покинет эту столицу.²¹

Проходили недели и месяцы, а президент все еще оставался в Панаме, где, действительно, поскольку его связь с Перу была тщательно прервана, он, можно сказать, содержался под стражей как своего рода государственный узник. Тем временем и он, и Инохоса с тревогой ожидали прибытия какого-нибудь гонца от Писарро, который должен был указать, каким образом миссия президента должна быть принята этим начальником. Губернатор Панамы не был слеп ни к опасному положению, в которое он сам был поставлен, ни к безумию затевать

спор с Кастильским двором. Но у него было нежелание — не слишком часто разделяемое кавалерами Перу — отказываться от удачи командира, который оказал ему такое большое доверие. И все же он верил, что этот командующий воспользуется открывшейся возможностью и поставит себя и страну в состояние постоянной безопасности.

Несколько кавалеристов, которые отказались присоединиться к Гаске, недовольные этим упрямством, как они это называли, Инохосы, предложили схватить его лично, а затем завладеть армадой. Но президент сразу же отклонил это предложение. Его миссия, по его словам, заключается в обеспечении мира, и он не хотел бы с самого начала запятнать ее актом насилия. Он даже уважал щепетильность Инохосы; и он полагал, что кавалер столь благородной натуры, если однажды его удастся заполучить честным путем, с гораздо большей вероятностью будет верен своим интересам, чем если его одолеют силой или обманом. Гаска думал, что может спокойно отсидеться в отведенное ему время. В этом была политика, а также честность; на самом деле, они всегда идут рука об руку.

Тем временем из Лимы и соседних мест время от времени прибывали люди, которые рассказывали о Писарро, меняясь в зависимости от характера и положения сторон. Некоторые представляли его как человека, покоряющего все сердца своим открытым нравом и политической щедростью, с которой, несмотря на жадность к богатству, он раздавал репартименты и милости своим последователям. Другие говорили о нем как о руководителе дела, в то время как среди жителей Лимы царили величайшая робость и недоверие. Все согласились, что его власть покоилась на слишком прочной основе, чтобы ее можно было поколебать; и что, если президент отправится в Лиму, он должен либо согласиться стать орудием Писарро и утвердить его в правительстве, либо поплатиться собственной жизнью.²²

Несомненно, Гонсало, уделяя внимание, как говорят его друзья, общественным делам, находил время для бесплатного предавания тем удовольствиям, которые ожидают солдата удачи в час его триумфа. Он был объектом лести и почитания; за ним ухаживали даже те, кто его ненавидел. Ибо те, кто не любил удачливого вождя, имели веские причины бояться его; и его подвиги прославлялись в романах или балладах как соперничающие — и это было недалеко от истины — с подвигами самых доблестных паладинов рыцарства.²³

Среди этого взрыва лести в чаше радости, поднесенной к губам Писарро, была одна капля горечи, которая придавала привкус всему остальному; ибо, несмотря на его демонстративную уверенность, он с неослабевающей тревогой ожидал известий, которые могли бы убедить его в том, в каком свете правительство рассматривает его поведение дома. Это было доказано его ревностными мерами предосторожности по охране подходов к побережью и задержанию королевских эмиссаров. Поэтому он с немалым беспокойством узнал от Инохосы о прибытии президента Гаски и цели его миссии. Но его недовольство смягчилось, когда он понял, что новый посланник прибыл без военного облачения, без каких-либо показных атрибутов должности, которые нужно навязывать уму простолюдинов, но как бы один, в простом одеянии скромного миссионера. Писарро не мог разглядеть, что под этой скромной внешностью скрывалась моральная сила, более сильная, чем его собственные закованные в сталь батальоны, которая, действуя молча на общественное мнение, — тем более уверенно, чем молчаливее оно было, — даже сейчас подрывала его силы, подобно подземному каналу, разъедающему фундамент некоего величественного здания, надежно стоящего на своем почетном месте!

Но, хотя Гонсало Писарро не мог предвидеть такого результата, он увидел достаточно, чтобы убедиться в том, что было бы безопаснее исключить президента из Перу. Более того, известие о его прибытии ускорило его прежнюю цель отправить посольство в Испанию, чтобы оправдать свои запоздалые действия и потребовать королевского подтверждения его полномочий. Человеком, поставленным во главе этой миссии, был Лоренцо де Альдана, кавалер благоразумия и мужества, пользовавшийся большим доверием Писарро как один из его самых преданных сторонников. Он занимал несколько важных постов под началом этого шефа, одним из секретов успеха которого была проницательность, которую он проявил при отборе своих агентов.

Помимо Альданы и одного или двух кавалеров, в комиссию был включен епископ Лимы, который, судя по его положению, мог оказать благоприятное влияние на судьбу Гонсало при дворе. Вместе с депешами для правительства посланникам было поручено передать Гаске письмо от жителей Лимы, в котором, вежливо поздравив президента с прибытием, они выражают сожаление по поводу того, что он прибыл слишком поздно. Теперь, после свержения вице-короля, беды в стране были улажены, и нация спокойно жила под властью Писарро. Они заявили, что посольство направляется в Кастилию не для того, чтобы просить о помиловании, поскольку они не совершили никакого преступления²⁵, а для того, чтобы обратиться к императору с просьбой утвердить их лидера в правительстве, поскольку человек в Перу имеет на это наибольшее право по своим добродетелям.²⁶ Они выразили убеждение, что присутствие Гаски послужит лишь возобновлению беспорядков в стране, и мрачно намекнули, что его попытка приземлиться, вероятно, будет стоить ему жизни. Язык этого необычного документа был более уважительным, чем можно было предположить по его содержанию. Он был датирован 14 октября 1546 года и подписан семьюдесятью главными кавалерами города. Вполне вероятно, что это было продиктовано Сепедой, чья рука видна в большинстве интриг маленького двора Писарро. Также говорится — достоверность несколько сомнительна, — что Альдана получил инструкции от Гонсало тайно предложить взятку в пятьдесят тысяч песо де оро президенту, чтобы убедить его вернуться в Кастилию; а в случае его отказа должен был быть придуман какой-нибудь более темный и действенный способ избавить страну от его присутствия.²⁷

Алдана, подкрепленный своими депешами, быстро ускорил свое путешествие в Панаму. Через него губернатор узнал о действительном настроении в советах Писарро; и он с сожалением выслушал убеждение посланника в том, что этот вождь или его спутники не примут никаких условий, которые не подтверждали бы его права на Перу.²⁸

Вскоре президент допустил Алдану на аудиенцию. Это привело к результатам, совершенно отличным от тех, которые последовали после переговоров с Инохосой; ибо посланник Писарро от природы не был вооружен тем упрямым оружием, которое до сих пор служило другим доказательством вопреки всем доводам. Теперь он с удивлением узнал о характере власти Гаски и масштабах королевских уступок повстанцам. Он пустился вместе с Гонсало Писарро в отчаянное предприятие и обнаружил, что оно оказалось успешным. У колонии не было причин требовать большего; и, хотя он был предан сердцем своему лидеру, он не чувствовал себя связанным какими-либо принципами чести участвовать вместе с ним, исключительно для удовлетворения своего честолюбия, в дикой борьбе с короной, которая должна была закончиться неизбежным крахом. В результате он отказался от своей миссии в Кастилии, которая, вероятно, никогда не была ему по душе, и объявил о своем намерении принять

помилование, предложенное правительством, и поддержать президента в улаживании дел Перу. Следует добавить, что впоследствии он написал своему бывшему командиру в Лиме, изложив избранный им курс и искренне порекомендовав последовать его примеру.

Влияние этого прецедента на такую важную персону, как Алдана, которому, несомненно, способствовало убеждение, что от Писарро теперь не следует ожидать никаких перемен, в то время как промедление было бы фатальным для него самого, в конце концов возоблаго над угрызениями совести Инохосы, и он намекнул Гаске на свою готовность передать флот под его командование. Представление было совершено с большой pompой и церемониями. Некоторые из самых стойких сторонников Писарро были предварительно сняты с кораблей, и девятнадцатого ноября 1546 года Инохоса и его капитаны передали свои полномочия в руки президента. Затем они принесли клятву верности Кастилии; герольд провозгласил добровольное прощение всех прошлых проступков с эшафота, воздвигнутого на главной площади города; и президент, поприветствовав их как истинных и лояльных вассалов короны, вернул кавалерам их несколько званий. Затем на борту эскадры был развернут королевский штандарт Испании, возвещавший, что этот оплот власти Писарро отошел от него навсегда.²⁹

Возвращение их полномочий капитанам повстанцев было политическим актом в Гаске. Оно заручилось услугами самых способных офицеров в стране и обратило против Писарро ту самую руку, на которую он больше всего опирался в поисках поддержки. Таким образом, этот великий шаг был достигнут без применения силы или мошенничества, благодаря терпению Гаски и его разумному прогнозу. Он был доволен тем, что выжидал своего часа; и теперь он мог с вполне обоснованной уверенностью рассчитывать на конечный успех своей миссии.

Книга 5

Глава 2

Гаска собирает Свои силы—Дезертирство последователей Писарро—Он собирает рекрутов—Волнения в Лиме—Он покидает город—Гаска отплывает из Панама—Кровавая битва при Хуарине

1547

Как только Гаска получил во владение Панаму и флот, он начал проводить более решительный политический курс, чем ему до сих пор разрешалось. Он набирал рекрутов и собирал припасы со всех сторон. Он позаботился о погашении задолженности, уже причитавшейся солдатам, и пообещал щедрое жалованье в будущем; ибо, хотя и помнил, что его личные расходы не должны были дорого стоить короне, он не скупился на свои расходы, когда этого требовало общественное благо. Поскольку средства в казне были исчерпаны, он получил ссуды от правительства у богатых граждан Панама, которые, полагаясь на его добросовестность, с готовностью предоставили необходимые авансы. Затем он отправил письма властям Гватемалы и Мексики, требуя их помощи в ведении боевых действий, в случае необходимости, против повстанцев; и аналогичным образом он отправил повестку в Беналькасар, в провинции к северу от Перу, с просьбой встретить его, когда он высадится в этой стране, со всеми имеющимися в его распоряжении силами.

Народ Панама проявил величайший энтузиазм в приведении маленького военно-морского флота в порядок для предполагаемого плавания; и прелаты и командиры не побрезговали доказать свою лояльность, приняв участие в благом деле вместе с солдатами и матросами.¹ Однако перед своим собственным отъездом Гаска предложил отправить небольшую эскадру из четырех кораблей под командованием Алданы в крейсерство у порта Лима с инструкциями обеспечить защиту тем, кто серьезно связан с королевским делом, и принять их, если потребуется, на борт своих судов. Ему также были доверены заверенные копии президентского поручения, которые должны были быть доставлены Гонсало Писарро, чтобы шеф почувствовал, что еще есть время вернуться, прежде чем перед ним закроются врата милосердия.²

Пока происходили эти события, прокламации и письма Гаски делали свое дело в Перу. Не требовалось особой проницательности, чтобы понять, что нация в целом, обеспеченная защитой личности и собственности, ничего не выиграет от революции. Интерес и долг, к счастью, теперь лежали по одну сторону баррикад, и древнее чувство лояльности, подавленное на время, но не угасшее, возродилось в груди народа. Тем не менее, это не проявилось сразу каким-либо открытым действием; ибо при сильном военном правлении люди едва ли осмеливались думать самостоятельно, не говоря уже о том, чтобы делиться своими мыслями друг с другом. Но изменения общественного мнения, подобно изменениям в атмосфере, которые происходят медленно и незаметно, дают о себе знать все более и более широко, пока, благодаря своего рода молчаливому сочувствию, не распространились на самые отдаленные уголки страны. Некоторые намеки на такую перемену настроений в конце концов дошли до Лимы, хотя все сообщения о миссии президента в этой столице были тщательно исключены. Гонсало Писарро сам почувствовал эти симптомы недовольства, хотя пока еще слишком слабые, чтобы самый опытный глаз смог разглядеть в них надвигающуюся бурю.

Несколько прокламаций президента были переданы Гонсало его верными сторонниками; и Карбахаль, которого вызвали из Потоси, заявил, что их "следует бояться больше, чем кастильских копий".³ И все же Писарро ни на мгновение не терял уверенности в своих силах; и, имея под своим командованием такой флот, как тот, что находился сейчас в Панаме, он чувствовал, что может бросить вызов любому врагу на своих берегах. Он был безоговорочно уверен в верности Инохосы.

Именно в этот период Паниагуа прибыл из порта с депешами Гаски Писарро, состоящими из письма императора и его собственного. Этот вождь немедленно представил их своим верным советникам, Карбахалю и Сепеде, и поинтересовался их мнением относительно дальнейшего курса. Это был переломный момент в судьбе Писарро.

Карбахаль, чей проницательный взгляд полностью оценил положение, в котором они находились, был за то, чтобы принять королевскую милость на предложенных условиях; и он выразил свое понимание их важности, заявив, что "он проложит путь для их предъявителя в столицу слитками золота и серебра".⁴ Сепеда придерживался иного образа мыслей. Он был судьей Королевской аудиенции и был направлен в Перу в качестве непосредственного советника Бласко Нуньеса. Но он восстал против вице-короля, столкнулся с ним в битве, и можно сказать, что его одежда все еще была мокрой от его крови! В чем же тогда заключалась милость для него? Какое бы уважение ни было проявлено к букве королевских постановлений, фактически, он должен всегда жить под кастильским правлением разоренным человеком. Соответственно, он настоятельно настаивал на отклонении предложений Гаски. "Они будут

стоять вам вашего правительства, - сказал он Писарро. - красноречивый священник не такой простой человек, каким вы его принимаете. Он проницателен и политичен.⁵ Он хорошо знает, какие давать обещания; и, став хозяином страны, он также будет знать, как их сдержать".

Карбахалья не поколебали ни доводы, ни насмешки его товарищей; и когда дискуссия разгорелась, Сепеда обвинил своего оппонента в том, что тот дал совет, продиктованный опасениями за его собственную безопасность, — глупая насмешка, достаточно опровергнутая всей жизнью доблестного старого воина. Карбахаль, однако, больше не настаивал на своих взглядах, поскольку находил их нежелательными для Писарро, и удовлетворился хладнокровным замечанием, что "у него, действительно, не было склонности к мятежу; но у него была такая же длинная шея, как у Писарро". он полагал, что это недоуздок, как и любой из его товарищей; и поскольку он вряд ли мог рассчитывать прожить намного дольше, во всяком случае, это, в конце концов, не имело для него большого значения" ⁶.

Писарро, подстегиваемый пламенным честолюбием, преодолевавшим все препятствия⁷, не снизошел до того, чтобы подсчитать отчаянные шансы в борьбе за корону. Он бросил свой собственный вес на чашу весов вместе с Сепедой. Предложение милости было отвергнуто; и таким образом он отбросил последние узы, связывавшие его со своей страной, и этим поступком провозгласил себя мятежником.⁸

Вскоре после отъезда Паниагуа Писарро получил известие о дезертирстве Альданы и Инохосы и о сдаче флота, на который он потратил огромные средства, как главного оплота своей власти. За этим неприятным известием последовали сообщения о дальнейшем дезертирстве некоторых главных городов на севере и об убийстве Пуэльеса, верного лейтенанта, которому он доверил управление Кито. Прошло также не так много времени, прежде чем он обнаружил, что его власть подверглась нападению в противоположном квартале, в Куско; ибо Сентено, верный вождь, который, как читатель, возможно, помнит, был вынужден Карбахалем укрыться в пещере близ Арекипы, вышел из своего убежища, пробыв там год, и, узнав о прибытии Гаски, снова поднял королевский штандарт. Затем, собрав небольшой отряд сторонников и ночью напав на Куско, он овладел этой столицей, разгромил удерживавший ее гарнизон и закрепил ее за короной. Вскоре после этого, вступив в провинцию Чаркас, отважный вождь вступил в союз с офицером, командовавшим у Писарро в Ла-Плате; и их объединенные силы численностью в тысячу человек заняли позицию на берегах озера Титикака, где два кавалера хладнокровно ждали удобного случая выступить в бой против своего древнего командира.

Гонсало Писарро, тронутый до глубины души дезертирством тех, кому он больше всего доверял, был ошеломлен столь обрушившимися на него печальными известиями о своих потерях. И все же он не стал тратить свое время на пустые обвинения или жалобы, а немедленно приступил к приготовлениям встретить бурю со всей присущей ему энергией. Он немедленно написал тем из своих военачальников, которых считал все еще верными ему, приказывая им быть готовыми со своими войсками выступить к нему на помощь при первом же уведомлении. Он напомнил им об их обязательствах перед ним и о том, что их интересы совпадают с его собственными. Президентское поручение, добавил он, было составлено до того, как новости о битве при Ариакито достигли Испании, и оно никогда не могло касаться помилования лиц, причастных к смерти вице-короля.⁹

Писарро был столь же активен в усилении своих рекрутов в столице и в приведении их в наилучший боевой порядок. Вскоре он увидел себя во главе тысячи человек, прекрасно

экипированных и безупречных во всех своих назначениях; "столь же доблестный отряд, - говорит старый писатель, - хотя и столь же малочисленный, каким когда—либо ступали равнины Италии", демонстрируя превосходство своего оружия, великолепной формы и попоны своих лошадей, великолепие, которое могло быть придано только перуанскому серебру.¹⁰ Каждая рота была снабжена новым знаменем, украшенным ее особым гербом. На некоторых были инициалы и герб Писарро, а один или два из них были смело увенчаны короной, как бы указывающей на звание, к которому мог стремиться их командир.¹¹

Среди лидеров, наиболее заметных в этом случае, был Сепеда, "который", по словам писателя того времени, "сменил мантию лиценциата на шлем с плюмажем и кольчужную сбрую воина".¹² Но кавалером, которому Писарро доверил главную заботу об организации своих батальонов, был ветеран Карбахаль, который изучал военное искусство под руководством лучших военачальников Европы и чья полная приключений жизнь была практическим дополнением к их ранним урокам. Именно на его руку больше всего опирался Гонсало в час опасности; и хорошо было бы для него, если бы он воспользовался его советами раньше.

То, что он постарался снабдить каждого из своих мушкетеров лошадью, дает некоторое представление о роскошном размещении войск Писарро. Расходы, понесенные им, были огромными. Непосредственная стоимость его приготовлений, как нам сообщили, составила не менее полумиллиона песо де оро; а его жалованье кавалерам и, более того, простым солдатам в его маленькой армии было в непомерных размерах, которые нигде не встретишь, кроме как на серебряной почве Перу.¹³

Когда его собственные средства были исчерпаны, он восполнил дефицит за счет штрафов, налагаемых на богатых граждан Лимы в качестве платы за освобождение от службы, принудительных займов и различных других схем военного побора.¹⁴ Говорят, что с этого времени характер вождя претерпел заметную перемену.¹⁵ Он стал более неистовым в своих страстях, более нетерпимым к контролю и более свободно позволял себе акты жестокости и распушенности. Отчаянное дело, в которое он был вовлечен, сделало его безрассудным относительно последствий. Хотя он был от природы откровенен и доверчив, частое бегство его последователей внушало ему подозрения. Он не знал, кому довериться. С каждым, кто проявлял безразличие к своему делу или подозревался в этом, обращались как с открытым врагом. В Лиме царило величайшее недоверие. Ни один человек не осмеливался довериться своему соседу. Некоторые прятали свои пожитки; другие ухитрялись ускользнуть от бдительности часовых и прятались в соседних лесах и горах.¹⁶ Никому не разрешалось входить в город или покидать его без разрешения. Вся торговля, все сношения с другими местами были прекращены. Прошло много времени с тех пор, как пятая часть, принадлежащая короне, была передана Кастилии, поскольку Писарро присвоил их для своего собственного использования. Теперь он завладел монетными дворами, разломал королевские марки и выпустил обесцененную монету, украшенную его собственным шифром.¹⁷ Это был самый решающий акт суверенитета.

В этот мрачный период адвокат Сепеда разыграл торжественный фарс, целью которого было дать своего рода юридическую санкцию делу повстанцев в глазах населения. Он распорядился подготовить процесс против Гаски, Инохосы и Альданы, в ходе которого они были обвинены в государственной измене существующему правительству Перу, признаны виновными и приговорены к смертной казни. Этот документ он передал ряду столичных юристов, потребовав

их подписи. Но у них и в мыслях не было столь неизбежно впутывать себя, проставляя свои имена на такой бумаге; и они уклонились от этого, заявив, что это только лишит их всякой возможности, если кто-либо из обвиняемых будет настроен таким образом, снова взяться за дело, от которого они отказались. Сепеда был единственным человеком, подписавшим документ. Карбахаль отнесся ко всему этому с насмешкой. "Какова цель вашего процесса?" - спросил он Сепеду. "Его цель, - ответил последний, - состоит в том, чтобы не допустить промедления, чтобы, если оно будет предпринято в любое время, виновная сторона могла быть немедленно приведена к казни". "Я взываю к вашему милосердию, - возразил Карбахаль. - Я думал, в этом инструменте должно быть какое-то преимущество, которое убило бы их наповал. Пусть только один из этих же предателей попадет в мои руки, и я отправлю его на казнь, не дожидаясь приговора суда, я обещаю вам!" 18

Пока продолжалась эта бумажная война, пришло известие, что эскадра Алданы вышла из порта Кальяо. Этот командир отплыл из Панамы в середине февраля 1547 года. Путешествуя вдоль побережья, он высадился в Трухильо, где горожане приветствовали его с энтузиазмом и горячо заявили о своей покорности королевской власти. В то же время он получил сообщения от нескольких офицеров внутренних дел Писарро, в которых сообщалось об их возвращении к своим обязанностям и готовности поддержать президента. Алдана назвал Кашамалку местом встречи, где они должны были сосредоточить свои силы и дожидаться высадки Гаски. Затем он продолжил свое путешествие в сторону Лимы.

Как только Писарро сообщили о его приближении, он, опасаясь, что это может иметь катастрофические последствия и отвратить его последователей от их верности, вывел их примерно на лигу за город и там разбил лагерь. Он находился в двух лигах от побережья и выставил на берегу охрану, чтобы перехватывать все сообщения с судами. Прежде чем покинуть столицу, Сепеда прибегнул к средству более надежной защиты жителей, как он полагал, в интересах Писарро. Он приказал собрать граждан и произнес перед ними заученную речь, в которой подробно рассказал о заслугах их губернатора и о безопасности, которой пользовалась страна под его правлением. Затем он сказал им, что каждый человек волен выбирать сам: оставаться под защитой своего нынешнего правителя или, если они предпочитают, перейти на сторону его врага. Он предложил им высказать свое мнение, но потребовал от каждого, кто все еще будет продолжать служить Писарро, принести клятву верности его делу с заверением, что, если кто-нибудь впоследствии окажется настолько лживым, что нарушит это обещание, он заплатит за это своей жизнью.¹⁹ Не нашлось ни одного достаточно смелого человека — с головой, таким образом, в пасти льва, — чтобы отказать от повиновения Писарро; и каждый человек принес предписанную клятву, которая была произнесена в самой торжественной и внушительной форме лицензиатом. Карбахаль, как обычно, подшутил над всем происходящим. "Как долго, - спросил он своего спутника, - как ты думаешь, эти самые клятвы будут в силе?" Первый же ветер, который подует с побережья после того, как мы уйдем, развеет их по воздуху!" Его предсказание вскоре подтвердилось.

Тем временем Алдана бросил якорь недалеко от порта, где не было ни одного судна повстанцев, которое могло бы ему досаждать. По совету Сепеды незадолго до этого, во время отсутствия Карбахалья, было сожжено около четырех или пяти домов, чтобы лишить жителей возможности покинуть это место. По возвращении солдат-ветеран выразил глубокое сожаление по этому поводу. "Это уничтожало, - сказал он, - ангелов-хранителей Лимы".²⁰ И, конечно, при таком

командире они могли бы сейчас сослужить Писарро хорошую службу, но его звезда клонилась к закату.

Первым действием Алданы было приказать передать копию "полномочий Гаски", которая была ему доверена, своему древнему командиру, который с негодованием разорвал ее на куски. Затем Алдана ухитрился с помощью своих агентов распространить среди граждан и даже солдат лагеря президентские манифесты. Они не заставили себя долго ждать. Мало кто вообще был осведомлен об истинном смысле миссии Гаски, о масштабах его полномочий или о щедрых условиях, предложенных правительством. Они уклонялись от отчаянного пути, на который их таким образом неосторожно втянули, и искали только способ, которым они могли бы с наименьшей опасностью выпутаться из своего нынешнего положения и вернуться к своей верности. Некоторые сбежали ночью из лагеря, ускользнув от бдительности часовых, и скрылись на борту судов. Некоторые были схвачены и не нашли пощады в руках Карбахалья и его безжалостных министров. Но там, где царил дух недовольства, недостатка в средствах спасения не было.

Поскольку беглецы были отрезаны от Лимы и соседнего побережья, они прятались в лесах и горах и выжидали удобного случая, чтобы пробраться в Труксилью и другие порты на расстоянии; и этот пример был настолько заразительным, что нередко случалось, что к ним присоединялись те самые солдаты, посланные в погоню за дезертирами. Среди бежавших был лицензиат Карбахаль, которого не следует путать с его военным тезкой. Это был тот самый кавалерист, чей брат был казнен в Лиме Бласко Нуньесом и который отомстил за себя, как мы видели, обогрив свои руки кровью вице-короля. То, что человек, замешанный таким образом, должен надеяться на королевское помилование, показало, что никому не нужно отчаиваться в этом; и этот пример оказался самым катастрофическим для Писарро²¹.

Карбахаль, который подшучивал над всем, даже над теми несчастьями, которые мучили его сильнее всего, когда ему рассказывали о дезертирстве его товарищей, забавлялся, напевая слова популярной песенки:

"Ветер сдувает волосы с моей головы, мама; он сдувает их по два за раз!" 22

Но бегство его сторонников произвело на Писарро более глубокое впечатление, и он был глубоко огорчен, увидев, как доблестный строй, на который он так уверенно рассчитывал в своих битвах, растаял, как утренний туман. Сбитый с толку предательством тех, кому он больше всего доверял, он не знал, ни куда обратиться, ни какой курс избрать. Было очевидно, что он должен покинуть свое нынешнее опасное жилище, не теряя времени. Но куда он должен направить свои стопы? На севере крупные города отказались от его дела, и президент уже выступил против него; в то время как Сентено удерживал перевалы на юге с силами, вдвое превосходящими его собственные. В этой чрезвычайной ситуации он, наконец, решил занять Арекипу, морской порт, все еще верный ему, где он мог оставаться до тех пор, пока не примет решения о каком-либо дальнейшем направлении действий.

После болезненного, но быстрого марша Гонсало прибыл в это место, где к нему быстро присоединилось подкрепление, которое он выделил для восстановления Куско. Но дезертирство из обеих рот было настолько частым, — хотя в корпусе Писарро их значительно поубавилось после ухода из окрестностей Лимы, — что общая его численность не превышала пятисот человек, меньше половины тех сил, которые он так недавно собрал в столице. До таких

скромных условий теперь был доведен человек, который так недавно безраздельно властвовал на земле! И все же вождь не унывал. Возбужденный походом и расстоянием от Лимы, он воспрянул духом и, казалось, к нему вернулась прежняя уверенность, когда он воскликнул: "Именно несчастье учит нас, кто наши друзья. Если только десять человек останутся верны мне, не бойся, я снова стану хозяином Перу!" 23

Как только силы повстанцев были выведены из окрестностей Лимы, жители этого города, мало обеспокоенные, как и предсказывал Карбахаль, обязательными присягами на верность Писарро, распахнули свои ворота перед Алданой, который от имени президента захватил это важное место. Этот командующий тем временем отплыл со всем своим флотом из Панамы десятого апреля 1547 года. Первая часть его путешествия прошла благополучно, но вскоре он был сбит с толку встречными течениями, и погода стала бурной. Яростный шторм продолжался день за днем, море пришло в неистовство, и флот швыряло на волнах, которые вздымались высоко в горы, словно подражая дикому характеру местности, которую они пересекали. Дождь лил как из ведра, а молнии сверкали так непрерывно, что корабли, по живому выражению хрониста, "казалось, плывут по морям пламени!" 24 Сердца самых отважных моряков наполнились тревогой. Они считали безнадежной борьбу со стихией и громко требовали вернуться на континент и отложить путешествие до более благоприятного времени года.

Но президент увидел в этом крах своего дела, а также верных вассалов, которые после его высадки взялись его поддерживать. "Я готов умереть, - сказал он, - но не возвращаться"; и, невзирая на протесты своих наиболее робких последователей, он настаивал на том, чтобы поднимать столько парусов, сколько могли выдержать корабли, во время каждого шторма.²⁵ Тем временем, чтобы отвлечь умы моряков от грозившей им опасности, Гаска позабавил их, объяснив некоторые странные явления, проявленные океаном во время бури, которые наполнили их суеверные умы таинственным ужасом.²⁶

Кораблям были даны сигналы прокладывать наилучший путь, каждому самостоятельно, к острову Горгона. Сюда они прибыли один за другим, за единственным исключением, хотя все более или менее пострадали от непогоды. Президент дождался только, пока утихнет ярость стихии, после чего снова сел на корабль и по более спокойным водам переправился в Манту. Оттуда он вскоре продолжил свое путешествие в Тумбес и высадился в этом порту тринадцатого июня. Повсюду его принимали с энтузиазмом, и все, казалось, стремились стереть память о прошлом заверениями в будущей верности короне. Гаска также получил многочисленные поздравительные письма от кавалеристов внутренних войск, большинство из которых ранее служили под началом Писарро. Он вежливо поблагодарил их за предложения помощи и приказал им возвращаться в Кашамалку, обычное место встречи.

В это же самое место он отправил Инохосу, как только этот офицер сошел с сухопутных войск флота, приказав ему принять командование собранными там новобранцами, а затем присоединиться к нему в Ксауксе. Здесь он решил основать свою штаб-квартиру. Он располагался на богатой территории и благодаря своему центральному положению давал возможность действовать с наибольшим преимуществом против врага.

Затем он двинулся вперед во главе небольшого отряда кавалерии по ровной дороге на побережье в направлении Трухильо. Остановившись на короткое время в этом верном городе, он пересек горный хребет на юго-востоке и вскоре вступил в плодородную долину Хаукса. Там к нему вскоре присоединилось подкрепление с севера, а также из главных мест на побережье; и

вскоре после своего прибытия он получил сообщение от Сентено, сообщавшее ему, что он удерживает перевалы, по которым Гонсало Писарро готовится совершить побег из страны, и что вождь повстанцев скоро должен попасть в его руки.

Королевский лагерь был в большом восторге от этих известий. Таким образом, война, наконец, была прекращена, и это без того, чтобы президенту пришлось поднять свой меч против испанца. Несколько его советников теперь советовали ему распустить большую часть своих войск, поскольку это было обременительно и больше не было необходимости. Но президент был слишком мудр, чтобы ослаблять свои силы до того, как он добьется победы. Однако он согласился отменить требование о взимании налогов с Мексики и прилегающих колоний, поскольку теперь достаточно уверен в общей лояльности страны. Но, сосредоточив свои силы в Ксауксе, он обосновался в этом городе, как и намеревался вначале, решив дожидаться там известий об операциях на юге. Результат отличался от того, что он ожидал.²⁷

Тем временем Писарро, которого мы оставили в Арекипе, после долгих раздумий решил покинуть Перу и перебраться в Чили. На этой территории, за пределами юрисдикции президента, он мог бы найти безопасное убежище, непостоянный народ, думал он, скоро устанет от своего нового правителя; и тогда он соберет достаточно сил, чтобы возобновить активные операции по восстановлению своих владений. Таковы были расчеты вождя мятежников. Но как он мог достичь своей цели, в то время как перевалы среди гор, куда пролегал его маршрут, удерживались Сентено силами, более чем вдвое превосходящими его собственные? Он решил попробовать переговоры, поскольку этот капитан когда-то служил под его началом и действительно принимал самое активное участие в том, чтобы убедить Писарро взять на себя должность прокуратора. Продвигаясь, соответственно, в направлении озера Титикака, по соседству с которым Сентено разбил свой лагерь, Гонсало отправил к себе эmissара для начала переговоров. Он напомнил своему противнику о дружеских отношениях, которые когда-то существовали между ними, и напомнил ему, в частности, об одном случае, когда он сохранил ему жизнь, когда его обвинили в заговоре против него самого. По его словам, он не питал никаких недобрых чувств к недавнему поведению Сентено и пришел сюда не для того, чтобы затевать с ним ссору. Его целью было покинуть Перу, и единственное одолжение, о котором он мог попросить своего бывшего компаньона, - это предоставить ему свободный переход через горы.

На это сообщение Сентено ответил в выражениях столь же учтивых, как и у самого Писарро, что он не забывает об их древней дружбе. Теперь он был готов служить своему бывшему командиру любым способом, не противоречащим чести или повиновению своему суверену. Но он был там с оружием в руках во имя королевского дела и не мог уклониться от своего долга. Если бы Писарро только положился на свою веру и сдался, он дал бы рыцарское слово использовать все свои интересы в отношениях с правительством, чтобы обеспечить себе и его последователям такие же благоприятные условия, какие были предоставлены остальным их соотечественникам. Гонсало выслушал льстивые обещания своего старого товарища с горьким презрением, отразившимся на его лице, и, выхватив письмо из рук секретаря, с негодованием отбросил его от себя. Не оставалось ничего, кроме призыва к оружию.²⁸

Он немедленно свернул свой лагерь и направил свой марш к берегам озера Титикака, близ которого лежал его соперник. Однако он прибегнул к хитрости, чтобы по возможности избежать

встречи. Он выслал вперед своих разведчиков в направлении, отличном от того, которое намеревался избрать, а затем ускорил свой марш на Хуарину. Это был маленький городок, расположенный на юго-восточной оконечности озера Титикака, берега которого, очага примитивной цивилизации инков, вскоре должны были огласиться кровопролитной борьбой их более цивилизованных завоевателей!

Но о передвижениях Писарро было тайно сообщено Сентено, и этот командир, соответственно, изменив направление, занял позицию недалеко от Хуарины в тот же день, когда Гонсало достиг этого места. Видеозаписи из двух лагерей появились друг у друга в поле зрения в тот вечер, и противоборствующие силы, сложив оружие, приготовились к бою на следующее утро.

Это было двадцать шестого октября 1547 года, когда два командующих, построив свои войска в боевом порядке, двинулись на встречу на равнинах Хуарина. Местность, защищенная с одной стороны отвесным отрогом Анд, а с другой - недалеко от вод Титикаки, представляла собой открытую и ровную равнину, хорошо подходящую для военных маневров. Казалось, это было подготовлено Природой как ристалище для встречи.

Армия Сентено насчитывала около тысячи человек. Его кавалерия насчитывала около двухсот пятидесяти человек, хорошо экипированных и верховых. Среди них было несколько знатных семейств, некоторые из которых когда-то встали под знамена Писарро; все они составляли боеспособный отряд, в котором служили одни из лучших копейщиков Перу. Его аркебузиры были менее многочисленны, не более ста пятидесяти человек, безразлично снабженных боеприпасами. Остальная и гораздо большая часть армии Сентено состояла из копейщиков, наспех сколоченных нерегулярных отрядов, не отличавшихся высокой дисциплиной.²⁹

Этот пехотный корпус составлял центр его линии, с флангов его двумя почти равными дивизиями аркебузирова, в то время как его кавалерия также располагалась двумя отрядами на правом и левом флангах. К несчастью, Сентено всю прошлую неделю болел плевритом — настолько сильно, что накануне у него несколько раз пускали кровь. Теперь он был слишком слаб, чтобы держаться в седле, но его несли на носилках, и когда он увидел, что его люди выстроились в боевой порядок, он отошел на некоторое расстояние от поля боя, не в силах принимать участие в сражении. Но Солано, воинственный епископ Куско, который вместе с несколькими своими последователями участвовал в сражении, — обстоятельство, в сущности, не удивительное, — проехал вдоль рядов с распятием в руке, благословляя солдат и призывая каждого выполнять свой долг.

Силы Писарро составляли менее половины сил его противника, не превышая четырехсот восьмидесяти человек. Всего в коннице было не более восьмидесяти пяти человек, и он разместил их единым строем справа от своего батальона. Сила его армии заключалась в его аркебузировах, числом около трехсот пятидесяти человек. Это был замечательный корпус под командованием Карбахалья, который тщательно обучил его. Учитывая превосходство его вооружения и основательную дисциплину, этот небольшой отряд пехоты можно было считать цветком перуанской армии, и на него Писарро в основном полагался в успехе дня.³⁰ Остальные свои силы, состоявшие из пикинеров, не внушавших страха своей численностью, хотя, как и остальная пехота, подчинявшихся отличной дисциплине, он расположил слева от своих мушкетеров, чтобы отразить натиск неприятельской конницы.

Сам Писарро командовал кавалерией, заняв свое место, как обычно, в первом ряду. Он был великолепно экипирован. Поверх сверкающей кольчуги на нем был строгий жилет из полосатого бархата насыщенного малинового цвета; и он ехал верхом на отважном коне, чьи яркие доспехи в сочетании с эффектной ливреей всадника делали бесстрашного командира самым заметным объектом на поле боя.

Его лейтенант Карбахаль был экипирован совсем в другом стиле. На нем были непробиваемые доспехи самого невзрачного вида, но прочные и исправные; а его стальная шляпа с плотно закрытым козырьком из того же материала защитила его голову в тот день не от одного отчаянного удара. Через руки у него был перекинут плащ зеленоватого цвета, и он ехал верхом на подвижной дженнет с крепким костяком, которая, хотя и была способна переносить усталость, не обладала ни грацией, ни красотой. Нелегко было бы отличить ветерана от самого заурядного кавалера.

Оба воинства оказались на расстоянии шестисот шагов друг от друга, когда оба остановились. Карбахаль предпочел принять атаку противника, а не продвигаться дальше; поскольку местность, которую он теперь занимал, предоставляла свободное поле для стрельбы, не защищенное деревьями или кустарниками, которые росли на некоторых других участках поля. Кроме того, существовал особый мотив для сохранения его нынешнего положения. Солдаты были нагружены, у кого по две, у кого по три аркебузы у каждого, - оружие, оставленное теми, кто время от времени покидал лагерь. Этот необычный запас мушкетов, каким бы серьезным препятствием на марше он ни был, мог дать большое преимущество войскам, ожидающим атаки; поскольку из-за несовершенства знаний о огнестрельном оружии, а также его конструкции в те дни было потрачено много времени на его зарядание.³¹

Поэтому, предпочитая, чтобы враг начал атаку, Карбахаль остановился, в то время как противоположный эскадрон, после короткой передышки, продолжил свое продвижение на сотню шагов дальше. Видя, что они тогда остались неподвижны. Карбахаль выдвинул небольшой отряд стрелков вперед, чтобы спровоцировать их; но вскоре с ним столкнулся такой же отряд противника, и они обменялись несколькими выстрелами, хотя и с небольшим ущербом для обеих сторон. Обнаружив, что этот маневр не удался, ветеран приказал своим людям продвинуться на несколько шагов, все еще надеясь спровоцировать противника на атаку. Это удалось. "Мы теряем честь", - воскликнули солдаты Сентено, которые с ублюдошной рыцарственностью, присущей недисциплинированным войскам, считали позором ожидать нападения. Напрасно офицеры призывали их оставаться на своем посту. Их командир отсутствовал, и их подгоняли крики обезумевшего монаха по имени Даминго Руис, который, полагая, что филистимляне попали в их руки, крикнул: "Сейчас самое время! Вперед, вперед, обрушивайтесь на врага!"³² Дальше ничего не требовалось, и люди бросились вперед в бешеной спешке, пикинеры несли свое направленное оружие так небрежно, что мешали друг другу, а в некоторых случаях ранили своихтоварищей. В то же время мушкетеры, продвигаясь вперед, вели беспорядочный огонь, который, судя по их быстрому движению и расстоянию, не принес результата.

Карбахаль был очень доволен, видя, что его враги таким образом тратят впустую свои боеприпасы, хотя он позволил разрядить несколько мушкетов, но, чтобы еще больше раззадорить своих противников, он приказал большей части своей пехоты вести огонь до тех пор, пока каждый выстрел не возымеет эффекта. Поскольку он знал склонность стрелков

стрелять выше цели, он приказал своим людям целиться в пояс или даже немного ниже него; добавив, что выстрел, который не попал в цель, все равно может нанести урон, в то время как выстрел, прошедший на волосок выше головы, был потрачен впустую.³³

Рота ветеранов стояла спокойно и непоколебимо, в то время как рота Сентено быстро продвигалась вперед; но когда последний оказался в сотне шагов от своих противников, Карбахаль отдал приказ стрелять. Мгновенный залп пробежал вдоль линии, и град пуль обрушился на ряды нападавших с такой безошибочной точностью, что более сотни человек упали замертво на поле, в то время как еще большее число было ранено. Прежде чем они успели оправиться от охватившего их беспорядка, люди Карбахалья, подхватив оставшиеся у них ружья, с таким же ужасающим эффектом разрядили их в гущу врага. Замешательство последних было теперь полным, они не могли выдержать непрекращающегося дождя ядер, которые сыпались на них из-за рассеянного огня, поддерживаемого аркебузирами, их охватила паника, и они бежали с поля боя, почти не пытаясь продолжать бой.

Но совсем иначе сложилась судьба того дня в кавалерийском бою. Гонсало Писарро расположил свой отряд несколько позади правого фланга Карбахалья, чтобы дать последнему более свободное поле для стрельбы из мушкетов. Когда конница противника слева бодро поскакала на него, Писарро, все еще отдававший предпочтение Карбахалю, — огонь которого, к тому же, нанес нападавшим некоторый урон, — продвинулся всего на несколько шагов, чтобы принять атаку. Эскадрон Сентено, соответственно, с грохотом двинулся вперед во весь опор и, несмотря на ущерб, причиненный вражеским ружейным огнем, с такой яростью обрушился на своих противников, что опрокинул их, людей и лошадей, в пыль; "проехав по их распростертым телам, - говорит историк, - как если бы они были стадом овец!" ³⁴ Последние, с большим трудом оправившись от первого шока, попытались сплотиться и выдержать бой на более равных условиях.

Однако вождь не смог вернуть утраченные позиции. Его люди были отброшены назад на всех участках. Многие были убиты, еще больше ранено с обеих сторон, и земля была покрыта мертвыми телами людей и лошадей. Но самые тяжелые потери пришлось на отряд Писарро, и большая часть тех, кто остался жив, были вынуждены сдаться в плен. Сепеда, сражавшийся с яростью отчаяния, получил сильный удар саблей по лицу, который вывел его из строя и вынудил сдаться.³⁵ Писарро, увидев, как вокруг него пали его лучшие и храбрейшие товарищи, был атакован сразу тремя или четырьмя кавалерами. Выйдя из схватки, он пришпорил своего коня, и благородное животное, истекающее кровью из тяжелой раны на спине, обогнало всех своих преследователей, кроме одного, который остановил его, схватив за уздечку. Гонсало пришлось бы туго, но, схватив легкий боевой топор, висевший у него на боку, он нанес такой удар по голове коня своего врага, что тот сильно дернулся и вынудил своего всадника ослабить хватку. Несколько аркебузирова тем временем, видя отчаяние Писарро, бросились ему на помощь, убили двух нападавших, которые теперь поравнялись с ним, и вынудили остальных, в свою очередь, обратиться в бегство.³⁶

Разгром кавалерии был полным, и Писарро счел день проигранным, услышав, как вражеская труба возвестила о победе. Но едва звуки затихли вдаль, как их подхватила противоположная сторона. Пехота Сентено, как мы видели, была сбита с толку и оттеснена с местности. Но его кавалерия справа атаковала левую часть Карбахалья, состоящую из копейщиков вперемешку с аркебузирами. Конница поскакала прямо на эту грозную фалангу. Но они не смогли прорваться

сквозь плотный строй пик, удерживаемых твердыми руками солдат, которые твердо и бесстрашно стояли на своем посту; в то же время нападавшие были сильно раздражены язвительным огнем аркебузирова в тылу копейщиков. Поняв, что пробить брешь практически невозможно, всадники в большом беспорядке объехали фланги и, наконец, соединились с победоносным эскадроном кавалерии Сентено в тылу. Теперь обе стороны предприняли еще одну атаку на батальон Карбахалья. Но его люди сражались с быстротой и дисциплиной хорошо обученных солдат, тыл был превращен в фронт. Тот же лес копий был выставлен для атаки, в то время как непрерывный обстрел шарами наказал дерзость кавалеристов, которые, сломленные и совершенно обескураженные своей безуспешной попыткой, в конце концов последовали примеру охваченной паникой пехоты и покинули поле боя.

Писарро и несколько его товарищей, все еще годных к бою, продолжили преследование лишь на небольшом расстоянии, поскольку, действительно, сами они были не в состоянии и недостаточно многочисленны, чтобы продолжать его долго. Победа была полной, и вождь повстанцев завладел опустевшими палатками врага, где была получена огромная добыча серебром;³⁷ и где он также нашел столы, накрытые для угощения солдат Сентено после их возвращения с поля боя. Они были так уверены в успехе! Трапеза теперь удовлетворяла потребности их победителей. Такова удача войны! Это было действительно самое решительное действие; и было замечено, как Гонсало Писарро, проезжая по полю, усеянному трупами его врагов, несколько раз перекрестился и воскликнул: "Господи Иисусе! Какая победа!"

Не менее трехсот пятидесяти последователей Сентено были убиты, а число раненых было еще больше. Подсчитано, что более сотни из них погибли от переохлаждения в течение следующей ночи; ибо, хотя климат в этом возвышенном регионе умеренный, все же ночные ветры, дующие над горами, резкие и пронизывающие, и многие раненые несчастные, которые могли бы выздороветь при тщательном лечении, замерзли от сырости и на рассвете обнаружили окоченевший труп. Победа была приобретена не без тяжелых потерь со стороны победителей, сотня или более из которых остались на поле боя. Их тела толстым слоем лежали на том участке земли, который занимала кавалерия Писарро, где битва была самой жаркой. На этом узком пространстве были найдены также тела более сотни лошадей, большая часть которых, а также тела их всадников, обычно убитых вместе с ними, принадлежали победоносной армии. Это была самая роковая битва, которая когда-либо велась на залитой кровью земле Перу.³⁸

Славу того дня — печальную славу — следует отнести почти полностью к Карбахалью и его доблестной эскадрилье. Разумные действия старого воина в сочетании с тщательной дисциплиной и непоколебимым мужеством его последователей восстановили успех сражения, когда оно было почти проиграно кавалерией, и обеспечили победу.

Карбахаль, неуязвимый для любой усталости, продолжил преследование с теми из своих людей, которые были в состоянии присоединиться к нему. Те несчастные беглецы, которые попадали к нему в руки — большинство из которых были предателями дела Писарро, — были приговорены к немедленной казни. Лавры, которые он завоевал, сражаясь с такими же храбрыми воинами, как и он сам, были запятнаны жестокостью по отношению к своим незащитным пленникам. Их командиру Сентено повезло больше, и он сбежал. Сочтя битву проигранной, он покинул свои носилки, вскочил на коня и, несмотря на свою болезнь, подгоняемый ужасной судьбой, которая ожидала его в случае пленения, сумел пробиться в соседнюю сьерру. Здесь он скрылся от своих преследователей, и, подобно раненому оленю,

когда погоня шла по его следу, он все еще ухитрялся ускользать от нее, ныряя в глубину лесов, пока кружным путем ему чудесным образом не удалось скрыться в Лиме. Епископу Куско, который отправился в другом направлении, повезло не меньше. Счастье за него, что он не попал в руки безжалостного Карбахалья, который, поскольку епископ когда-то был сторонником Писарро, то, судя по тому малому уважению, которое он обычно проявлял к людям своего сословия, приговорил бы его к виселице так же мало угрызений совести, как если бы он был самым подлым из рядовых.³⁹

На следующий день после сражения Гонсало Писарро приказал сложить тела солдат, все еще лежавших бок о бок на поле боя, где они так недавно вместе сражались в смертельной схватке, в общую могилу. Те, кто был выше по званию — ибо знаки отличия не должны были быть забыты в могиле — были перенесены в церковь деревни Хуарина, которая дала название битве. Там они были погребены со всей подобающей торжественностью. Но в более поздние времена их перевезли в кафедральный собор Ла-Паса, "Города мира", и положили под мавзолей, воздвигнутый по всеобщей подписке в этом квартале. Ибо мало кому не пришлось оплакивать потерю кого-нибудь из друзей или родственников в тот роковой день.

Теперь победитель воспользовался своим успехом, отправив отряды в Арекипу, Ла-Плату и другие города в этой части страны, чтобы собрать средства и подкрепления для войны. Его собственные потери были более чем компенсированы количеством побежденных, которые были согласны служить под его знаменами. Собрав свои силы, он направил свой марш на Куско, столица которого, хотя иногда и соблазнялась демонстрацией лояльности короне, рано проявила преданность его делу.

Здесь жители были готовы встретить его с триумфом, под арками, перекинутыми через улицы, с музыкальными оркестрами и менестрелями, прославляющими его успехи. Но Писарро, проявив большую осмотрительность, отказался от почестей в виде оаций, пока страна оставалась в руках его врагов. Отправив вперед основную часть своих войск, он последовал пешком в сопровождении небольшой свиты друзей и горожан и сразу же направился в собор, где были вознесены благодарственные возгласы и пропели *Te Deum* в честь его победы. Затем он удалился в свою резиденцию, объявив о своем намерении обосноваться на данный момент в почтенной столице инков.⁴⁰

Все мысли об отступлении в Чили были оставлены, ибо недавний успех зажег в его груди новые надежды и возродил былую уверенность. Он надеялся, что это окажет аналогичное воздействие на неустойчивый нрав тех, чья верность была поколеблена опасениями за собственную безопасность и их недоверием к его способности справиться с президентом. Теперь они увидят, что его звезда все еще находится на восходе. Не опасаясь дальнейших событий, он решил остаться в Куско и там спокойно ожидать часа, когда последний призыв к оружию решит, кто из двоих останется хозяином Перу.

Книга 5

Глава 3

Смятение в лагере Гаски—Его Зимние квартиры —Возобновляет марш—Бросок—Пересекает Апуримак—Поведение Писарро В Куско—Он становится лагерем Недалеко от города-Разгром Хакишагуаны

Пока происходили события, описанные в предыдущей главе, президент Гаска оставался в Саксе, ожидая дальнейших известий из Сентено, почти не сомневаясь, что они сообщат ему о полном поражении повстанцев. Поэтому велико было его смятение, когда он узнал о роковом конфликте в Хаурине, о том, что роялисты были рассеяны повсюду под ударами меча Писарро, в то время как их командир исчез, как привидение,¹ оставив величайшую неопределенность относительно своей судьбы.

Это известие вызвало всеобщий ужас среди солдат, пропорциональный их прежней уверенности; и они почувствовали, что почти безнадежно бороться с человеком, который, казалось, был защищен обаянием, делавшим его неуязвимым в самых сложных условиях. Президент, каким бы сильным ни было его разочарование, тщательно скрывал его, в то время как пытался поднять дух своих последователей. "Они были слишком оптимистичны, - сказал он, - и именно таким образом Небеса упрекнули их в упорстве. И все же это был всего лишь обычный ход событий, когда Провидение, намереваясь смирить виновного, позволило ему достичь как можно большего возвышения, чтобы его падение было еще более значительным!"

Но в то время как Гаска таким образом старался успокоить суеверных и робких, он с присущей ему энергией стремился возместить ущерб, нанесенный делу поражением при Хуарине. Он послал отряд под командованием Альварадо в Лиму, чтобы собрать тех роялистов, которые бежали туда с поля битвы, разобрать с кораблей их пушки и доставить их в лагерь. Другой отряд был отправлен в Гуамангу, примерно в шестидесяти лигах от Куско, с аналогичной целью - защитить беглецов, а также помешать индейским касикам доставлять припасы повстанческой армии в Куско. Поскольку его собственные силы теперь были значительно больше, чем мог выставить против него любой его противник, Гаска решил без дальнейших промедлений свернуть свой лагерь и двинуться на столицу инков.²

Покинув Шаксу 29 декабря 1547 года, он прошел через Гуамангу и после тяжелого перехода, особенно утомительного из-за плохой погоды и плохих дорог, вступил в провинцию Андагуайлас. Это была прекрасная и плодородная страна, и поскольку дорога за ней уводила в глубины мрачной сьерры, едва проходимой в зимние снега, Гаска решил остаться в своем нынешнем жилище до тех пор, пока суровость сезона не спадет. Поскольку многие военнослужащие уже заразились болезнями из-за непрекращающихся дождей, он организовал походный госпиталь; и добрый президент лично посещал помещения для больных, помогая им в их нуждах и завоевывая их сердца своим сочувствием.³

Тем временем королевский лагерь укреплялся благодаря постоянному прибытию подкреплений; ибо, несмотря на шок, который вызвали по всей стране первые известия о победе Писарро, небольшое размышление убедило народ в том, что правые сильнее и в конце концов должны восторжествовать. С этими новобранцами прибыли также несколько самых выдающихся капитанов страны. Сентено, горя желанием вернуть свою недавнюю опалу, оправившись от болезни, присоединился к лагерю вместе со своими последователями из Лимы. Беналькасар, завоеватель Кито, который, как помнит читатель, участвовал в поражении Бласко Нуньеса на севере, прибыл с другим отрядом; вскоре за ним последовал Вальдивия, знаменитый завоеватель Чили, который, вернувшись в Перу, чтобы набрать рекрутов для своей экспедиции, узнал о положении в стране и без колебаний встал на одну доску с президентом, хотя это и привело его к столкновению со своим старым другом и соратником Гонсало Писарро.

Прибытие этого последнего союзника было встречено лагерем всеобщей радостью; ибо Вальдивия, прошедший подготовку в итальянских войнах, считался самым опытным солдатом в Перу; и Гаска сделал ему комплимент, заявив, что "предпочел бы видеть его, чем подкрепление в восемьсот человек!" 4

Помимо этих воинственных вспомогательных сил, президента сопровождал целый поезд священнослужителей и гражданских лиц, каких редко встретишь на полях сражений Перу. Среди них были епископы Кито, Куско и Лимы, четверо судей новой Аудитории, а также значительное число церковников и монахов-миссионеров.⁵ Как бы мало они ни служили для укрепления его руки в битве, их присутствие придавало делу авторитет и нечто вроде священного характера, что оказывало их влияние на умы солдат.

Зимний сезон теперь начал уступать место мягкому влиянию весны, которая рано дает о себе знать в этих тропических, но, судя по высоте, умеренных регионах; и Гаска, после почти трехмесячного заключения в Андагуайласе, собрал своих рекрутов для последнего похода на Куско.⁶ Вся их численность немногим дотягивала до двух тысяч - крупнейшего европейского отряда, когда-либо собранного в Перу. Почти половина была снабжена огнестрельным оружием; и пехота была более доступна, чем конница в горных странах, которые им предстояло пересечь. Но его кавалерия также была многочисленна, и он нес с собой обоз из одиннадцати тяжелых орудий. Оснащение и дисциплина войск были хорошими; они были хорошо обеспечены боеприпасами и военными припасами; ими руководили офицеры, чьи имена были связаны с самыми запоминающимися достижениями в Новом Мире. Короче говоря, все, кто был действительно заинтересован в благополучии страны, стояли под знаменем президента, составляя разительный контраст с дикими и безрассудными авантюристами, которые теперь пополнили ряды Писарро.

Гаска, который не претендовал на большее знание военного дела, чем у него было на самом деле, передал командование своими войсками Инохосе, назначив маршала Альварадо вторым по старшинству. Вальдивия, прибывший после того, как были составлены эти распоряжения, принял чин полковника с пониманием того, что с ним будут консультироваться и использовать его по всем насущным вопросам.⁷—Завершив приготовления, президент в марте 1548 года свернул свой лагерь и двинулся на Куско.

Первым препятствием на пути его продвижения была река Абанкай, мост через которую был разрушен противником. Но так как на противоположном берегу не было сил, способных досаждать им, армия не заставила себя долго ждать, подготовив новый мост и перебросив его через ручей, который в этом месте не имел ничего грозного по своему характеру. Теперь дорога вела в самое сердце горного региона, где леса, обрывы и овраги смешивались друг с другом в каком-то хаотичном беспорядке, а кое-где виднелись зеленые и защищенные долины, сверкающие, как островки зелени среди диких волнующегося океана! Отважные вершины Анд, возвышающиеся далеко над облаками, были покрыты снегом, который, спускаясь далеко по их склонам, придавал пронизывающий холод ветрам, проносившимся над их поверхностью, пока люди и лошади не окоченели под их воздействием. Дороги в этих регионах были в некоторых местах настолько узкими и разбитыми, что были почти непроходимы для кавалерии. Кавалеры были вынуждены спешиться, и президент вместе с остальными совершил пешее путешествие, настолько опасное, что даже в более поздние времена не было ничего необычного в том, что мул с грузом серебра падал на тысячи футов вниз по отвесным склонам пропасти.⁸

Из-за этих наземных препятствий марш был настолько замедлен, что войска редко проходили более двух лиг в день.⁹ К счастью, расстояние было невелико, и президент с большим опасением смотрел на переправу через Апуримак, к которой он теперь приближался. Эта река, один из самых грозных притоков Амазонки, катит свои широкие воды по ущельям Кордильер, которые вздымаются подобно огромному каменному валу с обеих сторон, представляя собой естественную преграду, которую врагу было бы легко преодолеть против сил, намного превосходящих его собственные. Мосты через эту реку, как узнал Гаска перед своим отъездом из Андагуайласа, были полностью разрушены Писарро. Президент, соответственно, послал разведать берега ручья и определить наиболее подходящее место для восстановления связи с противоположным берегом.

Выбранное место находилось недалеко от индейской деревни Котапампа, примерно в девяти лигах от Куско; река, хотя и быстрая и бурная из-за того, что была сжата в более узких пределах, была здесь менее двухсот шагов в ширину; расстояние, однако, немалое. Были даны указания как можно скорее собрать материалы в больших количествах поблизости от этого места; и в то же время, чтобы сбить противника с толку и вынудить его разделить свои силы, если он будет расположен сопротивляться, материалы в меньших количествах были собраны на трех других участках реки. Офицеру, дислоцированному в окрестностях Котапампы, было приказано не приступать к прокладке моста до прибытия достаточных сил, которые должны были ускорить работу и обеспечить ее успех.

Следует помнить, что рассматриваемое сооружение было одним из тех подвесных мостов, которые раньше использовались инками и до сих пор используются для пересечения глубоких и бурных рек Южной Америки. Они сделаны из ивовых прутьев, скрученных в огромные тросы, которые, будучи протянуты через воду, прикрепляются к тяжелым блокам каменной кладки или, там, где это пригодится, к природному камню. Поперек этих тросов поперечно укладываются доски, и таким образом обеспечивается проход, который, несмотря на легкий и хрупкий вид моста, поскольку он раскачивается на высоте иногда нескольких сотен футов над пропастью, обеспечивает относительно безопасное средство передвижения для людей и даже для такой тяжелой ноши, как артиллерия.¹⁰

Несмотря на безапелляционные приказы Гаски, офицеру, которому было поручено собирать материалы для строительства моста, так хотелось иметь честь завершить работу самому, что он немедленно приступил к ней. Президент, крайне недовольный, узнав об этом, ускорил свой марш, чтобы прикрыть работу всеми своими силами. Но во время пробирания по горному лабиринту ему сообщили, что отряд противника разрушил небольшую часть уже построенного моста, перерезав тросы на противоположном берегу. Вальдивия, соответственно, поспешил вперед во главе двухсот аркебузирив, в то время как основная часть армии следовала за ним со всей возможной скоростью.

Этот офицер, прибыв на место, обнаружил, что помеха была вызвана небольшим отрядом последователей Писарро, числом не более двадцати, которым помогал более сильный отряд индейцев. Он немедленно распорядился раздобыть в округе бальсы, широкие и неуклюжие барки, или, скорее, плоты, и таким образом без сопротивления переправил своих людей на другой берег реки. Противник, сбитый с толку прибытием таких сил, отступил и сделал все возможное, чтобы доложить о случившемся своему командиру в Куско. Тем временем Вальдивия, понимавший важность каждого момента в условиях нынешнего кризиса, продвигал

работу с величайшей энергией. Всю ту ночь его измученные войска продолжали работу, которая уже значительно продвинулась вперед, когда президент и его батальоны, выйдя из перевалов Кордильер, на рассвете появились на противоположном берегу.

На отдых было отведено мало времени, поскольку все были уверены, что успех их предприятия зависит от короткой передышки, предоставленной им теперь недалёковидным врагом. Президент со своими главными офицерами участвовал в сражении вместе с простыми солдатами; 11 и к десяти часам вечера Гаска с удовлетворением увидел, что мост настолько хорошо укреплен, что передовые отряды армии, не обремененные своим багажом, могли рискнуть перейти его. Короткого времени хватило, чтобы перебросить несколько сотен человек на другой берег. Но здесь перед войсками возникло новое затруднение, не менее грозное, чем на реке. Земля поднималась резким, почти отвесным валом со стороны реки, пока на самых высоких вершинах не достигала высоты в несколько тысяч футов. Теперь предстояло преодолеть этот крутой подъем, хотя и не на полную высоту. Трудности местности, изрезанной страшными пропастями и водотоками и заросшей густыми зарослями, значительно увеличивались из-за ночной темноты; и солдаты, медленно поднимаясь наверх, были полны опасений, сродни страху, из-за неуверенности, не приведет ли их каждый последующий шаг в засаду, для которой местность была столь благоприятна. Не раз испанцы впадали в панику из-за ложных сообщений о том, что враг приближается к ним. Но Инохоса и Вальдивия были рядом, чтобы сплотить своих людей и подбадривать их, пока, наконец, еще до рассвета отважные кавалеристы и их сторонники не заняли позицию на самой высокой точке, через которую проходила дорога, где они ожидали прибытия президента. Это не заставило себя долго ждать, и в течение следующего утра у роялистов было уже достаточно сил, чтобы бросить вызов своему врагу.

Переправа через реку была осуществлена с меньшими потерями, чем можно было ожидать, учитывая темноту ночи и количество людей, столпившихся на воздушной дамбе. Несколько человек, действительно, упали в воду и утонули; и более шестидесяти лошадей, пытавшихся переплыть реку вплавь, были унесены течением и разбиты о скалы внизу. 12. Все еще требовалось время, чтобы подвести тяжелый обоз с боеприпасами и военные повозки; и президент расположился лагерем на укрепленном участке, который он теперь занимал, чтобы дожидаться их прибытия и перевести дух своим войскам после их экстраординарных усилий. На этом мы должны его оставить, чтобы познакомить читателя с положением дел в армии повстанцев и с причиной ее странной небрежности в охране перевалов Апуримака. 13

Со времени оккупации Писарро Куско он жил в беззаботной роскоши среди своих последователей, подобно солдату удачи в час процветания; наслаждаясь настоящим, так же мало заботясь о будущем, как если бы корона Перу уже была безвозвратно возложена на его голову. С Карбахалем все было иначе. Он рассматривал победу при Хуарине как начало, а не завершение борьбы за империю; и он был неутомим в том, чтобы привести свои войска в наилучшие условия для сохранения их нынешнего преимущества. С первыми лучами рассвета можно было увидеть, как ветеран верхом на своем муле, в одежде и с видом простого солдата, разъезжает по разным кварталам столицы, иногда руководя изготовлением оружия или снабжая военные припасы, а иногда обучая своих людей, поскольку он всегда следил за соблюдением строжайшей дисциплины. 14 Его беспокойный дух, казалось, не находил иного удовольствия, кроме как в непрестанном действии; живя, как и всегда, в суматохе военных

приключений, он не испытывал пристрастия ни к чему, не связанному с войной, и в городе видел только материалы для хорошо организованного лагеря.

С этими чувствами он был очень недоволен поведением своего младшего командира, который теперь заявил о своем намерении оставаться там, где он был, и, когда враг приблизится, дать ему бой. Карбахаль посоветовал совсем иную политику. Казалось бы, он не был так уж полностью уверен в лояльности приверженцев Писарро, по крайней мере, тех, кто когда-то шел под знаменем Сентено. Эти люди, числом около трехсот человек, были в некотором роде вынуждены поступить на службу к Писарро. Они не проявили энтузиазма по отношению к делу, и ветеран настоятельно призвал своего командира немедленно распустить их, поскольку гораздо лучше идти в бой с несколькими верными последователями, чем с толпой лживых и малодушных.

Но Карбахаль также считал, что его лидер недостаточно силен численно, чтобы противостоять своему противнику, несмотря на то, что его поддерживали лучшие капитаны Перу. Соответственно, он посоветовал ему покинуть Куско, забрав из города все сокровища, провизию и всевозможные припасы, которые могли каким-либо образом удовлетворить потребности роялистов. Последние по прибытии, разочарованные бедностью места, где они ожидали найти так много добычи, испытывали отвращение к службе. Писарро, тем временем, мог укрыться со своими людьми в соседних крепостях, где, зная местность, было бы легко ускользнуть от врага; и если бы последний упорствовал в преследовании, имея численность, уменьшенную дезертирством, на горных перевалах было бы нетрудно найти возможность атаковать его с выгодой для себя.— Таков был осторожный совет старого воина. Но это было не по вкусу его пламенному командиру, который предпочитал рисковать в битве, а не поворачиваться спиной к врагу.

Также Писарро не проявил большей благосклонности к предложению, как говорят, сделанному лиценциатом Сепедой, — воспользоваться своим недавним успехом для вступления в переговоры с Гаской. Такой совет от человека, который так недавно сопротивлялся всем попыткам президента, мог исходить только из убеждения, что недавняя победа предоставила Писарро выгодное положение для того, чтобы потребовать гораздо лучших условий, чем те, которые были ему предоставлены до этого. Возможно, последующий опыт также заставил его усомниться в преданности последователей Гонсало или, возможно, в способности их руководителя провести их через нынешний кризис. Какими бы ни были мотивы скользкого советника, Писарро не обратил внимания на это предложение и даже выказал некоторое негодование, поскольку на него давили. В каждом соревновании, с индийцем или европейцем, каковы бы ни были шансы, он выходил победителем. Теперь он не в первый раз впадал в уныние и решил остаться в Куско и рискнуть всем в случае сражения. В самом риске было что-то подкупающее в его смелом и рыцарском нраве. В этом его также поддерживали некоторые кавалеры, которые следовали за ним на протяжении всего его состояния; безрассудные молодые авантюристы, которые, как и он сам, скорее рискнули бы всем ради одного броска костей, чем приняли бы осторожную и, как казалось им, робкую политику более серьезных советников. Таким образом, именно с помощью таких советников должен был определяться будущий курс Писарро.¹⁵

Таково было положение дел в Куско, когда солдаты Писарро вернулись с известием, что отряд противника переправился через Апуримак и был занят восстановлением моста. Карбахаль

сразу понял абсолютную необходимость сохранения этого пропуска. "Это мое дело", - сказал он. "Я утверждаю, что работаю на этой службе. Дайте мне всего сотню отборных людей, и я отправлюсь защищать перевал от целой армии и верну капеллана — так звали президента в лагере повстанцев - пленника в Куско".¹⁶ "Я не могу пощадить вас, отец", - сказал Гонсало, обращаясь к нему с нежностью, которую он обычно применял к своему пожилому последователю,¹⁷ "Я не могу оставить вас так далеко от моей персоны"; и он передал поручение Хуану де Акосте, молодому кавалеру, горячо привязанному к своему командиру и оказавшему несомненные услуги. неоднократно свидетельствовал о своей доблести, но которому, как показали события, явно не хватало качеств, требуемых для столь важного предприятия, как нынешнее. Акоста, соответственно, был поставлен во главе двухсот конных мушкетеров и, после долгих полезных советов Карбахалья, отправился в свой поход.

Но вскоре он забыл совет ветерана и двигался таким унылым шагом по труднопроходимым дорогам, что, хотя расстояние составляло не более девяти лиг, по прибытии он обнаружил, что мост закончен и такие большие силы противника уже переправились, что у него не было сил атаковать их. Акоста действительно планировал устроить засаду ночью; но этот план был предан дезертиром, и он удовлетворился тем, что отступил на безопасное расстояние и послал за дальнейшим подкреплением из Куско. Триста человек были немедленно выделены ему на подмогу; но когда они прибыли, враг уже в полном составе расположился на гребне возвышенности. Прекрасная возможность была безвозвратно упущена, и безутешный кавалер со всей поспешностью поскакал обратно, чтобы сообщить о провале своего предприятия своему командиру в Куско.¹⁸

Единственный вопрос, который теперь предстояло решить, заключался в том, где Гонсало Писарро должен дать бой своим врагам. Он решил немедленно покинуть столицу и поджидать своих противников в соседней долине Хакишагуана. Это было примерно в пяти лигах от города, и читатель, возможно, помнит это место, где Франциск Писарро сжег перуанского генерала Чалкучиму во время его первой оккупации Куско. Долина, окруженная высоким валом Анд, была по большей части зеленой и пышной, откуда открывалось множество живописных видов; и, судя по благоприятной температуре климата, она была любимой летней резиденцией индийской знати, многие из увеселительных домов которой до сих пор разбросаны по склонам гор. Река, или, скорее, ручей, небольшого объема, протекал через один конец этого ограждения, а почва по соседству была настолько влажной и топкой, что напоминала болото.

Сюда прибыл командир повстанцев после утомительного марша по дорогам, по которым нелегко проехать его обозу из тяжелых повозок и артиллерии. Его силы насчитывали в общей сложности около девятисот человек с примерно полудюжиной единиц вооружения. Это был хорошо укомплектованный отряд с отличной дисциплиной, поскольку его обучали самые строгие командиры перуанской службы. Но, к несчастью Писарро, его армия состояла, по крайней мере частично, из людей, на преданность своему делу он не мог с уверенностью положиться. Это был недостаток, который не могли восполнить ни мужество, ни мастерство лидера.

Войдя в долину, Писарро выбрал восточную ее часть, по направлению к Куско, как наиболее благоприятное место для своего лагеря. Его пересекал вышеупомянутый ручей, и он расположил свою армию таким образом, что, в то время как одна оконечность лагеря упиралась в естественный барьер, образованный горными утесами, которые здесь поднимались почти

перпендикулярно, другая была защищена рекой. Таким образом, хотя атаковать его с флангов было едва ли возможно, подходы спереди были настолько сильно сужены этими препятствиями, что одолеть его численностью в этом направлении было бы нелегко. В тылу его связь с Куско оставалась открытой, обеспечивая готовое средство для получения припасов. Обеспечив себе эту сильную позицию, он решил терпеливо ждать нападения врага.¹⁹

Тем временем королевская армия с трудом взбиралась по крутым склонам Кордильер, пока на исходе третьего дня президент не имел удовольствия обнаружить, что окружен всеми своими силами, с их оружием и военными припасами. Теперь, достаточно освежив своих людей, он возобновил свой поход, и все двинулись вперед с твердой уверенностью в скором разрешении своей ссоры с тираном, как называли Писарро.

Их продвижение было медленным, как и в предыдущей части марша, поскольку местность была такой же неудобной. Однако прошло совсем немного времени, прежде чем президент узнал, что его противник разбил свой лагерь в соседней долине Хакишагуана. Вскоре после этого в армии появились два монаха, посланные самим Гонсало, якобы с целью показать, какими силами был наделен Гаска. Но поскольку их поведение давало основания подозревать, что они шпионы, президент приказал схватить святых людей и отказался позволить им вернуться к Писарро. Через своего собственного эmissара, которого он отправил к вождю мятежников, он повторил заверения в уже данном ему помиловании в случае, если он сложит оружие и покорится. Такой акт великодушия в столь поздний час должен быть в высшей степени похвален Гаске, полагающему, как он, вероятно, и делал, что игра в его собственных руках.— Жаль, что анекдот основан не на самом авторитетном источнике.²⁰

После двухдневного марша передовой отряд роялистов внезапно наткнулся на аванпосты повстанцев, от которых они были скрыты густым туманом, и между ними произошла небольшая стычка. Наконец, утром восьмого апреля королевская армия, обогнув гребень высокого хребта, опоясывающего прекрасную долину Шакишагуана, увидела далеко внизу, на противоположной стороне, сверкающие линии противника с их белыми шатрами, похожими на стаи диких птиц, гнездящихся среди горных утесов. А еще дальше можно было разглядеть множество индейских воинов, красующихся в своих пестрых костюмах; ибо туземцы в этой части страны, слабо осознавая свои истинные интересы, проявляли большое рвение в деле Писарро.

Ускорив шаг, королевская армия теперь спешно спускалась по крутым склонам сьерры; и, несмотря на все усилия их офицеров, они двигались в таком беспорядочном порядке, каждый выбирал дорогу как мог, что растянувшаяся колонна представляла собой уязвимое место для врага; и спуск не был бы завершен без значительных потерь, если бы пушки Писарро были установлены на любой из благоприятных позиций, которые предоставляла местность. Но этот командующий, далекий от попыток помешать наступлению президента, упрямо оставался на занятой им сильной позиции в полной уверенности, что его противники без колебаний атакуют ее, какой бы сильной она ни была, таким же образом, как они это сделали при Хуарине.²¹

Однако он не забыл выделить отряд аркебузирова для охраны соседнего возвышения или отрога Кордильер, который в руках противника мог вызвать некоторое беспокойство в его собственном лагере, в то время как с него еще более эффективно контролировалась местность, которая вскоре должна была быть занята нападающими. Но его маневр был замечен Инохосой; и он разгромил его, послав более сильный отряд королевских мушкетеров, которые отбросили мятежников и после короткой стычки овладели высотами. Генерал Гаски воспользовался этим

успехом, установив на возвышенности небольшую пушечную батарею, с которой, хотя расстояние было слишком велико для того, чтобы он мог произвести много выстрелов, он выпустил несколько пуль во вражеский лагерь. Одна пуля, действительно, сразила двух человек, один из которых был пажом Писарро, одновременно убив лошадь, которую он держал под уздцы; и вождь немедленно приказал снести палатки, считая, что они представляют собой слишком заметную цель для артиллерии.²²

Тем временем войска президента спустились в долину, и, когда они вышли на равнину, их офицеры выстроили их в линию. Местность, занятая армией, была несколько ниже, чем у их противника, чьи выстрелы, выпущенные время от времени из его батарей, проходили над их головами. Теперь дезертир, один из старых последователей Сентено, принес информацию о том, что Писарро готовится к ночному нападению. Вследствие этого президент приказал всем своим войскам выстроиться в боевой порядок, готовый в любой момент отразить нападение. Но если вождь повстанцев и замышлял такое, он отказался от этого — и, как говорят, из-за недоверия к верности некоторых солдат, которые, как он опасался, под покровом темноты перейдут на противоположную сторону. Если это правда, то он, должно быть, ощутил всю силу предостережения Карбахалья, когда было уже слишком поздно воспользоваться им. Несчастный командир оказался в положении какого-нибудь смелого, отважного кавалера, мчащегося в битву на боевом коне, чьи шатающиеся суставы грозили подломиться под ним при каждом шаге и оставить своего всадника на милость врагов!

Войска президента простояли с оружием в руках большую часть ночи, хотя воздух с гор был таким пронизывающим, что им с трудом удавалось держать копья в руках.²³ Но прежде чем восходящее солнце осветило сиянием высочайшие вершины сьерры, оба лагеря пришли в движение и деловито занялись приготовлениями к битве. Королевская армия была сформирована из двух батальонов пехоты, один из которых должен был атаковать врага спереди, а другой, по возможности, действовать на его фланге. Эти батальоны были защищены конными эскадронами на флангах и в тылу, в то время как резервы как конницы, так и аркебузирова были размещены для действий в случае необходимости. Диспозиция была составлена настолько виртуозно, что вызвала сердечный панегирик у старого Карбахалья, который воскликнул: "Несомненно, среди них должен быть дьявол или Вальдивия!" — неоспоримый комплимент последнему, поскольку говоривший не знал о присутствии этого командира в лагере.²⁴

Гаска, предоставив ведение боя своим офицерам, отошел в тыл со своим отрядом духовенства и лиценциатов, последние из которых не разделяли амбиций своего брата-мятежника Сепеды сломать копье на поле боя.

Гонсало Писарро сформировал свой эскадрон таким же образом, как и на равнинах Хуарины, за исключением того, что увеличившееся количество его конницы теперь позволяло ему прикрывать оба фланга своей пехоты. Однако в основном он по-прежнему полагался на свое огнестрельное оружие. Когда строились шеренги, он ехал среди них, призывая своих людей выполнять свой долг как храбрых кавалеров и истинных солдат Завоевания. Писарро, как обычно, был великолепно вооружен и облачен в полный комплект кольчуги тончайшего изготовления, которая, как и его шлем, была богато инкрустирована золотом.²⁵ Он ехал на гнедом коне большой силы и духа и скакал галопом вдоль строя, размахивая своим копьем и демонстрируя свое легкое искусство верховой езды. можно было бы подумать, что он является

неплохим олицетворением Рыцарского Гения. Чтобы завершить свою диспозицию, он приказал Сепеде возглавить пехоту, поскольку лицензиат, похоже, в последнее время принимал большее участие в ведении его дел или, по крайней мере, в нынешних военных порядках, чем Карбахаль. Последний, действительно, то ли из отвращения к курсу, избранному его командиром, то ли из недоверия, которое, как говорят, он и не пытался скрывать, к успеху нынешних операций, снял с себя всякую ответственность за них и предпочел служить скорее рядовым кавалеристом, чем командиром.²⁶ И все же Сепеда, как показали события, был не менее проницателен в предвидении грядущего разорения.

Получив приказ от Писарро, он выехал вперед, как бы выбирая место для занятия своих войск, и при этом на несколько мгновений скрылся за выступающим утесом. Однако вскоре он появился снова, и было видно, как он во весь опор скачет по равнине. Его люди смотрели с удивлением, но не сомневались в его мотивах, пока, когда он продолжил свой путь прямо к вражеским позициям, его предательство не стало очевидным. Несколько человек рванулись вперед, чтобы догнать его, и среди них кавалерист, сидевший верхом лучше Сепеды. Последний ехал на лошади, не отличавшейся особой силой или скоростью, совершенно непригодной для этого решающего маневра своего хозяина. Кроме того, животное было обременено тяжестью попоны, которой нагрузил его честолубивый всадник, так что, достигнув участка болотистой местности, лежавшего между армиями, его темп сильно замедлился.²⁷ Преследователи Сепеды быстро настигли его, и упомянутый выше всадник, наконец, приблизился настолько, что метнул в беглеца копье, которое, ранив его в бедро, пронзило бок его лошади, и они оба полетели ничком на землю. В этой чрезвычайной ситуации лицензиату пришлось бы несладко, но, к счастью, небольшой отряд солдат с другой стороны, наблюдавший за погоней, теперь быстро поскакал на помощь и, отбившись от преследователей, вытащил Сепеду из трясины и отнес в апартаменты президента.

Гаска принял его с величайшим удовлетворением, настолько большим, что, по словам одного хрониста, он не побрезговал показать это, чмокнув лицензиата в щеку.²⁸ Этот анекдот едва ли согласуется с характерами и отношениями сторон или с последующим поведением президента. Гаска, однако, осознал всю ценность своей добычи и тот эффект, который его дезертирство в такое время должно было оказать на дух повстанцев. Движение Сепеды, столь неожиданное для его собственной партии, было результатом предварительного обсуждения, поскольку, как говорят, он тайно заверил приора Арекипы, находившегося в то время в королевском лагере, что, если Гонсало Писарро не удастся убедить принять предложенное ему помилование, он отречется от своего дела.²⁹ Время, выбранное хитрым советником для этого, было самым роковым для интересов его командира.

Пример Сепеды оказался заразительным. Гарсиласо де ла Вега, отец историка, кавалер старинного рода и, вероятно, пользовавшийся большим уважением, чем кто-либо другой в отряде Писарро, пришпорил свою лошадь одновременно с лицензиатом и поскакал навстречу врагу. Десять или дюжина аркебузирова последовали в том же направлении и сумели укрыться под защитой передового отряда роялистов.

Писарро был ошеломлен этим дезертирством в столь критический момент тех, кому он больше всего доверял. На мгновение он был сбит с толку. Казалось, сама почва, на которой он стоял, рушилась под ним. При таком настроении своих солдат он видел, что каждая минута промедления была фатальной. Он не осмелился ждать штурма, как намеревался, на своей

сильной позиции, но немедленно отдал приказ наступать. Генерал Гаски Инохоса, видя движение противника, отдал аналогичные приказы своим собственным войскам. Мгновенно стрелки и аркебузиры на флангах быстро двинулись вперед, артиллерия приготовилась открыть огонь, и "вся армия, - говорит президент в своем собственном отчете об этом событии, - продвигалась твердым шагом и с совершенной решимостью" 30.

Но прежде чем прозвучал выстрел, колонна аркебузирова, состоявшая в основном из сторонников Сентено, покинула свой пост и двинулась прямо на врага. Конный эскадрон, посланный в погоню за ними, последовал их примеру. Президент немедленно приказал своим людям остановиться, не желая без необходимости проливать кровь, поскольку войско повстанцев было готово вот-вот развалиться на куски.

Верных приверженцев Писарро охватила паника, когда они увидели, что их самих и их лидера таким образом предали в руки врага. Дальнейшее сопротивление было бесполезно. Некоторые побросали оружие и бежали в направлении Куско. Другие пытались бежать в горы, а некоторые переправлялись на противоположную сторону и сдавались в плен, надеясь, что еще не слишком поздно воспользоваться обещаниями милости. Союзники-индейцы, увидев, что испанцы дрогнули, первыми покинули позиции.³¹

Среди всеобщего крушения у Писарро осталось всего несколько кавалеристов, которые пренебрегали полетами. Ошеломленный неожиданным поворотом судьбы, несчастный вождь с трудом осознавал свое положение. "Что нам остается?" - спросил он Акосту, одного из тех, кто все еще был приверженцем его. "Нападите на врага, поскольку ничего другого не остается, - ответил бессердечный солдат, - и умрите, как римляне!" "Лучше умереть, как христиане", - ответил его командир; и, медленно повернув коня, он поехал в направлении королевской армии.³²

Он не успел уйти далеко, как его встретил офицер, которому Писарро, узнав его имя и звание, отдал свою шпагу и сдался в плен. Офицер, вне себя от радости по поводу полученной награды, сразу же проводил его в апартаменты президента. Гаска был верхом на коне, окруженный своими капитанами, некоторые из которых, узнав пленника, имели любезность удалиться, чтобы не быть свидетелями его унижения.³³ Даже лучшие из них, с чувством справедливости на своей стороне, возможно, почувствовали некоторое раскаяние при мысли, что их дезертирство довело их благодетеля до такого состояния.

Писарро остался сидеть в седле, но, приблизившись, почтительно поклонился президенту, на что последний ответил холодным приветствием. Затем, обращаясь к своему пленнику суровым тоном, Гаска резко спросил: "Почему он поверг страну в такое смятение, подняв знамя восстания, убив вице—короля, узурпировав правительство и упрямо отвергая предложения милости, которые ему неоднократно делали?"

Гонсало попытался оправдаться, связав судьбу вице-короля с его неправомерным поведением, а его собственную узурпацию, как это называлось, - со свободными выборами народа, а также с королевской аудиенцией. "Это была моя семья, - сказал он, - которая завоевала страну; и, как их представитель здесь, я чувствовал, что имею право на правительство". На это Гаска ответил еще более суровым тоном: "Твой брат действительно завоевал эту страну, и за это императору было угодно поднять из праха и его, и тебя. Он жил и умер верным подданным, и это только делает вашу неблагодарность вашему государю еще более отвратительной. Затем, видя, что

его заключенный собирается ответить, президент прервал совещание, приказав поместить его в строгое заключение. Он был передан на попечение Сентено, который добивался этого поста не из какого-либо недостойного желания удовлетворить свою месть, — ибо он, по-видимому, обладал щедрой натурой, — а с благородной целью позаботиться об удобстве пленника. Таким образом, хотя этот офицер содержался под строгой стражей, к Писарро относились с почтением, подобающим его рангу, и позволяли ему все поблажки со стороны надзирателя, за исключением свободы.³⁴

В этом общем крушении их состояния Франсиско де Карбахаль чувствовал себя не лучше своего начальника. Когда он увидел, как солдаты один за другим покидают свои посты и переходят на сторону врага, он хладнокровно напевал слова своей любимой старой баллады:

"Ветер сдувает волосы с моей головы, мама!"

Но когда он обнаружил, что поле боя почти опустело, а его отважные последователи рассеялись, как облако дыма, он почувствовал, что пришло время позаботиться о собственной безопасности. Он знал, что никакой милости к нему быть не может, и, пришпорив своего коня, бросился бежать со всей возможной скоростью. Он пересек ручей, протекавший, как уже упоминалось, мимо лагеря, но, взбираясь на противоположный берег, который был крутым и каменистым, его лошадь, несколько постаревшая и подавленная весом своего всадника, который был крупным и тучным, потеряла равновесие и упала вместе с ним в воду. Прежде чем Карбахаль успел высвободиться, его схватили несколько его собственных сторонников, которые надеялись таким призом помириться с победителем, и поспешили к президентским покоям.

Конвой вскоре пополнился несколькими рядовыми королевской армии, некоторым из которых предстояло рассчитаться с заключенным за большие долги; и, не довольствуясь осыпанием его упреками и проклятиями, они теперь угрожали перейти к актам личного насилия, которые Карбахаль, отнюдь не осуждая, скорее рассматривал при дворе как самый быстрый способ покончить с собой.³⁵ Когда он приблизился к президентским покоям, Сентено, находившийся поблизости, упрекнул беспорядочную толпу и заставил их уступить дорогу. Карбахаль, увидев это, с почтительным видом спросил, кому он обязан таким вежливым покровительством. На что его старый товарищ ответил: "Ты что, не узнаешь меня? Diego Centeno!" "Я прошу у вас прощения, - сказал ветеран, саркастически намекая на свое долгое бегство в Чаркасе и недавнее поражение при Хуарине. - Я так давно не видел ничего, кроме вашей спины, что забыл ваше лицо!" ³⁶

Среди свиты президента был воинственный епископ Куско, который, как мы помним, разделил с Сентено позор его поражения. Его брат был схвачен Карбахалем во время его бегства с поля боя и немедленно повешен этим свирепым вождем, который, как мы уже не раз имели случай убедиться, не уважал людей. Епископ теперь упрекал его в убийстве брата и, разгневанный его холодными ответами, был настолько невеликодушен, что ударил заключенного по лицу. Карбахаль не пытался сопротивляться. Он также ни словом не ответил на вопросы, заданные ему Гаской, но, надменно оглядывая круг, хранил презрительное молчание. Президент, видя, что от его пленника больше ничего нельзя добиться, приказал держать его вместе с Акостой и другими сдавшимися кавалерами под строгим надзором до тех пор, пока не будет решена их судьба.³⁷

Следующей заботой Гаски было послать офицера в Куско, чтобы удержать своих партизан от эксцессов в связи с запоздалой победой, если это можно назвать победой там, где не было нанесено ни одного удара. Все, что принадлежало побежденным, их палатки, оружие, амуниция и военные припасы перешли в собственность победителей. Их лагерь был хорошо снабжен продовольствием, что обеспечило роялистов достаточным запасом провизии, которые почти израсходовали свои собственные запасы. Кроме того, была добыта значительная добыча в виде посуды и денег; ибо люди Писарро, что не было редкостью в те беспокойные времена, многие из них отправились на войну со всем своим мирским богатством, не зная ни одного безопасного места, где можно было бы его спрятать. Рассказывают анекдот об одном из солдат Гаски, который, увидев бегущего по полю мула с большим вьюком на спине, схватил животное и вскочил на него, предварительно сбросив ношу, предположив, что в ней доспехи или что-то малоценное. Другой солдат, более сообразительный, подобрал сверток в качестве своей доли добычи и обнаружил, что в нем несколько тысяч золотых дукатов! Это была военная удача.³⁸

Так завершилась битва, или, скорее, разгром, при Ксакишагуане. Число убитых и раненых — ибо несколько человек погибло в ходе преследования — было невелико; по большинству свидетельств, не более пятнадцати убитых со стороны повстанцев и только один — со стороны роялистов! и то по неосторожности товарища.³⁹ Никогда еще победа не стоила так дешево; столь бескровное прекращение ожесточенного и кровавого восстания! Это было достигнуто не столько силой победителей, сколько слабостью побежденных. Они распались на части по собственной воле, потому что у них не было надежной почвы под ногами. Рука, лишенная чувства справедливости, стала бессильной в час битвы. Было лучше, чтобы они были побеждены моральной силой, чем грубым призывом к оружию. Такая победа больше соответствовала благородному характеру завоевателя и его делу. Это был триумф порядка; величайшее почтение закону и справедливости.

Книга 5

Глава 4

Казнь Карбахалья—Гонсало Писарро обезглавлен—Трофеи победы-
Мудрые реформы Гаски—Он возвращается в Испанию-
Его смерть и характер

1548—1550

Теперь необходимо было решить судьбу заключенных, и Алонсо де Альварадо вместе с лицензиатом Чианкой, одним из новых Королевских аудиентов, было поручено подготовить процесс. На это не потребовалось много времени. Вина заключенных была слишком очевидна, поскольку они были взяты с оружием в руках. Все они были приговорены к смертной казни, а их поместья конфискованы в пользу короны. Гонсало Писарро должен был быть обезглавлен, а Карбахалья — четвертован. Никакой пощады не было проявлено к тому, кто не проявлял ее к другим. Поговаривали об отсрочке казни до прибытия войск в Куско; но опасение беспорядков со стороны дружественных Писарро лиц побудило президента привести приговор в исполнение на следующий день, на поле битвы.¹

Когда Карбахалю сообщили о его гибели, он выслушал это со своим обычным безразличием. "Они могут только убить меня", — сказал он, как будто уже решил этот вопрос для себя.² В

течение дня многие приходили посмотреть на него в его заключении; некоторые, чтобы упрекнуть его в жестокости; но большинство - из любопытства увидеть свирепого воина, который сделал свое имя таким ужасным в стране. Он не выказывал нежелания разговаривать с ними, хотя это выражалось в тех едких шутках, которыми он обычно позволял себе за счет своего слушателя. Среди этих посетителей был ничем не примечательный кавалерист, чью жизнь, по-видимому, Карбахаль ранее пощадил, когда был в его власти. Этот человек выразил заключенному свое сильное желание служить ему; и когда он повторил свои заявления, Карбахаль прервал их, воскликнув: "И какую услугу вы можете мне оказать? Вы можете освободить меня? Если ты не можешь этого сделать, ты ничего не сможешь сделать. Если я пощадил твою жизнь, как ты говоришь, то, вероятно, потому, что не думал, что стоит отнимать ее."

Некоторые благочестиво настроенные люди уговаривали его обратиться к священнику, хотя бы для того, чтобы облегчить свою совесть перед уходом из мира. "Но какая от этого была бы польза?" - спросил Карбахаль. "У меня нет ничего, что лежало бы тяжелым грузом на моей совести, если только это не долг в полреала лавочнику в Севилье, который я забыл оплатить перед отъездом из страны!" 3

Его везли на казнь на барьерной упряжке, вернее, в корзине, запряженной двумя мулами. Его руки были связаны, и, когда они заталкивали его громоздкое тело в это жалкое средство передвижения, он воскликнул: "Колыбели для младенцев, и, кажется, колыбель для старика тоже!" 4 Несмотря на нежелание, которое он выказал исповеднику, на пути к виселице его сопровождали несколько священнослужителей; и один из них неоднократно убеждал его принести какой-нибудь знак покаяния в этот торжественный час, хотя бы повторением "Отче наш" и "Аве Мария". Карбахаль, чтобы избавиться от назойливости призрачного отца, в ответ хладнокровно повторил слова "Отче наш", "Аве Мария"! Затем он упрямо промолчал. Он умер, как и жил, с шуткой или, скорее, издевкой на устах. 5

Франсиско де Карбахаль был одним из самых экстраординарных персонажей этих мрачных и беспокойных времен; тем более экстраординарным из-за его преклонного возраста; ибо на момент его смерти ему было восемьдесят четвертый год; возраст, когда телесные силы и, к счастью, страсти обычно притупляются; когда, по остроумному выражению французского моралиста, "Мы льстим себе, что оставляем наши пороки, тогда как это наши пороки покидают нас" 6. Но огонь молодости пылал яростно и неугасимо в груди каждого из нас. Карбахаль.

Дата его рождения переносит нас в середину пятнадцатого века, ко временам Фердинанда и Изабеллы. Он был неизвестного происхождения и родился, как говорят, в Аревало. В течение сорока лет он служил в итальянских войнах под командованием самых прославленных капитанов того времени Гонсалво де Кордовы, Наварро и Колоннаса. Он был прапорщиком в битве при Равенне; был свидетелем пленения Франциска Первого при Павии; и следовал под знаменем злополучных Бурбонов при разграблении Рима. На этот раз он получил не золото за свою долю добычи, а просто бумаги нотариальной конторы, которые, как проницательно подумал Карбахаль, стоили бы ему золота. Так оно и оказалось, ибо нотариус был рад выкупить их по цене, позволившей авантюристу переплыть моря до Мексики и искать счастья в Новом Свете. Во время восстания перуанцев он был послан на помощь Фрэнсису Писарро и был вознагражден этим вождем пожалованием земли в Куско. Здесь он оставался в течение нескольких лет, усердно занимаясь увеличением своего состояния, ибо любовь к наживе была

господствующей страстью в его груди. По прибытии Вака де Кастро мы видим, что он хорошо служит под королевским знаменем; а после начала великого восстания под предводительством Гонсало Писарро он превратил свое имущество в золото и приготовился вернуться в Кастилию. Казалось, у него было предчувствие, что оставаться на месте будет фатально. Но, хотя он приложил все усилия, чтобы покинуть Перу, ему это не удалось, поскольку вице-король наложил эмбарго на судоходство.⁷ Поэтому он остался в стране и, как мы видели, хотя и неохотно, поступил на службу к Писарро. Это была его судьба.

Бурная жизнь, в которую он теперь вступил, пробудила все дремлющие страсти его души, которые таились в нем, возможно, бессознательно для него самого: жестокость, алчность, месть. Он нашел для них достаточно упражнений в войне со своими соотечественниками, ибо гражданская война вошла в поговорку как самая кровопролитная и свирепая из всех. Зверства, зафиксированные Карбахалем в период его новой карьеры, и количество его жертв едва ли заслуживают доверия. К чести человечества, мы можем быть уверены, что эти рассказы сильно преувеличены; но того, что он вообще дал им повод, достаточно, чтобы обречь его имя на позор⁸.

Говорят, он даже получал дьявольское удовольствие, забавляясь страданиями своих жертв, и в час казни отпускал ужасные шутки, которые заставляли их острее ощутить горечь смерти! У него была спортивная жилка, если так можно было это назвать, которой он свободно предавался при каждом удобном случае. Солдаты сохранили многие из его вылазок; но они, по большей части, носят грубый, отталкивающий характер, исходят от ума, знакомого со слабой и порочной стороной человечества и не доверяющего никому другому. У него на все была своя шутка — и на несчастья других, и на свои собственные. Он смотрел на жизнь как на фарс, хотя слишком часто превращал ее в трагедию.

Карбахалу следует признать одну добродетель - верность своей партии. Это сделало его менее терпимым к вероломству других. Никто не был известен тем, что он проявлял милосердие к отступнику. Эта непоколебимая верность, пусть и плохому делу, может вызвать нечто вроде чувства уважения, когда верность была такой редкостью.⁹

Как военный, Карбахаль занимает высокое положение среди солдат Нового Света. Он был строг, даже суров в соблюдении дисциплины, так что его мало любили его последователи. Можно усомниться в том, обладал ли он талантом к военным комбинациям, необходимым для ведения войны в широком масштабе; но в сменах и поворотах партизанской войны ему не было равных. Быстрый, деятельный и настойчивый, он был нечувствителен к опасности или усталости и после нескольких дней, проведенных в седле, казалось, не придавал особого значения роскоши постели.¹⁰

Он прекрасно знал каждый горный перевал, и таковы были проницательность и находчивость, проявленные в его кочевых экспедициях, что вульгарно считалось, что его сопровождает фамилляр.¹¹ При столь экстраординарном характере, с силами, простирающимися так далеко за пределы обычного человеческого срока, и страстями, столь свирепыми в человеке, стоящем на пороге могилы, неудивительно, что о нем охотно распространялось множество невероятных историй и что Карбахаль был окутан таинственными ужасами как некое сверхъестественное существо — демон Анд!

Совсем иными были обстоятельства, сопровождавшие заключительную сцену с Гонсало Писарро. По его просьбе никому не разрешили навестить его в заключении. Большую часть дня было слышно, как он расхаживает по своей палатке, а когда наступила ночь, узнав от Сентено, что его казнь состоится в следующий полдень, он прилег отдохнуть. Однако спал он недолго, но вскоре встал и продолжал расхаживать по своей квартире, словно погруженный в раздумья, до рассвета. Затем он послал за духовником и оставался с ним до полудня, почти не подкрепляясь. Блюстители правосудия проявили нетерпение, но их рвение было сурово осуждено солдатами, многие из которых, служа под знаменами Гонсало, сочувствовали его несчастью.

Когда вождь выходил на казнь, он демонстрировал в своей одежде ту же любовь к великолепию и показухе, что и в более счастливые дни. Поверх камзола на нем был великолепный плащ из желтого бархата, туго расшитый золотом, а голову защищала шапка из того же материала, богато украшенная золотыми орнаментами.¹² В этом безвкусном наряде он сел на своего мула, и приговор был настолько смягчен, что его руки остались свободными. Его сопровождало большое количество священников и монахов, которые держали перед его глазами распятие, в то время как он сам нес в руке изображение Пресвятой Богородицы. Она всегда была особым объектом поклонения Писарро; настолько, что те, кто лучше всего знал его в час его процветания, были осторожны, когда у них возникало прошение, отдавать предпочтение ему во имя пресвятой Девы Марии.

Губы Писарро часто прижимались к символу его божественности, в то время как его глаза были устремлены на распятие с явной преданностью, не обращая внимания на окружающие его предметы. Дойдя до эшафота, он взшел на него твердым шагом и попросил разрешения обратиться с несколькими словами к собравшимся вокруг солдатам. "Среди вас много таких, - сказал он, - кто разбогател на щедротах моего брата и на моих собственных. Однако из всего моего богатства у меня не осталось ничего, кроме одежды, которая на мне; и даже она не моя, а собственность палача. Поэтому у меня нет средств, чтобы отслужить мессу за упокой моей души; и я умоляю вас памятью о прошлых благодеяниях оказать мне эту милостыню, когда меня не станет, чтобы вам было хорошо в смертный час ". Глубокое молчание царило среди воинственной толпы, нарушаемое только вздохами и стонами, когда они выслушивали просьбу Писарро; и на него верно откликнулись, поскольку после его смерти во многих городах были отслужены мессы за упокой души усопшего вождя.

Затем, опустившись на колени перед распятием, стоявшим на столе, Писарро несколько минут оставался погруженным в молитву; после чего, обратившись к солдату, который должен был исполнять обязанности министра юстиции, он спокойно велел ему "выполнять свой долг твердой рукой". Он отказался от повязки на глаза и, наклонив вперед шею, подставил ее мечу палача, который отсек голову одним ударом, настолько точным, что тело несколько мгновений оставалось в той же прямой позе, что и при жизни.¹³ Голова была доставлена в Лиму, где ее поместили в клетку или рамку, а затем прикрепили к виселице рядом с головой Карбахала. На нем была прикреплена этикетка с надписью: "Это голова предателя Гонсало Писарро, который восстал в Перу против своего государя и сражался за дело тирании и измены против королевского штандарта в долине Хакишагуана".¹⁴ Его обширные поместья, включая богатые рудники в Потоси, были конфискованы; его особняк в Лиме был стерт с лица земли, место посыпано солью и установлен каменный столб с надписью, запрещающей кому бы то ни было строить на месте, оскверненном резиденцией монарха. предатель.

Останки Гонсало не подвергались таким унижениям, каким подверглись покои Карбахалья, чьи покои были подвешены в цепях на четырех больших дорогах, ведущих в Куско. Сентено спас тело Писарро от растерзания, выкупив у палача его дорогую одежду, и в этом роскошном саване оно было положено в часовне монастыря Богоматери Милосердия в Куско. Это было то самое место, где бок о бок лежали окровавленные останки Альмагрос, отца и сына, которые подобным же образом погибли от руки правосудия и были обязаны частной благотворительности своим погребением. Теперь все они были преданы "одной могиле", - с некоторой горечью говорит историк, - "как будто Перу не могло предоставить своим завоевателям достаточно земли для захоронения" 15.

На момент смерти Гонсало Писарро исполнилось всего сорок два года, что составляло лишь половину срока, отведенного его последователю Карбахалю. Он был младшим в замечательной семье, которой Испания была обязана приобретением Перу. Он приехал в страну вместе со своим братом Франсиско, когда последний вернулся из Кастилии. Гонсало присутствовал во всех замечательных эпизодах Завоевания. Он был свидетелем захвата власти Атауальпой, принимал активное участие в подавлении восстания инков и особенно в захвате Чаркаса. Впоследствии он возглавил катастрофическую экспедицию на Амазонку и, наконец, возглавил достопамятное восстание, которое закончилось так фатально для него самого. Мало найдется людей, чья жизнь изобилует такими дикими и романтическими приключениями и, по большей части, увенчана успехом. Место, которое он занимает на страницах истории, совершенно несоразмерно его талантам. В какой-то мере это можно приписать удаче, но еще больше тем эффективным качествам, которые образуют своего рода замену умственному таланту и которые обеспечили ему популярность среди обывателей.

У него была блестящая внешность; он преуспевал во всех боевых упражнениях; хорошо ездил верхом, фехтовал, в совершенстве владел копьем, был первоклассным стрелком из аркебузы и вдобавок был отличным рисовальщиком. Он был смел и рыцарственен, даже до безрассудства; искал приключений и всегда был перед лицом опасности. Короче говоря, он был странствующим рыцарем в самом экстравагантном смысле этого слова и, "восседая на своем любимом коне", - говорит тот, кто часто видел его, - "обращал внимания на эскадрон индейцев не больше, чем на рой мух" 16.

Таким образом, своими блестящими подвигами и эффектными манерами он пленил воображение своих соотечественников, но не меньше он завоевал их сердца своей солдатской прямоотой, своей верой в их верность, которой слишком часто злоупотребляли, и своей щедростью; ибо Писарро, хотя и был скуп на чужую собственность, был, подобно римскому заговорщику, расточителен в своей собственной. Это был его портрет в более счастливые дни, когда его сердце не было испорчено успехом; то, что процветание произвело на него некоторую перемену, хорошо засвидетельствовано. От своего возвышения у него закружилась голова, и то, что он не знал, как извлечь из этого выгоду, является доказательством недостатка таланта, равного его успеху. Повинуясь диктату собственного опрометчивого суждения, он отверг предостережения своих самых мудрых советников и со слепой уверенностью положился на свою судьбу. Гарсиласо приписывает это пагубному влиянию звезд. 17 Но суеверный хронист мог бы лучше объяснить это общим принципом человеческой природы; самонадеянностью, питаемой успехом; безумием, как называет это римская или, скорее, греческая пословица, которым боги поражают людей, когда замышляют погубить их. 18

Гонсало не имел образования, за исключением того, которое он получил в суровой школе войны. В нем было мало даже той мудрости, которая проистекает из природной проницательности и понимания характера. Во всем этом он уступал своим старшим братьям, хотя полностью равнялся им в честолюбии. Если бы он обладал хотя бы десятой долей их проницательности, он не стал бы безумно упорствовать в восстании после прихода президента. До этого периода он представлял народ. Их интересы и его интересы были едины. Он пользовался их поддержкой, поскольку боролся за исправление их ошибок. Когда они были исправлены правительством, бороться было не за что. С того времени он сражался только за себя. Люди не принимали участия и не интересовались соревнованием. Без общей симпатии, которая связывала бы их вместе, было ли странно, что они отвалились от него, как листья зимой, и оставили его голым и безжизненным стволом на растерзание ярости бури?

Сепеда, более преступный, чем Писарро, поскольку обладал и превосходным образованием, и умом, которые он использовал только для того, чтобы ввести в заблуждение своего командира, ненадолго пережил его. Он приехал в страну на очень ответственном посту. Его первым шагом было предать вице-короля, которого он был послан поддержать; его следующим шагом было предать Аудиторию, с которой он должен был действовать; и, наконец, он предал лидера, которому больше всего хотел служить. Вся его карьера была предательством по отношению к собственному правительству. Его жизнь была одним долгим вероломством.

После его капитуляции несколько кавалеристов, возмущенных его хладнокровным отступничеством, хотели убедить Гаску отправить его на казнь вместе с его командиром; но президент отказался, принимая во внимание важную услугу, которую он оказал короне своим дезертирством. Однако он был арестован и отправлен в Кастилию. Там ему было предъявлено обвинение в государственной измене. Он привел убедительную защиту, и поскольку у него были друзья в суде, не исключено, что его оправдали бы; но до окончания судебного процесса он умер в тюрьме. Это было карающее правосудие, которое не всегда можно найти в делах этого мира.¹⁹

Действительно, случилось так, что некоторые из тех, кто наиболее решительно отказался от дела Писарро, ненадолго пережили своего командира. Доблестный Сентено и лицензиат Карбахаль, которые покинули его близ Лимы и несли королевский штандарт на поле битвы при Шакишагуане, оба умерли в течение года после Писарро. Инохоса был убит двумя годами позже в Ла-Плате; а его старый товарищ Вальдивия после ряда блестящих подвигов в Чили, которые послужили самой славной темой для эпической музыки Кастилии, был отрезан непобедимыми воинами Арауко. Гривы Писарро были полностью отомщены.

Акоста и трое или четверо других кавалеристов, сдавшихся вместе с Гонсало, были отправлены на казнь в тот же день, что и их начальник; а Гаска на следующее утро после печальной трагедии покинул свои апартаменты и двинулся со всей своей армией в Куско, где политически настроенный народ принял его с тем же энтузиазмом, который они так недавно проявили по отношению к его сопернику. Он нашел там нескольких бойцов повстанческой армии, которые нашли убежище в городе после своего недавнего поражения, где они были немедленно помещены под арест. Командованием Гаски против них было возбуждено уголовное дело. Главные кавалеры в количестве десяти или двенадцати человек были казнены; другие были сосланы или отправлены на галеры. Такие же строгие декреты были изданы против тех, кто

бежал и еще не был взят; и имущество всех было конфисковано. Имущество мятежников служило фондом для выплаты компенсаций лояльным.²⁰ Может показаться, что правосудие было суровым; но Гаска желал, чтобы розга тяжко обрушилась на тех, кто так часто отвергал его милости. Снисходительность была растрачена впустую на грубых, распущенных солдат, которые едва ли признавали существование правительства, если не ощущали его суровости.

Теперь на президента легла новая обязанность — награждать своих верных последователей, — как оказалось, не менее трудная, чем наказание виновных. Претендентов было много, поскольку каждый, кто поднял палец в защиту правительства, требовал своей награды. Они настаивали на своих требованиях с громкой назойливостью, которая приводила в замешательство доброго президента и отнимала у него каждую минуту времени.

Испытывая отвращение к такому невыгодному положению вещей, Гаска решил немедленно избавиться от досады, удалившись в долину Гуайнарима, примерно в двенадцати лигах от города, и там в тишине обдумать схему компенсации, скорректированную с учетом достоинств сторон. Его сопровождали только его секретарь и Лоайса, ныне архиепископ Лимы, человек здравомыслящий и хорошо знакомый с делами страны. В этом уединении президент оставался три месяца, тщательно изучая противоречивые претензии и распределяя убытки между сторонами в соответствии с их соответствующими заслугами. Следует отметить, что репартименты обычно предоставлялись только пожизненно и после смерти действующего президента возвращались короне, которая могла быть переназначена или сохранена по своему усмотрению.

Когда его трудная задача была выполнена, Гаска решил отступить в Лиму, оставив документ о разделе у архиепископа для передачи армии. Несмотря на всю заботу, которая была предпринята для справедливого урегулирования, Гаска понимал, что невозможно удовлетворить требования ревнивых и раздражительных солдат, где каждый человек, вероятно, преувеличивал свои заслуги, в то время как он недооценивал заслуги своих товарищей; и он не хотел подвергать себя назойливости и жалобам, которые не могли служить никакой другой цели, кроме как раздражать его.

После его отъезда архиепископ созвал войска в кафедральный собор, чтобы ознакомиться с содержанием вверенного ему расписания. Достойный доминиканец, настоятель Арекипы, впервые произнес речь, в которой преподобный отец подробно рассуждал о добродетели довольства, долге послушания и глупости, а также порочности попыток сопротивляться официальным властям, — короче говоря, о темах, которые, по его мнению, могли бы наилучшим образом расположить к себе добрую волю и уступчивость его слушателей.

Затем с кафедры было зачитано письмо президента. Оно было адресовано офицерам и солдатам армии. Автор начал с краткого описания трудностей своей задачи из-за ограниченного размера вознаграждения, а также большого количества заявителей и их услуг. По его словам, он самым тщательным образом рассмотрел этот вопрос и постарался распределить каждому его долю в соответствии с его заслугами, без предубеждения или пристрастия. Он, без сомнения, допускал ошибки, но он верил, что его последователи простят их, когда подумают, что он действовал в меру своих скромных способностей; и все, как он полагал, отдадут ему должное, признав, что на него не повлияли мотивы личного интереса. Он решительно засвидетельствовал заслуги, которые они оказали благому делу, и закончил

самыми нежными пожеланиями им будущего процветания и счастья. Письмо было датировано Гуайнаримой 17 августа 1548 года и имело простую подпись лиценциата Гаски.²¹

Затем архиепископ зачитал бумагу с президентской наградой. Годовая арендная плата за поместья, подлежащие распределению, составляла сто тридцать тысяч энсайадосов.²² Крупная сумма, учитывая ценность денег в то время, — в любой другой стране, кроме Перу, где деньги были наркотиком.²³

Распределенные таким образом репартименто варьировались по стоимости от ста до трех с половиной тысяч песо годовой арендной платы; все, по-видимому, с величайшей точностью соответствовало достоинствам сторон. Число пенсионеров составляло около двухсот пятидесяти человек, поскольку фонда нехватило бы для общего распределения, и услуги большей части пенсионеров не были признаны достойными такого внимания.²⁴

Эффект, произведенный этим документом на людей, чьи умы были наполнены самыми неопределенными ожиданиями, оказался именно таким, какой и предвидел президент. Это было встречено всеобщим ропотом неодобрения. Даже те, кто получил больше, чем они ожидали, были недовольны, сравнивая свое положение с положением своих товарищей, которых они считали еще более вознагражденными пропорционально их заслугам. Они особенно возмущались предпочтением, оказанным старым сторонникам Гонсало Писарро — таким, как Инохоса, Сентено и Альдана, — тем, кто всегда оставался верен короне. Для такого предпочтения были определенные основания, поскольку никто не оказал столь важных услуг в подавлении восстания; и именно эти услуги Гаска предложил вознаградить. Награждать каждого человека, доказавшего свою лояльность, просто за его лояльность, значило бы разбрасывать пожертвования на части, которые ни для кого не представляли бы особой ценности.²⁵

Однако тщетно архиепископ, поддерживаемый некоторыми из главных кавалеров, пытался вселить в толпу более довольный дух. Они настаивали на том, что арбитражное решение должно быть отменено и вынесено новое на более справедливых принципах; более того, угрожая, что, если этого не сделает президент, они возьмут решение вопроса в свои руки. Их недовольство, разжигаемое некоторыми злонамеренными личностями, которые думали найти в этом свой ответ, в конце концов дошло до угрозы мятежа; и оно не было подавлено до тех пор, пока командующий Куско не приговорил одного из зачинщиков к смерти, а нескольких других к изгнанию. Железным солдатам времен Завоевания требовалась железная рука, чтобы управлять ими.

Тем временем президент продолжил свое путешествие в Лиму; и по пути повсюду был встречен народом с энтузиазмом, тем более благодарным его сердцу, что он чувствовал, что заслужил это. Когда он приблизился к столице, верные жители приготовились оказать ему великолепный прием. Все население вышло из ворот во главе с властями города, во главе с Альданой в качестве коррехидора. Гаска ехал верхом на муле, одетый в свое церковное облачение. Справа от него, на коне в богатой попоне, лежала королевская печать в шкатулке с причудливой чеканкой и орнаментом. Великолепный парчовый балдахин поддерживали над его головой чиновники муниципалитета, которые в своих одеждах из малинового бархата шли рядом с ним с непокрытой головой. Веселые отряды танцоров, одетых в фантастические платья из шелка ярких расцветок, следовали за процессией, разбрасывая цветы и распевая на ходу стихи в честь президента. Они были задуманы как эмблемы различных городов колонии; и на их фуражках

были надписи или девизы в рифму, намекающие на их верноподданническую преданность Короне, и, можно добавить, в их композиции гораздо больше лояльности, чем поэтических достоинств.²⁶ Таким образом, без барабанного боя, или артиллерийского грохота, или каких-либо других грубых аккомпанементов войны, добрый президент мирно въехал в Город Королей, в то время как воздух был сотрясен одобрительными возгласами народа, который приветствовал его как своего "Отца и Избавителя, Спасителя своей страны" ²⁷

Но, каким бы благодарным ни было это почтение сердцу Гаски, он был не из тех, кто тратит свое время на праздную суету. Теперь он думал только о том, какими средствами он мог бы искоренить семена беспорядка, которые так легко взошли на этой плодородной почве, и как он мог бы установить власть правительства на постоянной основе. В силу своей должности он председательствовал на Королевской аудиенции, главном судебном и, по сути, исполнительном трибунале колонии; и он придавал большое значение делу, которого много накопилось во время недавних беспорядков. В неурегулированном имущественном положении было много поводов для судебных разбирательств; но, к счастью, новая Аудитория состояла из способных, честных судей, которые усердно трудились вместе со своим начальником, чтобы исправить зло, причиненное неправильным правлением их предшественников.

Гаска также не забывал о несчастных туземцах; и он серьезно занялся этой трудной проблемой — наилучшим из возможных средств улучшить их положение. Он направил в разные части страны в качестве посетителей несколько уполномоченных, в задачу которых входило инспектировать энкомьенды и выяснять, как обращаются с индейцами, беседуя не только с владельцами, но и с самими туземцами. Им также предстояло узнать о характере и размерах дани, которую в прежние времена платили вассалы инков.²⁸

Таким образом было получено большое количество ценной информации, которая позволила Гаске с помощью совета духовных лиц и юристов выработать единую систему налогообложения для местных жителей, даже более легкую, чем та, которая была введена для них перуанскими князьями. Президент с радостью освободил бы покоренные расы от обязанностей личного служения; но, по зрелом размышлении, это было признано невыполнимым в нынешнем состоянии страны, поскольку колонисты, особенно в тропических регионах, ожидали от туземцев выполнения работы, а последние, как было установлено по опыту, вообще не работали бы, если бы их к этому не принуждали. Президент, однако, с большой точностью ограничил размер взимаемых услуг, так что они носили характер умеренного личного налога. Ни от одного перуанца не требовалось менять место жительства из-за климата, к которому он привык, на другой; в прошлые времена это было плодотворным источником дискомфорта, а также болезней. Благодаря этим различным постановлениям положение туземцев, хотя и не такое, какое предполагалось жизнерадостной филантропией Лас Касаса, улучшилось гораздо больше, чем было совместимо с алчными требованиями колонистов; и потребовалась вся твердость Публики, чтобы навязать столь неприятные для последних условия. И все же они применялись. Рабство в его самом отвратительном смысле в Перу больше не допускалось. Термин "раб" не признавался имеющим отношения к ее институтам; и историк Индии с гордостью хвастается, — это должно было быть оговорено ограничениями, которые я заметил, — что каждый индийский вассал может претендовать на звание свободного человека.²⁹

Помимо этих реформ, Гаска ввел несколько в муниципальном управлении городов, а также другие, еще более важные в управлении финансами и в способе ведения отчетности. Этими и

другими изменениями во внутренней экономике колонии он поставил администрацию на новую основу и значительно облегчил путь к более надежному и упорядоченному управлению своими преемниками. В качестве последнего шага, чтобы обеспечить спокойствие страны после его ухода, он отправил нескольких наиболее честолюбивых кавалеров в дальние экспедиции, надеясь, что они отвлекут легкие и беспокойные умы, которые в противном случае могли бы собраться вместе и нарушить общественное спокойствие; как мы иногда видим, туманы, рассеянные добрым влиянием солнца, сгущаются и превращаются в бурю после его ухода.³⁰

Гаска пробыл в Лиме уже более пятнадцати месяцев, и с момента его первого приезда в Перу прошло почти три года. За это время он выполнил великие задачи своей миссии. Когда он приземлился, то обнаружил колонию в состоянии анархии, или, скорее, организованного восстания под руководством могущественного и популярного вождя. Он пришел без средств и сил, которые могли бы его поддержать. Первое он приобрел благодаря кредиту, который он установил в своей доброй воле; второе он завоевал аргументами и убеждением у тех самых лиц, которым они были доверены его соперником. Таким образом, он обратил оружие этого соперника против себя. Спокойным призывом к разуму он произвел перемену в сердцах народа и, не пролив ни капли крови ни одному верноподданному, подавил восстание, которое грозило Испании потерей богатейшей из ее провинций. Он наказал виновных и в их добыче нашел средство вознаградить верующих. Более того, он так хорошо распорядился ресурсами страны, что ему удалось выплатить крупный заем, о котором он договорился с купцами колонии, на военные расходы, превысивший девятьсот тысяч песо де оро.³¹ Более того, благодаря своей экономии он сэкономил полтора миллиона дукатов для правительства, которое в течение нескольких лет ничего не получало из Перу; и теперь он намеревался вернуть это приемлемое сокровище, чтобы пополнить королевскую казну.³² Все это было достигнуто без затрат на экипировку или жалованье, без каких-либо отчислений короне, за исключением его собственных скромных расходов.³³ Теперь в стране царил покой. Гаска чувствовал, что его работа выполнена и что он волен удовлетворить свое естественное желание вернуться на родину.

Перед своим отъездом он организовал распределение тех репартименто, которые перешли к короне в течение прошлого года в связи со смертью должностных лиц. Жизнь в Перу была короткой; поскольку те, кто жил мечом, если они не умирали от меча, слишком часто рано становились жертвами трудностей, сопутствовавших их авантюрной карьере. Многие были претендентами на новую правительственную щедрость; и, поскольку среди них были некоторые из тех, кто был недоволен прежним разделом, на Гаску обрушились протесты, а иногда и упреки, высказанные не очень пристойно или уважительно. Но они были не в силах поколебать его невозмутимость; он терпеливо слушал и отвечал всем мягким тоном увещевания, наилучшим образом рассчитанным на то, чтобы отвратить гнев: "этой победой над самим собой, - говорит старый писатель, - он приобрел больше настоящей славы, чем всеми своими победами над врагами" ³⁴.

Накануне его отъезда произошел инцидент, трогательный сам по себе и благородный для заинтересованных сторон. Индейские касики соседней страны, помня о большой пользе, которую он оказал их народу, подарили ему значительное количество пластин в знак своей благодарности. Но Гаска отказался принять его, хотя при этом он вызвал большое беспокойство перуанцев, которые опасались, что невольно попали под его немилость.

Многие из главных колонистов, также из того же желания показать свое понимание его важных заслуг, послали ему, после того как он поднялся на борт, великолепное пожертвование в размере пятидесяти тысяч золотых кастелланосов. "Поскольку он покинул Перу, - сказали они, - больше не могло быть никаких оснований для отказа". Но Гаска был столь же решителен в своем отказе от этого подарка, как и от другого. "Он приехал в страну, - заметил он, - чтобы служить королю и обеспечить жителям благословения мира; и теперь, когда, по милости Небес, ему было позволено совершить это, он не хотел опозорить дело каким-либо поступком, который мог бы бросить тень на чистоту его мотивов". Несмотря на его отказ, колонисты ухитрились спрятать сумму в двадцать тысяч кастелланос на борту его судна, полагая, что, оказавшись в своей стране после завершения своей миссии, президент избавится от угрызений совести. Гаска действительно принял пожертвование, поскольку чувствовал, что было бы нелюбезно отсылать его обратно; но это было только до тех пор, пока он не смог установить родственников жертвователей, после чего он распределил его среди самых нуждающихся.³⁵

Уладив теперь все свои дела, президент передал управление государством до прибытия вице-короля своим верным партнерам по королевской аудиенции; и в январе 1550 года он отправился с королевскими сокровищами на борту эскадры в Панаму. На берег его провожала многочисленная толпа местных жителей, кавалеров и простолюдинов, людей всех возрастов и состояний, которые последовали за ним, чтобы в последний раз взглянуть на своего благодетеля и напряженными глазами наблюдать за судном, уносившим его прочь от их родины.

Его путешествие прошло успешно, и в начале марта президент прибыл в предназначенный ему порт. Он оставался там только до тех пор, пока не смог собрать лошадей и мулов, достаточных, чтобы перевезти сокровище через горы; ибо он знал, что эта часть страны изобилует дикими, хищными духами, которые были бы сильно склонны к какому-нибудь акту насилия, узнав о богатстве, которое он имел при себе. Поэтому, продвигаясь вперед, он пересек труднопроходимый перешеек и после мучительного перехода благополучно прибыл в Номбре-де-Диос.

Это событие оправдало его опасения. Его не было всего три дня, когда орда негодяев, убив епископа Гватемалы, ворвалась в Панаму с намерением постичь ту же участь президента и завладеть добычей. Как только эта новость была доведена до Гаски, он со своей обычной энергией собрал войска и приготовился выступить на помощь захваченной столице. Но Фортуна — или, правильнее сказать, Провидение — здесь, как обычно, была к нему благосклонна; и накануне своего отъезда он узнал, что горожане встретили мародеров и нанесли им сокрушительный удар большой резней. Поэтому, распустив свои войска, он снарядил флот из девятнадцати судов, чтобы перевезти себя и королевские сокровища в Испанию, куда он прибыл в целостности и сохранности, войдя в гавань Севильи спустя немногим более четырех лет с того момента, как он отплыл из того же порта.³⁶

Велика была сенсация по всей стране, вызванная его приездом. Люди с трудом могли поверить, что столь важные результаты были достигнуты за столь короткое время одним человеком — бедным священнослужителем, который без помощи правительства, так сказать, собственными силами подавил восстание, которое так долго вызывало сопротивление испанского оружия!

Император отсутствовал во Фландрии. Он был вне себя от радости, узнав о полном успехе миссии Гаски, и не менее доволен известием о сокровищах, которые тот привез с собой,

поскольку казначейство, редко переполнявшееся, было истощено недавними беспорядками в Германии. Чарльз немедленно написал президенту, требуя его присутствия при дворе, чтобы тот мог узнать из его собственных уст подробности своей экспедиции. Гаска, соответственно, в сопровождении многочисленной свиты вельмож и кавалеров, — ибо кто не отдает дань уважения тому, кого король с удовольствием чтит? — сел на корабль в Барселоне и после благоприятного путешествия присоединился ко двору во Фландрии.

Он был принят своим королевским повелителем, который полностью оценил его заслуги, с большой признательностью к его чувствам; и вскоре после этого он был возведен в сан епископа Паленсии — способ признания, наиболее соответствующий его характеру и заслугам. Здесь он оставался до 1561 года, когда был назначен на вакантный престол Сигуэнцы. Остаток своих дней он мирно провел, исполняя свои епископские обязанности, почитаемый своим сувереном и пользующийся восхищением и уважением своих соотечественников.³⁷

Выйдя на пенсию, правительство по-прежнему консультировалось с ним по важным вопросам, связанным с Индией. Волнения в этой несчастной стране возобновились, хотя и в гораздо меньших масштабах, чем раньше, вскоре после ухода президента. В основном они были вызваны недовольством репартиментос и постоянством Публики в навязывании благожелательных ограничений на личные услуги туземцев. Но эти волнения утихли через несколько лет под мудрым правлением Мендоса — двух сменявших друг друга вице-королей того прославленного дома, который отдал столько своих сыновей на службу Испании. При их правлении проводилась мягкая, но решительная политика, пример которой подал Гаска. Древние недуги страны были навсегда устранены. С наступлением мира процветание вернулось в пределы Перу; и сознание благотворных результатов его трудов, возможно, пролило луч удовлетворения, как и славы, на вечер жизни президента.

Эта жизнь подошла к концу в ноябре 1567 года, в возрасте, вероятно, недалеко от того, который священный писатель определил как срок человеческого существования.³⁸ Он умер в Вальядолиде и был похоронен в церкви Санта-Мария-Магдалина в этом городе, который он построил и щедро одарил. Его памятник, увенчанный скульптурным изображением священника в священнических одеждах, до сих пор можно увидеть там, привлекая восхищение путешественников красотой своего исполнения. Знамена, взятые у Гонсало Писарро на поле битвы при Хашихагуане, были подвешены над его могилой в качестве трофеев его памятной миссии в Перу.³⁹ Знамена давно превратились в прах вместе с останками того, кто спал под ними; но память о его добрых делах сохранится навсегда.⁴⁰

Гаска был невзрачен, и лицо его было далеко не миловидным, он был неуклюж и непропорционален; его конечности были слишком длинными для его тела, так что, когда он ехал верхом, он казался намного ниже ростом, чем был на самом деле.⁴¹ Его одежда была скромной, манеры простыми, и в его присутствии не было ничего внушительного. Но при более близком общении в его речи было очарование, которое сглаживало все неблагоприятные впечатления, производимые его внешностью, и завоевывало сердца его слушателей.

Можно считать, что характер президента в достаточной степени описан в уже приведенной истории его жизни. Оно представляло собой комбинацию качеств, которые обычно нейтрализуют друг друга, но которые были смешаны в нем в таких пропорциях, чтобы придать ему дополнительную силу. Он был мягким, но решительным; по натуре бесстрашным, но предпочитающим полагаться на более мягкие методы политики. Он был скуп в своих личных

расходах и экономен в общественных; однако сам по себе он нисколько не заботился о богатстве и никогда не скупился на щедрость, когда этого требовало общественное благо. Он был доброжелательным и покладистым, но мог сурово обойтись с нераскаявшимся преступником; скромный в своем поведении, но с полной мерой того самоуважения, которое проистекает из осознанной прямо́ты цели; скромный и непритязательный, но не уклоняющийся от самых трудных предприятий; во многом полагающийся на других, но, в конечном счете, полагающийся главным образом на себя; действовавший обдуманно, терпеливо ожидавший своего часа; но, когда он приходил, смелый, расторопный и решительный.

Гаска не был гениальным человеком в вульгарном смысле этого слова. По крайней мере, ни одна из его интеллектуальных способностей, похоже, не получила экстраординарного развития, превосходящего то, что можно найти у других. Он не был ни великим писателем, ни великим оратором, ни великим полководцем. Он не притворялся ни тем, ни другим. Он возложил заботу о своих военных делах на военных; оцерковных - на духовенство; а свои гражданские и судебные заботы он возложил на присутствующих. Он не был одним из тех маленьких великих людей, которые стремятся все делать сами, будучи убеждены, что другие ничего не могут сделать так хорошо. Но президент хорошо разбирался в людях. Какой бы ни была должность, он выбрал для нее лучшего человека. Он сделал больше. Он убедился в преданности своих агентов, председательствовал на их обсуждениях; продиктовал общую линию политики и таким образом привнес дух единства в их планы, который заставил всех согласованно двигаться к достижению единого грандиозного результата.

Отличительной чертой его ума был здравый смысл — лучшая замена гениальности у правителя, в распоряжении которого судьбы его собратьев, и более необходимая, чем сам гений. В Гаске различные качества сочетались в такой гармонии, что не было места избытку. Казалось, они регулируют друг друга. В то время как его сочувствие к человечеству научило его природе их потребностей, его разум подсказал, до какой степени они могут быть облегчены, а также наилучший способ добиться этого. Он не тратил свои силы на иллюзорные схемы благотворительности, как Лас Касас, с одной стороны; и он не одобрял эгоистичную политику колонистов, с другой. Он стремился к практически осуществимому, к величайшему из возможных благ.

Добиваясь своих целей, он отвергал силу наравне с мошенничеством. Он полагался в успехе на свою власть над убеждениями своих слушателей; и источником этой власти была уверенность, которую он внушал, в собственной честности. Несмотря на всю клевету фракций, никто никогда не ставил под сомнение честность Гаски.⁴² Неудивительно, что столь редкая добродетель высоко ценится в Перу.

Есть люди, чьи характеры были так чудесно приспособлены к особому кризису, в котором они оказались, что кажется, будто они были специально созданы для этого Провидением. Таким был Вашингтон в нашей стране и Гаска в Перу. Мы можем представить себе людей с более высокими качествами, по крайней мере, с более высокими интеллектуальными качествами, чем принадлежали любому из этих великих людей. Но именно удивительное соответствие их характеров остроте ситуации, совершенное соответствие средств цели составляли секрет их успеха; это позволило Гаске так славно подавить революцию, а Вашингтону еще более славно добиться этого.

Поведение Гаски во время его первого приезда в колонии является лучшей иллюстрацией его характера. Если бы он пришел с военной поддержкой или даже облаченный в атрибуты власти, все сердца и руки были бы закрыты против него. Но скромный священнослужитель не внушал опасений, и его враги были уже обезоружены, прежде чем он начал свое наступление. Если бы Гаска, раздраженный опозданием Инохосы, прислушался к советам тех, кто советовал его арестовать, он поставил бы свое дело под угрозу этим ранним проявлением насилия, но он мудро решил привлечь на свою сторону своего врага, опираясь на свои убеждения.

Точно так же он ждал своего часа, прежде чем въехать в Перу. Он позволял своим сообщениям выполнять свою работу в умах людей и был осторожен, чтобы не вонзать серп до того, как созреет урожай.

Таким образом, куда бы он ни направлялся, все было подготовлено к его приходу; и когда он ступил в Перу, страна уже принадлежала ему.

После мрачных и беспокойных настроений, которыми мы были до сих пор, приятно остановиться на таком персонаже, как Гаска. В длинной процессии, которая прошла перед нами на смотр, мы видели только облаченного в кольчугу всадника, размахивающего окровавленным копьем и восседающего на боевом коне, скачущего по беспомощным туземцам или сражающегося со своими собственными друзьями и братьями; свирепого, надменного и жестокого, движимого жаждой золота или едва ли более благородной любовью к незаконнорожденной славе. Действительно, в сочетании с этими качествами мы видели проблески рыцарского и романтического темперамента, присущего героической эпохе Испании. Но, за некоторыми почетными исключениями, именно отбросы ее рыцарства прибыли в Перу и поступили на службу под знамена Писаррос. В конце этого длинного ряда железных воинов мы видим бедного и смиренного миссионера, приходящего в страну с поручением милосердия и повсюду провозглашающего радостную весть о мире. Ни воинственный звук трубы не возвещает о его приближении, ни стоны раненых и умирающих не отслеживают его курс. Средства, которые он использует, полностью соответствуют его цели. Его оружие - аргументы и мягкое убеждение. Это причина, по которой он побеждает, а не тело. Он добивается своего убеждением, а не насилием. Это моральная победа, к которой он стремится, более мощная и, к счастью, более постоянная, чем победа окровавленного завоевателя. Когда он таким образом спокойно и как бы незаметно приходит к своим великим результатам, он может напомнить нам о медленном, незаметном способе, которым Природа осуществляет свои великие изменения в материальном мире, которые продолжатся, когда разрушительные последствия урагана пройдут и будут забыты.

Миссией Гаски завершается история завоевания Перу. Завоевание, действительно, строго завершается подавлением перуанского восстания, когда сила, если не дух, расы инков были сокрушены навсегда. Читатель, однако, может испытывать естественное любопытство, проследив до конца за судьбой замечательной семьи, совершившей Завоевание. Да и история самого вторжения была бы неполной без некоторого рассказа о выросших из него гражданских войнах, которые, более того, служат моральным комментарием к предшествующим событиям, показывая, что потворство свирепым, необузданным страстям обязательно рано или поздно, даже в этой жизни, падет на головы виновных.

Действительно, проблемы в стране возобновились после ухода Гаски. Воды были слишком сильно взволнованы, чтобы их можно было сразу успокоить; но они постепенно утихли под

умеренным правлением его преемников, которые мудро воспользовались его политикой и примером. Таким образом, влияние доброго президента сохранялось и после того, как он был удален со сцены своих трудов; и Перу, до сих пор столь рассеянное, продолжало наслаждаться такой же долей покоя, как и любая другая часть колониальной империи Испании. Таким образом, благодаря благотворительной миссии Гаски историку Завоевания может быть позволено завершить свои труды с чувствами, мало чем отличающимися от чувств путешественника, который, долго странствуя среди унылых лесов и опасных горных ущелий, наконец выходит на какой-нибудь приятный пейзаж, улыбающийся спокойствием и умиротворенностью.

Огюстен де Сарате — весьма уважаемый авторитет, часто упоминаемый в более поздней части этой работы, — был Контадором де Мерседес, контролером счетов Кастилии. Этот пост он занимал в течение пятнадцати лет; после чего правительство направило его в Перу для изучения состояния колониальных финансов, которые были сильно подорваны недавними неурядицами, и приведения их, по возможности, в порядок.

Соответственно, Сарате отправился в путь в свите вице-короля Бласко Нуньеса и вскоре после прибытия обнаружил, что из-за страстей своего неосмотрительного лидера запутался в неразрывных сетях гражданских раздоров. В последовавшей борьбе он оставался на королевской аудиенции; и мы находим его в Лиме, на подходе Гонсало Писарро к этой столице, когда судьи отправили Сарате навестить вождя повстанцев и потребовать от него распустить свои войска и удалиться в свои владения. Историк выполнил миссию, которая, по-видимому, не доставляла ему особого удовольствия и которая, безусловно, была небезопасной. Начиная с этого периода, мы редко слышим о нем в последовавших за этим тревожных сценах. Вероятно, он не принимал дальнейшего участия в делах, к чему его абсолютно вынуждали обстоятельства; но неблагоприятное отношение к его высказываниям о Гонсало Писарро указывает на то, что, как бы он ни был недоволен поведением вице-короля, он ни на мгновение не одобрял преступных амбиций своего соперника. Времена, безусловно, были неблагоприятными для проведения финансовых реформ, ради которых Сарате приехал в Перу. Но он проявил такую искреннюю преданность интересам короны, что император по его возвращении выразил свое удовлетворение, назначив его управляющим финансами Фландрии.

Вскоре после своего прибытия в Перу ему, по-видимому, пришла в голову идея познакомить своих соотечественников у себя дома с волнующими событиями, происходящими в колонии, которые, более того, предоставили историку несколько поразительных отрывков для изучения. Хотя, по его словам, он собирал заметки и дневники для этой цели, он не осмеливался воспользоваться ими до своего возвращения в Кастилию. "Ибо одного того, что я начал историю в Перу, - говорит он, - было бы достаточно, чтобы подвергнуть мою жизнь опасности; поскольку некий командир по имени Франсиско де Карбахаль пригрозил отомстить любому, кто будет настолько опрометчив, что попытается рассказать о его подвигах, которые, как бы они ни были, гораздо менее заслуживали занесения в летопись, чем быть преданными вечному забвению". В этом же командире читатель легко узнает опытного лейтенанта Гонсало Писарро.

Вернувшись домой, Зарате приступил к составлению своего труда. Его первой целью было ограничить ее событиями, последовавшими за прибытием Бласко Нуньеса; но вскоре он обнаружил, что для того, чтобы сделать их понятными, он должен проследить течение истории выше, к ее истокам. Соответственно, он расширил свой план и, начав с открытия Перу, дал

полный обзор завоевания и последующей оккупации страны, доведя повествование до завершения миссии Гаски. В предыдущей части рассказа он опирался на рассказы людей, принимавших непосредственное участие в этих событиях. Он более кратко излагает эту часть, чем ту, в которой он сам был одновременно зрителем и актером; где его свидетельство, учитывая преимущества, которые давало ему его положение в плане информации, имеет наивысшую ценность.

Альсесто в своей книге "Американская библиотека", MS., говорит о работе Сарате как о "содержащей много хорошего, но не заслуживающей похвалы за точность". Он писал под влиянием партийного накала, который неизбежно приводит к тому, что самый справедливый ум несколько отклоняется от своих естественных наклонностей. На это мы должны делать скидку, просматривая отчеты конфликтующих сторон. Но, по-видимому, у него нет намерения отрицать правду в поддержку его собственного дела; и его доступ к лучшим источникам знаний часто предоставляет нам подробности, недоступные другим хронистам. Более того, его повествование приправлено здравыми размышлениями и мимолетными комментариями, которые проливают свет на темные моменты того богатого событиями периода. И все же стиль автора может лишь умеренно претендовать на похвалу эlegantности или точности; в то время как предложения достигают той утомительной, нескончаемой длины, которая присуща словоохотливым сочинениям настоящего чистокровного хроникера древности.

Личности, неизбежно связанные, в большей или меньшей степени, с таким произведением, заставили его автора воздерживаться от публикации, по крайней мере, при его жизни. Ревнивый дух кастильского кавалера, по его словам, "порицание, каким бы легким оно ни было, воспринимается с негодованием, и даже похвала редко раздается в той мере, в какой это соответствует предмету". И он выражает свое убеждение, что мудро поступают те, кто позволяет своим отчетам о своем времени покоиться в тихой безопасности рукописи, пока не уйдет поколение, на которое они окажут влияние. Его собственная рукопись, однако, была представлена императору; и она получила такую высокую оценку от этой королевской власти, что Сарате, набравшись смелости, согласился отдать ее в печать. Соответственно, она появилась в Антверпене в 1555 году в octavo; а второе издание было напечатано in folio в Севилье в 1577 году. С тех пор она была включена в ценную коллекцию Барсии; и, какое бы возмущение или неудовольствие это ни вызвало у современников, которые страдали от порицания автора или чувствовали себя обманутыми в своих законных правах, работа Сарате навсегда заняла место среди самых уважаемых авторитетов за всю историю того времени.

Имя Сарате, естественно, наводит на мысль о имени Фернандеса, поскольку оба были тружениками в одной и той же области истории. Диего Фернандес де Паленсия, или Палентино, как его обычно называют по месту его рождения, приехал в Перу и служил рядовым в королевской армии, созданной для подавления восстаний, вспыхнувших после возвращения Гаски в Кастилию. Среди своих военных занятий он находил свободное время для сбора материалов для истории того периода, к чему его еще больше подтолкнул вице-король Мендоса Маркиз де Каньете, который даровал ему, как он сам нам рассказывает, должность хрониста Перу. Этот знак уверенности в его литературных способностях указывает на более высокие достижения Фернандеса, чем можно было бы предположить, исходя из скромного положения, которое он занимал. С плодами своих исследований солдат-хронист вернулся в Испанию и через некоторое время завершил свое повествование о восстании Хирона.

Рукопись увидела президент Совета Индии, и он был настолько доволен ее исполнением, что убедил автора написать в аналогичной манере отчет о восстании Гонсало Писарро и администрации Гаски. Историка дополнительно стимулировало, как он упоминает в своем посвящении Филиппу Второму, обещание гердона от этого монарха по завершении его трудов; очень правильное, а также политическое обещание, но которое неизбежно наводит на мысль о влиянии, не совсем благоприятствующем строгой исторической беспристрастности. Такой вывод также не будет сочтен полностью противоречащим истине; ибо, хотя повествование Фернандеса старательно представляет королевское дело в наиболее благоприятном для читателя аспекте, оно мало соответствует требованиям противоположной стороны. Действительно, было бы неуместно, если бы извинение за мятеж было найдено на страницах королевского пансиона; но всегда есть смягчающие обстоятельства, которые, как бы мы ни осуждали вину, могут уменьшить наше негодование по отношению к виновному. Этих обстоятельств нет на страницах Фернандеса. К сожалению для историка подобных событий, так трудно найти человека, способного хотя бы справедливо отнестись к заявлениям неудавшегося мятежника. И все же инка Гарсиласо не уклонился от этого в случае с Гонсало Писарро; и даже Гомара, хотя и жил в тени или, скорее, на солнце Двора, время от времени отваживался на великодушный протест в его защиту.

Благосклонность, оказанная таким образом Фернандесу из высших кругов, открыла ему лучшие источники информации — по крайней мере, о правительственной стороне ссоры. Помимо личного общения с лидерами роялистов, он имел доступ к их переписке, дневникам и официальным документам. Он усердно пользовался своими возможностями; и его повествование, охватывающее историю восстания с момента его зарождения, продолжает его до окончательного угасания и конца правления Гаски. Таким образом, Первая часть его работы, как она теперь называлась, была доведена до начала Второй, и в целом была представлена полная картина беспорядков нации, пока не был введен новый порядок вещей и по всей стране не установилось постоянное спокойствие.

Изложение достаточно простое, без стремления к риторическим красотам, недоступным автору, и не соответствует простому характеру хроники, предложения выстроены с большим искусством, чем в большинстве громоздких сочинений того времени; и, хотя здесь нет попыток проявить эрудицию или философские рассуждения, ход событий течет упорядоченно, это правда, довольно многословно, но оставляет ясное и доходчивое впечатление в уме читателя. Никакая история того периода не может сравниться с ней по обилию подробностей; и, соответственно, к ней прибегали более поздние составители как к неисчерпаемому источнику для пополнения своих собственных страниц; обстоятельство, которое само по себе, как можно думать, является немалым свидетельством общей точности, а также полноты повествования. Хроника Фернандеса, составленная таким образом из двух частей под общим названием "История Перу", была представлена миру при жизни автора в Севилье в 1571 году в одном томе "фолио", являющемся изданием, использованным при подготовке этой работы.